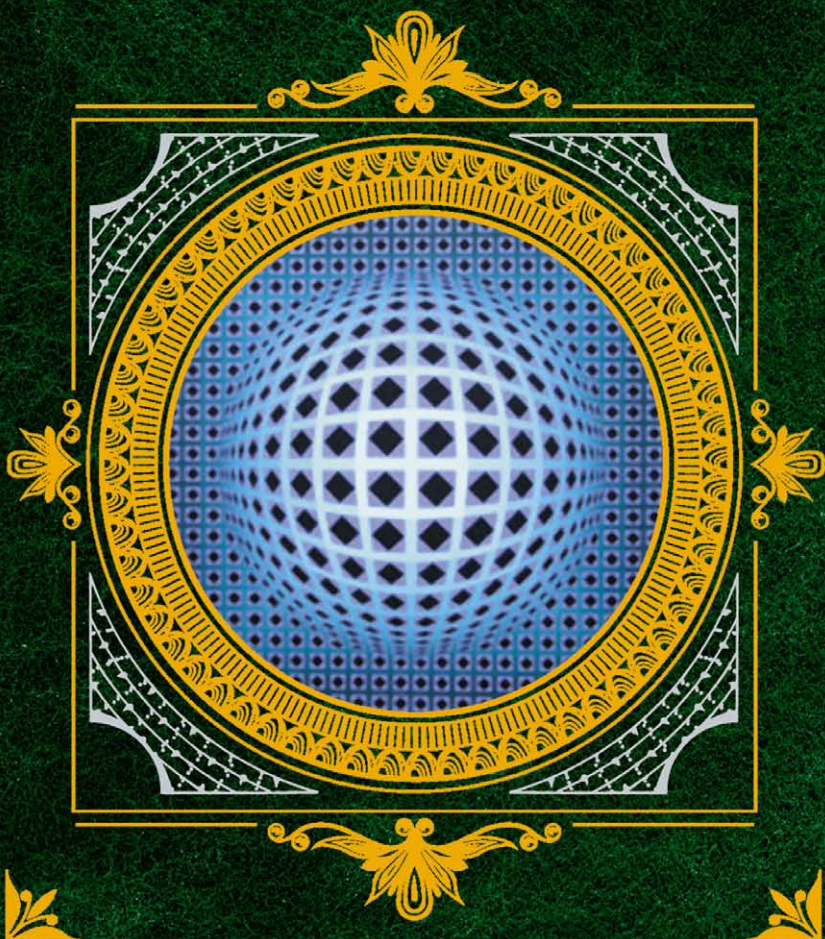

Кен
ЖИЗНИ

Ғаражһная распродажһ

ГАРАЖНАЯ РАСПРОДАЖА КЕНА КИЗИ

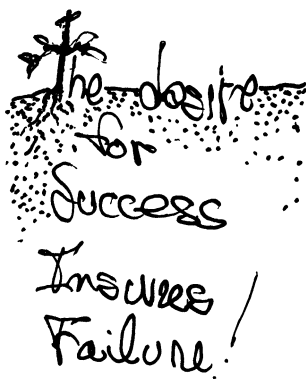
В нашей программе —
5 ЛОТОВ НАРАСХВАТ

С костями от гостей — Пола Красснера,
Нила Кэссади, Аллена Гинзберга, ~~Хью Ромни~~,
а также
предисловием Артура Миллера

KEN KESEY
KESEY'S GARAGE SALE

Перевод с английского
Николая Караева

Стремление к успеху
гарантирует провал!

ДРЕВНИЙ ПОИСК
И
последующее открытие, применение, потеря и возвращение
\$
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
все для вашего:

1.
любопытства
исследования
поглощения

2.
интереса
удовольствия
мечтания

3.
знания
анализа
и
использования

Еще одна из книг
Кена Кизи,
что прежде написал
“НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ”*
и
“ПОРОЮ БЛАЖЬ ВЕЛИКАЯ”*
и чьею
Благодатной Милостью!
проделана
нижеследующая работа...

* Книги издательства “Эксмо” имеются в наличии в ваших дружелюбных и бесстрашных книжных эмпиреях по соседству.

THE VIKING PRESS
New York

A

JOINT **INTREPID TRIPS**
PRODUCTION!

ЭКСМО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Милая леди верхом на танцующих пальцах помещена здесь для того, чтобы прельщать вас головокружительными восторгами ослепляющего мира ее создателя, коего зовут

ПОЛ ФОСТЕР, artiste extraordinaire¹

Путешествуя по следующим страницам, будьте готовы испытать на себе сиренические уловки его кислотомолочных художествований!

1   Великолепный художник (фр.). — Здесь и далее прим. переводчика.

Вводная

Как свидетельствует этот поразительно достоверный фотоснимок, сделанный во время послеобеденной рабочей встречи исследователей на территории Архивного Института, извлечение сокрытой в Архивах информации — тяжелая и трудоемкая затея, сопряженная с ужасной неразберихой.

На этой и других рабочих встречах мы поняли, что всякий практически бесценный и блестящий фрагмент дол́жно изолировать от окружающих миазмов и предложить пытливому вниманию любознательной и чрезвычайно проницательной аудитории.

И Вдохновенный Ум блеснул! Возникла идея Гаражной Распродажи, изведенного маневра, что вновь окунет скопившийся в

1 Навеки верен (лат. *Semper fidelis*) — девиз Корпуса морской пехоты США, официально принят в 1883 г.

углах вашего заурядного домохозяйства ненужный хлам в экономический поток жизни, какой мы знаем ее сегодня. С небольшим количеством отходов.

Ни на йоту не отступая от наших принципов, мы поделились идеей с экипажем “Викинга”, почтенного корабля, что в состоянии отбуксировать наш проект с безмятежных добрососедских улочек в темные аллеи Великой Американской Мегалопической¹ Раскорячки, обьяв двумя концами спектра невпечатленные миллионы в Самом Сердце Страны.

“Викинг” ответил коротко и просто: “ВПЕРЕД!” Научное взаимодействие с самого начала великолепно сочлось с профессиональным напором. Первичные данные и аналитические отчеты молниями пролетали от берега до берега, скользили по телефонным линиям, проносились в небесах на крыльях Почтовой службы США: детали внешней композиции, конкретные составные части, а также способы явить образующие ГАРАЖНУЮ РАСПРОДАЖУ КЕНА КИЗИ культурные сокровища широкой общест-венности.

Отчет о ПРОДЕЛЫВАЕМОЙ РАБОТЕ

30.11.71

Все вы видели знаки: “ГАРАЖНАЯ РАСПРОДАЖА – В 50 ЯРДАХ ВПЕРЕДИ”. Время от времени добрые люди ощущают потребность расчистить залежи на чердаках, в подвалах, в гаражах – выволочь барахло во двор – отобрать вещи, которые дороги как память или просто дороги, – и выставить на продажу остальное, ту часть, которая была частью вас и которой вы теперь желаете поделиться с другими. Вы избавляетесь от нее неохотно, лелея надежду на то, что новый собственник отнесется к части вас с заботой и пониманием. Вот так Кизи и проводит свою Гаражную Распродажу.

Сторджис Холливелл, Старший Научный Советник “Викинга” и мой коллега на Восточном побережье, великодушно взял на себя взыскательный труд разрешить сложнейшие уравнения, опи-

1 Мегалопия – нарушение зрения, при котором все окружающие предметы кажутся пропорционально увеличенными в размерах.

сывающие взаимодействие массы и энергии в идеальных условиях, дабы добиться в оптимальном итоге реакции, к которой все мы стремились: бесстрашно погрузившись в сердцевину Архивов, отыскать скрытую в самом центре искру и суметь выудить пробу сырьевого материала в надежде сотворить из базового элемента совершенно новую уравновешенную структуру.

Задача, как вы можете заметить, не из легких. Ее даже осмыслить трудно. Осуществить — еще труднее. Адская работа выпила соки из сильнейших, вытянула жилы из здоровейших, но не сломила решимость слабейших. Если коротко — сей труд испытал всех участников на прочность до самых глубин, потрясши столпы их веры.

На этом трудном пути выжило Видение. Прошу вас, взгляните: лысеющий почтенный Мудрец, осмотрительно и бессистемно окружавший себя реликвиями, счастливо блюдет свою старость, восседая в блаженстве среди сокровищ, и вдруг обнаруживает, что осажден разгневанной и непреклонной толпой родных и близких, которые подступают с требованием не только освободиться от рухляди, но и нажиться на ее сбыте, да так, чтоб потом составить абсолютно новую коллекцию из вещей сугубо фабричного производства.

Для этой цели была сформирована разношерстная команда, о которой рассказывается далее.

27.04.72

В этом кратком отчете речь пойдет о многофрудной десятидневной стоянке в Орегоне, при которой к строительной бригаде БИТа (Бестрепетно-триповый Информационный Треп) присоединился Старший Научный Советник Востока, и мы все вместе продолжили возведение новой структуры — дома для тех, кто лишен крепости. Мы смешали песок со щебнем, добавили цемента и начали заполнять смесью заранее отлитые формы.

Картинка, с вашего позволения, наипасторальнейшая: красный сафай, которому присвоено почетное и ласковое звание дома; курятник, дополняемый двором, в котором тьма тьмуца — “вас в конторе нашей ждет что вам в голову взбредет!” — разумеется, цыплят, а также пара павлинов и своенравный индюк; белый гу-

сак глядится в полный форели пруд; на выгоне пасутся свиньи, пони, осел и несколько бычков; есть и масса надворных построек, включая Пространственно-Обозревательный Дом. У трепещущего символа американской гордости покоится весело разрисованный автобус – да-да, он тут, отдыхает молча, даже задумчиво, – символ еще одной гордости. Заходя внутрь, мы видим рвущуюся в бой группу труженников, готовых решать насущные задачи. Вся бригада в сборе: Кизи, первоисточник букв; Кати, их передатчик; Бэббс, переносчик их на страницу; Фостер, символист и местный трансценденталист; и ваш покорный, Старший Научный Советник. Работа, работа, работа – мелькают дни – мы не покладем рук, не сводя глаз с неба, что грозит орегонским дождем. Слова льются рекой – оседают на бумаге – вырезаются и обтесываются на странице – читаются, чтобы... “постой, тут еще одна гадская опечатка”. В то же время – ярясь ястребом и колышась кашалотом (и много при том кашляя) – Фостер дожидается очередной усмиренной страницы, дабы декорировать ее вычурными изображениями. Бригада ныне работает в крестьянском ритме – изнемогая над проектом первостепенной важности, что потрясет и усладит целое поколение.

Выделенные курсивом части Вводной – отрывки, извлеченные из засекреченного корпоративного рапорта, написанного Сторджисом Холливеллом; молодой клерк (младший брат Сторджиса, Денис) тайно исторг их из упрятанных в сейф записей, ощущив, как отмечает он в сопроводительной записке, что ему как патриоту положено открыть жаждущей публике всю правду. “Она им по зубам...” – написал он.

С этим мнением я, профессор Кеннет Юстус Барнс, Верховный Хранитель, говорящий от имени всего коллектива Архивного Института, искреннейше соглашусь.

Насколько мы преуспели – еще одна из множества историй, составивших эту книгу.

Когда наблюдаемые материалы и данные были тщательно изучены, их преобразовали в исчерпывающе завершенную структуру. Затем во время изнурительного мозгораскидочного марафона Архивисты сформулировали согласованный порядок демонстрации, и немедленно вслед за этим Дуг Саймон, Главный Художник и Графический Эксперт Южного Чикаго (а также Кошмар Коллекционера), поспешил на Запад; он ехал не останавливаясь

в “тойоте-ставагон” (соглашения о взаимовыгодной торговле вгрызались в подсознание сквозь виниловые сиденья, ползли вверх по позвоночнику и забирались в продолговатый мозг, *ча-ча-ча...*), чтобы провести ко всеобщему удовлетворению смертельно срочные переговоры с карандашом, что жал на ловкие линии и загогулины, и кистью, что замахивалась с мягким свистом на легкие тени, и отразить в печатных формах и рисунках важнейшую информацию, которую содержит:

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 000

Артур Миллер

стр. 19

☆ Лот НАРАСХВАТ НОМЕР 1 ☆

КТО НАД ЧЕМ ЛЕТАЛ? 000

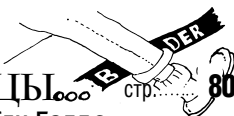
Кен Кизи, Пол Фостер, Ширли Эбикар

☆☆ Лот НАРАСХВАТ НОМЕР 2 ☆☆

ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ 000

Кен Кизи, Пол Фостер, Кати Вагнер, Кен Бэбс

☆☆☆ Лот НАРАСХВАТ НОМЕР 3 ☆☆☆

ИНСТРУМЕНТЫ ИЗ МОЕЙ КОРОБКИ (ЧЕРЕПНОЙ) 00

Кен Кизи, Пол Красснер, Рон Бевирт
и Команда “Каталога Всея Земли”

☆☆☆☆Лот НАРАСХВАТ НОМЕР 4☆☆☆☆

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА

С КОСТЯМИ ОТ ГОСТЕЙ 000

Кен Кизи, Пол Фостер, Кати Вагнер, Кен Бэббс

☆☆☆☆Лот НАРАСХВАТ НОМЕР 5☆☆☆☆

НЕВЕЖЛИВОЕ ИНТЕРВЬЮ 000

Кен Кизи, Пол Краснер

??????

ДОБАВОЧНЫЙ СЮРПРИЗ 000

Лоренс Гонсалес, Кен Кизи

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это, само собой, беспорядочная книга, и циникам ничего не стоит разделаться с ней как с очевидной попыткой нажиться на дважды публикуемых текстах, а также на сочинениях, забитых подальше в ящики стола. Или же Кизи подставил свою широкую спину друзьям, живым и мертвым, чтобы явить их и себя пред очи публики? Каков бы ни был расчет, вы не в силах отделаться от мысли, что читаете историю; и пусть лучше эту историю вывалят вам на голову, нежели разглядят, логически обоснуют и повяжут сверху бантик. Поскольку если в пятидесятые и шестидесятые свершилась некая революция, никто ее, разумеется, не планировал и не продумывал, и писатели, что стали рупором ее духа, гнались не за идеологией, но за видением.

Лучше всего оставить критику критикам, что непременно упомянут страницы, заполненные слащавыми сантиментами, неловкий, если угодно, стиль писем, разлапистую самоуверенность Американского Романа. Я же хочу рассказать, о чем все это говорит мне. Я должен, кроме прочего, признать: издание подобной книги требует достоинства и мужества, что в последней инстанции может перевесить все недостатки.

Однажды в пятидесятые журнал “Лайф” разослал опросник, требовавший отозваться о новой Революции, которая предположительно имела место быть. Я отослал свой без ответов и сделал приписку: никакой революции нет. Я был прав и неправ, и эта книга — тому подтверждение. На моей памяти ближе всего к революции мы были зимой 1932 года, когда главные банкиры отправи-

лись в Вашингтон и там всерьез обсуждали с министерством финансов свой план, по которому все банки перешли бы под контроль правительства. Вот тогда — да, и еще во дни сидячих забастовок во Флинте, штат Мичиган¹. Я имею в виду не столько сами эти события; среди предпринимателей, да и в народе тогда раздавались голоса, что система агонизирует и что с тотальным бардаком в Соединенных Штатах можно покончить, лишь перейдя к какой-то форме социалистической собственности. В последующие сто дней администрация Рузвельта затопила страну новыми законами, которые спасли капитализм, фактически положив пределы разрешенной бесчестности и ненасытности; выход за эти пределы грозил тюрьмой. Прямые денежные выплаты отчаявшимся людям стали с тех пор государственной политикой.

Революционный момент длился, пожалуй, четыре или пять лет, главным образом, я думаю, потому, что у Верхов сдали нервы и они не имели ни малейшего понятия о том, как справиться с массовой безработицей. При таком раскладе тот, кто поддерживал социализм и ударялся в политику, неминуемо шагал в авангарде.

Революция пятидесятых и шестидесятых назрела в условиях экономического бума сразу после того, как Верхи восстановили равновесие, очистив университеты и богему — при помощи маккартизма — от последних людей с социальным (не говоря о социалистическом) мироощущением. Если за авангардом тридцатых и стояла единая концепция, это была концепция людской сплоченности, а лозунг пятидесятых был — одиночество. В тридцатые радикалы любого толка видели, что американскую систему необходимо смягчить; молодежь пятидесятых были лишена такого удовольствия, и когда пришел мятеж, он стал неминуемо личным, а не политическим, поскольку американская политика функционировала исправно и вернула себе былую силу.

Однако если эта революция и не стала классической — власть не перешла от одного класса к другому, — она граничила с революционным процессом, ибо переворачивала вверх дном точку зрения людей на то, чем человек является и чем он может стать. Более того, современная революция заявила о новой необходи-

1 Имеются в виду забастовки рабочих завода автомобильных корпусов “Фишер”, начавшиеся в конце 1936 г.

мости считаться (что старались делать и революционеры тридцатых) с человеческим фактором, со скрытой матрицей, что ведет всех нас. Так что в психологическом смысле между двумя молодыми поколениями наблюдается преемственность. И не только в нем.

Общепринято говорить, что революция тридцатых стала мятежом разума, а нынешняя как была, так и осталась мятежом воли, и что они разнятся, как рационализм и мистицизм. Тексты в этой книге, особенно “По Ту Сторону Границы”, напоминают мне о том, что данная дихотомия неверна.

Разумеется, множество людей, вероятно, даже большинство радикалов тридцатых навели на левацкие мысли пустота в желудке и сведенные на нет шансы зашибить деньги. Что естественно и оправданно. Так же естественно и оправданно, как мироощущение массы революционеров пятидесятых и шестидесятых, для которых все свелось к возможности трахаться без этикета, ухаживаний и прочей трихомудрии.

Тут я скажу за себя. Когда началась Депрессия, мне было четырнадцать, и я, как и многие другие подростки, о наступлении новой эпохи догадался по отцу. То были ужасные времена для отцов: они перестали быть лидерами, уверенными в себе главами семейств, и превратились в мужчин, которые не понимали, что им делать завтра. Деньги иссякли, и американский индивидуализм велел отцам винить в неудачах лишь самих себя, как раньше велел им ставить себе в заслугу успех. Внезапно преобразились разговоры под фонарем у аптеки на углу: никого не интересовало, собираешься ты быть врачом, юристом, бизнесменом или ученым; все спрашивали, какого черта ты будешь делать, когда в один ужасный день закончишь школу. Наши соседи накладывали на себя руки. Мы все плыли на горделивом и мощном корабле — и вот посреди океана он сел на мель, распоров брюхо о невидимый риф.

Кажется, что рассказывать о том, как жилось в те годы, легко; я пробовал несколько раз, но передать толком ощущение загадочной подводной опасности мне не удавалось никогда. А причина в том, что катастрофа таких масштабов непередаваема, ее не обрисуешь простыми фактами, ибо не только факты давили на меня, не простое понимание того, что изменилась психология родных

и близких, но испытываемое мной — и другими — чувство, что мы захвачены тайной духовного свойства, куда более глубинной и всеобъемлющей, нежели экономический кризис. Я вижу Депрессию как пылающее солнце, что никогда не заходит; подвешенное в небе, оно жжет изумленных, опаленных людей, пыль висит над дорогами, мебелью, кухонным столом. Дело было не просто в том, что множество шишек, лидеров, августейших персонажей оказались на поверку пустобрехами либо обычными жуликами, вроде главы биржи, который отправился за решетку. Все, во что ты верил, обернулось ничем, и целое поколение взрослых людей оказалось в дураках.

Так я отправился в синагогу. Да-да, местную ортодоксальную синагогу. В ее уродливом здании трое мужчин играли в пинокль; сидели в коридоре при входе и шлепали картами. Я взял стул и подсел к ним. Не осознавая, чего я, собственно, хочу. Я читал на иврите, но из того, что проговаривал, не понимал почти ничего. Я вошел внутрь, взглянул на биму, на закрытые дверцы, за которыми стояли свитки Торы. Нечто должно было говорить со мной — но я не слышал ни слова. И ушел домой и потом приходил в синагогу несколько раз, но солнце все так же стояло в небесах, и никто мне ничего не говорил. Я даже стал петь в маленьком хоре, но со мной по-прежнему ничего не случилось, ничто внутри меня не сдвинулось с места.

Неявная угроза безработицы — в том, что ты навсегда останешься ребенком. Мне повезло, я получил работу и за четыре доллара в неделю каждое утро с четырех до семи развозил на велосипеде булочки и хлеб. Замерзающие кошки преследовали меня от дома к дому и орали от боли, стремясь к теплу моего тела. Летние рассветы ласково касались спящих односемейных домов, но мой мир был отравлен страхом перед близящимся окончанием школы. Мужчины не были нужны никому, а объявления о найме в “Нью-Йорк Таймс” снабжались, как и раньше, приписками “нееврей” или “белый”, и все равно этих объявлений никогда не бывало больше дюжины. Мужчина, не говоря о мальчике, не стоил ничего; пробиться куда-либо было попросту невозможно.

Как-то раз на ветреном углу улицы, где я ожидал своей очереди побросать мяч о кирпичную стену дома измученного аптекаря,

один парень, уже поступивший в колледж, заговорил о капитализме. Я никогда не слышал про капитализм. Я не знал, что мы живем в какой-то системе. Я думал — так было всегда. Он сказал, что мировая история (что за история?) — это история борьбы классов (каких таких классов?). Он говорил невнятно, но чертовски здорово играл в мяч, и я его уважал. Он был уникалом, твердил одно и то же всякий раз, когда мы встречались. Он вываливал на меня груды слов, но ни одно не прилипло; меня все это, видимо, не интересовало. Я хотел знать, пусть и не понимал этого, лишь одно — как восстановить семью. Как мне ее прокормить. Как вернуть легкость. Как сделать так, чтобы отец снова стал главным, чтобы он не приходил домой ночью усталый и виноватый. Думаю, я хотел, чтобы что-то *сдвинулось*.

Однажды, когда мы стояли на пляже Кони-Айленда, этот парень сумел до меня достучаться. В те времена семьи жили под дощатым настилом в хибарах из железного лома или вагонки, и мы вдыхали запахи испражнений и обедов, мешавшиеся под солнцем. Внезапно я понял, о чем он толкует. Он сказал: “Ты — часть деклассированной буржуазии”. И жизнь ускорилась, как ни безумно это звучит. Потому что:

Мой отец перестал быть виновным. Не его постигла неудача, нет; все мы были частью predetermined истории драмы, в которой средний класс постепенно беднел, а высший — обогащался, и средний класс объединялся с рабочими ради создания социалистической экономики. Воистину, я познал то, чего не дала мне синагога, — облагораживающий вид сверху. Вновь можно было думать, что люди что-то значат, что в отчаянии и истерии матерей есть скрытый смысл, что отцы однажды снова гордо займут свое место. Жизнь вдруг обрела непознаваемую цель; нужно было разнести эту весть, пробудить сознание. А дальше?

Придет день, и конфликт будет исчерпан. Вещи потеряют свою ценность, ими будут снабжать нас машины. Мы все будем жить примерно как люди в парке по воскресеньям: спокойные, улыбочивые, исполненные достоинства. Эра Вещей прошла. Людям осталось только об этом узнать.

Обычно подобный опыт называют материалистической религией, но для меня материализма в нем почти и не было. Я искал

не денег и не лучшей работы, я искал — буквально — свое место во вселенной. Марксизм позволял возлюбить весь человеческий род. Пустота дней наполнилась взрослением, а то и невидимой целью — углублением кризиса капитализма, как это называлось, и подготовкой прорыва в новую эру; неумолимым приближением Нирваны.

То была последняя из философий воздержания. Настоящее, данный момент, данный поступок были важны не сами по себе, но лишь с той точки зрения, приближают они или задерживают пришествие новой эпохи. Собой нужно жертвовать — вот суть, потому такое значение имел героизм. Мы жили в Последние Дни, все знаки указывали на Апокалипсис. Самость была анафемой, атавизмом; люди как индивиды были дематериализованы. Один русский, Островский, написал “Оптимистическую трагедию”¹ — это название, по-моему, точно отражает настроение, из которого родилось мироощущение Маркса; наступала радость, хоть трава не расти.

Литературе не удалось отобразить тридцатые адекватно, потому что эмоции, о которых ведется рассказ, сцеплены с явлениями политики и экономики, на самом же деле все, что мы ощущали, вертелось вокруг всеобщего религиозного очищения, вокруг не менее чем полного и безоговорочного обновления человечества. Я полагаю, мистический элемент обычно обходят молчанием потому, что думать, как Маркс, — означает презирать все иррациональное. Иррациональным, религиозным, мракобесным виделся капитализм, и Гитлер был его визжащим архангелом. Ты гордился не тем, что ощущал или чувствовал, но тем, мог ли разложить ситуацию на классовые компоненты. Рассказывали, что брокеры с Уолл-стрит обращались к Эрлу Браудеру², главе Коммунистической партии, за экономическими консультациями. Коммунист *знал*; он узрел Неминуемое.

Обычно говорят, что все устаканилось, когда мы вступили в войну, но я думаю, что пик был пройден, примерно когда заканчивалась Гражданская война в Испании, в 1936 или 1937 году; битву

1 Артур Миллер ошибается, “Оптимистическая трагедия” (1933) — пьеса Всеволода Вишневского (1900–1951).

2 Эрл Расселл Браудер (1891–1973) — председатель Коммунистической партии США в 1932–1945 гг. В 1946 г. исключен из партии за оппортунизм.

ангелов выиграл злой дух. Неминуемость была потеснена; испанский народ восстал, чтобы взять будущее в свои руки, и был покорен. Затяжное и надежное мироощущение дало трещины, ты снова замечал отдельные детали, а бестолковый мир вокруг тебя со всей очевидностью готов был шагнуть вперед, оставаясь таким же мелочным и пустячным. Правда, ясно осознавал ты, заключалась в том, что девяносто процентов американцев вряд ли понимали, что в Испании идет война, а среди тех, кто это понимал, половина или, может быть, даже больше были за церковь и за фашизм. Пикассо мог написать “Гернику”, чтобы мир затрепетал от ужаса, увидев антинародные замыслы фашистов, но государственный департамент, крупные бизнесмены, религиозные лидеры, Верхи всех мастей странным образом не спешили стыдить Гитлера и Муссолини, парней, стоявших за порядок и закон.

Теперь я смогу объяснить особое ощущение персональной преемственности, возникшее у меня при чтении этой книги, и движение, которое она озвучивает. Ибо в лучшем своем проявлении это движение — рывок к спасению, а не просто всплеск сексуального материализма, каковым оно было объявлено и, по утверждению худших своих противников, является на деле. Сценарий Кизи, как мне кажется, — лучшее тому доказательство. Он отправился в путешествие по собственным артериям, заправленным наркотиками, уплыл от истории и жвачной политической жизни, швырнул горсть песка в глаза Силы, улегся посередине дороги Прогресса и заорал во всеуслышание: “На хуй работу!” Но этим он не ограничился, и тут я возьму паузу для объяснения.

Скажем так: у стиля революций тридцатых и шестидесятых есть и общие черты, и отличия. Прежний радикал перенимал новую — для среднего класса — пролетарскую речь, часто прекращал бриться, надевал рабочие сапоги и клетчатое драповое пальто; его портным был магазин армейской одежды. Он верил черному джазу и не верил аранжированной сентиментальности больших оркестров, он считал Вуди Гатри, Хадди Ледбеттера¹ и фолк-музыку более сообразными, потому что их породил не торговец, но

1 Вуди Гатри (Вудро Вильсон Гатри, 1912–1967) — американский фолк-музыкант и социалист. Хадди Ледбеттер (Хадди Уильям Ледбеттер, 1885–1949) — американский чернокожий музыкант, игравший блюз и фолк.

крик боли. Он забывал (или пытался забыть) про тесные рамки семьи и заключал в объятия все человечество; когда его постигал финансовый успех, он задумывался о том, как сохранить свою отчужденность. Когда женился — давал зарок не создавать заново оставленное тягостное хозяйство с его кастрюлями и сковородками, не жить жизнью Вещей. Он хотел жить без иллюзий, иначе говоря, практически все, что есть в Америке, особенно ее ценности, он считал вывернутыми через жопу. Люди жили в гробу материализма, их забивали до смерти в бессмысленной погоне за ржавчиной. Список общих черт можно продолжать, но нас интересуют отличия.

Некогда укушенный Марксом радикал тридцатых ощущал, что ведет эфемерную жизнь. Он мог приносить в жертву деньги или себя, помогая создавать новый профсоюз; однако, хотя сам профсоюз был важен, эта важность бледнела перед его настоящим, тайным значением: он учил рабочего быть сильным и приближал момент, когда капиталистический класс лишится власти. Глядя на произведение искусства или друга, радикал измерял их ценность по тому, насколько это искусство и этот друг приближают социализм или отдаляют его. Так его жизнь оборачивалась тропой символов; вначале он использовал их, чтобы определить свое место в истории и обществе, но вскоре символы брали над ним верх и защищали от непосредственной реальности, с которой он некогда искал гармонии и которую тщился разложить по полочкам.

Говоря прямо, он начинал жить для будущего и этим ничем не отличался от буржуазии. Иначе и быть не могло; капитализм и социализм — системы воздержания, обе они зиждутся на станке, между тем вы не можете ухаживать за станком когда вздумается, вы должны работать по часам, даже если вам хочется вместо этого заняться любовью или напиться. Ничто не могло быть иначе еще и потому, что радикалы тридцатых вышли из системы, которая развалилась, и первым делом должны были организовать новые производственные отношения, то есть запустить все заново. У радикалов шестидесятых открылись глаза, они увидели систему, льющую свои помои на каждого или почти на каждого, и в этом заключалась их проблема: как избежать затопления бессмыслен-

ным, бесцельным потоком, что загонял каждого индивида на его маленький островок с удобствами.

Вот так шестидесятники решили остановить время — время денег, время производства и сопутствующую им будущность. Марксистские родоначальники также видели человека мерой всех вещей, но они хотели вновь поместить его в центр, наделив силой бессильных. Результатом стала Россия, а у нас на родине — зажратые лидеры трейд-юнионов со своими сигарами. Сама по себе Сила оказалась призрачной; если человечество желало вновь обрести человеческое лицо, единственной альтернативой было — порвать помолвку с будущим и, сверх всего, с властью, которую будущее имело над душами людей; так и свершилось бы очищение. Вы живете сейчас, лжете сейчас, любите сейчас, умираете сейчас. Люди тридцатых, будь то радикалы или буржуа, были равно напуганы и уstraшены такой переменой, ибо в глубине души они относились к будущему одинаково, с тем мазохистским самоотречением, что влечет за собой любое существование во имя будущего. Их душевным сбережениям угрожало новое поколение мотовствующих транжир.

Наркота останавливает время. Точнее — время денег, время производства, время общества. В голове сотворяется более-менее привлекательное общество из одного человека, религия с единственным верующим. И биение вашего сердца — часы, и будущее измеряется ожидаемыми трипами или новыми личными открытиями. Кизи однажды открылось, что ЛСД спас Америку; навсегда подорвав будущее, химический препарат открыл сердце и сознание сегодняшнему дню, той драгоценной жизни, что была обменена на пригоршню праха. Что приводит нас к еще одному значительному отличию между двумя поколениями и к тому, что, по-моему, олицетворяет шутовское паясничанье нового движения.

Радикал тридцатых и представить себе не мог, что мир взорвется на самом деле. Ведь сказал же Клаузевиц¹, и Маркс с ним согласился бы, что война есть продолжение политики, она лишь ведется другими средствами. Мы ненавидели фашизм, но и он

1 Карл фон Клаузевиц (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии.

был просто политикой, даже когда радикалов и евреев избивали на улицах Берлина и бросали в тюрьму без суда и следствия. Мы были не в состоянии вообразить, что даже фашисты могут сжигать людей в печах. Холокост постулировал нового врага за пределами диалектики и политических дефиниций. Этим врагом был человек.

Унаследованный новым поколением Апокалипсис был уже не той, что прежде, планомерной цепью событий в умирающей системе, но зримыми картинами Хиросимы и Освенцима; авторство этих картин принадлежало в одном случае политикам-парламентариям и цитирующим Упанишады гуманистам вроде Оппенгеймера¹, которые все как на подбор были свои в доску, а в другом случае — их тираническим врагам. Выходило, что политические различия и принципы не гарантируют ничего. Взамен требовалась человеческая сейчасность, “включение и отпад” по Лири, чтобы темное шаманство политического подковерья не пожрало нас со всеми нашими благородными помыслами. Само понятие мышления, осмысления, обобщения — сознания вообще — вылетело в трубу, и многие буржуазные правительства на какое-то время дали задний ход — в плане не идеологии, но прежде всего стиля жизни, который скатился к массовому отказу от поддержания.

Что до меня, то я знал, что у этой революции нет будущего, и не потому, что она отказалась от политических воззрений, а потому, что неверным было ее представление о человеке. Ибо когда твой друг кричит “Брат!”, он ничем не лучше своего отца, шептавшего некогда “Товарищ...” Борьба со злом так просто не заканчивается, что показала и судьба марксистов. Скажу больше: с моей колокольни религиозные особенности нового движения не казались полной противоположностью прежним. Маркс, подобно христианам, планировал Судный День на баррикадах, Армагеддон, по окончании которого последний станет первым, после чего не только социализм закончится, но и само государство постепенно прейдет, уступив место истинному Царствию без проти-

1 Имеется в виду фраза отца американской атомной бомбы Роберта Оппенгеймера (1904–1967) “ярче тысячи солнц”, которой он описал ядерный взрыв.

воречий, исчезнут деньги, образуется чрезмерный излишек товаров. Если вам нужна машина, возьмите ее — и оставьте, когда необходимость в ней отпадет. Эдакий небесный “Хёртц”¹. Хотя о новом фатализме Иисус с Марксом заговорили бы в последнюю очередь, именно к фатализму большинство свело их строгие и призывающие к действию увещания; к тому же фатализму, думал я, львиная доля путешественников в Эру Водолея свела суровую дисциплину йоги, которая развила новое мироощущение. Вы решаете, что настроились на Судьбу, и тут же превращаетесь в Спасительный Остаток², для которого сама реальность есть не более чем эволюция символических событий; в конце концов вы не будете уже ничем, кроме того-кто-знает-как-надо, и ваши деяния потому нельзя судить судом человека, и так далее. Несмотря на все различия, Мэнсон³, Сталин и христиане, блюдущие давнюю крестоносную традицию, в данном случае пляшут, взявшись за руки. Как часто я слышал удивление в голосах тех, кто пережил тридцатые: они могли говорить то, что говорили, верить в то, во что верили. Они гордились способностью к объективному социальному анализу, но под гордыней жила вера, ощущение причастности к традиции, что ведет к Неминуемому; а исцелить подорванную веру, дабы она расцвела в сознании с прежней силой, так же невозможно, как и утерянную любовь. Новейший эдемизм шестидесятых, по крайней мере для меня, отдает кислятиной; он повторял в этом смысле еще один первый акт еще одной лишенной иллюзий пьесы. Я видел “девушек любви”, наконец-то свободных; но что случится, когда пойдут дети? Те девушки с детьми, за которыми я наблюдал, по большей части забавны. Они хотят более-менее точно узнать, *где находятся*. Если оттого лишь, что дети

- 1 “Хёрц” — одна из крупнейших общенациональных фирм по прокату автомобилей. Основана в 1918 г. 22-летним предпринимателем Уолтером Джейкобсом, который отремонтировал и сдал в аренду несколько машин “форд Т”.
- 2 Спасительный Остаток (*ивр.* “шеэрит ха-плита”) — в иудаизме маленькая группа верующих, которая может спасти всех остальных. Выражение восходит к Книге Бытия, 45:7 (“Бог послал меня перед вами, чтобы спасти вас на земле и сохранить вашу жизнь великим избавлением”).
- 3 Чарли Мэнсон (Чарльз Миллз Мэнсон, р. 1934) — американский хиппи, вождь коммуны, называвшей себя Семейей. После совершенных членами Семей в 1969 г. убийств (в числе жертв была актриса Шэрон Тейт) Мэнсона приговорили к пожизненному заключению.

возвращают их в линейное время к долговременным обязательствам — значит, высоко залетевшая анархия вернулась на землю.

Данная книга, намеренно это сделано или нет, представляет собой нечто вроде геологического разреза примерно пятнадцати лет в дебрях; при этом все перемешано, словно в ледниковой куче разнопородных камней. Я имею в виду множество точек зрения как самого Кизи, так и его друзей-писателей, достигающее апогея в сценарии, с последних страниц которого можно как с высоты взглянуть вниз и понять наконец, к чему весь этот безумный карнавал. Ибо Кизи сумел, по крайней мере — для меня, не просто нырнуть в собственный кровоток, словно бы заглянув внутрь своих же глаз, но и вновь проник в сферы, где обитают Другие, братья и сестры, к которым несет воды поток новообретенной ответственности — к ним и к миру в целом. Освященный временем рецепт такого подвига — иудео-христианское самоистязательное отречение, почти полный распад тела, раскрывшего объятия Богу. Здесь мы видим, напротив, слияние усугубленных ощущений с наслаждением, физическое воплощение восточного мистицизма вкупе с Моисеевым наставлением служить Народу, благополучие коего служит мерой всех истин. Никогда раньше ответственность не достигалась через наслаждение.

Я хоть и скептик, но в это поверить могу. Зодиакальные друзья говорят мне, что, согласно Великому Колесу, человеческой расе по меркам индивида сейчас тридцать пять лет: время творческого расцвета, время, когда Иисус свел воедино все силы, какими обладал, и умер. Нас осеняет Любовь, Век Водолея, что начался в 1962 году. Но я, опаленный предыдущим Неминуемым, сторонюсь нового и предостерегаю любого, кто готов меня услышать: спор со Злом бесконечен, а если он закончен, значит, человек мертв. Тем не менее, воспаряя обратно к жизни тридцатых и взирая с давней высоты на то, что происходит сейчас, я вижу сплошь сияющие чудеса.

Все мы, хоть радикалы, хоть консерваторы, молились на большое и дым из трубы; почва была создана для того, чтоб вытравлять ее и бурить в ней дыры, атмосфера казалась бездонным мусорным ведром. Сейчас, когда я паркуюсь и кого-нибудь жду, моя десятилетняя дочь поворачивает ключ зажигания. Разве это

не чудо? Мы ушли из Вьетнама, потому что армия не хотела больше воевать. Простая истина; и разве это не чудо? Никсон — невзирая на Билли Грэма¹ и молитвенные завтраки — сбросил овечью шкуру, причем самостоятельно. Разве это не чудо? Словно бы земля сдавила его корни, и творец преступного беззакония изгнил на месте; словно бы внутри него иссякло семя беспринципности. Разве это не чудо? В начале пятидесятых проводивший опрос сотрудник Католического университета² поинтересовался у меня, почему, по моему мнению, среди людей искусства и участников социальных дебатов так мало его единомышленников. Я написал в ответ, что в этой стране сочетание ирландского католицизма и новоанглийского пуританства выжигает пытливость ума дотла. А сейчас? Чудесное зрелище: католический священник, не пряча своих чувств, ведет за собой бедных. Репортеры вскакивают и кричат на президентского пресс-секретаря, обвиняя его во лжи, — и это в Белом Доме, с флагом на трибуне! Разве это не чудо? Производящая электроэнергию компания желает провести по территории нашего поселка высоковольтную линию, и мои соседи, многие из которых голосовали за Никсона, устремляются на рутинные “слушания”, которыми раньше заправляла Компания, и говорят высоким штилем о красоте, и требуют защиты их прав на прекрасное так, словно они поэты. Разве это не чудо? Университет Нотр-Дам³ приглашает меня читать лекцию. Разве это не чудо? Слухи о войне обрушивают фондовый рынок, знамения мира поднимают его из руин. Невероятно. Я выступаю в Вест-Пойнте⁴. Не верю! И говорю им — через неделю после того, как Никсон вторгся в Камбоджу, откуда я только что вернулся, — что это бедствие и бесчестие, и что камбоджийцы под бомбами как пить дать перейдут в коммунизм. Шестидесятилетний полковник по шею в медалях, солда-

1 Билли Грэм (Вильям Франклин Грэм-мл., р. 1918) — популярнейший американский проповедник, активно поддерживавший Ричарда Никсона.

2 Католический университет Америки — основанный в 1887 г. университет в Вашингтоне, принадлежащий Римско-Католической Церкви.

3 Университет Нотр-Дам — основанное в 1842 г. американское римско-католическое учебное заведение, расположенное близ Саут-Бэнда, штат Индиана.

4 Вест-Пойнт — Военная Академия США, основана в 1802 г.

фон с кавалерийскими усами, встает и говорит, что он девять лет был военным атташе США в Пномпене и что мистер Миллер прав. Разве это не чудо? Только один курсант с паранойей в глазах поднимается и спрашивает, зачем я подрываю их боевой дух, и этот курсант — сынок босса профсоюза водителей грузовиков Чикаго. Разве это не чудо? А после мы стоим на крыльце офицерского собрания с десятком полковников, все они — вьетнамские ветераны, коротко остриженные, расслабленные рюмочкой виски — признаются, что оплакивают армию, страну, честь, которая нынче не в чести; говорят об отставке, о том, что им стыдно появляться в Нью-Йорке в военной форме, и с тоской вспоминают приказы Эйзенхауэра¹ о штурме берегов Нормандии, поскольку в приказах этих говорилось о Человечестве, об освобождении от ига тирании; и один из них восклицает: а ведь нынешние приказы совсем не об этом! Да знают ли они вообще, что такое правое дело — на войне или в мирное время? Эти ветераны прислуживали в порочной церкви; возлагая на политиков вину за поражение, они потеряли уверенность в том, что заслуживали победы. Слово бы вид на Гудзон навсегда лишился чего-то, по меньшей мере — для этих людей; слепой мачизм, древняя издевка над человеческой жизнью, запнулся уже в пушечном дуле. Значит, что-то меняется.

Запоздалая мысль. Просмотрев набросанное, я осознал, что прочел эту книгу отчасти глазами иностранца. Я смотрел на нее с Левого Берега, из Праги, с Красной площади так же, как из моего дома. Американские авангардисты и радикалы всегда расстраиваются, когда слышат, что за границей всё — еще хуже. Звучит как либеральная дребедень. Я, однако, имею в виду не уровень жизни, только дух. Проглотить такое особенно трудно, когда прилив рассеивается, революция исчезает в водовороте, и вновь воцаряется равнодушие. Кто извлек из революции выгоду, кроме “Эм-Джи-Эм Рекордз” и универмагов, выбросивших на прилавки

1 Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969) — 34-й президент США в 1953–1961 гг., генерал армии. С декабря 1943 г. — верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе.

джинсы по восемьдесят долларов? Чем обернулись собрания всеобщей любви, кроме детей без отцов и крутых контрактов для звезд и остроглазых менеджеров вероломных гитар? Кому легче от того, что у копа, ищущего гашиш под матрасом, из-под шлема выбиваются кудряшки?

Правда состоит в том, что основополагающим требованием французских студентов во время Революции 1968 года было преобразование их университетов по утилитарному американскому образцу.

В 1968 году я встречался с писателями и редакторами родом из тридцатых и другими бородатыми типами в редакции пражского литературного журнала “Листы”; они хотели рассказать человеку извне, что их вот-вот засадит за решетку ставшееся перед русскими правительство. Они попросили меня прийти, потому что я приехал из Америки, а откликнуться на их крик о помощи *могли* только американцы. Надежды у них было немного, но кроме нее не было вообще ничего. Тогда бушевала война во Вьетнаме, а они читали “Нью-Йорк Таймс” и знали, что мы — империалисты и расисты, и культура у нас отсутствует как класс; и все-таки надежда, сколько уж ее было, указывала на нас. Некоторые из них бывали тут и знали что почем, видели Гарлем, Бедфорд-Стайвесант, наши пришедшие в упадок города, которые в сравнении с их Прагой были варварскими, развращенными, невероятно грубыми селениями, немилосердными к неудачникам. Да, они могли ожидать отклика из Франции, но им было известно, что во Франции не изменится ничего, кроме громких слов. Получалось, что лишь от этой умалишенной страны было возможно ждать невозможной помощи — пусть речь шла о начиненном оружием государстве, убивавшем в тот момент других восставших.

Однажды у кремлевской стены я заметил моему жизнерадостному советскому переводчику, что в ночь, когда умер Сталин, в этом дворце все, наверное, сбились с ног, и никто не знал, кому выпадет подавать мяч. Он, к моему удивлению, чуток обиделся и сказал: “Нам не интересно, что там происходит; это не наше дело”. Те немногие, кто считал, что это их дело, держали дома пакет с чистым бельем, чтоб идти в тюрьму не с пустыми руками. Эти немногие, к моему изумлению, тянулись к американцам, которых

считали отчаянными противоположностями своим соплеменникам. Не конкретно к американским радикалам, но к идее главенства человека, которой, как они думали, мы все еще привержены.

Один владелец немецкой автомобильной компании (ныне он натурализовался и живет в Нью-Йорке) сказал мне, что привез сюда своих инженеров и отвел их на сенатские слушания, дабы убедить всерьез заняться проблемой автотранспортного загрязнения; инженеры отказывались верить в то, что американцы не попусту сотрясают воздух, поскольку в Европе все только этим и занимались.

Отправьтесь из Ниццы в круиз по Средиземноморью, пройдитесь под парусом по Японскому морю, прокатитесь на водных лыжах вдоль западного берега Италии — и Кони-Айленд покажется вам непорочнее пруда Торо¹.

Не исключено, конечно, что мы подавимся чуть позже остальных и утонем в мусоре последними; утешение, прямо скажем, слабое. Однако если этот том — фрагмент доказательства, составляющий пусть даже незначительную часть мозаики, он свидетельствует: отчаяние, его породившее, остается для нас чем-то вроде границы, которую нужно пересечь, в то время как в иных местах оно — норма жизни.

Вероятно, лишь черный человек знает более закоснелое отчаяние, когда все меняется для того лишь, чтобы остаться поистине неизменным. Но если будущее черного человека таково, каким было всегда, его отношение к будущему эволюционировало. В осенних сумерках 1940 года на центральной площади Уилмингтона, штат Северная Каролина, около тысячи черных, рассредоточившись перед витринами, уселись или разлеглись в своих драндулетах и раздолбанных грузовиках. В то время я по временному договору с Библиотекой Конгресса (24,66 долларов в неделю) записывал в этом штате не больше и не меньше образцы голоса и совершенно случайно стал свидетелем странного, жуткого зрелища — ибо ясно было, что эти люди собрались не просто так, и в 1940 году черные просто не ассоциировались с отстаиванием

1 Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский писатель и философ-трансценденталист, автор книги “Уолден, или Жизнь в лесу” (1854), описывающей радости жизни в гармонии с природой.

прав, не говоря о протесте. (На моей памяти, во всяком случае, они стояли в стороне от радикализма тридцатых — кроме горстки тех, кому так и не удалось пробудить свой народ.) Используя микрофон как предлог, я попытался выяснить, что происходит, и собрал вокруг себя толпу, которой, видимо, внушила доверие золотая государственная печать США на дверце моего фургона — в те дни федеральным правительством был Рузвельт¹, белые расисты его ненавидели.

Со слов этих застенчивых сельских жителей, робких и подозрительных, я понял, что они приехали из захолустных ферм и деревушек, завербовавшись на строительство новой уилмингтонской судоверфи в болотах по соседству — топких, кишмя кишущих москитами. Когда верфь была построена, их скопом уволили, чтоб взять на все готовое белых. Только один черный всего лишь повысил голос; огромный мужчина с мощными руками поднял голову над вежливой застенчивостью и проревел тяжелым басом: “Капитан, мы приехали! Нам НЕКУДА ИДТИ!” Потом моя толпа рассосалась. Никакая полиция их не разгоняла, и лишь у нескольких белых, шедших мимо сбившихся в кучу негритянских семей, еле заметно напряглись лица. К девяти часам вечера на площади не осталось ни одного черного — они, надо полагать, отправились обратно в свое захолустье. Оккупация площади прошла для белого Уилмингтона почти незамеченной, черные действительно вели себя очень тихо. На следующий день я брал интервью у местного представителя “Бетлехема”²: его сбива с толку сама постановка вопроса. Как это — нанимать черных, чтоб они работали на верфи рядом с *белыми*?

Ныне подобный тип сознания невозможен, пусть даже множество черных все еще живут будто в оккупированной стране на территории, с которой так и не отступила Депрессия.

По этой и еще по одной причине меня тревожат вести о Во-долее и сценарий Кизи, как бы ни были они мне по душе. Еще одна причина имеет отношение к злу и его преодолению. Эта книга

1 Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) — 32-й президент США (с 1933 г.), от Демократической партии (4 раза избирался на этот пост).

2 “Бетлехем Стил Корпорейшн” — некогда второй по величине поставщик стали США. Компания обанкротилась в 2001 г.

и тот психический настрой, к которому она апеллирует, постулируют судьбу крайней достоверности; полученные через наркотики, молитву или что-то еще импульсы, смешиваясь в едином потоке, ведут к морально недифференцированной восприимчивости жизни, к тропизму¹ чистой воды. Как будто зло есть всего лишь страх того, что скрыто у нас внутри. Так Мэнсон становится неоднозначным злодеем, ибо он прошел путь до самого конца, и если подавление чувств — наш единственный враг, Чарли воплощал собой освобождение. Не только потому, что он убивал и/или подстрекал к убийству банду малолетних ведьм, но потому, что умерщвлялись люди, которых он не знал и к которым у него лично претензий не было. Давным-давно Андре Жид² уже написал эту историю — о человеке, который заходит в железнодорожный вагон, стреляет не глядя и убивает незнакомца. Чтоб стать свободным, осознать себя, потеряв себя в абсолютно беспричинном деянии, вырваться из объятий будущего, иными словами, вырваться из Времени, выйти за скобки, каковыми является любая отдельно взятая жизнь, и растечься наконец по Вселенной и благодати.

Идея книги пригубливает из этой чаши, однако мне кажется, что за Кизи вступается еще один род спасения — чувство формы, разность между искусством и суетливой импотенцией креатива. Он спустился с небес на землю самопровозглашенным романтиком, создающим сочинения классического толка, искусно написанные и очищенные от случайностей, сочинения, припоровленные для общения и убеждения. Его искусство жаждет спасти страну, и его провозвестие — иеремияда не столько грядущего рока, сколько доступной благодати. Потому оно выламывается из постылой орбиты нигилизма и сообщает мне, что Кизи покинул шестидесятые. Оно также проливает свет на нынешнее замешательство исчезающей в водовороте силы, потери которой мы видим повсеместно: люди с выжженными наркотой мозгами, слишком юные девушки с нежеланными детьми, а хуже всего — люди в здравом уме и твердой памяти, которые десять лет назад отправились в Нирвану и опять очнулись в Соединенных Штатах Америки.

1 Тропизм — безотчетная реакция организма на внешние раздражители.

2 Андре Жид (1869–1951) — французский писатель.

В 1949 году человек тридцатых и подумать не мог, что через несколько лет возникнет движение за общественную справедливость столь громогласное и убедительное, что само слово “общество” вызывает с той поры подозрение. Однако еще десятью годами позже о справедливости заговорили вновь, и к этому времени пробудились черные. А дело было просто в том, что люди поверили в небылицы тридцатых, и то же самое произошло сейчас, когда страна одновременно и отвергла, и переварила идею шестидесятых. Возможно, поэтому (во всяком случае, для меня) возвращение сюда из-за границы — всегда слегка застающее врасплох переживание надежды. Здесь вечно что-то меняется, движется вперед вслепую и на ощупь, чего не скажешь о других, более совершенных местах. Очевидно, нам не суждено быть мудрыми и застыть в созерцании собственной циклической повторяемости; мы должны плодить новые поколения, которые категорически отрекутся от прошлого и снова отправятся в тот предел, где нет ни зла, ни борьбы.

Он не случится — и он случается здесь и сейчас.

Артур Миллер

Сторджис Холливелл, Старший Научный Советник “Викинга”, по-прежнему приписанный к зоне операций Западного побережья, намеренно громко шлепнул своим экземпляром Предисловия Артура Миллера по столу.

— Именно! — воскликнул он. — Продолжаем исследования согласно плану.

— Но как нам быть с безымянными представителями *Inteligencia Communitatis*, которые считают, что литературные подвиги на передовой массового книгоиздания не стоят и ломаного гроша?

— Прессуй их! — ответил Сторджис, возвращаясь к Архивам, и под возмущенным взглядом общедоступной, публичной, бдящей Прессы, неуспешно освещавшей каждое наше движение, мы обнаружили еще одну драгоценность исторического значения, тотальнее которой в печатном мире нет ничего: Комикс.

Я силой заставил Сторджиса отвлечься от исследования выкрашенного светящейся краской рыбного садка.

— Помнишь, мы читали комиксы так, будто это настоящие книги?

— Конечно. Но тогда мы были детьми.

— Да, но потом все повторилось.

— Серьезно? Когда же?

— Когда “Марвел Комикс” стал настолько хорош, что мы покупали каждый новый выпуск, горя желанием узнать, что будет дальше.

— Да, разумеется. Фантастическая Четверка. Док Стрэйндж, когда его рисовал Стив Дитко. О, милые шестидесятые...

— С этими выпусками происходило нечто удивительное. Когда им была доступна чаша Благодати, они фиксировали и воспроизводили текущую версию Человеческой Блажи, что становилась все блажнее и блажнее.

— Мне нравился раздел, в котором на вопросы читателей отвечал сам Стэн Ли. Рассказывал, что случилось с тетушкой Мэй, пока мы следили за Питером Паркером.

— То была возможность заглянуть за кулисы, побывать в Зазеркалье.

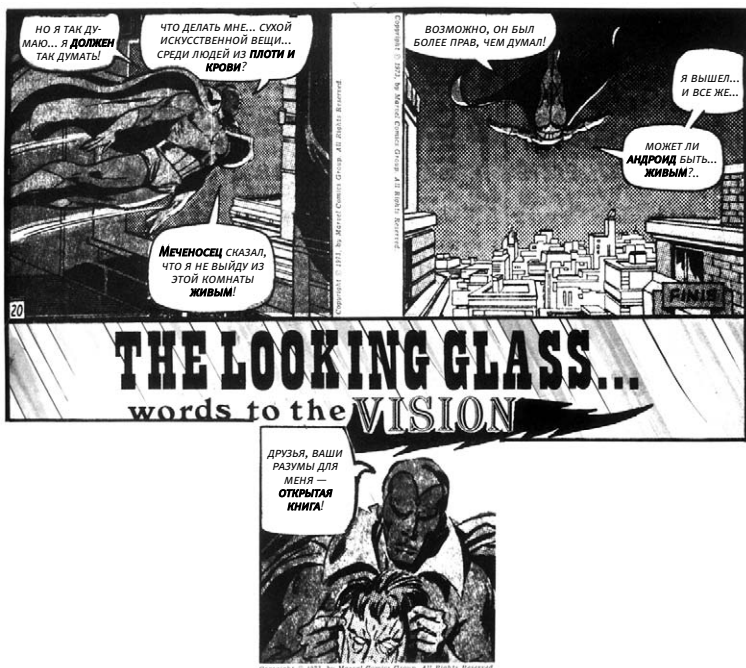
У нас тут есть кое-что того же рода... Вот, взгляни.

И я вручил Сторджису первую страницу. Это был

ЛОТ НАРАСХВАТ НОМЕР

1

ЗЕРКАЛО... письма к ВИДЕНИЮ¹

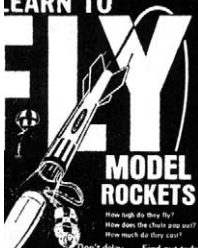
Дорогая редакция!

Я решил наконец сказать вам, что думаю. **ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ВИДЕНИЯ? НИКОГДА!** Видение — мой самый любимый Мститель; я читаю **МСТИТЕЛЕЙ** только из-за него и Черной Пантеры. Без него ваши сюжеты очень скоро пойдут псу под хвост! Вы сделали его даже круче прежнего, он обрел тайную личность и стал играть в ваших историях большую роль. И вдруг вы избавляетесь от него безо всяких причин. Ничего хуже и придумать нельзя. Пожалуйста, верните его, и быстро. Дайте ему работу, как вы дали работу Пантере — кстати, я думаю, это была отличная идея.

Рэнди
Кэнфилд, Огайо

1 Видение (Vision) — супергерой-андроид из комиксов “Марвел Комикс”.

EARN TO FLY

MODEL ROCKETS

How high do they fly?
How fast do they go?
How much do they cost?

Don't delay... Find out today!
Get our "answer packed" catalog

URI ENGINEERING CO.
988 Dept. A-100
Tucson, Arizona 85701

Write to find out more about model rockets. Here is my 25¢ for your big catalog. (Refund on 1st order)

GAME WARDEN
JOYNT HUNTER, FORESTER, WILDLIFE MANAGER

Exciting job openings now for qualified men + low outdoor work. Protected forests and wildlife areas violators! Good pay, security, prestige & authority for respected career. Conservation Careers. Easy home-study plan! Send for FREE BOOK, aptitude QUIZ, and SUBSCRIPTION Conservation magazine. Start your own 16TH AMERICAN SCHOOL OF CONSERVATION! 10000 Drive, Dept. 0101A, Newport, Calif. 92660

DON'T BE FAT

INTRODUCTORY OFFER
Good for a short time only!
REDUCING PLAN with KAL-X TABLETS NO UNNATURAL LIQUID DIETS! EAT NORMAL SOLID FOODS, NO STARVATION DIETS! NO HARMFUL DRUGS! GUARANTEED SAFE!

YOUR ORDER NOW TO -

1 supply of Kal-X Plan & Tablets \$3.98
1 supply of Kal-X Plan & Tablets \$6.98
1 supply of Kal-X Plan & Tablets \$9.98

Post required with c.o.d. orders

State _____ Zip _____

\$ FROM MR. MONEY
J.S. Dimes or 4 U.S. Quarters date and receive back \$1.25 U.S. money (\$ .00)

Box 23234 San Diego, Cal. 92122

Спасибо, Рэнди. Мы с тобой, конечно, согласны. Ты наверняка следил за удивительной развязкой историй Летального Легиона и понял, что Видение снова в седле. Только учти, друг, сюрпризы на этом не закончились — ни для тебя, ни для нашего грозного андроида-Мстителя. Затаи дыхание и следди за событиями!

Ред.

Уважаемая редакция и прочие!

Я так понимаю, вы хотите в ближайшее время представить нам супергероя — американского индейца. Надо полагать, за ним последуют “Супержид” и “Желтая Угроза”.

Я думаю, вы добьетесь куда большего успеха, если потолкуете с Билли Томасом¹ и возьмете его на работу. Классно было бы, если б черняшки “Бес-трепетных Трипов” полопотали для разнообразия именно как черняшки!

Стив Шустер
Гранд-Канал-Корт
Венеция, Калифорния

Напротив, Стив, мы считаем, что не все черные “лопочут как черняшки”, что бы это ни значило.

Ред.

Дорогой Видение!

Хочу кое в чем признаться. На какое-то время я выпадал из обоймы. В шестидесятые я мог безбоязненно постигать твои откровения и бросался в ураган твоих приключений, что бы они ни предвещали. Помнишь, когда опасности невозможно было встретить лицом к лицу, один лишь страх перед неведомым становился активным ингредиентом, который накачивал нас адреналином до требуемого

¹ Билли Томас (Уильям Томас-мл., 1931–1980) — афроамериканский актер, ребенком игравший в серии короткометражек “Наша банда” (1934–1944), чем и запомнился зрителям.

уровня отваги, — и мы сносили неведомое напряжение, потеряв счет времени?

А потом как-то вдруг, когда ты стал героем, за которым следила бездна электронных глаз, и в этой бездне массивные пассивные толпы счастливо откидывались на спинки стульев и наблюдали следующий твой подвиг, я тоже обленился, забросил работу, заглушил шумные реле, доставлявшие информацию о новых назначениях и новых приключениях, и наслаждался постоянными повторами твоих более популярных и, да, я должен это сказать, более прибыльных сумасбродств.

Это послание уже стало исповедью; пойду дальше и признаюсь в том, что, стоя за кулисами и глядя на тебя, я не слишком-то расстраивался из-за твоего будущего заката, вероятность которого была тем выше, чем больше моих друзей, ранее сражавшихся бок о бок за правое дело Видения, уходили на покой и присоединялись ко мне. Прошло совсем немного времени, и все мы один за одним выскользнули за кулисы, обожали здание кругом, зашли с главного входа, заплатили за билеты, пробрались в зал и уселись в плюшевые кресла первого ряда, чтобы стать очевидцами неминуемого провала, который оттуда виделся столь же прекрасным, как грандиозный триумф.

В то время неведомо было лишь одно: будем ли мы кричать “браво” (после чего поспешим на сцену, бережно поднимем на руки тело и устроим скорбные похороны до начала проб на роль новой жертвы).

Но ты, Видение, чудесным образом выдержал все. Невзирая даже на рассказы и слухи о твоей близящейся гибели, исходившие от самых доверенных знакомцев, ты действительно “хранил веру”. В конце концов, оставляя в стороне слезливые воспоминания, я именно затем и пишу тебе письмо, пытаюсь связаться с тобой впервые с конца прошлого десятилетия, когда умышленно перестал следить за твоими делами, чтобы сбежать, ликвидировать бардак в голове и избавиться от подер-

BIKE DECAL
Over 50 funny, colorful pictures
decals to dress up your bike,
models, luggage, etc.

BUNNY DECAL
One Dozen Assorted Sizes to Dress
Up Your Car, Window, Luggage,
Tool Box, Locker, etc.

350 KRAZY LABEL
Ass'd. Natty Signs
Stumped Label Stick-Ons
DECALS" P.O. BOX 1725-MC NEW

**FANTASTIC
SIZE GH**
man the in-
trots it wi-
from a hi-
(up to 50 f-
will hover,
dance a-
again, hi-
\$2.00 in-
your ghost
ppd. Pat.
John Cool-
tions P.O.
Dept-F W
Georgia 3

O HOUDINI MAGIC!
JUDINI SECRETS ARE YOURS!
Even magicians don't know these
tricks! Amaze and amuse your
friends with easy to do Houdini
magic tricks. Be the fun of the
party! Send 25 cents Now for a
new illustrated CATALOG containing
100 TRICKS, MIND-READING, P.O.
25c, HYPONOTISM and JACKS. Plus 100c
FREE Membership in the Great Houdini
Magic Society. Act Now! Rush Size Now
The original Houdini Magic Shop
1030 HORMANN MAGIC COMPANY
14 West 34th St., N.Y. 10001. Dept.

**YOU CAN HAVE A
4E-MAN VOICE**
Send today for FREE booklet
Voice Power & Personal Power
by Eugene Feuchtinger. Just send
our name, address and age
filled in plain sealed envelope
in obligation. Write today!
LECTEC VOICE INSTITUTE, Studio K.P.2
25 W. Jackson Blvd., Chicago 6, Ill

TOO SKINNY
NEW SCIENTIFIC
HELPS YOU PUT ON
Put on weight with Hi-
Tablets improve your
looks by adding a f-
and inches in the ri-
Don't be skinny bec-
eating habits. Gain
weight as you like.
safe for Man, Woman
Health Aids tablets

**Ugly BLACKHEADS
OUT IN SECONDS**
VACUTEX
Improve your complexion free of
blackheads — look attractive
instantly. Scientifically de-
signed vacuum pump gently

**IN 7 DAYS
KEY BACK**

SALE'S famous 66 page shows you to play a beautiful first day and any ear or note in seven mins 52 photos, 87 fin-arts, 110 popular and (words and music); a of all the chords used a \$3.00 Guitarist Book IL VALUE \$7.00 **\$2.98** ALL FOR ONLY list your name and ad-\$2.98 plus C.O.D. post-th order and I pay post-D. outside Continental (ith order). Key-Back Guarantee SALE Y THE SEA, N.J. 07717

\$12.95 ppd.

Once in a lifetime bargain! Beautifully finished burst body and neck, these size guitars feature solid body, quality pickup, volume & tone control, 10 ft. ric cord. (\$29.95 value). ay last \$12.95 ppd. Send or M.O. COD's require \$6 now! Zippered bag, \$2.25, 35 Huntington Drive So., Angeles, Calif. 90032

staining PUZ-Just Your Houdini re Now! hap MPANY opt. M

at Home

brochure— nish high school. exts. Diploma ollege entrance ran Training.

SCHOOL

FICTION

cks, Creepy. Amazing, Etc. te Sales List! ce Fiction Your List. IOKS . Mo. 64111

жанных образов, которыми себя обложил. Спровадив избыток миазмов зрительской юдоли в чистилище прошлого вместе с прочим мусором истории, я мог с новыми силами взяться за дело.

И что ты думаешь? Только открыв глаза и осмотревшись, я узрел... кого?

Правильно! Видение! И вот, узрев Видение (ты, как обычно, мчался по лезвию бритвы, извивался угрем, лез вон из кожи, выбивался из сил и стонал, но держал), я тут же заскочил в сюжет, достал из потайного чулана громогласный хохот и волосы дыбом, смахнул с них пыль, завел вручную, потренировался на кошках и приготовился пустить свой арсенал в дело; но тут ты походя расправился с демоном семидесятих, что хотел было сбыть человечеству новейшие сочные изыски и удовольствия, и вдруг пропал, ушел давать бой очередному выскочке; а я одиноко волочился позади, размышляя, как бы поспеть за тобой раз и навсегда. Вот я и решил написать Видению письмо, предложить Правому Делу свои услуги.

Таков результат. Как только ты прочтешь это письмо и ответишь, терминальная бесповоротная программа немедленного приведения в окончательную стопроцентную боевую готовность к полномасштабным круглосуточным действиям по всем фронтам будет завершена. Я облегчил душу и с нетерпением жду будущего (которое свяжет нас воедино), уверяясь в том, что приключениям вовсе не обязательно сходить на нет, ибо в вышине парит дружеский образ Видения.

Искренне твой,
Дражайший Фанат
Западное побережье
США

Дорогой Дражайший Фанат!

Привет тебе, любезный знаток; заходи в стеклянную кабину, ибо отныне ты — мой любимец.

Огромные тебе спасибо за блистательный отклик. Присылай побольше полезных советов! Ну и подарков, и пожертвований — чтобы ух!

Теперь, что касательно штабеля твоих вопросов, которые рифмуются в финансовый романс “как бы нам не прогореть?”, позволь заверить: мы немедля перейдем к подробному отчету, только перед этим я тебя немного поспрашиваю (сегодня вечером тебе светит небывалый куш — ты помнишь?). Готов?

Так. Первое: можем ли мы вообще прогореть, если даже вражеское правительство, само того не понимая, работает на ВИДЕНИЕ? К примеру, если раздаваемая там и сям листовочка “Джи-Ай” “ПРОГРЕСС — НАШ САМЫЙ ВАЖНЫЙ ПРОДУКТ”¹ очевидным образом выливается всего лишь в дикое стремление впихнуть еще больше электричества в уже порядком заряженное поколение, о чем волноваться? Окинем бесстрастным взглядом продвижение и продажу собственно продукта; что мы в конце концов усвоим из сделок с электрической машиной, кою всучил нам Душка Сэм?

Правильно. Мы усвоим кое-что про РОЗЕТКУ. Даже адская машинка Душки Сэма в конце концов изобличит — пусть и скрепя сердце — ГЛАВНЫЙ ЗАКОН МАШИННОЙ РОЗЕТКИ: если воткнуть агрегат в слишком мощную Розетку, он взлетит на воздух вместе с тобой, если же оттащить агрегат на расстояние, превышающее длину шнура, шнур выдернется, и агрегат заглохнет. Вот. Загадка номер два: “Знаем ли мы... кого-либо еще (вопрос на сто тыщ баксов, приятель!), к кому применимы эти два ограничения?”

Уже теплее. В этот самый момент количество набранных тобой баллов замеряется счетчиком, включающим настоящий кассетный карильон, на всякий случай бесплатно установленный нами на крыше твоего маленького скромного домика, и эта перезвонная система дает твоей заждавшейся подруге сигнал начать освобождать твою собственную БЕСПОДОБНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ ЗЛОДЕЕВ, которая пролежала множество жизней связанной по рукам и ногам, да-да, под твоим же миловидным крыльцом, и весь этот сволоч-

1 Рекламный слоган компании “Дженерал Электрик” (GE). “Джи-Ай” (GI, от Government Issue, казенное имущество) — принятое со времен Второй мировой войны обозначение солдат.

2

PL
Listing the Latest Aircraft
Naval Ships and Action Co
APOLLO Moon Projects
mailing and handling to:
Dept. M-100 Box 8233 L

GO-KART
SPEED BIKE

**Amazing
Magnif
ENLARGES
CLOSE WO**

**ONLY
\$1.98**

Now see clearer
accurately with le
sion, with “HEAD
Simply wear ther
magnify any sm
ing on and simult
free. Use to writ
print—or for work
repairs, etc. Stu
powerful 2.5X len
**HOMEMAKERS,
NICIANS. Adjuta
\$1.98 plus 25¢ po
3 for \$5.00). Wor**

FREE

Send (50¢) for 64 Pg.
CAN GET FREE!! 11
hundreds of \$\$\$ wor
writing and ask
Writing Kit!!
“THINGS FREE

ной набор выходит на свободу в ВЕЧНОСТЬ НА УРОВНЕ ГЛАЗ, и ты теперь будешь не только ВСЕГДА СПЕШИТЬ НАВСТРЕЧУ, но и, Боже помоги, ВСЯКИЙ РАЗ ВОЗВРАЩАТЬСЯ, а они, за-
меть, уже наступают. Вот. Следующий вопрос (на двести тысяч зелененьких!): “Переживешь ли ты их наступление?”

О. Начинает припекать.

Не только злодеи раскрепостились, но и критическая массовка недовоскормленных сопляков, что виднеются в каждом окне и в каждой двери, и во дворе тоже, намекая, что пора бы тебе готовиться к длительному визиту бестолочей и уебков всех мастей, о которых ты забыл когда вспоминал в последний раз, и вот они прибывают как бы в гости и забиваются во все щели, подтверждая твои давние мысли об их бескрайней ублюдочности — скинут ботинки, ослабят ремни и давай шариться дни напролет в твоём холодильнике, и ведь что самое поганое, ты точно знаешь, что сукин сын ну никак не мог проголодаться! — и так до тех пор, пока ты, блядь, не всплескиваешь в полной безнадёге руками и не орешь во весь голос (вопрос на миллион дохлых президентов, Сведущий Фанат Всея Америки, повторяю: один пробел три нуля пробел три нуля): “Что мы натворили, Господи? ЗА ЧТО?”

Горячо, Фантастический Фанат; мне кажется, или пахнуло паленым? Остынь. Не спеша присмотришься к этой последней картине, к галерее иностранных детей, оголодавших, солнцем палимых, ползающих на коленях за стеклянными стенами твоей личной кабины. Никто не понукает тебя сию секунду отвечать на САМЫЙ ДЕНЕЖНЫЙ ВОПРОС, так что расслабься. Специально на этот случай мы приберегли для облегчения твоих потливых раздумий старые добрые ШТУЧКИ-ДРЮЧКИ. Никакой скукотищи, Дражайший: аэросимуляторы былых сражений. Никакой принудиловки: если желаешь их вырубить — подними руку. Но я бы добавил между прочим: наши сотрудники в последнее время поговаривают о том, что в этих прогорклых отзвуках могут быть хитроумно запрятаны иные из наших знаменитых НЕЯВНЫХ ПОДСКАЗОК.

В общем, Богоравный Конкурсант, глотни ледяной воды и почувствуй себя как дома, пока все взвешиваешь; когда что-нибудь надумаешь, тени пропадут сами собой. Видение подождет. Не торопись. Сделаем звук погромче, чтоб тебе не мешали детские крики; в эфире — наша первая Ш-Д, два притопа три прихлопа под названием “Кто над чем летал?”

твой ВИДЕНИЕ

КТО НАД ЧЕМ ЛЕТАЛ?

Кто над чем?

Наконец остается лишь ухмыльчивое эхо, тонко очерченная плоть, что деспотически выныривает из прошлого и, будто указатели в музее, ведет нас назад, в год тысяча девятьсот шестидесятый или около того... когда я, студиязус, был спрошен приятелем, психолухом, не желаю ли я отправиться в местную вирджинскую психушку, принять участие в правительственном эксперименте и испытать на себе новые препараты, изменяющие сознание?

— Мне платить-то будут? — поинтересовался я.

— Двадцать баксов за сеанс, — сказал он.

— По рукам, — сказал я. — Если только ради США эт-самой А.

...и вот я, качок, не бравший и капли в рот, разве что той ночью в студенческой общаге, накануне свадьбы, и то — я не нажрался, скорее символически выпил за здоровье моих братьев, — отправляюсь в *психушку*, чтоб там закинуться *ду-рю* под руководством, разумеется, официальных лиц...

— Видите что-нибудь? — спрашивает врач.

— Ничего, — говорю я; меж нами вихрятся неописуемые видения.

— Что-нибудь слышите, какие-то звуки?

— Ничегошеньки. — Только людей, набившихся в помещении за дверью (эксперимент проводился в настоящей палате), которые клянут свою одну на всех беду, каждым словом, смешком, кашлем призывая помощь, свет, Бога, в конце-то концов...

Шесть часов спустя уже не в палате, а в своем кабинете врач вручает мне чек на двадцать долларов, надевает улыбку так, словно это маска хирурга, и велит прийти снова в следующий вторник, когда “мы опробуем на вас кое-что еще”.

— А это что было?

— Диэтиламид лизергиновой кислоты двадцать пять.

Я пришел в следующий вторник, и в последующий, и так далее. Шесть недель спустя я купил свой первый чек травы. Через шесть месяцев я заполучил в этой больнице место помощника психиатра, белую форму и ключ от каби-

— Мартини, ты уже два дня видишь эти штуки по всей доске. Неудивительно, что я горю. Макмёрфи, не понимаю, как ты можешь сосредоточиться, когда рядом сидит Мартини и галлюцинирует по десять кадров в минуту¹.

1 Здесь и далее цитаты из романа “Над кукушкиным гнездом” — в переводе В. Гольшева.

нета врача. Обо всем этом и о написанной в результате книге меня спрашивали бесчисленное число раз. Сейчас я дам ответы — надеюсь, окончательные — на некоторые вопросы.

Да, Макмёрфи — выдумка, вдохновленная затравленной тоской реальных людей, с которыми я работал в палате и описания которых, как наглядные, так и словесные, давались мне легче, чем что-либо до того или после того; из этих описаний постепенно вырисовывался абрис героя, в котором они нуждались.

И — да, я действительно написал книгу про палату и про наркотики, поверяя, так сказать, одно другим. Через несколько месяцев я устроился работать в ночную смену с полуночи до восьми и по пять-шесть часов в день пять дней в неделю бездельничал, изредка брался за щетку и тряпку, каждые сорок пять минут навещал с фонариком палаты, показывался на глаза ночной сестре во время ее часовых обходов, писал роман и разговаривал с бессонными психами. Вот вам история. Октябрь, полнолуние, почти Ночь всех святых, вечер воскресенья (на деле, когда я заступил в ночную смену, было уже утро понедельника), возвращаются ребята, что отлучались на выходные, расписываются, будто вернулись до полуночи, иначе их накажут за самоволку, я провожаю их в палату. Ребята возвращаются после выходных, проведенных у домашнего очага в соку родных и близких свар — от этого варева они и полезли в самом начале на стенку, — часто полными маньяками. С теми, кто надрался, обычно проблем не возникает; иные возбуждены настолько, что приходится сплавлять их на одну ночь наверх, в буйное, где их сторожат четыре ночных санитар и сестра, а не какой-то студентиска.

Я заканчиваю окатывать душем последнего крикливого забуддыгу, развожу всех по кроваткам и передаю отчеты сестре. Та задремывает над бумагами, подшивает их, затем накидывает лиловый кардиган.

— Оставляю их на ваше попечение, мистер Кизи — или вас на их попечение. — В дверях она замирает и добавляет: —

Кстати... мистер Хаммерквист, когда вернулся вечером, очень сильно шумел. Обычно он такой тихий...

— Нализался?

— По нему было незаметно. Просто буянил. Все рвался поговорить о чем-то, истериковал. Он впервые был на выходных дома. Присмотрите за ним.

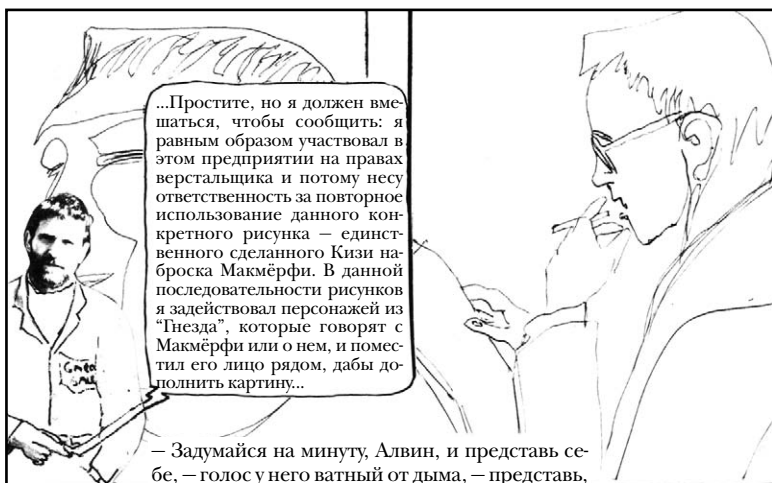
— Ему прописаны какие-то лекарства?

— Пока нет, — сказала она и заперла за собой эмалированную стальную дверь.

Мы с Хаммерквистом и сестрой уже пережили одну сцену с неделю назад, когда он не мог заснуть из-за головной боли, а она отказывалась дать ему две таблетки аспирина, потому что его врач отбыл в отпуск и не оставил никаких указаний насчет лекарств. Он очень искренне, явно мучаясь от боли, просил ее дать две таблетки аспирина, а она отказала. Он вернулся в постель; я освещал ему дорогу.

— Простите, — сказал я, когда он выскользнул из матерчатых тапок и забрался под одеяло.

Он улыбнулся и дернул плечами:

— Задумайся на минуту, Алвин, и представь себе, — голос у него ватный от дыма, — представь, что будет с любым из нас, окажись мы в индивидуальной терапии с глазу на глаз с мистером Макмёрфи.

— Все в порядке, друг.

Совершенно искренне. Огромный, вежливый, неуклюже-костистый мужчина под тридцать, слетевший с катушек во время экзаменов на ученую степень в Беркли. Отучившись семь лет и почти защитив докторскую по психологии, он неожиданно начал обращаться к проводившему собеседование ученому совету “герр доктор”, “ваша честь” и даже “святейший великий инквизитор, зачем вы склоняете меня к чаше протухшей мочи?”. Один профессор, его препод по теории бихейвиористики, позвонил жене, вдвоем они навестили декана, втроем — заставили Хаммерквиста по множеству веских причин испытать на себе краткосрочное терапевтическое заточение — разумеется, добровольно — до завершения экзаменов.

— Я съехал, — признавался он, добродушно дергая плечами. — Когда съезжаешь, тебя на какое-то время ставят в угол.

“Контактен”, как говорят на Совещаниях по оценке служащих, и таким он был, на моей памяти, всякий раз, когда мы с ним беседовали после его госпитализации. Поэтому когда два часа спустя он повторно пришел к сестре и спросил, не может ли она позвонить кому-нибудь, чтобы ему разрешили принять аспирин, а она опять ему отказала, я осмелел настолько, что, проводив его до койки, сказал сестре: мне не кажется, что жалоба мистера Хаммерквиста лжива и проистекает из обычного ипохондрического синдрома; ему на самом деле нужны болеутоляющие. Она знала, что в подобных ситуациях сестры вольны выдавать медикаменты, и многие больные без права на лекарства получали их по усмотрению медсестры.

— Я думаю, он мучается от простой головной боли.

— Возможно, — согласилась она терпеливо и жизнерадостно.

— Не помню, чтобы он жаловался на мигрень. Честно говоря, я видел лишь одно проявление его сумасшествия — он кладет кетчуп в кофе.

— Мистер Кизи. — Она принялась старательно застегивать кардиган. — Если вся его проблема в “простой головной

боли”, мы можем увериться в том, что он выживет и без аспирина, не так ли? А если голова у него не болит, мы, отказывая ему, можем подтолкнуть его к осознанию своей патологии. Скажите, вы домысли комнату для дневных занятий?

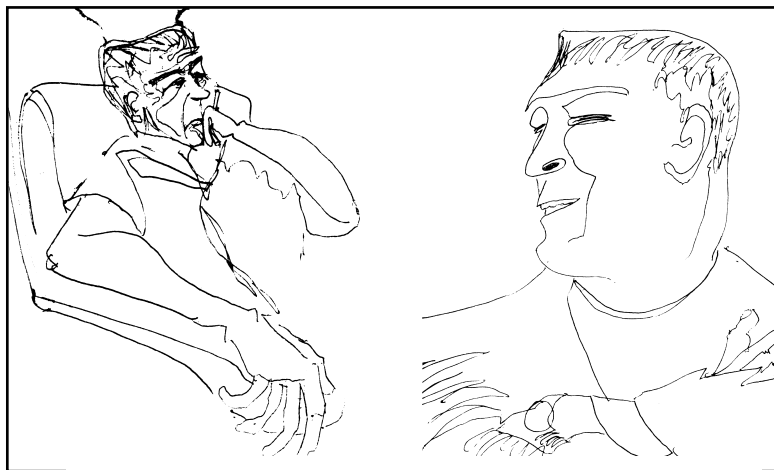
Когда она ушла, я совершил два греха, абсолютно недопустимых для санитара. Во-первых, оставил палату без присмотра и сбежал вниз по лестнице мимо ярусов палат на цокольный этаж, открыл шкафчик, где висела моя уличная куртка с карманами, распухшими от всяких медикаментов, схватил жестянку с аспирином и поднялся обратно в палату. Обходя спальни, я положил четыре таблетки аспирина на тумбочку у койки Хаммерквиста, совершив второй смертельный грех Санитара Психушки — Снабжение Больного Лекарством Без Надлежащего Разрешения.

За завтраком Хаммерквист выглядел бодрым. Он подмигнул мне, размешивая кетчуп в кофе, но больше на контрабандный аспирин не намекал никак. Уйдя со смены в восемь, я заглянул в медицинскую библиотеку, где проводил

■ К Билли подходит Сканлон.

— Если не отвечаешь на ее вопросы, Мак, этим самым ты признался. Вот так же тебя дают правительственные гады. И ничего не сделаешь. Единственное, что можно — взорвать, к свиньям, все это хозяйство... Все взорвать.

Хардинг улыбается ему и не спеша затягивается сигаретой.

— Против чего голосовать, мой друг? Чтобы сестра больше не имела права задавать вопросы на групповом собрании? Чтобы она на нас больше так не смотрела? Скажите мне, Макмёрфи, против чего голосовать?

много времени, просматривая психиатрические журналы и фармакологическую периодику в поисках информации о новых — как их тогда называли — психотомиметиках¹. Тем утром, однако, я прочел все что мог о кетчупе.

В желтеющем трактате “Народные средства” я наконец обнаружил — под заголовком “Как унять вонь” — упоминание об антидоте от выделяемого скунсом секрета: если ваша собака имела глупость схлестнуться с хорьком и теперь пахнет, вымойте ее в ванне томатного сока. Содержащаяся в соке уксусная кислота, пояснял автор, нейтрализует раздражающий органы обоняния ингредиент секрета, меркаптан² под названием “этанэтиол”. Заменить томатный сок можно и уксусом, и кетчупом. По ходу упоми-

1 Психотомиметики — старое название галлюциногенов вроде ЛСД и мескалина.

2 Меркаптаны (тиолы, тиоспирты) — группа органических соединений, содержащих сульфгидрильную (меркапто) группу — SH, связанную с углеводородным радикалом ($R=CH_3$, C_2H_5 и др.). Ароматические тиолы (напр., C_6H_5SH) называют тифенолами. Все тиолы

налось, что именно этанэтиолу обязана своим запахом человеческая моча.

Сопоставив отказ Хаммерквиста испить чашу протухшей мочи докторского совета с кетчуповым бзиком, я диагностировал Подавленную Гомосексуальную Фелляционную Фантазию, провел пару дней в раздумьях: стоит ли отдавать мою психологическую добычу на пристрастный анализ врачей-стажеров и больничного психиатра — и решил этого не делать: даже если диагноз был корректным, вряд ли измученному человеку станет лучше, если его погонят по одному из бесконечных фрейдистских лабиринтов теорий и гипотез. Хаммерквист имел достаточно поводов к беспокойству и без терапевтической группы, которая застревает в нем, требуя доказать, что ложка кетчупа в кофе не делает человека педиком.

Проявив редкий здравый смысл, я забросил свое психиатрическое расследование и — до предупреждения сестры — почти забыл про этиловый меркаптан, уксусную кислоту да и самого мистера Хаммерквиста, и он через неделю-другую растворился в серой, сидевшей тише воды и ниже травы массе, образованной большинством пациентов.

Тянулась тревожная и нервная ночь, в зарешеченные окна спален пускала слюни одышливая луна. (Ночи полнолуния отмечались двойной дозой безумств, неспроста иных людей в древности обзывали лунатиками...) Я покончил с уборщической рутинной и сел за пишущую машинку на посту медсестры.

Около половины четвертого подул легкий ветерок — слишком рано для Ночи всех святых — и возник необычный эффект: сквозняк из спальни в западном крыле через вымытый холл в спальню в восточном крыле, ветер несясь по длинному выложенному плиткой коридору со сверхъестественным воем, будто бы какой-то великий ветровой дух учился играть блюз на покрытой плитками трубе деванос-

имеют крайне неприятный запах. Применяются в синтезе лекарственных препаратов, инсектицидов, для ингибирования радикальных реакций, для одоризации (придания характерного запаха) бытового газа и др.

та футов в длину. Я закрыл окно в спальне, но внезапные порывы, отыгрывая короткий начальный рифф, распахивали его вновь. Спальни становились все беспокойнее, бормотавшие в дреме и стонавшие пациенты, ощутив поток воздуха, садились на своих койках.

Я позвонил на сестринский пост и попросил передать

Вечером, за ужином, он извиняется перед Хардингом и говорит, что сам не знает, почему так завелся в библиотеке. Хардинг говорит, что, может быть, из-за его жены: люди часто от нее заводятся. Макмёрфи смотрит в свою чашку кофе и говорит:

— Не знаю. Я только сегодня с ней познакомился. Не из-за нее же, черт возьми, у меня плохие сны всю неделю.

— Ах, мистер Макмёрфи, — кричит Хардинг, совсем как молоденький стажер, который ходит на собрания, — вы непременно должны рассказать нам об этих снах. Подождите, я возьму карандаш и блокнот. — Хардингу неловко, что перед ним извинялись, и он паясничает. Взял салфетку и ложку и делает вид, что записывает. — Так. Что же именно вы видели в этих... Э-э... Снах?

ночной сестре, чтобы она в следующий свой заход принесла мне большую бутылку кока-колы — пожалуйста. Она выполнила просьбу, я поблагодарил ее, отдал четверть доллара и попытался разговаривать, но она даже не сняла кардиган.

— Все в порядке, мистер Кизи? — Она посмотрела на меня с профессиональным любопытством; вести светские беседы мне удастся очень редко.

— Все нормально. Еще раз спасибо за кока-колу.

— Звуки машинки не тревожат пациентов, не так ли?

— Никто не жаловался. Если кто-то встает, я прекращаю печатать и беседую с ним, как и обещал старшей сестре.

Пользоваться по ночам печатной машинкой позволялось санитарам, которые придумывали для сестринской начальницы действенные отмазки — сообщали, что пишут курсовую или заявления о переводе на другую работу.

— Очень хорошо, — сказала она с осуждающим сомнением в голосе и снова меня заперла.

Я пил коку и сливался в экстазе с пишущей машинкой, а охи, вздохи и вой флейты в холле становились все громче. Я порадовался, что не принял этой ночью один из наркотиков, что добыл при помощи ключа-мародера: последний трип, совершенный мной в палате, случился от мощной дозы чистого мескалина (столько я потом никогда не принимал и не собираюсь); всякий раз, когда приходила сестра, я усердно мел пол, пряча от нее зрочки двенадцатого калибра, а остаток времени горячо препирался с огромной сучковатой сосновой дверью на другом конце кабинета; в конце концов я взял мел, провел между нами широкую желтую линию и сказал двери:

— Ты оставайся по ту сторону, лупоглазый сукин сын, а я останусь по эту! — ...в общем, в тот момент я подзавязал с наркотиками, и очень удачно: луна распускала нюни, часы “Ай-би-эм” каждую минуту оглашали космос щелчком, Октябрьский Дух накануне Ночи всех святых репетировал в обеих палатах джазовый концерт, и вдруг — *Господи Иисусе, кто тут?*

Там был Хаммерквист — он обнаружился около меня с безумным взором и растрепанными волосами, и смотрелся как рехнувшийся композитор, сочинивший вечернюю симфонию для флейты и сомнамбулы.

— Хаммерквист! Что ж это вы не спите...

— Крыса есть крыса, дерьмовый твердый хрящ, жрет мой мозг под затылком, ворует речь, душу, все мои записные книжки в ее животе, она изгрызла все желтыми зубами пишущей машинки. Кто станет терпеть крысу-вора? Кто?

Вопрос, казалось, был обращен не ко мне, но к толпе иных собравшихся в кабинете сущностей.

— Вонючка, пожиратель яиц пожиратель цыплят рыскает крадет вонючка всю ночь маскируется, не думаете ли вы, джентльмены, что мы смиримся с гидрофобией? Даже в школьном сортире? Мистер кровосос хворь вор стоит подсудимый.

Не замечая меня, он говорил с какой-то зловещей делегацией столь яростно и непреклонно, что я не осмеливался его перебить.

— Пожиратель мертвецов сидит и ждет, джентльмены; что скажете? — Он обвел глазами ярко освещенный кабинет. — Каков ваш вердикт и приговор вампиру взломщику кухонь?

Пошады я не ждал, ибо ощущал себя чужим всей его галлюцинируемой делегации, за исключением, быть может, сучковатой сосновой двери, да и с ней мы не слишком ладили; оттого я попытался на ходу сделать заявление:

— Мистер Хаммерквист, это всего лишь курсовая работа. Я просто...

— Мистер Кизи...

Теперь он смотрел на меня. Взял в руки пустую бутылку из-под коки и улыббался.

— ...знаете ли вы, что бутылку можно использовать как оружие?

— Наверное. Но, мистер Хаммерквист, послушайте, я всего лишь...

— Как орудие возмездия — понимаете? *Освобождения*. Отдаете ли вы себе отчет, мистер Кизи, в том, что кто-то мог поднять эту бутылку на санитаря, оглушить его и добиться *освобождения*?

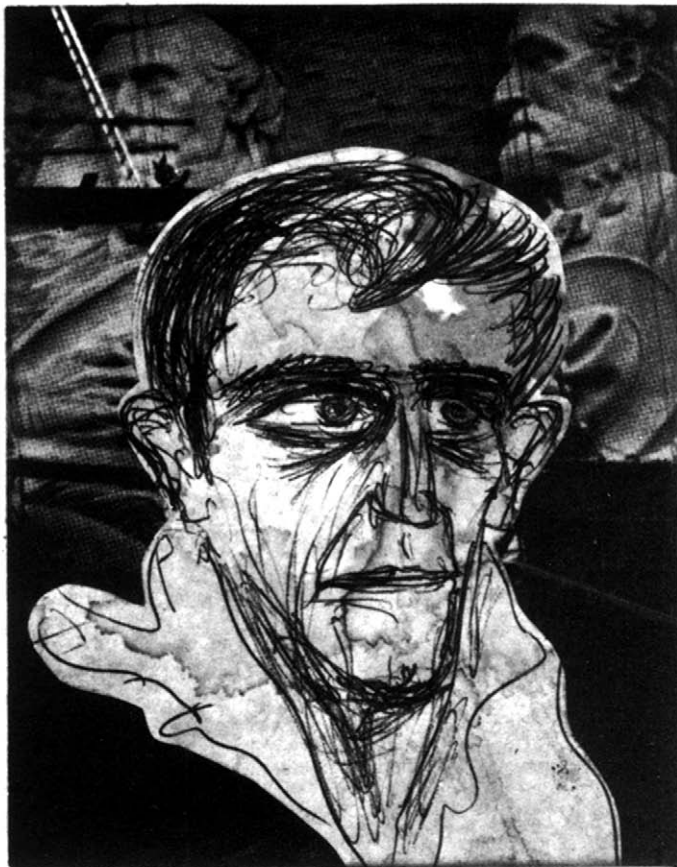
Я беспомощно кивнул. Он стоял за моей спиной. Телефон — на другом конце кабинета, на стене у сучковатой сосновой двери. Защищаться я мог только своим тезаурусом.

— Мистер Кизи... — Он говорил тихо и решительно. — Зачем вы дали мне аспирин? Вы саботируете указания компетентного обученного персонала?

Во время рассказа Хардинг возбуждается, забывает про свои руки, и они ткнут из воздуха картину, такую ясную, что можно видеть глазами, вытанцовывают рассказ под музыку его голоса, как две красивые балерины в белом. Его руки могут быть чем угодно.

Вдохновение. Редкий и ненадежный товар, нераскладываемый на формулы, недоступный по требованию. Почти все, что можно сказать о кочевых повадках Вдохновения — это что в одних областях оно проявляется чаще,

— У-у-у, — вопит кто-то на верхнем этаже.

— Это Гроган, — говорит Сканлон и глядит на потолок. Он не хочет замечать Макмёрфи. — Горлан Гроган. Несколько лет назад прошел через наше отделение. Не хотел вести себя тихо, как велит мисс Гнусен, помнишь его, Билли? Все “у-у, у-у”, я думал, прямо рехнусь. С этими остолопами одно только можно — кинуть им пару гранат в спальню. Все равно от них никакой пользы...

Горлан Гроган. Отрезал мошонку, истек кровью прямо на стульчаке в уборной, там было еще человек пять, и ничего не заметили, пока он не свалился на пол мертвый.

нежели в других, и что области, где это явление гостит наиболее часто, неукоснительнее прочих игнорируются людьми, в особенности — американцами. Мы не в состоянии добиться блистательного сцепления, пока нас по-настоящему не зацепит, да и то на это можно лишь надеяться. Я повернулся на стуле и встретил стигийский Хаммерквистов взгляд:

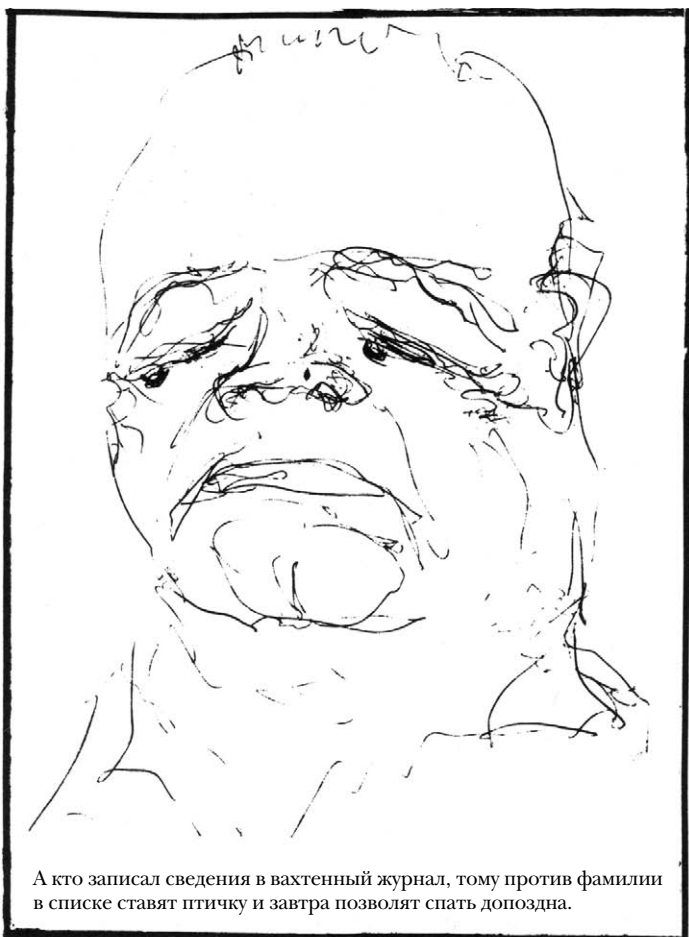
— Затем, мистер Хаммерквист, что я слышал, будто аспирина иногда нейтрализует действие меркаптана этанэтиола.

Выражение “взорвало мозги” появилось годы спустя и от частого употребления поистрепалось — оно используется в основном для того, чтобы описать каждодневные пертурбации вроде прослушивания нового рок-риффа или столкновения с несколько эксцентричным результатом будничного действия, но вообразите на секунду, что́ тут имеется в виду на самом деле: не просто шок или открытие, но такое, что прибывает на вашей собственной, родной волне — и перегружает все ваши хилые бороздочки разума, и выносит допущения перспектив за все те горизонты, которые вы уверенно считали напрочь неколебимыми. Иллюзия, взрываемаемая собственными законами. Фантазия, расщепляемая фантастическими мотыльками.

Я рискнул, предположив, что моя ложь насчет аспирина окажется на той же волне, что и диагностированный мною уриновый синдром — то есть рисковал даже дважды, — и увидел, как мои предположения прочищают мозги Хаммерквиста, избавляя их от всех прочих мелочных иллюзий. Очоченев от изумления, он долгий миг взирал на меня вытаращенными глазами, а затем, потрясенный и начисто сбитый с панталыку, поставил бутылку на стол и заковылял по холлу к своей койке.

То была лишь уловка (любой сотворенный человеком взрыв мозгов, разумеется, лишь уловка), но ее достало, чтобы развеять зловещий фарс паранойи мистера Хаммерквиста; через неделю он по своей воле освободился и отчалил в неизвестном направлении.

В течение этой последней недели мы не разговаривали, я никогда больше его не видел и о нем не слышал. Если однажды он прочтет эти строки, надеюсь, они убедят его в том, что его помешательство было расстроено в ту осененную лунной ночью не каким-то там оккультным провозвестием, но всамделишным вдохновением.

Отсюда мы переходим к последнему вопросу: если реальные люди и ситуации сотворили персонажей второго плана, а тоска этих людей отлила фигуру героя, откуда появился непосредственно рассказчик? Что сотворило Вождя Швабру?

Обычно я утверждал, что моего Вождя-рассказчика сотворил пейот, поскольку первые три страницы я написал после того, как заглотил восемь маленьких кактусов. Книга многократно переписывалась, но эти страницы почти полностью избежали правки; из их источника я черпал энтузиазм и понимание, которыми наделен рассказчик, на протяжении десяти месяцев, что ушли на сочинение романа. Тот факт, что рассказчику случилось стать индейцем, хотя знакомых индейцев у меня тогда не было, я приписывал общеизвестной близости пейота и некоторых племен юго-запада:

— Репутация наркотика неизбежно заставляет вспомнить наших краснокожих братьев, — так я объяснял это восхищенным поклонникам.

Теперь я так не думаю.

После долгих лет эйфории от осознания собственной гениальности, проявившейся в столь замечательном (если не шедевральном) штрихе, я был уведомлен о том, что некое создание изрядно рассержено на обнаглевшего телеграфиста, который приписывал себе входящие сообщения, как если бы телефонная трубка сама отвечала на звонки.

— Мистер Бромден советует вам перестать твердить, будто вы его создали, — уведомили меня. — Остановитесь, а не то рискуете пасть жертвой собственной тщеславной глупости.

— А что вы имеете в виду? — осведомился я. — От звания гения не отказываются после первой пустой угрозы...

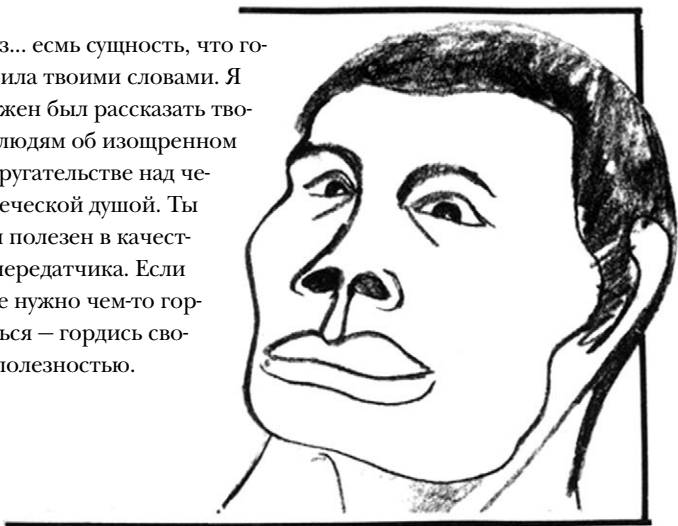
— Если вы продолжаете думать, что индеец был вашим созданием, не придете ли вы в финале к мысли, что сами являетесь созданием Тома Вулфа?

Я вынужден был признать, что это соображение разумно, однако я по-прежнему не готов отказаться от излюбленного утверждения, во всяком случае — не после смутного голословного уведомления.

— Я поверю, если он скажет мне об этом сам.

Можно подумать, я ожидал, что во сне ко мне явится огромный индеец, ошеломляющий и призрачный, в бисере и оленьей коже, и провозгласит:

— Аз... есмь сущность, что говорила твоими словами. Я должен был рассказать твоим людям об изощренном надругательстве над человеческой душой. Ты был полезен в качестве передатчика. Если тебе нужно чем-то гордиться — гордись своей полезностью.

Вместо этого однажды ночью из трубки с ДМТ¹ вынырнул пухлый и вечный призрак Лу Костелло². Тридцать секунд он скакал вокруг, шевеля толстым пальцем — “Ууу,

1 ДМТ — диметилтриптамин, натуральный или синтетический галлюциногенный наркотик ($C_{12}H_{16}N_2$), воздействие которого сходно с действием ЛСД, однако проходит быстрее.

2 Лу Костелло (Луис Фрэнсис Кристалло, 1906–1959) — американский актер и комик.

нехоро-оший мальчик!” — и бранил меня за то, что я думал, будто он умер.

— Что это за мысль такая, я тя спрашиваю? Как это я мог умереть? Я — смешной паренек, меня любят, надо мной смеются. Разве я не был тут раньше любого из актеров, которые меня играют? Ты хочешь, чтобы я на месте рассеялся, потому что какой-то старый сморчок дал дуба в Тарзане? Пфе! А что касается Вождя Бромдена, ты пожил с ним достаточно; если ты не смог оценить сие по достоинству — тем хуже для тебя!

Он еще разок укоризненно фыркнул — и втянулся обратно в вечность.

С тяжелым вздохом я отказываюсь от своего утверждения, ощущая себя на редкость хорошо и даже пропорционально сверх того, невзирая на выговор и отказ от дорогого сердцу трофея; есть что-то утешительное в том, что

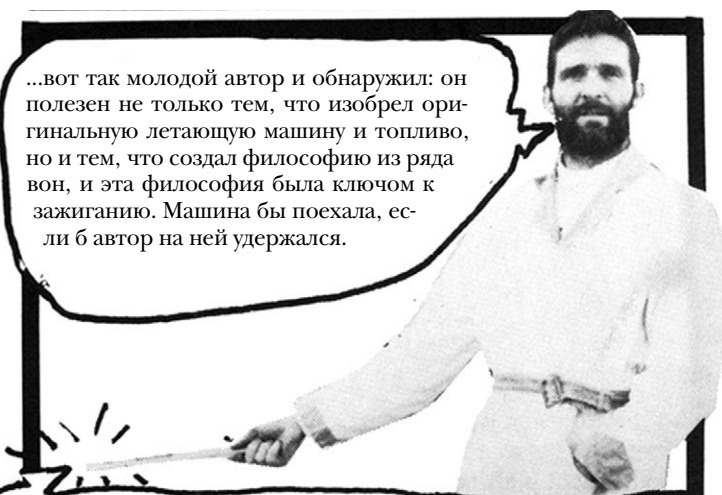
тебя посрамил сам Лу Костелло.

Я, кажется, получил от индейца еще одно известие. Из Канады пришло письмо, подписанное “Вождь Бромден”. Он писал, что женился и развелся, работает уборщиком в доме отдыха, вполне себе счастлив. Он послал мне вот эту картинку, нарисованную, по его словам, Риком Гриффином¹. Я получаю множество странных писем; никогда не знаешь, верить им или нет.

1 Рик Гриффин (Ричард Олден Гриффин, 1944–1991) — американский художник, один из ведущих дизайнеров психоделических постеров 60-х.

...вот так молодой автор и обнаружил: он полезен не только тем, что изобрел оригинальную летающую машину и топливо, но и тем, что создал философию из ряда вон, и эта философия была ключом к зажиганию. Машина бы поехала, если б автор на ней удержался.

A black and white photograph of a man with a beard and mustache, wearing a white jumpsuit with a belt. He is holding a lit matchstick, with a small burst of light and smoke at the tip. The image is framed by a thick black border.

Следует надеяться, что в будущих изданиях “Гнезда кукушки” эти рисунки и скетчи будут помещены рядом с соответствующим текстом.

Вижу, как папа выскакивает из лощины и замедляет шаг, чтобы прицелиться в оленя с шестиконечными рогами, убегающего в кедровник. Заряд за зарядом выпускает он из ствола и только поднимает пыль вокруг оленя. Я выхожу из лощины за папой и со второго выстрела кладу оленя — он уже взбегал по голому склону плато. Я улыбаюсь папе.

В первый раз вижу, чтобы ты промазал, папа.

Глаз уже не тот, сынок. Прицел удержат не могу. Мушка у меня сейчас дрожала, как хвост у собаки, которая какает персиковыми косточками.

Папа, послушай меня: кактусовая водка Сиды состарит тебя раньше времени.

Сынок, кто пьет кактусовую водку Сиды, тот уже состарился раньше времени.

Пойдем освежем, пока мухи не отложили в нем яйца.

(Гончая лает в тумане, она заблудилась и мечется в испуге, оттого что не видит. На земле никаких следов, кроме ее собственных, она водит крас-

ным резиновым носом, но запахов тоже никаких, пахнет только ее страхом, который ошпаривает ей нутро, как пар.) И меня ошпарит так же, и я расскажу наконец обо всем — о больнице, о ней, о здешних людях... И о Макмёрфи. Я так давно молчу, что меня прорвет, как плотину в паводок, и вы подумаете, что человек, рассказывающий такое, несет ахинею, подумаете, что такой жути в жизни не случается, такие ужасы не могут быть правдой. Но прошу вас. Мне еще трудно собраться с мыслями, когда я об этом думаю. Но все — правда, даже если этого не случилось.

Они там.

Черные в белых костюмах, встали раньше меня, справят половую нужду в коридоре и подотрут, пока я их не накрою.

Восемь двадцать, вносят карты и головоломки...

С одной стороны больные помоложе — они называются острыми, потому что доктора считают их еще достаточно больными, чтобы лечить, — заняты ручной борьбой и карточными фокусами, где надо столько-то прибавить, столько-то отнять и отсчитать, и получается правильная карта.

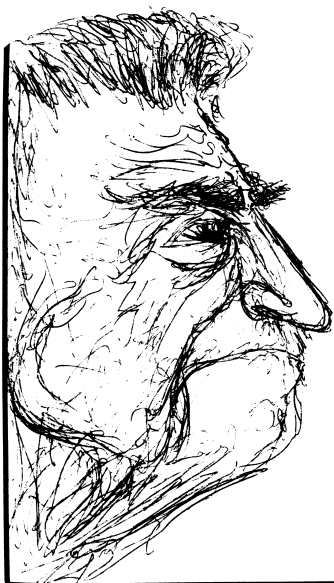
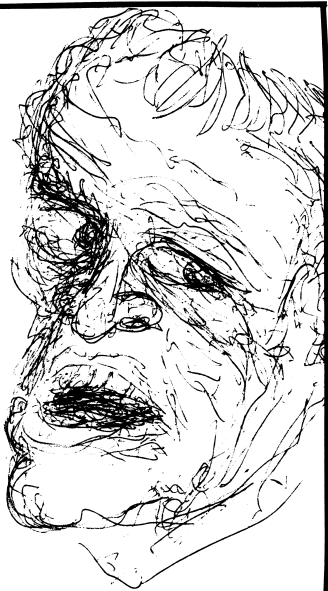

Острые много двигаются. Они шутят между собой, прыскают в кулак (никто не смеет засмеяться в полный голос — вся медицина сбежится с блокнотами и кучей вопросов) и пишут письма желтыми изжеванными огрызками карандашей.

Напротив острых с другой стороны — отходы комбинатского производства, хроники. Эгих держат в больнице не для починки, а просто чтобы не гуляли по улице, не позорили марку. Хроники здесь навсегда, признаются врачи. Хроники делятся на самоходов вроде меня — эти еще передвигаются, если их кормить, — на катальщиков и овощей. Мы, хроники, то есть большинство из нас, — это машины с внутренними неисправностями, которые нельзя починить, — врожденными неисправностями или набитыми, оттого что человек много лет налетал лицом на твердые вещи и к тому времени, когда больница подобрала его, он уже догнивал на пустыре.

Длинный, мослатый, беззубый старый швед, помешанный на чистоте, — санитары прозвали его Джордж-Рукомойник — шел по коридору, шаркая ногами и отклонившись далеко назад, так что ноги шли впереди головы (откидывается назад, чтобы лицо было подальше от того, с кем говорит), остановился перед Макмёрфи и пробормотал что-то себе в руку. Джордж был очень застенчивый. Глаз его не было видно потому, что они сидели очень глубоко в черепае, а почти все остальные части лица он закрывал большой ладонью. Тело у него было похоже на мачту, а на верхушке, как воронье гнездо, раскачивалась голова.

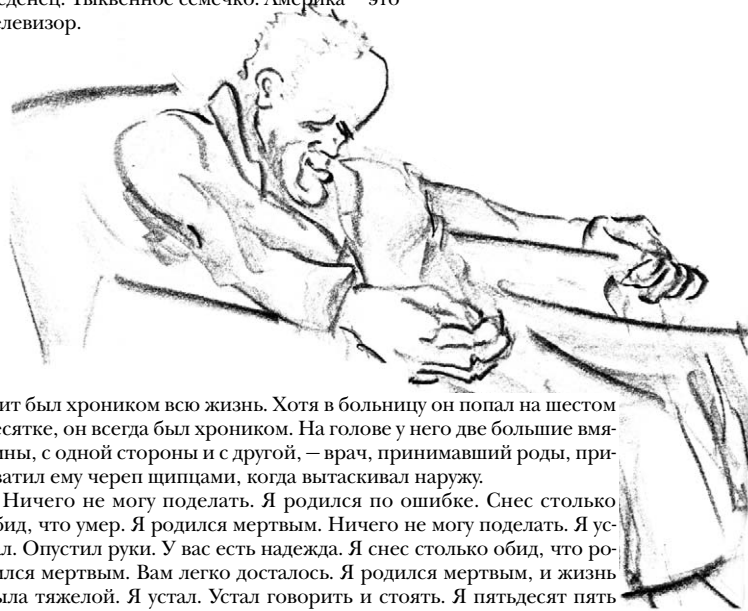

Ракли поднимает голову. Память шуршит о чем-то в попорченном механизме. Он краснеет, и сосуды закупориваются с одного конца. От этого его распирает так, что он едва может протиснуть свистящий звук сквозь горло. В углах рта вздуваются пузыри, он сильно двигает подбородком, пытается что-то сказать. Когда ему удастся выдать несколько слов, это — тихий хрип, и от него мороз идет по коже: “Н-н-на... жену! Н-н-на... жену!” От натуги он тут же теряет сознание.

Из тумана, чуть ниже меня, выплывает хроник. Это старик полковник Маттерсон читает письма морщин на длинной желтой ладони. Смотрю на него внимательно, потому что вижу его, наверно, в последний раз. Лицо огромное, невыносимо смотреть. Каждый волос и морщина большие, будто гляжу на него в микроскоп. Вижу его так ясно, что вижу всю его жизнь. На лице шестьдесят лет юго-западных военных лагерей, оно изрыто окованными сталью колесами зарядных ящиков, стерто до кости тысячами ног в двухдневных марш-бросках.

Он выпрямляет длинную ладонь, подносит к глазам, щурится и пальцем другой руки, мореным и лакированным, как приклад, от вьвшегося никотина, подчеркивает на ней слова. Голос у него низкий, медленный, терпеливый, и вижу, как выходят из его хрупких губ тяжелые и темные слова.

— Так... Флаг — это... А-а-мери-ка. Америка — это... Слива. Персик. Арбуз. Америка — это... Леденец. Тыквенное семечко. Америка — это телевизор.

Пит был хроником всю жизнь. Хотя в больницу он попал на шестом десятке, он всегда был хроником. На голове у него две большие вмятины, с одной стороны и с другой, — врач, принимавший роды, схватил ему череп щипцами, когда вытаскивал наружу.

— Ничего не могу поделать. Я родился по ошибке. Снес столько обид, что умер. Я родился мертвым. Ничего не могу поделать. Я устал. Опустил руки. У вас есть надежда. Я снес столько обид, что родился мертвым. Вам легко досталось. Я родился мертвым, и жизнь была тяжелой. Я устал. Устал говорить и стоять. Я пятьдесят пять лет мертвый.

А вот и Билли Биббит, появляется оттуда же, откуда Пит. Потянулись друг за другом посмотреть на меня в последний раз. Знаю, Билли от меня в двух-трех шагах, но он такой крохотный, что, кажется, до него километр. Тянется ко мне лицом, как нищий, просит гораздо больше, чем ему могут дать. Открывает рот, как кукла.

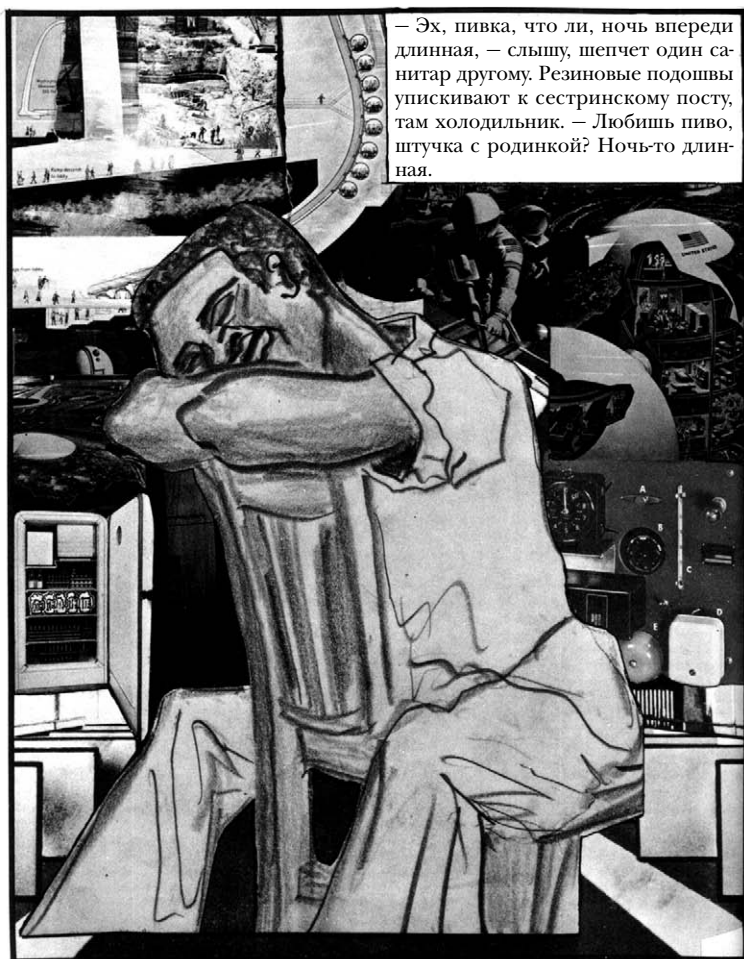
— Даже когда п-предложение делал, и то сплеховал. Я сказал: “М-милая, будь моей ж-ж-ж...” И она расхохоталась.

Однажды днем, давно, не помню когда, нас повели на улицу, но по дороге мы задержались, сели кто в вестибюле на больших, обитых пластиком диванах, кто на дворе под двухчасовым солнцем, и один санитар стал звонить букмекеру, а мать Билли, воспользовавшись случаем, вышла из-за стола, взяла своего мальчика за руку и уселась с ним на траве неподалеку от меня. Она сидела выпрямившись, туго обтянутая на спине, вытянув перед собой короткие круглые ноги в чулках, цветом похожих на колбасные шкурки, а Билли лег рядом, положил ей голову на колени, и она стала щекотать ему ухо одуванчиком. Билли говорил о том, что надо подыскать жену и поступить куда-нибудь в колледж. Мать щекотала его и смеялась над этими глупостями.

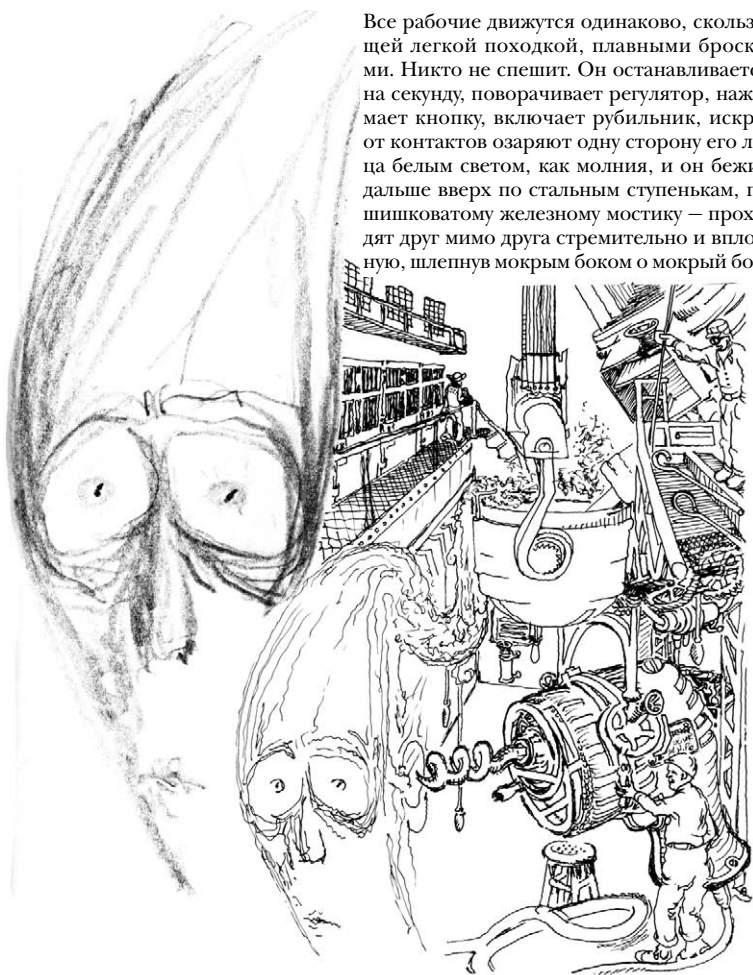
— Милый, у тебя еще сколько угодно времени. У тебя вся жизнь впереди.

— Мама, мне т-т-тридцать один год!

— Эх, пивка, что ли, ночь впереди длинная, — слышу, шепчет один санитар другому. Резиновые подошвы упискивают к сестринскому посту, там холодильник. — Любишь пиво, штучка с родинкой? Ночь-то длинная.

Человек наверху замолк. Низкий вой машин в стенах все тише, тише и сгуделся вовсе. Тишина в больнице — только мягкий, войлочный рокот где-то далеко в утробе дома, звук, которого я раньше не замечал, — вроде того, что слышишь ночью на плотине большой электростанции. Басовитая, неумная, зверская мощь.

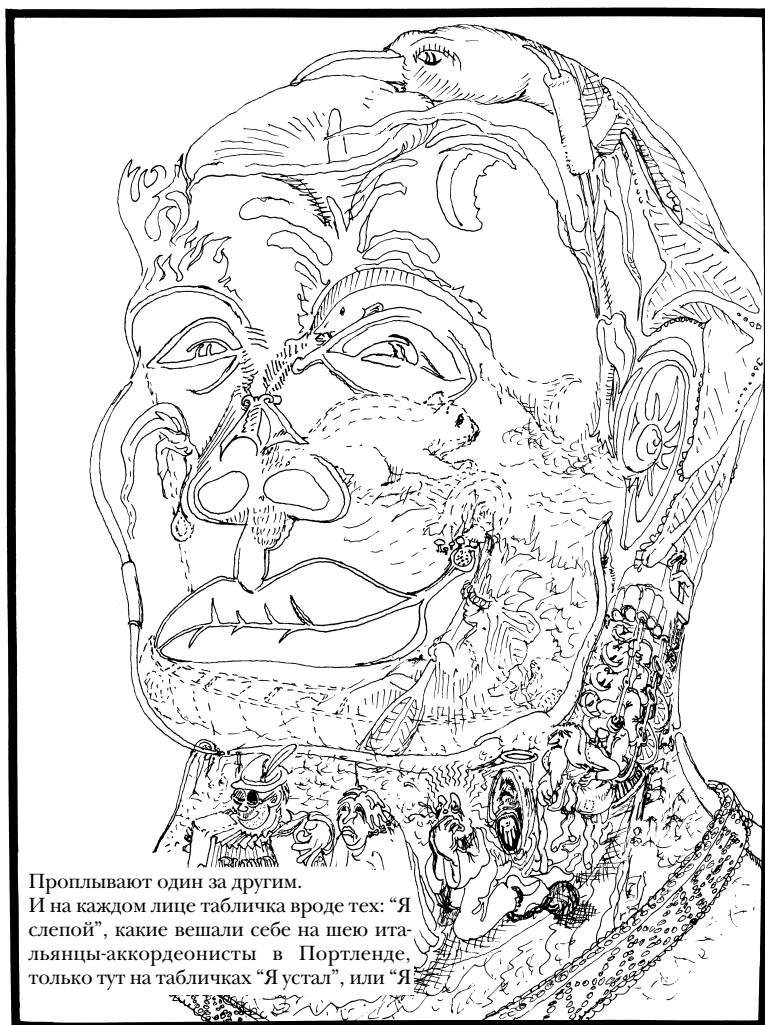

Все рабочие движутся одинаково, скользящей легкой походкой, плавными бросками. Никто не спешит. Он останавливается на секунду, поворачивает регулятор, нажимает кнопку, включает рубильник, искры от контактов озаряют одну сторону его лица белым светом, как молния, и он бежит дальше вверх по стальным ступенькам, по шишковатому железному мостику — проходят друг мимо друга стремительно и вплотную, шлепнув мокрым боком о мокрый бок,

как лосось хвостом по воде, опять останавливается, высекает молнию из другого выключателя, бежит дальше. Они мелькают со всех сторон, насколько хватает глаз, — эти картины-вспышки с неживыми сонными лицами рабочих.

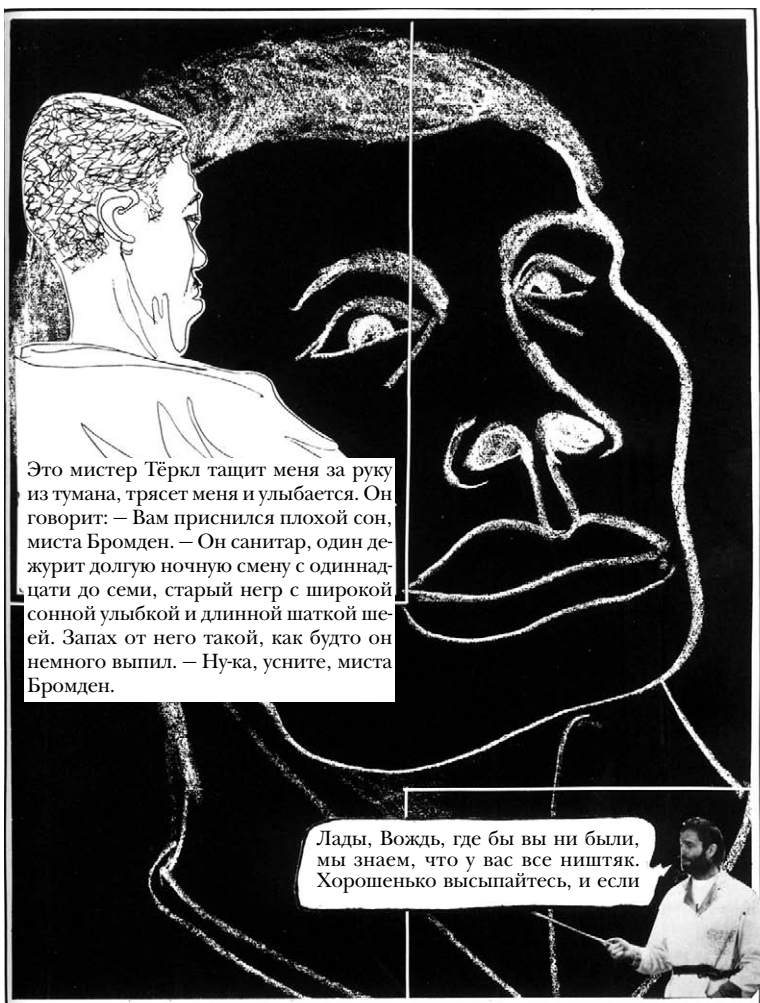
Рабочий закрыл глаза на бегу и упал как подкошенный; два его товарища, бежавшие мимо, хватают его и на ходу забрасывают боком в топку. Печь ухает огненным жаром, и слышу, как лопаются тысячи радиоламп, словно шагаешь по полю со стручками. Этот звук смешивается с рычанием и лязгом остальных машин.

В нем слышен ритм, громовой пульс.

боюсь", или "Умираю от цирроза", или "Я повязан с механизмами, и все меня пинают". Я могу прочесть все таблички, какой бы ни был мелкий шрифт. Некоторые лица озираются и могли бы прочесть чужие таблички, если бы захотели, — но что толку? Лица пролетают мимо меня в тумане, как конфетти.

по ходу драмы понадобится Индейский Супергерой, который остановит сражение, предложив собраться на совет и раскурить трубку мира, вы назначаетесь ответственным за первую затяжку...

Что до всех остальных... взгляните сюда. Вот так. Пролитайте заплесневелые рукописные страницы "Блажи". Разобрать его почерк все равно не может никто.

Да уж; не слишком ли быстро летят годы? Гляньте-ка. Меня зацепил 1964-й. Почему мы не можем пройти мимо шестидесят четвертого? В тот год шутки ради голосовали за Барри¹. Подумать только, раздумчивый Профессор пойман в припадке ностальгического паралича, он вспоминает жаркие летние деньки, когда страна клонилась вправо, а мотоцикл "триумф" (500 и больше куб см) был привязан к задней платформе.

К сожалению, на сей раз этот лот не будет... я повторяю... не будет выставлен на продажу, мы придержим его на неопределенное время и позднее продемонстрируем полновесно, без сокращений, во всем сиянии его славы. Верно, Мэл?

Не слушайте его, ребята. Вот оно, во всей своей полноте, показывается впервые. (Ну — не совсем. На памятных выходях мы посмотрели его от начала и до конца.) Автобусное Кино! Год жизни, сконденсированный в тридцать часов фильма. Припрятанный вот тут на двух рядах полок. Все для вас, ребята, в современной упаковке... хе-хе...

Впрочем, нам нужно отделаться еще много от чего, прежде чем пропалывать и жать всходы на *этом* поле. Пусть оно получше удобрится компостом, Мэл. Вот еще кое-что из прошлого, вам, ребята, понравится. Мы его немало почистили, все-таки чистота — залог здоровья.

Этот Лот датируется 65-м или 66-м годом, когда во время первой серии экспериментов слова и образы были пред-

1 Барри Моррис Голдуотер (1909–1998) — политический деятель, крайний консерватор, в 1964 г. кандидат в президенты от Республиканской партии.

намеренно наложены друг на друга необычным манером, требуя от читателя-зрителя сознательной попытки увязать первые и вторые в складный замысел.

Немного погодя участники эксперимента решили, что для восприятия зашифрованных образов неуклюжие мускульные движения уже не обязательны.

Сенсоры и рецепторы в их сознании без труда постигали гештальт-соединения, что позволяло экспериментаторам следовать за распухающим фургоном неуместной информации сквозь на первый взгляд невозможную фабулу.

Я отдаю себе отчет, что оставшийся двуמוзгий пример давнего эксперимента покажется кустарным тем нынешним исследователям-универсалам из сообществ дилетантов, что усваивают современную электронную иррелевантность с просто-таки изворотливой виртуозностью.

И все же я уверен, что вы насладитесь старомодными попытками наполнить плоскую страницу выражениями мысли и мечты настолько, насколько позволяет это наш пестрый транспорт.

Однако прежде чем приступить, разрешите мне указать на новейший атрибут данного Лота. Перед вами — не только киносценарий, что планируется, не вырезав ни одного тяжеловесного слова и ни одной хаотической сцены, преобразить в полнометражный художественный фильм, в котором заняты (поскольку братья Маркс¹ более недоступны): Команда Пляжных Тусовщиков (Аннет Фуничелло, Фрэнки Авалон, Дон Риклс² и Мотоциклетная Банда); перед вами еще и Книга-Раскраска для Больших Детей.

Что приводит нас к сущности ГИГАНТСКОГО РАСКРАСОЧНОГО КОНКУРСА. “Бестрепетные Трипы” без обмана предлагают вам принять участие в конкурсе, пред-

1 Братья Маркс — знаменитое американское комедийное трио: Граучо (Джулиус) (1890–1977), Чико (Леонард) (1887–1961) и Харпо (Артур) (1887–1964). Двое других братьев, Гуммо (Милтон) (1892–1977) и Зеппо (Герберт) (1901–1979) выступали с ними на раннем этапе общей карьеры.

2 Аннет Фуничелло (р. 1942), Фрэнки Авалон (р. 1944), Дон Риклс (р. 1926) — американские актеры, звезды “пляжных” фильмов середины 60-х годов.

восхищая издание “По Ту Сторону Границы” в сверкающем полноцветном варианте.

Победителям ГИГАНТСКОГО РАСКРАСОЧНОГО КОНКУРСА будет предоставлена возможность раскрасить *все* страницы сценария. А также сняться в эпизодах в трехсерийном шестичасовом эпосе в “Техниколоре”.

Победители будут определены жюри из трех судей на нью-йоркской художественной выставке, где ваши работы будут выставлены на всеобщее обозрение на, может быть, весьма долгий срок.

Если вам это интересно, раскрасьте одну или более страниц сценария фломастерами, акварелью, цветными карандашами или другими излюбленными вами раскрасочными средствами и отошлите нам вместе со следующим купоном:

РЕЗАТЬ		ТУТ	
<p>ГИГАНТСКИЙ РАСКРАСОЧНЫЙ КОНКУРС МАРШРУТ 8 А\Я 477 ПЛЕЗАНТ-ХИЛЛ, ОРЕГОН 97401</p>		<p>Я представляю эту работу на ГИГАНТСКИЙ РАСКРАСОЧНЫЙ КОНКУРС. Прошу вас, отнеситесь к ней максимально снисходительно! Понимаю, что если не окажусь в числе победителей, вы мне никогда не напишете и я вряд ли вновь увижу раскрашенные мною страницы. Но если, с другой стороны, мои труды порадуют ваш глаз и я войду в число избранных, вот мои координаты:</p>	
ИМЯ _____			
УЛИЦА _____			
ГОРОД _____	ШТАТ _____	ИНДЕКС _____	
Примечание: все рисунки становятся собственностью... э... хм... Проказницких Архивов. Конкурс заканчивается 18 июля 1975 г.			

ПРИЗЫ!

ПРИЗ \$250

ПРИЗ \$100

ПРИЗ \$50

СЛЕДУЮЩИЕ ДЕСЯТЬ ПРИЗОВ:
бесплатная подписка на первое издание
“ПЛЕВКА В ОКЕАН”,
грядущего журнала
от “Бестрепетных Трипов”.

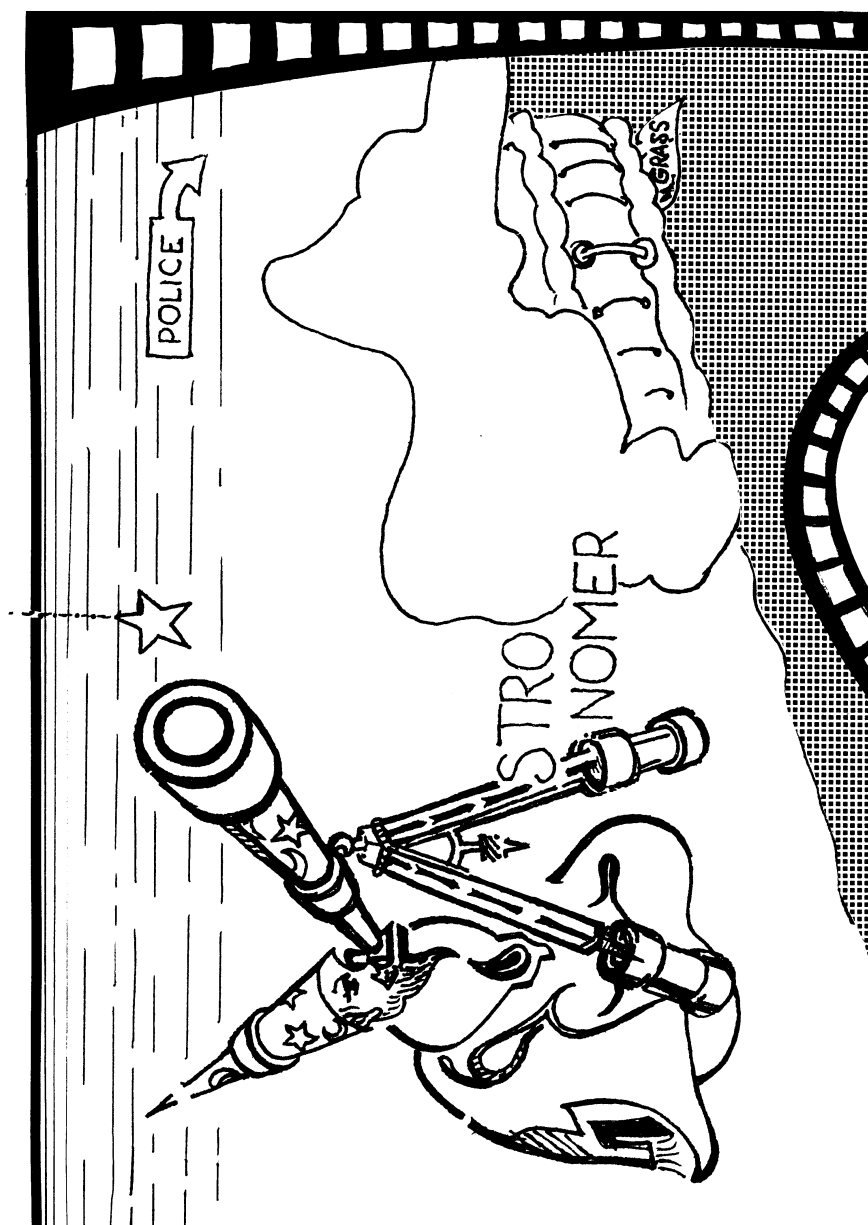
Покончив с подробностями, я предлагаю вас расслабиться и насладиться следующим, наиглавнейшим произведением ГАРАЖНОЙ РАСПРОДАЖИ КЕНА КИЗИ:

ЛОТ НАРАСХВАТ НОМЕР 2

чуть-чуть ностальгических бликов образца 1966 года под названием...

**ПО ТУ СТОРОНУ
ГРАНИЦЫ**

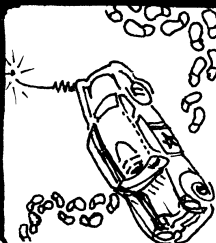
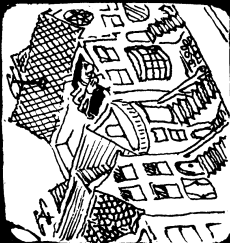
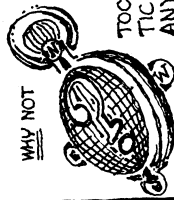
Пролог

Медленно и панорамно – звезды, забродившие в густой осенней ночи; ответе ее мы слышим бесплотно-драматическое повествование оркеструэлловского

ГЛАСА НЕБЕСНОГО

Жил да был мóлодец американского происхождения, и решил он, что постиг Великую Тайну. Отмычку к Космосу, Абсолютный Ответ на Вековой Вопрос, коим задавался всякий Волшебник, Алхимик и Мистик, что вперял любопытный взор свой в Ошеломляющие Небеса, всякий Доктор, Ученый и Исследователь, что бродил по Путаным Путям мира сего, всякий Философ, Святой и Политик, слышавший Загадочную Песнь в биении Сердца Человеческого... ответ на вопрос — “Что Всем Этим Движет?”

Из звездной развертки ярко и внезапно надвигается город, мы пикируем в неоновый огонь его улиц. Мелькнувшая вдали панорама моста Золотые Ворота является нам Норт-Бич Фриско середины шестидесятых и ночную жизнь, что бесстыдно кипит под крышами домов. На крышах замерли на страже тускло освещенных слуховых окон вентиляторы из оцинкованного алюминия с выразительным арсеналом телеантенн. Одна за другой крыши проносятся мимо и наконец останавливаются: мы снижаемся, заведя двух людей – они лежат на животах на спальном мешке, разложенном у края кровли, они подались вперед, дабы следить за улицей: там остановилась патрульная машина, из нее выбираются два полицейских...

БЕГЕМА¹ (смотрит вниз; ее большие карие глаза делаются еще больше от электричества теплой осенней ночи со звездами наверху, оттого, что ее парень – рядом, а копы далеко и кажутся карликами... она шепчет): Вынюхивают. Выслеживают. Как думаешь, чего они тут ищут?

ДЕБОРИ (пожимая плечами, создает внеплановый контрапункт к ее мелодрам): Грааль.

БЕГЕМА: Грааль?

ДЕБОРИ: Святой Грааль с Тайной Вечери. Они получили звонок от неизвестного, тот сообщил, что битник из гаража на Грин-стрит использует Святой Грааль для курения гашиша.

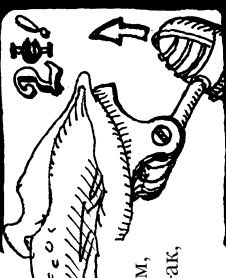
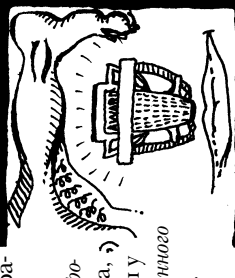
Бегема тихо прыскает, Дебери зевает, копы тычут фонариками в тени и дверные проемы, болтая и паясничая – “Стопа атлета², промежуточность атлета, подмышка атлета, О’Коннел... что дальше? Во рту еще не выросли грибы?” – “Неизвестно, чего бы у тебя зашелушилось, если б ты узнал, где я эту дрянь подцепил...” – во время рутинного чёса. Бегема, показав им язык, быстро отползает от края и говорит – все еще шепотом...

БЕГЕМА: Пушай выслеживают, легавые следаки.

ДЕБОРИ (отползая к ней, процитируя горло): Так о чем это мы?

БЕГЕМА: Мы, собственно, о... (роскошно перекатывается на бок и передвигается на локте, озорно блязая собеседника задом; настал ее черед шутить шутки с его приказным тоном) ...о новой звуковой системе, добытой для Крысиного Фестиваля, который будет завтра ночью, о том, что у нас в кои-то веки есть аппаратура под стать событию – развигни ни так-а, генераль Бонапарт?

ДЕБОРИ: Слышь, не было еще феста, на котором слышны микрофоны.

БЕГЕМА: Сам ты слышь. С новым микшером и колонками, которые взял напрокат старина Хват, мы задинамим провода так, что блоха перднет — и то будет слышно.

ДЕБОРИ: Надеюсь, слышно будет хотя бы, как Ястребник играет.

БЕГЕМА: Чел, "Свитков Моря" слышно *всегда*.

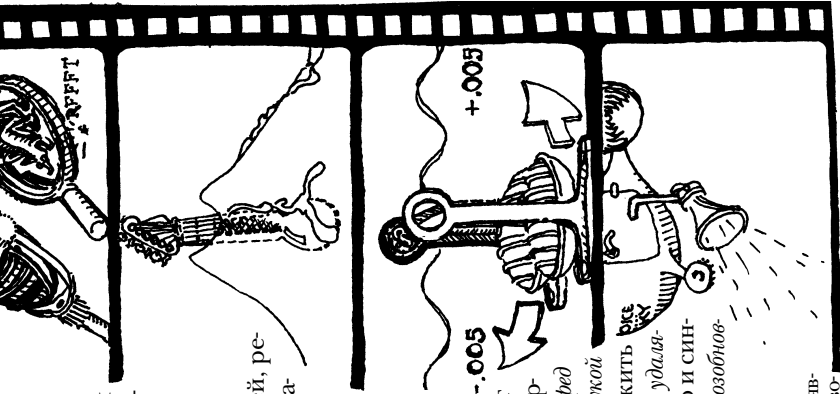
ДЕБОРИ: Инструменты — ожоги!.. Через десять тонн гитарных усилителей, ревербераторов и прочей фигни. А пение — дохлый номер. Пытаться настроить микрофоны на голос, чтобы слышно было, да еще чтоб не заводился, под артиллерийским огнем так называемой психоделической музыки — все равно что мерить температуру в вулкане ректальным термометром.

БЕГЕМА (*уютно подползая поближе*): Вы и раньше это говорили, генераль.

ДЕБОРИ: Мы должны расслышать все — слова, музыку, *прочий бред*, все, -.005 что происходит в зале, — до того, как услышим волны. Примерно вот так (*садится, дабы продемонстрировать*). Значеш, есть такие качели в парке аттракционов... как там их — "Ракеты"? "Кувалды"? (*вытягивает вперед руку... его предплечье валло повисает, кулак становится маятником... другой рукой толкает кулак, предплечье начинает тихо раскачиваться...*) Если приложить немного силы в направлении качения... (*дует на свой кулак, когда тот удаляется от тела, ждет, пока кулак вернется, снова дует...*) Немного, аккуратно и синфазно... (*с каждым выдохом кулак качается все более лихо, и Великий Глас возобновляет свое повествование*)

1 Бегема (*шф.*) — животное (бегемот — мн. ч.).

2 "Стопа атлета" — грибковое заболевание, характерными признаками которого являются покраснение, зуд и шелушащаяся кожа обычно между или около межпальцевого пространства.

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

И, подобно всем Волшебникам, Ученым и Святым до него, полагающим, что они постигли Великую Тайну, наш молодой американец думал вот-вот ответить на вопрос, что, кажется, неизменно возникает за ответом на "Что Всем Этим Движет?", на вопрос куда более интригующего свойства: "Как Мне Всем Этим Управлять?"

ДЕБОРИ (под чьим дыханием кулак делает наконец "солнышко"): ...пока мы не превратим то, что называют они Синусоидой, в то, что называют они Полной Революцией (довольно улыбается собственной наглядной демонстрацией). Только — нужно попасть в волну.

Нельзя идти против волн и надеяться их загасить, Нельзя выйти, сколько усилий ни прикладывай. Услышишь волны — получишь революцию.

БЕГЕМА: И это вы говорили раньше, генераль...

ДЕБОРИ: Вероятно, мамзель, эти слова вы услышите еще не раз.

БЕГЕМА (глаза закрыты, темные волосы ниспадают, а губы вздыблены к звездной ночи): Не в следующие пятнадцать-двадцать минут, лады?

ДЕБОРИ: Я приложу к тому усилия.

(нежно отводит палец на ее упованное лицо прядку волос) Однако же

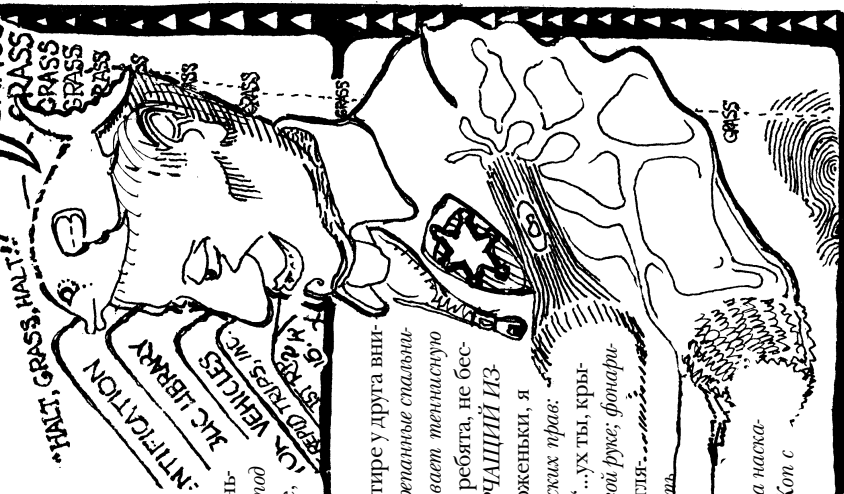
должен вас предупредить, мамзель Бедовая Пчела, что запугивание моего неисякающего гения потребует недюжинного отвлекающего маневра...

БЕГЕМА: Недюжинного — типа как?

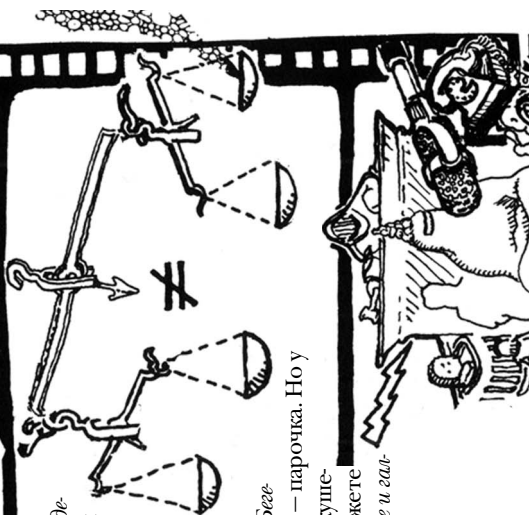
ДЕБОРИ: Недюжинного — типа как...

Два кота с фонариками внезапно выгрызают из лестничного люка на крышу с требованием "Удостоверения личности, лежебоки!" Черда событий вдруг прореживается до скоротечных кадров, что запечатлели яркие моменты последовавших бедствий. "Вот так, спасибо — мышкий фонарика. Бегема, застегивая блузку, протестует: "Слышите, ребята, мы тут это..." Свет — ей в глаза. "...достаточно ребят, чтобы гулять так поздно, а, мисс? Уже не ребенок, да?" Спутня Дебори сражается с ковбойским сапогом. "...а на квартире у друга внизу стало жарковато, ну, мы и подумали..." Луч света зондирует разstreпанные спальные кии. "...жалоба — кто-то находится на крыше". Бегема зашнуровывает теннисную туфлю: "...чего он нам не сказал, гражданин этот, сказал бы, и вас, ребята, не беспокоил..." **СВЕТ НАТЫКАЕТСЯ НА ПЛАСТИКОВЫЙ ПАКЕТ, ТОРЧАЩИЙ ИЗ ПОДА МАТРАСА.** "...Ё-моё, вон второй". Бегема вытучивает глаза: "Боженьки, я ж совсем забыла..." Огромная рука медлит с возвращением водительских прав: "...во там, О'Коннелл?" Дебори оборачивается, буркает Бегеми взглядом: "...ух ты, крыша-то у них с сюрпризом". Рука предъявляет пластиковый пакет другой руке; фонарики светят в одну точку; Дебори реагирует моментально: "Дайте-ка взглянуть!" Хватает пакет. "Следи за ним, Джо!" Пытается набить содержимым рот; тут на Дебори набрасывается коп. "...Джо!" Бегема орет. Коп рядом с ней достает пистолет. Коп, что набросился на Дебори, вопит: "Пристрели его, Джо! Пристрели сукина сына!" Бегема насккивает на пистолет и истерически умоляет: "Нет! Он хороший!" Коп с пистолетом нерешительно призывает: "Стоять! Стоять! Вы арестованы!" Рыжеволосый коп отпрыгивает и яростно требует: "Давай,

Джо!.. Пристрели его! Стреляй!" Дебори, будучи не в силах проглотить па-
кет, кидает его за край крышки. Пакет летит в перулок. Коп отпускает Дебори и
бросается глядеть в перулочный мрак. "Ах ты мразь сукин сын черножопый!"
Пакет, кружа, падает вниз... Дебори выворачивает шею, чтобы посмотреть, как
скользывают руки ему за спиной. "Слушайте, парни... это гравка?.. Клянусь Отцом
Небесным..." Рыжеволосый коп одышаво: "...утроза жизни напарника, Джо; его
надо было пристрелить". Бегма плачет, все еще сдерживая руку Джо с пистоле-
том. "...правда! Он ничего не знал. Это была моя гравка. Я тоже клянусь От-
цом Небесным..." Дебори — Джо, который все еще трясется: "...остынь, па-
рень, пожалуйста, а? У меня вот-вот суд по другой зане..." Рыжеволосый
коп, показывая на следы потасовки в футе от края крышки: "...он бы меня чуть
толкнул, я бы чуть споткнулся — и была бы мне хана,
Джо. Сукина сына надо было пристрелить!"

Лыбящийся коп в рубашке макает большой палец Дебори в чернила и де-
лает отпечаток. "...уже почти ей вставил, да, партнерчик? Страсти
небось прямо кипели..." Крутомордая надзирательница сует трубку
телефона в скваинные руки Бегмы. "...спровадили нас в городскую
тюторку, Макгилликадди. А он правда не знал ничего о травке!" Де-
бори фоткают со вспышкой: фяс, профиль, табличка с именем Дебори,
Девлин под суровым подбородком. На заднем плане — голос из палатей-
ской радиоточки: "Сундук уже в пути, О'Коннел, кого повезем-то?" Бег-
ма с Дебори трясется в полицейском фуруне. Голос О'Коннела: "...торчки — парочка. Но у
одного сукина сына — Сопротивление При Задержании, а то и Покуше-
ние На Убийство". Хлопает дверца. Малоток бьет по подставке: "...скажете
в свою защиту, мистер Дебори?" Дебори — с новой прической, в костюме и гал-
стук, рядом с адвокатом, Макгилликадди: "Не Виновен, ваша честь".

Лифт идет вниз, Бегема, наступившись, поглядывает на Дебори (с одной стороны) и жену Дебори Бетси (с другой), чьи руки показаны на плечах двух чистеньких голышевых детей.

В отведенной под орех кабинке громыхает голос адвоката: "...чтобы они отложили этот суд, пока мы расправимся с другим, в Сан-Матео, и пока не примут наше ходатайство о признании ордера недействительным, а также поговорить с рыжим придурком, чтобы перестал нести чушь о покушении на убийство, и убедить окружного прокурора в Сан-Матео не отягощать то дело упоминанием этого..." Лифт (вид сверху) отступает в шахту...

Газетное фото — Дебори и Бегема в суде, Бетси с детьми смотрят на них из зала; Бегема читает: "...поднял их с лежанки на крыше. Пока парочка облачалась, офицер О'Коннел обнаружил под матрасом пластиковый пакетик. О'Коннел заявил..." Сволочной суккиной сын, мы только обуем и сняли". Дебори в космическом скафандре на Галя-Крысином Фестивале, по усталым глазам бьет стробоскопический свет. Репортер с микрофоном от переносного магнитофона пытается перефразировать реву высокодецибельного рока: "Девлин, как, по-вашему, будет развиваться ситуация?" Мать по телефону, вот-вот разрыдается: "Ах, сыночек, мой сыночек... что ж ты с собою делаешь-то, а?" Длинноволосое скопище с гитарными чехлами окружает Дебори на автомобильной стоянке: "А это, ну, что в Лос-Андже через неделю — ты как будешь..." Дитя свет в рот ложку овсянки: "Папа, где..." Еще одно кусок тоста: "Да, папа, г..." Третье — на детском стульчике: "Па-па-а-а?"

Короткие сцены дробятся до затемнения, уступающего место вялой панораме задней комнаты книжной лавки Хвата; в тусклом сиянии трех свеч видны Друзья Животных, расставшиеся на штабелях журналов и книг в мягких обложках. Они терпеливо взирают на Дебори, что стоит на коленях перед одной из свеч и читает нацарапанные на планшете строки. Закончив правку авторучкой, Дебори перечитывает текст про себя, кривится, потом решает зачитать написанное вслух:

ДЕБОРИ: “Да, друзья мои... я только что миновал поворот на залив Болинас, а значит, я ныне довольно далеко к северу от Сан-Франциско и довольно близко к океану, поэтому чего б не закинуться кислой”. *(смотрит горе)* За тем строка пропущена. Затем: “Одиннадцать вечера. Остановился отлить у Форта-Брегт...” — это чтоб выглядело так, будто я повернул к морю — “...и слышу соленый зов ветра, буквально чую дух старой изворотливой шалавы...”

В служебной комнате, смежной с озаренным свечами складом, бородач в древнем очкастом авиационном сидит, задрав ноги на стол, пьет вино и исследует шведский фотоальбом с нагими девицами. Сквозь дверной проем за ним просматривается Дебори — колениопреклоненный перед свечой, он читает. Еще один молодой парень входит со стопроны лавки и направляется к столу. В руках у него — спальник и чемодан. Бородач заводит речь, не отрываясь от исследований:

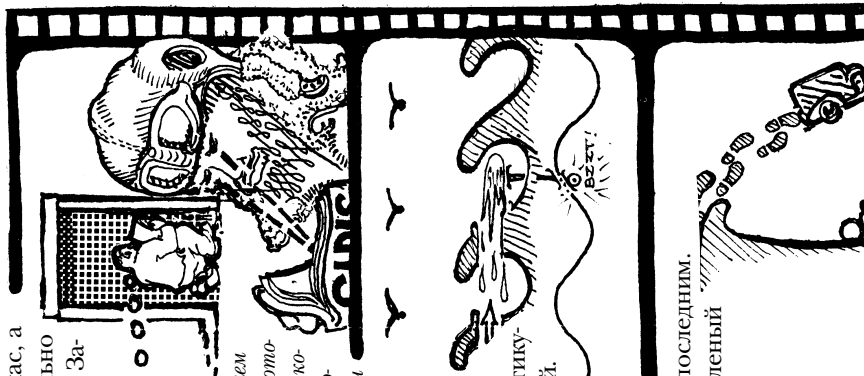
БОЙС: Долго еще, мать его за ногу?

ДУРЕМАР: Вот-вот. Предсмертная записка dokonчена, теперь он ее всем зачитывает и следит за реакцией.

БОЙС: Надеюсь, нам не нужно ждать, пока слушатели ее обозрят и обкритикуют? Я хочу уже на все забить и выпрести наружу за какой-нибудь киской.

В комнате Дебори все еще предается чтению; камера скользит по внимательным лицам: Бегега — глаза светятся от слез; Бетси — глядит в пол; Клод и Бианш — таращатся на свечку; адвокат — закатывает глаза, давясь возмущением...

ДЕБОРИ *(сипло и прочувствованно)*: “Океан, Океан, я буду смеяться последним. На сей раз я тебя разобью. Я стопами своими пробуравлю твой рифленый морской песок...”

Опять Бойс – превращивает страну и отхлебывает вина. Дуремар расплыва-
ся на скамье, подложив под голову спальный.

ДУРЕМАР (не открывая глаз): Слышь, Бойс, бляха-муха, если решишь свалить по-
охотиться на девочек до того, как закончится эта сцена, разбуди меня.

БОЙС (хрюкает, отпивает вина): Блин, кому он собирается посылать записку-то? Гер-
бу Кэйн¹?

ДУРЕМАР (почти уже заснул): Деборину родственнику... тот на Деборином "додже" помчится на север,
до самой Эврики, остановится на подходящей скале, оставит записку на
приборном щитке, а на берегу – Деборины расписные туфли.

БОЙС: А чего этот родственник будет делать потом? Пешедралишь и автосто-
пить триста миль до города, чтобы поспеть к сенсации в "Хро-
нике"?

Но Дуремар уже похрапывает. А в комнате Дебори заканчивается с за-
пиской:

ДЕБОРИ (читая с некоторым трудом): "И прошу вас продолжать дело Фести-
вая таким, как мы его задумывали, а я посмотрю, чем могу помочь... с
той стороны. Звучит сурово и жутко, Друзья Животных, я знаю, и мне противно празд-
новать труса... но ничего не напишешь... наш корабль избавится от якоря судеб-
ной системы и поплывет дальше, так что – ничего не напишешь. Не-штур-
ман не может управлять, будучи средоточием движения. Маловато
шансов на дезориентацию. До скорой встречи – на том или ином плане
бытия. С любовью, Девлин Дебори".

1 Герб Кэйн (1916–1997) – американский журналист, с 1930-х годов и до своей смерти – ав-
тор колонки в газете "Сан-Франциско Кроникл" под названием "Для меня это новость".

Он закрывает записную книжку и передает ее Бетси. Следует длинная пауза, потом адвокат, не в силах более сдерживаться, воздает руки и отворачивается:

МАКГИЛЛИКАДДИ: Бред, какой бред...

ДЕБОРИ (выпрямляется и потягивается): Послание Неонового Пророка из соленой могилы; как оно вам?

МАКГИЛЛИКАДДИ: Бредово.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Дев, это динамит. Заполучи ты на этот пустячный текст авторские права — озолотился бы.

ДЕБОРИ: Чуюток удачи — и следующее послание придет из какого-нибудь залитого солнцем захолустья к югу от благословенной границы.

БЕГЕМА: А как ты узнаешь, куда его слать? Мы в следующую субботу будем в Лос-Андже, зуб даю.

ХВАТ: Фифи Лямур сказал, что можно остановиться у него в Пасадене.

ДЕБОРИ: Адрес знаешь?

ХВАТ: Я — нет. Клод?

КЛОД (продолжая таращиться на свечку): Я адреса не знаю, но это в пасаденских "Пещерах Радости". "Пещер Радости" много быть не может, даже в Пасадене, так что, думаю, мы их отыщем.

ХВАТ: Как насчет "Пасадена, Друзьям Животных, до востребования"?

ДЕБОРИ: Нет, после того, как я завтра не явлюсь в суд, пишу ма Друзьям Животных могут отслеживать. Я буду посылать их... Людям Икс, до востребования, Пасадена, Калифорния. Каково, а — Люди Икс?

МАКГИЛЛИКАДДИ: Все бредовее и бредовее. Слушайте, даже если вся эта херня выгорит,

LOS ANGELES

PASADENA

MEXICO

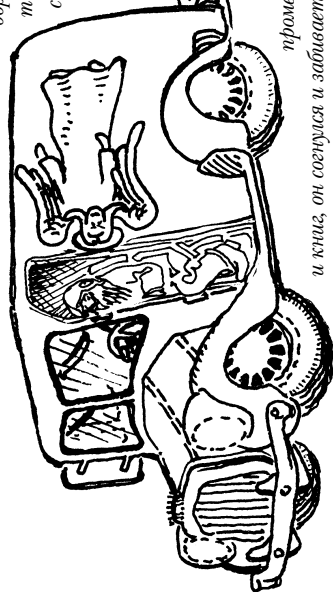

даже если вам удастся липовое самоубийство, что вы, черт вас дери, будете там делать — среди ослов и кактусов?

ДЕБОРИ (тихо, массируя затекшую шею): Буду отдыхать, Магилликадди. Я иссяк. Буду отдыхать. Отдыхать, медитировать, слушать волны безмолвной матушки-земли и искать Путь, безмятежно искать Путь...

Оглушительно бавив газ, разрисованный грузовик Бойса врзается в стадо ребристых и пыльных мексиканских буренок, заставляя напуганных зебрей хвататься в зустом подлеске по обе стороны изрытой колеями односторонней дороги, чудесно лагвирует между животными, умудряется никого не задеть и вновь наращивает скорость, выехав на свободный путь.

Внутри под орущее мелодии маршачи радио и сумбуриый дребезг грузовика Дебори, Дуремар и Бойс, раздетые до трусов, что есть силы

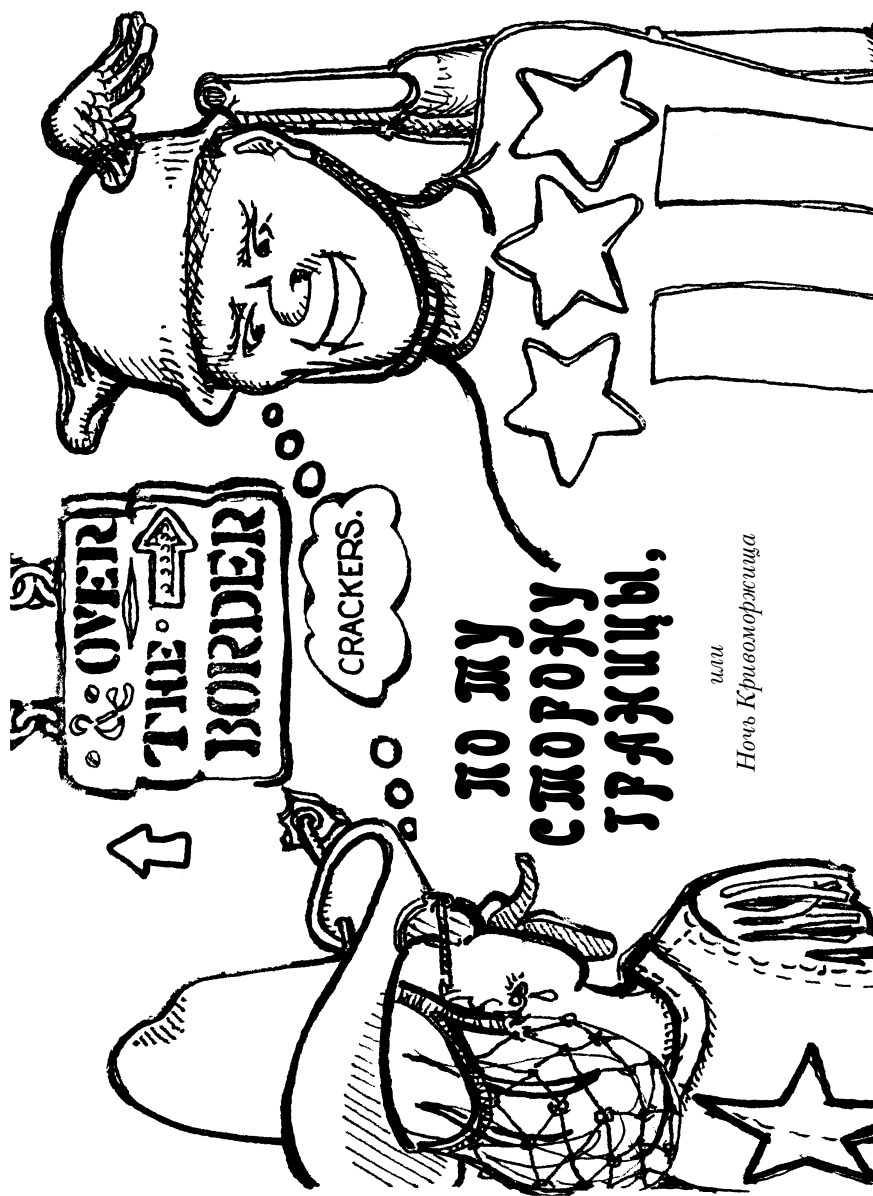

горла-
нят песни...
боковые дверцы
отсутствуют как

класс, Бойс хлещет "Бакарди" из горлышка, Дебори курит громадный косяк, забитый в коричневую бумагу, Дуремар, скрепятив ноги, восседает на полу промеж калышащихся мешаннины кастрюль, горшков, инструментов и книг, он согнулся и забивает в радостном сосредоточении еще один косяк, а Бойс крутит ба-
ранку туда-сюда, стараясь обезжизнить рытвины. В проемах мелькают горячие зеленые джунгли.

Броненосцы суетливо убрывают прочь с дороги. Пожарной таянет грузенного хворостом осла в канаву, оборачивается и провожает взглядом ревущий грузовик, что оставляет позади музыку и взрывы хохота в шлейфе пыли.

Из этого пылевого облака восстают ЗАГЛАВНЫЕ ТИТРЫ...

многомерный сценарий, предназначенный к проецированию за-
тейливых мультяшных визуализаций из спектральных сердец и на
онные сердца с особыми благодарностями и извинениями перед ре-
альными людьми и истинным светом, что вырисовал эти тени...

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ

(в порядке произвольного расположения):

ДЕВЛИН ДЕБОРИ

(Когда мы обнаруживаем Бойсов грузовик на мели у обочины дороги без правого заднего колеса, потный, облепленный мухами Дебори исчезает в тени кузова...)

ДУРЕМАР

(Разлепив тяжелое веко, Дуремар выглядывает из-за открытой задней дверцы грузовика, ему в лицо орет осгл...)

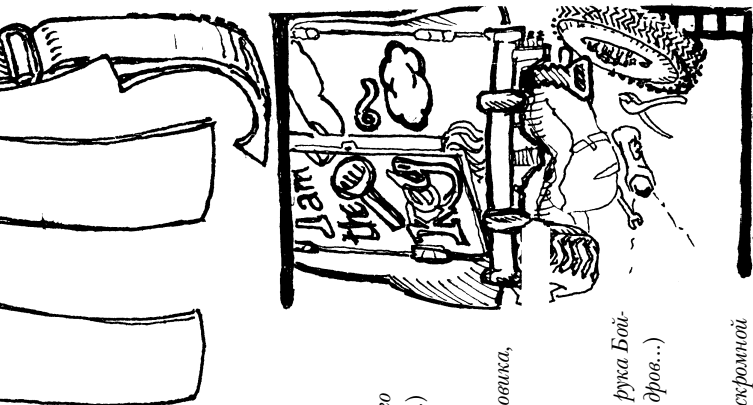
БИЛЛИ “КОЗЕЛ” БОЙС

(Бойс приближается, вышагивая бок о бок с мелькнувшими ранее дровосеком и ослом; рука Бойса покоится на покрывшке от грузовика, которая идет на осле, возлежа на вязанке дров...)

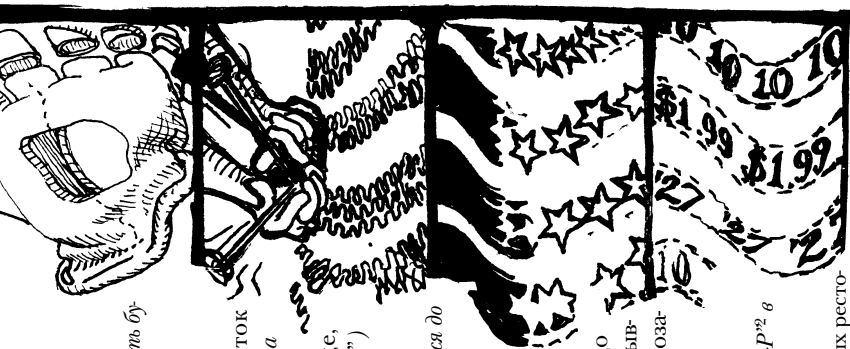
КЛОД и БЛАНШ ПОПУТТЫ

(Будто бы в продолжение той же сцены нам являються Клод и Блани, спящие на скромной латунной кровати в тени автобуса, что оставлен у края шоссе под указателем, возвещающим:

Углы Черных Колодцев — 7 миль. Лос-Анджелес — 243 мили. Осторожно! Животные на дорогах...)

БЕГЕМА

(...в задней части автобуса смеется над представлением, потом снова принимается вязать бу- горчатый детский свитер...)

БЕТСИ ДЕБОРИ

(кричит из недр автобуса: "Бегема, ты вязала в свитер несколько Хватовых ниток для чистки зубов", – и показывает на белое волокно, прицепившееся к пряжке. Бегема ржет: "В этом чертовом автобусе все переплетается как может". Спереди доно- сится голос Хулихена: "Срезая углы, ты времени не сэкономишь, заучи это прежде, чем собьешься с кривого пути своего... шину распорешь – это еще ничего...")

МИКИ ПРОЗАЙК

(тверды: "Заучи это прежде, чем собьешься с кривого пути своего..." – достигается до кнопки и включает магнитофон...)

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН

(не открывая глаз от гробовухи: "Эти пленки стоят доллар девяносто девять штука, Прозайки!" Хулихен снова бьет Сэнди: "Знаешь, каково было управлять с коробкой передач "бьюика" 27-го года? Я обнаружил, что можно ездить задом на скорости до 10 миль в час с тормозами или без них. Мне просто интересно, где этот Забой с быв- шим моим "бьюиком", который онный Забой отхватил вместе с никчемными тормо- ми?" Вновь высорачивает шею, чтоб отследить, что делается позади...)

ЗАБОЙ

(высунувшись из окна "бьюика", беседует с официанткой придорожного ресторана "А-и-Р"² в

1 Фил Хилл (Филип Толл Хилл-мл., р. 1927) – американский гонщик "Формулы-1".

2 "А-и-Р" (A&W, Allen & Wright) – основанная в 1919 г. сеть американских придорожных рес- торанов, в которых подают "рубир" – шипучий напиток из корнеплодов с добавлением мускатного масла.

Лос-Банос: "Точно так, я был форменным Ангелом Ада, пока не получил аттестат. Поступок или уступка — я не знаю. Теперь я звукооператор на Крысином Фестивале. Ты, верно, слышала про "Свитков Мертвого Моря"? Вот, значит, Сэмюэл Ястребник, он на гитаре...")

ЯСТРЕБНИК

(мрачно кивает: "Просто "Свитки Моря", брат, мы покупа еще живы..." Забой про-должает: "Мы едем играть в Лос-Андж, а потом... Мексика, колдовская страна..." — и Ястребник снова его поправляет: "Помни, что сказал Макгиликадди, брат...")

МАКГИЛИКАДДИ

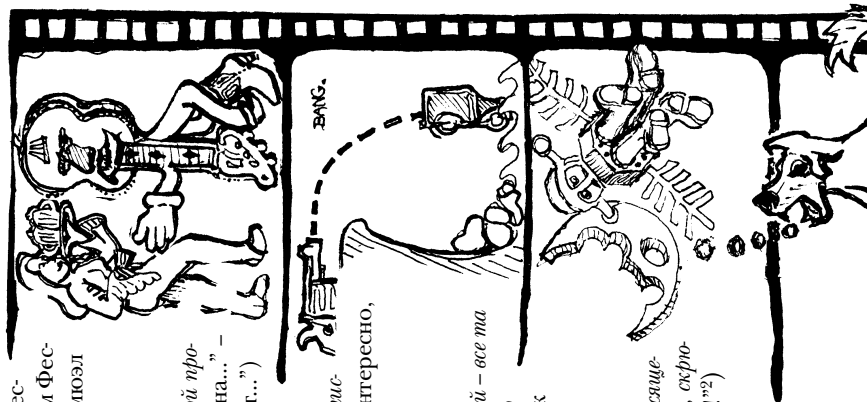
(в своей конторе, держит газету с заголовками "САМОУБИЙСТВО ГУРУ ЛСД! Запис-ка, Найденная В Машине На Холме На Высоте Триста Футов!" и размышляет: "Интересно, как это воспримут бедные детки?")

КАЛЕБ, КВИСТОН и ШЕРРИ

(...отправлены под крылышко слезоохотливой Бетсиной сестрицы, в руках у которой — все та же газета: "Дети, ваш папочка уехал далеко, очень, очень далеко..." — на что Шерри отвечает: "Ага, он сказал нам, что уедет". А Квистон добавляет: "Он как высадится — сразу пошлет за нами".)

МЕКСИКАНСКИЙ НАРОД

(вдоль троты у скромной деревушки поднимают головы, дабы уставиться на пронзающе-ся мимо страшалодное нечто; они тарараются в молчании, и лишь один старичок, скрочив пальцы в магический знак, кричит: "Diablero! Diablero! Dia-BLERO!"²)

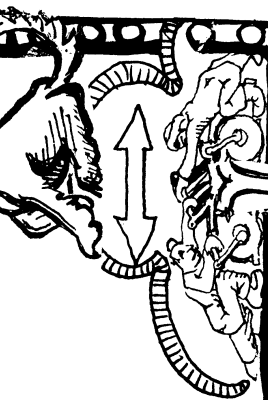
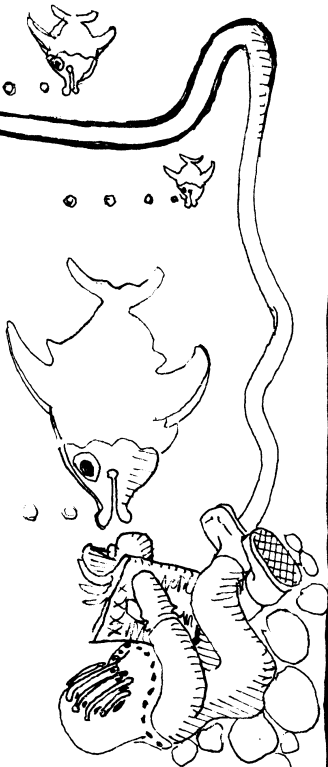
а также – впервые на экране

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

(возмущенное лицо старичка растворяется в дымящем небе над Лос-Анджелесом...

“После отлично раскрученного исчезновения нашего Дебори дни складывались в недели, как будет и далее, а недели нагромождались друг на дружку и перешли уже грань месяца. Водолазы прекратили бороздить морские просторы под знаменитым холмом. Сюжет сошел с первых полос, перебрался на последние и наконец вышел в тираж. Полиции стало все равно. Никто не ждал новостей, кроме только Друзей Животных, но и их терпение поистрепалось”. Мы пикируем на дома Пасадены...

1 Diablero (исп.) – дьявол.

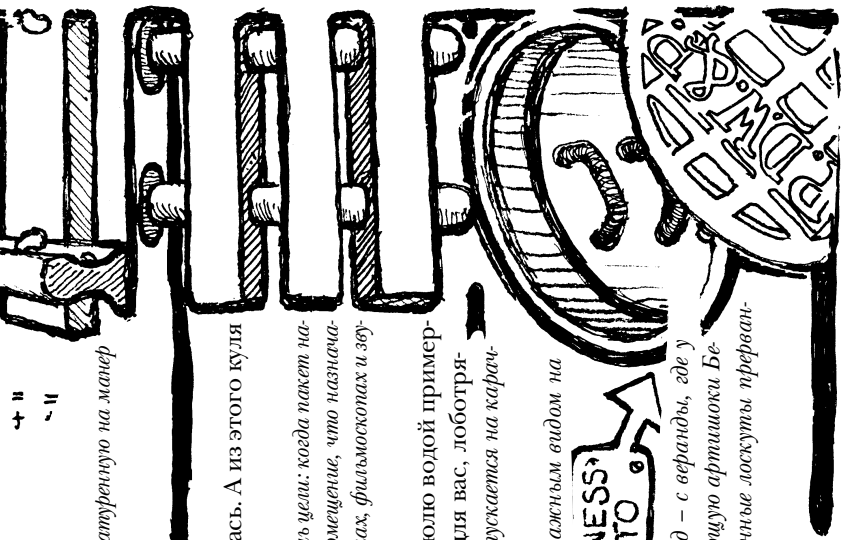

“Порой мы играли, точнее — играли, когда игралось. Когда не игралось — делали еще чего-нибудь. Никаких отделений: иногда мы выходили, играли минут десять, потом отключались и разбредались. Просто играли, что получалось. Это же не вечеринка была, а Кислотный Тест, тут покатит что угодно. Тысячи народу, понимаешь, все дурные по самое не могу, все толпятся в помещении, куда набились еще тысячи народу, и никто никого ни капельки не боится. Волшебство, полный отпад, прекрасное волшебство”.

Джеффри Гарсия

по ступенькам и открывает причудливую входную дверь, оштукатуренную на манер входа в пещеру.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС БЕГЕМЫ (прикусившей губу и замершей, дабы закрыть ноги остающуюся позади дверь): [У меня уже три дня кряду нос холодный. И спина разболелась. А из этого кула все вывалится на Фифин псовый ковер...]

Ей почти удается миновать изысканную гостиную и достичь цели: когда пакет на конец рвется, большая часть артишоков и проводов падает в помещение, что назначалось им судбой, заставляя ребят оставить заботы о магнитофонах, фильмоскопах и звуковых системах и дружно ей зааплодировать.

БЕГЕМА: Отъебитесь, и — кто-нибудь, наполните эту кастрюлю водой примерно наполовину и поставьте на плиту. Липучие репы для вас, лоботрясов, я принесла, а воду, черт вас дери, носите сами. (опускается на карачки и начинает собирать артишоки в футляр из-под гитары)

ХВАТ (оторвавшись от чинимого магнитофона, удаляется с важным видом на кухню): Желанье ваше мне — побудка на завтра, красотка нежная, и в сумерках — отбой. (проходя, хлопает Бегему по отставленному задку, та вдозонку награждает его тинком. Входит Клод — с верранды, где у него с Блани постель. Остановившись, взирает на собирающую артишоки Бегему и негодующе моргает, пытается прогнать растеребенные лоскуты прерванной дремы)

КЛОД: Ты нашла припой?

1 Этот оборот Кизи позаимствовал из "Улисса" Джеймса Джойса.

БЕГЕМА: Ты ж меня за ним посылал, не так ли? (извлекает из мешанки в гитарном футляре кусок припоя и бросает его через всю комнату. Клод, все еще в полузабытьях, упускает припой и бредет к стене, чтоб достать его из-под батареи.

Из кухни появляется Хват и помогает Бегеме собирать артишоки.)

ХВАТ: Есть известия от нашего усопшего предводителя?

ВЫВОД: Ссань, Бегема! Тут нет кислотного флюса! Я, твою лошадь, сказал же, что мне нужен припой с кислотным флюсом...

БЕГЕМА: А я, твою лошадь, сказала, что тебе нужен припой с кислотным флюсом, чуваку в отделе электроники. А он, *его лошадь*, сказал мне, что не торгует припоями с кислотным флюсом, и что никто, его лошадь, уже не использует припой с кислотным флюсом для радиомонтажа, и что взамен нужно использовать — где ж оно! — эту, ее лошадь, кислотную пасту, — вот. *(она достаёт банку с пастой. Клод ее ловит и сердито на нее смотрит)*

КЛОД: Ссать. *(он сидит за столом, усыпанным внутренностями одной из недежжных звуковых приборов)* Ссать, ссать, гнилье, облом; сорок четыре жопы узлом...

БЕТСИ (поднимает гитарный футляр и идет на кухню). Так что — никаких известий?

ХВАТ: Ни словечка от нашей дер Сырной Головы?

БЕГЕМА (рыба на Хвата туше, чем на Клода): Да, кое-какие известия есть — только дай мне наконец перевести дыхание! (достает из набедренного кармана маленький кофичневый сверток и роняет его в гитарный футляр) Вот. Пойду-ка я облегу. (топает прочь. Хват выгибает шею, чтобы прочесть написанное на унездившемся среди артишоков свертке)

ХВАТ: Ву-хо-хо! Из-з М-мексики! “Для: люди Икс”.

БЕГЕМА: Ага. Для леди Икс писем не было.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН (голова высовывается из стального мешка под столом):
Фан-та-сти-чно! (все загораются желанием изучить сверток. Клод, чье дурное на-
строение сведено на нет любопытством, рвется к свертку, толпча остальных)
ЗАБОЙ (тычется из ванной): Чего там? Смаживает на коробку из-под пленки...
КЛОД: Она и есть. Пятидвоймовая коробка с пленкой.

ЗАБОЙ: Может, в ней полно амфетаминовых скоростей. Или травы всех мастей.
Простите, что говорю без затей. Заткнись, Забой, ненасытное животное.
КЛОД: Фиги. Это пленка.

*Усевшись на унитазах, Бегема сосредотачивается на своем вздохнувшимся пупке и прислуши-
вается к звучащим в доме голосам: "Давайте прокрутим". "На что ее ставить-то?" "За-
висит от того, на какой скорости он ее записывал". "Не исключено, что на декседри-
не из ближайшей аптеки". "У меня тут "Сони" через миг будет в рабочем состоянии, в се-
давайте помолимся, чтобы запись была не медленнее трех с четвертью дюймов в се-
кунду..." Вздохнув, она натягивает футболку на халмы и ложбинь, ставит локти на колени,
кладет подбородок на кулаки. К ее услугам – выбор популярных журналов, сложенных стоп-
кой на напольных весах. Наверху стопки – комикс "Люди Икс". Глаза Бегемы расширяются:*
ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС БЕГЕМЫ: [Считается, что у Людей Икс нет иного выбора,
кроме как быть Людями Икс. Мы зашли слишком далеко, наша преданность бес-
смыслилась. Клод – рехнувшийся брюзга, Бланш – истязательница, полковник
Вайнштейн пытается спрятаться от облома в своем спальнике, а у Хвата мало то-
го что воспаление глаз и стригущий лишай, он вдобавок заполучил смесь того и
другого себе в задницу и всякую ночь развлекает прохожих красочным шоу –
лежит на спине на заднем сиденье автобуса, задрал колени к ушам, выставив на-
перед волосатую жопу и применяя мазь от лишая при помощи зеркала, фона-
рика и указательного пальца... а у меня ощущение, что я чем дальше, тем

быстрее превращаюсь в корову. Речь уже не о том, чтоб быть ВОЗВЫШЕННЕЕ, чем ты есть, речь о том, чтоб быть ПРЕДАННЕЕ, и это никого не радует...]

Пленку заправляют в обнаженный магнитофон. В кастриоле кипят вода.

ХВАТ: Эй, Бегема, вода кипит! Покидать в нее этих тварей всех до единой? БЕТСИ: Я за ними присмотрю...

БЕГЕМА (стонет из ванной): Кидай засранцев в кастриюлю!

КЛОД (прилагивая регуляторы к усилителю): Вот... может, теперь что-нибудь и услышим.

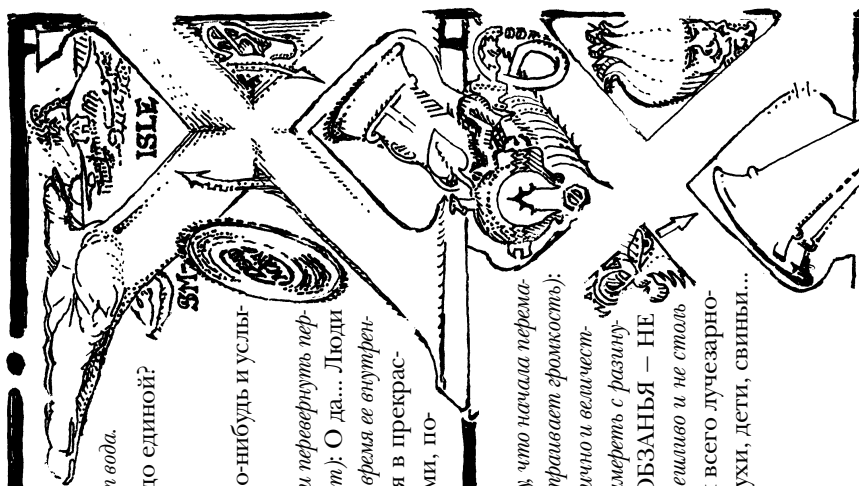
БЕГЕМА (подается со своего трона вперед, чтоб развернуть к себе комикс и перевернуть первую страницу, и, чрезмерно небрежно имитируя У.К. Филдса¹, говорит): О да... Люди Икс... мутантами, я полагаю, были эти шалопаи... (В это самое время ее внутрен- ний голос страстно взывает): [Поговори со мной, о Мертвец, я в прекрас- ной Пасадене на Заводе Забав Фифи Лямура. Поговори с нами, по- жалуйста.] (глядит на обложку комикса, где профессор

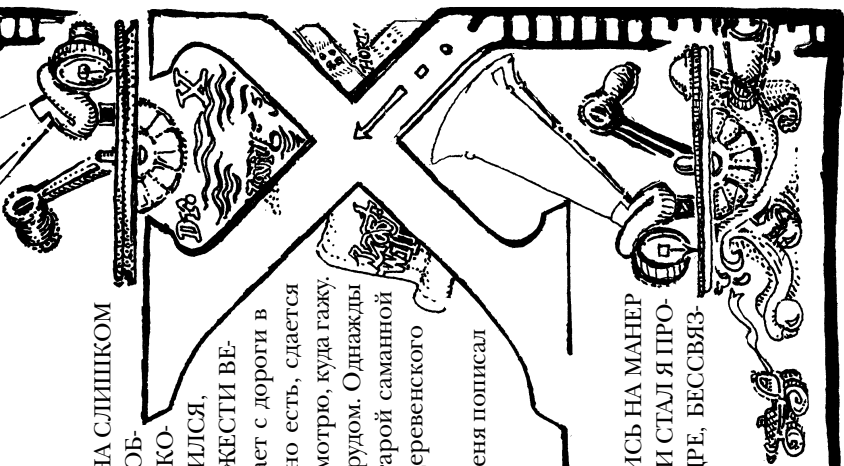
Ксавье² вытягивает письмо из своего кресла-каталки)

“Дорогие мои Люди Икс...” (...и сей момент смена плана на пленку, что начала перема- тываться на магнитофоне, и слышим рваный рев, пока Клод не настраивает эромкость):

ГОЛОС ДЕБОРИ: “ДОРОГИЕ МОИ ЛЮДИ ИКС: (горланит драматично и величест-

венно, заставляя — опять смена плана — Бегему вскинуть голову и замереть с разину- тым ртом...) ШЛЮ ТЕМ, КТО ВСТАЛ ОКРЕСТ КРЕСТА, ЛОБЗАНЫЯ — НЕ МЕРТВ, НО ЖИВ НА ОСТРОВЕ ИКС-ГНАНЬЯ! (продолжая смешиво и не столь пророчески) Здесь шутка — для ценителей каламбуров, солнц и всего лучезарно- го, уж чего-чего, а лучезарного тут хоть отбавляй... солнце, мухи, дети, свиньи...

основы основ... впрочем... ИЗ СЛИШКОМ МАЛЕНЬКОГО ЛОНА СЛИШКОМ БОЛЬШАЯ ГОЛОВА ПРОРЕЗАЛАСЬ НЕ В СРОК, / И ЧЕРЕП ОБЛУПИСЯ, / И К ЗВЕЗДАМ ВСТРЕПЕНУТЬСЯ СМОГ, / И ВОТ, КОГДА ОН ИСЦЕЛИЛСЯ, / И МНОЮ НЕОБЫЧНЫЙ СУП СГУСТИЛСЯ, / ОБРЕЛ ЧРЕЗ ИСЦЕЛЕНЬЕ Я РУБЕЦ / И НЕОБЫЧНОЙ ТЯЖЕСТИ ВЕНЕЦ... ШЛЮ ВАМ ПРИВЕТСТВИЕ! Ой. Какой-то чувак телепает с дороги и кусты по зову матери-природы. С туалетами тут напряжно, но есть, сдастся мне, общее правило: ты, амиго, смотришь, куда ступаешь, а я смотрю, куда гажу. Туземцы-то уже попривыкли, а мы, иноземцы, осваиваемся с трудом. Однажды ночью Дуремар разложил спальник как бы в укрытии под старой саманной стенкой, а наутро обнаружил, что оккупировал добрую часть деревенского сортира...

ГОЛОС ДУРЕМАРА (на заднем плане записи): Это навет. Просто на меня пописал один хмельной пеон...

БЕГЕМА (благоговейно вчитываясь в заглавие комикса):

“Последняя воля профессора Ксавье!” (матает галло-вай, словно чтоб ее прочистить) Мать его, как ему это уаеется?

ГОЛОС ДЕБОРИ: Я РОС, И РОСЛИ МОИ ВОЛОСЫ ВНУТРЬ, ВИЛИСЬ НА МАНЕР РАМБУУТЬЕ, / ПОТОМИ ИСТОНЬПАЛИСЬ НА ТОТ ЖЕ МАНЕР, И СТАЛ Я ПРОФЕССОР КСАВЬЕ, / И ПОМНИЛ Я ДЕДА НА СМЕРТНОМ ОДРЕ, БЕССВЯЗ-

1 У. К. Филдс (Уильям Клод Дюкенфилд, 1880–1946) — американский комедийный актер, чаще всего изображавший ненавидящего все и вся мизантропа на грани буйфонды.

2 Профессор Чарльз Ксавье (Профессор Икс) — наставник, иногда лидер команды мутантов — Людей Икс. Лыс. Обладает телепатическими способностями и передвигается в основном в инвалидной коляске.

НЬ ЕГО МОЛОЛОЕ / "КОЛЬ ВЬЮТСЯ МУТАНТОВЫ КУД-
РИ, СУДЬБА... ИМ СВИТЬСЯ В ПРОЦАЛЬНЫЙ ВЕНОК!"

В атипратной Кюд, Хват и остальные слушатели смеются над шуткой, но смех выходит деланный; они продолжают слушать, уйдя в себя, задумчиво еглядываясь в личный космос, а лента все вертится...

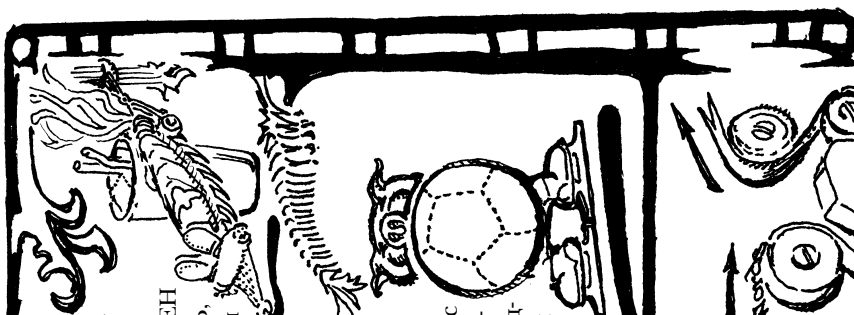
ГОЛОС ДЕБОРИ: НА ОСТРОВЕ ТА-ИКС-ТВЕННОМ СИЖУ, / ОБ-ИКС-ОТЧИЗНЕН
И ОБ-ИКС-ВОЛОШЕН, / Я ВАС ВО ИКС-КУШЕНИЕ ВВОЖУ: / ЯВИТЕСЬ,
КОГДА ВАС УСТРОИТ, ТУДА, ГДЕ Я ПОЗАБРОШЕН!.. Скажем, вшестером
через шесть месяцев.

БЕГЕМА (*вопит ликующе*): Он хочет, чтобы мы к нему приехали! Икс твою
мать — в Мексику!

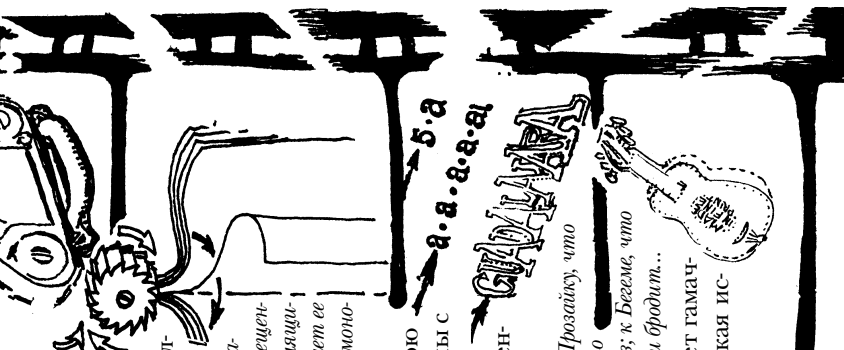
БЕТСИ (*убавляя огонь под китуучами артишоками, кричит с кухни*): "Когда вас устро-
ит", Бегема...

БЕГЕМА (*себе под нос, открывая комикс*): Меня устроит прямо сейчас.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Простите за паузу, ребята, надо было налить себе еще джина с
тонином и взорвать косяк с кайфогонной шмалью по тридцать баксов за ки-
ло, и... (*миксифон тарактит и хрокочет*)...опять взобраться на... оп-пф-ф... чуд-
ный шелковый гамачок, натянутый меж двумя угловыми опорами милой
пальмовой хибарки... влагостойкая пальмолистная кровля не проронит ни
капли, даже если изоляется ливень капель размером с плод манго... сия хи-
жина помещается на верхнем ярусе нашей трехъярусной саза grande!,
с этой позиции я могу чуть податься в одну сторону, раздви-
нуть листья (*пальмовый шелест... шепот моря адали*) и бросить
взгляд свой на дорогу, по рытвинам которой гоняются за футбольным

мачом дети и свиньи... а за ней пляж, а за ним лазурное море... а моту податься в совсем друую сторону, раздвинуть ветви своими пухлыми, как у Сидни Гринстрита², руками... и бросить взгляд через еще одну аллею на край зеленой плюшевой занавеси... джунгли!

Бетси выступает из-за плиты и подается к выходу из кухни. Замирает, вглядываясь в неотчетливую, заполоненную людьми и вещами комнату – мрачный силуэт со скрещенными руками, солонка в одной руке, прихватка в другой, на фоне светлой кухни с дымящимися артишоками. Полковник Вайнштейн становится рядом и почтительно обнамает ее за плечи, а слова все отшелегуиваются от пленки – слишком уж ломкие, чтобы вялый монотон казался убедительным...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Рядышком на табурете покоится аккуратно собранный мною запас спичек, лаймов и льда; маленькие солнцезащитные очки из Тихуаны с вытянутыми зеркальными односторонними стеклами, дабы смутить вражеских гипнотизеров, и маленькая же горка вручную собранных, закупленных у пеола *sacahuates*³... (звук лущимых орехов)

Мы плывем от Бетси с полковником к Бетси, что ловит каждый звук; к Микси Прозайку, что пережевывает мятную жвачку; к Клоду, что вернулся к верстаку и паянию железяк, но лишь рассеяно поигрывает инструментами; к Хаату, что запустил нитку прожег зубов; к Бегеме, что продолжает машинально листать комикс; к странице комикса – а пленка все бредит и бредит...

ГОЛОС ДЕБОРИ: ...а справа от меня подвешена на том же гвозде, что не дает гамачной веревке слететь с шеста... (снова стуки и шелесты) ...моя гвадалахарская ис-

1 Casa grande (исп.) – большой дом.

2 Сидни Гринстрит (1879–1954) – американский актер английского происхождения, более всего известен ролями в фильмах “Мальтийский сокол” и “Кабланк”.

3 Sacahuate (исп.) – земляной орех.

панская гитара за 400 песо, внутри которой есть крошечная надпись: "Сделано в Японии" ... *(понуждает гитару забречать то ли жгучим минорным аккордом фламенко, то ли случайной близостью абсолютно расстроенных струн, бречит опять и поет):*

Птицы вершат полет... топазовый небосвод...

Прыгает море под ветром...

(слышно громыканье большого грузовика) Дизельный рев!

(кричит мудро и безнадежно осел) Вопли ослов!

О, это не — важно... но все же...

Не жирно, не постно...

Земля и воздух...

Слегка разбавленный травкой и джином (кру-

Жись-вертись, кру-

Жись-вертись...)

Прокальвает мрак тропическая искра,

Бешеный бык сбросил удавку,

Да, в мексиканской чаше заварилась нехилая каша,

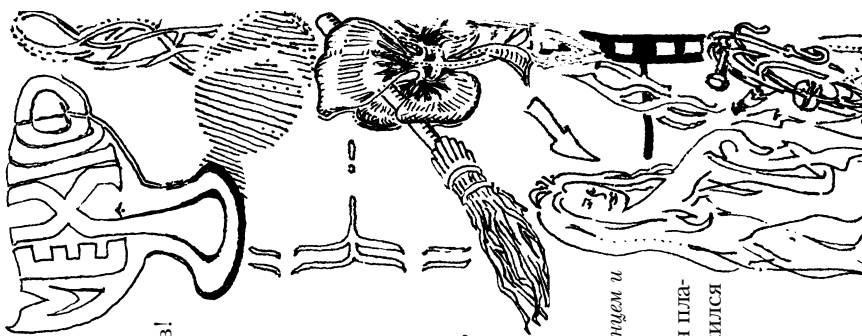
приправлена джином и травкой... (кру-

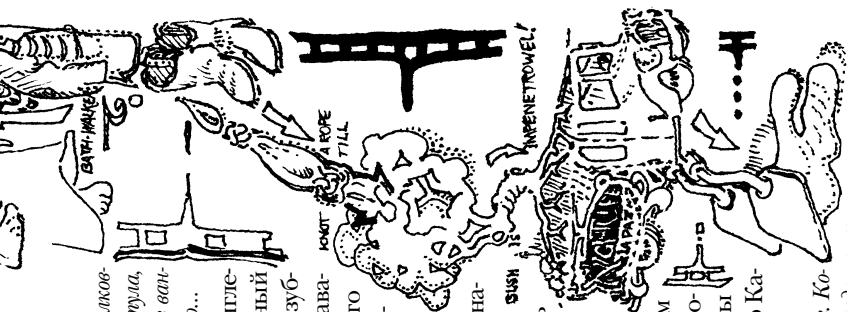
Жись-вертись...), приправлена травкой
И джином.

(стук возвращаемой на место гитары и протяжное шипенье косячной затяжки.)

Дверь рядом с Клодом открывается, и в комнату входит Забой, обвитый полотенцем и плотным синим сигарным дымом, после ванны от него еще идет пар:

ЗАБОЙ *(сурово кусая сигарный кончик):* Травка и джин, да? Ничего себе арендная плата. Не то что теплос пива да косяк из банановой кожуры, которым я разжился с угреца у того пидора у "Свитков".

Клад ксило смеется. В ванной комнате комик выскальзывает из Бегеминых пальцев. Полковник Вайнштейн, сидящий у раздаточного станка для перемотки пленки, двигается на край стула, чтобы легче пускнут. Сэнди Поуку в другом положении выходит, разбрасывая капилами, из ванной и танет руку за частью Забавной сигары. Голос с пленки выдыхает безбрежно и довольно...

ГОЛОС ДЕБОРИ: На том же самом гвозде подвешен у меня и аварийный джунглевый комплект на случай, если придется разглядеть за пальмовыми листьями полный грузовик федералесов, спешащий к нашему лесному схрону. Я намертво вызубрил, куда нужно вываливаться из гамака, как совать ноги в ботинки, хватать аварийный комплект — он состоит из старой куртки с Крысиного Фестиваля, что согреет в самую холодную ночь, с карманами, в коих обретаются леденцы, рыболовные крючки, леска, компас, ЛСД, декседрин и депрессанты — все, что нужно человеку, чтобы прожить неделю, не показывая носа из джунглей, — накиннуть куртку и вниз по узловой веревке, которая свешивается с тыла нашей саа, в непроходимую чащобу... за двадцать секунд или быстрее, что значит меньше отрезка времени, который потребуется врагу, чтобы взять приступом три уровня бардака внизу и меня настичуть...

ЗАБОЙ: Звучит чуть параноидально...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Не такая уж параноидальная возможность, какой кажется. В первый раз нас опознали, когда мы появились в мексиканском баре. Причем не в Тихуане — ее мы обогнули, проехав по улицам городка поближе к Аризоне, куда нас привез Бойс, — нет, это случилось тысячей миль глубже, где, мы были уверены, ни одна душа не слышала о колесах или самоубийстве... да и о Калифорнии...

Бойсов фурион катится вдоль бардюра в шумном мексиканском расфуфыренном районе. Когда мотор глохнет, трое проезжих внутри вздыхают. Куда бордате и потребление, чем когда мы вы-

дели ее в последний раз, трюцца, магичливо потя, взират сквозь ветровое стекло на полуценную суну. Внутри пока что бесфасадного сооружения в очевидно перестроенных муках четверо молодых рабочих заняты оштукатуриванием потолка: один лопатой зачерпывает из тачки штукатурку и остеренело мечет зачерпнутое в потолок; затем второй штукатуритик встает на ящик из-под фруктов и разглагольствует прилипший к потолку растер; двое других при помощи мастерков деловито возвращают отпавшее, обломом до трех четвертей от каждого лопатного броска, в тачку.

Захватив рубашку, Бойс свинчивается с водительского сиденья...

БОЙС: Моя масонская смекалка шепчет мне, *mi amigos*¹, что мы достаточно далеко от Штатов и можем чуток отдохнуть.

ДУРЕМАР: Что до меня — я готов посидеть в приятном прохладном баре и выпить чего-нибудь со льдом.

ДЕБОРИ: И соломинкой.

БОЙС: И снять какую-нибудь девственную католичку. Вот тут... просто зайдём в бар... подвалим и запарулим ей.

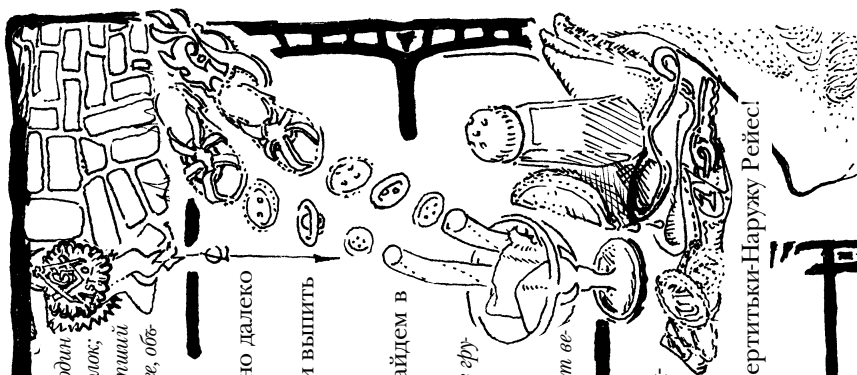
Голомяные Бойс с Дебори, скоча по тротуару и застегивая туговицы, спешат из звоника к заведению. Дуремар, глядящий на их прыжки из ерзовика, кричит:

ДУРЕМАР: Я только сандалиии надену... "маргариту" закажите мне...

Обратно к Бегеме, чистящей зубы над раковиной; на заднем плане продолжает вещать магнитофон:

ГОЛОС ДЕБОРИ: И лишь когда пришел Дуремар — минут через пять, — он оттащил меня от Бойса, который все еще *mucho habla*² с лбящейся девчушкой, и сообщил, что она никакая не мексиканка, а его одноклассница по госуниверу Сан-Хосе... и что звать ее Ундиной.

БЕГЕМА *(резко прекращая чистить зубы)*: Ун-дина? Ундиана Рейес! Ундиана Супертитыки-Наружу Рейес!

Обратно в бар – Дуремар и Дебори шепчутся стенами к Бойсу и милой темной девушке, сидящими за стойкой.

ДУРЕМАР: Ундина Рейес. Она сидела на всех лекциях по изобразительному искусству и нацеливала на меня свои сиськи как двустволку. Я знаю, что она тебя знает, видела она меня или нет. Что будешь делать? Она сохранит секрет твоего самоубийства примерно так же, как мемурандум Миллера...

ДЕБОРИ: Не знаю, но ты лучше присаживайся. Мы чего-нибудь придумаем.

Обратно к Бегме над умывальником, застывшей со цветкой во рту и слушающей пленку:
ГОЛОС ДЕБОРИ: И мы решили – поскольку ей так и так не улыбалось перетянуться обратно в Сан-Хосе на автобусе с друзьями, с которыми она проводила каникулы, — что будет лучше, если она поедет с нами...

БЕГЕМА *(нагибаясь, чтобы смачно слюнуть в раковину)*: Как банный лист к жопе.

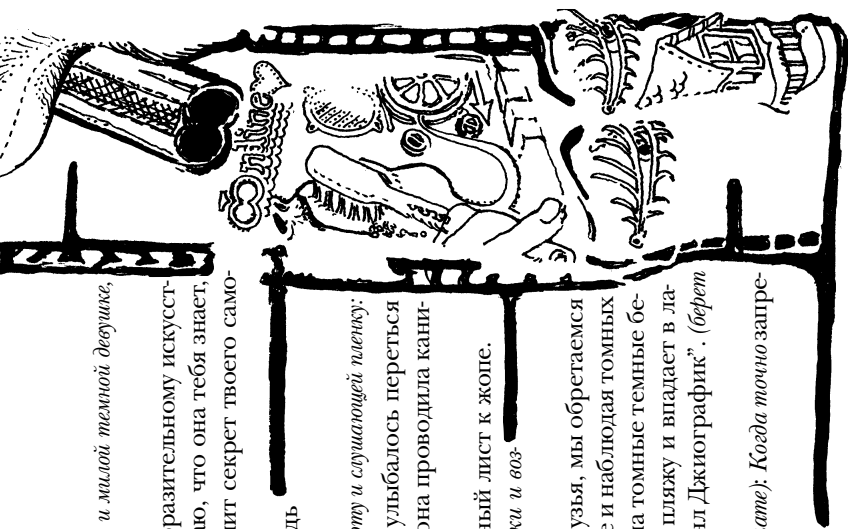
(Пока запись продолжается, Бегма положит рот, вытирает руки и возвращается к остальным.)

ГОЛОС ДЕБОРИ *(начиная слегка ускоряться)*: Так или иначе, друзья, мы обретаемся в живописной Пуэрто-Вальярте, развалившись на террасе и наблюдая томных темных поселянок, которые застенчиво задирают юбки на томные темные бедра в процессе стирки на камнях речушки, что течет по пляжу и впадает в лагунное море... будто смотрим трехмерный повтор “Нэйшнл Географик”. *(берет пензу, чтобы еще раз протяжно дернуть косык, и держит ее)*

БЕГЕМА *(уверев руки в бедра, обращается ко всей зачарованной компании)*: Когда точно запрещающий ЛСД законопроект станет законом?

1 Mi amigos *(исп.)* — друзья мои.

2 Mucho habla *(исп.)* — много говорит.

ХВАТ: Сегодня в полночь... а чего?

БЕГЕМА: Просто. (она садится за вештак и начинает по новой разматывать моток при-
несенного домой провода) Просто так...

ГОЛОС ДЕБОРИ (после выдоха его скорость и звучание продолжают повышаться): Но
я все ж таки работаю, друзья... пытаюсь проложить наш новый курс. Сие не-
легко. Как некто может выбрать направление, сидючи высо-
ко и глядячи на пупок, когда сношаться не хочется, в туалет
не нужно, и нет на Земле места прекрасней, чем это — говоря иначе и кор-
ректней, как некто может позволить себе быть выбранным — направлени-
ем? (опять терзает косяк)

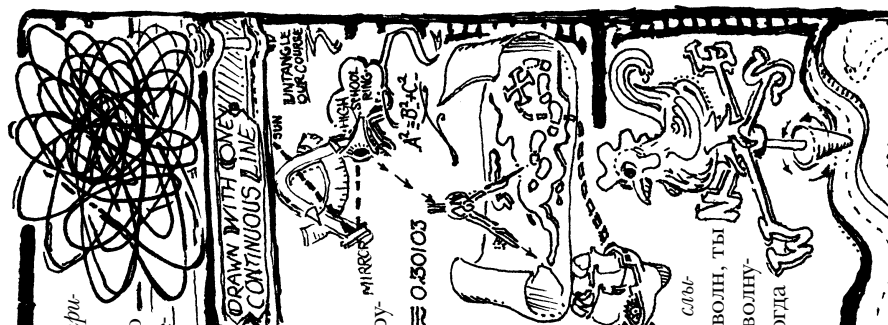
СЭНДИ ПОУКУ: Почему он говорит все быстрее и тоньше?

ХВАТ: Когда он все это записывал, в аппарате садились багарейки, и пленка кру-
тилась все медленнее, вот и попадало больше слов
на дюйм... и теперь, когда мы ее перекручиваем на
нормальной скорости, слова звучат быстрее...

СЭНДИ ПОУКУ: Я, кажется, не поняла.

ЗАБОЙ: Никто от тебя этого и не ждал.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Фокус в том, чтоб забраться достаточно высоко, чтобы в те-
бя вливались сигналы, но не настолько высоко, чтобы стать
бессознательным зомби, следовать, может быть, правильно-
му пути, но так об этом и не узнать. Такого мне не надо; это все рав-
но что быть в игре мячом, а не защитником... достаточно высоко, чтобы *слаб-*
шать сигналы и не лишиться воли их *посылать*. По мне, тут есть что-то от волн, ты
начинаешь принимать все волны, потом ты наполняешь их волей, ты их волну-
ешь, будто спокойно качаешься туда-сюда в ванне, и наступает момент, когда

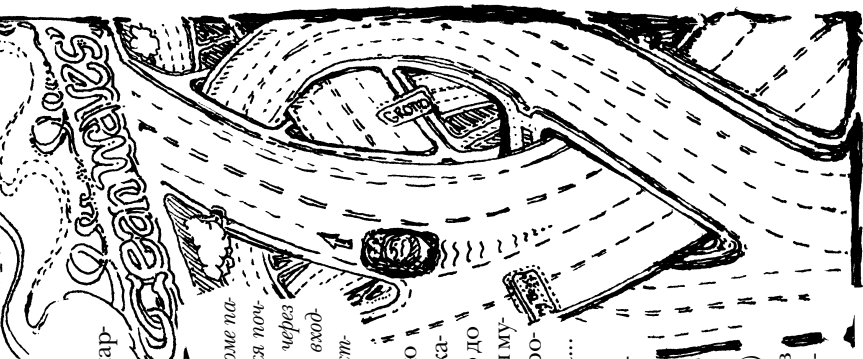
ты контролируешь волны... (голос превращается в почти невнятный писк) ...маршируешь в ногу с силами природы и считаешь шаги: ать, два, три, четыре... ать, два, три, четыре...

Клад бьет по кнопке "стой", погружая комнату в молчание. Никто не произносит ни слова, ни на кого не глядит. Никто не движется, кроме пары от кастрилы с артишоками. Наступили сумерки, комната потемнела и кажется почти оконечнейшей, застывшей, словно сцена увековечена в прозрачной пластмассе и через меноение затвердела бы до безвозвратного транса, если бы не распахнулась внезапно входная дверь и в комнату не ввалился огулистый Хулихен, пьяный в зыно, очень счастливым, болтающий без умолку и истекающий кровью из пореза над глазом:

ХУЛИХЕН: Но в конце концов я его достал, взломал, так сказать, его жалкую убогую целку, пообещав... "Фифи, друг мой, ты разрешаешь мне прокатиться на твоей тачке от этого спуска до Лонг-Бич, а всю дорогу обратно до Пешер и до дома я буду давать тебе сатисфакцию, потому что кроме меня мужиков тут нет..." Ну, приврал немного, но я был в отчаянии, наша королева-мать Лямур день-деньской кружил по Санта-Монике в поисках зала... ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: И как? Локализовали местонахождение?

БЕГЕМА: Без разницы. Что ты сделал такого, что Фифи пустил за руль пурного "порша" тебя?

ХУЛИХЕН (достаёт из кармана пачку денег, отвечая сначала полковнику): С free bags семи вечера до семи утра за семьдесят долларов, называется "Склад Семь", на углу Седьмой и Уилшира... (после чего без паузы отвечает Бегеме) ...и я обещал ему, что он может в свое удовольствие пощипать травку в моей расстегнутой ширинке по дороге домой, а он, кажется, оказался неспособен извлечь все выгоды из ситуации — так мне кажется...

РЕКС: Наверно, потому, что когда ты вылетел на скоростную автостраду, ни о каком удовольствии речи уже не было. Где он? Я не слышал скрипа тормозов.

ХУЛИХЕН: За моей спиной... в шаге за мной. Нам всего-то было пройти три квартала.
(притонившая полотноце Сэнди Поуку, чтобы посмотреть, что под ним)
М-м, да... чистота, как говорится, залог...

БЕГЕМА: Три квартала откуда, Хулихен?

ХУЛИХЕН: Просто шина... правая передняя подвела... когда мы съезжали с Мендосино к Пещерам... бах... Фифи говорит, полноецние винового... пришлось оставить машину вверх тормашками на лужайке того дома, где полные клумбы пластмассовых фламинго. Ничто не покорябано, кроме моей гордости. Нам нужна только парочка крешких ребят, чтоб поставить ее на колеса до того, как фламинго-держец вызовет полицию...

В дверях появляется крайне памятый Фифи. Хулихен рвется утешить его словно истерическую матрону:

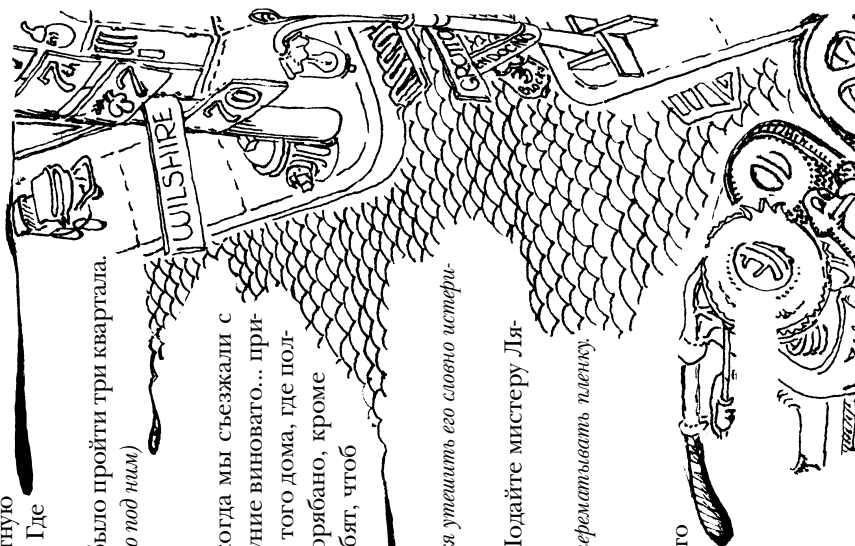
ХУЛИХЕН: Глазом не моргнешь — будет в гараже. Сэнди! Подайте мистеру Лямуру его сельдереевого сока из холодильника.

Пока все суетятся над Фифи, Клод встает и начинает перематывать пленку.
Блани подходит к нему и виновато вопрошает:

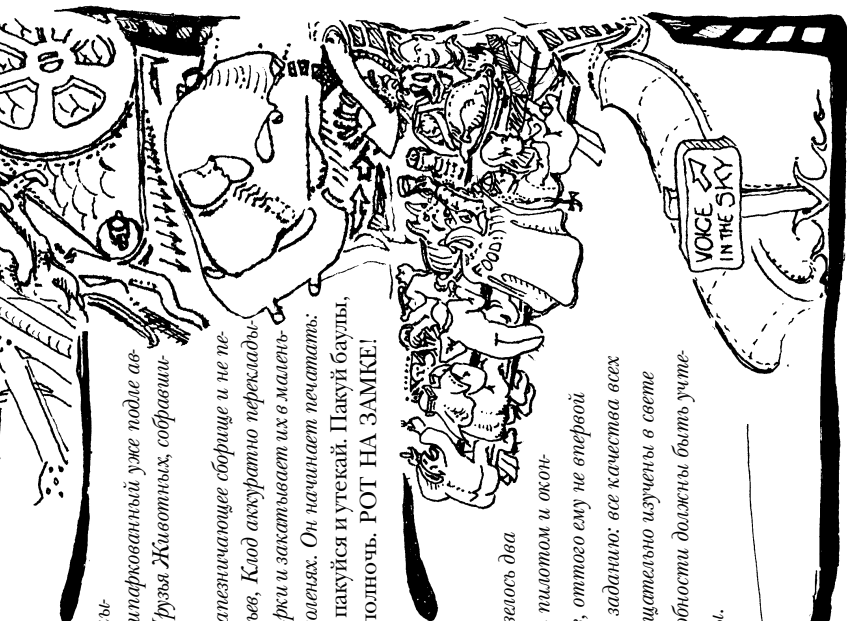
БЛАНШ: Как он назвал то место?

КЛОД: Пуэрто-Вальярта. Нам осталось только понять, кто эти шесть.

БЛАНШ: Ты хочешь сказать — кто еще четверо?

С теплого ночного неба над тщательно подстриженными пальмами мы видим "пори" с ободранным верхом, припаркованный уже подле автобуса; через ярко освещенное окно-эркер Пеццер видны все Друзья Животных, собравшиеся ужинать за озерным столом.

Сидя на кромати и глядя сквозь дверной проем на транзитничающее собрание и не перестающего говорить Хулихена в выфре артистических листьев, Клод аккуратно перекладывает четыре листа печатной бумаги тремя листами копирки и закатывает их в маленькую переносную пишущую машинку, что стоит у него на коленях. Он начинает печатать: "Для шестерых из нас новый Пеццерный Крик таков: пакуйся и утекай. Пакуй баулы, чтоб не мять булки, и утекай к автобусу сегодня в полночь. РОТ НА ЗАМКЕ! Клод К. Попутт, кап."

Однажды Клоду Попутту довелось два года служить своей стране боевым пилотом и окончить Шкалу подготовки офицеров, оттого ему не впервой было готовить взвод к секретному заданию: все качества всех пригодных людей должны быть тщательно изучены в свете данной конкретной цели; все способности должны быть учтены, все черты характера взвешены.

КЛОД (вырывая страницы из машинки и раскладывая их по конвертам): Вручу их первым четверем

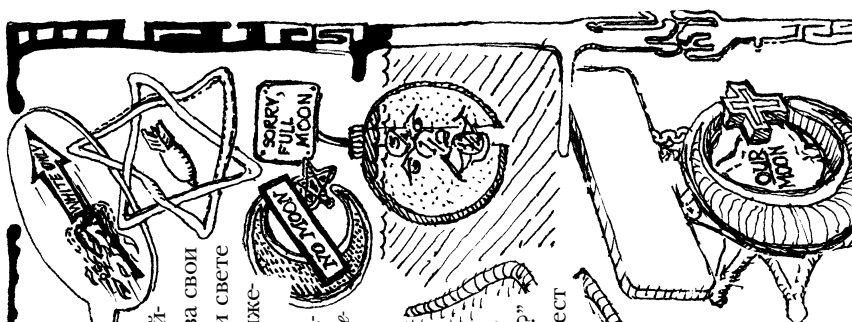
идиотам, которые ступят на этот плюсовый коврик... (к нему семенит очень обиженный Фифи) ...кроме, конечно, Фифи. Этот не уедет из Пасадены никогда.

ХУЛИХЕН (повышая ради Фифи голос): Так точно, сэр, Фифи был на сто процентов прав. Во всем виновато полнолуние: число преступлений steadily удвоилось, тротуары стали опасны, ибо на них ракетами летят самоубийцы, негров жгут, синагоги бомбят, и никто из нас полностью не отвечает за свои действия. Казалось бы, правительство должно объявить разлечения при свете полной луны незаконными, если они не санкционированы особым распоряжением...

Бетси встает и уносит на кухню громадное блюдо с артишоковыми очистками. "Значит, быть Бетси номером три из шести... — бормочет Клод, надписывая конверт ее именем. — Думаю, это к лучшему..."

ХУЛИХЕН (изображая всех действующих лиц фантазии в разных голосах и диалектах): "Полнолуние против закона? Ей-же-ей, шеф, как нам это осуществить?" "Как и все остальное, придурок... ищешь подзреваемого, что развлекается при полной луне... рассказываешь о его правах и арестовываешь к чертовой матери!" "Ему ната тмолет на нейю, или она протго тветит?" "Раз-влече-ние — так написано в правовых актах. Всякий производящий арест офицер понимает это в меру своего понимания. Господом богом клянусь! Думаете, офицеры полиции в наши дни не могут принять решение в количестве один без трех ордеров и большого жюри?"

Следующий — Рекс, несет вслед Бетси вторую партию артишоковых обрезков. "С Рексом Маем нас четверо... — Клод записывает Рексово имя. — Пока что — экипаж что надо..."

ХУЛИХЕН: Наутро кутузки похваляются солидным уловом: две дюжины молодых пар из подъездов и с парковых скамеек; три ночных сторожа с сортировочной; домоушник, которому никак не верится, что его чемоданчик с барахлом объявили "личными вещами" и выдали расписку о его возврате ко времени судебного заседания; весь оркестр Армии Спасения и один шелудивый оборотень с потрясающе скверным запахом изо рта... "Шеф, если такое творится в каждом участке, двух полнолуний хватит, чтобы вдрызбзги расчихвостить полицейский бюджет..."

Следующий — Хаат, он несет горю грязной посуды. "Старый добрый Хват". Клод пишет его имя на конверте. "Ну... кто будет шестым?"

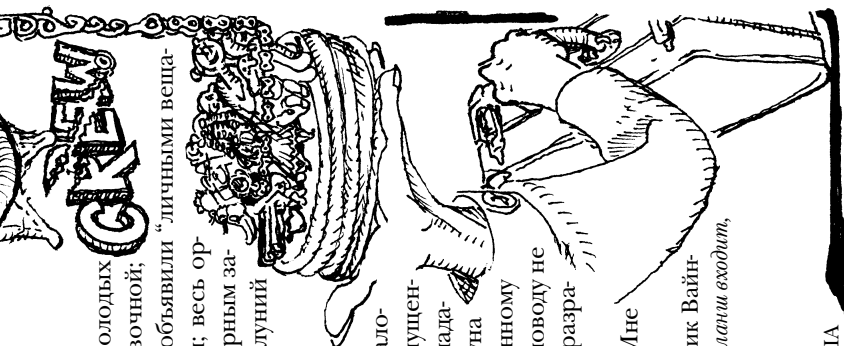
ХУЛИХЕН: Ситуация ухудшается с каждым месяцем. Полиция истощена, налогоплательщики рошнут. В конце концов по возмутительной ошибке, допущенной перебежавшим, как их теперь называют, "лунокопом" в каталажку попадают Леди Первая Птичка¹ и шесть ее охранных спецотрядов, и полная луна вызывает такое неодобрение — "эта чертова дрянь — угроза государственному порядку, Линдон!" — что ейный муженек решает: "Изволь *более* по этому поводу не беспокоиться, лапка моя. Заткнем эту чертову дрянь раз и навсегда!" И разрабатывает новую космическую программу с ядреными боеголовками...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН (*встает из-за стола*): С меня довольно, спасибо. Мне еще стоять на воротах весь вечер, а избыток чепухи меня утомляет.

Полковник Вайнштейн идет по коврику "Хм-м, — дивится Клод. — Полковник Вайнштейн? Против правил не погрешь..." — и пишет его имя на последнем конверте. Блани входит, когда он убирает пишущую машинку.

БЛАНШ (*берет конверты*): Это что такое?

1 Леди Первая Птичка — Клаудия Тэйлор Джонсон, супруге 36-го президента США Линдона Б. Джонсона, которую Америка называла детским прозвищем — "Леди Птичка".

КЛОД: Тише. Это тайный экипаж.

Собери втихомолку вещи, ибо в колдовской час мы тайно отправляемся восвояси.

БЛАНШ: В Пуэрто-Вальярту?

КЛОД: Угу, только это тайна...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Тайный план, столь блистательно замысленный и безошибочно исполненный, был совершен во всем, кроме, как обычно, одного: тайн всегда больше, чем поначалу кажется.

В своей плюшевой комнате, прикрыв рукой телефонную трубку, Фифи извлекла шепчет: "Да! Я хочу, чтобы их всех повязали за укрывательство преступника. Вот так-то... предположительно утопившийся гуру ЛСД... ничего похожего — он прячется где-то в Мексике. Да, да, у меня есть доказательства... да, его местонахождение..."

Снизу рыком пробуждается к жизни автобус, и Хулихен вопит: "На борги!" "...мне пора, — говорит Фифи, — получите к завтрашнему утру ордера, и я представлю доказательства". Он кричит: "Иду, Хули, иду..." — и продолжает шептать в трубку: "Что до информации, которую я давал прежде... вы известили своих мексиканских соратников?..."

Рука ставит бутылку "Дос Экис" на плетеный столик и включает маленький переносной магнитофон. Микрофон подключен, начинается звучать голос Дебори, заметно более напряженный, чем в прошлый раз:

ГОЛОС ДЕБОРИ: Слушайте, я разделался с Пуэрто-Вальяртой и наконец удобно устроился в новом укрытии в сотнях миль от прежнего, а где — на этот раз,

черт побери, никому не скажу! Вам, ребята, следовало семь раз подумать прежде, чем давать пленку в руки типу с именем Фифи Лямур... особенно в Лос-Анджелесе....

Хулихен за рулем автобуса нетерпеливо газует, а Друзья Животных пихаются в забитом аппаратурой проходе содрагающегося транспортного средства...

БЕГЕМА: Ну его, Хулихен...

ЗАБОЙ: Он трясет наверху своей трясогузкой. Посехали...

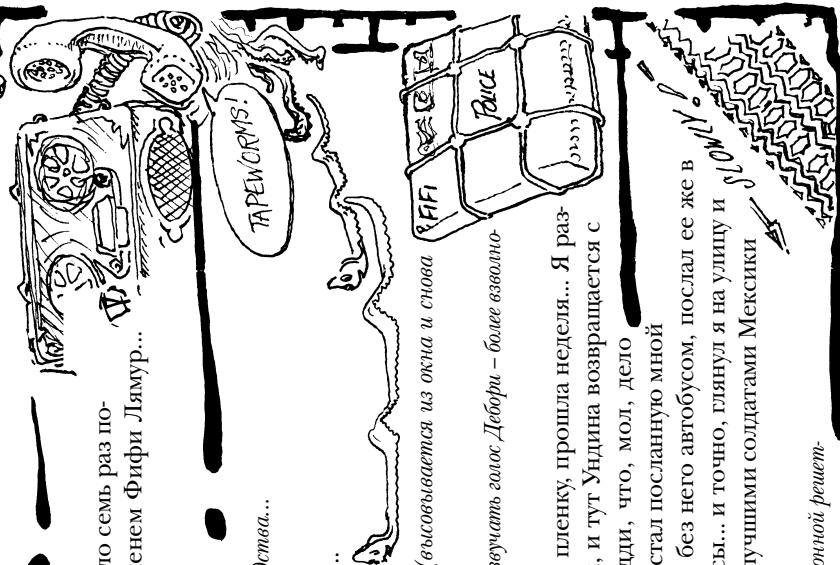
ХУЛИХЕН: НЕЖ-жно трогаемся с места, для предоставления

ния всех возможностей трение снижено смазкой... *(высовывается из окна и снова зовет срывающимися фальцетом):* Н-Н-Н... АБО-ОРТ!

Пока автобус медленно свезжает с обочины, продолжает звучать голос Дебори — более взволнованный и задумчивый теперь, когда с упрёками покончено...

ГОЛОС ДЕБОРИ: С момента, когда я послал вам первую пленку, прошла неделя... Я развалился на террасе, наслаждаясь спектаклем прачек, и тут Ундина возвращается с телегафо с посланием от Александра Макгилликадди, что, мол, дело швах. Чувак, заведующий Пешерой Радости, заграбастал посланную мной пленку и, маясь самолюбием, уязвленным уехавшим без него автобусом, послал ее же в ФБР, и что теперь по моим следам рыщут федералесы... и точно, глянул я на улицу и узрел — тут как тут, что твое дерьмо в Техасе, джип с лучшими солдатами Мексики приторачивается к обочине подо мною...

Дебори с Ундиной дергаются к захваченной плетью балконной решетке и видят внизу четырех мексиканских полицейских, что окуриваются от

дремоты, разной степени тяжести в резко замедленном движении. Один тонкий усатый офицер с шей юнцовой раздаст лихорадочным шепотом приказы, другие с грацией скоростности жгут пробужденных от снаги медведь выкарабкиваются на тротуар и входят в дверь внизу... за ними следует свирепый командир, держа руку на пистолетной рукоятке. Шофер достает из-под сиденья кожаное кожаное, блестящее смазкой автоматическое оружие типа "шпиц-дья-таво-та" и кладет себе на колени...

ДЕБОРИ (увлекая оцененную Удину за локоть прочь от решетки): Спустишь и удержи их! УДИНА: Задержать? Как?

ДЕБОРИ: Просто удержи их на блядскую минуту, пока я что-нибудь сообразю. УДИНА: Что?

ДЕБОРИ: Не знаю... проклятье... что-нибудь! Ну иди же...

Удина держит курс вниз, весело и бессмысленно лопоча по-испански, а Дебри остается в комнате, нарезает по ней круги, в испуге схватившись за голову...

ДЕБОРИ: О я! Копы опять вниз, я опять в капкане на крыше. О сбитый с курса я! Заточенный в петле киношники... (Начинает собирать на полу коулики — книжки, косяки, коробки с полуочиненной от семян травкой, — на миг задумывается, куда бы все это заносить, наконец прерывает улитки за чемоданами на антресоли стенового шкафа.)

Фифи топает по тросовому коврику, заворачивает к верстаку, выхватывает из магнитофона пленку и мчит за автобусом, вопя: "Подождите, суки! Подождите Лямура!" — сквозь стиснутые зубы, тихая пленка в карман своего багряного халата... Все отступает перед голосом Дебри, продолжающим рассказ:

ГОЛОС ДЕБОРИ: Но и жертве искуснейшей из петель киноленки всегда дано узреть предвестия надежды и попасть в некие драматические либо символические ситуации, вопиюще повторяющиеся во всем, кроме нескольких мелких деталей... намекающих жертве на то, что она вновь приблизилась к точке пересечения этой петли с другой петлей... сигнализирующих о появлении великой возможности — преодолеть, быть может, уныло закольцованный повтор и угодить в иной, не обязательно более светлый, радужный...

Фифи выскочил из салона движущегося автобуса, а Дебора все еще мечется в туннеле безвыходной комнаты в Пуэрто-Вальярте, ища, куда бы забиться: кровать слишком низка; окошко ванной слишком зарешечено; (ура! шофер с пулеметом — еще по ту сторону балкона!) шкаф слишком не забит одеждой. Антресоль! Полицейская рукоятка испаноговорящих властей сражается с нерешительным возмущением Ундины все ближе; Дебора распахивает дверь антресоли под самой крышей. Он тянется за большим чемоданом, опрокидывает его на пол, ставит на торцы, затем забегает на чемодан и, работая локтями и ногами, выдрапывает себя в полочное пространство, куда меновенне назад захавал наркотики. Вслепую он дотягивается до дверцы и почти прикрывает ее перед тем, как Ундина и полицейские входят в пустую комнату...

Держа пистолет в руке, командир вытягивает длинную шею, заглядывает под кровать, в ванну, в шкаф, через балкон, кричит шоферу: "Que paso?" — "...Nada"¹, — затем идет обратно в комнату, возвращает пушку в ишкарню тисненую кобур и начинает допрашивать Ундиноу по-испански. В какой-то момент она пробуждается от собственного притворства, потом опять негодующе отрицает все с новым жаром.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Я сумел удовлетворительно спрятаться и, вероятно, мог бы ос-
таваться в укрытии пару дней, пока все не затихнет — признаюсь, я рассмат-
ривал такой вариант...

1 Что происходит? — ...Ничего (исп.).

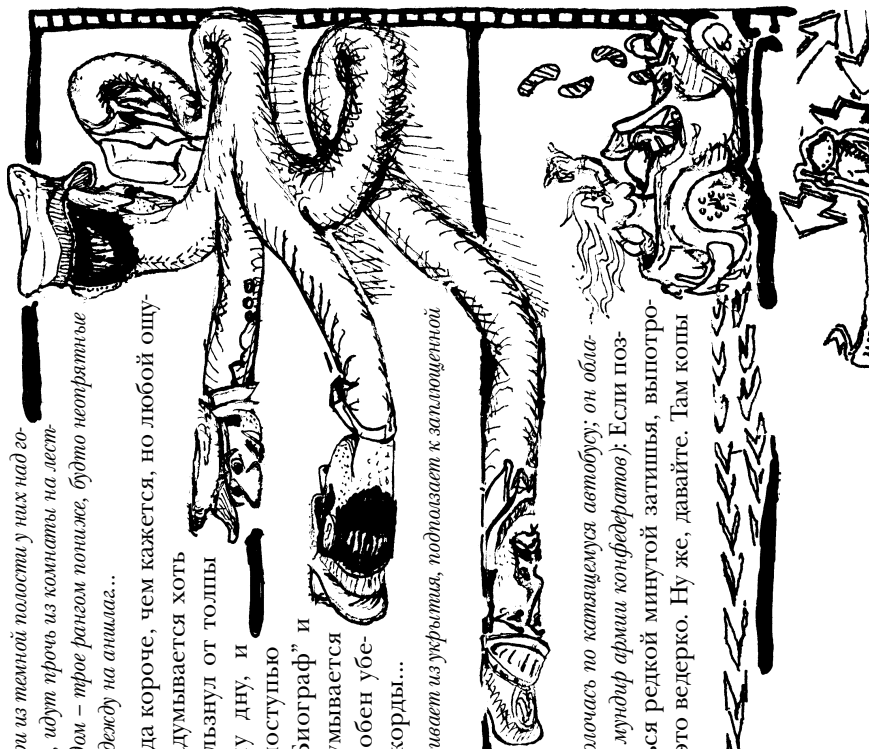

Выглядывая в щель недоприкрытой двери из темной полости у них над глазами, Дебори видят, как они, преграждая, идут прочь из комнаты на лестницу: Ундина, тонкий офицер, за ними следом — трое рангом пониже, будто неоправданные звери, чей дрессировщик давно похоронил надежду на аншлаа...

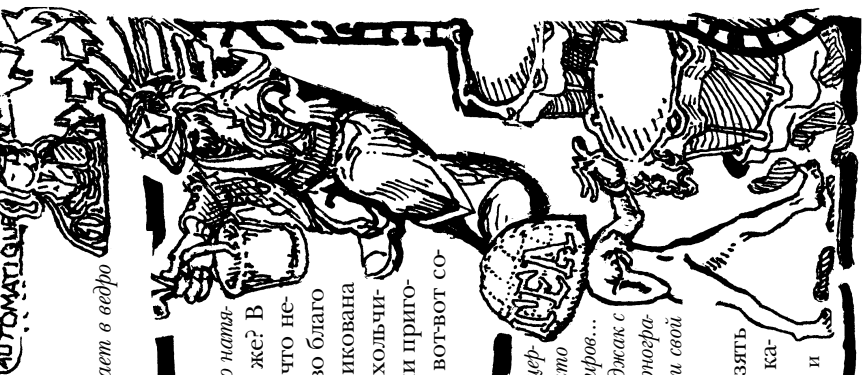
ГОЛОС ДЕБОРИ: Дистанция жизни всегда короче, чем кажется, но любой опустивший одышливое одиночество задумывается хоть однажды — и беглый раб, что ускользнул от толпы восторженных ищек по речному дну, и Джон Диллинджер¹, что легкой поступью выходит из сумрака кинотеатра "Биограф" и надевает свои темные очки, — задумывается хоть однажды: "Как далеко я способен убежать?" ...намереваясь побить все рекорды...

Звук заводного джипа. Дебори выныривает из укрытия, подползает к запыленной решетке и видит джип, который умыкает протестующую Ундину, оставив на месте одного из медведей-униформистов с автоматической винтовкой.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН (с трудом волоочась по катящемуся автобусу; он облачен во внушительный серый полковничий мундир армии конфедератов): Если позволите... я предлагаю воспользоваться редкой минутой затишья, выпотрошить все нычки и сложить их вог в это ведро. Ну же, давайте. Там копы на каждом шагу, как в...

(экспресс выражает недовольство; когда полковник проходит мимо, Клод бросает в ведро конферт...)

ХУЛИХЕН: Бьммбдышь! (жестко понижая передачу перед светофором). Желтая угроза, это она, я ее узнал. (Не замечая воплей протеста против внезапных остановок, он пользуется возможностью натянуть поплотнее правую перчатку.) Прекрасная ночь, мисс Поуку, правда же? В один из похожих вечеров мы с маленькой Люси Сивиус обнаружили, что негритосы восточной окраины готовятся к некоему барабану-бонго была прикована дорогой мамочки мисс Люси — к огромному барабану-бонго была прикована почти голая девушечка, прикрывая лишь синей глиною да стеганым чехольчиком для чайника. Увы, о, увы, мамочка казалась непотревоженной сими приготовлениями: «Люси, милая, вернемся на веранду, тутешние москиты вот-вот сожрут тебя за-жи-во...»

Пока Хулихен вещал, в салоне автобуса полковник Вайнштейн достал из ведра конферт и открыл его. Он как раз дочитывает новый Пещерный Крик, когда Хулихен визжит: «Зеленый... полный зеленый!» — и жмет что есть мочи на сцепление, выдавливая очередной прилив недовольства из своих пассажиров... мы перекладываемся на Дебори, тот в своей комнате отискивается в велветовый пиджак с оплотнелыми карманами, подле него — столик, захламленный петардами и порнографическими играющими картами. Дебори переню заворачивает связку свечей, нож и свой мешочек с колесами в мексиканское пончо...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Решившись бежать, ты задаешься сперва вопросом: что взять с собой? Ответить на него сложнее, чем понять, как удирать... многое ка-

1 Джон Герберт Диллинджер (1903—1934) — легендарный американский гангстер и грабитель банков. 22 июля 1934 г. агенты ФБР застрелили его в спину, когда он выходил из чикагского кинотеатра "Биограф".

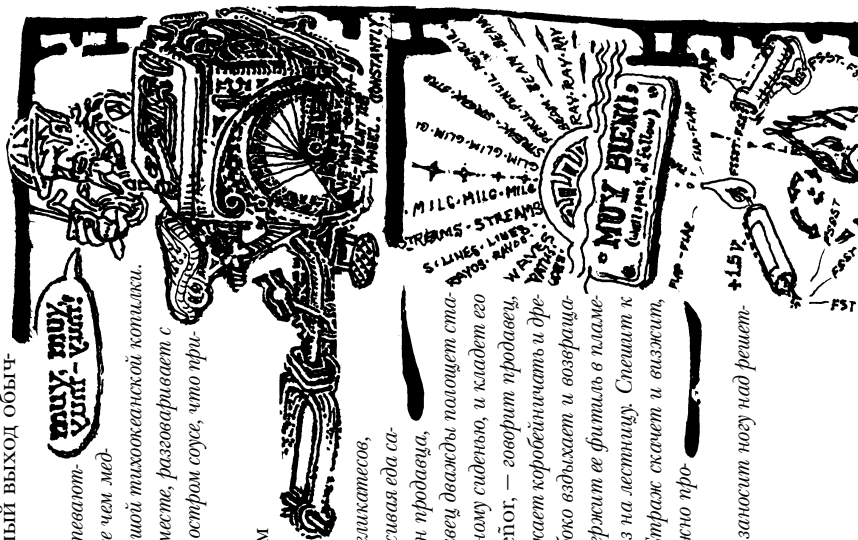
жестя необходимым для успешного побега... а возможный выход обычно — только один.

Он на цыпочках выходит на балкон. Начинает темнеть. Снежатся на ночь глядя циклады. Выцветшее, изнуренное солнце — не более чем медный сентаво, уже наполовину опущенный в прорезь горизонта большой тихоокеанской копилки. Дебори раздвигает плечи на прутьях и смотрит вниз: страж на месте, разговаривает с торговцем на велосипеде и прикалывает стакан свежих устриц в остром соусе, что припас для него торговцев...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Я опушал, что сумел свести выбор к трем приоритетам — Свет, Защита и Дурь, — но еще я ощущал, что чего-то не учел.

Зачерпнув резной деревянной ложкой последний из склизких деликатесов, страж всовывает его в рот и откидывает голову, дабы покамест живая еда сама без стескишла наша дорожку к пищеверфению. "Вуено, — хвалит он продавца, протягивая тому пустой стакан и ложку. — Муху вуено"¹. Продавец дважды положит стакан в бадье, специально для этой цели притворенной к велосипедному сиденью, и кладет его дном вверх в корзину рядом с прочей мытой утварью. "Gracias, señor, — говорит продавец, взбываясь на свой трехколесный ресторан. — Apoches..."² И он ухватывает коробеиничатый и дребезжать себе дальше в неравном полуфраке фротуара. Дебори глубоко вздыхает и возвращается к столику в комнате, выбирает шипеть, и бросает петарду вниз на лестницу. Снешит к ним свечи, пока тот не начинает шипеть, и бросает петарду вниз на лестницу. Снешит к смотровой цели в плюще, смотрит... БАХ! Цикады стихают. Страж скачет и визжит, хватаясь за ремень своего оружия, потом, припав к земле, осторожно продегирует в дом и пропадает из поля зрения.

Дебори сжимает матерчатый ремень своей скатки в зубах и заносит ногу над решет-

кой. Он почти готов прыгать, но тут его взгляд падает на футляр от гитары на плетеном стульчике...

ГОЛОС ДЕБОРИ: По счастью, в последний момент, когда можно было что-то сделать, недостающий приоритет явил себя сам. Что за погоня без музыки?

Он хватает футляр за ручку и прыгает, исчезнув из виду в ту секунду, когда страж взбирается по лестнице с оружием наперевес. После быстрого осмотра комнаты страж бросается на балкон. На улице внизу – по-прежнему ни души. Цикады снова начинают петь. Озадаченный, он возвращается в комнату, одно мгновение исследует дегающий тень, потом замечает петарды, валяющиеся на столе вокруг высокой шипящей свечи, восклицает “Оле!” – латинский вариант торжествующей “зврики” – и смеется с облегчением. Увидев колоду карт, рассыпанную среди петард, он кладет винтовку на кровать и усаживается сам, вновь выдохнув, теперь уже медленнее и скорее утверждающе, чем торжественно: “О-ле-е-е...”

...мы перекладываемся на Дебри, одолеваящего густой и темнеющий подлесок, потопившего, пытаящего; ветви хлещут его по лицу; он продвигается сквозь нехоженные дебри, используя гитару на манер сохи, чтобы расчистить себе путь, а сзади прикрепленная бечевой скатка замечает следы...

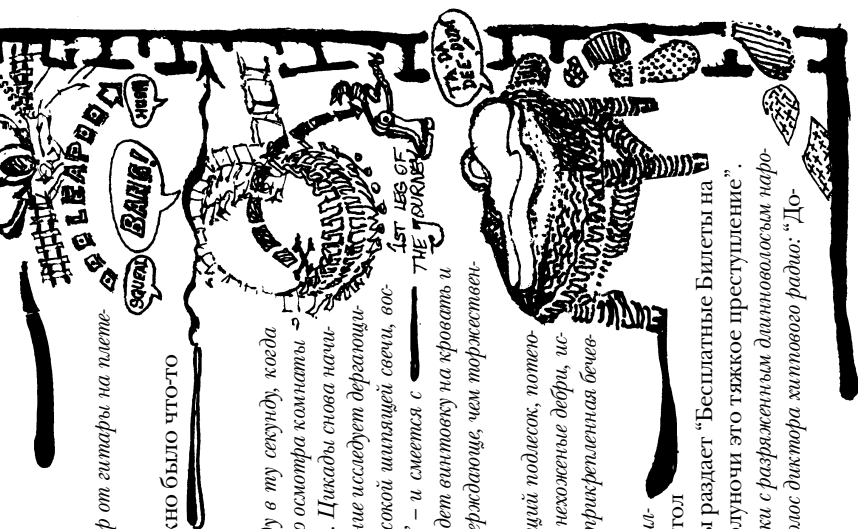
...на полицейскую машину, что разворачивается на 180° на Уилшире, звучит полицейская радиосвязь: “повторяю... следуйте на угол

Седьмой и Уилшира и разберитесь с сектой, которая вроде бы раздает “Бесплатные Билеты на Небеса” ... возможно, это наркотик ЛСД-25, с сегодняшней полнотой это тяжкое преступление”.

...на разнообразно раскрашенные фургоны и побитые легковушки с разряженным длинноволосым народом, гонящие по ночным улицам Л.А.; звучит модулированный голос диктора хитового радио: “До-

1 Хорошо... Очень хорошо (исп.).

2 Спасибо, сеньор... Доброй ночи (исп.).

бро пожаловать в трип, братья и сестры! Сегодня ночью на "Складе Семь" — феномен из Фриско, Крысиный Фестиваль с крутейшими "Свитками Моря", которых поддержат завываниями "Дикари Джукбокса", и бесплатный электрический рафинад... если на севере мне сказали правду, нас ждет нечто бесподобное..."

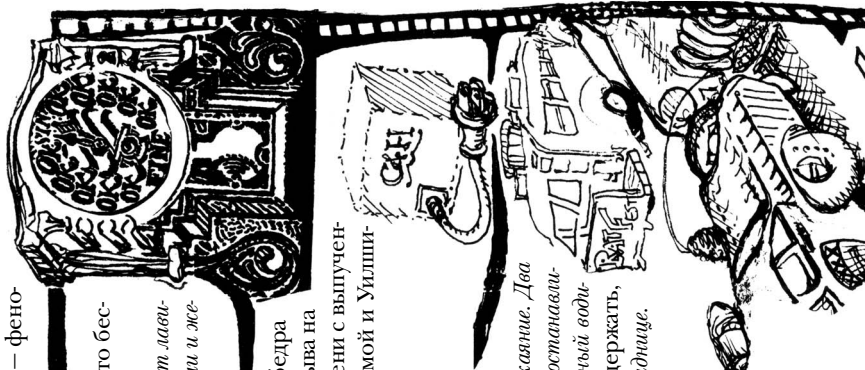
...на рыцарий во всевозрастающем хаосе автобус, который Хулихен заставляет лавировать между машинами, сопровождая всякое изменение курса звуковыми эффектами и жестикуляцией: "Дшшгоу-УАМП. Приближаемся к "Баллак-Уиллириу"¹... в здешем скромном парке я каждодневно наслаждался воркотней голубок, мазурками парковых мазуриков и секретаршами, что купали свои бедра поверх нейлоновых чулок в солнечном свете во время безнадёжного перерыва на обед и раздражались все более из-за — мПАМпау-пау — слонявшегося в тени с выпученными глазами и вспученной ширинкой меня... Приближаемся к углу Седьмой и Уиллира, капитан. Жду команду крепить швартовы...

КЛОД (подаваясь к ветровому стеклу): Разведем обстановку, Хулихен.

На близящемся углу при свете мигалок припаркованной вторым рядом патрульной машины дети цветуют спорят с толпой людей в плащах и белых рубашках. Беглые рубашки держат плакаты, предвещающие близкий конец, и рекоммендуют скорое раскаяние. Два копа наблюдают, но не вмешиваются. Когда автобус проезжает мимо, действие приостанавливается — одна группа оборачивается с приветствиями, другая с проклятиями. Черный водитель встречной машины высовывает уеенчанную голову и кричит: "Так держать, ребятки..." — везжает в бампер холостого патруля и, в свою очередь, получает по заднице.

БЕГЕМА: М'кела врезался в копа. Наверное, из Беркли едет.

КЛОД: Отвлекающие маневры уже приносят свои плоды. Хулихен, тормозни вон в том переулке. (оборачивается к остальным)

пассажирам) Приготовиться к высадке! (передает мимолетающему Хвату концерт)

Запомни все и съешь.

БЕГЕМА (вдруг проникается любовью): Что это, Хват?

ХВАТ (на секунду замирает, дочитывая послание, потом рвет бумагу на полоски и засовывает их себе в рот): Точно не скажу, но, по-моему, это манжета секретного агента, два нуля шесть или семь, с лакирей вместо чернил...

ХУЛИХЕН (выблывая на парковочное место у обочины): Стоп-машина... это она, я ее узнал.

...на Дебри, все еще сражающегося с темными джунглями...

Выравнявшись наконец на поляну, он останавливается отдышаться и смотрит назад, на долину. Далеко внизу между рыночным мельтешением и рекой, льющей последние алые лучи заката, виднеется парк развлечений, превратившийся в уютную миниатюру, крошечную подставку из стекла — тонкая палитна огней чертова колеса, грациозные карусели, хрупкий "осьминог", — тщательно выделанную, размером с донце чайной чашки. Аппаратная музыка то набирает силу, то опадает, словно прядь хрустальных нитей. Дебри смотрит и слушает. Его дыхание выравнивается... Посреди всеобщего веселья искрит салют, свистят петарды, на длинных огненных стеблях расцветают звезды... группа начинает играть...

ДЕБОРИ (любясь далекой фиестой, оседает на камень): Пасха. Завтра пасхальное воскресенье. Завтра я могу быть глубоко в джунглях, как гонимый барабанами император Джонс², а Уиндиана томится в катажке, да и Дуремар, ви-

1 "Баллак-Уилшир" — построенное в 1929 г. здание на Уиллирском бульваре, один из символов Лос-Анджелеса.

2 Герой пьесы американского драматурга Теннесси Уильямса (Томаса Лангера, 1912–1983) "Император Джонс".

ряд усилителей, Ястребник принимает из рук Бегемы пластиковый стаканчик и без замешки вливает в себя его содержимое.

Визганию по репродукторам вдаряет сильный голос Клода: "Говорит Капитан!"

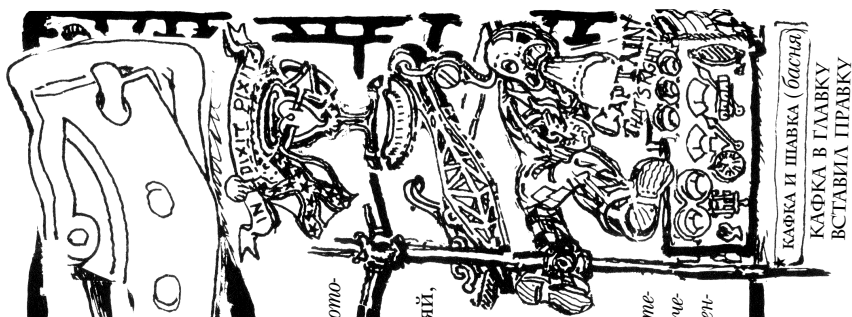
Удерживаясь на шатком мостике напротив

сцены, Клод неистово встает над циферблатами и датчиками. Визгает он в махонький микрофон, прикрученный проволокой к его ярко раскрашенному летчикуному шлему...

КЛОД: Внимание... ваш Капитан (он изыщно подкручивает регулятор, устранив шум, который никто не заметил, затем, довольный, выпрямляется...) счастлив сообщить, что последний звуковой удар "Свитков" вынес нас за пределы земной гравитации, и теперь нас ждет... (он берет еще один микрофон) ...поверай, проверай, привирай... Попытка Сверхсветового Ускорения... и, э... (подходит Бегси, протягивает ему стаканчик. Он берет его и в ответ сфучает концерт с ее именем. Из зала это замечает Бегема. Клод осушает стаканчик...) в данный момент разбавляется новая добавка*. Добровольцы, желающие участвовать в следующем этапе полета, пожалуйста, внеситесь в список одного из наших офицеров-вербовчиков... Хват? Бегема? Рекс?

Хват, Бегема и Рекс несут зрителям подносы со стаканчиками. Именно этого зрителя, несомненно, и ждали, но спешки никакой нет. Все добровольцы вежливо ждут своей очереди, потом берут стаканчики с искренним "спасибо" и получают в ответ не менее искреннее "на здоровье" от Хаата, "круто, чувак" от Бегемы или обаятельную улыбку от Рекса.

КАФКА И ШАВКА (басно)

КАФКА В ГЛАВКУ
ВСТАВИЛ ПРАВКУ

БЕГЕМА: Смотри! Еще одно. И Рекс его получил.

МИКИ: Может, они готовят вечеринку с сюрпризами.

БЕГЕМА: Вряд ли вечеринку, и вряд ли это будет такой уж сюрприз...

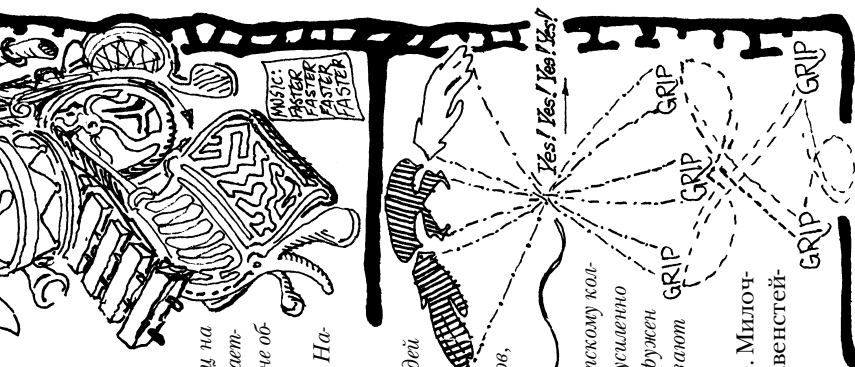
Рекс жмет на педаль все чаще и чаще. Звук достигает высот разлада. Наконец на сцену выходит М'кеа в черном смокинге и цилиндре, в руках у него бongo. Он вслушивается в шум, стараясь уловить ритм, какую-то начальную посылку, порождает, ничего не обнаружив, собственную, и какофония вливается в пульсирующее созвучие.

Друзья Животных продолжают перемещаться на ассорти инструментов. Напротив и над ними на еще одном мостике происходит второе впечатляющее действие — одновременно три киноаппарата проецируют на стену картины: цветные брызги, движение, переплетение гигантских людей из прошлых эпох и разных стран. Ослепляющим парадом образов командует Хват, он бежит от проектора к проектору, прокручивает пленки, во время плавной антитемы закрывает карусельный диапроектор, добавляет фотоснимков,

действуя в ритме автоматического переклочения и передавая этот ритм гигантскому коллажу. Затерянный в несметной кутерьме проводов и вызывающих механических усиленно восторженных движений Мики Прозайк сидит на краешке мостика; его глаз погружен в отверстие объектива 16-миллиметровой кинокамеры "Априфлекс". Руки повелевают линзами, обнаруживая и увеличивая отдельные объекты на уровне пола..

МИКИ: Вот так, дорогуша! Подними-ка ручки и приоткрой грудь... отлично. Милочка, ты движешься словно осенний ветер, волнующий яблоню, и "гравенстейн"

1 Томми Дорси (1905–1956) — американский джазовый и свинговый тромбонист и руководитель оркестра.

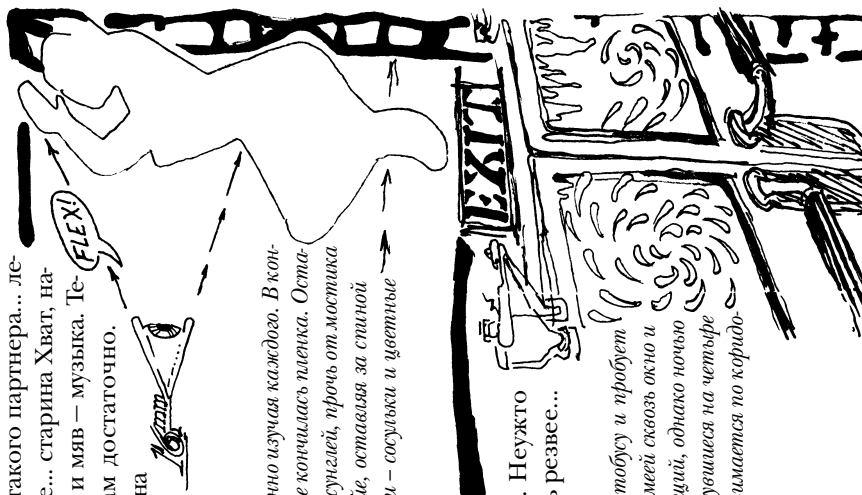

ны!" срываюся прямо на голову... но где ж ты раздобыла такого партнера... ленивца! Так... вот и искомый цвет... яркий, именно, еще ярче... старина Хват, наконец мы в синхроне, точно по музыке, если, конечно, рев и мям — музыка. Теперь наверх, под потолочные балки... надеюсь, света там достаточно. Блядский Клод с его "приготовьте все как надо и врубайте на полную катушку после останова" ... хреновень. Он что-то задумал... вот так, вот ты и в кадре. Ого, теперь-то я уверен... он и пальцами почти не шевелит.

Мики Прозайк нацеливает объектив на Друзей Животных, медленно изучая каждого. В конце концов по навязчивому "тряк-тряк-тряк" он понимает, что в камере кончилась пленка. Оставив камеру, он ползком и на ощупь выбирается из кинотресторских джунглей, прочь от мостика сквоззя извивающегося драконье тело ФЕСТЕРОВ, из главного зала в фойе, оставшая за спиной выходящийся шум, в открытую дверь и на улицу, в чистое дыхание ночи — сосульки и цветные точки еще кружатся, но Мики позружен в себя, жует свою жвачку...

МИКИ: Красивые, красивые... Даже одинокие. Где же ваш дом?² Не в автобусе, он для вас слишком мал что на входе, что на выходе. Стерплю ли я... вояж, а то и кутеж... Неужто Клод попытается резво проехать в дамки? А если я окажусь резвее...

Скользя замшевыми туфлями по тротуару, он подбирается к автобусу и пробует дверь, но та плотно закупорена. Он идет к задней панели, пролазит змеей сквозь окно и внедряется в темный, забрызганный краской салон — временами пугающий, однако ночью привывчный и дружелюбный, — минует задние стальные места, растянувшиеся на четыре фута автобусной длины, перебирается через роскошную постель и поднимается по коридору

фу мимо трехъярусных кроватей и боковых сидений к удобному водителескому креслу, садится в него и изучает устройство цитика управления...

МИКИ (возбужденно бормочет): Ну-ка... электрический топливный насос... попробуем закачать чертов бензин в карбюратор... ждем утвердительного тряк-тряк-тряк, типа как тряк-тряк-трякает камера, работающего топливного насоса... однако ж?.. Тишь да гладь. Какого черта? Может, я должен еще что-то сделать? Офигительный Рекс. Что он сделал со старым автобусом? Блядский топливный насос... Попробуем без него. Нажмем кнопку запуска... запустим ботинком двигатель, нажав на выпуклый выступ, выпирающий справа от педали газа, теперь можно надавить каблучком на газ, а носком нажать на переключатель стартера. Какого же черта? Ах да... помню-помню. Нужно было щелкнуть вот этим тумблером, который Рекс установил вместо перегоревшего зажигания. Вот он... щелк... есть контакт. Однако опять... облом по полной. У меня крыша едет. Кое-кто перелопатил весь агрегат! А если подергать переключатели как попало... Не работает. Ни свет, ни пелка. Даже радио не работает. Они отсоединили кабель от аккумулятора. Вот ублюдки. Что они себе думали? Что кто-то собирается утнать автобус?

БЕГЕМА (встав на подножку, орет в окно): Эй, Мики, что ты делаешь? Угоняешь автобус? Ничего не выйдет. Рекс поставил секретный главный контрольный переключатель. Кроме того, куда бы ты отправился?

МИКИ: Блядская машина. Какому гнилому маньяку придет в башку мысль сотворить такое? Кроме того, кто говорит об угоне? Я хотел поглядеть, смогу ли

1 "Гравенстейн" — сорт яблок.

2 Аллюзия на песню Джона Леннона и Пола Маккартни "Элинора Ригби".

его завести... припарковать за углом. А кто дал тебе разрешение шататься без дела по автостоянке, девочка, когда ты должна рулить светошум?

БЕГЕМА: Я просто решила посмотреть, все ли в порядке, когда увидела, как ты ускользнул, кроме того, через несколько минут наступит пасхальное завтра, и, Господь ведает, на Пасху никто не должен сидеть в тушке.

МИКИ: Хыр, хыр... Господь ведает... в тушке... хыр-хыр. Но это, чего ты стоишь снаружи... автобус — весьма уютная берлога, ты заметила? Почему бы тебе не прочапать сюда и не прилечь со мной на минутку? Я трепещу на ураганном ветру...

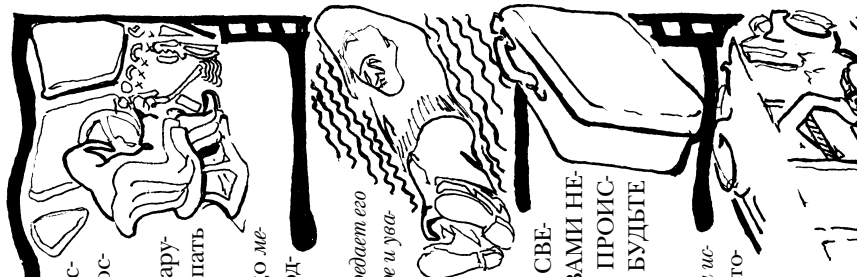
БЕГЕМА: Не сейчас, быстрый ты мой; ты заграхан так же, как и я. И ты прав, что до меня — я отправляюсь обратно на светошум с новыми диапозитивами. Так что подними жопу и подай мне черный чемоданчик...

Мики Провайк поднимается с водительского места и шарится в поисках чемодана... передает его через окошко Бегеме. Они улыбаются друг другу, каждый делает хорошую мину при плохой игре и уажает за это другого. Затем, не говоря ни слова, Мики возвращается на место водителя, а Бегема возвращается в буйство Крысиного Феста.

Со своей контрольной вышки посреди электронного гама и на первый взгляд обесмысленной бессмыслицы Клод все еще играет на басу и ухает в микрофоны...

КЛОД: НА СВЯЗИ КАПИТАН. ЕСЛИ ВЫ ЧУВСТВУЕТЕ, ЧТО УСКОРИЛИСЬ СВЕРХ СВЕТА И ВЫПАЛИ ИЗ СВЯЗКИ, ПОЖАЛУЙСТА, ОТНЕСИТЕ НАБЛЮДАЕМЫЙ ВАМИ НЕДОСТАТОК ЦЕЛОСТНОСТИ НА СЧЕТ МОЛЕКУЛЯРНЫХ ПЕРЕСТАНОВОК, ПРОИСХОДЯЩИХ В ВАШИХ КОРПУСКУЛАХ... ДЛЯ ПАНИКИ ПРИЧИН НЕТ... БУДЬТЕ УВЕРЕНЫ, ТО ЖЕ САМОЕ ПРОИСХОДИТ В КОРПУСКУЛАХ КАЖДОГО...

Мы коротко слышим пробившийся сквозь ритмический гуалт голос деушки — не слишком испуганный, пока не истеричный — “Джек, Дже-ек... ты слышишь меня, Джек? Джек... Я с то-

бой говорю, Джек..." Голос поглощается бухающим, поноющим, гудящим, пиликающим потоком музыки Друзей Животных, и мы...

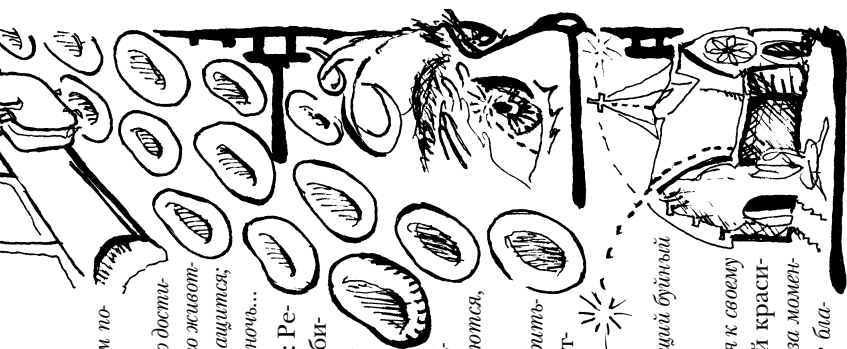
...перекладываемся на лицо Дебори, освещаемое в тишине на пару секунд, за которые его достигает эфирот салюта. Его глаза вдруг открываются, ступнув в ближайшей нацобе какое-то животное, с треском улетывающее в темноту. Взрывается еще одна ракета, а Дебори все таращится; еще одна, еще... Снова шуршит валезник, и цирковый колокол начинает отбивать полночь...

ДЕБОРИ (пытается петь, но выходит чем-то похоже на девушку, что звала Джека): Ребята вечно правые с соборами и храмами... если доли лучшей нет, я обижусь на весь свет, я отсюда побреду, если вы... (новый шквал фейерверков и совсем уже близкое шуршание заставляяют его глаза открыться еще шире) ...ребята! ребята! Простите зануду... Я просто сорвался... но больше не буду! не буду! Я утихомирюсь. Я буду спокоен. (содрогаясь, ложится рядом с гитарой) Я утихомирюсь. Я буду спокоен. (его веки трепещут и захлопываются, лицо разглаживается, проясняется)

ГОЛОС ДЕБОРИ (продолжает в ритме последнего поеторенного обещания утихомириться): ...но внутри продолжал созревать мятеж... в спокойствии этом рождается верный план реконкиты нашей вселенной...

Лицо Дебори замещает огромная радужная звезда. Это светомуза за спинами Друзей Животных. За проектором мы видим лицо Бегемы, она перифрикуивает возрастающий буйный рев Друзей Животных...

БЕГЕМА: Скулите, крысы, скулите! Дрындите, Друзья, дрындите! (пригибается к своему светомузе) Теперь... крови... огня... заката... гдежеблин красный пищевой краситель? Куда я сунула бутылку с красным пищевым краси... (замалывает, ее глаза моментально расширяются, потом веки трепещут и захлопываются, она застывает в блаженстве, похожем на транс Дебори)

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС БЕГЕМЫ: [Веди нас чрез заросли терновника, Свет Космоса. Наставь всех нас на сей извилистой тропе...]

Мы переключаемся на Мики Прозайка, старящегося завести автобус; звуки из зала еле долетают до него, пока он суетится над тумблерами...

МИКИ: Ну вот, мать твою, я знал, что ты не заведешься! Фьюууу, парни уже и досюда добрались! Как-то это все откровенно не вовремя. *(мортищит нос от шума, откидывается на спинку водительского кресла и сцепляет пальцы на затылке, вслушиваясь... внезапно глаза его закрываются, морщинка недовольства расправляется, лицо становится безмятежным и невозмутимым, как у ребенка за молитвой...)*

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС МИКИ: [Привет. Входите. Привет. Входите.]

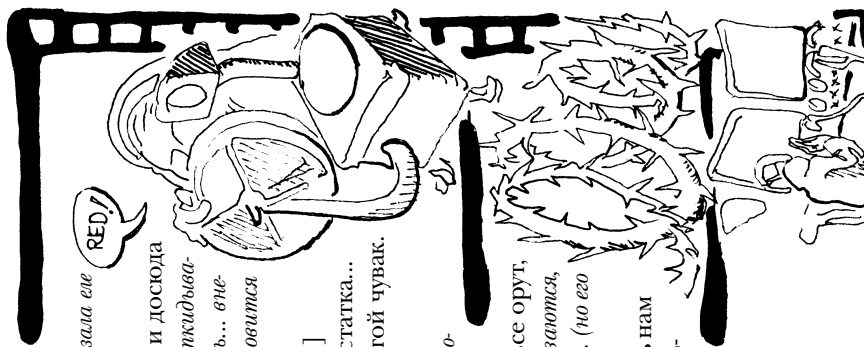
ГОЛОС ДЕБОРИ: Нам это под силу, Друзья; поймем грядущее великое без остатка...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС МИКИ: [Входите. Входите. Это Мики Прозайк, крутой чувак. Входите кто угодно.]

В зале на вершине контрольной вышки Клод нагнетает басов и бубнит в микрофон...

КЛОД: Всем на выход, всем на выход, всем на выход из кают, все резвятся, все орут, все ликуют и поют... поют, поют, поют, поют, поют, пою-у-у-у... *(его глаза закрываются, он продолжает играть и бубнить) Все на выход, все на выход... все на выход... (но его внутренний голос заглушает музыку...)*

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС КЛОДА: [Твоя навеки десница, Всемогущий; позволь нам принять ее и не принимать иной. Исторгни нас из ада крошечной скорби, и сойди к нам в милосердии, и освети наш путь спокойным оком воли Твоей...]

Еще одна радужная звезда высвечивает Самюэля Ястребника с закрытыми глазами, сидящего на сцене и играющего на электрогитаре... переход к Забюю, вертящему под стробоскопом палкой из юкки! ... к Мэри Микрофрам, дующей в гармошку перед микрофоном из-за занавеси волос, упавших ей на лицо... к Хулихену, потающему, танцующему, трубящему в шланг посудомоечной машины и говорящему промеж звуков:

ХУЛИХЕН: Ночная жизнь... спокойная, говорят, жизнь, но все ж... во власти музыки — подлить огня в пресный трип, так сказать, хронологически, или, по меньшей мере, пришпорить его, чтоб не буксовать по кочкам и не петлять в глухих переулках по ухабам да колдобинам...

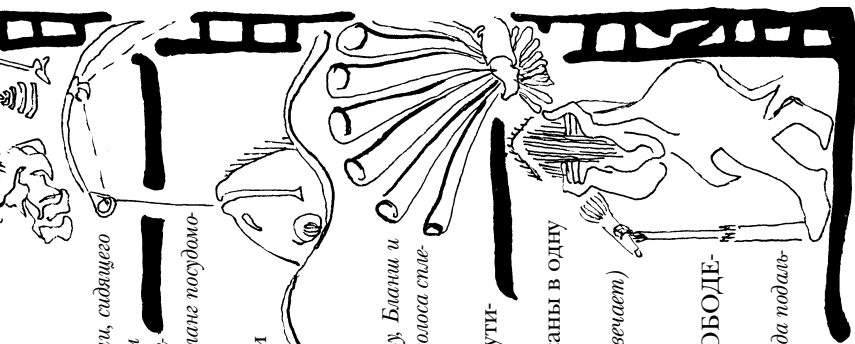
...и дальше, к другим парящим в высоте лицам — Бетси, полковнику Вайнштейну, Блани и прочим безымянным головам, качающимся в такт барабанов М'желы, — и внутренние голоса сплетаются в музыку...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Грядущее великое, Друзья... напрягитесь изо всех сил и ощутите великое время единения, что мчится через небо... по облакам... ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС БЕГЕМЫ: [...через землю... мы круты, но гнило вписаны в одну звезду ночью...]

КЛОД (поет в микрофон): Все на выход, уже недалеко... (и его внутренний голос отвечает) [...прочь из этого ада, сквозь саваны, уже недалеко, совсем нетрудно...]
МИКИ: Это Мики Прозайк из большого двора... входите... это я...
КЛОД (поет и доводит струны до дикого крещендо): Все-е-е все-е-е на СВОБОДЕ-Е-Е-Е!

На пике движения на сцену обрушивается величайшая из звезд, выбивая музыку куда дальше и заполняя ночное небо сияющими лицами Дебори, Бетси, Бегемы, Клода, Блани, За-

1 Ю кка (дерево Джошуа) — вид кактуса, растущего в пустынях Северной Калифорнии.

бая, Хулихена, Хеата, паковника Вайнштейна, Мики Прозайка, Рекса... дрейфующими бестельно меж светил по сонной орбите. На одном конце этой орбиты — оверстания Ястребника, все еще бешено терзающего еле слышную гитару, на другом — безмалено барабачущий М'мела. У обоих глаза по-прежнему закрыты, но у остальных глаза открыты и беззастенчиво улыбаются, глядя друг на друга...

БЕГЕМА (небрежно, почти пренебрежительно): У нас опять получилось, Друзья Животных. У кого чего есть сказать?

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Блистательно!

КЛОД: На правах Капитана я хотел бы воспользоваться возможностью лично поблагодарить всех членов экипажа Лос-Анджа — и тебя, Дядя, конечно, тоже — за успешный финал нашего мудреного randevu.

ХУЛИХЕН: Слышали? Отдал Дьяволу должное. Каково, Вождь? Ты там рвешь плевы латинским девам в укромных местах в кустах... заткнись, Хулихен, баклан.

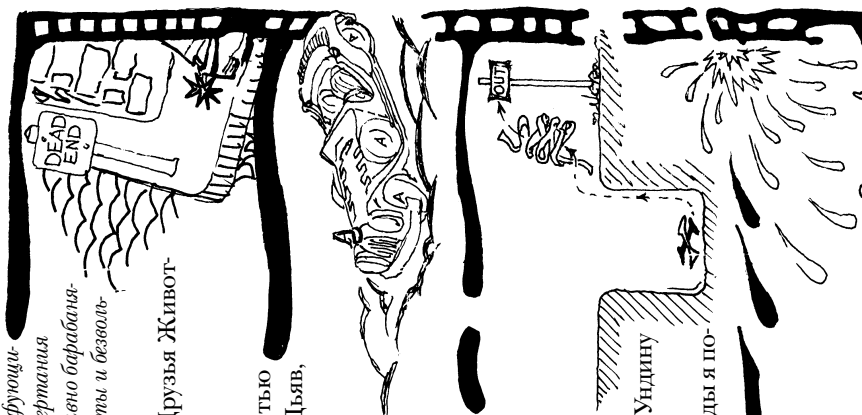
ДЕБОРИ: Нет, Хулихен, только американские продукты. Каголические девчонки по закону резистантны.

БЕГЕМА: Это хорошо! Вив ля резистанс, женераль! МИКИ: Что-то Дуремар не показывается. Он взлетел?

ДЕБОРИ: Непохоже. Не исключено, что он и Ундина на деле сидят в местной катажке в Пуэрто-Вальярте.

БЕГЕМА: Что случилось? Где он? И где ты? И что за бред собачий про Ундину Рейес?

ДЕБОРИ: Длинная история, Бегема. Как-нибудь потом расскажу. Однажды я пошла вам еще одну кассету, где все объясню.

БЕГЕМА: Надо думать!

КЛОД: Кроме прочего, мы, сойдя на землю, все равно ничего не вспомним... так что, Бегема, волноваться не о чем.

ХВАТ: Именно! Не помню, о чем мы вообще говорим на этих встречах.

ЗАБОЙ: А я не помню, что на них присутствую!

БЕГЕМА: Та же дрянь... только короткую передышку от глухих треволнений и ноющей спины.

МИКИ: И от блядского мюзонного бардака блядских крысиных сессий!

ДЕБОРИ: Как прошла операция в Лос-Андже... тяжело?

БЕГЕМА: Я бы сказала — убого. Клод корчит из себя Даффи-Дака¹, играющего в диктатуру, Фифи Лямур ломится в сортир весь в улыбках каждый раз, когда нужно под душ или поспать...

БЛАНШ: Этим утром он даже помог мне наладить горячую воду...

ДЕБОРИ: Фифи Лямур — это кто?

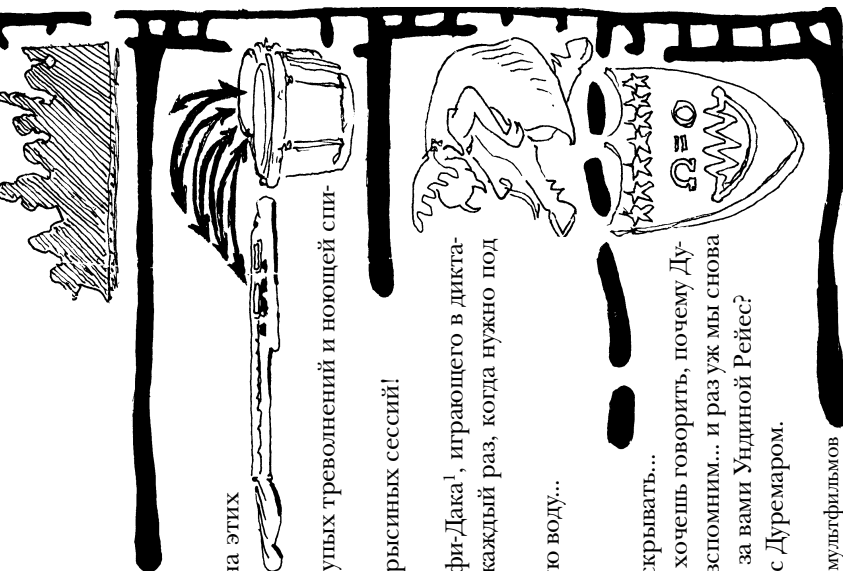
ЗАБОЙ: Пидор, хозяин флэта, на котором мы...

ХУЛИХЕН: Просветленный бисексуал, Забой... не будем скрывать...

БЕТСИ: Что значит "кто такой Фифи Лямур"? Если ты не хочешь говорить, почему Дуремар в тюрьме, потому что мы все равно ничего не вспомним... и раз уж мы снова заговорили об этом: что это за *история* с увязавшейся за вами Ундиной Рейес?

ДЕБОРИ: С Ундиной? Мне кажется, она в тюрьме вместе с Дуремаром.

1 Даффи-Дак — утенок, старейший персонаж многочисленных мультфильмов студии "Уорнер Бразерс", создан в 1937 г. художником Чаком Джонсом.

БЕГЕМА: И это длинная история... мы в курсе.

ДЕБОРИ: Так, прошали... кто еще хочет помянуть старое?

БЕТСИ: Ты пошел за мной и детьми, Дев?

ДЕБОРИ: Как только все устроится.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Много шансов для нас устроиться там у вас шоу?

ДЕБОРИ: Устроить шоу — мно-

го. Шансы вырваться

из рук разъяренных католиков невелики, полковник.

КЛОД: Так или иначе, ты сам-то где?

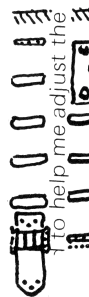
ДЕБОРИ: Все еще в Пуэрто, хотя мне сдается, что я тут не задержусь.

ХУЛИХЕН: Кажется, мы заплутали в теме... а вот скажи мне, Вождь. Пусть сей-час будет не Пасха шестьдесят пятого. Пусть будет... семьдесят второй год... и я уже пару лет как в гробу...

БЕГЕМА: Ты слишком часто гонял через двойную разделительную поло-

to help me adjust the

су, да, Хулихен?

ХУЛИХЕН: Это произошло на железной дороге,

Бегема, и я могу добавить попутно, что сгубили меня депрессанты, а не скорост...

145

БЕГЕМА: Депрессанты... ты точно гонишь...

ХУЛИХЕН: И вот, Вождь, скажем, ты читаешь в "Плей-бое" статью о *психопатах* и видишь, что о погибшем *мне* пишут как о задроченном кретине. Какой-то писака из "Плейбоя" обзывает твоего приятеля психопатом, а тот не в состоянии даже слово в свою защиту сказать...

БЕГЕМА: Ага, когда рак на горе свистнет...

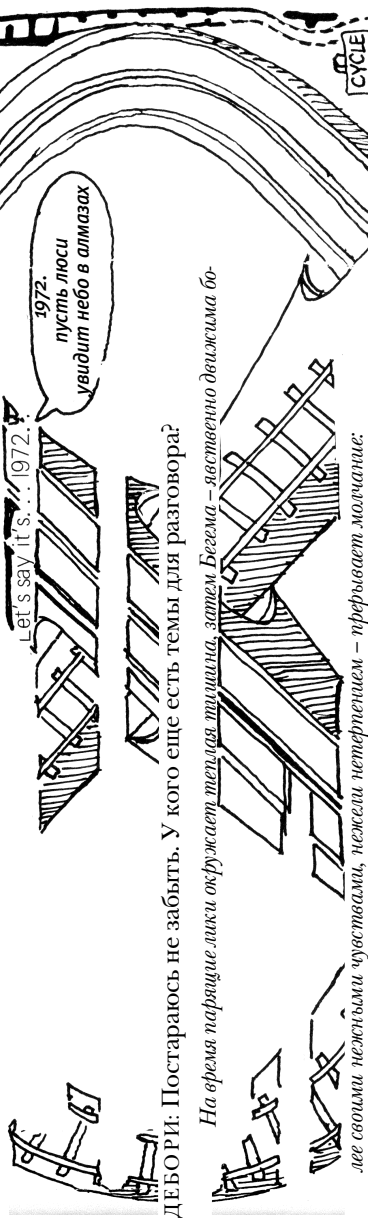
ХУЛИХЕН: ...и вот я спрашиваю тебя: как ты отомстишь за этот выпад?

ДЕБОРИ: Погоди-ка! Ты разве не психопат? Я слышал, ты сказал, что...

ХУЛИХЕН: Джеймс был слеп на один глаз. И что, ты позволишь Джеймсу Джойсу остаться в веках с единственной эпитафией: "Здесь Покойтся Одноглазый"? И ни слова о его стиле, его гении, его новаторском влиянии?

ДЕБОРИ: Лады, Хулихен, я пойду на это. Только... что я могу сделать с ним такого, чтобы тебя устроило бы?

ХУЛИХЕН: Вмазать сволочи по полной.

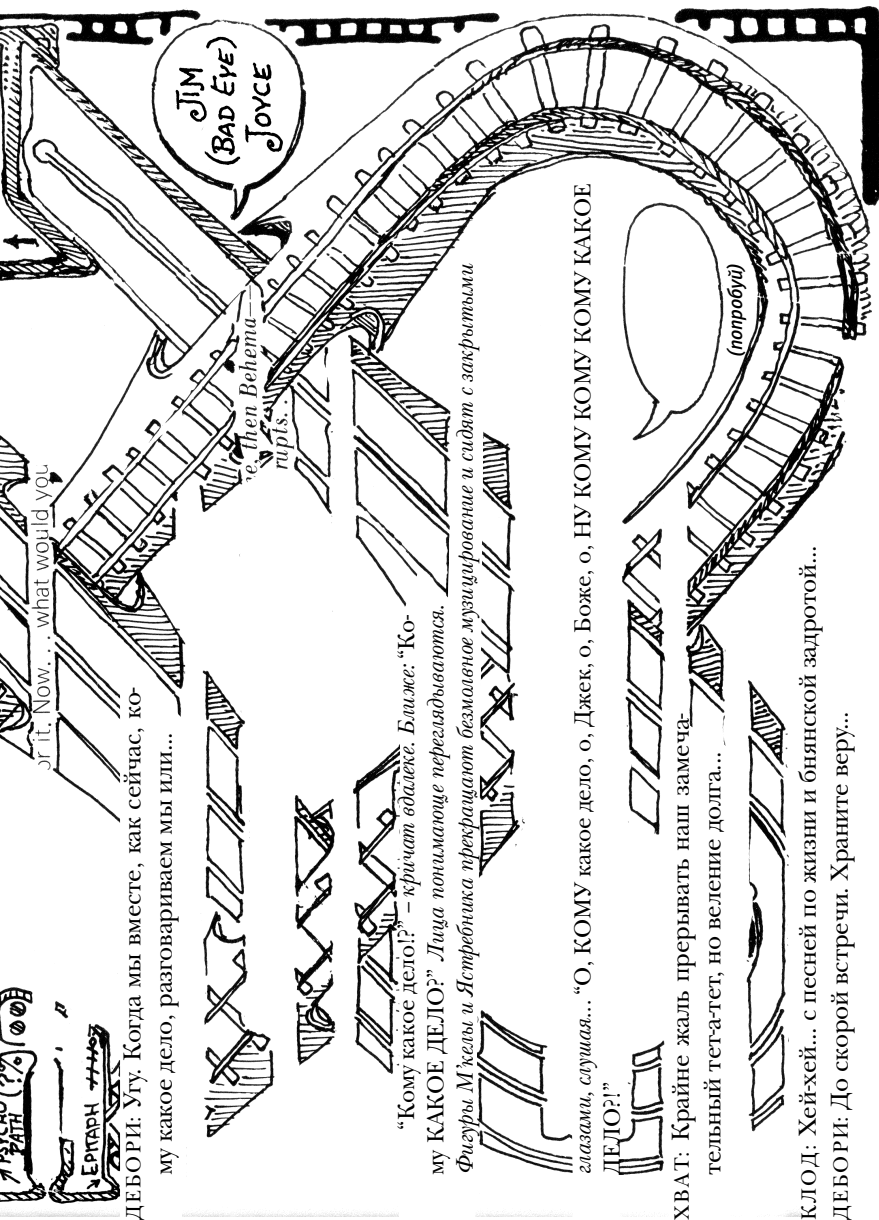

БЕГМА: И это все? Мы просто плаваем туда-сюда, блаженно лыбась друг на друга?

вот, Вождь, бедный покойный психопат

enge this affront?

МИКИ: Не так уж это и плохо, согласись...
 one eye. Would you let James Joyce go down
 "Eved Man" as his only epitaph? Nothing
 "luence?"

БЕГЕМА: На хуй веру! Когда мы поедем в Мексику, юлистый развратник?

ДЕБОРИ: Когда спадет острога ситуации.

БЕГЕМА: Когда спадет острога ситуации. Когда спадет острога ситуации, говорит он, сидя по уши в красном перце...

Снова слышится крик, в нем теперь больше настойчивости и страдания: "О Боже мой, КОМУ КАКОЕ ДЕЛО?!"

КЛОД: Увидимся, старина.

БЕТСИ: Пока, Дьяв...

ДЕБОРИ: Всем hasta luego¹...

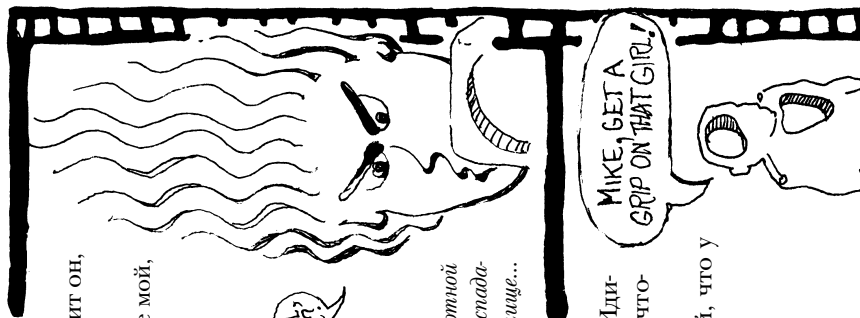
Напав на лицо Бегемы, застывшей в трансе за светопроектором. Девушка снова кричит "Кому какое дело?" громко и близко, и Бегемыны глаза распахиваются...

БЕГЕМА: Ёпрст... что тут происходит?

Она выходит из-за проектора и видит в центре пятака девушку, бьющуюся в кислотной агонии. Хват с полковником Вайнштейном уже идут к ней, чтобы успокоить. Музыка распадается, музыканты прекращают барабаниить и бегичать, чтобы посмотреть на новое зрелище... и только Клод на контрольной высоте продолжает басыть...

КЛОД: На связи ваш Капитан. Пролетая через последний тонкий слой пустоты, мы понесли урон. Ей нужно немного любви, ребята, любви и заботы. Идите и осторожно оттащите девушку в сторону. Хват, держи рядом микрофон, чтобы все слышали, что происходит.

ХВАТ (*недоверчиво воззрившись на Клода, говорит полковнику*): Мне кажется порой, что у всех бывших пехотинцев с мозгами так же туго, как и с сердцем...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Все так, но ты должен признать, что они великолепно держатся перед публикой... (обращается к сцене) Хулихен, подай нам тот микрофон с длинным шнуром, будь любезен.

ХУЛИХЕН: Так точно, полковник... (и толкает свою почти добитую посудомоечную машину к оружейной девушке)

БЕГЕМА (недовольно моргая, глядит на потасовку и видит поверх множества вавилонов, как в дверь на другом конце зала входят четверо лос-анджелесских полицейских в шлемах): А теперь еще и копы. Блядство. Тут было так тихо, что я чуть не задремала.

Проецируемая на экран за группой текущая галактика светомузыка переплавляется в фейерверки и салюты, все ярче и ярче... освещающая лицо Дебори на фоне темной чащобы. Большое египетское животное, только-только прикончившее предпоследнюю из оставленных на камне свеч, гипнотизирует Дебори со спины. Чаякая, оно счастливо фыркает, и глаза Дебори начинают открываться...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Словно купец, я начинаю оценивать и взвешивать свои богатства... Свет, Музыка, Защита или Дурь — что для меня ценнее?

Животное улетывает в чащобу. Дебори разворачивается, замечает дрожащие листья, обнаруживает обеды с чавканного и обглоданные фритиллы свечерипасов. Мгновение он хмуро размышляет над загадкой, но, зафривметив обильноявленный огрызок, перестает удивляться, жигает последнюю свечу и нетрочно укрепляет ее на оплавленных останках предшественницы. Озарает окрестность широко распахнутыми глазами, опять усаживается в йогическую позу и берет в руки гитару. Закрыв глаза, делает глубокий вдох, чтобы сосредоточиться и спрыгнуть испуг. Пока он погружен в стоически отчаянную медитацию, животное вновь выбирается из ук-

1 До свидания (исп.).

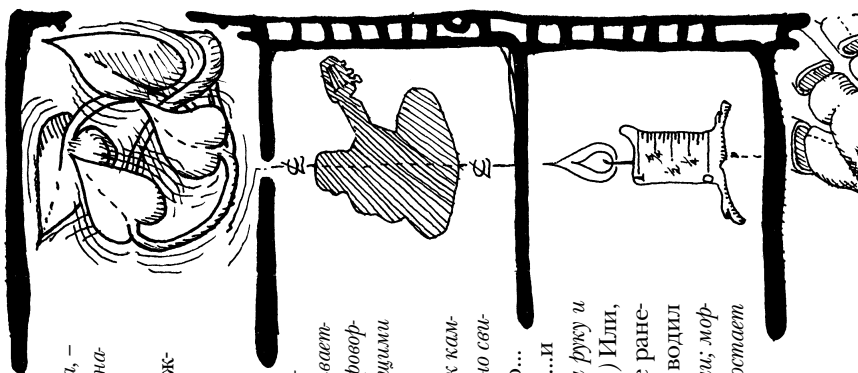

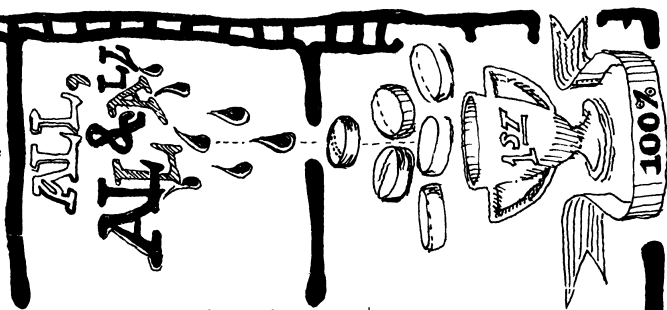
рытия, стихомолку взбирается на камень – и видит, что оставленную напоследок еду кто-то поджег! Соизумившись и повдая носом, оно приближается к салной свечке. С нежным шипением усердно толкает свечу лапой – один раз, потом еще два, – переворнув ее, но не сбив вниз. Подобравшись к свече с безопасного конца, осторожно начинае уминать ее в направлении огня.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Мне казалось, что всякий раз, когда я выбирал самое нужное, меня постигало огорчение...

С выражением высшего психического усилия на лице Дебори медленно брнчит на гитаре, производя неблагозвучие туце прежнего, и величественно перебирает струны сверху вниз, отчего животное тревожно вертится, наступает на последний, горящий днойм свечи – и издает звериный вопль, на который немедленно отзывается точно таким же воплем Дебори; отбросив гитару, он находит в скатке нож и проворно приседает в классической стойке в ожидании ножевого поединка... с дрожащими листьями.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Музыка? Она все больше не в лад... (он присматривается к камню, глядит на еще теплящийся огонек последней свечи и восемь дноймов беззально свисающего из нее несгоревшего фитиля) ...и у Света всегда кончается топливо... (капля крови падает на камень рядом с огоньком, затем еще и еще, все быстрее) ...и наша Защита может как защитить нас, так и повредить... (смотрит на руку и видит, что в спешке схватил нож за острие... кровоточат все пять пальцев...) Или, как сказал однажды Хулихен: "Все уроды с ножами получают ножевые ранения; у всех кулачных бойцов есть промежутки в зубах; всех великих водил временно лишают прав". (вновь роется в скатке в поисках ныхки с колесами; морщась, заливает раны алкоголем, затем завертывает руку в носовой платок; достает

склянку с надписью "Codeinetas" и выпрыгивает из нее на камень три маленькие таблетки, неоново пульсирующие цветами; моргает, трясет головой и выколачивает еще три) Дурь — единственный верный союзник. Она подняла меня в высь великого кислотного экстаза, теперь она же осторожно опустит меня на землю... (кладет склянку рядом и подбирает шесть таблеток, бросает их себе в рот... со страшным лицом пережевывает и глотает) ...в последнем туре она вне сомнения победила с большим перевесом голосов... Свет, Музыку и Защиту я бы легко променял на чашку холодной воды, но шесть кусочков депрессанта не отдаст бы за Прометея, Орфея и всех рейнджеров Техаса вместе взятых. Заглавие могут возникнуть новые заботы, и другие приоритеты будут оспаривать титул чемпиона, но в этот момент темнота на чуть-чуть отступила, и пальцы охватывают дрожь, и мои уши настраиваются не на музыку, но на хрустящую чашобу и рычание ужасного кислотного отходняка... спорить не о чем, эта доза депрессантов — первая среди первых. (он заворачивается в одеяло, натягивает его на голову, с протяжным хриплым вздохом сворачивается калачиком у камня... и тут с шипением гаснет свеча...)

...а Мики Прозайка за рулем автобуса пробуждается от ступора Бланш, стоящая в дверях...

БЛАНШ: Прозайк, там внутри сейчас происходит такое, что тебе стоит хотя бы посмотреть, если ты не можешь ничего снять на камеру.

МИКИ (вскакивая): Я ненароком вырубился. Что там? Пьянка?

БЛАНШ: Щас. У новенькой снесло крышу крутым отходняком. Разделась до пояса, молила о помощи. С ней работали Клод и Хват, почти привели в чувство, но тут оказался ее бухой ухажер, увидал, как его го-

логрудая пыла борется с двумя незнакомцами, и начал материть ее “подстилкой” и “ведьмой-нимфоманкой с Малибу”, и она так расстроилась...

МИКИ: Ну ваще! (выпрыгивая из двери вслед за Блэнш) Там света достаточно? Хотя ладно, у меня есть световое оружие...

Блэнш наблюдает, как Мики торопится к задней двери — “Спасибо, Блэнш. Нимфоманка с Малибу с голыми сиськами, да?” — затем двигает к тылу автобуса; за ней спешно устремляются Хват, полковник Вайнштейн и Рекс. Они проскальзывают в темный салон и закрывают дверь.

В зале Мики обнаруживает, что девушка, прикрытая мужской кожаной курткой, устает бесноваться и то всхлипывает, то хихикает — “Что я сделала? Нет, Джек, этого я не делала, нет же?” — в окружении заботливой группы друзей. На сцене появляются “Святки”, зеваки уходят глазами на иные зрелища. Мики замечает, что к нему идут Клод и Бетси...

МИКИ: Кажись, я все пропустил.

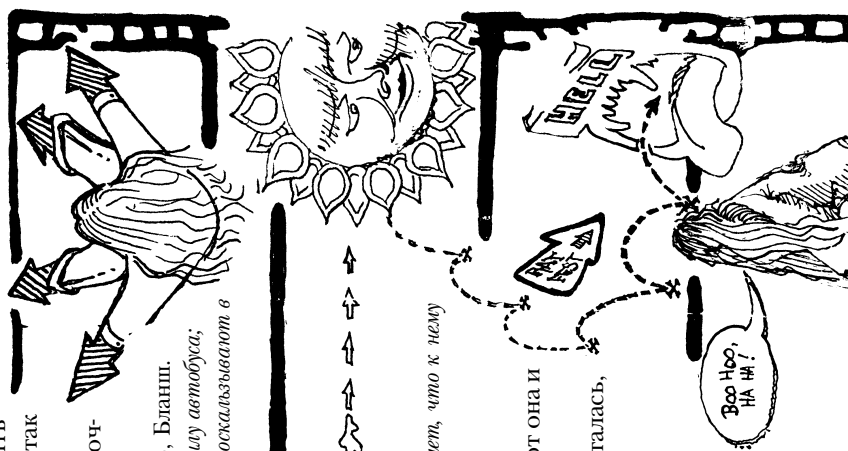
БЕТСИ: Ей гораздо лучше. Я думаю, ее дружок ушел с кем-то еще, вот она и завелась. Поэтому он и начал ее обвинять...

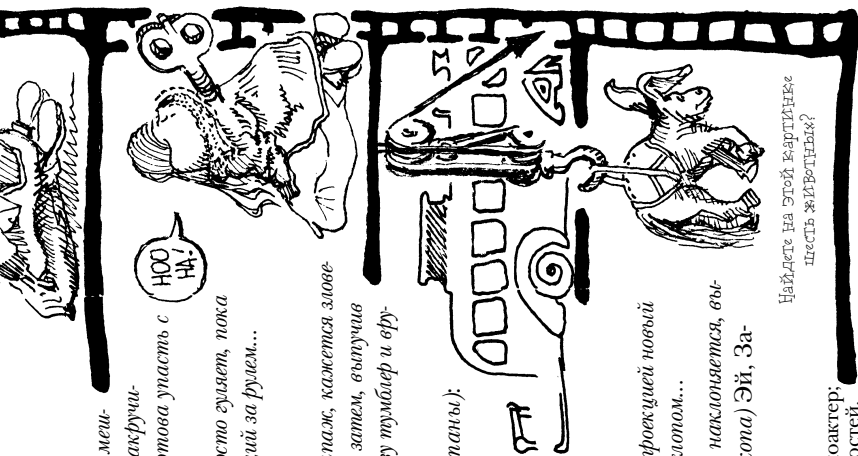
КЛОД: Она то в себе, то нет. Пара номеров про запас у нее еще осталась, но остальное — сплошь повторы.

БЕТСИ: Ага, ей все это понемногу начинает нравиться.

МИКИ: Ребят, а вы-то куда?

КЛОД: За глотком воздуха. Эту часть мы уже видели.

Найдем на этой картине
шесть животных?

“Святки” начинают играть, Клод и Бетси выходят. Мики секунду мешкает, подозрительно глядя им вслед, но девушка снова принимается себя накручивать, и он взамен бросается к ней, подхватывая кожаную куртку, что готова упасть с ее плеч.

На улице Клод шагает по автостоянке к автобусу, делая вид, что просто гуляет, пока наконец не заскакивает в дверь, которую распакивает для него Рекс, сидищий за рулем...

РЕКС: Что дальше, Капитан?

Автобусный салон, в тенях которого дожидается Клода мизерный экипаж, кажется зловещим и мрачным. На мновение Клода передеформирует от унылого зрелища, затем, выпучив глаза, он бросается за водительскую перегородку, через миг нацупывает енцу тумблер и врубает прежние музыку и свет...

КЛОД (растягивает слова а-ля комзвода Джон Уэйн¹, подтягивая штаны):

Смыва-айссь, парни... жопы па-адняли и вперед...

РЕКС (выжимает газ до тех пор, пока двигатель не заходится рокотом):

О да... Друзья Животных превратились в Секретную Шестерню!

Однако никто из молчаливых пассажиров не высказывает восторга.

Тем временем в зале Бегма добавляет на вращающийся диск с текущей проекцией новый мазок краски, и тут лампа проектора перефокусирует с фромким дымовым выхлопом...

БЕГМА: Сучий потрох. Хват! Хват, ты где? (она кричит сквозь музыку, наклоняется, выглядывая Хаата в толпе, и видит Забоя, танцующего в свете стробоскопа) Эй, Забой! ЗАББОЙ!!! Сюда, черт побери, это Бегема...

1 Джон Уэйн (Мэрлон Майкл Моррисон, 1907–1979) — американский киноактер: среди более 150 ролей наибольший успех ему принесли роли сильных личностей.

ЗАБОЙ: Чего тебе?

БЕГЕМА: У меня лампа взорвалась, а я не могу разыскать блядского Хвата. Ты не мог бы найти и принести мне коробку с надписью "Запасное Все", пока я тут приберусь?

ЗАБОЙ: Лады.

Забой выходит из главного входа мимо Сэнди Поуку, которая продает входные билеты, и видит отъезжающий автобус: Рекс за рулем, радничком сидит Хват с Клодом. Он глядит, как автобус уносится прочь по Уиллифу. В заднем стекле виден что-то пересчитывающий полковник Вайнштейн. Забой идет обратно к Сэнди Поуку, сидящей у двери с лицом, покрытым светящейся краской, с печатью в руке. Она пикнувшись с двумя бородачами насчет входа в зал...

СЭНДИ ПОУКУ: Забой, дорогой, эти парни говорят, что они — друзья мистера Лямбура.

ЗАБОЙ: Что не избавляет их от необходимости расплатиться за вход двухдолларовой бумажкой¹. Вы, ребята, когда раздобудете такую бумажку, возвращайтесь, лады? (наклоняется к Сэнди) Слушай, полковник уже приходил за выручкой?

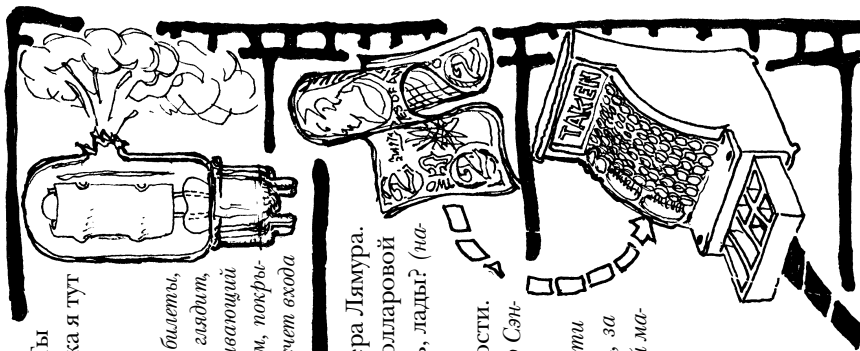
СЭНДИ ПОУКУ: Да, минут десять назад... сказал, это для моей же безопасности.

ЗАБОЙ: Сукины дети! Они увели автобус и хотят нас кинуть! (бросается мимо Сэнди в зал и орет) Хулихен! Бегема! Автобус пропал!

СЭНДИ ПОУКУ: Автобус пропал? Куда пропал? (встает из-за стола, чтобы пойти за ним, но тут ее практически сбивает с ног натиск из зала: впереди Бегема, за ней — Мики Прозайк, Забой и Хулихен с оторванным илангом от посудомоечной машины)

БЕГЕМА: Ты уверен?

ЗАБОЙ: Ты же видишь, что на парковке его нет, правда?

БЕГЕМА: Ты УВЕРЕН, черт тебя дерит?
ХУЛИХЕН: Кто его ведет?

ЗАБОЙ: Рекс был за рулем, за ним присматривали Клод и Хват. Вайнштейн сзади подсчитывал ночную вырубку с двумя бабами... кажется, это были Бланш и Бетси...

БЕГЕМА: УБЛЮДКИ!! (выскакивает на проезжую часть и фрозит кулаком) Гнилые лицемерные УБЛЮДКИ! Я как в воду глядела. Вы чешете в Мексину. (в ее больших карих глазах набухают слезы, и каплют, и сверкают, а она все фрозит и фрозит кулаком) Ы... что, еб вашу мать, ПРОИСХОДИТ?

Забой несет длинную палку, выделанную из сухой юкки – память об уикэнде в Национальном Парке Древа Джошуа¹: вдали от раздражающих палочку лесничих Забой очистил дерево трехдюймового диаметра от черешков, обрубил верхушку и кор-

ни и получили жердь длиной в шесть футов, которую повсюду носил с собой. Сейчас, гневаясь на убытые автобуса, он с размаху бьет палкой о бордюр, ломая крепкое растение надвое. Матерясь, он продолжает губить прежний символ солидарности группы.

ХУЛИХЕН: Потеше, паря... (швыряет шланг в воздух и разворачивается к Бегеме) Без паники, напарники! Они, видимо, едут в Пешеру и не могли уйти далеко... тем паче — с этим ничтожеством Рексом за рулем... м-м-м!.. в спортивных машинах

1 Банкноты номиналом в два доллара в США очень редки, они составляют примерно 1 % от всех дензнаков Америки.

2 Природный памятник в пустынном районе на юго-востоке штата Калифорния. Площадь — около 413,9 тыс. га. Основан в 1936 г. как национальный памятник.

он, может, и рубит, но когда дело доходит до маневров и инерции нескольких тонн стали, вам поможет только...

БЕГЕМА: ХУ-ЛЯ-ХЕН!

ХУЛИХЕН: Лады, лады, вы все пока присядьте и успокойтесь, а я пойду выясню, нельзя ли позанимствовать “бьюик” “Свитков” ...

ЗАБОЙ: Они только-только разыгрались.

ХУЛИХЕН: Хорошо, буду откровенен. Я пойду выясню, смогу ли завести “бьюик” “Свитков” без ключа. А вы, девочки, подождите тут... да, да, ты тоже, Сэн-ди, девочка... Я вернусь как только, так сразу. Мы все в этом участвуем, все поголовно, Бегема, и ты тоже...

ЗАБОЙ: Я пойду с тобой...

СЭНДИ ПОУКУ: В этот раз ты без меня не уйдешь... ты... ирландец...

МИКИ: Ништяк. Вы, ребята, добудьте машину, а мы с Бегемой подождем вас тут...

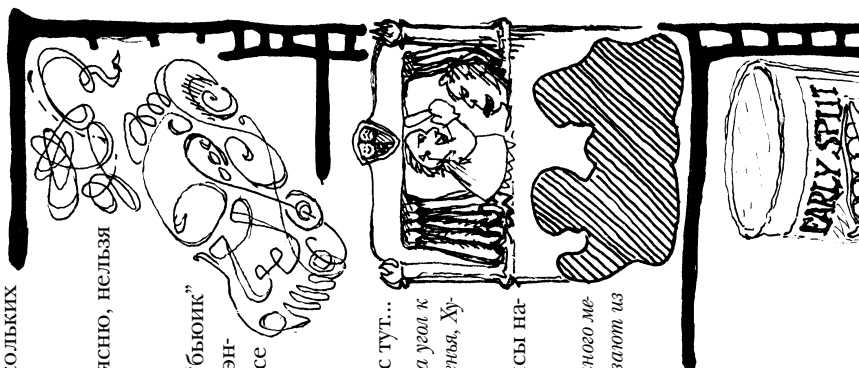
Мики с Бегемой уныло наблюдают за тремя Друзьями Животных, спешащих за угол к старому 55 года четырехдверному седану “бьюик”. Они заваливаются на передние сиденья, Хулихен, изогнувшись, шурует скреткой в замке зажигания.

БЕГЕМА: Ну, Мики, говнюк... пошли, огорошим “Свитков” новостью — Крысы наконец бегут с тонущего Фестиваля.

Они бредут обратно в зал, а “бьюик” в это время соскальзывает со своего парковочного места и совершает марш-бросок через весь город к Пещере, где Хулихен и Забой вытаскивают из машины и бегут в дом...

ЗАБОЙ: Тю-тю. Нет вещей Клода и Бланш.

ХУЛИХЕН (из спальни наверху): Обгоняют нас на полхуя. Хват оставил на полу свои носки, пятки еще теплые.

СЭНДИ ПОУКУ (*появляясь в дверях*): Что мы теперь будем делать? ЗАБОЙ (*рычит*): ДЕЛАТЬ? Кататься с ветерком, вот что мы будем делать. Со- бирай шмотки!

СЭНДИ ПОУКУ (*вдруг пугаясь*): Но куда мы поедем? ХУЛИХЕН (*сходя по ступенькам*): В единственное достойное место: (*поет*) к югу от границы... В далекую Мексику! ... эй, ты лучше собери Бегемины вещи и, это, Мика тоже — все, что есть... спальные, одежку...

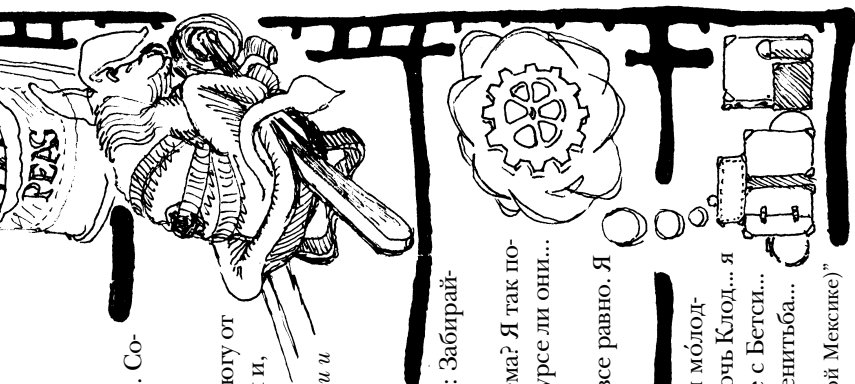
Торопясь, они запикивают в "бьюик" и отправляются к "Складу Семь". Мики и Бегема ждут снаружи, а изнутри пробиваются громкие звуки рок-музыки...

МИКИ: Вот и они. Мы успокоились как раз вовремя. Теперь... если они захватили наши шмотки...

ЗАБОЙ (*открывая дверь, когда "бьюик" тыкается в бордюр и останавливается*): Забирай- тесь! Не волнуйтесь... мы все взяли — да, Бегема, твое барахло тоже... ХУЛИХЕН (*перебегаясь через Сэнди Поуку*): Только... что со "Свитками", Бегема? Я так по- нимаю, у них аппаратуры для того, чтобы съехать, достаточно, но в курсе ли они... узнали ли?

БЕГЕМА: Да, я им сказала. Они даже играть не прекратили. До завтра им все равно. Я сказала им, что позвоню... (*она забирается на заднее сиденье, следом усажи- вается Мики Прозайк*) [О, гнилые, отвратные, лицемерные ублюд- ки...] Господи, Хулихен, тут тормоза-то есть? [...оставили меня с этими мо́лод- цами и удрали. Хват помешан на своей жопе круче, чем я думала. Сволочь Клод... я знала, что эта гадина спит и видит, как бы свинтить в Мексику вместе с Бетси... черт... старые херы с идеалами среднего класса в башке — Любовь, Женитьба...

1 Аллюзия на песню Джима Кеннеди и Майкла Карра "К югу от границы (в далекой Мексике)" (1939).

Что они знают? Мастера передавать записки в седьмом классе, пять проводов и красиво болтать об искусстве...] Мой бог, Хулихен, потише! У этой развалюхи нет тормозов! Стоп!

ХУЛИХЕН: Стоп?..

БЕГЕМА: Да, черт возьми. Останови эту хренову колымагу. Я возвращаюсь. МИКИ: Ну Бегема... мы их отыщем и будем опять вместе.

БЕГЕМА: На хер "опять вместе". Выпустите меня. Я возвращаюсь и остаюсь со "Свитками". Достаточно с меня этой прощандовщины... даже тормозов нету...

СЭНДИ ПОУКУ: Если она хочет — выпустите ее. Мы недостаточно хороши для нашей священной коровы.

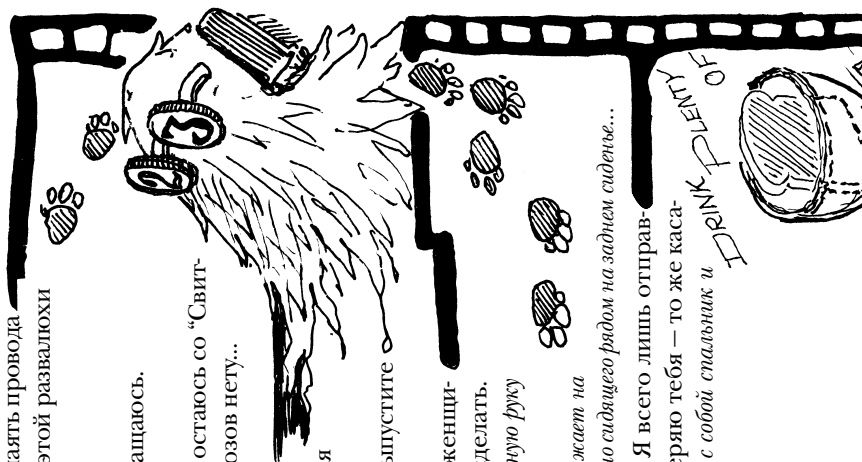
ЗАБОЙ: Кончай дурить. Ладно, Бегема, но сначала мы доведем тебя до Феста...

БЕГЕМА (*тычется к рулю через Хулихена*): Черта с два вы довезете. Выпустите меня ПРЯМО ЗДЕСЬ!

ХУЛИХЕН: Хорошо. Да. Конечно. Хорошо. Всенепременно. Если женщина что-то решила, она определено, непременно должна это сделать. Ну, ну, дорогуша... (*успокаивает Сэнди Поуку, положив тяжелую сильную руку ей на колени*)

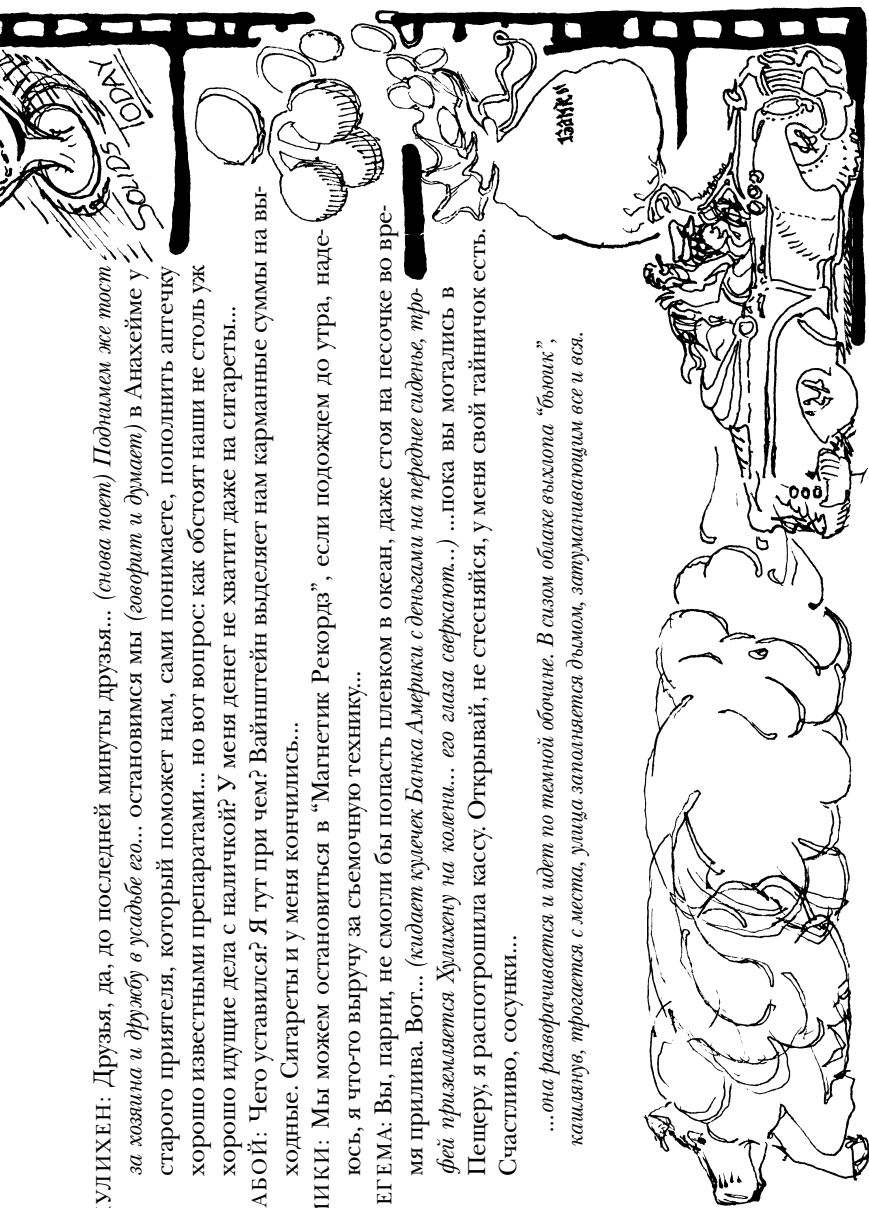
Бегема ослабляет хватку, но не отпускает руль, пока Хулихен не свезжает на край дороги и не останавливается. Она глядит на Мики Прозайка, грустно сидящего рядом на заднем сиденье...

БЕГЕМА: Какого дьявола ты на меня выпулился, ясно солнышко? Я всего лишь отправляюсь прибраться за нами на Фесте. МЕНЯ ты еще увидишь, уверяю тебя — то же касается всех Друзей Животных... (*она вылезает из машины, волооча с собой спальный коврик с одеждой*)

ХУЛИХЕН: Друзья, да, до последней минуты друзья... *(снова поет)* Поднимем же тост за хозяйина и дружбу в усадьбе его... остановимся мы *(говорит и думает)* в Анахайме у старого приятеля, который поможет нам, сами понимаем, пополнить аптечку хорошо известными препаратами... но вот вопрос: как обстоит наши не столь уж хорошо идущие дела с наличкой? У меня денег не хватит даже на сигареты... ЗАБОЙ: Чего устался? Я тут при чем? Вайнштейн выделяет нам карманные суммы на выходные. Сигареты и у меня кончились... МИКИ: Мы можем остановиться в "Магнетик Рекордз", если подождем до утра, надеюсь, я что-то выручу за съемочную технику... БЕГЕМА: Вы, парни, не смогли бы попасть плевком в океан, даже стоя на песочке во время прилива. Вот... *(кидает кулек Банка Америки с деньгами на переднее сиденье, трофей приземляется Хулихену на колени... его глаза сверкают...)* ...пока вы мотались в Пешеру, я распотрошила кассу. Открывай, не стесняйся, у меня свой тайничок есть. Счастливо, сосунки...

...она разворачивается и идет по темной обочине. В сизом облаке выхлопа "бьюик", кашлянув, трогается с места, улица заполняется дымом, затуманивающим все и вся.

АЖЖ

Сеча вторая

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Поразмыслите о первом полете: мутлирующая рептилия, подвергшись опасности, прыгает, дабы спастись... и летит! О, пропойте славу дикийным крыльям. Пропойте хвалу избранным их зубам хищных преследователей. Пропойте аллилуйю чуду полета — и молитесь дабы вам сил, дабы вернуться в лоно опасности!

Лос-анджелеская заплата рассеивает дым. Голуби скользят по жемчужным небесам и над берегом, спускаясь к Бегеме, что с трудом добредает до двери, через которую ушли ночные беглецы, открывает ее и входит в зал, где царит растопырочное кислотно-похмельное мозговое окончение. "Свистики Моря" заставили публичку кайфовать, по-

том двигаться, потом стыдиться, потом ругать, потом смиряться, потом принимать их игру как должное; на исходе восьмичасовой сессии Блюз насыщает смертный воздух медленными агонизирующими рифмами, а Ястребник и его волосатые соратники не дают задремающим уснувшим заснуть. Угрювые руки в боки, Бегема изучает клатбищенский пейзаж невозмутимым взглядом пофрепанного в боях бывшего сержанта, оценивая понесенные в бойне потери...

БЕГЕМА: В среднем остатке... "Свитки" все лабают отчаливший блюз в ми-миноре, старая гвардия тринует, воздух воняет, телефон-автомат звонит и всем все пофиг. Раздолбайство. *(снимает трубку и спрашивает)* Что? Громче! Я вас не слышу. Хват?! Милый мой бородавчатый свинтус... ебит твою мать, а где ты?!

ХВАТ *(сражаясь с непокорной дверью телефонной будки, из-за которой доносится рев фуры)*: Бен-зоколонка в Фуллертоне! "Шелл"! На обочине автострады на Санг-Ану! Автобус ублажают насосами, в боку торчит шланг. Все спят... и дежурный, и экипаж автобуса. Я вырубил на станции огни, кажется, будто она закрыта. Может, у тебя и получится. Если не... э? Остальннне кто?

БЕГЕМА: Мики, Забой, Сэнди Поуку и Хулихен в "бьюиксе" "Свитков" без тормозов... за рулем — Догадайся-сам.

ХВАТ: Ниже плинтуса. Слушай... мне пора, пока я кого-нибудь не разбудил... э? *(кричит)* Пока я кого-нибудь не разбудил! Слушай... если не будешь расслаиваться, у тебя есть шанс нас догнать. Сможешь приехать?

Бегема несетя обратно на улицу, машет руками, чуть не бросается под немногочисленные машины и осаживает наконец азиатка на древнем пикапе, перегруженном садовым инструментом. Изумленный водитель не успевает закрыть рот, как она заваливается на сиденье рядом с ним со сверчком и кулем и захлопывает за собой дверь. Сквозь ветровое стекло видна вся пантомима классических сигналов бедствия: она заламывает руки, кусает губы, хлопает ресницами в пароксизме смущения от набухающей правоты ее животика, все

более нестрашного в его безгласном целомудрии... венцом всему — упрямо стиснутые зубы, веся-
ма впечатляющие, хоть и менее убедительные, нежели, скажем, экстрадивное признание ресниц.

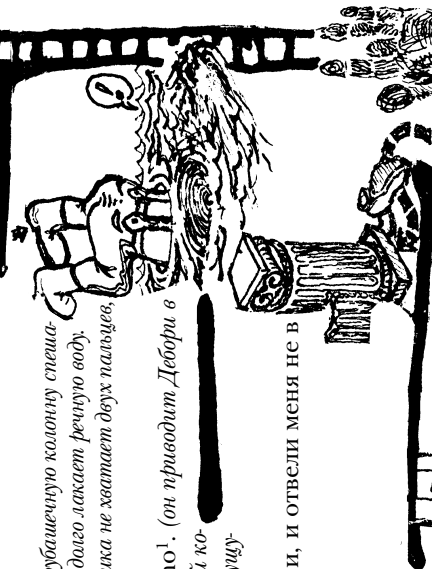
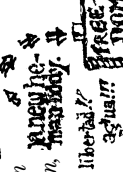
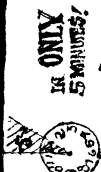
ГОЛОС ДЕБОРИ (перебивая избыточное описание): На заре я очнулся, мучим ужасной
жаждой и потребностью принять решение. (в тикане Бегема ухитряется дотануться из
своего положения до костяного локтя, заставив водителя ошарованно сморгнуть, и показывает
дорогу. Воодушевленный приказом азиат поддает газу, позади громыхает садовый инструмент, и показывает
а записанный на пленку голос Дебори продолжает...) Продолжать ли двигаться вглубь —

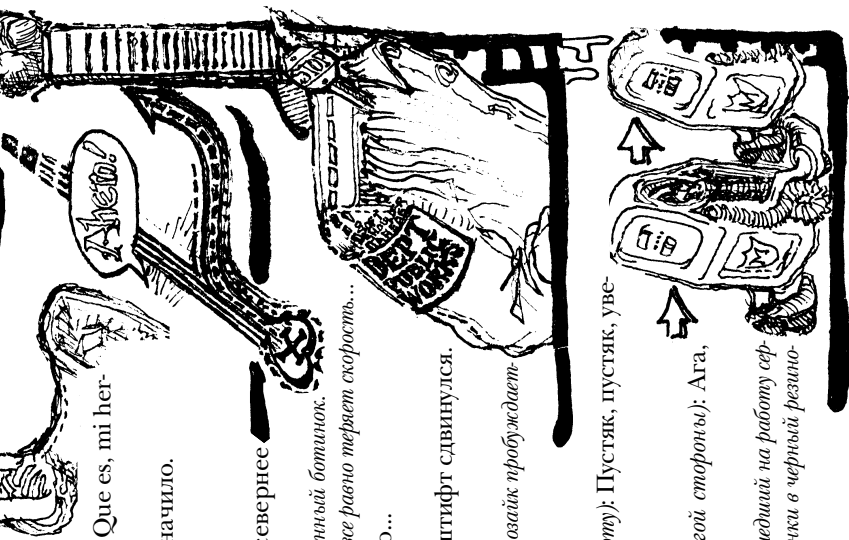
рискуя погибнуть от жажды — и держаться безопасного направления? Или же по-
вернуть обратно в каньон — рискуя потерять свободу на широкой тропе вдоль
реки — и утолить ноющую жажду? С одной стороны... Свобода... Отвага... и гордость
за себя, все одолевшего. С другой... глоток воды. Мне показалось, что за пять минут,
пока я взвешивал решение, температура поднялась на пять градусов, и язык мой
превратился в ящерицу. Сторонники "Воды Немедленно" стояли ввиду моих об-
стоятельств за поспешное решение. Дышащие на ладан вожди "Одolenия Всего"
признали критичность ситуации и пошли на поводу.

Дебори ломится прочь из чащобы и прорывается сквозь белогорбичную колонну спеша-
щих в деревню на пасхальную массу жителей холмов. Он громко и долго ласкает ручную воду.
К нему подходит старик, помогает встать на ноги. На руке старика не хватает двух пальцев,
его голос хрипл и мексиканист...

СТАРИК: Mi hermano... venga usted con nosotros, mi hermano! (он приводит Дебори в
стоячее положение, с нижнего течения реки доносится далекий ко-
локал... Дебори кивает старику и внедряется в энергично движущу-
юся колонну...)

ГОЛОС ДЕБОРИ: По счастью, я был задержан партизанами, и отвели меня не в
тюрьму, а в собор.

СТАРИК (все еще поддерживая Дебори под локоть трехпалой рукой): Que es, mi her-
mano? (замечая, что Дебори весь мокрый) Bautismo?²
ДЕБОРИ (изумленно капитулируя): Да, старик... что бы это ни значило.

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Пока Дебори трясется по проторенному пути, куда севернее
“бьюик” тоже должен уклониться от курса...

По замусоренному полу “бьюика” топает изможенный, раздавленный ботинок.
Хулихен безуспешно жмет на педаль газа, но машина на автостраде все равно теряет скорость...

ХУЛИХЕН: Промашка всего на дюйм! Ну же, вставай на место...

ЗАБОЙ: В чем дело? Ты ее уже сломал?

ХУЛИХЕН: Не... ножной привод не пашет. Видимо, какой-то штифт сдвинулся.

Я думал, что смогу выправить... есть!.. почти...

Машина катится к обочине автострады и замедляет. Мики Прогайк пробуждает-
ся от дремы...

МИКИ: Что такое... крупные неприятности или мелкие?

ХУЛИХЕН (выпрыгивая наружу и направляясь вкруг машины к капоту): Пустяк, пустяк, уве-
рю тебя. Мы с Забоем все починим во мгновение ока...

МИКИ: Хорошо. (опять укладываясь спать) Вы с Забоем...

ЗАБОЙ (отлепляет от себя сияющую Сэнди Поуку и выходит с другой стороны): Ага,
класс. Он с Забоем...

На станции обслуживания раздается звон сигнализации. Пришедший на работу сер-
дитый дневной сменщик впечатывает свои бистящие черные ботинки в черный резино-

1 Мой брат... пойдете с нами, мой брат (ист.).

2 Что такое, мой брат?.. Крещение? (ист.)

вый шланг с "пистолетом", пробуждая разом и автобус, и дежурного. "Какого черта вы свет выключили?" (дзззз, дзззззззз) "Господи Иисусе, Франклин... шайка бандитов могла свистнуть насосы! Почему был выключен свет?"

Клод нисходит из автобуса – угрюмо-высокий и сухопаро-невеселый. Мужчина префрассает топтать шланг... "Можно чуть меньше динь-динь-донить и чуть больше обслуживать клиентов, а, труженник?"

Сквозь заднее окно пикапа видно, как Бегема продолжает семафорить свою скорбную историю водителю, пока тот смиренно гонит по шоссе. Через ветровое стекло заметен появившийся вдалеке "бьюик" с открытым капотом; он стремительно приближается. Заметив его, Бегема прерывает рассказ, выжидает, пока пикап не подойдет поближе, и едит, проносясь мимо. Забой и Хулихен одновременно стучаются затылками о капот...

ЗАБОЙ (потирая голову и глядя вслед пикапу): Как эта дура тут очутилась? Что ж это за блядская страна, а? Какого...

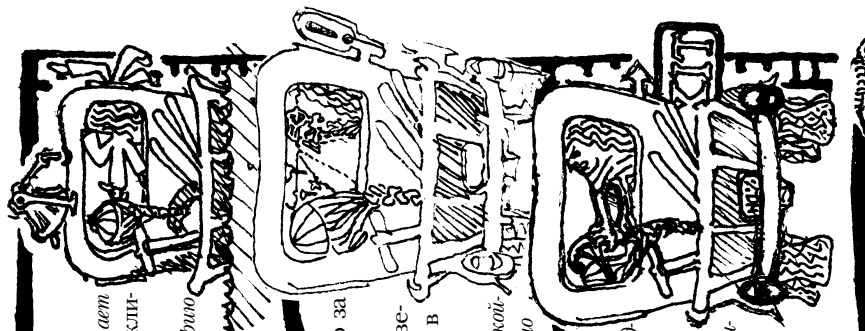
ХУЛИХЕН: Забудь. (вновь ныряет в машинные недра) Как только покажется краспек вешалки, будь готов поработать острогубчиками. Кромсай. Гни. Режь. Мы опять в пролете.

Забезиненный и промасленный автобус выкатывается со станции. Хват, бросив беспоконный взгляд на верх долларовых бумажек, врученный ему дежурным, оглядывает выезд – не видно ли Бегемы...

ХВАТ: Рекс, погоди-ка. Мне кажется, он дал нам с двадцатки неправильную сдачу...

Бегема, увидев из окна пикапа автобус, хватается за руль и бросает машину вправо, подрезав дизель – как раз вовремя, чтобы проскочить.

ХУЛИХЕН (заводя за рулем мотор "бьюика", кричит из окна Забою): Регфесто, amigo! Vamonosio! (Забой хлопает капотом и на ходу заскакивает в машину, пока та выфурливает обратно на автостраду)

ХВАТ (вернувшись из конторы): Не-а... видимо, я ошибся...

РЕКС: Вероятно, ты был все-таки прав, да только кто захочет препираться с этой парочкой из за двух долларов...

Рекс заводит автобус и выворачивает обратно на улицу, и тут зеленый садовничий пикап, вилля, врзается в прекрасный дорожный барьер в считанных дюймах от переднего кфыла автобуса...

РЕКС: Гляди. Это Бегема...

ХВАТ: Бегема? Она-то как нас нашла?

БЕГЕМА: Это все чушь, забудьте. Лучше трогайтесь с места, если не хотите, чтобы нас настигли Мики, и Забой, и Хули-хен, и Сэнди Поуку... (из окна автобуса она посылает оцепеневшему от изумления водителю пикапа воздушный поцелуй) ...их "бьюик" застрял меньше чем в миле отсюда.

КЛОД: Сэнди Поуку!

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Мики Прозайк?!

ХВАТ: Забой?!?

РЕКС (подает газу и сигналом пробуждает пикап к жизни): Ху-ля-хен?!

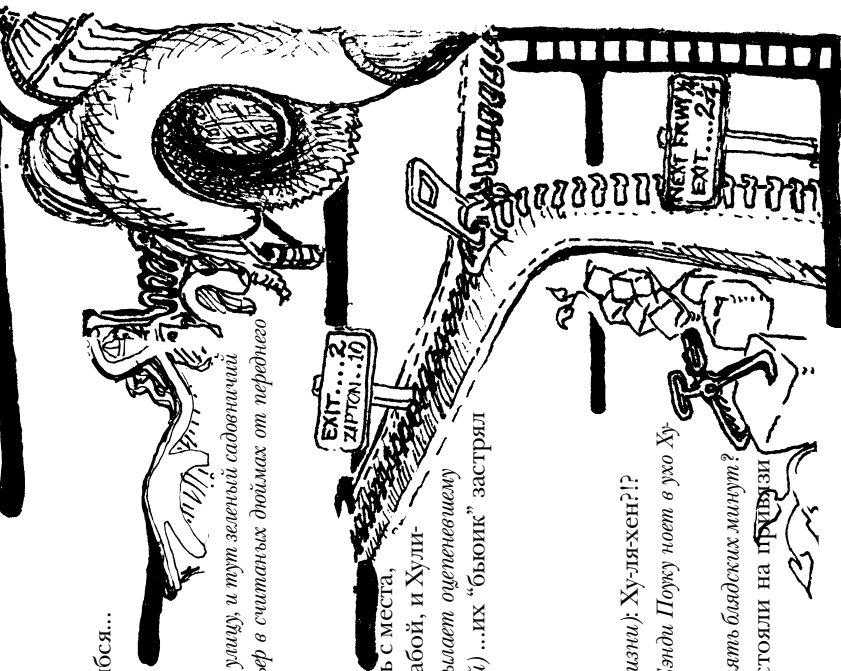
В "бьюике", махнувшей несущемся по автостраде, Сэнди Поуку пост в ухо Хулихену...

СЭНДИ ПОУКУ: Почему нельзя остановиться на пять блядских минут?

ЗАБОЙ: Почему нельзя было отлить, когда мы стояли на привузи блядские полчаса?

СЭНДИ ПОУКУ: На шоссе?..

ХУЛИХЕН: Что до меня, я ходил в хрустальную травку, там както безопаснее...

...с рыком они пронесются мимо съезда, тот же поросший клевером съезд в то же самое время мигнет автобус вниз.

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

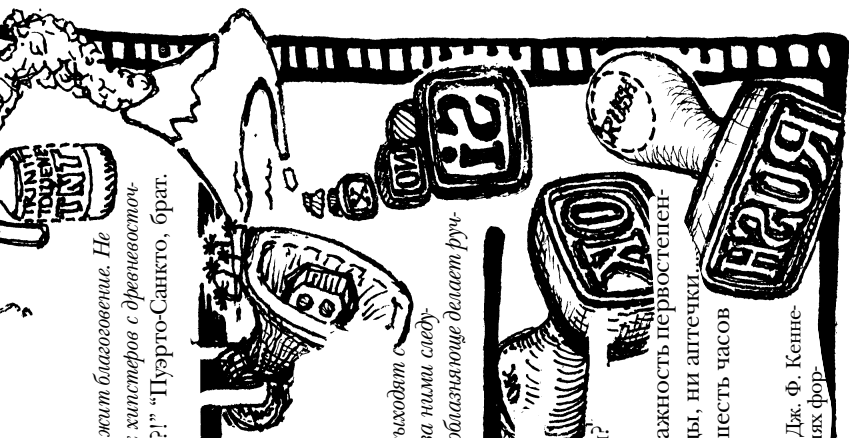
А в это время в Пуэрто-Вальярте... (у побитой, сонящейся цветами стены по ту сторону погоста старик передает Дебори скопищу молодых мачо, что дымят и бездельничают, отряптые до галантности в лучших из кустарных воскресных нарядов...)

ГОЛОС ДЕБОРИ: В то пасхальное утро по пути к деревне мне в голову лезли всякие мысли... меня долбил кумар отступления... что старик ведет меня на бойню или помогает добраться до убежища... что это ангел, работающий инкогнито на Небесный Корпус Мира¹, или же хитрый охотник за головами из Ада с наручниками на левом запястье. Другая Животных, слушающие эту пленку, я хочу, чтобы вы поняли вот что... Хотя он не был ни тем, ни другим — он был просто старым божьим одуванчиком, не слишком святым для ангела, незвизая на свое лесное простодушие, — оказалось, что он куда хуже дьявола, и именно из-за благонамеренного простодушия.

Старик передает Дебори скопищу на поруки и поспешает к церкви.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Будучи добрым католиком, он обязан был уладить все с их боссом до того, как решился предложить убежище от своего имени... и это касается в той или иной степени всего их чумазого народа — всем им следовало бы научиться спрашивать разрешения...

Как только старик пропадает из виду, мужчина рядом с Дебори протягивает ему недокуренный бычок. Дебори дипломатично затягивается. Его брови взмывают от удивления. Он делает глубокую затяжку, благодарственно кивает и хочет вернуть сигарету, но замечает, что мужчина, стройный азиат, уже зажег следующую.

После второго напаса во взгляде Дебори заметно кроткого восхищения брезжит благоговение. Не успевает он задать вопрос, как мужчина обращается к нему на сленге черных хипстеров с древневосточными впителениями: "ТНТ, брат, сравнить не с чем". "Откуда эта шмаль?!" "Пуэрто-Санкто, брат. Растет на склоне живого вулкана по имени Сантиадад де Траве-сия — гора такая, чуешь? прямо на поддороге отсюда до Акапулько. На западном склоне растет... Santo Nismo из Пуэрто-Санкто... Святой Дым... сравнить не с чем".

Дебори уже не слушает. Старик и молодые хипстеры тащат его в собор.

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

А на границе в Тихуане... (из мексиканского *Oficina de Immigration*² выходят с влажными после подтверждения визами Хулихен, Забой и Мики Прозайк, за ними следует Сэнди Поук; открывая стеклянную дверь, Сэнди на секунду замораживает и соблазняюще делает ручной ясноголазому мексиканскому таможеннику с бриллиантовыми перстнями на обеих руках. Скрепя сердце она закрывает дверь и останавливается, глядя на красочную суету тихуанской улочки...

СЭНДИ ПОУКУ: Эй, уроды... как насчет сбавить ход и подождать леди?

ЗАБОЙ (нетерпеливо оборачиваясь): И не надейся, Сэнди Поук.

ХУЛИХЕН (забываясь в машину): Сэнди, душа, скорость имеет для нас важность первостепенную. Пока мы их не настигнем, у нас не будет ни покрышек, ни еды, ни аптечки...

ЗАБОЙ: Заруби ты себе на носу: мы не будем пердеть по всей Тихуане шесть часов кряду, пока ты набегашься по магазинам!

1 "Корпус мира" — агентство, созданное в 1961 г. по инициативе президента Дж. Ф. Кеннеди и с одобрения Конгресса США в рамках Государственного департамента в целях формирования положительного имиджа США в развивающихся странах.

2 Иммиграционная служба (исп.).

СЭНДИ ПОУКУ: Несколько минут вас не устроит, а? Я же не собираюсь тратить ваши драгоценные бензиновые деньги.

ХУЛИХЕН: Каждую минуту они удаляются от нас на милю в обширные недружественные...

МИКИ: Погоди-ка...

ХУЛИХЕН: ...в обширные, как я только что сказал, недружественные пространства мексиканской пусты...

СЭНДИ ПОУКУ: Какие мексиканские пространства?! Парень с визами сказал, что в его дежурство ни какого раскрашенного автобуса с бандой уродов...

ХУЛИХЕН: ...в семь утра! Не думаете же вы, что Рекс Май, выехав из Лос-Анджа в полночь, мог...

МИКИ: Погоди-ка, Сэнди. Что ты имела в виду... что ты не собираешься тратить наши деньги?

ХУЛИХЕН: ...уже доехать до границы?

СЭНДИ ПОУКУ: Он сказал — за ночь сообщений не было. За всю ночь — ни одного блядского сообщения о...

ХУЛИХЕН (кричит с водительского места; "бьюик" взрывается): Набортос, amigos, набортиссимос!

МИКИ (открывает дверцу, ныряет на заднее сиденье): Так вот, Сэнди, мне послышалось или ты сказала что-то про, грубо говоря, занятые бабки?

СЭНДИ ПОУКУ (выпихнута в машину Забоя): Отвяжись от меня, Мики Про-

ваик...

Не дожидаясь, пока пассажиры закроют дверцы, Хулихен выжимает сцепление, и машина колесит на юг сквозь мусорный паводок главной улицы Тихуаты. Провожжающие ее ясные глаза за стеклянными дверцами куриваются, украшенная бриллиантами рука тянется к телефону.

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

А в это время... в аэропорту Сан-Диего... (девушка в униформе "Соединенных Авиалиний" извлекает из предрасного рта шарик резинки и говорит в микрофон: "Уважаемые пассажиры! Посадка на рейс 845 в Сан-Франциско закончена..." На перегруженном трапе Клод заключает Бетси в объятия...)

КЛОД: Ну, старушка, держи уши на макушке — и не вздумала лететь отто-
БЕТСИ: Ребята, будьте осторожны.

БЕГЕМА: Слушай, Бетси, ты точно не передумала лететь отто-

го, что лечу я? Потому что, черт возьми, если так, я сойду, Бетс, правда, я...

БЕТСИ: Брось, Бегема. Мне надо обратно к детям. Им и так фигово приходится. (встав на цыпочки, она коротко обнимает Бегему, что смущает обеих) Кроме того, у меня нет ни-
какого желания проходить таможенный контроль в подозрительном раскрашен-
ном драндулете...

Бетси обнимает Рекса и полковника, машет рукой Бланш и спешно сходит по устланному ковром трапу.

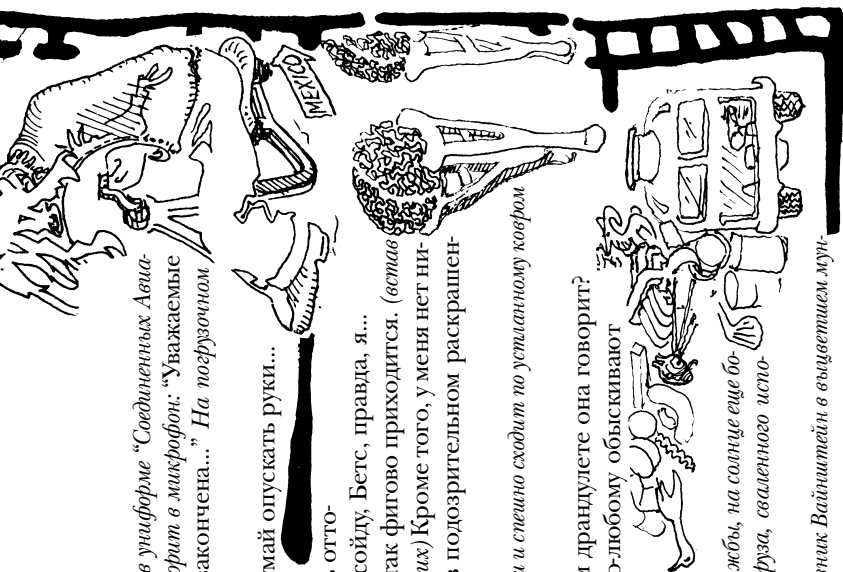
БЕГЕМА: О каком таком подозрительном раскрашенном драндулете она говорит?

Кроме того, неужто инвалиды умственного труда по-любому обыскивают всякого, кто въезжает в Мексику?..

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Вернемся на границу... (офицер иммиграционной службы, на солнце еще бо-
лее ясноглазый и бриллиантофрукый, руководит досмотром груза, сваленного испо-
линской кучей близ автобуса...)

У кучи офицера сопровождает густо покрашенный палковник Вайнштейн в выцветшем мун-
дире, надменное спокойствие изменяет ему с опасной неучтивостью...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Только наемники, Батиста¹, и я покажу вашим людям, где искать. Дайте хоть малейшую зацепку... вы что-то сказали? РЕКС: Полковник...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Май, дай мне разобраться! Мы с Сапато² помазаны на сей досмотр и, я уверен, добьемся своего, как только сможем решить, что же мы... ОФИЦЕР *(равнодушно перебивает)*: Эта апертура... вы, разумеется, понимаете, какую прибыль можно получить в Мехико, продав эту апертуру?

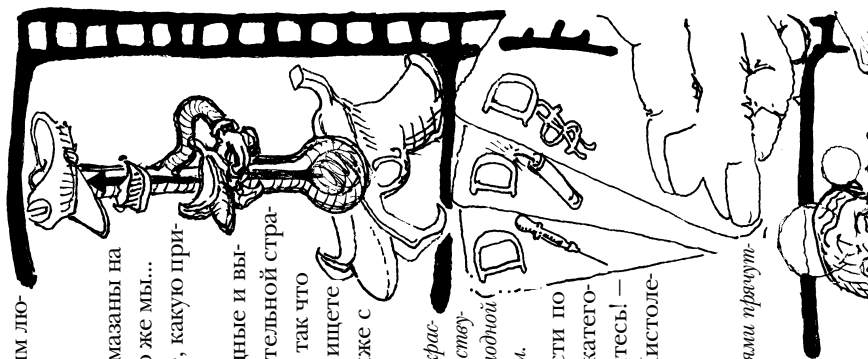
ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Нет, генерал, не то. Мы уже подписали въездные и выездные документы, приговаривающие нас к заключению в вашей замечательной страже в случае, если на обратном пути мы не предьявим эти магнитофоны... так что не вешайте мне лапшу на уши про оборудование! Мы оба знаем, что вы ищете совсем другое. Кое-что куда более охрененное, нежели магнитофон и иже с ним. Ну же... подумайте, *подумайте!* Что же мы ищем?

Клод и Бланш взволнованно переглядываются. Смуглый офицер тоже начинает краснеть. Клод выхватывает из-за пояса банан на манер пистолета и начинает с отсутствующим видом его чистить, а полковник, не вникая в повышение температуры за холодной офицерской улыбкой, возобновляет осматривание, зарядив его еще более тяжелым сокразом.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Понятно... давайте распределим возможности по трем категориям: Дурес, Динамитос, Деньгос. Если искомое в первой категории, пожалуйста, подайте какой-нибудь знак лицом — мигните! — дернитесь! — что угодно. Не попал, да? А вторая категория? Мы ищем вооружения? Пистолеты? Взрывчатку?

БЕГЕМА: Вот оно! *(кричит как раз вовремя)* Я поняла! *(бросается в автобус...)*

Вдруг из автобуса показывается рыскающая горилла с автоматом. Офицеры с воплями прячутся.

ся за вещей горой. Не успевают они вкнуть пистолеты из выделанных кобур, как автомат извергает в воздух мыльные пузыри, а горилла стягивает с головы шерстяную маску и оказывается Бегемой; она смеется столь заразительно, что офицерам ничего не остается, кроме как присоединиться...

БЕГЕМА (вкладывая в унианные бриллиантами руки игрушечное ружье): Ради бога, мучача... дары от Рок-н-Ролльного Родео Крысиного Фестиваля.

ОФИЦЕР (проделка размягчает его суровую улыбку): Мучачо, сеньорита, не мучача... Мучача ест девачка.

БЕГЕМА: Тогда мучачо — вы же не девачка!

Они вместе хохочут. К ним шагает полковник Вайнштейн... С поднятым пальцем и открытым ртом он проходит между автобусом и выскочившим из автобуса пассажиром, который слишком близко к Клоду — и получает в рот банан...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Еще дальше к югу от границы... (лик Христа, шедевр изысканно запечатленной в дереве агонии, позаброшено смотрит со златолистного распятия...)

ГОЛОС ДЕБОРИ: Ну вот, дружок, если Братец Кролик спросит, что может быть более приставучим, чем смоляное чуелко³, э... скажи ему, что божий одуванчик в тридцать раз приставучее... и, кроме прочего, он коварно белый и пушистый... (Кивая и раскачиваясь на коленях между стариком и хипстером, Дебора треплет)

1 Рубен Фалькенсо Батиста-и-Сальдивар (1901–1973) — диктатор Кубы в 1934–44 и 1952–58 гг.; в 1940–44 и 1954–58 гг. официально занимал пост президента. Свергнут в ходе Кубинской революции.

2 Эмилиано Сапата (1879–1919) — руководитель крестьянского движения в Мексиканской революции 1910–1917 гг.

3 Имеются в виду персонажи «Сказок Дядюшки Римуса» (1880–1906) американского писателя Джозефа Чендлера Хэрриса (1848–1908).

смотрит на точное лицо распятого Христа и широко, по-здоровому зевает — как изрядно утомившийся человек, предвосхищающий скорый сон. Кляня носом, он видит звающего в ответ Христа...) В Мексике божьих одуванчиков полным-полно, дружок... они забавны, полезны для изучения — но их никоим случаем нельзя трогать!

ДУРЕМАР (наклоняется к кивающему Дебори с церковной скамьи сади и шепчет): Извини, что прерываю твою медитацию, Вождь... но притон окружили федералесы...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Разумеется, Святой Босс перетер с еще одним Боссом, а тот с еще одним, пока весть не достигла, как это всегда бывает с вестью, посылаемой наверх набожными католитами, ушей полицейского департамента.

ДЕБОРИ: Проехали.

ДУРЕМАР: Ундина ждет в сральнике. Мы обо всем договорились.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Я познал сострадание, да, моих божьих одуванчиков, я узнал, что лучшая куренная мной трава растет на западном склоне вулкана у порта под названием Убежище... но когда я позволил помыкать собой старому индейскому болвану и юному черному кабальеро, понадобилась добрая толика американской изобретательности, чтобы вызвать меня на свободу...

Толпа поселян наблюдает за тем, как в черепичном сортире Дуремар с Ундиной окатывают водой и охаживают полотенцем свежесбритую голову Дебори. Ундина припудривает то, что осталось у него от волос, включая брови, свинцовыми беллами, а Дуремар заканчивает возиться с мокрым виндзорским узлом повязанного вокруг шеи Дебори простого желтого гапстука. Ундина наклоняется, чтобы сдуть излишек пудры, и говорит меж дуновеньями мягко и настойчиво:

УНДИНА: Ты — Янн Вандерхуд из Амстердама... изучаешь мексиканских птиц — как они брачуются и гнездуются...

ДУРЕМАР: Знаменитый голландский орнитолог...

УНДИНА: Я — твоя медсестра.... Дуремар — мой друг, которого ты не одобряешь...

ДУРЕМАР: Мы покинули автобус этой ночью... севернее Масатлана...

ДЕБОРИ: Нет... южнее Пуэрто-Санкто.

ДУРЕМАР: Как угодно... и ты не говоришь ни по-испански, ни по-английски...

УНДИНА: ...только по-голландски... но можешь имитировать крики более 300 различных птиц.

ДУРЕМАР: Ты жил в "Вилла-Роме"¹ до прошлой ночи, когда решил съехать.

ДЕБОРИ: Это отчего же?

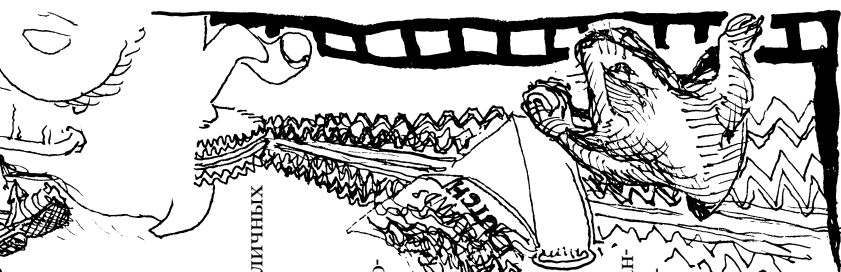
ДУРЕМАР: Из-за одетого в люминесцентную замшу молодого американца в баре, который за то, что ты над ним посмеялся, подсыпал тебе в питье что-то, из-за чего ты обезумел, и тебя голого заперли в номере. Пойдем уже... если пропустим этот автобус, нам предложат поросенка, цыпленка и особое пеонское обращение на свежем воздухе...

Выгляывая с изнемогая от бремени крестьян и их багажа — клеток с молочными поросятами и цыплятами, — древний автобус третьего класса хитроумно икандыбает вверх по склону прямым в бледные сумерки.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Учтите, что граждане тут либо католики, либо копы, либо одуванчики божьи, можете себе представить, сколь изобретательно нужно давать долгосрочного стрелка, чтобы я оставался на свободе...

Зажатый меж Дуремаром и Ундиной на одном из деревянных автобусных сидений, Дебори, всем своим видом демонстрирующий полувековой опыт всеобъемлющего наблюдения за птицами, паритует атаку колышущейся банды пестрых курочек...

ДЕБОРИ: Просехали...

УНДИНА: Тихо... только по-голландски! (затем, разъяренная выплывших соседей по автобусу, громко вопрошает – сквозь осевшего Дебори – Дуремара): Интересно, что там поделывают дома наши друзья... правда, Джералд?

ГОЛОС ДЕБОРИ: ...и я думаю, что вы, Друзья Животных, уже достаточно точно из-за меня перессорились... вот и все, что я хочу сказать...

За стеной Дебори юный хипстер смеется над сражающимися с угрызятами Дебори и тихо говорит ему: "Народ, не парьтесь... ТНГ... сравнить не с чем!" – но Ундина, игнорируя совет, продолжает попытки выбить из Дуремара ответ по сценарию...

УНДИНА: Джералд?! Разве тебе не интересно, что поделывают дома наши старые друзья, пока мы тут парадно разъезжаем туда-сюда?

ДУРЕМАР (нацеляя темные очки): Про твоих друзей, Медсестричка, не скажу... (скользя, кладет голову на сверток)...а мои друзья поделывают все то же самое, что и поделывали раньше.

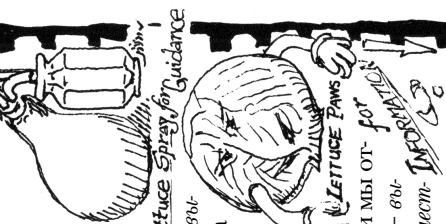
ДЕБОРИ: Мне все равно... Я где-нибудь разобьюсь. Проехали...

ДУРЕМАР: Парадно разъезжаем туда-сюда или терпим бедствие между парадными...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Устремляясь На Юг... (из окон с правого бока автобуса Друзья Животных видят алое солнечное колесо, что катится по кустам салвычи ноздря в ноздрю с раскрашенным автобусом в напыщенной гонке за заккатом...) Туда... (фара мотоцикла обнаруживает впереди дорожную вылку: указатели направо перечисляют множество прибрежных городов, включая Пуэрто-Санкто в самом низу, слева остается Мехико, D.F.! Свет над передним колесом байка мотается из стороны в сторону по указателям приближаются слишком быстро и не оставляют времени для раздумий. Мотоциклист все быстрее распекает свою песенку: "Мини-майни-гу-гу..."

поймайнеградану... еслинегразорет... пниетоскорейнеперед" — допев в аккурбат к повороту, М'кела морщит свирепое лицо и гонит на восток к Мехико-Сити...) и Обратно... (на заднем сиденье "бьюика" Мики Прозайк открывает один глаз и видит *Lettuce Spray for Guidance* летящий лунным светом горный пейзаж, пролетающий мимо в тишине. Он садится, и глаза его вылезают из орбит. "Мы едем задом!" — вопит он... "И бензобак пустует, — скрипит Хулихен, — а были на волосок от вершины..." "Хулихен, безумец, остановись, Христом молю! Мы идем на пятидесяти!" Шевелятся другие пассажиры, осоловело глядя на водителя, отвернувшегося от руля и скосившегося на заднее стекло, в котором видна яркая, пугающая линия разметки, иногда пропадающая, пугающе короткая в лучном свете... "Хулихен, жми на тормоза!" "Обычные, как ты отлично знаешь, не пашут, а ручной тормоз вышел из строя, не успею выехать из строя, не успею выехать из строя, не успею выехать из строя..." "...и мы едем, еб твою мать, слишком быстро, чтоб завестись!" — выкрикивает Мики, но Хулихен не отвечает. Пока свистит ветер и мелькает заплата светом луны, Мики понимает, что нарушает молчание, лишь когда Сэнди Поуку принимается голосить с усиливающимся ужасом: "Мики, что он..." "Мы остановимся у "Пемекса"² через девять минут, мисс Поуку. Я почти уже забрался на вершину горы, когда осознал, что же вы упустили. Уточню для протокола: я всегда говорю, что если кажется, будто колеса не туда, немедленно скорректируй курс, как только..." "Хулихен!" "...разумеется, даже учитывая, что моя коррекция усугубила ошибку..." "ХУ-ЛЯ-ХАН!" "...все еще нет способа скорректировать курс иначе, чем движением в обратную сторону, что, признаюсь, вынуждает меня внести поправку в мой..." Сэнди Поуку заглушает его нарастающим разъяренным воем истинного Друга Животных, и вой этот разносится по скалам и каньоном экзистенциальным высказыванием³ всякого усталенного зайца, и ачужей лисички, и озорного койота, что когда-либо рыскали по пустыне, сведенных вместе

Прервемся и подумаем прожег порханием бесцельной миграции о том убежище, которого ищут наши летуны... куда направляют они свой полет? Вот что журнал "Солнечный лучик" рассказывает в статье "По Ту Страну Границы и Вне Избитых Троп" ПУЭРТО-САНКТО-Кол., выс. 15", нас. 40 тыс. Пуэрто-Санкто, амфитеатр одетых в джунгли холмов, образующих живописную естественную бухту,

1 Мехико, Федеральный Округ (ист.).

2 "Пемекс" — "Petroleos Mexicanos", мексиканская сеть автозаправоч.

3 Экзистенциальное высказывание — в логике высказывание о существовании каких-либо предметов и явлений, например: "Жизнь на Марсе существует".

темным челноком автомобиля, катящегося вниз по склону, одолеваяющего поворот и исчезающего из виду...) Рассекая воздух во всех направлениях в одной и той же надежде добраться до лучших краев...

Лунистым паднем все пассажиры мужского пола толкают в горfu *satipon de terega clase*¹ — все, кроме Дебори, который немощно машет рукой Дуремару, трудящемуся в поте лица и облаке пыли... Клод сидит со спущенными штанами в придорожной траве, морщится, вздыхает и снова морщится; гремит сухими стручками ветер... На деревенской улице пешеходы, обирачаиваются посмотреть на запыленный "бьюик", за ветровым стеклом которого человек с безумным взором словами и жестами обосновывает решающий аргумент в споре с невидимыми оппонентами в своем явном пустом автомобиле...

Третьеклассная калымага выбирается на главное шоссе, где женщина с детьми, притороченными к спине и грудю, и еще по одному на каждое бедро, машет, прося автобус остановиться. Остановив его, она умело подцепляет огромную корзину и освобождаст козлика, привязанного к указателю на Гвадалахарау и обратно на Пуэрто-Вальярту. Пока Дебори, лысый, изможденный и с непокрытой головой, наблюдает за тем, как она пытается затопить перепугенную себя в битком набитый транспорт, а Дуремар спит на своем свертке, а Уидина изучает мексиканский комикс... слева вылетает на шоссе бешеный "бьюик" и делает почти самоубийственный разворот на девяносто градусов на Пуэрто-Вальярту... а автобус тяжело трогается по дороге в Гвадалахарау...

КЛОД: Что сказать барабаны?

РЕКС: Барабаны сказать, что Вождь рвать когти из Пуэрто-Вальярта. (выбирая манго) Бетси сказать, что встретить нас в аэропорт Гвадалахара во вторник на восход солнца... про все рассказать... показать секретная карта земля для охота...

БЕГЕМА: Херня смеркалась... она сказала, как он?

РЕКС (бросая косточку манго на улицу и вытирая руки платком прежде, чем вновь забраться за руль): Видимо, в Лос-Андже произошла утечка информации, в итоге его поч-

сблизительный тропический морской порт, который напоят вам о Рио.

Полуостров делит побережье на два залива, а каждый из них, в свою очередь, испещрен маленькими бухточками и пляжами, многие из которых заброшены.

Залив Сантьяго с его отороченными черными золотыми песками понравится тем, кто любит спокойную воду. Пляжи залива Санто подвержены прибою, а Куялтан в паре миль к югу заменит устрашающими зелеными волнами.

Пуэрто-Санкто, старый колоритный порт залива Санкто, — обладающий особой атмосферой томный городок с узкими улочками и затененной деревьями праздной площадью.

Бульжные мостовые и автобусные линии соединяют город с полуостровом Санкто, курортом, застроенным гостиницами и современными пляжными домиками.

Лучше всего навещать Пуэрто-Санкто с ноября по май, летом здесь слишком

жарко; тем не менее город остается излюбленным местом отдыха жителей Гвадалахары.

Погодная информация: среднегодовая температура — 79?; максимальная — 87?; минимальная — 72?. Относительная влажность — 77%, уровень осадков — 36 дюймов, облачность — 66%. Дожди здесь идут 52 дня в году, туманы бывают 20 дней в году, бури — 16, грозы — 21.

Тем, кому по нраву жизнь во Флориде, Пуэрто-Санто предлагает те же условия круглый год. Тут можно снять дом, цены на все товары и услуги, за исключением курортных, низкие.

Изобилие даров моря равно как и ныряние без аквалаंगा, охота, наблюдение

за птицами и конный спорт.

Увы, в Пуэрто-Санто нет никакой жизни.

Наша оценка: сравнительно неизвестный,

ти спанали. Она сказала, что получила от него одно письмо, типа шифровки — то есть он чуток глупой...

БЕГЕМА: Все хероватее и хероватее...

РЕКС: Письмо она покажет нам в Гвадалахаре... (снова и снова дергает стартер) если мы до Гвадалахары доберемся.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН (глядит зверем, открываясь от написания писем): Гвадалахара? О чем ты, Май? Нам не надо ехать в Гвадалахару, чтоб попасть в Пуэрто-Вальярту. Крути баранку и будь так любезен, оставь навигацию старине полковнику. А еще мне казалось, что мы хотели позвонить отсюда Бетси...

БЕГЕМА (закатывает глаза): Охереть херее некуда!

На переполненном автовокзале Уиндина в новом белом платье и таких же чулках просовывает в щель под стеклом кассы банкноту в 500 песо... "Tres — Puerto Sancto". "Первый класс..." — добавляет, облокотившись о стойку, Дуремар в светлой футболке Крысиного Фестиваля и красных брюках; за ним, укравшись за шкафиками камеры хранения, наблюдают с другого конца зала двое *rolicias*, а за нами наблюдает замерший на стуле чистильщик обуви в нескольких футах дальше тихий пожилой джентльмен со сгоревшей красной лысиной и покрашенными глазами, которые чуть расширяются, когда к двум офицерам присоединяется третий, показывающий коллегам афишку с фотографией Деборы. Они смотрят то на фото, то на Дуремара, то на Дуремара, то на друга, не в силах прийти к какому-либо заключению, а подозреваемый вместе с хором шенской мексиканской медсестрой проходят мимо офицеров, помогают пожилому джентльмену слезть со стула и идут, не скрываясь, к дверям. Все офицеры облегченно хохочут. При ближайшем рассмотрении расбуфренный эринго совсем не похож на того, кто на фотографии!

По дороге на Пуэрто-Вальярта Мики Прозайк, кривая лицо и стелая, сидит на корточках в петляющей канаве и наблюдает сквозь ищущую траву за Хулихеном, который учитывает оригинальную смену покрывши без домкратов.

1 Автобус третьего класса (исп.).

та, руковода Сэнди Поуку, в чью задачу входит загрузить ступенчатую шину налево и вверх по косягу, по случаю ремонта сооруженному Хулихену из камней, в то время как Забой толкает машину сади...
 ХУЛИХЕН: Прямо наверх, дорогуша... вот так... (его голос сточен до воздушного, несомомого шипения, словно канючки крылья дрожат на ветру...) Проще некуда, милашка Сэнди, прямо наверх и поверху...

СЭНДИ ПОУКУ: Нет... я не могу... мне страшно...

ХУЛИХЕН (выдавывая крик из огубевшей гортани): Забой, пихай суку вверх! (тянет за передний бампер; колесо пережмает край каменной кладки и зависает в воздухе, его ось покоится на валуне, который он заранее подставил...)

МИКИ (сквозь гримасу отвращения и неудовольствия): Если бы мы проехали те 24 километра до Тепика, ты бы мог менять колесо с настоящим домкратом.

ХУЛИХЕН (нападая на засжимные гайки): Разумеется, ты, наверное, прав, хотя мне кажется... по преимуществу и домкрат представляется мне в данных обстоятельствах совершенно излишним, и поскольку мы обнаружили недостачу только на стоянке грузовиков на обездной вокруг Лонг-Бича, слишком далеко от Пасадены, чтобы возвращаться за инструментом... отклонись мы от маршрута на 48 километров до Тепика и обратно, у нас было бы на 48 километров меньше шансов их настичь...

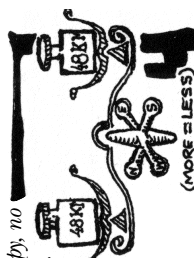
СЭНДИ ПОУКУ: Настичь кого? Мы даже не знаем, в Мексике они или нет, впереди или позади!

МИКИ: Я думаю, Хулихен, на этот раз она права... Нам надо было позвонить из Тепика.

ХУЛИХЕН: Абсолютно права... позвоним при первой же возможности...

МИКИ: ...то есть из Пуэрто-Вальярты... а это день пути. Киньте мне вон тот "Эскайр"...

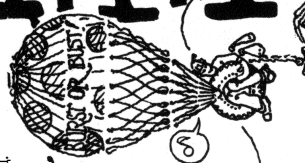
Забой швыряет ему журнал. Хулихен надев запяску и уже зажимает засжимные гайки...

• MATHEMATICS •

неиспорченный и недорогой пляжный курорт с особенной атмосферой и своим шармом, предоставляющий отличные возможности для занятий водным спортом. Рекомендуем сюда рекомендовать зимой.

Лучшие отели: "Анита" на частном пляже за городской чертой; "Плая Санкто" — гостиница юттерного типа на холмах над морем, пенсионерам скидка; "Ла Пасадена" — маленькая и очень гостеприимная гостиница на пляже за городской чертой, управляющий — американец.

ХУЛИХЕН: Запусти ее снова, дорогуша, и мы продолжим путь...

Сэнди заводит машину. Забой бросает в багажник сдутую покрышку и колесо, захлопывает крышку и наваливается на багажник спиной... упирается каблучками в землю, чтоб сдвинуть машину с места...

МИКИ (разрывая страничку объявлений пополам): Держись! Я тебе помогу.

ХУЛИХЕН (хватаясь за передний бампер): Не торопись! Лады, Сэнди, милая... одно осторожное движение, только меня не переедь... раз... два...

Мики бросает взгляд на страничку, которую собрался использовать. На останках телефонного объявления замечением выделяются набранные красным кеглем в шестидесят пунктов огромные темные слова, бегущие по кривой обрывке: "ПОЗВОНИ — МЕЖГОРОД — БУДТО ДОМА!" "...три!" — хрипло выдыхает Хулихен и почти без посторонней помощи сдерживает ось с валуна; шина с глухим стуком ударяется о гравий, и на старой треснувшей "белосенной" покрышке возникает большой пузырь...

ХУЛИХЕН: Говорил я Ястребнику: надо менять резину.

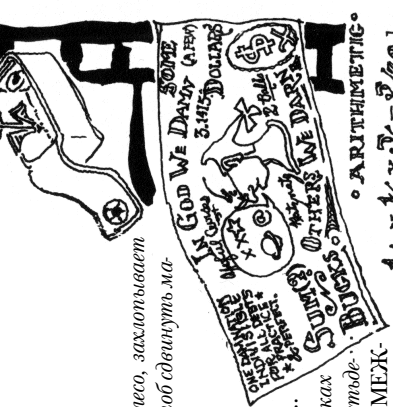
Все смотрят на пузырь. Тот раздувается и наконец лопается, заставляя машину снова прыгнуть на обод колеса...

ХУЛИХЕН (прыгая к багажнику): Ну-ка, где там другая фиговина? В двух километрах вниз по дороге обязан быть еще один "Пемекс"...

МИКИ: Без толку, Хулихен... (отходя от кустов, застегивает ремень) Я прихвачу эту шину и отправлюсь в Тепик позвонить Мактилликадди, разузнаю, что да как.

ХУЛИХЕН: Замечательно... я бы составил компанию, но обязан заявить, что мы должны продолжать двигаться в направлении...

МИКИ: Без толку, Хулихен! Сэнди, дай мне сколько-то чертовых долларов... посадите Хулихена в тень и сделайте ему успокоительный массаж. Забой, если он попытается уехать куда-нибудь до того, как я вернусь... врежь ему!

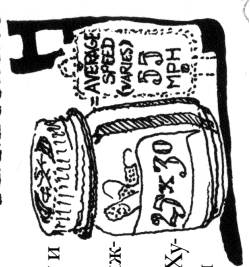

$$\frac{1}{2} \times \frac{1}{2} \times \frac{3}{8} = \frac{3}{32} \text{ km.}$$

$$\left(\frac{1}{2} \div \frac{1}{2}\right) \times \frac{3}{8} = 1.6 \text{ km.}$$

$$\frac{1}{2} \times \left(\frac{1}{2} \div \frac{3}{8}\right) = \frac{3}{8}$$

• ARITHMETIC •
TOTAL 2.38127
AVERAGE 0.75062
MEANING 0.00000

ЗАБОЙ: Прикупи сигарет...

ХУЛИХЕН: ...и холодного "Сервантеса"... и если наткнешься на аптеку, купи склянку с полсотней... слишком много?.. с двадцатью пятью таблетками этих, по 30 миллиграмм...

СЭНДИ ПОУКУ: И пачку "Тампакса"!

ХУЛИХЕН: Втирка от болезной подруги, воистину!

СЭНДИ ПОУКУ: Суперабсорбент!

МИКИ *(выкатывая шинку на дорогу)*: Что куплю, то куплю, хыр-ди-хыр... *(весело усовистывает вдале сквозь рябющие волны жара...)*

Сильнейший жар затуманивает исчезающую фигуру, и вне нечеткости возникает вставший на обочине автобус с разверстым капотом...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Мы на полпути между Масатланом и городом под названием Тепик, что примерно на половине пути между Масатланом и Гвадалахарой, что примерно, э, на пять восьмых пути до Пуэрто-Санкто. Почему она просто не сказала нам, куда в Пуэрто-Санкто надо ехать, чтоб мы поехали прямо туда — вместо всей этой херни с плащами и шпагами в гвадалахарском аэропорту?

РЕКС *(кричит из-под капота)*: Она сказала, что не может описать карту, полковник.

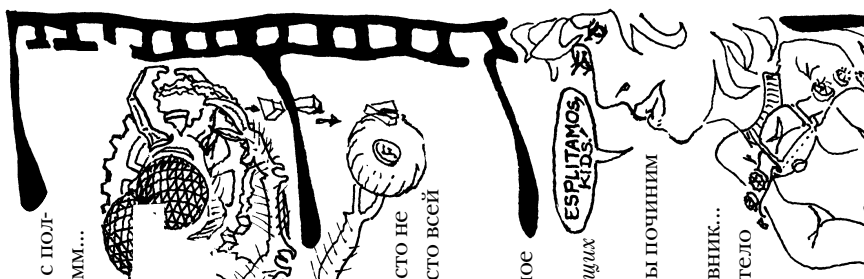
ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Могла бы прислать ее авиапочтой в Пуэрто-Санкто на мое имя.

БЕГЕМА *(кричит в зеркало заднего вида, куда смотрелась, заплетая две черных поблескивающих косы)*: Она хочет поехать с нами, Вайнштейн, придурок ты безмозглый!

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Сдается мне, Принцесса Злоязычка, что даже если мы починим сцепление... какова вероятность удачного исхода, Поуптг?..

КЛОД *(высовывая голову из маленького люка в полу автобуса)*: Рекс же сказал тебе, полковник...

РЕКС *(голова показывается из-под передней панели лицом вверх)*: Блядь... сцепление полетело

на все сто. Его доконал вчерашний ночной прогон.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Когда, по твоей оценке...

КЛОД: Полковник, Рекс хочет сказать, что наша автомастерская капремонт сделать не способна. Даже если мы доберемся до хорошего механика в приличном городе, починка займет по крайней мере два дня.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Угу... сдастся мне, Принцесса, что даже если бы мы починили сцепление сей же час...

РЕКС: В мусорку такое сцепление!

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: ...и исправили бы стартер...

РЕКС: И стартер туда же!

КЛОД: Даже так?

РЕКС: Привод сдох, все защемилось, маховику повыбивало зубцы.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: ...и исправили бы стартер... каким-то чудом... и продолжили бы путь с обычной скоростью шестнадцать километров в час, мы все равно опоздали бы на встречу на три дня.

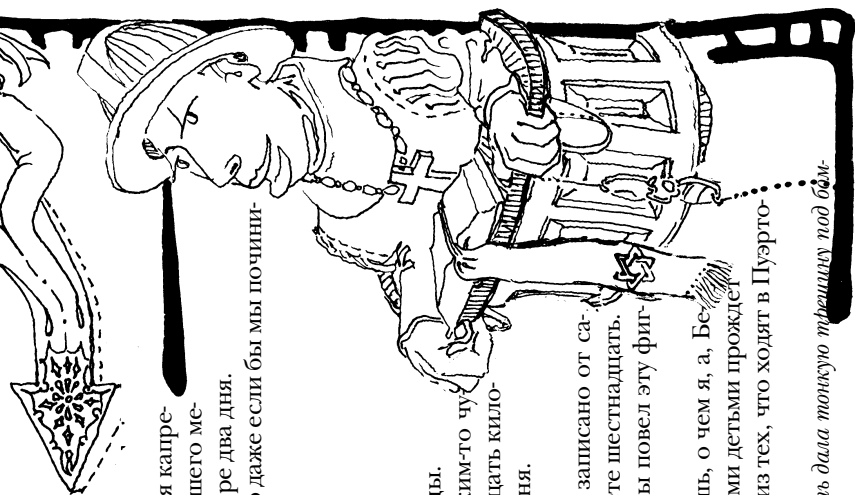
БЕГЕМА: Мы едем быстрее.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Думаешь? Вот часы и мили, все записано от самой границы. Раздели сама и посмотри, получится ли в ответе шестнадцать.

РЕКС *(высвернув шего, чтобы говорить с Клодом через полковника)*: Я бы повел эту фигу не парясь, если бы...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: ...если бы ты мог ее завести! Чуешь, о чем я, а, Бегема? Как ты думаешь, сколько дней Бетси с тремя капризными детьми прождет нас в жарком аэропорту, прежде чем решит сесть на автобус из тех, что ходят в Пуэрто-Санкто, я думаю, по три раза на дню?..

БЕГЕМА: Нет! *(сама того не желая, демонстрирует, что ее уверенность дала тонкую трещину под бем-бежкой полковничьего пессимизма)* Она этого не сделает...

КЛОД: Есть! Перейдем на нейтраль и толкнем автобус. Когда он покажется, попрыгаем внутрь и повысим передачу...

РЕКС: С высокой передачей и на такой скорости он долго не протянет.

КЛОД: Как только застонорится — опять перейдем на нейтраль.

РЕКС: Господи, ну попробуем!

КЛОД: Мы с Хватом заколдуем вас, чтобы никто не устал, не отлынивал и не матерился: транс-миссия!

РЕКС: Поедим — и, блядь, за работу!

Головы исчезают. Бегема возвращает полковнику записную книжку.

БЕГЕМА: Шестнадцать километров в час... какая точность, Вайнштейн!

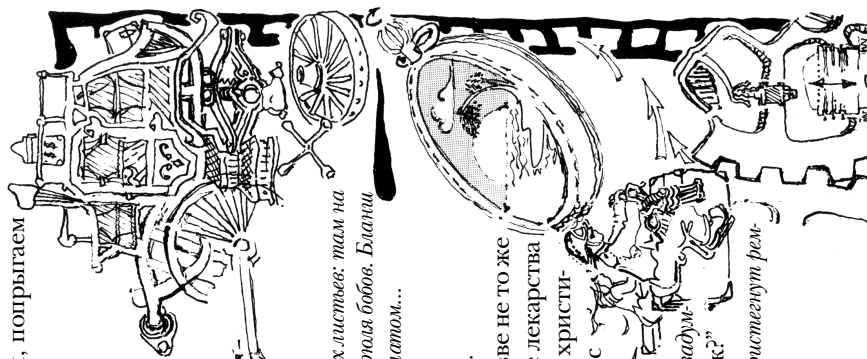
Бегема встает и идет за Рексом и Клодом, шагающим к валунам в тени пальмовых листьев: там на маленькой "коломановской" печке как раз постела приготовленная Бланш большая кастрюля бобов. Бланш вычерпывает дымящиеся бобы на бумажные тарелки, которые Хват уже оставил салатом...

БЛАНШ (кричит в сторону автобуса): Иди и получи свое, Вайнштейн!

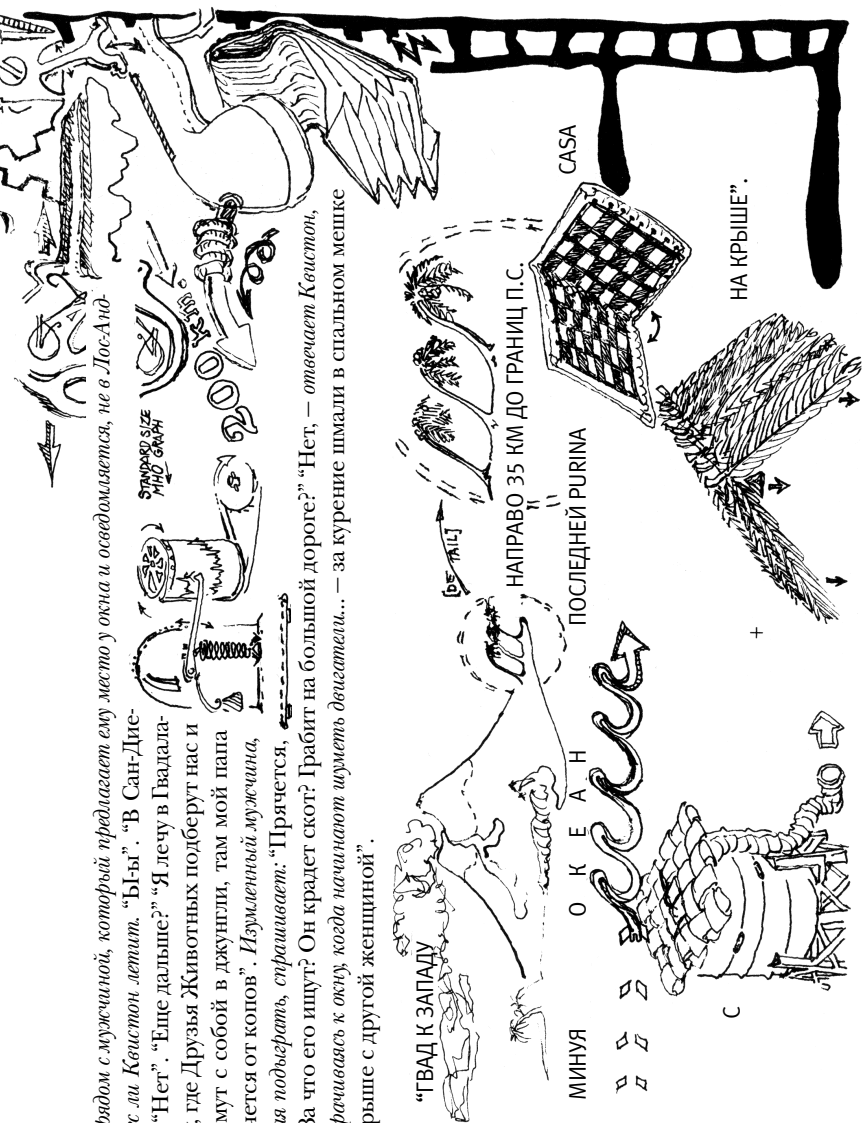
В автобусе одинокий полковник снимает очки и массирует вдавленные арки носа...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: "...разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не стужат его те же лето и зима, как и христианина? (захлопывает футляр и устало прячет его под автобусное сиденье) Если нас уколоть — разве у нас не истет кровь? Если нас ~~разоружат~~ разоружат — разве мы не умрем? Если нас отравить — разве мы не умрем? Если накормить нас мексиканской фасолью (поднимает ногу, чтобы задумчиво перднуть) — разве не пускаем мы те же ветры, что и баптист, и католик?"

В аэроплане Бетси держит на коленях Калеба; Шерри сидит рядом; Квистон пристегнут рем-

нем рядом с мужичиной, который предлагает ему место у окна и осведомляется, не в Лос-Анд-желес ли Квистон летит. “Ы-ы”. “В Сан-Дие-го?” “Нет”. “Еще дальше?” “Я лечу в Гвадала-хару, где Друзья Животных подберут нас и возьмут с собой в джунгли, там мой папа прячется от копов”. Изумленный мужичина, желая подыграть, спрашивает: “Прячется, да? За что его ищут? Он крадет скот? Грабит на большой дороге?” “Нет, — отвечает Квистон, поворачиваясь к окну, когда начинают шуметь двигатели... — за курение пшалаи в спальном мешке на крыше с другой женщиной”.

У увещного "бююка" останавливается тикап, из него вылезает Мики Прозайк с залатанной шиной. Наче- ку, как и всегда, Хулихен в шортах и ботинках выбегает из терновника...

ХУЛИХЕН: У тебя получилось? Отлично, отлично. Мы еще сможем до- братьсья до Пуэрто-Вальярты к закату.
МИКИ: Он уже не в Пуэрто-Вальярте.

ХУЛИХЕН (выхватывает колесо и, нагнувшись, фразается с болтами крепления): Уже не там?

Тогда мы должны торопиться...

СЭНДИ ПОУКУ: Уже не там!? (в лифчике и трусиках; ее лицо запятнано наконец начавшей сходить светящейся краской) Куда торопиться, маньяк, если он уже не там? Где он, Прозайк?

МИКИ: Со мной говорила Бетсина сестрица. Она не знает, где он. Бетси ей не сказа- ла бы.

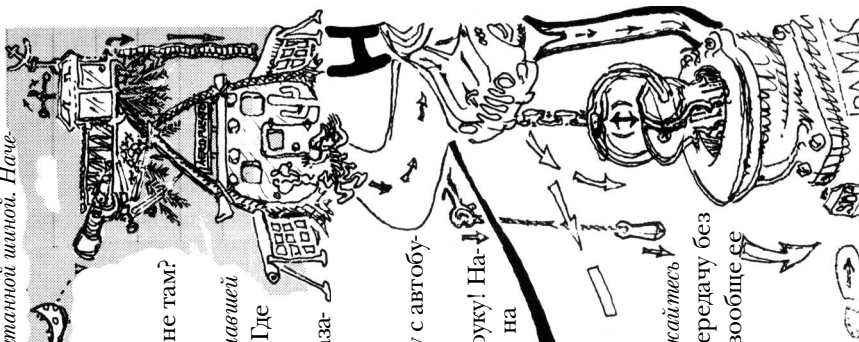
СЭНДИ ПОУКУ: А тебе сказала бы?

МИКИ: Бетси уехала... улетела сегодня утром с детьми в Гвадалахару на встречу с автобу- сом...

ХУЛИХЕН (вставая от приделанного колеса): Вот куда надо торопиться, мисс Поук! На- бо-у-рт! Гвадалахара, Гвадалахара, следующая остановка — аэропорт... все на борт!

Бетси сидит на своем чемодане рядом с Рексом Маэм, тот управляется с рулем. На автобусном сиденье за ними сидят все еще ошеломленные прибытием в аэ- ропорт детки — и молча слушают, как Рекс объясняет процесс запуска:

РЕКС: Ну вот, со вставленным ключом и толкающим автобус экипажем — заежужайтесь уже, лентяи! — я жду, пока мы не слишком разгонимся, чтобы понизить передачу без сцепления... (пихает рычаг вперед...) но достаточно, чтобы (хлопок двигателя) вообще ее

перевести (*урчание*), а потом удерживаю ее, пока экипаж не завалится внутрь...

На бегу заскакивают в автобус Хват, Бланиш, Бегема, Клод и, страдальчески пыхтя, палковник...

БЕТСИ (*устрашенно*): И много вы вот так вот проехали?

КЛОД (*содвинуто*): 200 километров без приключений...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Иначе говоря, мы опоздали не хуже калифорнийского землетрясения¹... а теперь давай посмотрим на карту...

БЕТСИ: Это не совсем карта.

БЕГЕМА: Вайнштейн, я же *говорила!*

БЕТСИ: Шерри, покажи им.

БЕГЕМА: Она могла сказать по телефону, но хотела быть рядом, когда мы прибудем на место, как...

ШЕРРИ: Она не могла, Бегема; карта нашта на одежде, которую он мне прислал.

БЕТСИ: В виде вышивки... наверное, он нанял швею...

Вокруг талии юбки искусно вышита живописная инструкция:

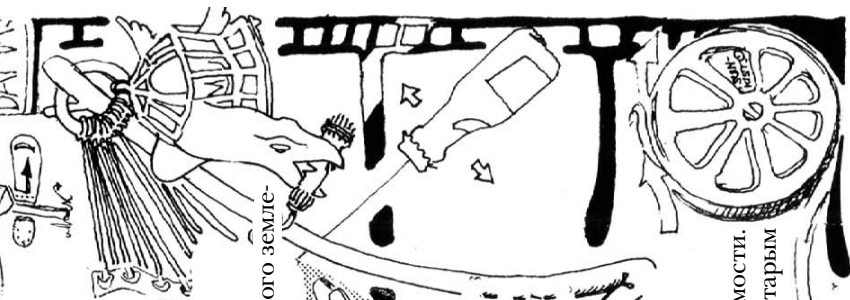
БЕТСИ: Я думаю, это вулкан. Это пальмы, это океан. Про последние две штуки я ничего не думаю.

КЛОД: Полный *отпад!* Кажись, Вождь проникся важностью конспирации. Он знает, что к нему едет автобус?

БЕТСИ: Я думаю, он не знает даже, что к нему едут дети.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Когда вы получите эту пленку, я буду вне всяких пределов досягаемости. Но не тревожьтесь о нашей судьбе. Пришло, я думаю, время распада... время старым

1 Великое калифорнийское землетрясение, которое предположительно сметет с лица земли штат Калифорнию, а заодно — Новую Зеландию и Японские острова, предсказано давно, однако все не спешит сбываться.

Друзьям Животных разбежаться по своим клетушкам.

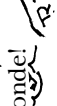
Выходящий из гвадалахарского аэротерминала потный Хулихен рвет и мечет...

ХУЛИХЕН: Упустили! Мы опять их упустили. Десять минут! В воздухе еще витает запах сладкой Бетси и ее свежепомытых детей только что из Штатов. *(запрыгивает на водительское место)* Нам остается лишь учуять их след:

(кричит торговцам на обочине) Donde bonita samarones?

МИКИ: Это в переводе "где сладкая креветка", Хулихен...

ХУЛИХЕН *(взбешенно)*: Donde, черт возьми, donde!

El busso loco, donde?!

Все руки поднимаются и указывают на запад, куда уехал автобус...

ЗАБОЙ: С ума сойти! Скоростной маньяк может общаться с ними на их языке.

ХУЛИХЕН: Ключи? Где ключи? Ключи, ключи...

МИКИ: Сэнди взяла.

ХУЛИХЕН: Я ее придушу. *(рыском открывает дверь)* Где она, моя милая крошка?

ЗАБОЙ: Она сказала, что возьмет ключи и будет ждать в женской уборной, пока мы не передадим тебе ее официальное заявление... Мики, озвучить это — выше моих сил...

МИКИ: ...на остаток пути ты должен уступить руль одному из нас... держи его, Забой!

После бешеной гонки с элементами драки им удается изловить разъяренного Хулихена в шаге от двери с надписью "Damas".

ГОЛОС ДЕБОРИ: Не то чтобы я не хотел всех вас увидеть, старые Друзья; я думаю просто, что нам всем не повредит как следует передохнуть. Еще у меня есть планы на эти волны. Что-то вро-

де... энергетической йогой; я хочу спокойно посвятить какое-то время идее, согласно которой волны есть проявление бессознательной цели...

Наконец-то Пуэрто-Санкто с его амфитеатром одетых в джинсы холмов, ближе к вечеру отпавших оттенков сумрака от лимонно-зеленого до багряного. В проволочной клетке сваривший зеленый попугай не оставляет попыток укунуть сухарик, повешенный вне досягаемости его клюва. Отклонившись слишком далеко, он делает салют вокруг жердочки и в отчаянии клекочет. Дебори в гамаке, подвешенном к тому же шесту, что служит опорой для клетки с попугаем, отжимает дистанционный пульт-почтальон на микрофоне...

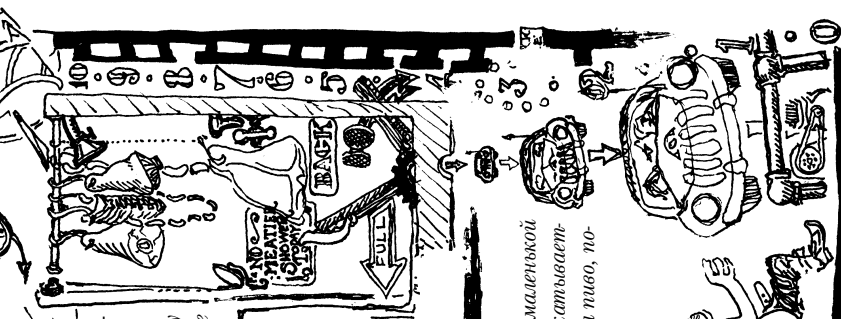
ДЕБОРИ: Филипп, скажи "на хуй". На... хуй. Н-на-а-а... хуй-й-й...

Птица выпрямляется и тут же, по новой устремившись к висящему соблазну, сердито щелкает клювом. И вновь с клекотом падает.

ДЕБОРИ: Балда.

Подойдя к этажерке с магнитофоном, Дебори вынимает из деревянной ведерки со льдом свежую бутылку "Дос Эжис" и открывает ее отфыркнутой, лежащей на маленькой этажерке. Непыщенно лучась от гордости за торжество дня, солнце величественно перекатывается через дальнюю гряду облаков к заливу. Дебори какое-то время смотрит на него, потягивая пиво, потом снова меняет бутылку на микрофон. Капучинки начинают крутиться...

ДЕБОРИ: Заратустра сбегал в горы от удушливого самокалечения цивилизации и не имел друзей, кроме малых сих, что в перьях, о четырех ногах, в шерсти и в чешуе... Друзья Животных... мне кажется, я должен отказаться даже от Друзей Животных. (делает глоток пива, встряхивает микрофон и декламирует сам себе): Здесь ветер дует так легко. И мне шагається так вольно. Я задержаться тут хочу, чтобы попить пивко; и в норму приведу здоровье. (ставит пиво на пол): Ну вот... я прощаюсь со всеми на срок...

...и перекрываются везущим пассажилов автобусом: Хват с Бегемой излучают вышитое платье, Клод высевается из двери...

КЛОД: О, морской воздух! Я ощущаю, как из меня вымываются яды Лос-Анджа. Три пальмы! справа по курсу!

РЕКС: Справа по курсу! (все больше и больше как Хулихен) Справа по курсу — точно так! ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Значит, Пуэрто-Санкто все-таки существует. Никогда о нем не слышал.

БЕГЕМА (все более возбуждаясь): Именно. Потому-то он его и выбрал. Мать моя... укронная бухта, где бедная Бегема может бросить свой усталый якорь.

КАЛЕБ: Сколько еще теперь, мама?

БЕТСИ: Совсем недолго, Калев.

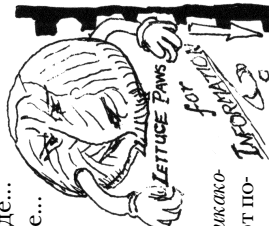
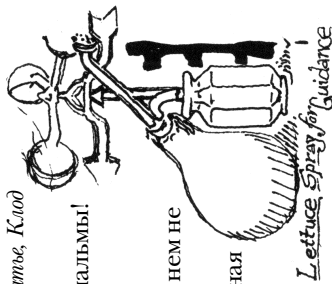
ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Очень на это надеюсь, иначе мне придется выйти по нужде... ВСЕ (вместе с Калевом, будто по заранее условленному сигналу): Нет времени выходить по нужде... мы так близко от места, куда е-дем...

КЛОД: Вот дорога на Пуэрто-Санкто...

ВСЕ: Пуэрто-Санкто, Пуэрто-Санкто... вот дорога на Пуэрто-Санкто...

Выходящий "бьюик" резко, до дыма из-под колес тормозит у развилки у трех пальм. Забой за рулем, Мики и Сэнди Поуку удерживают Хулихена на заднем сиденье. Забой кричит что-то бригаде дорожных рабочих, отдыхающей в тени пальм. Ответа нет. Делает попытку Сэнди. Все еще ничего ответа. Наконец, из окошка выдается голова Хулихена и трюбуэт: "Гринго буссо цветасто, черт по-дери!" Все рабочие показывают на правую дорогу "Бьюик" срывается с места...

ДЕБОРИ (открытое пиво и дымящийся косяк между пальцами в одной руке, микрофон в другой): Солнце заходит, но и восходит. В делах людей есть прилив, и всякой вещи есть цель под небом!... (затягивается косяком, замечает, что плевка почти закончилась, торопится произнести последние закаты слова...) В заключение позволюте мне сказать: на самом деле это не прощание, это...

Он прерывается, косаясь вниз на дорогу и медленно отнимая голову от потной лямпыны в подушке...

РЕКС (вертит руль туда-сюда, с хихиканьем пытаясь обехать выбоины и обойтись без пере-
хода на низкую передачу): Держитесь! Метеоритный дождь!

БЕГЕМА: Рекс, мать твою! Ты хочешь, чтоб у меня был выкидыш?

РЕКС (потряв над собой контроль, ржет в голос): Звиняйте, леди... стремнины, знаете ли...

БЕТСИ: Дети, оставайтесь на местах. Рекс обезжест колдобины.

КВИСТОН: Поэтому его самого так колдобит?

КЛОД: Вот и она! Лачуга с пальмовой крышей и цистерной с водой наверху, последняя на этой дороге!
Ура!

Всех охватывает веселье. В "бьюнке" Забой льнет к пыльному ветровому стеклу...

ЗАБОЙ: Вижу их! (жмет на газ)

ХУЛИХЕН (безропотно и ослепло шепчет с заднего сиденья): Тормоза, Забой, тормоза...

Теперь Дебори садится в гамаке. На этажерке чик-чик-чикает кончающаяся пленка, но этого никто не замечает; и попу-
гай, оставив в покое сухарик, смотрит на накатывающее зрелище...

РЕКС: Руль до отказа, идем задом... (дает полный газ, понижая скорости до третьей, до второй, трансмиссия
и двигатель сливаются в экстазе, и машина замедляет впритык к шахматной стене...) Стоп-машина!

ХУЛИХЕН (безумным угасающим шепотом, неслышно): Понижай передачу! Понижай!

ДЕБОРИ: Нет... (смотрит на приближающийся на всех парах "бьюнк") Нет!

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН (проталкиваясь к двери): Дайте мне выйти! (растегивая пряжку, он бежит к пе-
реду автобуса и свеживается у стены)

КЛОД: Видишь, полковник, по-прежнему никакого выкидыша!

КАБУММ! Вылетев из гамака и выглянув наружу, Дебори в ужасе видит, как "бьюнк", зажатый между океаном
слева и отвесной скалой справа, врезается в зад автобуса, чей передний бампер пригвозждает к стене го-

1 Дебори в одной фразе цитирует Шекспира ("Юлий Цезарь", пер. Мих. Зенкевича) и Эллизиаста.

лоздаго палковника, и из боковой двери автобуса летит на землю Бегема... "Что за дьявольская чертовщина!?" — и полковник вопит: "Назад! Поддай назад!", Реску ударится переключиться на заднюю передачу, а Мики Прозайк выпрыгивает, и его сбивает с ног отступающий автобус, мстящий "бьюнку" за его удар.

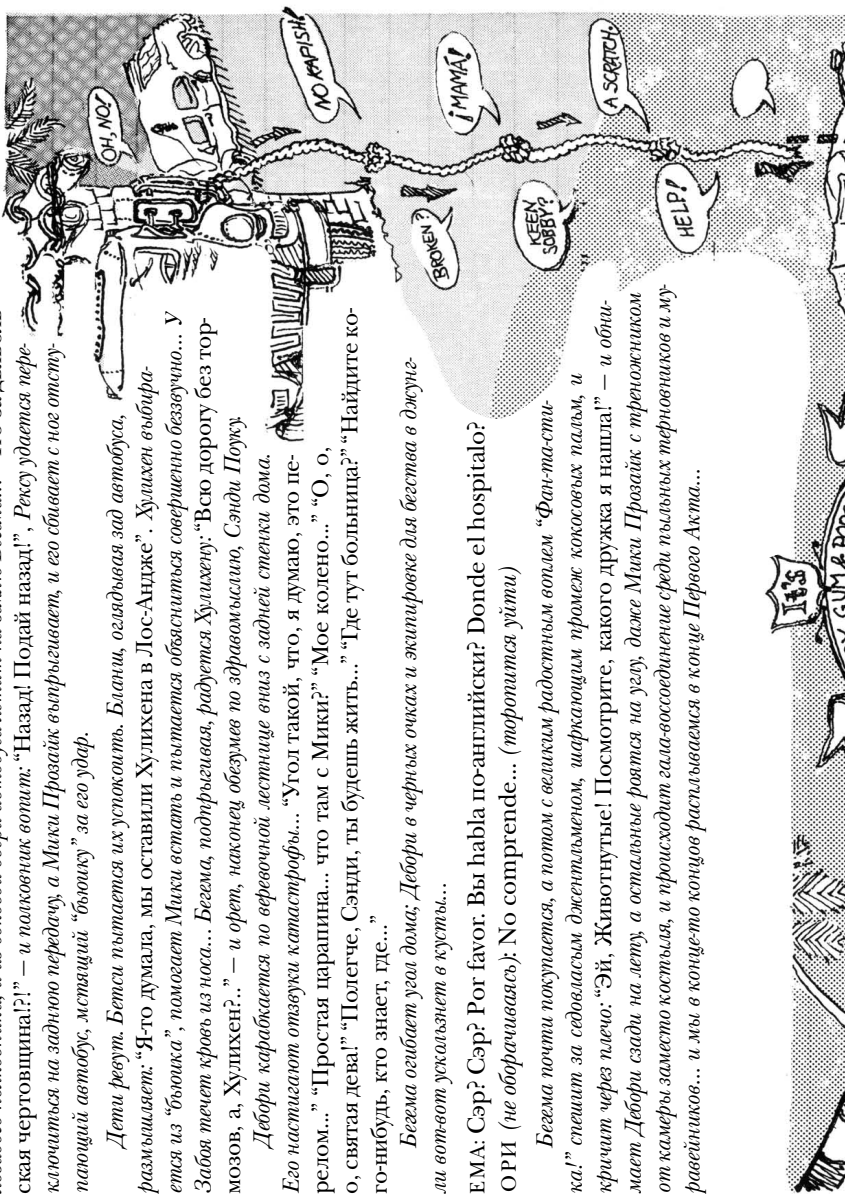
Дети ревут. Бетси пытается их успокоить. Блани, оглядывая зад автобуса, размышляет: "Я-то думала, мы оставили Хулихена в Лос-Андже". Хулихен выбирается из "бьюнка", помогает Мики встать и пытается объяснить совершенно беззучно... У Забавы течет кровь из носа... Бегема, подпрыгивая, радуется Хулихену: "Всю дорогу без тормозов, а Хулихен?.." — и орет, наконец обезумев по здравомыслию, Сэнди Поуку.

Добори карабкается по веревочной лестнице вниз с задней стенки дома. Его настигают отзвуки катастрофы... "Угол такой, что, я думаю, это перелом..." "Простая парашина... что там с Мики?" "Мое колено..." "О, о, о, святая дева!" "Полетче, Сэнди, ты будешь жить..." "Где тут больница?" "Найдите кого-нибудь, кто знает, где..."

Бегема оглобает угол дома; Добори в черных очках и экипировке для бегства в джунгли вот-вот ускользнет в кусты...

БЕГЕМА: Сэр? Сэр? Por favor. Вы habla по-английски? Donde el hospitalo?
ДЕБОРИ (не оборачиваясь): No comprende... (торопится уйти)

Бегема почти покупается, а потом с великим радостным воплем "Фан-та-стика!" спешит за седовласым джентльменом, шаркающим промеж кокосовых пальм, и кричит через плечо: "Эй, Животнугые! Посмотрите, какого дружка я нашла!" — и обнимает Добори сзади на лету, а остальные рвутся на углу, даже Мики Прозайк с треножником от камеры вместо костыля, и происходит гала-воссоединение среди пыльных терновников и муравейников... и мы в конце-то концов расплываемся в конце Первого Акта...

“Однажды один чувак украл все крышки всех канализационных люков Сан-Франциско, свалил их в кучу в верхнем конце Грант-стрит и пустил КАТИТЬСЯ с холма по всем сторонам света. Хухэй, все попрятались, и собак поубивало, и дети попадали в открытые люки, и в воздухе летало всякое дерьмо.

А когда старина Гейбриэл взобрался на тамошнюю Колонну Соития и выдал охуительный звук, чувак, моя спина чуть не треснула, когда я его услышала, и мы, чувак, все поняли тогда: это ОНО. И все просто сели и стали ждать, перепуганные; хотели удрать, но не могли, слишком перепугались и с места не сдвинулись, и будь все проклято, если в тот момент не ухнуло будь здоров и не полило как из ведра. И льет до сих пор”.

*Горянка, Ла-Хонда*¹

1 Горянка (Кэролин Адамс, р. 1946) — Веселая Проказница, мать Саншайн Кизи (дочери Кена Кизи), впоследствии — жена Джерри Гарсии.

А.К.М. II
Счека Первая

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Лучше проиграть с верой, нежели победить с уверенностью...

В пальмовой хибарке на крыше *Rigina Casa Grande* Мики Проазик усажен в забранное брезентов потухшее пляжное кресло; его нога покоится на подпорке, пальцы торчат из гипсовой повязки, мрачно-фразной, невзирая на веселые картинки от бедра до лодыжки; он бросает взгляд поверх блокнота, в котором делал заметки... на пляж, где Кеистон фразит визжащему Калебу крабом. Появляется Бетси с плетеной корзиной выстиранного белья и зовет: "Квис-тон! Калеб! А ну-ка все в дом!" Она доходит до площадки, на которой нет ничего, кроме кактусов и побитых бутылок, над ними натянута от угла дома до стены козосовой пальмы белая веревка. Мурыляча себе под нос, она положит в воздухе белое из корзины и вешает его на веревку.

МИКИ (раздумывает, смотря поверх солнечных очков): Хм-м-м... все дело в кончиках пальцев.

Упор на пальцы правой ноги поднимает левый сосок, упор на пальцы левой ноги *OR* поднимает правый. Надо бы вечером отрезать еще немного от этого чертова гипса... *VEE*.

В другом углу хибары в гамаке, где ранее лежал Дебри, хрипит и дергается в глубокой наркотической отключке полковник Вайнштейн. Мики смотрит на него и качает головой: "Никаких сомнений... полковник в ужасной форме, исхудал, мается, небрит, когда хрипит, пускает по щеке слону..." Гипс полковника, не достойный чести быть разрисованным, выглядывает прискорбнее Микиного благодеяния пронесенным мимо рта питью и еде... и зеленому попугайчику, что дефилирует по всей длине, истаявая его кловом и пометом. Растегнутая рубашка полковника мокрым-мокра от пота, недоеденная лепешка тако на волосатом животе притагивает к себе батальоны мух. Мухи вяло ползают по обеду, что поднимается и оседает в неровном ритме дыхания.

МИКИ: Лучше бы полковнику оставить фенобарбы, а то птички и мошки его доконают. Ну же, Вайнштейн... два месяца назад ты бы взял с каждой мушкетер полдоллара за вход плюс надбавку за питание!

Слышится голоса. Вывернув шею, Мики смотрит на Дебори, сидящего по шее в круглой цементной цистерне, что обеспечивает дом водой для стирки. Дебори сидит на почти затопленном стуле, к спинке которого прикреплен за ручку большой черный зонт; одной рукой Дебори пытается отрегулировать положение зонта, чтоб солнце не так светило на лысину, другой удерживает над водой книгу "Так говорил Заратустра". В тени цистерны сидит, прислонившись спиной к холодному цементу, Ундина в купальнике, она возится с миской картошки, которую чистит на ужин. Наконец Дебори прилагивает зонт и возвращается к книге, и Ундина возобновляет разговор...

УНДИНА (чувственно касаясь пальцев): Знаешь, я тут поняла, что у меня за дела... (ждет мновения, не ответит ли Дебори, потом продолжает) Я умею трогать. Прикасаться.

ДЕБОРИ: Словно слепец, забредший на фабрику накладных грудей... так говорил мой папа, когда я щупал еду.

УНДИНА: Вовсе нет. Я как раз умею... (соблазнительно гладит овоц...) Прикасаюсь.

ДЕБОРИ: Мне по нраву более возвышенные чувства.

УНДИНА: Ты пробовал на самом деле дотронуться до чего-нибудь?

ДЕБОРИ: Мясо есть мясо¹.

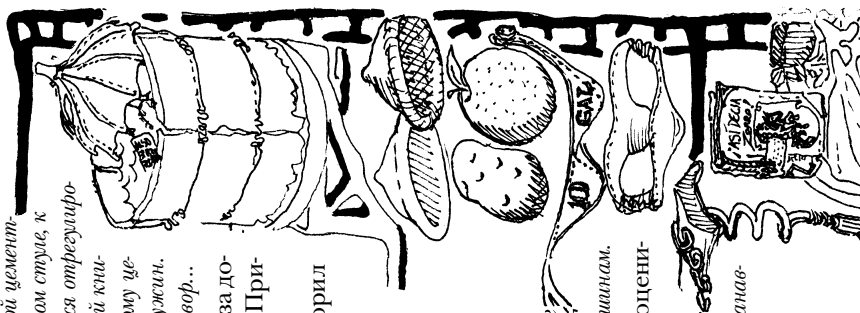
УНДИНА: Нет, на самом деле... наподобие грипа?

ДЕБОРИ: На самом деле, Ундина, я не знаю.

Ундина поднимается, чтоб через край цистерны посмотреть, серьезно это Дебори или нет, видит его улыбку и с туго вскалыхнувшим ее лифчик "пф" возвращается к картошкам.

ДЕБОРИ: Однако, должен признаться, пока ты об этом говорила, я начал переоценивать свои прежние взгляды.

Она снова пффыкает, на сей раз умифтоверенно. Мики разоврачивается – посмотреть, что происходит внизу. Бетси уходит с площадки с пустой корзиной. Она остано-

ливается, снова зовет мальчишек, потом идет в прачечную. Опять начинает говорить Ундина; коварный Мики уфадкой берет прислоненную к его креслу длинную пальмовую ветвь, очищенную от листьев и с микрофоном на конце. Осторожно, как помощник звукорежиссера, он протягивает шест к цистерне с водой, включает магнитофон и надевает наушники. Беседа длится в исконном звучании — Мики слушает, размышляет вслух и производит подсчеты в блокноте, полным планов на скорости и фантазий о праше...

МИКИ: Лады... ну-ка, прикинем... В пробную посылку я положу: первое, пленки; второе, несколько Хватовых рисунков про то, как мы пересекаем границу; третье, несколько страниц из дневника Дебори — он не будет против — и четвертое — краткое содержание, которое я напишу, как только освобожусь от бледной повязки и уеду в Гвадалахару, чтоб побыть одному... и упрощу Макгилли-кадди передать посылку какому-нибудь крутому продюсеру и прибавить, что за: первое, киномагнитофон; второе, синхронную кинокамеру "Аурикон"; и третье, беспроводный радиомикрофон; и четвертое, оплату медицинский счетов от Eufemeia de Sancto²... они получают эксклюзивные права на кино- и телепокказ "Давшего Деру Дьявола и Друзей под Юбкой Юдоли Юга", эпизодов с третьего по девятый включительно, а барыш мы поделим — пятьдесят им, пятьдесят нам... что составит, хм, прикинем: Дебори, Бетси и де-пти — десятым долям, наверно, ни к чему, значит, семья Дебори — два человека... Бегематри, Рекс с полковником и Забоем — шесть, Клод и Бланш — восемь, Хулихен — девять, а Дуремар, Сэнди Поуку и Хват дезертировали с корабля в Штаты, и, полагаю, будет справедливо дать им каждому еще *по трети*, в сумме это будет десять... с Ундиной — одиннадцать... кого я забыл? Себя. Итого ровнехонько дюжина. Отлич-

Поговорка американских горцев времен завоевания Запада, означает "любое мясо стодится в качестве еды".
Большинца Санкто (исп.).

но, теперь прикинем: пятьдесят процентов от, скажем, ста тысяч разделить на двенадцать человек будет, прикинем... пятьдесят поделить на двенадцать, трижды двенадцать тридцать шесть, четырежды двенадцать сорок восемь... Лады, округлим до чепух, что составит... по четыре тысячи долларов на брата — и ваг? Прикинем-ка снова...

Он опять косится в блокнот, по лестнице на крыше поднимается Бетси. Подходит к краю, делает руку козырьком и смотрит на пляж...

БЕТСИ: Проклятые мальчишки! Опять полезли в воду... *(кричит)* Квистон! Калейб!

ДЕБОРИ: В таком приборе они тебя не услышат. Хочешь, я схожу за ними?

БЕТСИ *(глядит, скаль уютно он устроился)*: Я сама. Я же велела Квистону без взрослых в воду не лезть. *(замечает Ундиному скромную горку картошки)*

Картошку уже надо класть вариться, Ундина.

УНДИНА: Они трудно чистятся, Бетси... ими только мелких крысенышей кормить!

ДЕБОРИ: А где Шерри? Я ее сегодня вообще не видел.

БЕТСИ: Отправилась со всеми на автобусе на рынок. Им уже давно пора было вернуться. Забой с Хулихеном поехали на "бьюике" узнать, не случилось ли чего.

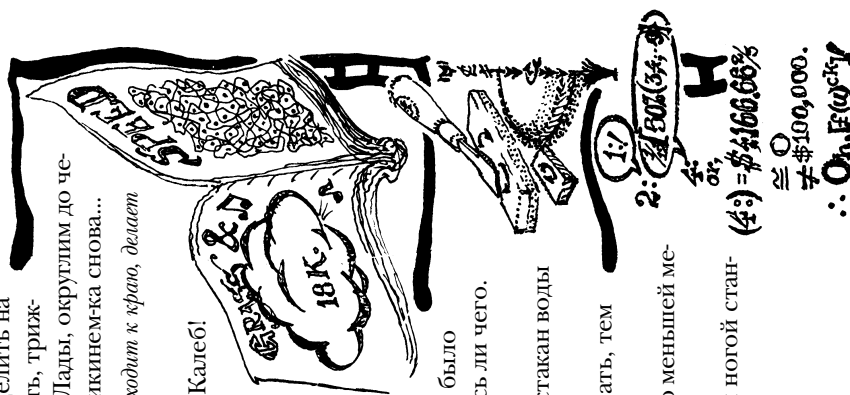
ДЕБОРИ: По-прежнему без тормозов. Хулихен — маньяк...

БЕТСИ *(замыкает у кресла Мики прежде, чем вернуться вниз)*: Хочешь, принесу стакан воды со льдом или чего-нибудь еще?

МИКИ: Нет, Бетс, спасибо. Я думаю, чем больше я буду сам себя обслуживать, тем быстрее выберусь из гипсового гроба.

БЕТСИ *(глядит на срезанную Мики новязку)*: Я бы не стала ее обкарнивать по меньшей мере неделю. Ты ж не хочешь снова сломать ногу? *(спускается по лестнице)*

МИКИ *(пошлепывая пальцами на солнце)*: Хыр-дыр-хыр! Однажды мы с моей ногой стан-

цзем танец со шляпой на Площади Мариачи в Гвадалахаре!

Мики возвращается к своим вычислениям, Дебори к Ницше, Ундина к карточке. Бетси появляется внизу, быстро шагая по пляжу. Ундина откладывает нож в сторону...

УНДИНА: Я бы повидалась с Бойсом. У меня по нему ностальгия.

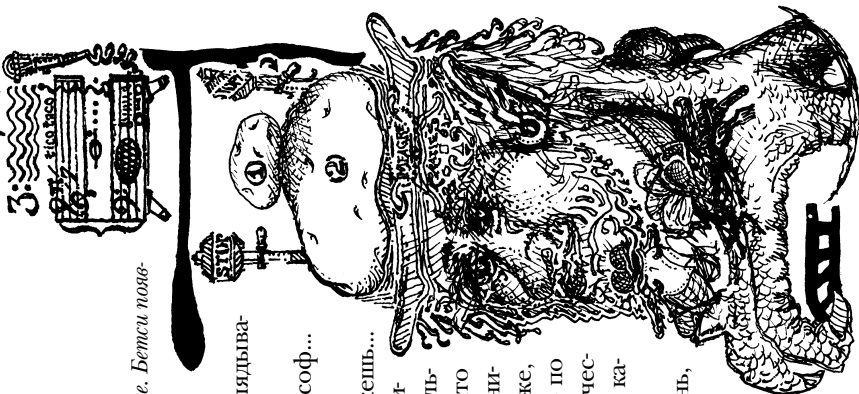
ДЕБОРИ: Ностальгия, как сказал бы старик Заратустра, — это когда ты оглядываешься, и в глазах твоих — полная чужь. *(переворачивает страницу книги)*

УНДИНА: Не думаю. Неважно, что там говорит какой-то восточный философ...

ДЕБОРИ: Ундина, Ницше — немец, а не яп...

УНДИНА: ...что говорит какой-то фашистский философ. Я думаю, ты можешь... всегда быть *вместе* с теми или иными людьми, где бы вы двое ни находились. Как тогда, когда мы говорили об этом той, первой ночью. Есть только ты и то, что ты воспринималась в данный момент. Я хочу сказать, что если есть только ты — или я, или кто другой, — и образы, которые возникают у тебя в голове... тогда ты — и я, и кто другой, — мы все одно и то же, ясное дело. Поэтому... сказать, что ностальгия — это чужь — чужь само по себе. Теперь я вижу, почему Хулихен всегда называет тебя "психоделическим фашистом". Разве мы можем позволить себе выносить суждения о каких-либо сентиментальных чувствах другого человека?

ДЕБОРИ: Ты не можешь... если рассматриваешь сущее как последний уровень, которого может достичь человек. Но если человек не вышел на последнюю стадию сознания — если он превращается в Ubergensch'a, — тогда разграничение необходимо. Мы закидываемся дурью — зачем? Чтоб взлететь, верно? Само существование психоделиков подразумевает, что есть различные уровни сознания, и что к некоторым из них

нужно стремиться, а некоторых — вроде ностальгии, то есть просто потакания своим слабостям в пестрой обертке... ты же это понимаешь, Ундина, — нужно избегать. УНДИНА: Что такое “юберменш”?

ДЕБОРИ: То, чем пытаются стать Друзья Животных и похожие группы: супермен. На протяжении всего трипа мы — начинающие сверхчеловеки.

Полковник Вайнштейн издает долгий и задушевный пук, сдувает облако мук с лепешки в паху и вынуждает попуга с ворчаньем ретифироваться на дальний конец гипса...

МИКИ: Молодчина, полковник... я знал, что настоящий начинающий сверхчеловек не сдастся гадам без духовной борьбы. *(Мики откидывается назад и потягивает ром с колой)* Лады, теперь прикинем... если Макгиликадди уломает их поделить все напоровну — в конце-то концов, им же ничего не надо делать: выделите немного бабок, вложите чуть в аппаратуру — и спи себе отдыхай; это мы тут живем в триллере, не щадя своих нервных клеток, — если он убедит их согласиться на равную долю... которую они получат за то, что обеспечили тыловое подкрепление, в то время как полковник неистово несет тут службу на фронте... это выходит сотня шток, поделенная на тринадцать, то есть... грубо говоря, немного меньше десяти тысяч... ближе к семи с половиной тысячам на брата для всех и каждого... это уже чуть интереснее... *(завет, довольный полученными цифрами, и откидывается в кресле...)* Теперь... если Макгиликадди сможет найти крутого продосера, который хочет быстро заработать семь с половиной тыщ, почти не прикладывая усилий...

Внизу Бетси как раз возвращается с двумя облепленными песком мальчишками на буксире, когда перед домом тыкается в бордюр дымящийся “бьюик”. Из него выскакивает Хулиген с вытаращенными глазами и голой грудью и сразу начинает (или продолжает) говорить...

ХУЛИХЕН: Извини, Бетси, что мы задержались, но ты же знаешь Забоя: “Эй, Хулихен, давай завернем вон туда, отведаем устриц!” и “Эй, Хулихен, давай пропендюрим мимо школы и посмотрим, не играют ли цыпочки в травяной хоккей!” Они и играли, тьфу ты, *нет, нет*, Бетси, капризы Забоя много времени не отняли, просто, видишь ли, мы не смогли найти автобус нигде в тегсадо¹, на потеху пеонам дважды объехали его по часовой стрелке и один раз против, нами были опрошены *rapadeigia*², потом *totillag-ia*³, *bagmasia*⁴ и, для пущей верности, *policiagia*⁵ ... и везде мы собирали сведения про самагопе *bonita*, который...

МИКИ (*кричит с крыши*): Это в переводе “сладкая креветка”, Хулихен...

ХУЛИХЕН: ...про автобус гринго со сладкими креветками, который видели час-то, но много часов назад, еще до сестры... и мы решили, что они уже вернулись, прошмыгнув незамеченными в рое пыли и мух, и отправились в грошовую пивнуху промочить горло холодным “Сервантесом”, там у меня завязалась беседа с одним азиатом, который управляет местным заводом “бакарди” и говорит на великолетном “американо”, потому что женился на бывшей библиотекарше из Сан-Франциско — тоже азиатского розлива, — когда она сбежала сюда двенадцать лет назад из двадцатиднедного турне от Золотых Ворот до Акапулько.

ЗАБОЙ (*наконец выбываясь с другого бока машины, надутый и вздорный после долгого жаркого часа Хулихеновой безостановочной скоростной болтовни*): Они все в чертовой больнице.

1 Базар (*исп.*).

2 Пекарня (*исп.*).

3 Закусочная (*исп.*).

4 Аптека (*исп.*).

5 Полицейский участок (*исп.*).

БЕТСИ: В больнице?! Была авария? Шерри...

ХУЛИХЕН: Все в порядке, Бетси. Никакой аварии — ты разве не знаешь, что в Мексике аварии вне закона? — и никаких проблем. Но, как я уже ска- зал, я беседовал с нашим маленьким желтокожим контрабандистом о жизни и ее загадках, и он упомянул — парни в баре когда надираются, входят в риплевское состояние “хошь-верь-хошь-нет”¹ и давай напе- регонки травить байки, — что сегодня в полдень наблюдал очень странное явление, когда вез в больницу партию медицинского спир- та, у него контракт на одну поставку раз в две недели...

БЕТСИ: Но что произошло? Кто-то заболел?..

ХУЛИХЕН: “Да ну? — сказал я. — И что же ты видел?”

ДЕБОРИ (*мокрый, стоит в шортах у края крыши*): Забой, что происходит?

ХУЛИХЕН: “Я видел раскрашенный автобус!” — сказал он.

ЗАБОЙ: Это Бегема...

ДЕБОРИ: Бегема?!?

ХУЛИХЕН: “Раскрашенный автобус? — спросил я, не забывая о своих обя- занностях. — А что в нем такого особенного?”

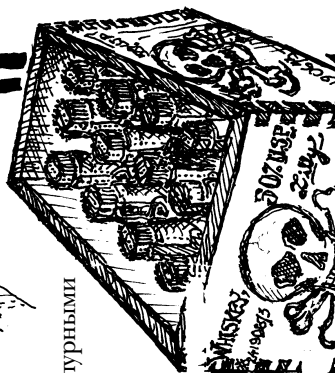
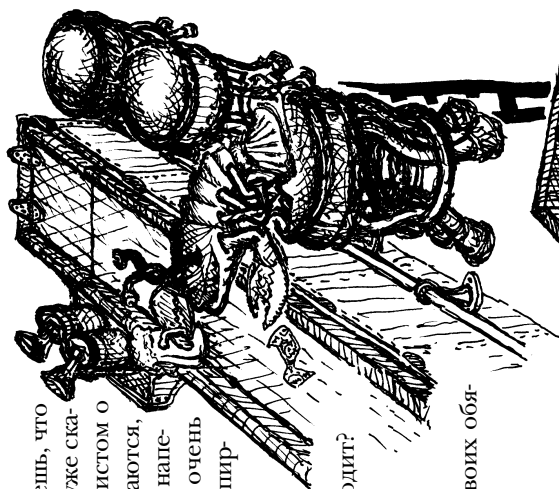
ДЕБОРИ: Забой?!?

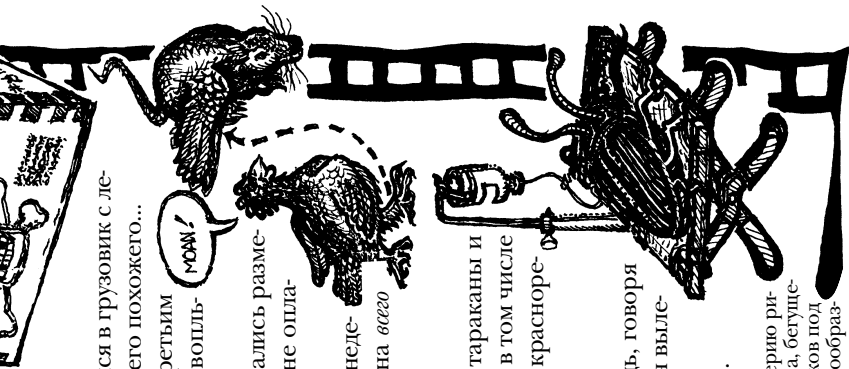
ЗАБОЙ: У Бегемы начались схватки.

ХУЛИХЕН: А он ответил: “Из него вылезла беременная великанша с пурпурными волосами, и из ее лона посыпались косточки...”

ЗАБОЙ: С ней все в порядке... Это были куриные косточки.

ХУЛИХЕН: Не теряя времени — “Сервантес” был выпит лишь наполовину, и мы отдали еще по монете, чтобы взять бутылки с собой, — мы слюмя голову газанули к больнице, думая о том же, о чем ты думаешь, Бетси, —

что этот юный мажор Рекс с его страстью к гоночным машинам врезался в грузовик с пешками, — но оказалось, что ничего трагического не произошло, ничего похожего...

ЗАБОЙ: Это случилось в “Поло-Паласе”, Бегема не успела покончить с третьим жареным цыпленком, как приключились, как назвал их Клод, “роды с воплями, слезами и цыплячьими костями”, и они отвезли ее в больницу.

ХУЛИХЕН: В самый что ни на есть крысятник ее положили, Дьяв... отказались размещать где бы то ни было, кроме благотворительной палаты, пока мы не оплатим наличкой счета за Мики и полковника.

УНДИНА: Она уверена, что на этот раз все по-настоящему? На прошлой неделе... схватки в полночь... мы до половины второго убеждали ее, что она *всего лишь* икает.

ДЕБОРИ: Благотворительная палата?

ХУЛИХЕН: Брезентовые койки, беременные пеонки, хрестоматийные тараканы и прочее в этом роде... возможно, от всего этого или, по меньшей мере, в том числе от всего этого Бегема начала выражаться пуще прежнего, громко, но красноречиво, и я ее понимаю... ух как красноречиво!

БЕТСИ: Девлин, ты бы лучше вытерся и спустился...

ХУЛИХЕН: В этом и состоит наша цель. Приказано доставить тебя, Вождь, говоря ее словами, “блядь — быстро и без расприздания до того, как из меня вылезет чертова хрень!”

ДЕБОРИ: Со счетом у нас ничего не выйдет... Держу пари, она вся кипит...

- 1 Роберт Лерой Рипли (1893–1949) — американский карикатурист. В 1918 г. создал серию рисунков с изображением необычных рекордсменов “Хотите верить, хотите нет”: бегущего задом наперед, прыгнувшего в длину на льду и т.д. В 1928 г. издал альбом своих рисунков под тем же названием. На Чикагской выставке 1933 г. представил свою “кунсткамеру” несообразностей; эта экспозиция неоднократно показывалась в разных городах страны.

ХУЛИХЕН: Дымится... что, кстати, напоминает о нашем старом бедном лы-
ривом "бьюике".

*Дебори бросается к лестнице и пропадает из виду. Хулихен с хлопком открывает капот и
пытается ухватить дымящуюся крышку радиатора. Калеб, вытаращив глаза, падает в обморок.*

КАЛЕБ: Что за чертова хрень вылезет из Бегемы, Квистон?

КВИСТОН: Ну, знаешь... младенец.

КАЛЕБ: Ой. (замечает, что Бетси расстроилась) Квистон, пошли налогов еще
крабов!

*Дебори второпях выскакивает на улицу, застегивая ремень, и почти успеваает запрыгнуть в
машину на место рядом с Хулихеном, но далекий шум его останавливает. Перепаника... усиливается...
мужчина и женщина матерят друг друга по-английски. Дебори глядит на дорогу к городу, на кото-
рую выворачивает автобус; на крыше Бегема орет в мегафон на Клода, а Клод через бортовой микро-
фон саркастически ей отвечает. Автобус останавливается позади "бьюика", Клод вылезает
го, усмехаясь.*

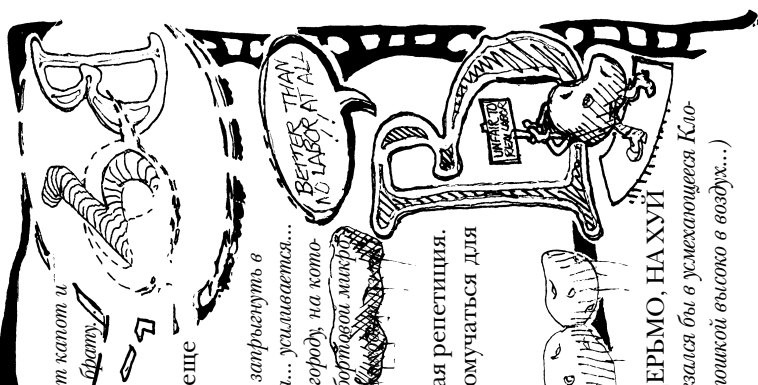
КЛОД: Нет причин для волнения, Друзья Животных. Это была генеральная репетиция.
Наша Большая Пчелка решила, что хорошо бы сначала немножко помучаться для
тренировки, а потом уже переходить к делу.

БЕГЕМА (стоит на крыше автобуса с красным лицом и глазами, полными слез
гнева и разочарования... кричит в микрофон изо всех сил): ПО-
ШЕЛ НА ХУЙ, КЛОД, ЕХИДНЫЙ СУКИН СЫН!

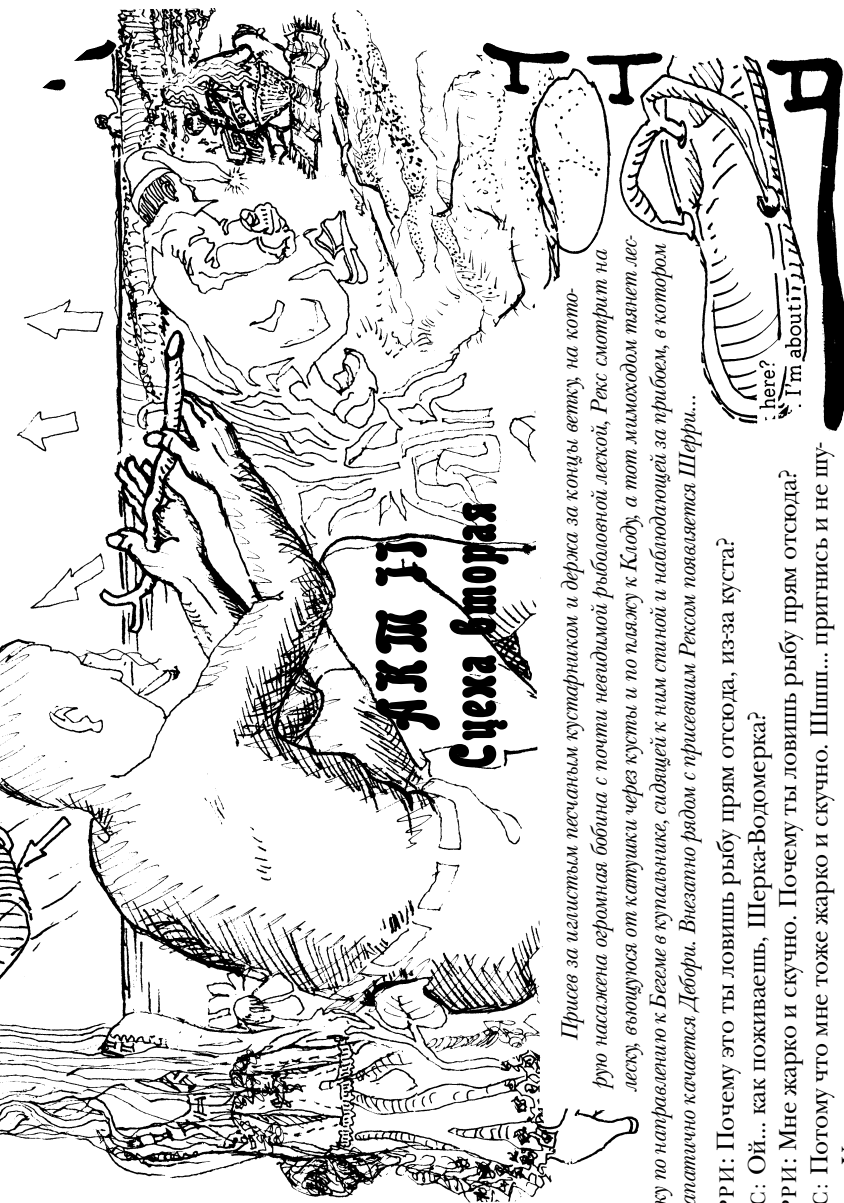
ЛОЖНЫЕ СХВАТКИ – ТОЧНО ТАКИЕ ЖЕ, КАК

НАСТОЯЩИЕ... ТАК ЧТО ИДИ НА ХУЙ, ТУПОЕ НАСМЕШЛИВОЕ ДЕРЬМО, НА ХУЙ

НА ХУЙ НА ХУЙ!.. (швыряет в него микрофон, который, если бы не штур, врезался бы в усмехающегося Кло-
дово лицо; Ундина кричит: "Осторожнее!" – и подбрасывает кастролоу с картошкой высоко в воздух...)

Снеха вторая

Присев за изгистым пестчаным кустарником и держа за концы ветку, на которую насажена огромная бобина с почти невидимой рыболовной леской, Рекс смотрит на леску, выходящую от катушки через кусты и по пляжу к Клоду, а тот мимоходом тянет леску по направлению к Беге в купальнике, сидящей к ним спиной и наблюдающей за прибором, в котором апатично качается Дебери. Вызвано рядом с присевшим Рексом появляется Шерри...

ШЕРРИ: Почему это ты ловишь рыбу прям отсюда, из-за куста?

РЕКС: Ой... как позиваешь, Шерка-Водомерка?

ШЕРРИ: Мне жарко и скучно. Почему ты ловишь рыбу прям отсюда?

РЕКС: Потому что мне тоже жарко и скучно. Шшш... пригнись и не шуми. У меня почти клочет...

Клод добрался до шерстяного одеяла, на котором сидит Бегема, загорелая и со-
зревшая на солнце; тапик "Зарпанустры" покоится на ее выпирающем животе.
Он садится рядом, но она его игнорирует и продолжает наблюдать за Дебори...

КЛОД: И вот так он качается с самого утра. Что за безумие он замыслил на этот раз? (Беге-
ма продолжает его игнорировать, Клод протягивает руку и гладит ей спину, словно протря извиг-
нения) Прости, Большая Пчела, что я мчался как угорелый, когда вез тебя из больни-
цы. Временами я снова становлюсь грубой военной — несмотря на расширенное
вдоль и поперек сознание...

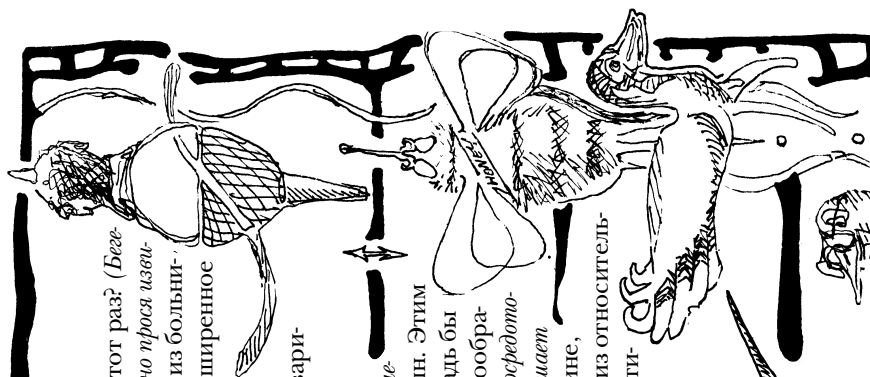
БЕГЕМА (смягчаясь, дарит его улыбкой): Все ништяк, Клод. Я подняла из-за ис-
пытательного прогона слишком большую бучу. Прости, что я тебе выговари-
вала и несла всякий вздор...

КЛОД: Должен сказать, ты выговаривала замечательный вздор.

БЕГЕМА (прикрыв глаза рукой, снова смотрит на голову и плечи Дебори, вздымающие-
ся и опадающие вместе с зеленой зыбью): Он работает над своей теорией волн. Этим
утром за завтраком он заварил и выпил столько травяного чая, что лошадь бы
в космос вынесло. Уже три часа он в отключке с закрытыми глазами... вообра-
зил себя водорослью или медузой — смотри; видишь: (в приборе Дебори с сосредото-
ченным и настороженным лицом — глаза закрыты, подбородок поднят — предвкушает
следующую волну; Бегема продолжает говорить) ...он остается на той же глубине,
замер на цыпочках, ни плывет, ни стоит... и как бы колеблется вверх и вниз относитель-
но пляжа на волнах... ровно там, где гасятся волны — но я ни разу не замети-
ла, чтобы он окунулся с головой! Смотри, смотри!

КЛОД: И я бы сказал, совершенно без толку.

БЕГЕМА: Да? Вот послушай: (открывает книгу на за-
кладке...) "Что такое обезьяна в отноше-

нии человека? Посмешище. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека..."¹

КЛОД: Бог ты мой, он даже подчеркивает отрывки.

БЕГЕМА: Смотри.

Рабь поднимает голову Дебори, опускает, оттягивает ее обратно к морю, когда масса воды устремляется к подошве следующей волны. Выражение лица Дебори не меняется, хотя вода шумит уже прямо над ним. Он не ныряет под воду. Вместо этого Дебори грациозно воспаряет над вспененной волной, не замочив волос...

КЛОД: Полный отпад. Очень восточно, как раз для старины Дебори. Нечто вроде самурайского трипа.

БЕГЕМА: Именно! Точно! Он говорит, что...

КЛОД: Ницше или Дебори?

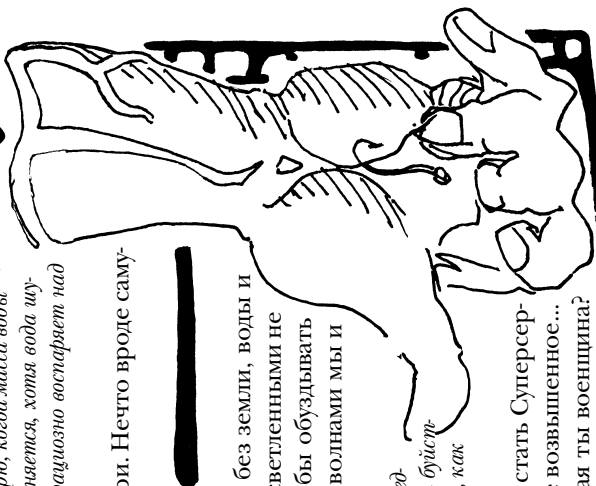
БЕГЕМА: Девлин... говорит, что человек не может стать Суперменом без земли, воды и прочего — без природных стихий! — и что мы становимся просветленными не выходя из мира, а входя в мир... настраиваясь на него так, чтобы обуздывать волны нашего существования и не быть отброшенными, ибо волнами мы и становимся. Ты посмотри на него, брат; ты бы так смог?

Еще одна волна заламывается почти у Дебори над головой, но в последнюю секунду его лицо спокойным поплаком вновь возникает над водным бушующим. На одежде Бегема, занятая пересказом Дебориных теорий, не замечает, как Клод перекладывает рыболовный крючок в ту руку, что к ней ближе...

Клод перекладывает рыболовный крючок в ту руку, что к ней ближе...

КЛОД: Ну... я вижу, что эти водяные процедуры помогают парню стать Суперсерфером, но, думаю, старик Ницше имел в виду нечто куда более возвышенное...

БЕГЕМА: Ты что, не можешь распознать базовую подготовку, тупая ты военщина?

1 Фридрих Ницше, "Так говорил Заратустра" (перевод Ю.М. Антоновского под редакцией К.А. Свасьяна).

Дев говорит, что волны бегут сквозь все, а самые наглядные волны — в море... и что, более-менее настроившись на эти волны, он сможет пойти дальше...

КЛОД: В смысле — заплыть за буйки?

БЕГЕМА: Прошлой ночью... послушай! Он велел мне завязать ему глаза и посветить на него в темноте... и угадал, что фонарик светит, по крайней мере восемь раз из десяти!

КЛОД: А куда ты ему светила, Пчелка? Может, одни части тела чувствительнее других...

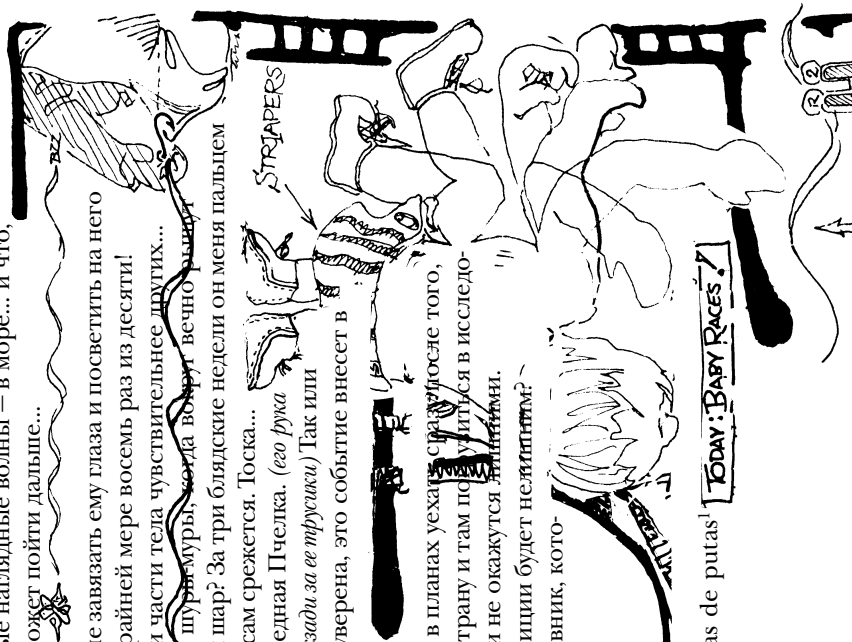
БЕГЕМА: На руки, козлища! Ты прикинь, какие тут шурш-мурр, когда вооруженно рыщут. Бетси с Ундиной, а меня раздуло как воздушный шар? За три блядские недели он меня пальцем не коснулся, боялся, что или я его срежу, или он сам срежется. Тоска...

КЛОД (*снова глядя ее стипу*): Со всех сторон засада! Бедная Пчелка. (*его рука опять падает на одеяло, на этот раз зацепив крючок сади за ее трусики*) Так или иначе, ты вскорости чпокнешь. Можешь быть уверена, это событие внесет в его эксперименты свежую струю.

БЕГЕМА: Не факт. Он роет очень глубоко. Говорит, что на очереди — волны электричества. У него в планах уехать сразу после того, как я чпокну, в какую-нибудь горную грозовую страну и там погрузиться в исследования, и будь я проклята, если женщины и дети не окажутся лишними.

КЛОД: Ух ты! Вот это новость. А что в этой экспедиции будет нелишним?

БЕГЕМА: Автобус. Наверное, Хулихен, а то и полковник, который желает, чтоб его увезли в гвадалахарский аэропорт и отправили в Штаты с пометкой "молния", и Мики Прозайк, которому нестерпимо прогреть в *casas de putas*! **TODAY: BABY RACES!** большого города.

КЛОД: Так-так-так. Вот это новость так новость... Хм-м. Прогуляю-ска я взад до крысиного гнездышка и расскажу Бланш об этих прорывах в науке.

БЕГЕМА: Как старушка Бланш бежится в Большой Дитячей Гонке?

КЛОД (поднимаясь и потягиваясь): Старушка Бланш приподнилась со стартом,

но выглядит так, будто идет сосок в сосок с тобой... хотя по числу испытательных намоток ты ее обогнал.

БЕГЕМА: Вали... и передай Бетси, чтобы родители детям поити купаться, если они хотят — я за ними присмотрю.

Клод не спеша возвращается к кустам, за которыми ждет Рекс с катушкой. Бегема подбирает смятую книжку и хмуро ее открывает. В воде Дебори качается и дрейфует, вздымая подбородок над волнами. Чайки и пена крутятся над головой Дебори, а он усиленно подымается и опускает, возвышается и опускается на воде...

Издали слышится Бегемин голос: "Эй, что за?.." Дебори не отвечает. Проходят секунды, потом в его забытых ~~вспомогательных~~ ^{вспомогательных} "Эй!" Моргая, он открывает глаза и разворачивается, чтобы взглянуть на пляж, где, округив глаза, сидит Бегема с рукой на животе...

ДЕБОРИ: Что случилось?

БЕГЕМА: Я что-то почувствовала... мне кажется.

ДЕБОРИ: Опять икота?

БЕГЕМА: Нет, черт подери... что-то покруче.

Что-то жуткое.

1 Борделях (исп.).

ДЕБОРИ (с неохотой еребя к берегу): Уже иду.

За кустами Рекс с Клодом и Шерри хихикают в ладоши. Рекс в одной руке держит катушку, в другой – без напряжения – леску, словно удающий с лодки рыболов...

ШЕРРИ: Дай мне еще раз...

РЕКС: Нельзя... слишком поздно.

КЛОД: Давай дергай, чего уж там...

Рекс тянет леску на себя. Резинка трусиков сидящей на одежде Бегемы отходит от ее тела. С коротким визгом она опять хватается за живот. К ней идет Дебори...

БЕГЕМА: Опять! Опять оно. Дай мне руку...

Дебори опускается на колени, Бегема берет его руку и прижимает ее к животу там, где кончались под пупком трусики. Она считает шепотом: "Тысяча семь, тысяча восемь, тысяча девять..."

За кустом Клод берет у Рекса леску... "Устрою-ка я ей хорошую предродовую встряску..." – и несколько раз отрывисто ее дергает. У одежды Дебори поднимаются брови...

БЕГЕМА: Это не икота...

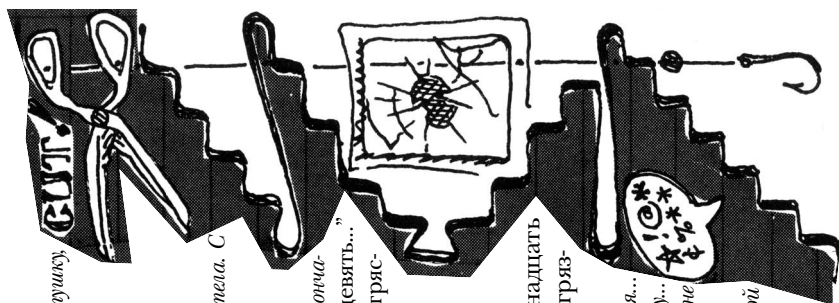
БЕГЕМА: Божья мать... только тринадцать секунд!

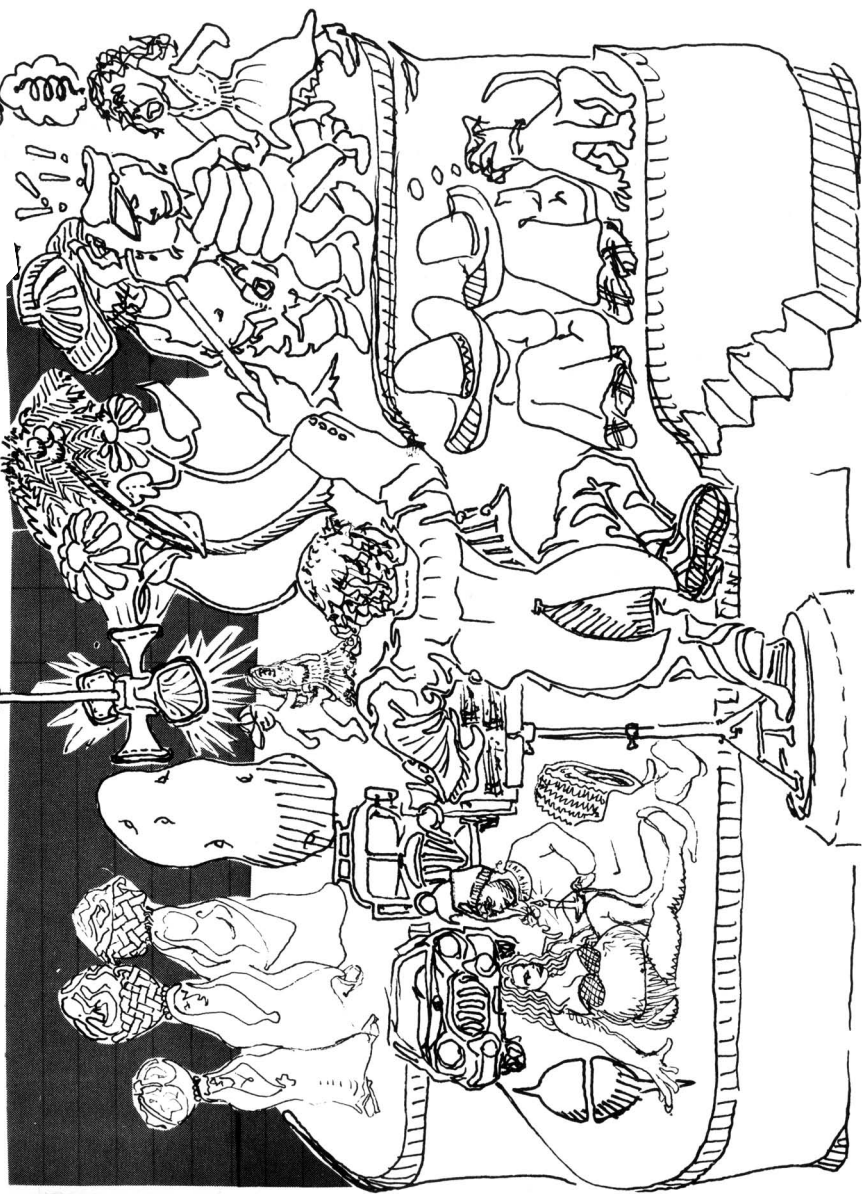
ДЕБОРИ: ...больше похоже на спазм живота.

БЕГЕМА: Ты что, не знаешь, что это значит, когда между схватками проходит тринадцать секунд, полудурок?! Это значит, что я могу выродить чертову хрень прямо на грязное одеяло. Пошли!

Она делает попытку резко встать и замирает на полути, резинка ее трусов отпагивается... а мы снова переклоачаемся на куст: изза порыва Бегемы леска зацепляется за шипастую ветку... "Режь! – говорит Клод. – Отрежь ее, мы ускользнем в дом, и она ничего не заметит". Но не успевают они перерезать леску, как Бегема, пытаясь шагнуть вперед, вдруг останавливается...

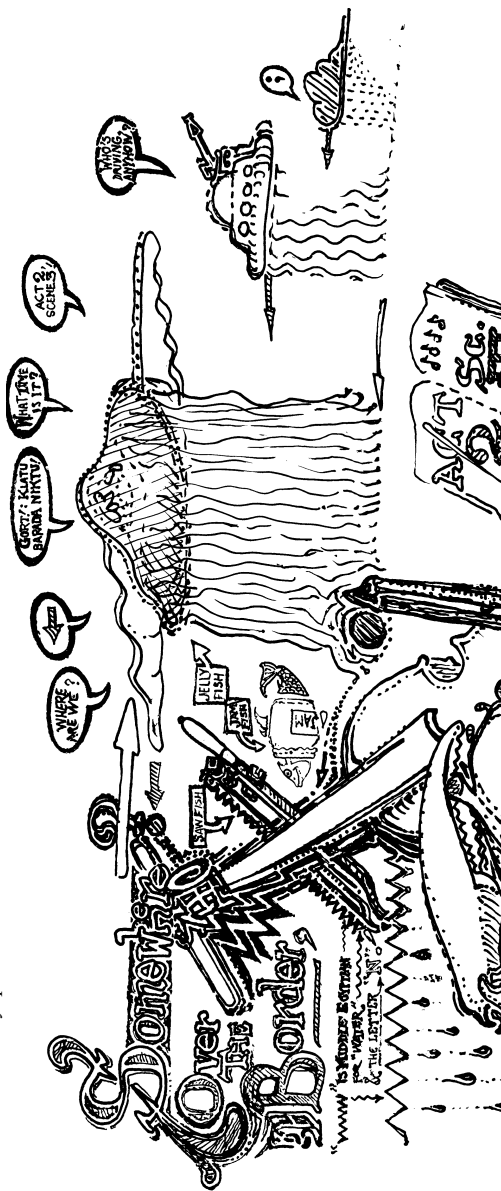
БЕГЕМА: Какого хера?.. Меня словно... (по лицу видно, что ее осекает, она берется рукой

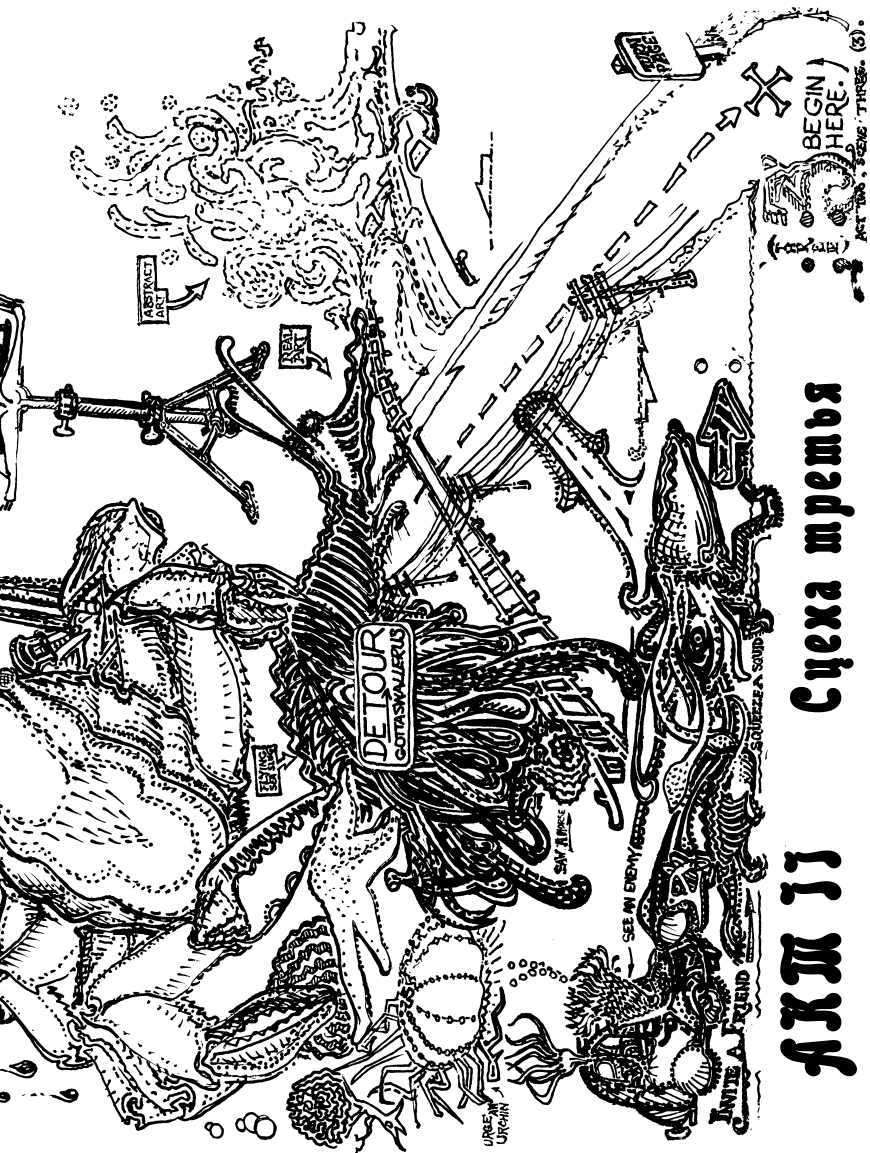

за резинку трусов сзади)...зацепили и... КЛОД! (обнабужив крючок, она видит, что леска тянется от одеяла до песчаного куста, а за ним бежит прочь к дому заходящегося смехом Клод, Рекс и Шерри) КЛОД, СКУДОУМ-НЫЙ ГОВНОЕД! (зачерпывает из песка горсть камней и бежит за ними) ЧЛЕН С УШАМИ... ТУПОРЫЛЫЙ КРЫСИНЫЙ ВПЕРДЫШ.. Я РАЗМАЖУ ПО СТЕНКЕ ТВОИ БЛЯДСКИЕ ДЕБИЛЬНЫЕ ПРИДУ-РОЧНЫЕ СРАНЫЕ МОЗГИ... (один камень попадает Рексу по пояснице; еще один проскакивает у Клода меж-ду ног и летит вдоль дороги в окно Бегимой комнаты...) Я РАСХЕРАЧУ ТЕБЕ ГНИЛУЮ ЧЕРЕПУШКУ... о черт, мое окно!.. СУКИНТЫСЫН ДОЛБЕБ РАСПИЗДЕНЬШ... (она бежит, матерится и швыряется камнями, а мексиканские женщины, несущие корзины с несжатыми водой и белым на головах, в изумлении обо-рачиваются на беременное диво...

Оставшийся на одежде Добрыи стоит с распрямленными руками ладонями вверх. Глаза его закрыты, лицо устремлено к суматохе; с восторгом дирижера он вслушивается в таинство особо интересных частей симфонии, что исполняется под его управлением...

АКМ II Суха мрмья

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Прервав тщательное изучение феномена полета и небесной яниности с тем, чтобы уделить внимание его иньской стороне — морю. Одна ночь в году дарит Пуэрто-Санкто уникальным биологическим феноменом... не имеющим большого научного значения, но примечательным, быть может, в свете коинцидентной хронологии символизма нашей драмы. Давайте его рассмотрим...

Полная луна, изливаясь на вечерний залив, обнаруживает чуток обывденных корабельных огней, подрагивающих на воде, привычную пару пеликанов, сонно покачивающихся на волнах за многоспокойным прибором, гребущих в поисках компании одиноких *icans* черепах, а также, именно *этой* ночью, тьмы и тьмы *ma-ices* *padding in* леньких сухопутных крабов, с остервенением роющих большие ямы вдоль горизонта высокой воды по всему пляжу, *p and down the beach* сколько хватает глаз. Из придорожной роши тьмы и тьмы этих же крабов с писком, и треском, и стуком ползут к пляжу, словно армия разболтанных роботов, отзвываясь на подаваемый одной *шке a* лишь ночью в году сигнал выбраться из штабелей кокосовых скорлупок, из мусорных куч, из консервных прибрежиц и — единственно в эту ночь — последовать за жаркой луной на запад, в икрометные пески, где каждому положено вырыть трехфуттовую яму и оставить в ней семена армии года будущего... а потом поскрипеть устало и еще более разболтанно обратно, прошествовать боком в пальмовые рощи до зари, чтоб не раздавили тебя на гибельном и незацищенном раздолье проезжей части мчащиеся в город автомобили.

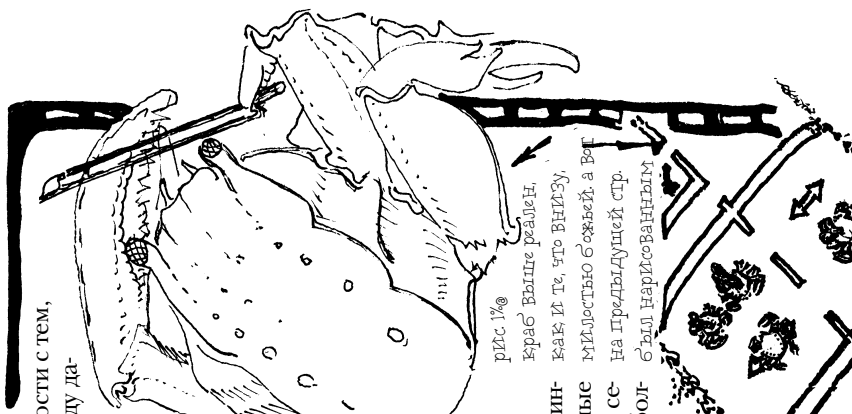
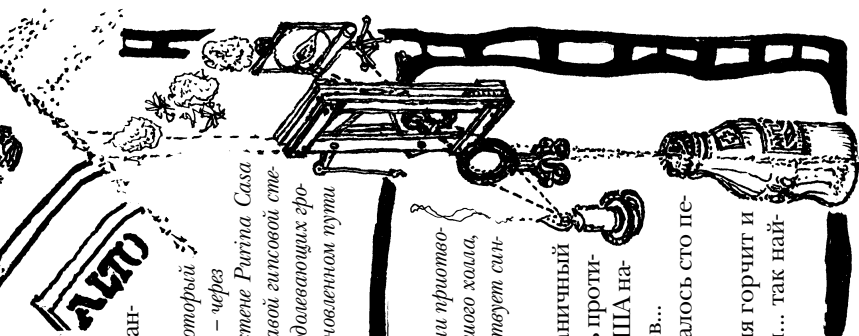

рис. 100
Краб! Выше краблен,
как и те, что внизу,
милостью божьей, а Бог
на предыдущей стр.
был нарисованным

Совершая механическую вылазку на пляж и обратно, мама-краб знает лишь два пути — прямо вперед и прямо назад. Таков курс, начертанный для нее природой, и следовать ему полагается без отклонений...

...пусть даже он бескомпромиссно ведет ее на вершущую знака *POR VENTE*¹, который легко можно обогнать, отступив на несколько дюймов влево или вправо, и дальше — через единственный песчаный куст, пятьдесят ярдов пустыни, вверх по восточной стене *Purina Casa Grande*, сквозь расщепленное окно, через подоконник и — осторожно — вниз по шершавой гипсовой стене на тусклый пол, где мама-краб вместе с десятками товарищей, клешней к клешне облетающих громадное цементное строение, что непредусмотрительно выстроили на их предостороженном пути на пляж, с треском и шипением ползет боком меж ножек спулывающих и пустых пивных бутылок к западной стене, к влекущей сквозняком окна луны, белой и низкой.

Пока крабья пересекает холл и мигает под стеновой дверью в спальню — все они приотворены в темноту, за исключением закрытой Бегеминой дверки на другом конце большого холла, под которой расстелена тонкая полоса желтого свечного света, — ее исходу сопутствует синкопированная fuga сновадения, что грезится обитателю каждой комнаты...

ДЕБОРИ: Я говорю приборой приборой СЛУШАЙ приборой приборой. Органичный напев скрытый сердитый узник уже оскорбленно худой... я говорю есть противодвие... таким обладает маленький городок Кока-Кола пустячный яд США научил меня... такой о котором узнал я из болтовни обчищенных скелетов...

БЕТСИ: Ветер несет тоску по дому, и нет ему занавесок, и у нас опять осталось сто песен на время, пока *кто-нибудь* не родит ребенка у океана...

ДЕБОРИ: Я говорю каторжная мечта о звездах нагой эмбрион свехпесня горчит и страшит ожиданье; но нельзя сделать больше пока не опознан ритм... так найдешь же я в землях терпенья.

1 На продажу (исп.).

БЕТСИ: Калек в этом фильме берет щенка за шкурку. Квистон говорит сквозь зубы: "Отдай мне этого щенка". "Нет, Квистон", — воет Калек. "Ты хочешь, чтоб я сломал твое мексиканское кресло?" "Нет, нет, неееет". Дети, я хочу, чтоб вы вздремнули. "Мы не хотим дремать". Дети, вы ложитесь сейчас же — нет, Калек, ты тут, а ты, Квистон, там, — или после обеда вы не пойдете на пляж. "Я не могу идти спать, — говорит Квистон, — я не знаю, как это делается!" Иди спать или никакого пляжа. "Я не пойду спать, — заявляет он. — Кровать полковника Вайнштейна очень противная и вся в бутрах; меня ломает!" После длинной паузы: "Мама, меня ломает!" И опять пауза. "Мама, я сломался!"

*Крадясь мимо фотографичителя, беременная крабья добирается до со-
брания пивных бутылок у порога комнаты, где Мики Прозайк, полковник,
Хулиген, Рекс и Забой, раскинув руки и ноги, сладко спят...*

МИКИ: Почему бы и нет? Живи светло, иначе говоря, гляди на солнечную сторону, даже когда солнце — просто дымящаяся рвань, в которой полно скорпионов, что облепили половину меня, словно я мумия, от пальцев ноги до промежуности... ибо дело сути в другой стороне солнечной стороны в том, что мы с полковником скорее пойдем ко дну, выйдем вон и взлетим, чем пойдем ко дну, выйдем вон и опять пойдем ко дну...

ПОЛКОВНИК: Сверхшлюсь! У Вайнштейна нет больше сил! О, мамочка, дорогая мама-маца, пришли мне немного денег на билет на самолет из Гвадалахары немедленно, иначе будет блядски поздно, иначе твоему сыночку придется

ехать тысячу миль, униженно корчась от боли на сиденье блядского за-
саленного автобуса...

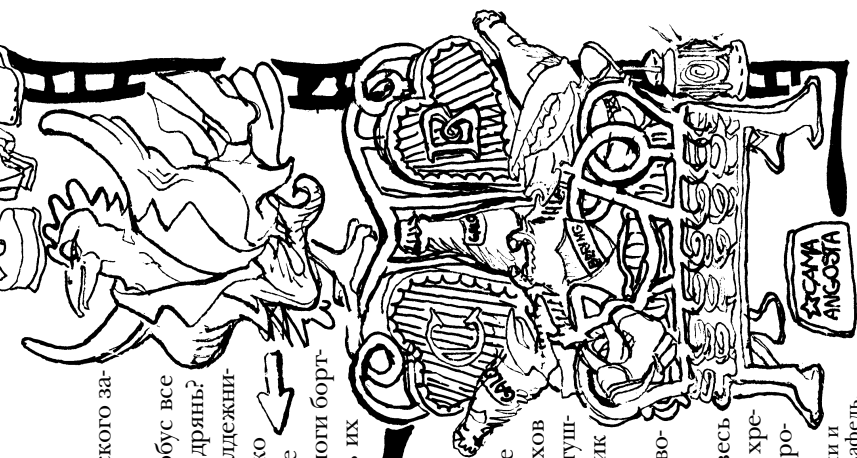
ХУЛИХЕН: Ребят, чего скажете, ежли мы загрузим в старый автобус все
свои вещички — школьные табели, шутовщины, хреновины и дрянь?
Гляньте кругом; да-да, соберем все, чтоб самый ширанутый из балдежни-
ков только взглянув прям тут же закодобрился (его ж частенько
долбаёт, нет?) и тут по углеспуску извергаются на водительское
сиденье боксерские перчатки бутылки пива “бисквик”¹ бандерлоги борг-
ни и белиберда наваливаясь быстрее чем я успеваю бросать их
взад... на мое водительское сиденье машинки магнитофо-
ны музикахеры и мастера стена катятся по спуску: “Ты
проверил тормоза, егоза?” “Торможу вконец, отец...” Загрузим-
ся же и помчимся с ветерком.

ЗАБОЙ: “Ёб-ёб-ёб”, — кудахчет Ёльберри Кур, и труша в составе
пятнадцати убийственно красивых педоватых бойцовых петухов
отплевывает скабрзную цыпочью чечетку. “Выше лапки, петуш-
ки, — командует Ёльберри Кур, — мне нынче херово, и курятник
я терпеть не намерен!”

РЕКС: Мчатся с ветерком — они думают, этого достаточно. А пово-
ротные шкворни? А грязный карбюратор?

ХУЛИХЕН: Не надо грязи! Я говорю пусть все упало где лежит весь
день приманивая мух и волков но только вон отсюда со своими хре-
новинами и шутовщинами и фиговинами запрещається складиро-

1 “Бисквик” — мучная смесь с добавками молочного и яичного порошка, соли и
разрыхлителя; используется для приготовления печенья, блинов и оладий, вафель.

вать их в этом вот тут транспортном средстве *горами*, не говоря о моем водительском сиденье... я говорю вон!

РЕКС: Как будто для прочистки карбюратора всего-то и надо сказать волшебное слово: "Поехали!"

Крabiня выфырывается на свободу из зарослей пивных бутылок и торопится мимо чуланчика, где Клод дремотно жмется к Блани на узкой латунной кровати...

КЛОД: И вот, вновь оказавшись дома после бездомных мыканий, юные любовники провели еще одну ночь в попытках восстановить трением циркуляцию крови в этом зябком мире, пока пальцы их не заостенели и не стали кровоточить... синие бороды гибнут от чешотки, и Ромео с Джульеттой загибаются от передоза холодных вальтинок..

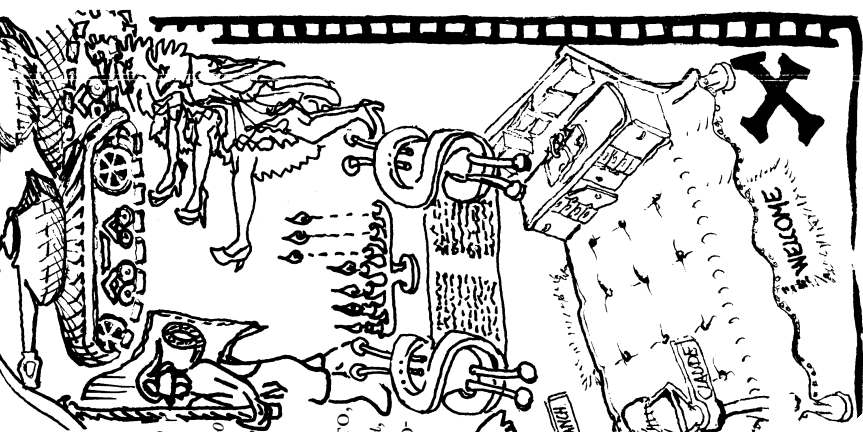
БЛАНШ: Жарко. Была бы кровать побольше. Большая комната с большой кроватью. Эта кровать слишком мала для двух увальней, для двух с половинной она еще меньше, а трех увальней она не вынесет вовсе!

КЛОД: ...пока тот, кем пренебрегли, галопом мчится в травяной Эдем, а Сонни и Шер¹ выравнивают развал, наши юные любовники чинят опрятное суденышко...

Мама-креб проносится под Ундиной, что качается в гамаке, натянутом от кухонной полки до водонагревателя...

УНДИНА: Мы все прыгаем туда-сюда, прямо как кошка на раскаленной крыше². Виновата ли я в том, что хочу чего мне хочется?

...и достигает наконец двери в комнату Бегемы. Крабinya замирает, заглядывает в освещенную щель, выставив глаза на стельбках. В свете салыной свечки, мерцающей с подсвечника на тумбочке, Бегема в верхней одежде (еплоть до куртки и шарфа) сидит на кровати, у ее ног стоит небольшая сумка; Бегема улыбается, глядя на секундную стрелку висающего на шее на длинной ленте будильника. Ее глаза закрываются, она морщится и делает резкий вдох, но улыбка, несмотря на боль, не исчезает. Когда схватка проходит, она открывает глаза и снова смотрит на часы...

БЕГЕМА: Семь минут семь секунд. Пора поднимать задницу и будить его, мисс Уродина. (отпускает будильник, висющий теперь словно медальон, берет сумку и встает, оглядывая комнату) Кажется, я взяла все необходимое: подгузники, одеяльца, ночную рубашку, одиннадцать косяков в упаковке "Котекса"³. Пора, фольклор Пчела...

С сумкой в одной руке и подсвечником в другой она идет к двери, ставит сумку на пол, открывает дверь, берет сумку и выходит в холл. Маленькая крабinya видит с пола занесенную Бегемину ногу, пятится и щелкает клешнями; в дийме-другом от нее подошва замирает...

1 Сонни и Шер (Сальваторе Боно и Шериллин Саркиян) — американский пог-дуг, распавшийся после развода пары (1975).

2 "Кошка на раскаленной крыше" (1955) — пьеса американского драматурга Теннесси Уильямса (Томаса Лангир, 1912—1983).

3 "Котекс" — компания-производитель гигиенических средств для женщин.

БЕГЕМА (восклицает шепотом): Божья мать! (подняв подсвечник, с восторгом озирает орды суетящихся кравов, усаживающих пол.) Вторжение!

Хихикая над зрелищем, она осмотрительно обходит потрескавшийся и потпскивающий поток кравов, направляясь к комнате Дебери. Фуга сновидения обваливается ее, многоликая и личная, в нее то и дело вливается внутренний голос самой Бегины, пока она бредет вверх по течению...

МИКИ: О, забудь, сказала она, и я сказал, почему бы и нет, и она снова ска- зала, забудь и все дела...

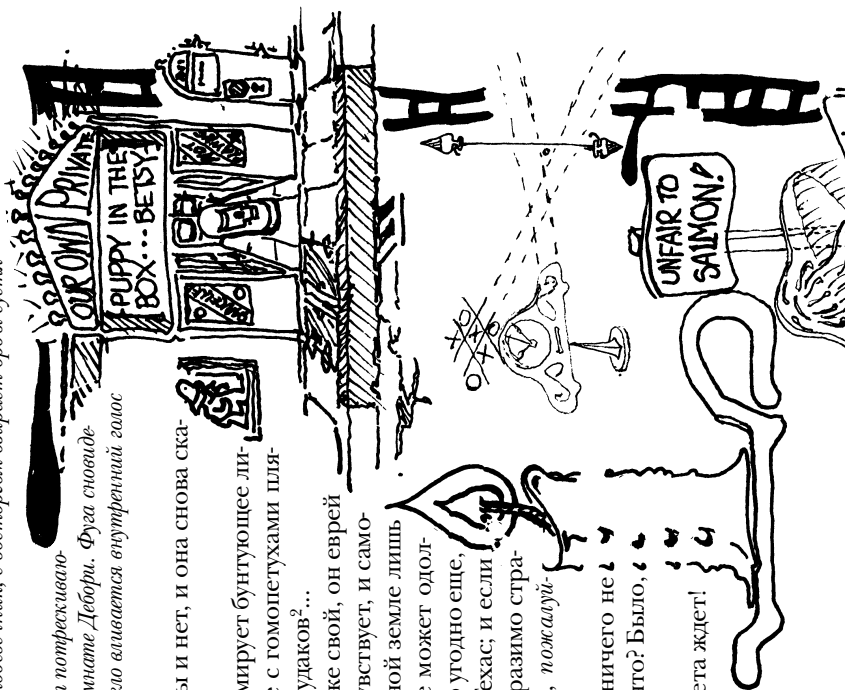
ЗАБОЙ: В это мгновение Ёльберри Кур трансформирует бунтующее ли- няющее "я" в Рока Хадсона¹ в парике и вместе с гомопетухами пля- шет индюшачий канкан в спортзале, полном Чудаков²...

ПОЛКОВНИК: Дорогая мама, хотя вице-консул тоже свой, он еврей и зовут его Эйб, совсем как папу, и он мне сочувствует, и само- му ему осталось пробыть на этой жестокосердной земле лишь пару унылых лет, но он говорит, что никак не может одол- жить своим, будь то американцы, евреи или кто угодно еще, деньги на автобусный билет до Ларедо, штат Техас; и если ты не желаешь, чтобы твой раненый сын невыразимо стра- дал в недельном автобусном перегоне, мама, *пожалуй- ста...*

УНДИНА: О, возня, возня, суетня и беготня; это ничего не значит, ничего не меняет, что было, то было... что? Было, да, да!

ХУЛИХЕН: Загружаемся и бай-бай, друганы... планета ждет!

РЕКС: Не "Пемексом" единым жив мотор. Он жив

потом, смекалкой и чистеньким карбюратором...

МИКИ: Забудь, и рыжая кошка барабанит хвостом по лапам, и сплошные "Воскресные *Времена*" вокруг, и в камине лишь несколько розовых огоньков мерцают из пепла... и я сказал, почему бы и НЕТ?

БЕГЕМА: Нет, это не вторжение. Это переселение, переход через...

БЛАНШ: Кровать побольше и чтоб на кухне никого, кроме меня. Веранда с фуксиями.

КЛОД: Галантный Тристан и верная Изольда... но что это за царь-пышка пристраивается между ними?

ДЕБОРИ: Сии тайны контрабандой переданы мне сквозь бурю напротив; се убедительный ключ, износившийся в путешествии сквозь тысячи безмозглых ушей.

БЕТСИ: После тихого часа мыльная опера продолжается: "Хочешь сняться в кино, Калеб?" Глаза Квистона такие умные такие юные такие какие и что? "В кино с актерами?" Глаза Калеба ясные и простые.

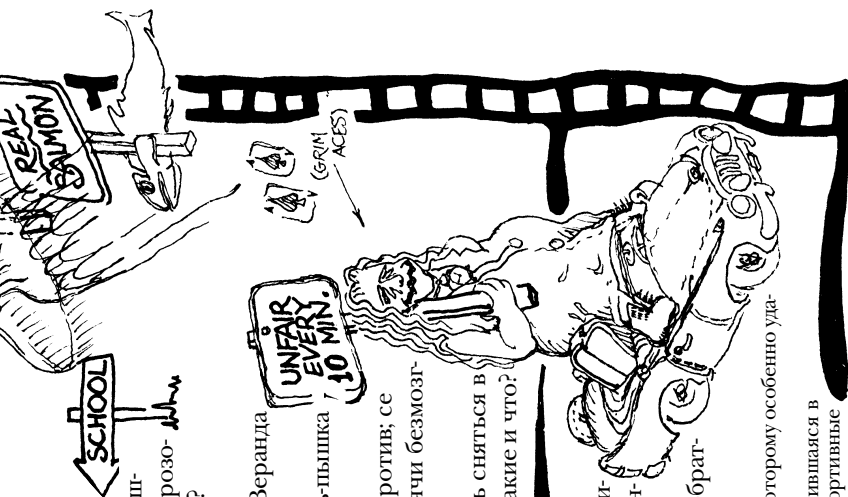
"Да, хочу". "Тогда положи щенка в эту коробку". "Я

хочу держать его на руках". "Тогда ты не будешь сниматься в кино, Калеб..." Этого кино не было бы, если б у нас был собственный кинотеатр...

БЕГЕМА: Все куда-то зачем-то переселяются... Интересно, они на обратном пути повторяют тот же трип?

1 Рок Хадсон (Рой Гарольд Шерер-мл., 1925–1985) — американский актер, которому особенно удавались роли "красавчиков".

2 Чудаки (Oddfellows) — тайная организация наподобие масонской, появившаяся в XVIII веке. Сейчас Чудаками называют себя также ряд других сообществ — спортивные команды и т.д.

Бегема добрела до двери Дворы. Она поднимает свечу, и луч света падает на его сонное лицо. С другого края подстилки спит ступней к Дворы Бетси. Несколько меновений Бегема молча смотрит на Дворы, и его голос из сна величественно затмевает все остальное:

ДЕБОРИ: Я говорю по-лобому низ-верх, черное-белое, день-ночь это все та же каменистая нетронутая почва рождающая урожай что нам не собирать... И все равно сидим мы тут в канаве при траве от голода ревом. И с каждым днем все ближе **АМВЕНО** жажда ност в каждом зубе; тик на так, так на так... Пригвождены мы просим подайныя богатые мы нашу юность разбираем о скалу и наши грезы о риф... друзья, сыграем в бзики-нолики...

БЕГЕМА (нежно зовёт): Дьяв? Дьяв, вставай...

ДЕБОРИ (*спит и морщится, но продолжает голосом из сна*): Гогочущий мыганием повинен, повяжем правду-мать вязальной спицей, и нас загнет грабержь среди бела шума: “Две грушки для нетрунутой сестрищы?”

БЕГЕМА: Псст! Вставай, недоумок...

ДЕБОРИ (открыв глаза, косится на свет). А? Что такое? Бегема?

ЕМА: Слушай, помнишь, мы все сорвались в Орегон и вышли ловить лосось на лодке твоего брательника, и проплыли через косяк медуз, цеплявших наши лески, и мы все подумали, что это клюет стая лососей?

ДЕБОРИ (сги и глядит на пол, на котором полно крабов): Что за хрень делается на полу? (Бетси рядом с ним начинается ворочаться)

БЕГЕМА: ...а потом я на *самом деле* подцепила лосося, и всем стало ясно, что настоящий лосось клюет так, как этим медузам и не снилось — по-мнишь? Ну вот, у меня по-настоящему клюет каждые десять минут за

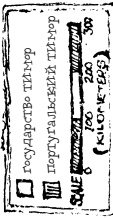

Mope

ИЗМОРА
KAMBING

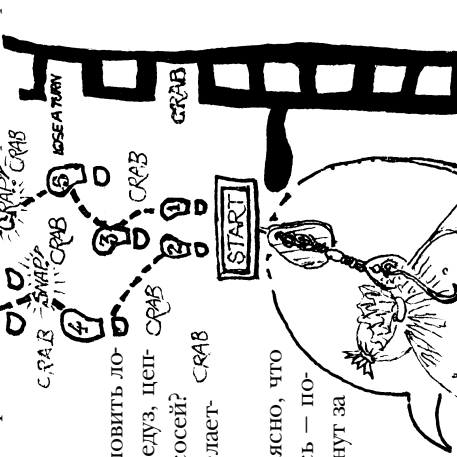
Легенда*

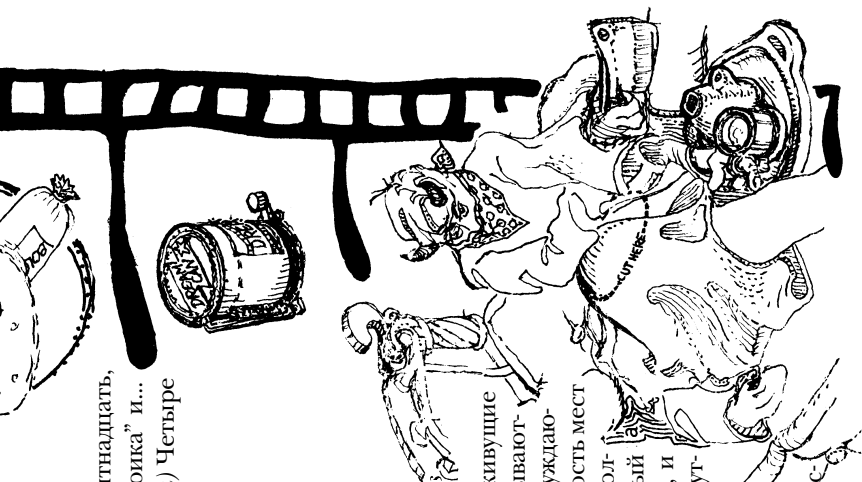

KOEPANG. — POLBANG.

HOSPITAL

да был в тиморе сикомор. И
был у него друг мукомор.*

последние полтора часа и каждые семь минут за последние пятнадцать, я упаковалась и собираюсь, если надо, сама сесть за руль “бьюика” и... бы! *(она морщится, потом с улыбкой глядит на будильник на груди)* Четыре минуты и пятьдесят одна секунда...

БЕТСИ: Что такое?

УНДИНА *(сквозь сон)*: Девлин?

БЕГЕМА: Ты идешь или нет?

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

И так же верно, что в эту единственную в году ночь рождается больше и зачинается меньше детей, чем в иные ночи, и что все происходит при полной луне и приливе столь низком, что рыбаки Пуэрто-Санкто, на любой другой заре бездумно живущие жатвой даров бесполого моря, на утро вослед этой ночи оказываются по неясной причине неспособными к зарботку — хотя возбуждающий запах наново оголившихся участков и хранивших интимность мест задевает мужчин за живое и заставляет дипломатично продолжать, пока они не убедятся в том, что какой бы отвратительный женский ритуал ни имел место в темноте, он уже завершился, и повернувшийся вспять прилив стыдливо одергивает свой распутный подол... *может быть*, поэтому местные прозывают эту ночь не La Noche de Sangrejo — Ночь Зеленого Краба, — но La Noche de la Viuda Verde — Ночь Зеленой Вдовы... которая берет людей измором... что могло объяснить и пугливый умонастрой нашего героя:

ДЕБОРИ: Вокруг меня все плодородит!

В "бьюшке" Дебори бешено вертит руль то в одну, то в другую сторону, в то время как Бегма надсадно указывает ему, как объехать кротов, что появляются на дороге в светлых передних фарах:

БЕГЕМА: Вон там! И вот еще, тупица, обезжай! Ух... сколько тут очумелых тварей!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ДЕБОРИ: [Бегма и Бланш пошли на пляж, чтобы искупнуться и не потерять форму, но всякий раз, когда они заходили в море хотя бы по пояс, волна подхватывала их и катила к берегу...]

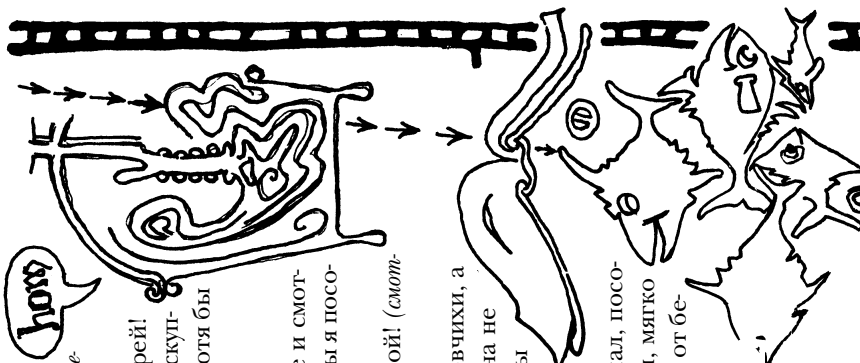
БЕГЕМА: Смотри! Целое стадо!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ДЕБОРИ: [Сои, Электроп, сидел со мной на пляже и смотрел, как море отчитывает девчонок. В конце концов он сказал мне, чтобы я посетовал девочкам оставить плавание, пока не родятся дети...]

БЕГЕМА: Черт тебя дери, Дебори, ты что, крабеньша объехать не мог... ай! ой! (смотрит на часы)...йоксель-моксель... опять начинается...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ДЕБОРИ: [А я сказал ему, что они обе отличные пловчихи, а он сказал, что это не поможет, что "рыбак говорит: морская вода — она не любит беременных". Я ответил ему, что это белиберда, а он сказал: "Ты думаешь, брат? Думаешь, женщины не ревнивы? Думаешь, море — она не женщина? Спустишься сам и увидишь, этот блядский сучий океан приласкает тебя так же, как вышвыривает бедных девчушек". Что я и сделал, посетовав Бланш и Пчелке взять перерыв; волны разве что не мурлыкали, мягко и покойно расступаясь передо мной, и я не заметил, как заплыл далеко от берега.]

БЕГЕМА: Две минуты сорок четыре секунды! Опомнись от сна и двигай, Дебо-

ри! Придется давить крабов без сожаления! Игг... ничего себе. Простите, крабы... но либо вы, либо я!

Дюжина юных и беременных мексиканок, индианок и азиаток шубечут, роаясь вокруг не-застегнутой кровати, на которой Бегема в поношенной и перелетанной болыничной робе ле-жит, потев, страдая и матерясь. "Подите все на ХЕР, суки, отойдите от меня, тут, еб вашу мать, нечем ДЫШАТЬ, поняли, por favor!?" О черт, как больно... о, о, О, ДОКТОР! Черт возьми, donde esta хренов MEDICO?!¹!" К кровати подходит заспанный мужчина в помя-том белом халате, он держит дымящийся керамический чайник и отхлебывает из оловян-ной чашки: "Safe, senopa?" "Я сеньорита, я вам уже говорила, НЕГ, мне не нужен ваш дерьмовый кофе... мне нужно ЗАКИНУТЬСЯ, мне нужны CODEINETA... уе-бок, убийца матерей, бездушный ублюдок... CODEINETA!" Девушки хихикают, док-тор прихлебывает кофе и возражает глумливо приятным голосом: "No es² необходимо, Senopa..." "МНЕ НУЖНО, черт вас всех возьми! ДЕБОРИ! Дебори, где ты? Ты меня в это втравил, ты и выгаскивай. ДЕБ-ОР-РИИИИ!"

Бегимины выкрики блявными шарами скачут по грязной палате к выходящимся при-открытым дверям...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ДЕБОРИ: [И разве не понимаю я чертовски хорошо, о чем толковал Электроял, когда говорил о ревности самок к своим беременным сест-рам? Разве не замечал я, как окрысились и Бетси с Ундиной и даже пятилетняя Шерри на Бегему и Бланш? Беспорочно требовали моего внимания... я поч-ти похерил исследования...]

Дебори сидит на скамейке в крохотном приемном покое и пытается сосредоточиться на не-скольких непрочитанных страницах "Заратустры". По гипсовым залам витает ор и мат. Рядом с

- 1 Пожалуйста (исп.).
- 2 Где... врач? (исп.)
- 3 Не есть (исп.).

Дебори сидит старый мексиканец, опершись на ручку погруженной в старое ржавое ведро швабры; он дремлет с открытым ртом, усы его подрагивают в такт свистящему хрипу. Каждый раз, когда Бегема, от рева которой дребезжат стекла, издает особенно удачный вопль, старик уважительно хрюкает, а Дебори дергается и моргает, но ни тот, ни другой не открываются от медитации...

БЕГЕМА: Дебори, увечная ты КО-

БЕЛИНА!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ДЕБО-

РИ: [Интересно, а что бу- ol' playboy Rex May is gonna hook

дет потом, когда благо-

словенное событие со-

вершится? Удалит ли

невинное волшебство always talking about how he'd like to o'

his ticket,

seen thinking things out. But why Rex

heard about?

you wish... no, it's the name, see? With Rex

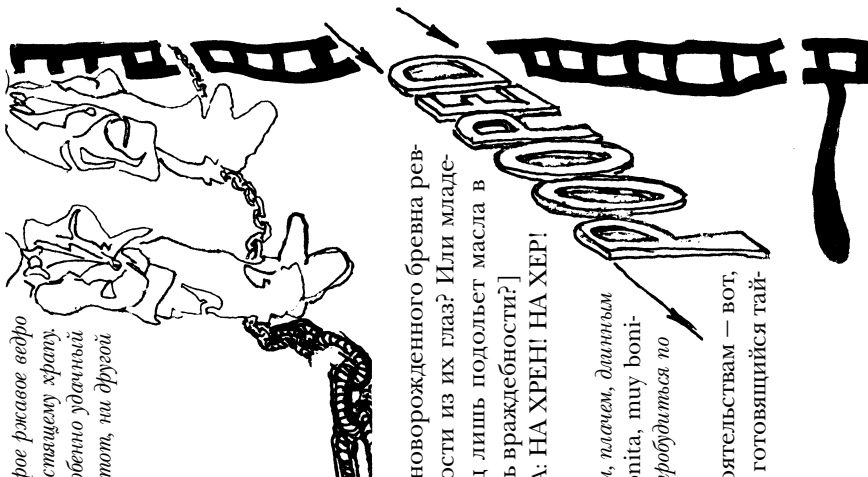
огонь враждебности?]

БЕГЕМА: НА ХРЕН! НА ХЕР!

НА ХУЙ!

Вой достигает пика, прерывается и через мгновение сменяется шепотом, плачем, длинным вздохом Бегемы и восклицаниями: "Ооо, pobracita, bambina... muy bonita, muy bonita...!" — что побуждают Дебори захлопнуть книгу, а старика немедленно пробудиться по звучному сигналу, взять швабру с бадью и попать в палату...

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ДЕБОРИ: [Обождать и действовать по обстоятельствам — вот, мне кажется, лучшая политика. Вся мужская братия вовлечена в готовящийся тай-

ный план по доставке полковника в гвадалахарский аэропорт. Может, я участвую, а может, нет. Фокус в том, чтобы... быть готовым к чему угодно.]

Из палаты доносится мягкий чавкающий звук, в следующий момент появляется старик, вперед которого несутся с ужасом тараканы. Старик с ведром в руке шаркает мимо Деборы. Тот бросает взгляд на кровавое содержимое ведерка и закрывает глаза во внезапно приступе тошноты. Бегема из палаты нежно зовет: "Эй, Вождь?" В проеме возникает врач, он вытирает руки и улыбается. Он зовет Дебору и пробуждает его от шока, испытанного при виде плаценты: "Senor? Su hermana le veta ahora..."²

Скалящие зубы девицы расступаются, Дебори опускается на колени у кровати и касается Бегеминной щеки. Бегема смотрит на него снизу вверх и улыбается. Ее глаза уже не мерцают безумием, но светятся сквозь слезы новообретенным спокойствием. Ребенок тычется носом ей в грудь.

БЕГЕМА: Я назову ее Кумкват³. Как ты думаешь? Доктор говорит, я должна быть замужем, официально расписана и все такое, тогда она получит гражданство, поэтому как только я выберусь из этого тараканника, сразу поеду в ратушу и выйду замуж.

ДЕБОРИ (после паузы): Ты имеешь в виду двоебрачие — или у тебя есть на примете другой жених?

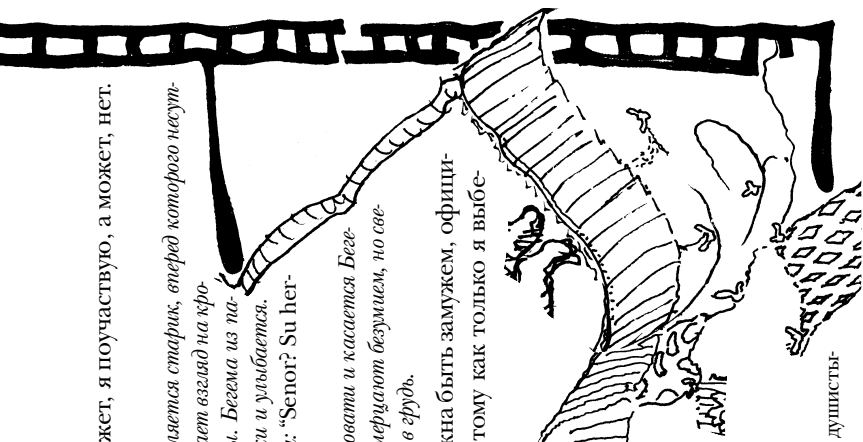
БЕГЕМА: Все должно быть по закону, Дьяв, понимаешь? Только так она станет законной гражданкой Мексики. Законные мексиканские граждане имеют право купить в Мексике земельный участок, даже дети. У нее будет своя земля, мы будем на ней жить...

ДЕБОРИ: Кажется, ты успела основательно все разузнать...

1 Бедняжка, девочка... очень красивая, очень красивая... (ист.)

2 Господи? Ваша сестра сейчас увидит... (ист.).

3 Кумкват (кинкан) — вечнозеленое цитрусовое дерево с красивыми листьями, душистыми белыми цветами и яркими сочными плодами.

БЕГЕМА: Если не я, то кто? Мы должны думать о будущем, брат; кто знает, суждено ли нам вернуться в Штаты?

ДЕБОРИ: Хм, дай подумать... на роль жениха подходят — Хулихен?.. полковник Вайнштейн?.. Мики Прозайк?..

БЕГЕМА: Мимо. Первый безумен, второй похотлив, третий легкомыслен. Я выйду замуж за Рекса Мая. Я все продумала...

ДЕБОРИ: С чего ты взяла, что старого плейбоя Рекса Мая может заарканить женщина с ребенком?

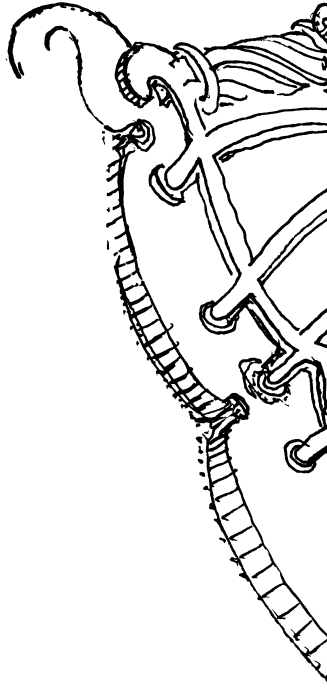
БЕГЕМА: Из-за земли. Рекс вечно твердит, что хорошо бы купить тут земельный участок. Крохотулька — это его шанс.

ДЕБОРИ: Ты и правда все продумала. Только почему Рекс? Ты им увлечена, а я об этом не знаю?

БЕГЕМА: А ты уже и рад... нет, все дело в имени. Понял? Если Рекс станет ей отцом, ее будут звать...

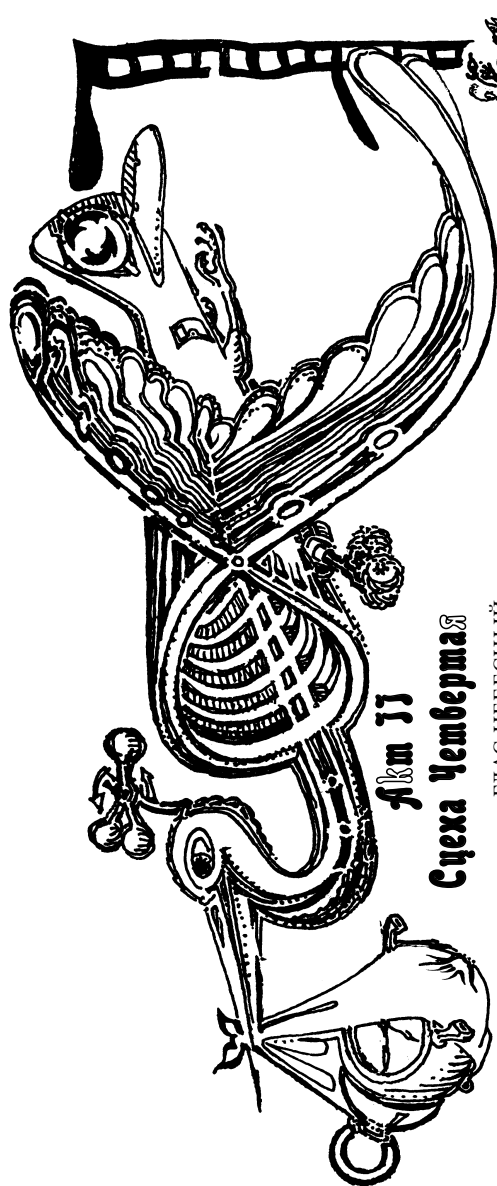
ДЕБОРИ: Э... Май? Кумкват...

БЕГЕМА: Именно. Слушай, стоняй бы ты за “кокой” или каким-нибудь питьем. А мы тут чуток отдохнем, Кумкват Май и я (*глядит малышку по светлым волосам, которые высыхают и распушаются*). Мы проворачивали этот фокус большую часть трудного года. Мы выдохлись.

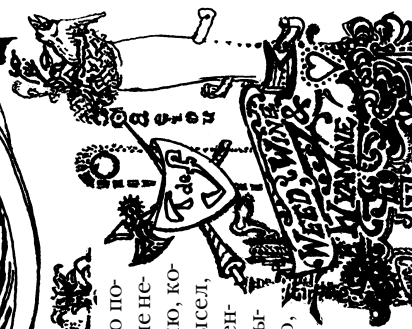

Акт II

Снеха Четберта

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Ныне замысел, о коем я долго умалчивал, судя по всему, грозитя в полной мере явить себя. Разве не было очевидно с самого начала, что у сего поучительного тур-де-фарса¹ есть некая мораль, иначе как оправдать вторжение не-подтвержденного неба в мое лице в эту по существу очень земную историю, которая ко мне никоим боком не относится? Обязан иметься общий замысел, свивающий абстракции и двусмысленности в тенета, что стоят денег, уплачен-ных за вход. И в чем же тут урок? Что я, собственно, проповедую, рассказы-вая о Небе и Воде? Победе и Безрассудстве? Полете и Рождении? Именно это,

терпеливые слушатели; я преподаю Теорию Полета и Рождения, Рождения и Полета, и сегодня мы уделим особое внимание двум основным видам топлива: Стимулянт и Депрессанты.

Мики Прозайк с переносным магнитофоном и блокнотом выходит из своей комнаты, садится на кухонную стойку и смотрит, как Клод моет чайные чашки...

МИКИ: Знаешь, Попутт... я никоим образом не антисемит, но за время выздоровления наш добрый полковник нажил себе скверную зависимость от творного.

КЛОД *(продолжая мыть чашки)*: Ехастamente².

МИКИ *(болтает ступней, почесывая большую ногу)*: Боюсь, он не поедет.

КЛОД: На свадьбу, в Гвадалахару к аэроплану — или в какие-то более далекие и духовные места?

МИКИ: Черт, я переживаю только за Гвадалахару. Если он не поднимется никуда и не навестит телегафо до снесения, он не сможет обманить чешу и мы никуда не поедем.

КЛОД: Если он есть, этот чек.

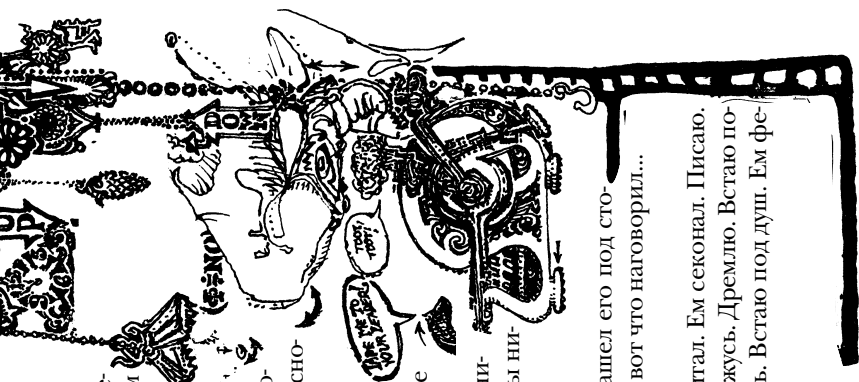
МИКИ: Ночью он собирался сделать и отредактировать запись. Утром я нашел его под столом в полном минимундусе. Вот что он написал... *(вручает Клоду письмо)* и вот что наговорил...

(тыкает кулаком в магнитофон... Клод читает и слушает):

ГОЛОС ПОЛКОВНИКА ВАЙНШТЕЙНА: Утром просыпаюсь. Ем фенобарбитал. Ем секнал. Писаю. Ложусь. Дремлю. Встаю позавтракать. Ем секнал, ем фенобарбитал. Ложусь. Дремлю. Встаю после обеда. Какаю, ем фенобарбитал и секнал. Ложусь. Встаю поужинать. Встаю под душ. Ем фенобарбитал, ем секнал. Ложусь.

1 От фр. tour de force — ловкая штука, сложное дело.

2 Точно (исп.).

Уважаемый мистер Прозайк!

Я работал с этой блдской машинкой (добавлю: в наиболее скрюченной из поз) до 5-25 утра, когда окончательно понял, что она настроена против меня. К черту.

У меня есть план, и я точно знаю, что хочу сделать, но все, что я пытаюсь сделать, делается получается выходит в точности наоборот. Возможно, если вы его прикончите или заразите ужасной болезнью, мы сможем поработать над восстановлением моего душевного Здоровья.

Искренне ваш,

полковник Ред Вайнштейн

Крепчайший Из Умов

Приложение А: некий до крайности тупой хуесос взял одну из двух моих (без видимой причины) пленок, которую я планировал перемотать в замечательную пленку в другой комнате, и вернул ее вместе другой пленкой.

Приложение Б: пленки, находящиеся сейчас в моем распоряжении, содержат интересные домашние записи, но, по моему, не имеют никакой коммерческой ценности.

Приложение В: я не записал ни одной пленки.

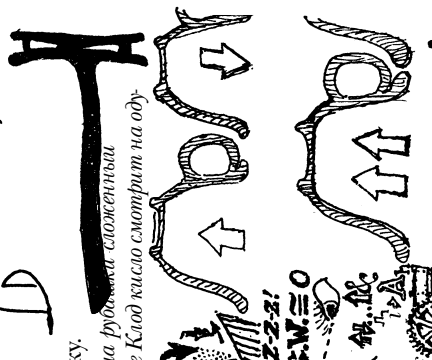
Приложение Г: я более чем стремлюсь, буквально горю желанием записать пленку, если меня избавят от дурных условий и если условия пожелают избавить меня от самих себя.

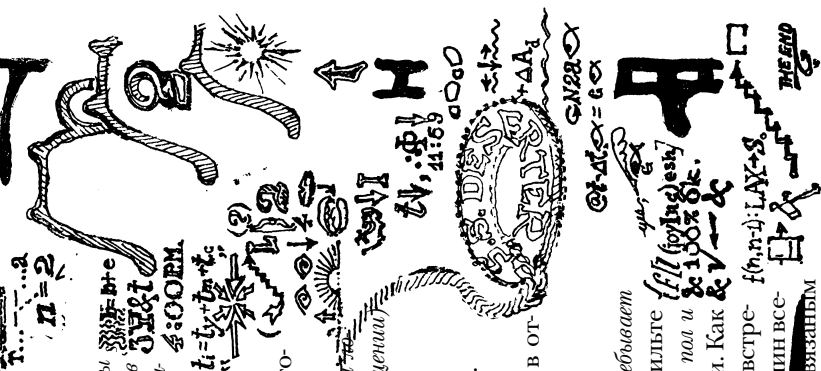
КЛОД: Вижу, о чем ты. (выключает магнитофон) Пойду провожаю старого вояку.

Как только он уходит, Мики Прозайк соскакивает со стойки, достает из кармана рубашки сложенный вдвое бумажный пакет и сыплет белый порошок в заваривающийся Кюдов чай. В статье Кюд кисло смотрит на одуревшую развалину бедного французского полковника, растянувшегося в грязном низшем белье от "Плюдов Ткацкого Станка" и равно загаженному гипсе. "Работать особенно не с чем", — замечает Кюд. Он обследует склянку с фенотарбами на полу рядом с полководческим незастеленным матрасом. Его брови взмывают и опускаются. Он берет склянку и идет в обиталище Хулихена. Порывшись немного в деревянном ящике с аккуратно уложенным Хулихеновским прикидом — шиферские перчатки, вторая пара итаианов цвета хаки, вторая белая футболка, красные ботинки, — Кюд находит

I take a se
I take a se
in the
I get
I don

ing. I take a
a nap. I ge
bed. I ta
a secon
arbital, I ta

в его Дуры-Пакете бутылочку с таблетками, похожими как две капли воды на фенюбарбитал полковника. "Метедрин", — читает Клод и быстро сыплет содержимое бутылочки в склянку. Он озабочен с перезаряженной скляной барбитуратов к матрицу полковника в тот момент, когда входит Мики, в его руках — дымящийся поднос: чашки, мед, чай... $t = t_0 + t_0 \cdot t_0$

МИКИ: Время пить чай, amigos. Проснись, Вайнштейн! Клод приготовил нам "прекрасный чай."

КЛОД: Да, полковник... смесь тысячелистника, мандрагоры и ромашки, которая, по заверению Ундины, заживляет покаленные кишки.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Ундины, исцелись сама. (с трудом отирается пальцем и ищет взглядом свое лекарство, молниеносно поворачивая голову в предостережении)

Утром я встаю. Отыскиваю рот. Ем фенюбарбитал и...

КЛОД: Выпей чашку чая.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: ...и выпиваю чашку чая, запивая фенюбарбитал.

КЛОД: Слушай, старик... Тебе бы поделаться гимнастику. Погулять на природе.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Все равно что прописать человеку, тонущему в открытом море, воздух пустыни.

МИКИ: Полковник, ты превращаешься в фетрофеттиш.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Г-фильте фиш¹, необрезанный невежда. (отхлебывает чай) Хорошо. Моя глотка задубела от ночных записей. Да, Прозайк, гефильте фиш, которой я скоро наслажусь во плоти, как раньше. (ставит чашку на пол и вновь укоряется в подушке) А ты, Попутт, разумеется, прав насчет гимнастики. Как & V -- &

только мое здоровье — какое уж есть — поправится, и прибедет чек, и папа встретит меня в аэропорту Лос-Анджеса и отвезет домой, и я выскребу дочиста мамин всемирно известный холодильник, и заберусь по лестнице в мою комнату с выжатым

1 Фаршированная рыба, блюдо еврейской кухни.

половником... обещаю сразу же, как скину ботинки, сделать три наклона вперед. *(закрывается головой в наволочку)* А в ничтожном промежутке я буду есть фенобарбитал, дремать — и не буду гулять на природе.

МИКИ *(наливая)*: Хочешь еще немного этого варева, а, Вайнштейн?

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Не думаю. Я уже писал утром и не хочу рисковать, чтобы не пришлось плестись туда лишний раз. Кроме того, я не желаю бодрствовать.

КЛОД: Всегда можно заглотить таблетку *(двумя)*.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: И то верно... но я лучше отойду на боковую.

МИКИ: Блин, Вайнштейн! Ты не хочешь посмотреть, как

Рекса с Бегемой будут кольцевать?

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Ни на вот столечко. Эта свадьба — не известная величина, и определять ее значение я не собираюсь.

МИКИ: И ты не хочешь сходить проверить, не пришел ли чек?

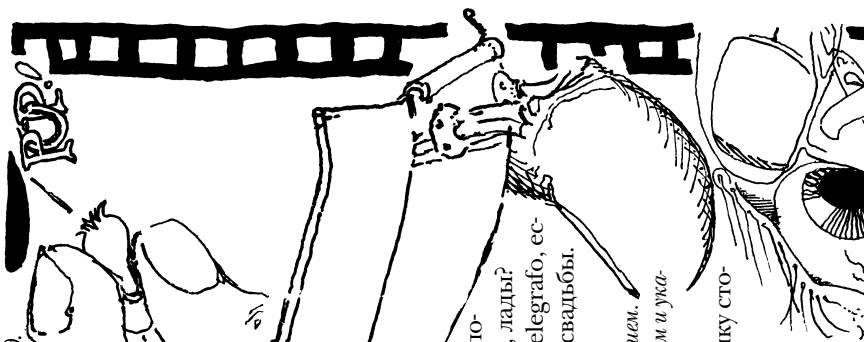
ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Вот что я тебе скажу, Прозайк... как только я покончу с моим скромным как бы Прекрасным Отдыхом, я об этом подумаю, ладь?

МИКИ: Вот что я скажу тебе, полковник... ради тебя я съезжу в город и навешу телегафо, если ты обещаешь поразмышлять еще одну чашку чая на предмет Бегеминой свадьбы. Там надо побывать, тебе не кажется? Из-за старушки Бегемы...

Безликий за наволочкой полковник отвечает сопением, фромким звуком и молчанием.

Мики с Клодом ждут. Клод облизывает ложку в меде. Мики берет за простыню большим и указательным пальцами и осторожно оголяет лицо полковника. Его глаза открыты...

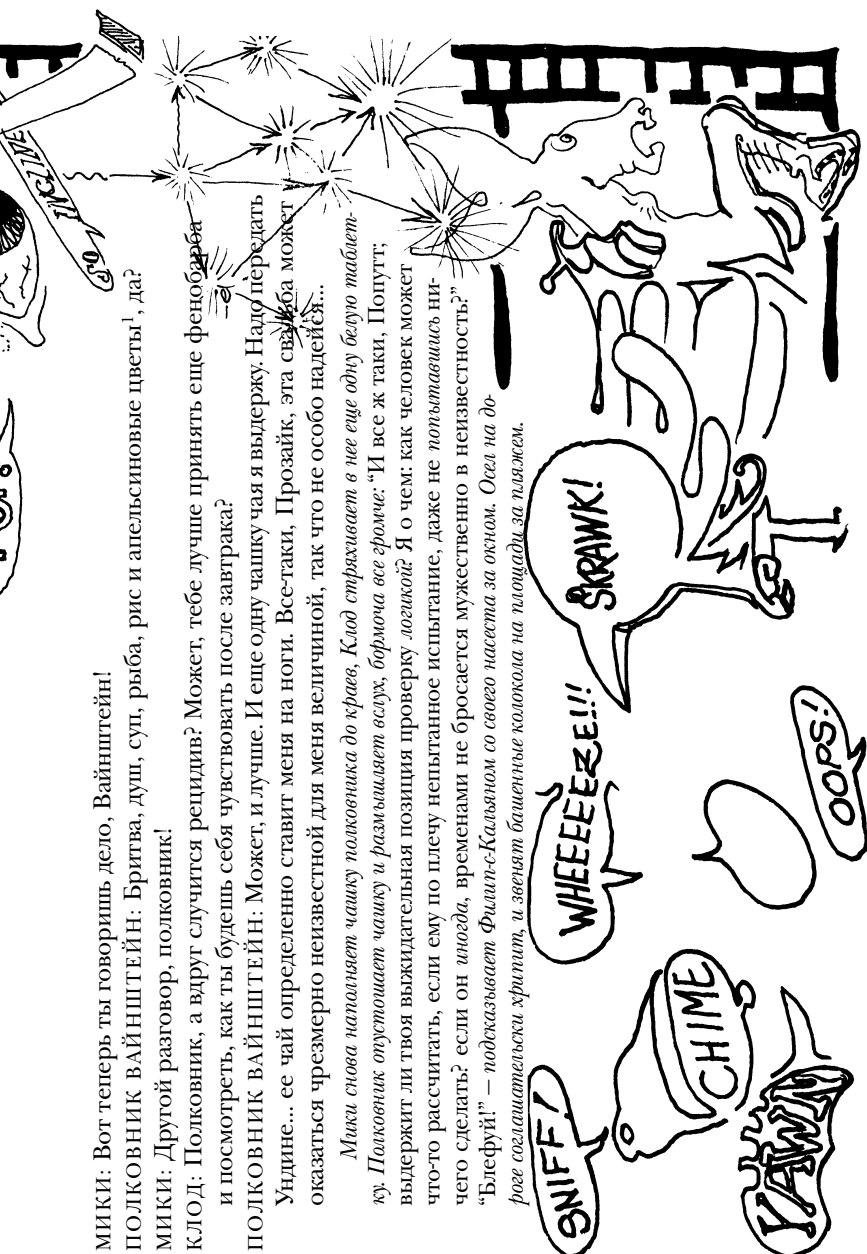
ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Так вы, пацаны, считаете, что старому полковнику стоит из дипломатических соображений появиться на бракосочетании?

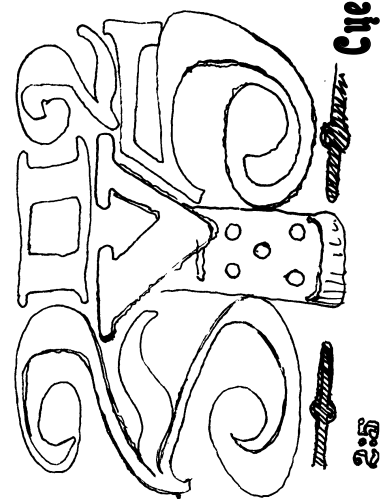

МИКИ: Вот теперь ты говоришь дело, Вайнштейн!
ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Бритва, душ, суп, рыба, рис и апельсиновые цветы¹, да?
МИКИ: Другой разговор, полковник!

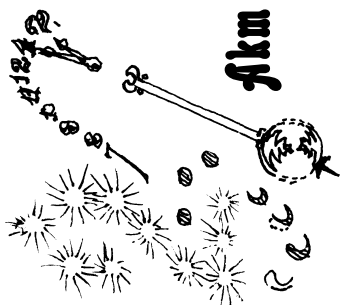
КЛОД: Полковник, а вдруг случится рецидив? Может, тебе лучше принять еще фенотерб-
и посмотреть, как ты будешь себя чувствовать после завтрака?
ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Может, и лучше. И еще одну чашку чая я выдержу. Надо передать
Ундине... ее чай определенно ставит меня на ноги. Все-таки, Прозайк, эта св-ба может
оказаться чрезмерно неизвестной для меня величиной, так что не особо надейся...

*Мики снова наполняет чашку полковника до краев, Клод стряхивает в нее еще одну белую таблет-
ку. Полковник опускает чашку и размышляет вслух, бормоча все громче: "И все ж таки, Попугт,
выдержит ли твоя выжидательная позиция проверку логикой? Я о чем: как человек может
что-то рассчитывать, если ему по плечу непытанное испытание, даже не попытавшись ни-
чего сделать? если он иногда, временами не бросается мужественно в неизвестность?"*
"Блефуй!" — подсказывает Филип-с-Кальяном со своего носаста за окном. Осел на до-
роге соглашается хрипит, и звенят башенные колокола на площади за пляжем.

Сеча пятая

В солнечном внутреннем двореке ратуши Друзья Животных топчутся в лучших своих нарядах. Полковник Вайнштейн красуется в свежестриженных конфератских мундире и накидке, его шея декорирована аккуратно выстриженным воротничком а-ля Ван Дах, повязка выкрашена белой краской. Восторженный и бодрый, он сидит в плетеном кресле и пьет "коку", оглашая праздничный воздух криками: "Кончайте с этим раз и навсегда и отправляйте автобус в Гвадилахаро!"

С черепичной крыши свисают клетки, полные цветастых птиц, все они возбужденно трапезничают о предстоящем действе. Громадные мясистые лепестки китайской розы свешиваются с деревьев, окружающих трескучий известняковый фонтан в центре дворика. На цементной плите под деревьями сидит в тени униформенная Бегема в старом залатанном платье с Крысиного Фестиваля, на волосах ее — белая вуаль, в руках — ребенок. По другую сторону фонтана Бетси пытается не пустить мальчишек в грязную лужу, что образовалась там, где фонтан перегибается через край.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Авант¹, бракосочетание! (ликующе стучит по кир-
пичу своей палкой) Подними вуаль! Опусти ресницы!

Двое сонных мужички завозят с улицы во двор мусорную тележку, ставят ее в ее стойло и садятся в тени близ чирикающих птиц ждать начала представления. Сквозь пролет, в который они зашли, виден многоцветный бок автобуса, который изучает полная босоногих детей обочина. Коротко показывается марширующий Рекс, весь в смазке, он несет неясный автобусный орган, ему в затылок дышит Хулихен, твердящий что-то через плечо Мики Прозайку, который растался со своей повязкой и ковыляет теперь рядом с Дебери. Все они исчезают из виду, двигаясь к заду автобуса, их преследует свора детей. Меловенция спуска все они в том же порядке маршируют через пролет во двор.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: В путь, Хулихен. Что с тобой? Тебе словно на-
срать на этот праздничный день. Ты ходишь будто переел депрес-
сантов...

Улыбаясь со своего тенистого места, Бегема аккуратно качает ребенка и взирает на все с королевским хладнокровием. Она замечает, что Бетси перестала гонять де-
тей и тоже смотрит на припаркованный автобус, на лице ее написано волнение...

БЕГЕМА: О чем задумалась, Бетсаруни²? Наш герой опять помчится по до-
роге — или останется дома с женами и семьями?

БЕТСИ (спряхивая задумчивость, смеется и пожимает плечами): Я бы не взялась
предсказать, в каком направлении... (возвращает Бегеме ухмылку и недобро, что для нее редкость,
спрашивает) Может, Ундина что-то предчувствует?

Бегема с востужением уходит. С другого конца двора — зубы надуты, ножка при-
топыливается, руки скрещены под свирепым вздутием забюзованных грудок, бедра жарко

1 Вперед (ит.).

2 Эмоционально-усилительный суффикс “-руни” (и его дериваты) бытует в
американском слэнге с начала XX века, но особенно популярен был в среде хипстеров и битников.

распластан по белой гипсовой стене, – Уидина повертывает голову, нацеляя точно на Беггини смех. Сме-
 рив гоголицких женщин у фонтана взглядом, в котором чашет осуждение, она отворачивается, пере-
 нив бедро, и глядит исподтишка через низкую стену сада на бугенвиллию, под которой ожидают реше-
 ния Дебори ее сверток и чемодан. Сквозь жалюзи за кустом она может заглянуть в Oficina Publica
 de Puerto Sencillo и – через окно на другой стороне улицы – увидеть открытый капот аэробуса, в
 который погрузились по пояс все, кроме Дебори. Тот бродит в отдалении, ни связывая себя с ре-
 монтам богослужением, ни разговя его. “Хмф!” – говорит Уидина и снова меняет бедро.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН (поет): Пла... менный вальс... после сва... дьбы с то-
 бой... (уместно подражая Эду Джолсон²) Если ве... рите, зна... чит пиздец... с го-
 ловой...

Один из уличных уборщиков парирует удар, достав из запяточного мешка транзистор-
 ное радио и включив погромче высокочастотного фонающего тараторящего мексиканского
 диско-жоска. Все птицы кантигулируют, прекращая клекотать, но полковник и ухом не ведет...

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН (все еще поет): Мягко сжимал я в объятых тебя... погом и
 нежностью весь исходя... кончил любовь я свою изливать... и мы погрузились в
 кровать. О, о... пламенный вальс...

Появляется кружащий Клод, за ним – маленькая Шерри. Пол-
 ковник Вайнштейн наступает на горло своей песне и три помощи пайки, кренясь,
 встает, и хромает навстречу.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Ах, сеньор Попутт... рад видеть, что вы наконец прига-
 щили сюда свою задницу. Как, скажите на милость, можно потратить два блядских
 часа на путешествие через пять дверей до телеграфа и обратно?

КЛОД: Очень просто, полковник... один час идешь туда, один час обратно. Чека твои
 предки так и так не прислали, вот я и не спешил. Однако...

ШЕРРИ (задормо кружится по дворику в топи и тафте): Нам надо было сходиться на тег-

собо, купить все для наряда невесты... *(роясь в своем фюзжике...)* У нас есть... пвенты! и... ленты! И эти штуковины, которые тянут, а они хлопают и стреляют бумажками!

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Ага... кутим. А это значит... если мне не прислали чек... мы получили некие незаконные доходы.

КЛОД *(вослед Шерри, подражая ей, выхватывает пачку чеков из своей сумки)*: От Александра Макгиликадди — гип-тип-ура!

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН *(кладет руку Клоду на плечо и — хотя ему, несомненно, приятно — глядит на него волком)*: Правильно ли я вас понял, сеньор:

вы заставили меня сидеть тут два часа в страданиях и сомнениях, а сами отправились оттягиваться, не допустив и блядской мысли, что надо бы меня успокоить? Сколько он прислал?

КЛОД: Пятьсот баксов. Шесть тысяч двести пятьдесят песо!

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Сэлах³. *(благодарно вздыхая очи горе)* Боже отцов моих, прости меня за всю хулу, что изблевал я на благородного шотландца. Пусть же Макгиликадди повсюду процветают и размножаются.

БЕГЕМА: У очага и дома все меньше шансов, Бетс.

БЕТСИ: Мы еще не знаем, что с автобусом. Когда мы катились в нем утром, он шел так, будто уже не жилец...

Скрючившись под автобусным капотом в смазочной готовности к некой ремонтной работе, Рекс зовет Хулихена, засевшего в кабине за щитком приборо-

1 Муниципалитет Пуэрто-Санкто *(исп.)*.

2 Эл Джонсон (Аса Йозельсон, 1886–1950) — американский певец и эстрадный артист. Пародируется его «Юбилейная песня», написанная в 1946 г. с композитором Солом Чаплиным.

3 Сэлах *(ивр.)* — встречающееся в текстах псалмов слово, означающее «остановка», «отдых», «пауза».

“Так, лады. Хулихен... будь готов и врубай его, как я только прочищу ВЫРУ-БАЙ ВЫРУБАЙ ВЫРУБАЙ!” Собравшиеся вокруг дети радостно гадят. Завидев курящегося Рекса, что заходит слева и трясет пораженной током ружьей, Хулихен навдвигает шляпу себе на лицо...

РЕКС: Проклятье! Хулихен! Я сказал подождать, пока я не скажу “врубай”, как ты и сказал...

ХУЛИХЕН: Я только выполнял приказы, сэр, врубил, когда сказали “врубай”, потом... конечно, недоразумение... моя вина...

РЕКС: Лады, черт с тобой!

Когда Рекс, курясь, уходит, Хулихен по секрету сообщает детям еромским шепотом: “Номбре¹ нервничает по понятной причине, апигос, у него сегодня свадьба и вообще...” Вернувшись на место соломенную шляпу, он сощуривает глаза, припоминая нечто давнее, но приятное: “...кстати вспомнится, как при моей первой... или это была уже четвертая?.. обе ружейные, понимаете ли, и часто путаются у меня в...”

РЕКС: Лады, Хулихен... (кричит из-под половицы) Врубай немедленно!

Скережеец стартер, двигатель пыхтит, брызгает, — и с лязгом пробуждается к жизни. Босоногая галерка орет от восторга. Хулихен обращает лязг в рокот, триумфально сцепляет руки на голове и широко улыбается своим аплодирующим поклонникам... Колокола на башне ратуши возвещают наступление нового часа, принуждая тушу голубей и чаж восторжнуть с черепичной крыши. Сiesta завершенна. Дети уносятся прочь в разных направлениях. Вокруг площади просыпаются другие моторы — обыватели востанут ко второй половине дня. Во двореке два дворника зовут, тот, что с радио, щелчком выключает его и кладет обратно в запяточный мешок. Они тащатся к своей мусорной тележке и выкатывают ее на улицу; мимо проходит Рекс, вытирая ладони и локти тряпкой. Автобус за его спиной по-прежнему рычит, набирая обороты...

РЕКС: Если уж мы собрались — давайте приступать.

ШЕРРИ: Ура! (бегает вокруг, раздавая всем по букету бумажных цветов)

Ура, ура, давайте приступать!

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН (кричит, обращаясь к

ратуше): Хей-хо, amigos... сиеста уже того!...

ШЕРРИ: Тебе цветочек... и тебе... и тебе...

ХУЛИХЕН (ходя вместе с Мики Проазайком): На холостом пашет как миленький, а Рекс

его и не коснулся. (Шерри протягивает ему букет; он берет его, зевая...) Проклятье, чтоб я знал,

чего я такой смурной...

Шерри доходит до Ундины, все еще прислонившейся

к стенке, и протягивает ей букет: "И ты возьми, Ун-

дина, и все будут, я думаю... да... все будут..." Но Ун-

дина, щелоча губы яркими бумажными лепестками, бормочет с ехидцей: "Не все..."

Заломив шнур на затылок и засунув руки

в карманы, Дебора шагает вдоль причала и наблюдает за рубачими лодками.

Кажется, редкая лодка покинула сегодня причал.

Мужчины толкуются вокруг сетей, разговаривают и курят под сапо-

пальными брезентовыми навесами, закреп-

ленными на ограждении; завидев Дебору,

они замيراют. Где-то за ним, после того как

отзвучал карильон¹, начинают бить большие колокола: "Дон... Дон... Дон... Дебора шагает дальше..."

Во дворике перед началом церемонии гости свадьбы рассредоточились вокруг фонтана. Маленький

лысый чиновник в черном костюме и галстуке зачитывает новость и жениху слова из своей книги.

1 Мужик (исп.).

2 Карильон — инструмент, посредством часового механизма заставляю-
щий ряд колоколов (не менее 23-х) исполнять какую-либо мелодию.

Ни та, ни другой не слушают внимательно. Ухо Рекса непрожженному ловит шум работающего вхолостую двигателя, а Бегема с младенцем на руках берет пример с Ундины и ищет сердитым взглядом отсутствующего гостя...

ЧИНОВНИК: ...en giqueza y la pobreza?

РЕКС С БЕГЕМОЙ: Si...

ЧИНОВНИК: Con enfermedad y con salud?

РЕКС С БЕГЕМОЙ И ШЕРРИ: Si...¹

Остановившись у оврага, Дебори машет своему другу Хип-Яну: тот сидит под навесом в лодке...

СОИ: Tardes², мой друг. Остываешь?

ДЕБОРИ: Прохлаждаюсь как могу. А ты почему не в миллом тихом море?

ре? Слишком набрался для работы?

СОИ: Нет, брат, ты разве не видишь? Никто не удит. Плохое нынче

море. ТНГ, брат, ты в курсе?

ДЕБОРИ: А что с ним?

СОИ: Брат, вы, гринго, никогда ничего не видите! Ты всю неделю не смотрел

на океан? *(Дебори присматривается к покачивающейся лодки воде: она имеет цвет*

желчи и немощно колеблется меж гнилых свай дока...) Mala Rojo настал, брат.

ДЕБОРИ: Mala Rojo?

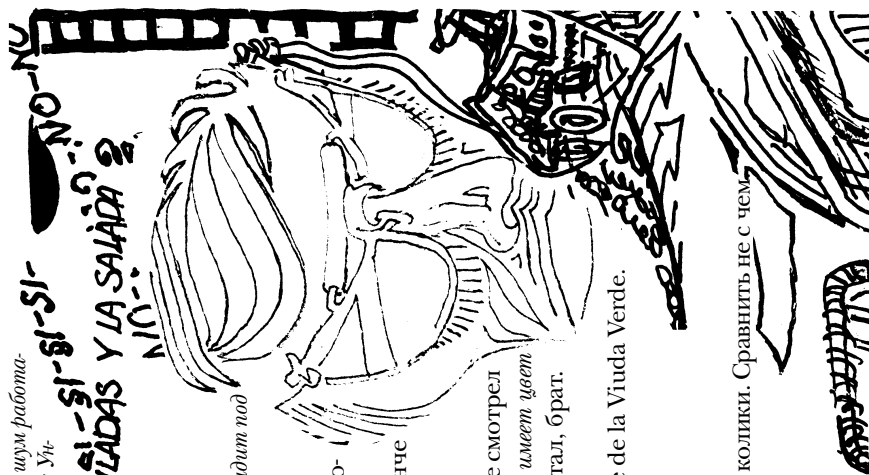
СОИ: Красный Прилив. Он пришел неделю назад, после La Noche de la Viuda Verde.

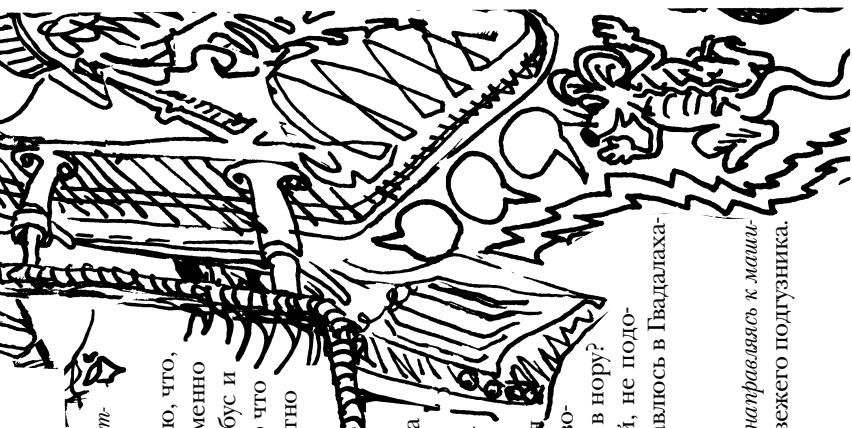
ДЕБОРИ: La Viuda Verde?

СОИ: Ночь Зеленой Вдовы. Видал тех крабов?

ДЕБОРИ: Выглядит жутко. Это постоянное явление?

СОИ: Нет, брат, просто женское явление. Пройдет. У Вечной Мамы колики. Сравнить не с чем.

В С водительского места Хулихен обращается через окно к обсыпанной конфет-
ти садовбной процессии, сконфуженно топочщей по тротуару:

ХУЛИХЕН: Нет, ну в самом деле, Рекс, Клод, дамы... Я искренне полагаю, что, будь Вождь тут, он велел бы нам продолжать строго по плану: эти именно что едут в Гвадалахару, забираются в наш большой крепкий автобус и вон из города на восток сразу после клятв и обетов!... а эти именно что остаются удерживать наш домашний форт, гонят на "бьюике" обратно к Casa Grande Pupina... помня о том, что на тормоза нужно жать не менее пяти раз, иначе не сработают... мы, таким образом, успеваем проскочить под носом у исходящей транспортной флотилии и получаем великолепный шанс доставить полковника на рейс в десять тридцать утра.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Порою, Хулихен, в тебе прорезается недо-
дюжинный руководительский талант...

РЕКС: Недюжинный талант пороть чушь. Хрена тебе транспортная флотилия, Хулихен. Ты про две повозки с ослами и вон того легкого броненосца, который с рычанием спешит после работы к себе в нору? Слушайте, почему бы просто не отправиться всем вместе домой, не подождать Вождя часок-другой и не дать мне принять душ? Фиг я отправлюсь в Гвадалахару в роли грязной жопы с гаечным ключом...

УНДИНА: Правда, ребята... давайте подождем.

БЕГЕМА: Ждать у моря погоды в его планы всяко не входит, Ундина. (направляясь к машине...) Этот "бьюик" просится в стойло! После холодного лаймада и свежего подгузника.

1 ...в богатстве и бедности? — Да. — В болезни и здравии? — Да (исп.).
2 Вечер (исп.).

УНДИНА: Клод, а ты что думаешь?

КЛОД: Я думаю... *(скалит зубы Ундина, в неферителности ерзая на ее чемодане)*
...что хитрый Дьявлин Дебори сумел еще раз мужественно стрекануть из самого
пекла. Я думаю, когда мы вернемся домой, наверняка окажется, что он уже там. Ху-
лихен и парни, вы поезжайте. Вы правы: он отдал приказ; возжелай он поехать
в Гвадалахару — был бы сейчас тут... *(моргая, глядит на Хулихена...)* ...разве нет?

ХУЛИХЕН: Точно так, Клод. Определенно. Продемонстрировав в бессчетный
раз вышколенное офицерской подготовкой умение мыслить логически, ты
проник в самую суть ситуации... ладно... кто поднимется на борт?
РЕКС: Не я, Хулихен. В следующий раз. Мы не проехали и метра из шестисот тысяч, а
я уже дохлый.

МИКИ: Короче, есть тут один, который железно с вами...

ЗАБОЙ: И еще один, который железно еще один! *(забираются в автобус к Хулихену
и полковнику)*

БЕГЕМА *(из машины)*: Господи, почему не поедем в автобусе, а? Их там всего-
то четверо, а нас в машине один, два три четыре пять шесть семь...
семь восемь... Ундина, ты едешь или остаешься?

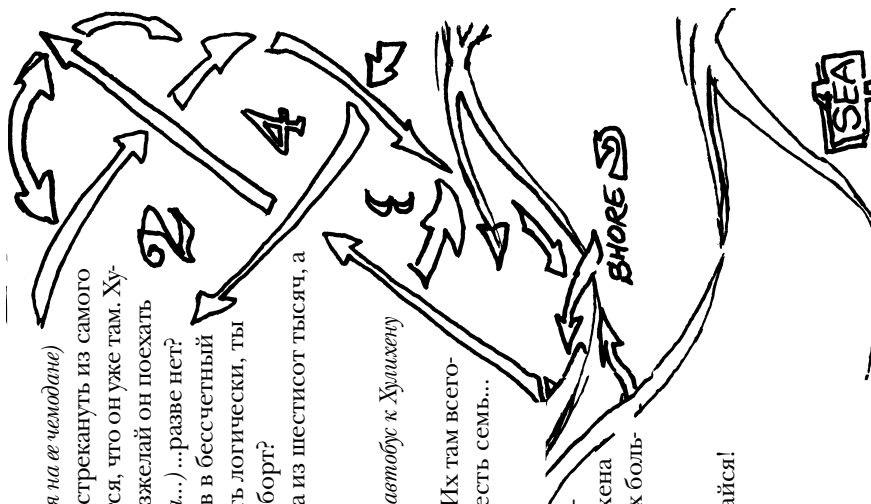
УНДИНА: Думаешь, он поехал домой?

КЛОД: Я думаю, у Вождя все схвачено. Мы все умнемся в маши-
не... *(шепчет Бегеме)* Кроме прочего, если мы отпустим Хулихена
и команду в менее заметном, чем автобус, транспорте, мы их боль-
ше не увидим.

УНДИНА: Даже не знаю...

ЗАБОЙ и ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН *(в унисон)*: Ундина, решайся!

УНДИНА: Даже не знаю...

Дебори сидит в тени навеса Сои, курит косяк, слушает рассказы собеседника о море...

СОИ: ...никто не знает, брат... годы проходят, а вода — она голубая и ласковая, будто ангел, а потом в один прекрасный день вдруг хоп! и она уже яд. Говорят, миллионы прохотных букашек, которые всегда живут в воде, вдруг заболевают, становятся ядовитыми и умирают, и вот оно самое: миллионы дохлых трупиков в каждой капле. ТНТ; все как я говорю.

ДЕБОРИ: Сначала она не любит беременных, потом краснеет в день свадьбы...

СОИ: Вода, брат, сука... реальная мать, понимаешь? Бывает, надирает нам, мужикам, задницы, чтоб мы относились к ней с почтением.

ДЕБОРИ: В Красный Прилив, кажись, мужикам самое время утекать на какую-нибудь возвышенность... *(поднимает голову, слышав приближающийся рев автобуса...)* ...ты как думаешь?

СОИ: Самое время непочтительным мужикам утекать, верно. Я всегда говорю: тебе помогает, что не распаляет.

ДЕБОРИ: Hasta la vista¹, Сои. *(снежно выбирается из лодки)* Спасибо за косяк.

СОИ: Держи упаковку, mi amigo, сравнить не с чем.

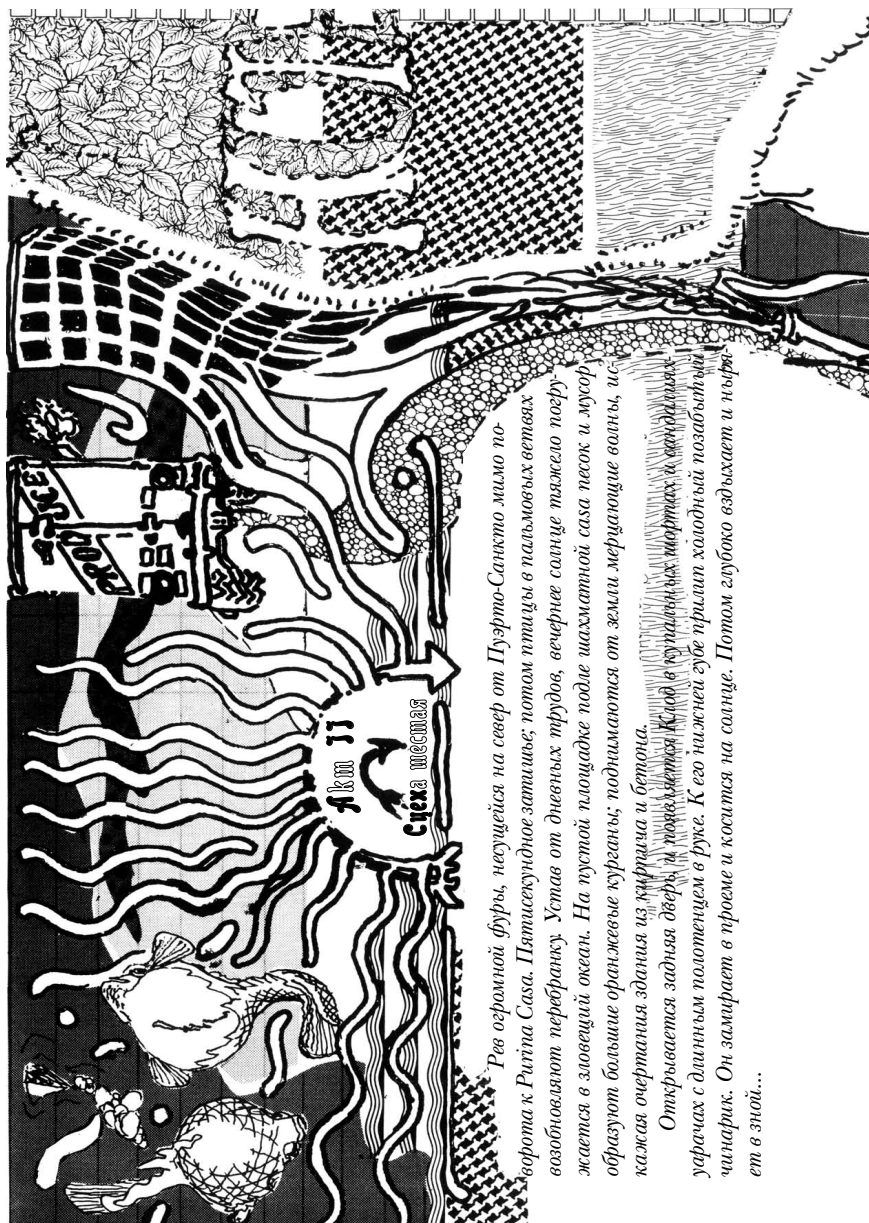
— *Дебори взбегает на dock, машет автобусу рукой. Хулихен, не останавливаясь, сворачивает и загребает Дебори в дверь...*
ХУЛИХЕН: Ты довел экипаж до честной пятачки, Вождь. Все мужчины в количестве магической пентаграммы. Сдается мне, нас ждет подлая бесная быstroходная путеколесница!

OR CANCEL, THUS

Сои сморщивается, как автобус, когда атакует пустые холмы: "Что угодно, лишь бы вышке шло, я всегда говорю..."

CAUSING HTECUPS! SIC.

1 До свидания (исп.).

Рев огромной фуры, несущейся на север от Пуэрто-Санкто мимо поворота к Rigina Casa. Пятисекундное затишье; потом птицы в пальмовых ветвях возобновляют перебранку. Устав от дневных трудов, вечернее солнце тяжело погружается в зловещий океан. На пустой площадке подле шахматной casa песок и мусор образуют большие оранжевые курганы; поднимаются от земли мерцающие волны, каждая очерченная здания из кирпича и бетона.

Открывается задняя дверь, и появляется Клод в купальном шортах и сандалиях-урачах с длинным полотенцем в руке. К его нижней губе прилип холодный позавытый чинарик. Он замораживает в проеме и косится на солнце. Потом глубоко вздыхает и ныряет в зной...

КЛОД: Эй, дети. Ать-два. Ать-два. За мной сквозь дымку золотую дня. И...
(добавляет шепотом) ...наплачетесь вы вдоволь у меня.

Квистон постыло выдвигается из двери, за ним еще постылее следует Калей. Шерри прыгает вокруг мальчишек и догоняет Клода.

КВИСТОН: Его тоже уже не будет. Спорим, за неделю оно прошло? ШЕРРИ (оборачивает полотенцем тощие ноги):

Нет, не прошло. Сегодня утром оно еще было. И никуда не денется.

КЛОД: Эй, бойцы, где ваш ученый настрой? Разум исследователя, не знающий отдыха, в каких бы условиях ни приходилось работать? Готовый в любую секунду погрузиться в пучины неведомого? Вперед к разгадке творенья. То есть к раствору соли. Хей-хей. И-а-ть. И-два.

Клод возводит их на песчаную дюну, к которой подступил прилив, и садится на корточки лицом к океану. Цвет моря куда ужаснее цвета неба. Густая, почти багряная глать покрыта гнилостной пленкой темных разлагающихся водорослей; сквозь насильно повсюду проступают бледные пятна дохлых рыб, всплывших вверх жилами.

ШЕРРИ: Видишь?

КВИСТОН (уставясь на море): Я знаю, Шерри.

Могла бы и помолчать.

ШЕРРИ: Я же говорила, оно никуда не денется. Сои сказал, что Красный Прилив отступает, когда океан заставит всех рыбаков слаться и перестать выходить в море.

КЛОД: Пытливый ум не знает усталости. Уйдет ли прилив, если мы не будем купаться каждый день после обеда?

КАЛЕБ: Пойдемте домой... тут жарко и гадко.

Клод подводит детей к самой воде, они стоят и смотрят на морскую мертвечину, вымываемую на мокрый песок.

ШЕРРИ: Гадость! Квистон! Не наступай!

КВИСТОН: Почему это? Оно через кожу не проникает. Можно заболеть только если поешь рыбы, которая в этой воде плавала.

КЛОД: Ибо если бы мы не ходили сюда каждый день после обеда, кто собрал бы ценнейшие сведения? Кто, скажите мне? *(он вперяется в воду, заметив близкую опасность бегу зыбь...)* Смотрите, дети, кажется, к нам плывет послание.

ШЕРРИ: Послание? Какое еще послание?

КВИСТОН: Это, наверно, старая пивная бутылка. Нет там никакого послания.

КАЛЕБ: Это не бутылка, Квистон... оно живое. Что это, Клод? Похоже на чудовище.

КЛОД *(чуть неожиданно для себя)*: Может, это... кривоморские жище.

Но когда зыбь подплывает совсем близко, становится видна выходящая из вязи древняя морщинистая голова и два первобытных глаза, смагивающих гнилые водоросли...

ШЕРРИ: Ой! Ой! Уходим. *(начинает пятиться)* Клод, уходим!

КВИСТОН: Нет! Нет! Лучше останемся. Оно выходит прямо из воды. *(танцует на одной ноге, потом на другой, разрываясь между желанием поглядеть на зверя и убежать)*

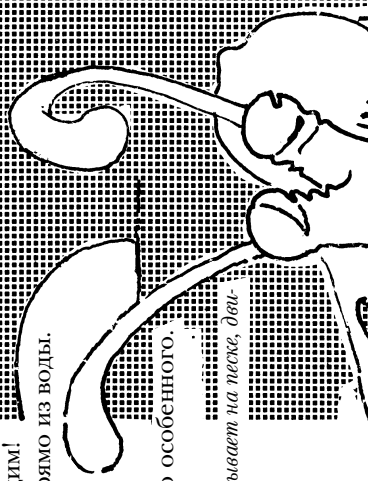
КАЛЕБ: Клод, это кривоморскище?

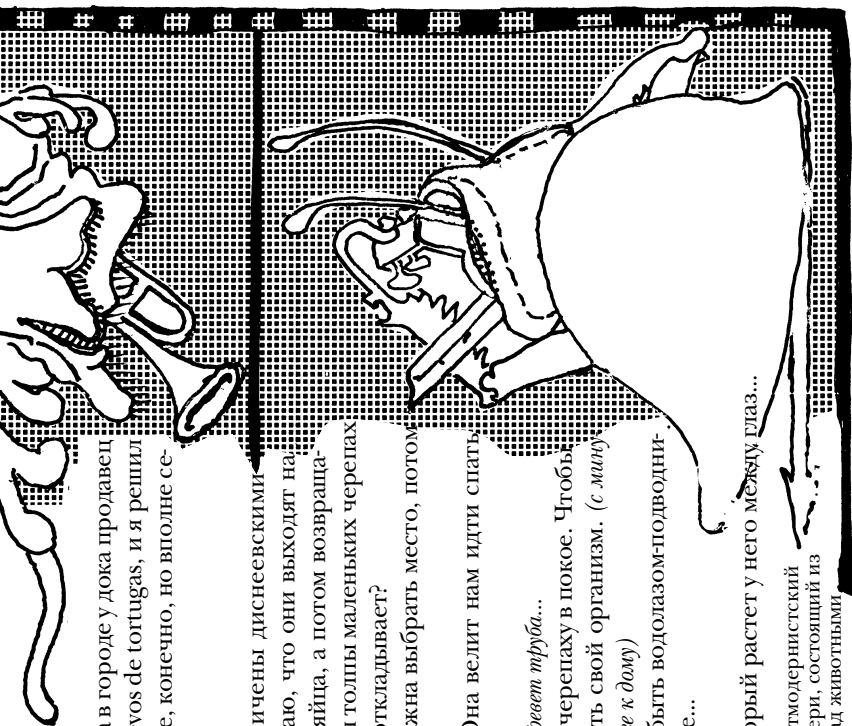
КЛОД *(неуверенно)*: Просто гость из глубин, дети. Ничего особенного. *(чинарик выпадает из его открытого рта...)*

Грандиозная черепашка тяжело выбирается из воды и застывает на песке, двигая головой вперед и назад...

SEE 'GOTASWALLERUS',

PAGE 98

КЛОД: О... это просто tortuga. Только вчера в городе у дока продавец предложил мне черепашее яйцо, huevos de tortugas, и я решил его попробовать. Неплохое. Не куриное, конечно, но вполне себе яйцо.

КВИСТОН: Чего эта черепаха ищет?

КЛОД: Мои познания о черепахах ограничены диснеевскими мультяшками и "Миром псов"¹, но я думаю, что они выходят на пляж, роют ямы и откладывают в них яйца, а потом возвращаются в океан. А из яиц потом выведутся толпы маленьких черепах.

ШЕРРИ: Мы пойдем посмотреть, как она их откладывает?

КЛОД: Это займет какое-то время. Она должна выбрать место, потом вырыть яму. Мы успеем поужинать...

КАЛЕБ: Ё-ы, потом нас мама не пустит. Она велит нам идти спать сразу после ужина.

Черепаха медленно отползает от моря. В доме ревет труба...

КЛОД: Слышите? Время ужинать. Оставим черепаху в покое. Чтобы стать астронавтами, нужно подпитывать свой организм. (с минуту ту глядит на черепаху, потом идет мимо нее к дому)

КВИСТОН: Астронавт — это не то. Я хочу быть водолазом-подводником. Я найду настоящее кривоморжище...

ШЕРРИ: Конечно, Квистон, конечно...

КВИСТОН: И достану волшебный рог, который растет у него между глаз...

1 "Мир псов" ("Mondo Cane", 1962) — постмодернистский фильм Гватьеро Джакопелли и Франко Проспери, состоящий из ряда шокирующих эпизодов (издевательства над животными, жестокие религиозные ритуалы и т.д.).

ШЕРРИ: Во-первых, его нету, во-вторых, ты по-любому до смерти перепугаешься.
КАЛЕБ: Клод, ты бы смог найти настоящее кривоморжище?
КЛОД: Ну, мне говорили, что обычно все наоборот: это кривоморжище на-
ходит тебя.

Они завершают подъем и шагают в лучах заката к дому...

...солнце продолжает свое прощальное падение, касается алым алой океанской каймы и поглощается без остатка. Вдоль дороги орды насекомых вымывают из убежищ и стеляются в преддверии ночного концерта. Удлиняются тени. Сумерки оборачиваются серой тьмой.

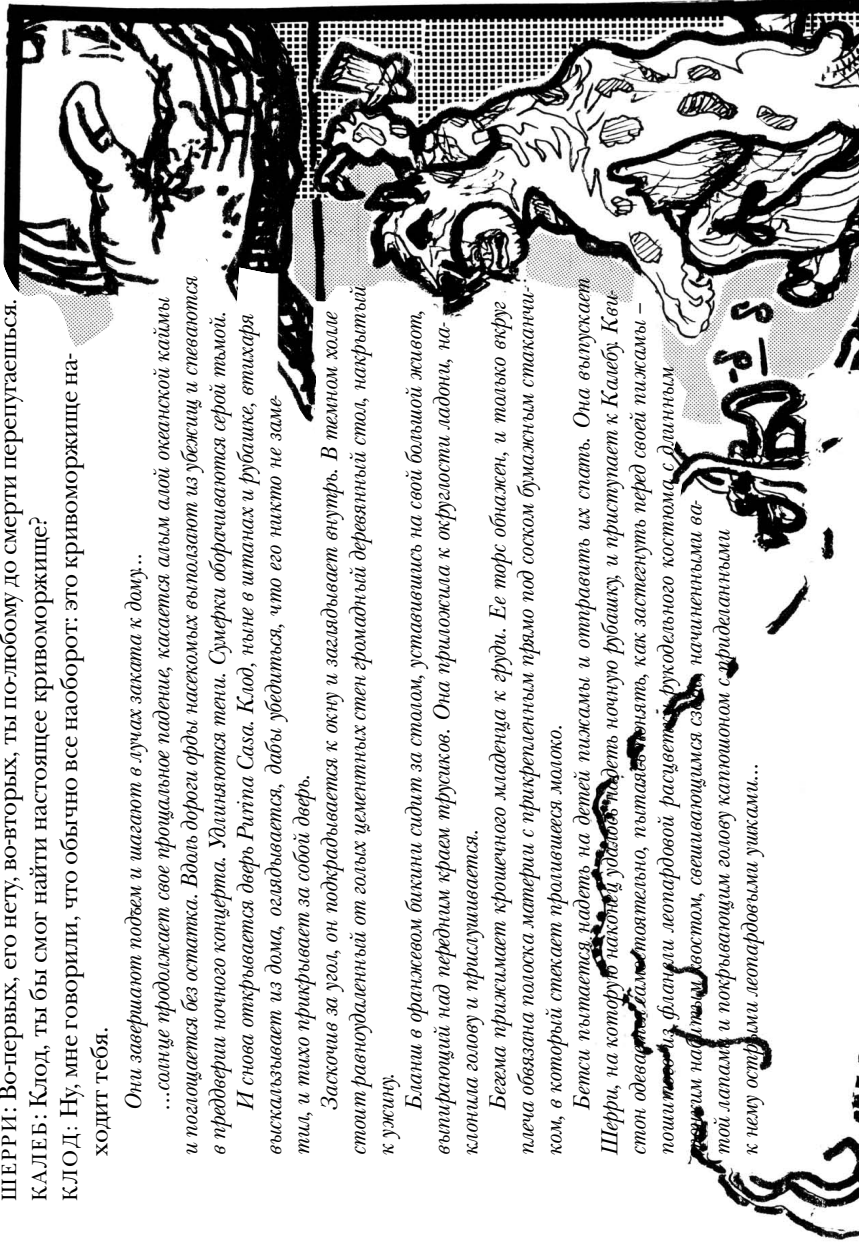
И снова открывается дверь Ригина Саза. Клод, ныне в штанах и рубашке, этихфра выскальзывает из дома, оглядывается, дабы убедиться, что его никто не замечал, и тихо прикрывает за собой дверь.

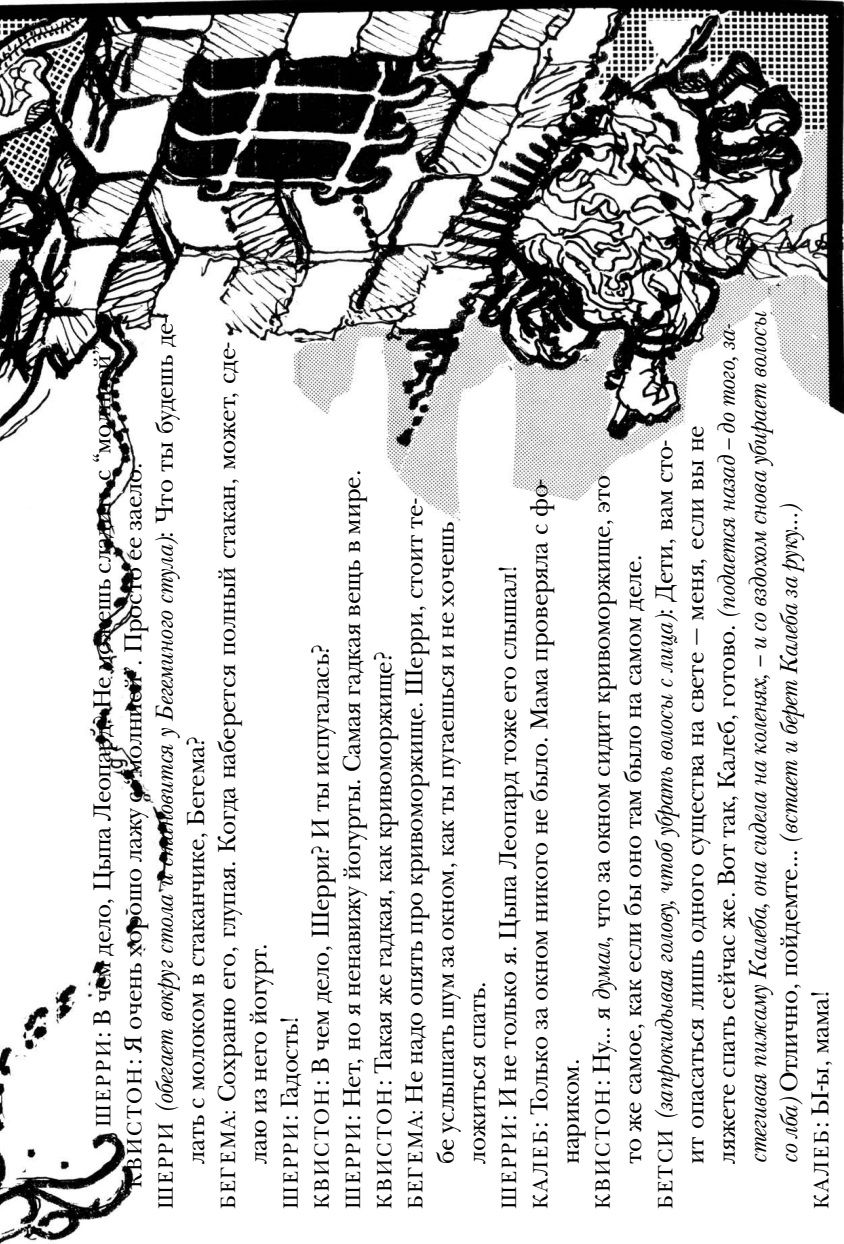
Заскочив за угол, он подкрадывается к окну и заглядывает внутрь. В темном холле стоит равноудаленный от голых цементных стен громадный деревянный стол, накрытый к ужину.

Бланиш в оранжевом бикини сидит за столом, уставившись на свой большой живот, выпирающий над передним краем трусиков. Она приложила к округлости ладони, наклонив голову и прислушивается.

Бегема прижимает крошечного младенца к груди. Ее торс обнажен, и только вокруг плеча обвязана полоска материи с прикрепленным прямо под соском бумажным стаканчиком, в который стекает пролившееся молоко.

Бетси пытается надеть на детей пижамы и отправляет их спать. Она выпускает Шерри, на которую наконец удается надеть ночную рубашку, и приступает к Калебу. Калеб стоит одетым, стоятельно, пытается понять, как застегнуть перед собой пижамы — пожимая из фланели леопардовой расцветки рукавельного костюма с длинным меховым нагрудным воротом, свешивающимся с начиненными ва-той лапам и покрывающим голову капюшоном с приделанными к нему острыми леопардовыми ушками...

ШЕРРИ: В чем дело, Цыпа Леопард? Не можешь спать с "молнией"?
КВИСТОН: Я очень хорошо лажу с "молнией". Просто ее заело.

ШЕРРИ (обегает вокруг стола и останавливается у Бегеминого стула): Что ты будешь делать с молоком в стаканчике, Бегема?

БЕГЕМА: Сохраню его, глупая. Когда наберется полный стакан, может, сделаю из него йогурт.

ШЕРРИ: Гадость!

КВИСТОН: В чем дело, Шерри? И ты испугалась?

ШЕРРИ: Нет, но я ненавижу йогурты. Самая гадкая вещь в мире.

КВИСТОН: Такая же гадкая, как кривоморжикше?

БЕГЕМА: Не надо опять про кривоморжикше. Шерри, стоит тебе услышать шум за окном, как ты пугаешься и не хочешь ложиться спать.

ШЕРРИ: И не только я. Цыпа Леопард тоже его слышал!

КАЛЕБ: Только за окном никого не было. Мама проверяла с фонариком.

КВИСТОН: Ну... я думал, что за окном сидит кривоморжикше, это то же самое, как если бы оно там было на самом деле.

БЕТСИ (запрокидывая голову, чтоб убрать волосы с лица): Дети, вам стоит опасаться спать сейчас же. Вот так, Калевб, готово. (подается назад — до того, застегивая пижаму Калеба, она сидела на коленях, — и со вздохом снова убирает волосы со лба) Отлично, пойдемте... (встает и берет Калеба за руку...)

КАЛЕБ: Ы-ы, мама!

Бетси отправляется в спальню. На улице Клод поспешно бежит за угол и закрывается под окном детской спальни.

КВИСТОН: Мам... я не могу!

Бетси останавливается и идет назад, чтобы помочь Квистону с "молнией". Шерри не трогается с места, пока Бетси не затаскивает братьев в дверь спальни, затем медленно идет за ними.

БЕГЕМА: Спокойной, дети.

ШЕРРИ (медленно шаркая к спальне): Спokoнчoчь.

КВИСТОН: Мам, а когда папа вернется из Эточэтакое?

БЕТСИ: Из Гвадалахары, Квистон. Нет города с названием Эточэтакое.

ШЕРРИ: Ага, это нас Клод так дразнит... папа уже давно должен был вернуться, мама, разве нет? Ты не хочешь поговорить об этом?

БЕТСИ (не в силах не улыбнуться Шерриной уловке): Спать немедленно! Оба-двао!

КВИСТОН: А Калеб?

ШЕРРИ: Он уже уснул.

БЕТСИ: Все, тихо, всем спать.

Она гасит свет и возвращается в комнату, где Бегема нынчится с Кумкват, а Блани гладит и слушает свой жинчот. На дороге в горд взрывает еще одна фура. Бетси начинает убирать со стола; она сгужает в глиняную салатницу почти всю посуду, когда из спальни доносится режущий уши визг – и салатница разбивается о пол...

ШЕРРИ (в ужасе выбегает из спальни): Мама! Мама! Кривоморжище!

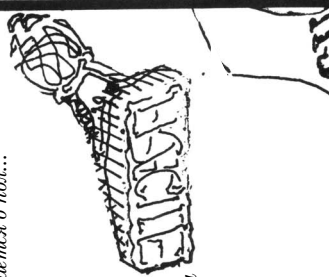
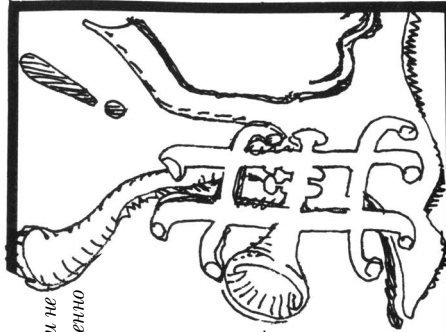
КВИСТОН (бежит за ней, вытаращив глаза): Он на улице, за окном!

КАЛЕБ (оставшийся в кровати): Мама! Я боюсь! Мама!

БЕТСИ (установившись на разбитую посуду): Квистон! Прекрати немедленно.

КАЛЕБ (из спальни): Мама! Я боюсь!

ШЕРРИ: Он там был, мама, я его слышала. (прячется за Бегемин стул, зажав ладошками рот, чтоб не высказать ни слова)

КВИСТОН: Я его тоже слышал, мама, правда...

Кто-то скребет по дереву входной двери. Шерри визжит. Квистон бежит к Бетси и обнимает ее за ноги. В спальне снова кричит Калеб. Бланш обнимает руками живот. Дверь распахивается. Орет благим матом Кумкват. Шерри за креслом прячет голову в колени, чтоб ничего не видеть; в дверном проеме стоит Клод, весь в бурных водорослях, он вост, стонет и скребет дерево...

БЕГЕМА (вскликивает, молоко из бумажного стаканчика расплескивается по груди и животу): Черт возьми, Клод... тебе еще не надоело?

КЛОД (обиженно): Чего?

БЕТСИ (топая ногой): Посмотри, что ты наделал. Я теперь битый час буду загонять детей в постель! (окидывает взглядом разлетевшиеся повсюду осколки посуды)

ШЕРРИ (хныча): Клод, это было не смешно.

КАЛЕБ (все еще из спальни): Мама? Что случилось, мама?

БЕТСИ: Ничего страшного, Калеб, это Клод дурачится. Это Клод. Ну, дети... теперь спать. (пытается соединить с места Квистона, он упирается, приходится его тащить)

КЛОД (обнимает и подхватывает Квистона, тот ныкает и отбивается): Ну хватит, Цыпа Леопард. Концерт окончен. На боковую!

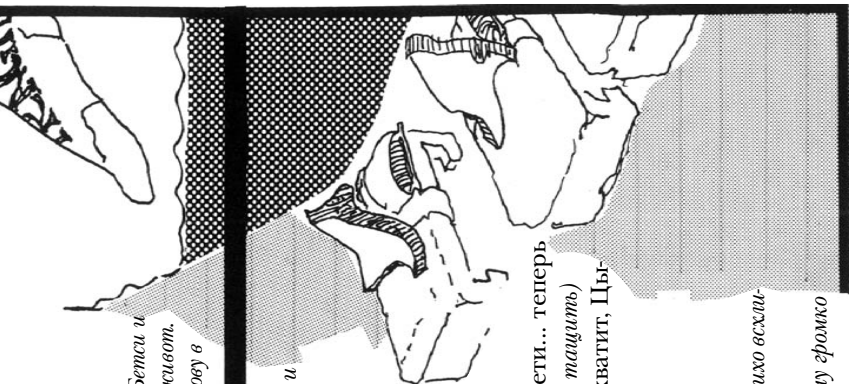
КВИСТОН: Я хочу спать в другом месте!

БЕТСИ (принимая Квистона из рук Клода): Я его уложу.

КЛОД: О, да, конечно. Теперь Шерри...

ШЕРРИ (обекает Бегему следом за Бетси, которая несет Квистона в спальню, где тихо всхлипывает Калеб): Нет, Клод! Отойди от меня!

БЕГЕМА (пытаясь прочь от Клода, который повернулся к ней; ребенок по-прежнему громко орет): Даже не вздумай помогать мне, гаденыш.

Она шагает в свою спальню, Бетси с плачущими и жалующимися детьми – в спальню напротив, Клод и Блани остаются одни и глядят друг на друга. Блани смеется; Клод мрачнее тучи. Он нагибается и начинает подбирать с пола осколки глиняной посуды, держа черенки в руке. Собрав все, он выпрямляется и выходит на задний двор под лунный свет. Найдя что-то, он ставит над кронами пальм, освещая пустую площадку; Клод ~~поднимается~~ **SPRAIN, STRAIN!** опускается на колени у мусорного кургана. Вырыв рукой ямку, он опускает осколки в землю...

КЛОД: Возможно, однажды в будущем археологи смогут восстановить из осколков целое и изумятся необычной культуре, продуктом которой стал так называемый взрослый, привыкший извлекать удовольствие из страха, пробуждаемого им самим в невинных детях. (засыпая яму песком, утрачивает его ладонью) Конеч тебе, кривоморжице. (поднимается, идет на песчаную дюну к океану и снова приседает...) А, вот и ты, черепаха-мать. Как твои дела нынче?

Черепаха выползла яму в песке и лежит во впадине, глядя на Клода. Он сидит на корточках, не двигаясь; так они и смотрят друг на друга, пока месяц над их головами выходит из окутанных кокосовых пальм и пробирается меж ветвистых сооружений, что напелены кое-как на скланы над моргующим горбодом. Местами гофа плотно покрыта глинобитно-прутыными кварталами, словно бы план многоэтажной застройки ощутился не вполне по вертикали, и застройку эту на полпути наводнили дети, свиньи и собаки, что наслаждаются первой волной киевского ночного лая. Кричалы и брехалы, рычущи и фырчуши, а также выборка мелких таякунов, визгунов и хрипунов – все празднует прохождение луны и мимолетное зудение автомобильного клаксона... и дрейфующие наплывы маршачи на площади... и слышится сквозз густое рожкотанье прибив: "Клод?" Клод спрыскивает ощущение и прислушивается, но дом темнеет и молчалив. Он встает на ноги и потягивается... "Ну, мама totuga... оставлю-ка я тебя в покое". Он заходит в большой темный дом, когда снова слышит: "Клод... иди сюда..." Он спешит в чуланчик, что делит вместе с Блани, и включает свет. Блани лежит на медной кровати, колени согнуты, ноги и бедра покрыты простыней, руки на животе...

PASS

КЛОД: Давно началось?

БЛАНШ: Когда прозвонил в полночь колокол. Я стала подозревать за обедом, но не была уверена.

КЛОД: И как далеко все зашло?

БЛАНШ (морщась): Они идут через каждые пять минут.

КЛОД (кладет руку ей на живот и ощущает схватку): Ты подготовилась как следует?

БЛАНШ: Все лежит на столе.

Клод подходит к столику у кровати и проверяет, все ли на месте: подкладки, пеленка, леска, ножницы, вапа, бутылка с квартирной питьевой воды. Он уносит миску с ножницами на кухню, набирает в нее воды, ставит миску на плитку и зажигает газ. Переходит к раковине и моет руки, тщательно промывая ногти, затем держит руки в воздухе, чтобы высохли...

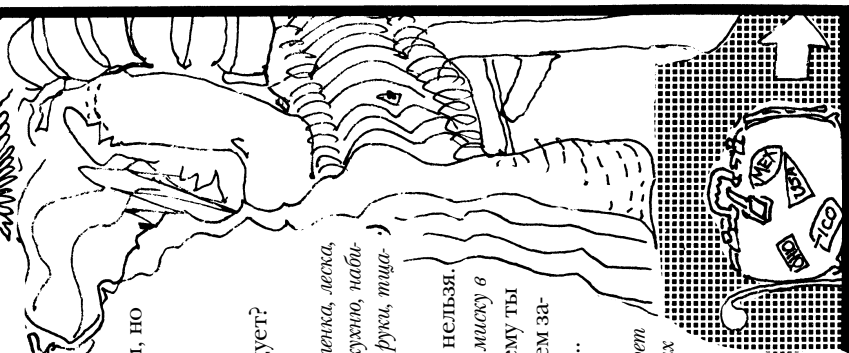
КЛОД: Чуть потешная дотошность, но если согласишься "Бена Кейси"¹, иначе нельзя. (стоит и сушит руки, пока не закипит вода в миске; выключает плитку и несет миску в спальню, держа ее прихваткой...) Если так важна стерильность пальцев, почему ты не взяла полотенце? Почему? Очевидно, для того, чтобы акушеру было чем заняться в ожидании, пока закипит вода, и это ключевое слово, ожидание...

БЛАНШ: Они все чаще...

Клод ставит миску на столик, идет к кровати, стягивает вниз простыню и берет одну большую плотную подкладку из тех, что были изготовлены заранее из сложенных вместе газет, и когда схватка заканчивается, помогает Блانش приподнять бедра, чтобы просунуть подкладку под них. Она с облегчением опускает бедра, и на подкладку неожиданно проливается поток жидкости...

КЛОД: Багаж прибыл.

1 "Бен Кейси" — популярный американский телесериал (1961–1966) о нейрохирурге и его коллегам.

БЛАНШ: Ага, ребенок пошел на выход... (она напрягается, вены на ее шее вздуваются, а тело трясет очередной спазм...)

КЛОД: Спокойно, девочка, спокойно... лежи тихо и дай ему двинуться по прямой... вот так... вот и он... (он протягивает руку и придерживает ладонью голову ребенка, чтоб он не выскочил сквозь медленно растягивающееся отверстие; Блانش сильно рычит сквозь стиснутые зубы...)

КЛОД: Молодчина! (он осторожно отпускает голову и заводит палец за подбородок младенца, чтоб убедиться, что пуповина не обмотала шею...) Ты отлично справляешься, Блانش... (с приглушенным криком Блانش тужится, и ребенок выскальзывает в руки Клода...) Отлично, Блانش... это девочка!

Он показывает младенца Блانش, затем берет пеленку, заворачивает в нее маленькую красную сморщенную девочку и кладет на живот Блانش, повернув лицо дочери так, чтоб она не захлебнулась слюзью...

КЛОД: Как ты себя чувствуешь?

БЛАНШ: Сравнить не с чем. Дай мне пить.

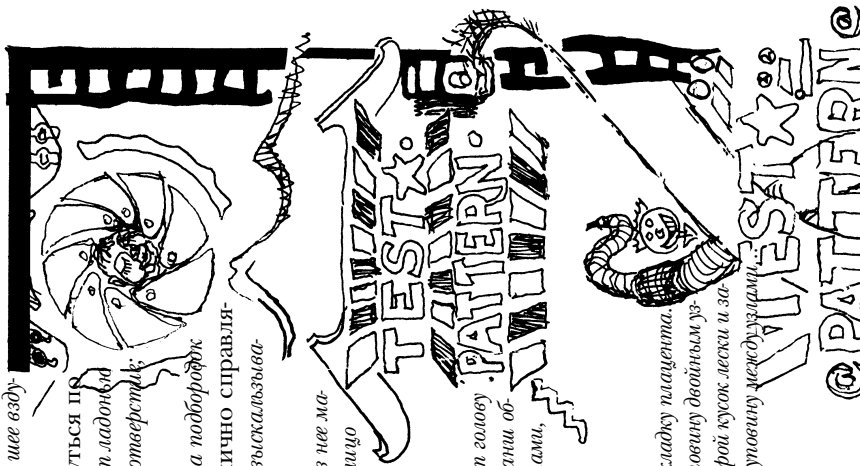
Клод отливает ей немного воды из квартовой бутылки, поддерживает голову Блانش обхватно на подушку, поворачивается к столу, берет ложку и миску с ножницами, кладет их на кровать. Берет вторую миску и ставит ее на перекую, мокрую.

КЛОД: Как ты чувствуешь — будет еще схватка?

БЛАНШ: Ой, ой... чувствую, будет...

Она морщится, ее живот схватывает; выдавливается и падает на подкладку плацента.

Клод берет ложку, отрывает два коротких куска, эластично перехватывает пуповину двойным узлом в четырех двойных от живота младенца и затягивает узел. Он берет второй кусок лески и завязывает еще один узел на двойных двойных. Затем берет ножницы и перерезает пуповину между узлами.

КЛОД: Вот так, nina¹... теперь ты свободна.

Он вынимает младенца из пеленки и кладет на оставшиеся двоймы пуповины кусочек марли. Еще одним куском он оборачивает ступню и пояс, прижав пуповину к телу; девочка истонно орет, Клод заворачивает ее в чистую пеленку и кладет рядом с Бланиш. Младенцу немедленно перестает плакать...

КЛОД: Кажется, она тебя знает... ну-ка, привстанем на секунду...

Клод помогает Бланиш снова приподняться, вынимает из-под нее подкладку, заворачивает плаценту и подкладки в газетные листы и кладет на пол; ворох на полу растет, пока он чистит кровать, омывает Бланиш намоченной в теплой воде ватой и наконец сводит ее ноги на большом куске ваты, подложенном под бедра. Нагнувшись, он поднимает ворох, выносит его из спальни через черный вход на пустую площадку 55-этажного масляного баку со снятой крышечкой и пробитыми в бортах дырами, который используется как печь для сжигания мусора. Клод выбрасывает мусор, заливая его бензином из канистры, что стоит рядом, затем смотрит в небо.

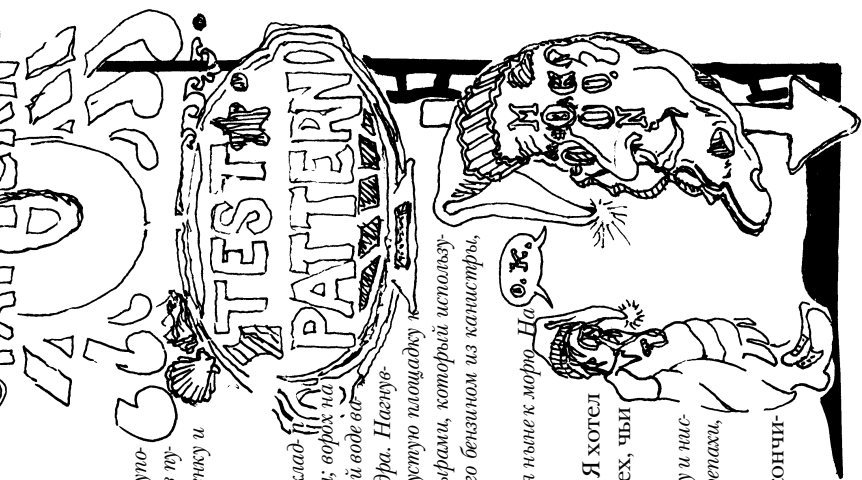
Луна почти уже завершила свой ночной траверс, белый шар склоняется к морю. На миг Клод всматривается в него...

КЛОД: Что ж, луна, ты была мне верной компаньонкой этой ночью. Я хотел бы поблагодарить тебя за компанию. И остальных там, наверху, тех, чьи лица или формы я не могу себе представить, также благодарю...

Внезапно вспомнив что-то, он пересекает площадку, взбирается на дыню и исходит к мокрому песку. Неглубокий сверкающий след отмечает тропу черепашки, что влечлась обратно к морю прочь от закрытых глаз...

КЛОД (афицит ей вслед): Тебе тоже повезло, Мама Tortuga, ты не закончила путь в супнице какого-нибудь рыбака...

1 Девочка (исп.).

Черепашка соскальзывает в воду, ее голова торчит над водой, она медленно отплывает от берега... серая крошка нового дня мёрзнет в переизлете наступающих волн... Клод подходит ближе, чтоб убедиться...

КЛОД: Будь я проклят... (наклоняется, зачерпывает воду рукой и пристально ее разглядывает, сквозь искрящуюся чистую, прозрачную воду просвечивает его кожа...) Вот дети-то обрадуются. Снова можно купаться. И покупать свежую рыбу на рынке. Такому уходу я не огорчен, Красный Прилив!

Клод идет обратно вверх по дону и через свободную площадку к мусорной бочке. Он зажигает спичку и бросает ее внутрь. Со страшным ФХЫЩ, за которым следует БДЫЩ, содержимое бочки взрывается, выстреливая ее внутренности на пятьдесят футов в воздух; ворох подбрасывает и вертит в небе, потом он падает обратно в бочку, где становится пеплом в ярком жарком оранжевом пламени, по другую сторону которого по-прежнему демонически искаженное лицо в обрамлении волнистых волос...

ДЕБОРИ: Слишком долго там лежали эти комиксы, верно?

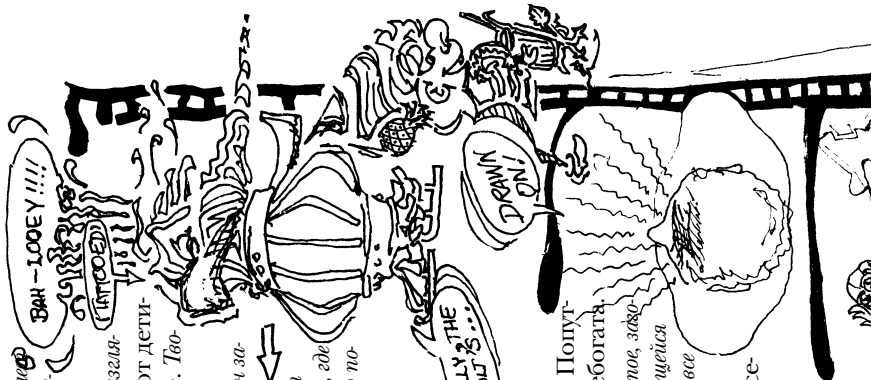
КЛОД: Это мой приветственный сигнал. Пушки нет, пришлось обходиться тем, что есть.

ДЕБОРИ: Ну что ж... спасибо за приглашение, но поскольку ты не знал, что я иду, прибытие чего ты приветствовал... зари?

КЛОД: Верно, Дьяв, древний грязный носок... самой новой в длинной линии Попуттов. Заря Попутт, пятнадцать минут от роду... расцветней злата, пусть и небогата.

Клод машет рукой, отгоняя дым, и приглядывается к лицу друга. Усталое, бородатое, заворачившее и шлегушащееся, лицо Дебори впечатляло бы и без самой удивительной и бросающейся в глаза новой черты – свежего неровного шрама, зиззагом пересекающего его лоб словно все еще дымящееся тафиро стигийской электрической компании...

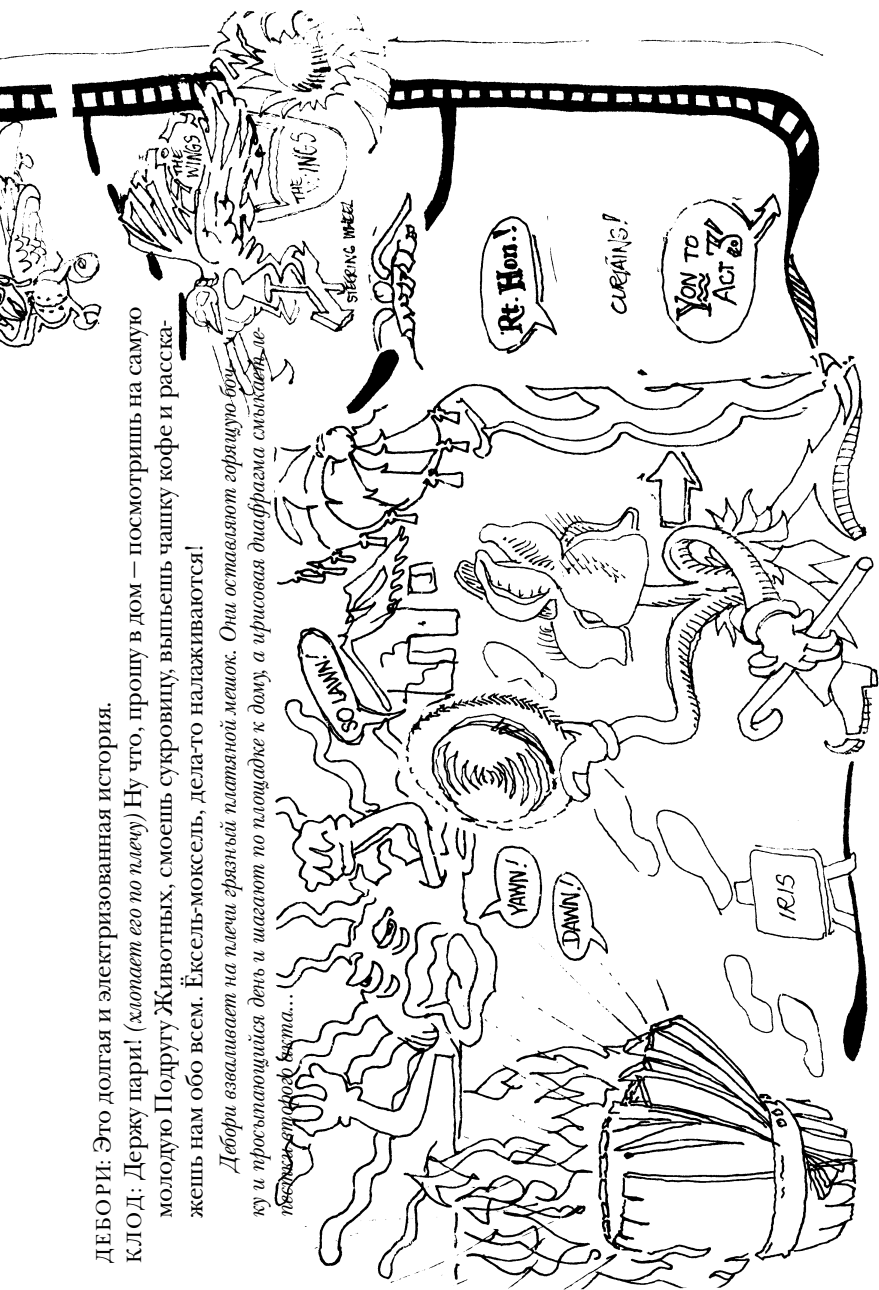
КЛОД: ...а кто, черт подери, тебя-то так приветил, старина? Кажись, ты сам себя поразил своими же громом и молнией?

ДЕБОРИ: Это долгая и электризованная история.

КЛОД: Держу пари! (*хлопает его по плечу*) Ну что, прощу в дом — посмотреть на самую молодую Подругу Животных, смоешь сукровицу, выпьешь чашку кофе и расскажешь нам обо всем. Ёксель-моксель, дела-то налаживаются!

Дебри взваливает на плечи грязный платяной мешок. Они оставляют горящую бочку и просыпавшийся день и шагают по площадке к дому, а ирисовая дыра за смыкающейся дверью утрачена...

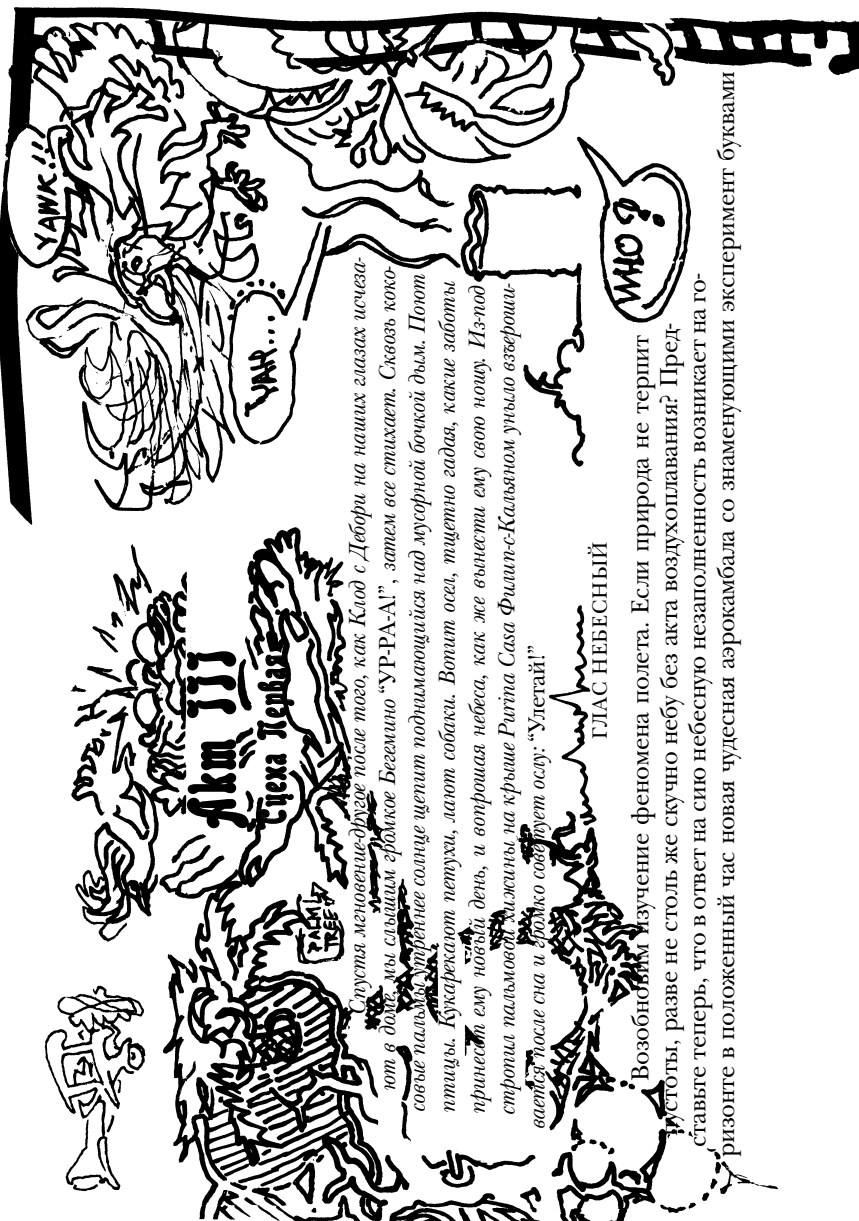

“Когда телу дается власть, что выделила себя из духа (или прошла путь от невидимого к видимому, или от бессознательного к физическому сознанию, или пришла из другой двери Бога — или открылась из бесконечности в конечность), тогда деятельность есть жизнь; через волю источника того, что воссуществовалось. Что оно может сотворить или во что преобразить свою связь с источником деятельности, или насколько оно может отклониться от пути, зависит от того, насколько высоко оно постигло способность отбросить как негативную, так и позитивную силу... Впоследствии то, что было выделено по влиянию стать телом, будь то божественное, земное или простая глина, явленное в деятельности как человек, становится хорошим или плохим”. 262–52

*Эдгар Кэйс*¹

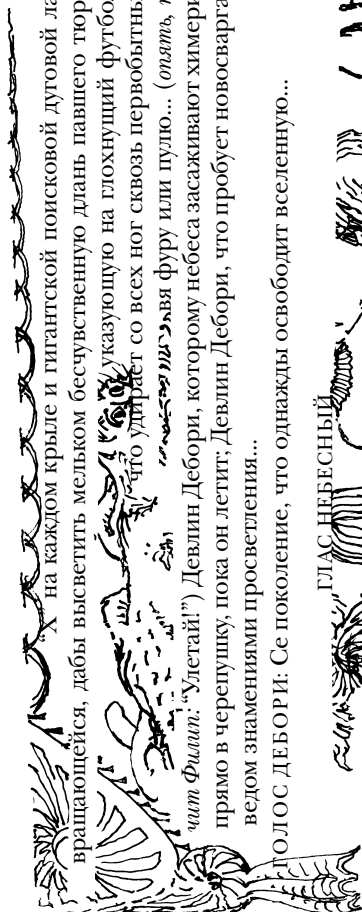
1 Эдгар Кэйс (1877–1945) — американский мистик, специализировавшийся на получении информации “с того света” (касательно астрологии, реинкарнации, Атлантиды и т.д.).

Спустя несколько дней после того, как Клод с Двором на наших глазах исчезают в долине, мы слышим громкое «УР-РА-А!», затем все стихает. Сказав кокетливо пальцем, что утреннее солнышко цветет поднимавшийся над мусорной бочкой дым. Поют птицы. Букареканют петухи, лают собаки. Вонит осел, тещино гадая, какие заботы принесет ему новая день, и вопрошая небеса, как же вынести ему свою ношу. Изпод стропил пальмовых хижин на крыше Rigina Casa Филип-с-Кальном уныло взгрозилась после сна и громко советует ослу: «Улетай!»

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Возобновим изучение феномена полета. Если природа не терпит пустоты, разве не столь же скучно небу без акта воздухоплавания? Предлагайте теперь, что в ответ на сия небесную незаполненность возникает на горизонте в положенный час новая чудесная аэрокамбала со знаменующими эксперимент буквами

на каждом крыле и гигантской поисковой дуговой лампой под фюзеляжем, вращающейся, дабы высветить мельком бесчувственную длань павшего тюремщика, по-прежнему указующую на глотающий футбол Девлина Дебори, что удивляет со всех ног сквозь первобытные рейейники, лочит Филлип: "Улетай!" Девлин Дебори, которому небеса засаживают химерическую молнию прямо в черепушку, пока он летит; Девлин Дебори, что пробует новосварганенные крылья, ведом знаменами просветления...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Се поколение, что однажды освободит вселенную...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Однако и впрямь — пусть наш летчик-испытатель говорит сам за себя. Всякий доклад из первых уст наставительно щекочущ, даже столь ошибочный и ушедший столь далеко от цели. Представьте, что можно заинтересоваться Силой бое- лее, чем Полетом... впрочем, позволю ему сказать обо всем самому!

Внутри мы видим лицо Дебори, суровое и величественное, с метой небывалых приключений...

ДЕБОРИ: И нам, Друзья Животных, суждено стать одним из орудий сего долгожданно- го освобождения.

Рассевшись за обеденным столом, те, кто остался удерживать форт — Бетси с тремя сонны- ми детьми, Рекс Май в люминесцентных семейных трусах, Клод, кормящие своих малышей Блани и Бегема, — взирают с неприкрытым восхищением на Дебори, прихотли- во спрятавшего летяшку-тако из остатков, что щедро разлила на столе Бетси. Он склоняет голову, откусывает, жует и глотает. Жадно отпивает молока и приканчивая тако. Он опусто- шает стакан с молоком, наполняет его из глиняного кувшина и, зажмурившись, осушает стакан вновь; в тишине никто не сводит с Дебори глаз. Он то и дело жадной отмети-

во лбу и раздраженно-суровому настроению кажется, будто самое его тело стало... тоньше, прямее, и каждое уточненное движение его мягко и экономно, словно у опытного восточного танцовщика либо крадущегося кота.

ДЕБОРИ: Но прежде, чем я обрисую вам план кампании... (вытирает рот тыльной стороной руки и, потрещавшему с закрытыми глазами, ставит стакан ровнехонько на оставшийся от него круг на столешнице... открывает глаза и обводит всех взглядом, улыбаясь...) позовьте сказать: я — счастливый hombrе, вернувшийся домой, в круг семьи.

Благоговейный страх истощает. Дети проталкиваются к его рукам. Он жмет руку Рексу, целует Бегму и Бланиш, обнимает Бетси. Дети шепчутся о новом папином лице, а Клод, счастливо распевая, достает из-под кровати чашку...

ДЕБОРИ: Я вижу, что все, кроме...

БЕГЕМА: Ундина. Она отребла в неизвестном направлении, когда поняла наконец, что ты тогда смылся вместе с мальчиками.

КЛОД: Она бежала с твоим травяным дружком, которому сравнить не с чем... под покровом ночи после того, как он притаранил новый сбор своего Santo Nino, от которого остались теперь рожки да ножки...

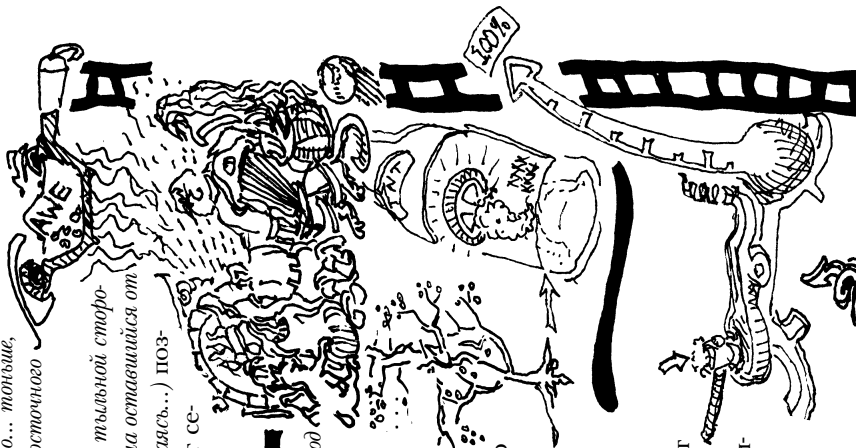
ДЕБОРИ: Сой? Не ожидал.

РЕКС: На этой неделе много кто много чего не ожидал.

БЕТСИ: В тот же день пришла телеграмма от Хвата — умер Бойс.

ДЕБОРИ: Не может быть! Бойс?

БЕГЕМА: На следующий день я звонила Дуремару. Он сказал, что Хват был на похоронах. Он сказал, никто не знал, что произошло: Бойс работал над новой хреновиной — кажется, он как вернулся из Мекси-

ки, сразу погрузился в работу, ваял большие медные фигуры в гробах, — тут у него разболелась голова, он пожаловался Лупе¹ и ночью, бредя, умер в больнице.

Они смотрят на реакцию Дебори; он опять зажмуривается, как когда пил молоко...

БЕТСИ: Было вскрытие... родственники и врачи хотели...

БЕГЕМА: Было проведено расследование: не связана ли загадочная смерть истощенного типа-скульптора с мерзким сам-знаешь-чем.

ДЕБОРИ (*малго, не открывая глаз*): С ЛСД? Бойс никогда не злоупотреблял кислотой, бухал он куда круче.

РЕКС: Я предположил, что Бойс стал первым, кому удалось вывернуть себе мозги. Но автобус... вы, ребята, разбились, или взлетели, или что?

БЕГЕМА: А еще "Свитков" замели за бродяжничество в новоорлеанском кельбане, копы паяют Ястребнику хранение и продажу героина...

ДЕБОРИ: Когда Сэмюэл Ястребник не торговал герои и не хранил с этой целью шняжки...

БЕГЕМА: Такая вот неделя.

Все на секунду умикают, даже Клод и шепчущие дети. Потом Бегема визжит и отрывает писающую Кумкват Май от груди... "Обоссалась, радость моя?" Она уходит в свою комнату менять пеленки. Клод снова растопает и чистит траву; Рекс зевает и садится. Бетси режет на дольки большой манго и раскладывает их перед детьми...

ШЕРРИ: Мама, я не хочу опять манго на завтрак.
КВИСТОН: И я не хочу. У них внутри волосы.

1 От исп. "волчонок".

ДЕБОРИ (встает на колени и улыбается детским лицам): Вот так вот? Чего ж вы, скупсы, хотите?

ШЕРРИ (колеблется, с сомнением наблюдая за переменявшимся отцом): Я хочу узнать, где ты, папа, был все это время...

КВИСТОН: И как тебе в голову ударили гром и молния, папа...

БЕГЕМА (возвращаясь с сухим младенцем): Да, папа... (усаживается поудобнее, скрепящая ноги) Мы тебя слушаем.

ДЕБОРИ: Лады, расскажу...

Он выдвигает стул и садится за стол. Берется за отворот Бегминой ночной рубашки, приподнимает его и гладит, как голый младенец, извивающийся в поисках влажного соска. Наконец, зубы присасываются с громким всхлипом. Дебори улыбается и опускает отворот.

БЕГЕМА (краснея): Забудь слезы умиления и приступай к рассказу, ага?

Что случилось с автобусом и его бесстрашным экипажем?

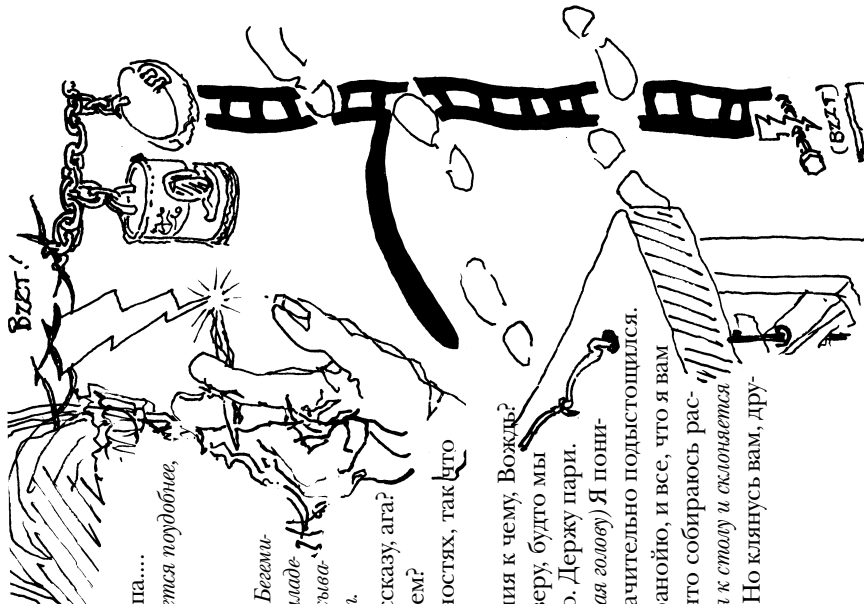
ДЕБОРИ: Слишком долго рассказывать обо всем в подробностях, так что я опущу то, что не имеет отношения...

КЛОД: Э? (прикуривает свой кривой косяк) Не имеет отношения к чему, Вождь?

БЕГЕМА: Не имеет отношения к тому, что вселило в него веру, будто мы — высшее общество, которому уготовано спасти Землю. Держу пари.

ДЕБОРИ: Вселенную. (он встает и отходит от стола, почесывая голову) Я понимаю, что за последние месяцы мой кредит доверия значительно подытожился.

Я понимаю, что то кичился перед вами, то впадал в паранойю, и все, что я вам говорил, вы потому делили на восемь, и я понимаю, что собираюсь рассказать вам нечто совсем уже из ряда вон. (возвращается к столу и склоняется над ним, стараясь говорить убедительно, будто на заседании) Но клянусь вам, дру-

зя, жар мой выпарился; я горяч, но жар прошел. Я обнарукую ныне не очередное чокнутое заявление человека, для которого жизнь — одна большая вечеринка. Я уверен на все сто, что освобождение грядет — освобождение не просто от войны, от экономического спада и бюрократической бесчеловечности, но от типа мышления, что позволил этим порокам загнать век в рабство! Вместе мы сможем все изменить, я на сто процентов в этом уверен, мы — все мы вместе — мы сможем...

БЕТСИ (благоразумно прерывая его запальчивую речь чашкой горячего кофе): Сможем что, а-эс? В чем ты уверен на все сто?

ДЕБОРИ (садясь и дуя на кофе): Спасибо, Бетси. *(он пробует сделать глоток, но кофе слишком горячий; он наливает в него молока и опять пробует отхлебнуть, но измочженно-му лицу видно, что к Дебори возвращается спокойствие)* Мы — и я говорю “мы”, поскольку теперь я знаю, что не смогу ничего сделать, пока не получу полную поддержку, — мы можем, в частности, управлять молниями. РЕКС и КЛОД: Управлять?..

ДЕБОРИ: Молниями. Громами и молниями. Заставить молнию ударить во что угодно, или в кого угодно, по моему — нашему — хотению. В частности.

Снова орет осел, наново повторяя свою скорбную жалобу. Вдоль залива начинают бить колокола. Дебори еще раз осторожно отхлебывает кофе и говорит голосом уставшим и слабым, но в то же время суровым, решительным и, подобно движениям тела, предельно ясным... и мы перемещаемся в автобус, что всего дергается и выхлывается по монотонным промышленным задворкам Гвадалахары: пешеходы его разглядывают, мотоциклисты оббегают...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Повторю: это слишком длинная история. Не буду углубляться в то, какой радушный прием оказали нам жители Гвадалахары... *(сквозь ветровое стекло за*

приникшим к рулю Хулихеном видна троюга мальчишек, швыряющая

в проезжающий автобус из прицепа фуры помидоры и кочаны капусты с криками "Diablero! Diablero!" и опуцу описание bordello большого города, в

который Мики Прозайк завел нас, чтобы продемонстрировать, по выра-

жению полковника, как дешево могут быть латинские дешевки... (в пере-

полненной и галдящей комнате Мики Прозайка рвет в уголовую лузу бильярдного стола после

того, как все пятнадцать шаров в номерном порядке и на одном дыхании расшвыряла дебе-

лая стриптизерша, присевшая на древнем згелном сукне) и пусть Забой потом расска-

жет вам в мельчайших деталях, как он порезал руку, выхватывая нож у нагло

лыбющегося двенадцатилетнего шкета, который, видимо, защищал свою си-

стренку от Забоева гнева — тот обнаружил, что она вся в стригушем лишае

и к тому же сперла его бумажник...

БЕГЕМА: Все по-честному.

КЛОД: Пусть Забой потом расскажет... э, (протягивает Дебору косяк) можем

ли мы заключить из услышанного, что отсутствующие все еще живы?

ДЕБОРИ: Надеюсь, мы останемся в неведении, пока не получим известий от Макгил-

ликадди, если им, конечно, дадут право на звонок...

БЕГЕМА: О-о, сказала бы я.

Бегема закатывает глаза, а мы перемещаемся к пламени и воплям...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Бегло упомяну также о прочих кошмарных похождениях дилетантов — на-

вроде того, как замкнулась и загорелась приборная доска, когда мы на

следующее утро въезжали в аэропорт за считанные минуты до отлета...

(связь дым мы видим руку Хулихена в перчатке, шарящую в огне, искрящихся проводах

и черной электрической копоти: "Ничего не бойтесь, парни, просто вышла

и черной электрической копоти: "Ничего не бойтесь, парни, просто вышла

и черной электрической копоти: "Ничего не бойтесь, парни, просто вышла

и черной электрической копоти: "Ничего не бойтесь, парни, просто вышла

и черной электрической копоти: "Ничего не бойтесь, парни, просто вышла

и черной электрической копоти: "Ничего не бойтесь, парни, просто вышла

закавычка с перемычкой...”) и в результате, пока мы боролись с пламенем, бедный Вайнштейн, перенервничав, ухромал не на тот самолет... (оставляя за собой занявшиеся от приборной доски тлеющие полоски грязной марли, паникующий полковник Вайнштейн в разбитых очках и с перепачканным гитсом ковыляет по взлетной полосе, слепо тычет в нее тфостью и просит: “Боже отцов моих, срочно выведи бедного обломавшегося засранца из засады!”) и улетел в Боливию — так, по крайней мере, считает начальник аэропорта.

РЕКС: Блядь. Когда мы приехали сюда, проводка была в норме.

КЛОД: До того, как кое-кто барабанил пару дней по приборной доске.

РЕКС: Блядь. Новое сцепление хоть пахало?

ДЕБОРИ: Сцепление было в норме, но после аэропорта мы сменили карданный шарнир. Хулихен сказал, все полетело после того, как ты проехал пол-Мексики без сцепления, натяжение утробило подшипник шарнира, потому что...

БЕГЕМА: Ты вроде как собирался опустить вступление и перейти непосредственно к делу.

ДЕБОРИ: ...и вот после всех этих вступительных злосключений и напастей мы наконец выкатились из Гвадалахары двое суток спустя на запад, изрядно одуревшие... Господи, насколько же одуревшие...

В свете передних фар растопляется узкая извилистая горная дорога...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Ночь. Впереди Хулихен, четыре дня не смыкавший глаз, ведет машину для разнообразия так, что пальчики оближешь, ни с кем не болтает и счастлив тем, что тих, а примерно посередине салона мы с Забом и Мики сидим на полу и выбираем лучшее из трех зол: кальян с гвадалахарским планом, основательный шарик опия, который Забой выиграл у двенадцатилетнего шкета после ножевой драки, и вот эта вот

трубка с ДМТ, Мики вспомнил, что он заховал ее в верхний громкоговоритель...

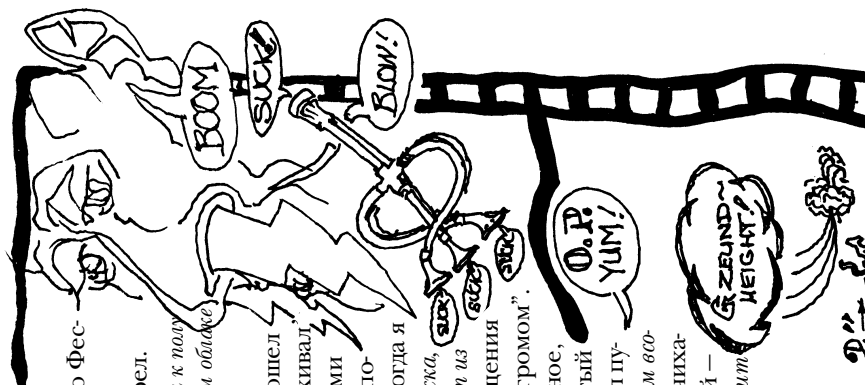
БЕГЕМА: Хрена два он заховал! М'кела дал ДМТ Мики и мне после Крысиного Фестиваля на Стинсон-Бич, и в громкоговоритель его заховала я!

ДЕБОРИ: Кто бы его ни заховал — ДМТ был первый сорт. Я закинулся и задурил.

Трое мужчин, сидящих вокруг мексиканского кованого подсвечника, что прилеплен к полу автобуса изолянтной, чтоб не упал на поворотах, качаются туда-сюда в трехцветном облаке дыма...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Прошел час или около того, и я воспарил так высоко, что сошел вниз со Звездно-Полосатым Чихом — вспыхивал и чихал, чихал и вспыхивал, вспухающими всполохами — кометами, электрическими радугами, вихрями и звездопадами, — пока не заметил кое-что вдали. Казалось, что вспышки появляются как вне моей головы, так и внутри нее. Казалось, каждый раз, когда я чихаю, вспыхивает молния... (Мики зажигает потухшую свечу в центре кружка, Дебори приставляет глаза и вслушивается: "Что-то гремело?" Хулихен кричит из кабины: "Так точно. Наш курс ведет нас в область электрического возмущения протяженностью — по моим прикидкам — девять миль меж молнией и громом".

"Никто не заметил, — спрашивает Дебори, — случилось что-нибудь необычное, когда я чихнул секунду назад?" "Я заметил, что ты задул свечу в пятнадцатый раз!" Забой управляет со своим огнем при помощи Микиной зажигалки: "Попел пузырями. Берите". Трое подаются вперед к медной трубке, борясь за право первым всосать флиртующую опийную дымку...) Но проверить я ничего не мог — когда чихаешь, трудно держать глаза открытыми. Я поступил как настоящий ученый — попросил подтвердить явление независимую сторону... ("Хулихен, — кричит

Дебори, обращаясь к кабине, — посмотри, не случится ли чего-нибудь необычного, когда я в следующий раз чихну". И немедленно чихает опять, загасив свечу ровно в тот момент, когда вспышка далекой молнии высвечивает силуэт ссутуливающегося за рулем Хулихена. "Так точно, Вождь, молния. Ты достиг Пятого Уровня, который потом станут называть, если уже не называют, "Астраляный План Молниеносного Чиха". Мои поздравления, и передай до-зу шоферу, черт, заткнись, Хулихен!"

РЕКС: Я не уверен, что подтверждение Хулихена, который четыре дня кряду глаз не смыкал, — достаточное доказательство.

ДЕБОРИ: Правоту Хулихена засвидетельствовали Мики с Забоём. (Мики

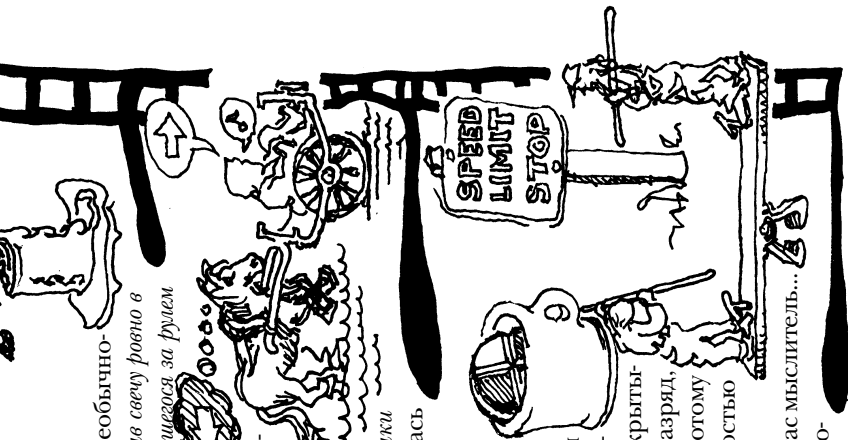
Прозайк, щелкая зажигалкой: "Хулихен прав. От твоего чиха врубилась молния и вырубилась блядская свеча. Ясен пень".)

ШЕРРИ: Ну папа... ты *правда* думаешь, что чихал молниями?

БЕГЕМА: Да, папа, неужто и *они* так думали?

ДЕБОРИ (*саяя Шерри на колени*): Они, наверно, думали, что я настолько ошалел и накрутился, что мог бы супербыстро догнать молнию и лететь вместе с ней. Но я-то все понял; я буквально ощущал, как статическое электричество образуетея в земле, я чувствовал волны с закрытыми глазами. Меня пробирало в тот самый момент, когда возникал разряд, а не в ответ на него. Мне было все равно, что они там себе думали, потому что у меня появилась мысль: "Если человек может чихать со скоростью молнии..."

БЕГЕМА: ...что мешает ему чихать быстрее молнии, да? Ох, папа, да ты у нас мыслитель...
ДЕБОРИ: И если ты ее опережаешь, не означает ли это, что ты ее и порождаешь?

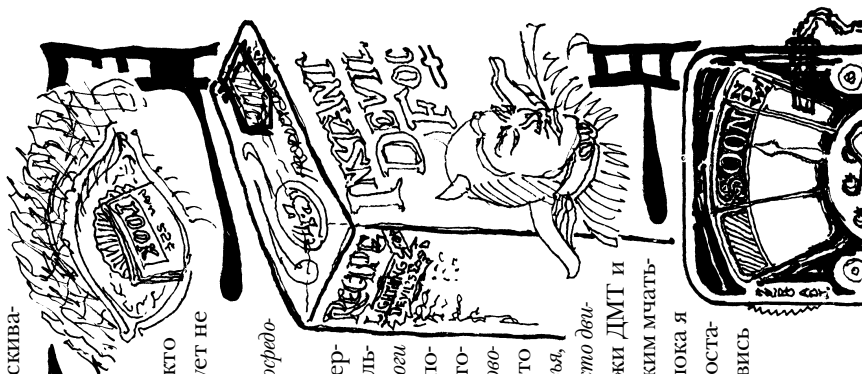
КЛОД: Разумеется, точно как Шантеклер своим кукареку каждое утро выгаскивает на небо солнце¹. Дай-ка мне чашку кофе, что скажешь, Бетси? чтобы унаться за таким типом мышления, парням потребны стили-мулянты.

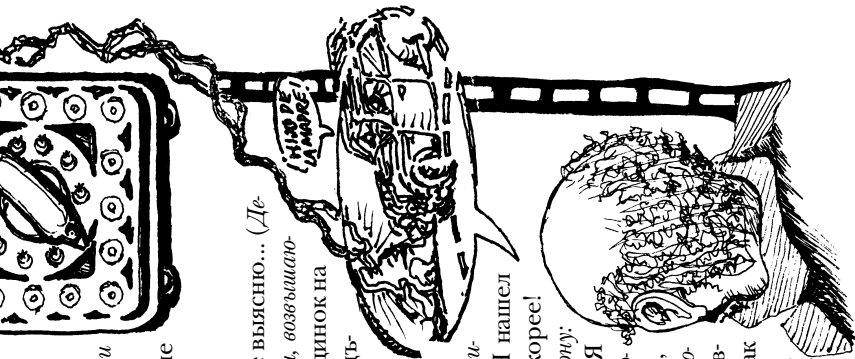
БЕГЕМА: И девчонкам, Бетси; ты не нальешь мне чашечку?

ДЕБОРИ: Но разве не опоздал тот, кто не успел? Кто отбрасывает тень — и кто тут тень? Как сказал Кассиус Клэй²: “Первым на выход!” Разве командует не тот, кто выходит первым?

В автобусе Дебори долго затягивается маленькой трубкой с ДМТ, зачарованно сосредоточившись, голова его зависает над трепещущим пламенем свечи...

ГОЛОС ДЕБОРИ: И разве мы все не сознаем, что для того, чтобы выйти первым, надо перестать тратить время на всяческое обдумывание и, как только на тебя находит, действовать?.. (“Стоп! — с воплем Дебори вскакивает на ноги и стоит, шатаясь меж двух напуганных собратьев по курению. — Хулихен, я понял! На обочину и стоп!” “Стоп!?! — говорит Хулихен недоверчиво. — Что с тобой, брат?” Забой спрашивает: “Ты ушлялся?” “Успокойся, Вождь, — говорит Мики, защищая от шутких восклицаний Дебори подвечник. — Просто успокойся!” “Именно, Вождь, именно! — Хулихен слез с водительского сиденья, вытрямился и ведет автобус по дороге, бросая на нее мимолетные взгляды, открывисто двинув рулем и тисая успокоить Дебори. — Ты, главное, присядь обратно, отложи ДМТ и курни старого доброго “О”, и, как сказал Мики, успокойся, и мы продолжим мчаться вперед до самого, до самого...” “Остановись, Хулихен, черт подери, пока я его не упустил... ОСТАНОВИСЬ!” “Упустил что?” — спрашивает Мики. “И останись новиться где?” — добавляет Забой. “Упустил Тайну! Ключ! Ответ! и останись

прямо ТУТ, Хулихен, прямо СЕЙЧАС!" "Лучше остановись, — советует Мики Хулихену. — У него глаза сверкают!"

ДЕБОРИ: Я увидел его так ясно, как рецепт на банке с порошком для торта; я не знал, что именно стараюсь...

БЕГЕМА: Дьявольский торт³.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Но я знал, что если шаг за шагом следовать инструкции, я все выясню... (Дебори бежит вперед тормозящего и рассерженного экипажа вверх по темной насыпи, возвышающейся над дорогой и кое-как припаркованным автобусом. "О, посмотрите, как он одинок на

холостом ходу! — плачет Хулихен. — Воздь, позволь мне здесь и сейчас предъ-
явить в качестве официальной ноты предостережение: лучше бы твои на-
дежды оправдались!" "Аминь, брат Хулихен", — ворит Забой. Позади возится
и спотыкается Мики; тихо матерясь, он ерзает в темноте в Забоя. К ним присо-
единяется Хулихен. "Как насчет покурить, Мики?" Они все прикуривают от Мики-
ной зажигалки, когда Дебори кричит с бугорка: "Здесь, вот на этом месте!..") Я нашел
подходящий гранитный выступ, на котором мог укрепиться... ("Все сюда! Скорее!
Оно вот-вот наступит..." Мики поднимает зажигалку и пыхтит вверх по склону:

"Кагда чувак чуйствует прилифф силы, он рискнует быть падавленным". "Я
бы хотел, штоп прилифф силы накатил на неффо в местечке получше", — го-
ворит Хулихен. "У меня чуйство, — говорит Забой, — что было бы ащки здорово,
если бы прилифф силы не пришел ваапще". Они добираются до Дебори, тот сто-
ит с поднятой головой и закрытыми глазами. "Тихо. Я его чуйствую". "Я тоже чув-
ствую, какой же я идиот, что оставил куртку в машине, — говорит Мики. — Как

Персонаж-песня "Шантеклер" (1910) французского драматурга Эдмона Ростана (1868–1918)

Касиус Марцеллус Клей (р. 1942) — американский боксер, в 1964 г. вступил в секту "Чер-
ных мусульман" и сменил имя на Мухаммед Али.

Дьявольский торт — жирный шоколадный торт.

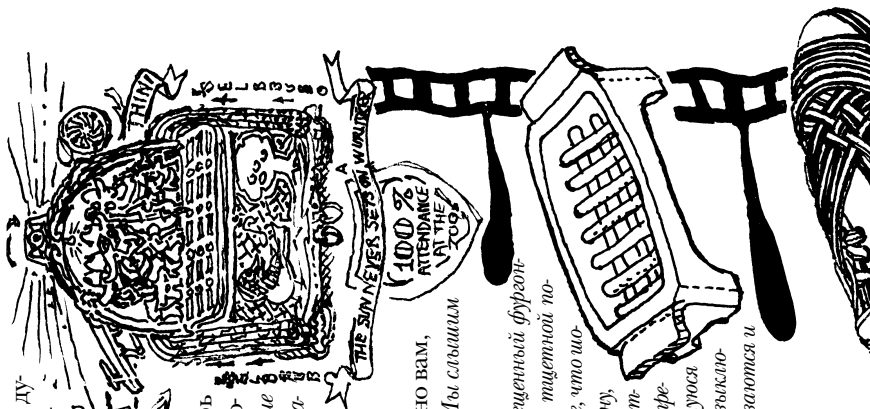
1
1
2

ты полагаешь, Сила пощадит меня, если сбегая за курткой?" "Ребгта, я думаю, вы мне не нужны. Я просто думал, вы захотите это увидеть. Делайте что хотите, только тихо, чтоб я мог его почувствовать..." — и он стоит в накаляющейся тьме, освещенный лишь тлеющей мерцающими сигаретами, и на него находит чих: "А-а... А-а..." Пер-вый ушел в молоко — мне нужно было разогреться... ("А-а... А-а-а..." Рядом сверкает молния, и тут же: "ПЧЧИ! Лады, эту я пропустил, а теперь смотрите... а-а... а-а...") Вторая тоже меня опередила, но и кое-что по-нял... ("...а-а... А-а... А-а-ТАМ!" Он указывает на скалу поблизости за мгновение до того, как в еще один выступ, достаточно близкий, чтобы впечатлительные наблюдатели, бьет великодушная молния...) Я понял, что чихать не обязательно, что главное — это цель!

КЛОД: И этим спас свою слизистую оболочку.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Почувствовать, куда оно устремлено, и ударить туда... ("Ладно вам, глумиться все горазды... смотрите вот на эту: смотрите... смотрите..." Мы слышим приближающуюся машину. "смотрите ВОН ТАМ!"

Ужасающий пук молний взрывает скалу у самой дороги, забрасывая камнями освещенный фургончик, на большой скорости закладывающий вираж, надсадно хрипя и разворачиваясь в тицетной попытке избежать камнепада, и разлетаются во все стороны булыжники, и кажется уже, что шоферу как-то чудом удалось прогнать автомобиль сквозь призракную сверкающую лавину, когда прямо перед ним обнаруживается припаркованный автобус. Тут иссякает даже отчаянное водительское мастерство, и шофер срывается в мусорную лагуна, что часто встречается вдоль осушенных мексиканских обочин, и медленно погружается в разлагающуюся топь: мотор дымится и глохнет, проводку замыкает во всех системах, включенных и выключенных, машину бьет эффе-к-т-н-а-я механическая агония — капот с багажником открываются и

закрываются, радио визжит, мигают красные огни на крыше и, когда из салона наконец выкарабкаются пассажиры, задыхается под водой полицейская сирена, неслыша и отказываясь...)

ДЕБОРИ (ставя пустую чашку обратно на стол): То был фургон федералесов, и вез он их собственную группу мариачи, состоящую исключительно из тюремных охранников в отставке; вез в Гвадалахару, где они должны были играть этой ночью на свадьбе дочери губернатора Халиско. Группа называлась "Convitados Alegres del Zoo Diablo", "Веселенькие Гости Дьявольского Зоопарка" (все до единого тюремные охранники, ага?), она mucho¹ известна от берега до берега, и в Эль-Пасо, и в Аризоне тоже. Они прежде никогда не опаздывали на концерты — они желали, чтоб мы это себе уяснили, — ни разу за все годы гастролей. Специально для бала в честь губернаторской дочки пошили себе новые костюмы за свой счет...

БЕГЕМА: Да уж, да уж! И что, "Веселенькие Гости" в некотором смысле обиделись на парней, которые оставили автобус на дороге?

ДЕБОРИ: В некотором смысле. Не столько из-за автобуса на дороге или машины в луже, сколько из-за того, что попортились их абсолютно новые костюмы мариачи. Но и тут мы, черт возьми, почти выкрутились, Минки убедил их, что мы сами — гастролирующие мариачи, электронные тапкие, и что мы отдадим им на сохранение старый фендеровский усилочек в залог того, что починим их поврежденные костюмы...

КВИСТОН: Кто такие мариачи? Я забыл...

ШЕРРИ: Это такие парни, которые выходят, играют музыку мариачи и поют песни, когда ты пытаешься поесть на площади.

1 Очень (исп.).

ДЕБОРИ: Именно, Шерри. Только в нашем случае это были торемные охранники, которые играли мариачи, которые играли музыку мариачи.

ШЕРРИ: Ого. А что это значит?

КВИСТОН (не оставляя попыток понять, что это за мариачи): Папа, а как они выглядели? ДЕБОРИ: Они выглядели... когда они wygrебли из всех четырех дверей своего тонущего фургончика и стали барахтаться в пруду из сгнившей овсянки и кофейной гущи, они выглядели... давай вот что сделаем, Квистон: если ты сейчас пойдешь и принесешь сюда "Канон", я не только расскажу тебе, как выглядело каждое из этих созданий, мы еще и посоветуемся с оракулом, и Шерри узнает, что все это значит, лады?

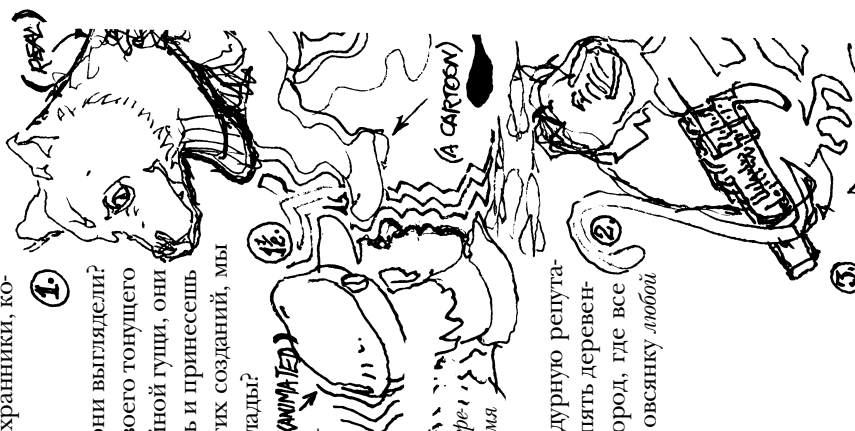
КВИСТОН: Лады.

Мы увязываемся за ним: он шмыгает в спальню и находит большую книгу, лежащую в ящике из-под фруктов около родительского матраса. Передняя и задняя обложки книги являют собой коллаж из фотографий всех Друзей Животных и их сподвижников: тут есть "Святки Моря", Аллен Гинзберг, Пол Краснер, миссис, знакомые по Крысиному Фестивалю – М'кела, Мэри Микрограм и т.д. Квистон почтительно берет книгу обеими руками и несет ее на обеденный стол (из переплета свисают полные легкие дыма и продолжает рассказывать...

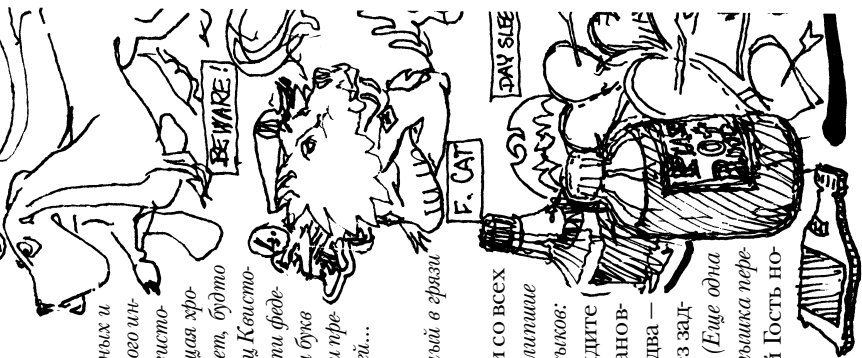
ДЕБОРИ: Они выглядели как пять лесных зверей из имеющего очень дурную репутацию, очень, э-э... (меняя ради Квистона прилагательные) дешевого леса... пять деревенских зверей, которые вырядились, чтобы отпраздновать на бал в город, где все очень дорого. Но несмотря на блески и шелк, несмотря на грязь и овсянку любой мог бы сразу сказать, кто они на самом деле.

КВИСТОН: Кто? Кто они на самом деле?

ДЕБОРИ: Один из них был... медведем.

Растерянное лицо Квистона преобразается в сцену у автобуса: Друзья Животных и "Convidados Alegre del Zoo Diablo" препарируются в крикливом формате испано-английского информационного таблоида. В картинке есть отличия, она уличена воображением Квистона. Автобус не столь раздлан: новые шины, колеса с хромированным ободком, сияющая хромированная поверхность волнисто, под-джексонполлоковски¹ разрисована и сверкает, будто фосфоресцентная краска. Кроме того, Хулихен, Забой и Мики чуть укоротились, а отец Квистона стал выше и обрел более геройскую выправку. Большие всего изменилась внешность пяти фиделлесов: все они одеты в грязные костюмы мафиачи, украшенные сверху допущу сотнями букв "Z" из красных и зеленых блессток; "Веселенькие Гости Зоопарка" — не реальные люди, они превратились в мультяшные карикатуры, наложенные на реальную картинку а-ля Дисней...

ГОЛОС ДЕБОРИ: ...угловатый увалень Топтыга-Торопыга...

Наполовину замызганный человек, наполовину рисованная мартышка, вываленный в грязи Топтыга-Торопыга вовлечен в беседу с медвяноголосым Хулихеном...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Насчет медведя я был спокоен: Хулихен обступил его почти со всех сторон... (Хулихен вьется вокруг дородного существа, заискивая сдерживая прилившие к исторченному костюму мафиачи отбросы и импровизируя на полудюжине полудюжков: "Извините ради excusemente gringo dumkaaf a myu mergi boucoup². Видите вон тех двоих? mucho Servantes вынудили к непригодной утечка останова...") — а Торопыга с отвисшей челюстью благоговейно на него взирает...) Номер два — мартышка, шофер, я думаю, потому что он был в гоночных перчатках без задников, отчего руки немного походили на лапы: Колесная Мартышка... (Еще одна анимационная смесь... лопухая, кривоногая и невероятно низкая Колесная Мартышка перекакивает с лапы на лапу за спицами Забоя и Мики, пока они...) Веселенький Гость но-

1 Джексон Поллок (Пол Джексон Поллок, 1912–1956) — американский художник, абстрактный экспрессионист.

2 Очень извините тушун-тринго, большое спасибо (искаж. исп., нем., фр.).

мер три был собакой... (Забой и Мики, озадаченные испанским лаем, стоят

перед куда более высоким товарищем Мартышкой...) краснорылый длинномордый

Пес Гундос. (Не в силах усидеть на месте, Мартышка прыгает на Забоя со спины,

хватает его за длинные волосы и тянет их вниз; протестующий Забой выгибается ду-

гой, и Пес сует свой профессионально выглядящий нос ему в рот, нюхает, мотает головой: "No

alcoholico..." - а Мики добровольно открывает свой рот до того, как Мартышка успевает схва-

тить его за волосы. Пес вытягивает воздух и опять мотает головой, обращаясь явно к начальнику:

"No, Caritan; no alcoholico...") И ничего quato¹ был лев - Капитан Лев. (Лев нарисо-

ван соответственно - жирными, величавыми линиями: жирная серая грива, жирная лапа, по-

бедно жирные плечи и грудь, которая, как можно заподозрить, скорости вырастет в бост и

превратится в равно жирную, но не столь уж достопочтенную запасную шину, - таковы были габари-

ты, за счет которых тщеславное животное с львиным сердцем и заплявшим лицом держалось не

на высоте.)

ГОЛОС КВИСТОНА: Папа, ты испугался?..

ГОЛОС ДЕБОРИ: Только не Капитана Жирной Кошки. Помести его в теплое сухое мес-

то - и он тут же уснет. Как и Пес, и даже скакавшая как на иголках Мартышка, думал

я; отрезвляющий эффект аварии уже рассеивался, и стало видно, что они нажра-

лись в драбадан... (Мики прищелкивает пальцами, обнаруживая, как много он начинает пони-

мать: "Я-то знаю, что вы, парни, выноживаете!" - и устремляется к чемодану в задней ча-

сти автобуса.) Кроме того, если понадобится, Мики Прозайк способен очаровать до

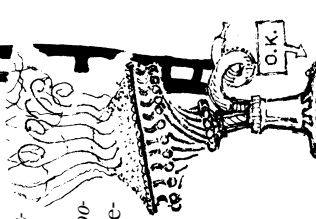
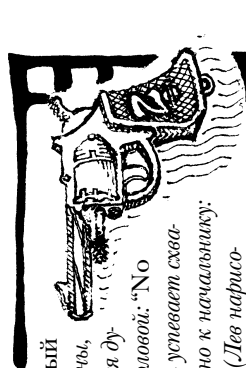
невозможности всякое умеренно теплокровное существо... (Мики торопится назад к дро-

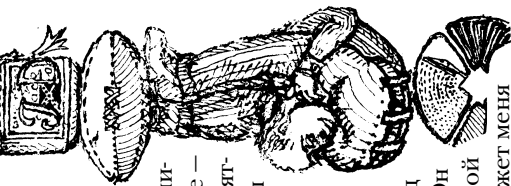
жащим маршачи с литром "Джека Дэнизиса": "Единственная бутылка на борту, как може-

те видеть, практически полная. Мы к ней не притрагиваемся... разве что если про-

дронем и замерзнем".) Но проблема заключалась в том, что один член группы не

был умеренно теплокровным. Он был... Ящерицей.

БЕГЕМА: Брр, Ящерица... пфф, брр.

ДЕБОРИ (*развязывая шарфик, продетый сквозь дыры китайских монет*): Мы с ним сразу стали не разлей вода, с этим Лейтенантом Ящерицей. По зеленому свечению его глаз и языку, облизывающему земноводную ухмылку, я моментально понял, что он глядит на меня. И еще — он один из всей группы носил пистолет... большую, показную пушку с кожаной рукояткой в обитой серебром кобуре с поясным ремнем из змеиной кожи. Этот пистолет был всего лишь частью его костюма мариачи, сказал он мне потом, когда мы стали запанибрата и обещал представить его группу нашему агенту в Лос-Андже... просто реквизит для шоу, аксессуар, но тем не менее — настоящий пистолет.

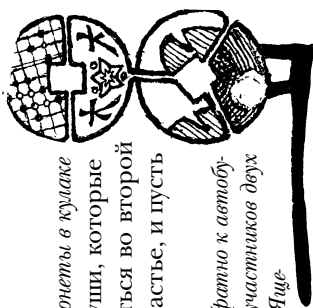
БЕГЕМА: Я стою за полное разоружение со времени той потасовки на крыше.

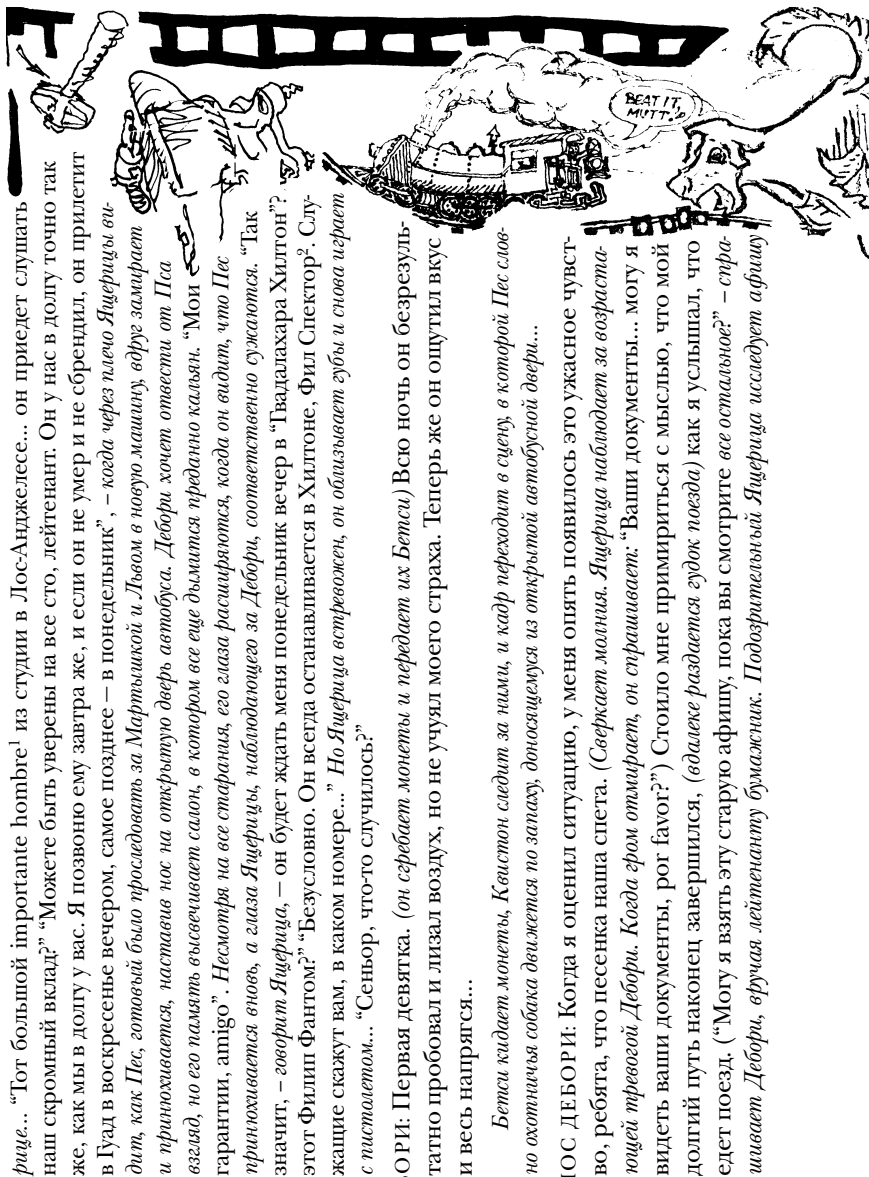
ДЕБОРИ: И он точно *знал*, что меня эта пушка нервировала. Все время, пока подтрунивал над тем, что в своих странствиях он выучил английский лучше, чем я в своих — испанский. Он постоянно прохаживался своими ящерскими пальцами по огромной рукоятке — на которой серебром по кости была наинкрустирована эмблема “Z”, — стараясь дать понять, что может меня грохнуть.

КЛОД: Значит, Ящерица положил на тебя глаз; это он вас потом повязал?

ДЕБОРИ: Нет, не он, а Пес Гундос. Даже когда все успокоилось (*он встряхивает монеты в кулаке словно кости*), когда буря прошла стороной, и нас признали за родственные души, которые несут музыку в суровый мир, и “Веселенькие Гости” собрались было забраться во второй фургон, с аппаратурой, который ехал за ними... подуй на них, Квистон, на счастье, и пусть Канон будет к нам милостив... чуткий нос Пса Гундоса что-то учуял...

Дебори бросает три монеты на стол. Квистон следит за ними, а мы перемещаемся обратно к аэробусу. Напряжение спадает вместе с уровнем виски в бутылке “Джек Дэниэлс”. Каждый из участников двух групп дарит своим коллегам теплые adioses, готовясь с ними расстаться. Дебори жмет руку Яще-

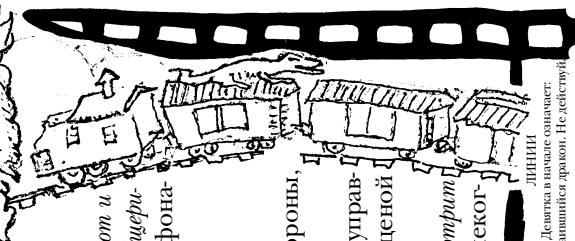

рице... "Тот большой imoportante hombre¹ из студии в Лос-Анджелесе... он придет слушать наш скромный вклад?" "Можете быть уверены на все сто, лейтенант. Он у нас в долгу точно так же, как мы в долгу у вас. Я позволю ему завтра же, и если он не умер и не сбрендил, он прилетит в Гуд в воскресенье вечером, самое позднее — в понедельник", — когда через плечо Яцифрыца выдид, как Пес, готовый было проследовать за Мартишкой и Львом в новую машину, вдруг замарает и прилихивается, наставив нос на открытую дверь автобуса. Дебори хочет ответить от Пса взгляд, но его память высвечивает салон, в котором все еще дымится продавно кальян. "Мон гарантин, апиго". Несмотря на все старания, его глаза расширяются, когда он видит, что Пес прилихивается вновь, а глаза Яцифрыца, наблюдающего за Дебори, соответственно сужаются. "Так значит, — говорит Яцифрыца, — он будет ждать меня понедельник вечер в "Гадалахара Хилтон"? Этот Филипп Фантом?" "Безусловно. Он всегда останавливается в Хилтоне, Фил Спектор². Слушающие скажут вам, в каком номере..." Но Яцифрыца встревожен, он облизывает губы и снова играет с пистолетом... "Сеньор, что-то случилось?"

ДЕБОРИ: Первая девятка. (он сгребает монеты и передает их Бетси) Всю ночь он безрезультатно пробовал и лизал воздух, но не учуял моего страха. Теперь же он ощутил вкус и весь напрягся...

Бетси кидает монеты, Кейстон следит за ними, и кадр переходит в сцену, в которой Пес словно охотничья собака движется по запаху, доносящемуся из открытой автобусной двери...

ГОЛОС ДЕБОРИ: Когда я оценил ситуацию, у меня опять появилось это ужасное чувство, ребята, что песенка наша слета. (Сверкает молния. Яцифрыца наблюдает за возрастающей тревогой Дебори. Когда гром отмирает, он спрашивает: "Ваши документы... могу я видеть ваши документы, рог favor?") Стоило мне примириться с мыслью, что мой долгий путь наконец завершился, (вдалеке раздается гудок поезда) как я услышал, что едет поезд. ("Могу я взять эту старую афишу, пока вы смотрите все остальные?" — спрашивает Дебори, вручая лейтенанту бумажник. Подозрительный Яцифрыца исследует афишу

Крысиного Фестиваля с обеих сторон с фонариком. Дебори морщится, хватается за живот и объясняет: “Взять с собой в кусты...” — “Ai, sagamba, теперь me sabe!³ — отвечает Яцерица, оправадываясь. — Простите меня”. Он отдает Дебори листок бумаги. “Хотите мой фонарик?” Но Дебори уже спешит прочь...

БЕТСИ: Семь. Опять янская линия. (передает монеты Клоду)

ДЕБОРИ: Я сказал ему, что смогу справиться и в темноте — и направился к путям.

КЛОД (бросая монеты): Опять семь. (пододвигает монету к Бегеме) Учитывай, с одной стороны, что не было способа предупредить парней и...

БЕГЕМА: Учитывай, с другой стороны, что человек, который только что открыл, как управлять молниями, обязан ради человечества не попасться в руки врагу и любой ценой продолжать исследования... правильно, папа?

ДЕБОРИ: Еще раз семь. (он невозмутимо собирает монеты и передает их Рексу, который смотрит на Бегему) На кон, Бегема, поставлено слишком многое. Ситуация критическая, некогда

да выяснить, кто прав, кто виноват. Наша цивилизация больна, поражена недугом. Мы все это знаем. Вот почему мы закидываемся кислотой и вырубамся. Но разве мы не похожи на принца и его вечеринку аристократов из “Маски Красной Смерти” Эдгара Аллана По — затеяли за надежные стены шимальной маскарад, пока за порогом бушует чума, до которой нам и дела нет? Или же мы вырубамся, чтобы приготовиться к битве с недугом? найти лекарство, которое освободит от чумы XX века *всегда*? выковать новое оружие и дать новый бой этой напасти? Мне кажется

1 Важный человек (ист.).

2 Фил Спектор (Харви Филип Спектор, р. 1940) — американский музыкальный продюсер. Есресто (ист.) — привидение.

3 Ай, черт... я понял (ист.).

4 Комментарий к первой черте первой тексграммы китайской “Книги перемен”.

Линии

Девятка в начале означает:

Затянувшийся дракон. Не действует

В Китае дракон означает нечто совершенно отличное от того значения, которое придают ему в Западном мире. Дракон — символ эстетически выраженной, динамичной возбуждающей силы, являющей себя в грозной буре. Зимой эта энергия уходит в землю, а в начале лета вновь пробуждается и появляется в небесах грозой и молнией. В результате на земле вновь начинают шевелиться творческие силы.

Здесь эта творческая сила по-прежнему спрятана под землей и, следовательно, воздействия не оказывает. В смысле людских отношений это символизирует величье человека, до сих пор не узнавшего. Вместе с тем он остается верен себе. Он не позволяет себе поддаваться влиянию внешнего успеха или провала, но удерживает в своей силе и выживает. Поэтому тому, кто обращается к судьбе и прокладывает эту черту, разумно выждать в спокойной силе терпения. Время осуществится. Не следует опасаться, что сильная воля не одержит верх: самое главное — не растрачивать силы преждевременно в пошлых силках дракона, время для чего еще не пришло⁴.

ся, либо мы совершаем эскапистский трип, уподобляясь принцу и его безднушной элите, в чем нас обвиняют наши собратья, — либо мы как Че¹ и его группа в Сьерра-Маэстра собираемся с силами, дав клятву освободить каждого от чумы XX века! Я полагаю... бросай, Рекс... что кто не успел, тот опоздал, и мы успеваем еще отправиться в трип освобождения. Еще одна янская черта. Вот, Бланш, последний бросок твой — в честь твоей новой Зари Пошуттов. Если ты выкинешь очередную семерку, у нас все линии будут янские — “Творчество”.

Бланш бросает. Квистон смотрит, как монеты прыгают по столу. В кадр въезжает локомотив, несущийся вверх по склону, колеса искрят, прожектор локомотива пронзает тьму. Дебори выскакивает из травяной канавы и драпает за ним, подтягивая штаны.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Семь. Друзья Животных, у нас получилось. “Творчество” — Сотворение, Созидание нового оружия, новых стратегий...

ГОЛОС КВИСТОНА: А что было потом? За тобой гнались?

ГОЛОС КЛОДА: ...девятка на первой позиции переходит в прерывистую черту, что дает нам “Творчество”, переходящее в... дайте-ка мне книгу...

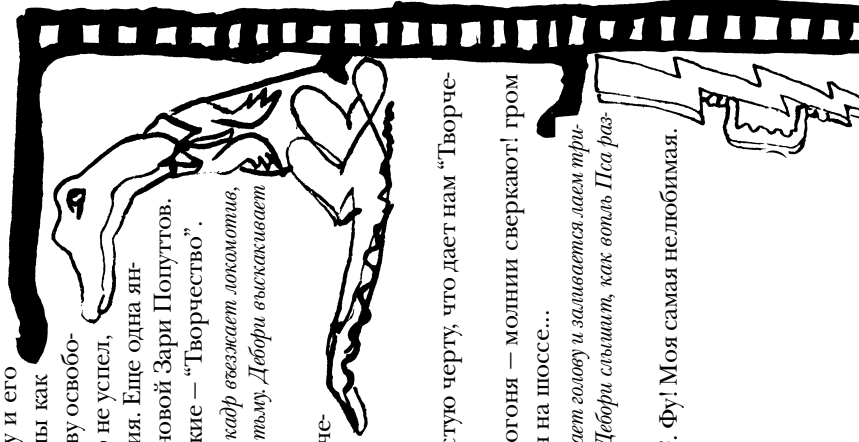
ГОЛОС ДЕБОРИ: Квистон, я же сказал, это была фантастическая погоня — молнии сверкают! гром гремит! поезд мчится, я бегу! и неизбежная облава, случившаяся на шоссе...

Внутри автобуса Пес загнал курительный казан в угол. Он загрохочивает головой и заливается лаем триумфатора: “Марихуа-нахххх! Марихуа-наххх!” Драпающий вдале насыпи Дебори слышит, как вопль Пса разносится ясным эхом, перекрывая и поезд, и фром.

ГОЛОС КЛОДА: Переходит в гексаграмму 44, “Движение к встрече”². Фу! Моя самая нелюбимая.

Давайте ее даже не читать.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Это которая?

ГОЛОС КВИСТОНА: Папа?.. (он в ужасе видит, что отец отстает от поезда, а в это время спор о "Каноне" до-стигает пика по интенсивности и накалу эмоций...)

ГОЛОС КЛОДА: Это гексаграмма, в которой принцип Тьмы, только что уничтожен-ный, снова подкрадывается снизу. Давайте ее не читать.

ГОЛОС КВИСТОНА: Не читай ее, папа! (пока скорость его отца угасает до мучительно медленной, поезд продолжает грохотать мимо с прежней быстротой, а мультяшные копы ускоряются, рыскают внутри и снаружи большого автобуса, бегают вокруг него, машут фонриками, выкрикивают ульти-матумы...)

ГОЛОС КЛОДА: Текст "Творчества" адски длинен, чтобы зачитывать его вслух. Проедем; мы все знаем, о чем эта гексаграмма.

ГОЛОС КВИСТОНА (фонрики натываются на кристаллизованный силуэт отца на железнодорожной насыпи): Да, папа, проедем!

ГОЛОС ДЕБОРИ: Посмотрим хотя бы изменяющуюся черту.

КЛОД: Я прочитал. "Девятка в начале означает: Загавшийся дракон. Не действуй"

Пока Клод читает комментарий, Квистон смотрит, как три нарисованных противника карабка-ются по холму к путям все ближе и ближе к застывшему образу. Квистон, будучи не в силах это вынести, приподнимается и шепчет в отцовское ухо: "Ты успел на поезд?" "Да, — шепчет Дебори в ответ, — с четырьмя вагонами в запасе, и за мной гнались трое из "Зоопарка"". Образ выламывается из транса и, после перезарядки, прыгает на лестницу сзади едущего мимо товарного вагона.

КЛОД (эффектно захлопывая книгу): Ну вот. Теперь ждем.

ДЕБОРИ: Ждем, пока не образуются заряд.

БЕГЕМА: И пытаемся вытащить автобус и сумконош из каталажки.

1 Эрнесто Гевара де ла Серна (Че, 1928–1967) — латиноамериканский революционер.

2 Так называется сорок четвертая гексаграмма в переводе Рихарда Вильгельма. В пере-воде Ю.К. Щуцкого это "Перечение".

Задумавшись, все сидят тихо: неясно, что думать, непонятно, как реагировать на то, что Дебори сказал и сделал. Атмосфера фразовая, вот-вот Друзья вынесут свой вердикт...

КВИСТОН (вырываясь в бездумное обдумывание своевременным шепотом): Трое — кто именно?

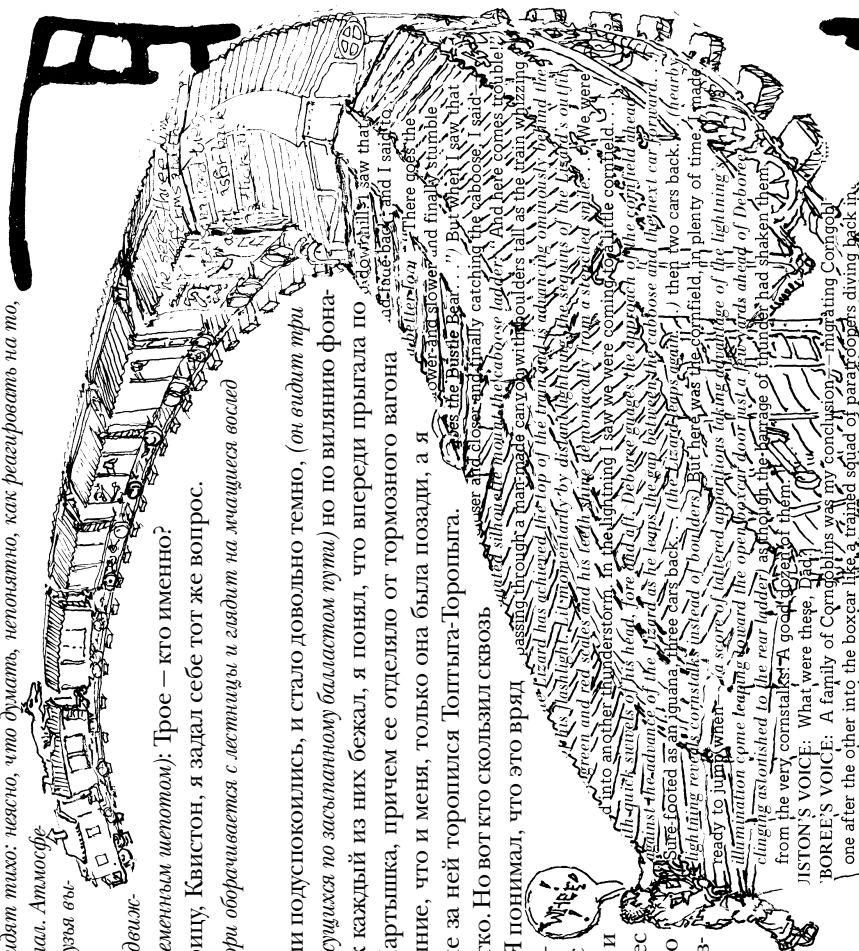
ДЕБОРИ: Увидев эту троицу, Квистон, я задал себе тот же вопрос.

Запыхавшись, Дебори обращается с лестницы и глядит на мчащиеся вслед машины.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Молнии подуспокоились, и стало довольно темно, (он видит три сумрачных силуэта, несущихся по засыпанному балластом пути) но по влиянию фонариков и по тому, как каждый из них бежал, я понял, что впереди прыгала по шпалам Колесная Мартышка, причем ее отделяло от тормозного вагона почти то же расстояние, что и меня, только она была позади, а я впереди; чуть дальше за ней торопились Топтыга-Торопыга.

Этих узнать было легко. Но вот кто скользил сквозь

ночь в арьергарде? Я понимал, что это вряд ли Капитан Лев — как бы он побежал с таким-то рангом? — и я знал, что это не Пес Гундос, потому что слышал его лай у автобуса. Остается...

парашютистов, запрыгивающих обратно в самолет. Все, кроме одного, старше и меньше остальных, и с ребенком в руках... (отставший и утративший последний шанс за-скокить в вагон человек видит, что бежит рядом с лестницей, к которой прицепился Дебори. С криком "Senor! Por favor!" он в отчаянии сует сверток под мышку свободной руки Дебори, после чего уда-ется забраться на лестницу позади следующего вагона. Дебори слабо сжимает сверток, тот извивается. "Resiste, Amigo! — воодушевляет его человек через грохочущий между ними вагон. — Resiste momento mas!"¹ Он вскарабкивается по лестнице и встает на ноги на крыше поезда прямо перед Ящерицей, перефрыгивающей через промежутки между вторым и третьим вагонами. Ящерица в истуге отшатывается, перебирает ногами, пытаясь устоять на месте...) Я подумал на мгнов-ение, что вот-вот избавлюсь от Ящерицы, только этот дурак вовремя ухватил его за поясной ремень. Ящерица не то чтобы поблагодарил его за спасение... (к чему земноводное спокойствие, ко-гда говоришь с крестьянином в лохмотьях? За секунду все лоскуты цивилизованного обличья улетучива-ются, Ящерица вцепляется в тощую крестьянскую глотку и, шипя от гнева, домогается: "Donde Americano, mi chinche? Sabe? Americano, donde?!"² — размахивая фонариком в дойме от глаз че-ловечка...) Бедный растерявшийся пеон показал головой, мол, он меня не видел, но...

ГОЛОС КВИСТОНА: Ты говоришь про Маисового Гоблина?

ГОЛОС ДЕБОРИ: ...Маисовый Гоблин показал головой, но, как я уже сказал, у Ящерицы был отменный нюх на страх... (секунду-другую он рассматривает лицо человека, облизывая гу-бы) и острый глаз, чтобы его подмечать. ("Hokay, map, — он отнимает руку от горла, вынимает из кобу-ры пистолет. — Hokay, cuscachita, no sabe Americano?"³ — и злобным ударом бросает человека на колени) КЛОД: Ящерицы и гоблины? Ну-ну...

Дебори отхлебывает кофе, задумчиво оглядывает друзей и решает, что подкалка не стоит ответа...

ГОЛОС ДЕБОРИ (одной рукой он цепляется за лестницу, другой сжимает извивающийся сверток): Как обычно, если видишь тиранию за работой, понимаешь, что сделать ничего не можешь.

Мне оставалось только наблюдать за тем, как эта сволочь отпрыгивается на злополучном стопщике...

ГОЛОС КВИСТОНА: Маисовом Гоблине.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Ящерица его уже не допрашивал. Он был взбешен настолько, что пытался его убить, столкнуть его с крыши поезда! Что я мог поделать? *(в ответ — БА-ММ! — молния бьет в пути, чуть не достав поезд...)* И я понял, каким супергероем хотел бы стать. *(Ящерица — отличная мишень, он топчет пальцы горемыки, которыми тот цепляется за деревянный выступ на крыше вагона. Дебери делает глубокий вдох и закрывает глаза...)* Я сосредоточился насколько мог и начал концентрироваться, пока не оступил, как приливает энергия. Когда прилив достиг своей наивысшей точки, я открыл глаза — и нацелился. Я не сомневался ни на миг, что у меня получится; я направил луч точно на Ящерицу... концентрируюсь, медутирую; как это еще назвать? Я выстрелил *(молния вспыхивает далеко за холмами)* и промазал на целый километр.

ГОЛОС КВИСТОНА: О нет! Что произошло?

ГОЛОС ДЕБОРИ: Внезапно пальцы бедняги подпалились каблукам Ящерицы, он с коротким вскриком отлепился от поезда и исчез в темноте. Тогда я, все еще пытаясь опомниться от шока из-за своей осечки, взглянул вверх и увидел Лейтенанта Ящерицу, который стоял, склонившись прямо надо мной. Я соскочил с лестницы, приказав себе подкидыша. Мы долго катились по гравию, а Ящерица светил на нас своим фонариком. Я увидел, что сверток был маленькой визгливой свиньей в ленточках и детском чепчике. Я вкатился в кусты и лежал там, ожидая, что с минуты на минуту подоспеет шипящий Ящерица. Но поезд умчался на холмы и, казалось, вместе с ним

1 Держись, друг! Продержись еще секунду! *(исп.)*

2 Где американец, клон? Ты знаешь? Американец — где он? *(исп.)*

3 Окей, тараканишка, значит, ты не знаешь про американца... *(исп.)*

исчезло все — Ящерица, омерзительный кашель дизеля, рычание стальных колес, даже дрянная гроза... Затем оживились лягушки, замершие там, где их застал поезд, и завизжала свинья. Очень скоро я услышал, как к нам пробирается Маисовый Гоблин.

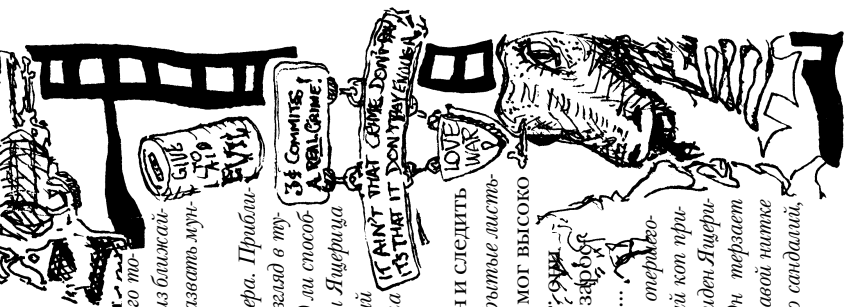
КВИСТОН (вынымая из рта косточку манго): Он рассердился на тебя за то, что ты позволил Ящерице избить его и сбросить с поезда?

ДЕБОРИ: Он был преисполнен благодарности за то, что я спас его bambino!...

В свете маленького костра Дебори и его друг промывают раны друг друга обрывками свиньих пеленок, смоченными в бочке с водой. Бочка стоит на старой разбитой товарной платформе на запасном пути рядом с рельсами. Время от времени маленький мексиканец при помощи мачете отщипывает от полуогнившей платформы куски дерева и бросает их в огонь. Свинья прижимается к костру и наблюдает за двумя мужчинами, положив на собачий манер рыло на копытца.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Свинья была уже не ребенок. Взрослая карликовая свинья. Дрессированная... (человечек перестает говорить на неразумительном дефенском испанском и командует: "Bambino atencion... atencion!")² Свинья немедленно вскакивает на задние ноги и отдает честь маленьким копытцем, ее украшенный ленточкой хвостик подрагивает от удовольствия...) Я так никогда и не узнал, зачем на свинье был детский костюм и где старик ее взял. Четкость то увеличивалась, то пропадала. Я помню, как он уходил... чтоб найти еще одну колонию гоблинов, которая приняла бы нас к себе, думал я, потом ничего не помню, потом наступил день... (Дебори резко просыпается в сером рассветном тумане. Костер погас, Дебори накрывает пеленкой, и в объятиях у него маленькая свинья. Она возмущенно хрюкает, Дебори успокаивает ее, дотрогиваясь рукой до пятачка, прислушиваясь. Он приподнимается, чтоб посмотреть на рельсы, и слышит близящиеся "трррр... трррр..." Наконец появляется маленькая дрезина из тех, что возят инструменты и укладчиков рельс...) Трр-трр. Загруженная винтовками вместо лопат и копами вместо путейцев. Угадайте, кто был за рулем?

ВСЕ (отвечая по сигналу): Ящерица.

При свете дня Ящерица с лицом, с которого смыты грязь и листья, выглядит не столь бесовски. Анимация смягчается, он уже не то свирепое существо, каким был ночью. Отряд его тоже не так ужасен – десяток местных бюстителей порядка, откомандированных на дрезину из ближайших сонных городков. Они шатаются и клянут носом, их скверно сидящие костюмы можно назвать муфдирами только потому, что все они примерно одного оттенка – тускло-бурого.

Ящерица впервые, кажется, вовсе не замечает, что его бурная бригада одета словно иушера. Приближаясь к месту, где от него ушла добыча, он перегибается через передний поручень и впервые взгляд в туман. Время от времени он шипя отдает через плечо срочные приказы людям, которые наряд ли способны выразиться и простучаться, не говоря о том, чтоб проникнуться его пылом. С дрезины Ящерица замечает безумного Дебори. С торжествующим воплем он давит на тормоза. Необязательный толчок разбрасывает сонный отряд по обе стороны от путей. Ящерица продолжает орать на них по-испански, пока они, еле переставая ноги, не отправляются вслед беглецу в заросли.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Сам Ящерица остался у западного пути. Направлять свой эскадрон и следить за границами моего убежища... (Высоко на склоне мы видим руку, раздвигающую покрытые листьями ветви репейника; из расщипляющейся щели выглядывает Дебори...) Я забрался как мог высоко и окопался. Меня выследили, но я не парился, думая, что меня вот-вот найдут, они не могли сунуть нос в каждую расселину и расщелину. Кроме того, углубившись в заросли, где командир их не видел, они существенно подрастеряли интерес к погоне...

(С высоты своего положения Дебори может видеть слева внизу мужичку с панфонтаншем, оперяющегося о кривой ствол дерева, чтоб выкурить сигарету; ядрах в двадцати пяти направо однофруккий коп присел в тени большого мишного валуна и летаргически мастурбифирует. В четверти мили внизу виден Ящерица, восседающий под навесом дрезины перед собранием любознательных крестьян. Он терзает саркастическими вопросами маленького Маисового Юбилена. Тот прикован нафрукниками к ржавой нитке калочей проволоки, ограждающей запасной путь. Ручная сабля, роящая рылом землю у его сандалий,

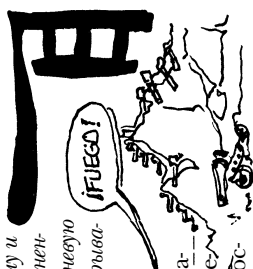
1 Ребенка (исп.).

2 Внимание или команда "Смирно!" (исп.)

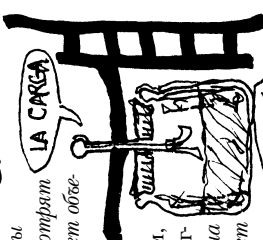
столь оговорена безданным положением хозяина, что, продолжая рыть, убегает под платформу и там ложится спать, не желая наблюдать за происходящим. Ящерица надменно развалилась в затененной дрели, его длинные пальцы перегибались вокруг колена. Он говорит, невзирая на темную коричневую сигарету, зажатую в угале тонкой улыбки, и косит глазом сквоз дым. Время от времени он прерывает садистский дотрос, встает и хриками воодушевляет своих шестерок в зарослях...

Тени укорачивались, солнце поднималось, пока не застыло прямо над головой, подтверждая подозрение моего желудка: настал полдень. Я знал, что копы проголодались не меньше моего, но никто не объявлял перерыв и не спешил по склону холма с обедами в упакровке. Обедало только одно действующее лицо — маленький мальчик, по дурости забредший во дворец Короля Ящерицы и оделенный его арбузом... (Сквозь листья и волны зная Дебори видит, что внизу в тенистые норы забилось пол-отрада. Он смотрит на них, а они смотрят на Ящерицу, который раскалывает арбуз о стальное колесо дрелины, выдает сердцевину и швыряет облодок в грязь перед Маисовым Гоблином...)

Пока тени опять удлинялись в направлении вечера, Ящерица все больше времени орал на холм. Наконец до него дошло, что его охотники менее ревностны, нежели он сам, и что если они не найдут меня до наступления сумерек, они, видимо, не найдут меня никогда... (Ящерица встает и сходит с дрелины, ступает по гравию, смотрит, прикрыв глаза рукой, на склон. Когда он бранит такой-растакой холм на испанском, сарказм в его голосе все больше уступает место злобной истерике. Иногда он обращается по-английски к Дебори: "Хокэй, Гринго, теперь я тебя вижу. Ты идешь вниз, или мы открываем по твоей позиции огонь. Я даю тебе десять секунд. Un... dos... tres... quatro...") Однажды он доблестно до того, что четвержды выстрелил наугад в заросли... (Большой пистолет Ящерицы извергает белый дым, и Дебори видит, как мужчина с поясной сумкой падает, надеясь укрыться, и ломает сигарету...) В другой раз он выстрелил по верх голов зрителей, когда они стали запинаться и бормотать в ответ на его приказ отпираться на холм и присоединиться к поискам... (Крестьяне в обносках врассыльную бросаются к холму и вослед Дебори с отрядом копов укрываются в зарослях, молча наблюдая за опасным путем. Ящерица раздражается пуще прежнего...)

¡FUEGO!

LA CARGA

¡EAT ONE ANOLOT!

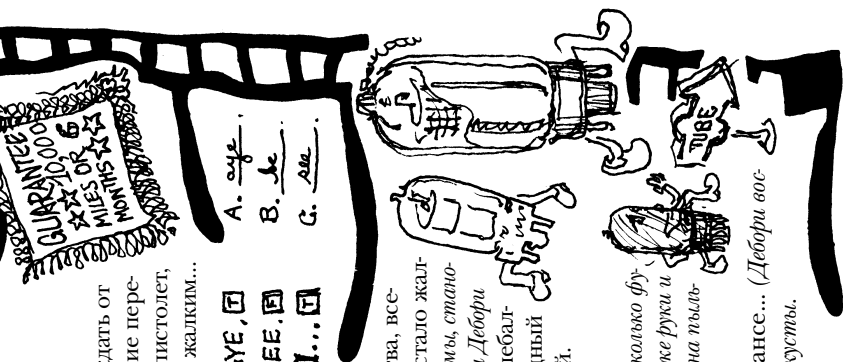
Когда солнце подошло к холмам, я понял, что худшее, чего можно было ждать от этого демона, уже позади. На него уже не было страшно смотреть. Его шипение перешло в шипение, ухмылка стала гримасой. После пяти выстрелов даже большой пистолет, который Ящерица нацеливал на растягивающиеся тени, казался безвредным и жалким... (И впрямь! Ящерица — уже не мультипликационный герой! На протяжении дня он обретал все больше человеческих черт, пока не стал, подобно Пинокио, настоящим мальчиком с покрытым волдырями лбом, выщипанными усами и ртом, искривленным в параноидальной усмешке. "Хокэй, миста Гринго, это твой последний шанс..." Сколько раз он угрожал мне этими словами?.. (...твой последний шанс, потом кому-то будет очень-очень плохо, да? Обрати внимание, Гринго: последний шанс. Ты слышишь меня, Гринго? Ptesie a-tension!...) Но мы, сражаясь с болезнью общества, всегда должны помнить: нельзя считать Зло безвредным лишь потому, что оно стало жалким... (Маленькая свинья, услышав волшебное слово, стремглав выбегает из-под платформы, становится перед Лейтенантом на задние ноги и гордо ему салютует. Даже за четверть мили Дебори замечает по лицу Ящерицы, как того осеняет счастливая мысль...) Я видел, что он колебался долю секунды — не размышлял; смаковал! — а потом вытащил свой маскарадный пистолет и засадил шестую пулю в позирующую свинью прямо у запасных путей.

ГОЛОС КВИСТОНА: Папа...

Человечек заходит криком и бьет по колючей проволоке, не в силах одолеть несколько футов до искаленного лобика; прогнувшись, он выворачивает прикованные к проволоке руки и продолжает ужасно кричать от горя, а свинья в агонии вертится по кровавому кругу на пыльной земле.

ГОЛОС ДЕБОРИ: Его крик стал для меня приказом. Я среагировал будто в трансе... (Дебори восстает из укрытия с низким стоном и сходит вниз, одевшегося продвигаясь сквозь кусты. Его челюсть и руки висают, словно бы он движется в трансе...)

ГОЛОС КВИСТОНА: Но что ты можешь сделать, папа?

ГОЛОС ДЕБОРИ: Не помню, как я спустился с холма... (Он мигает отдельных

членов отряда. Те отрываются от кровавого зрелища внизу, видят Дебори и, пропу-

сая его, расступаются...) Я вышел из зарослей словно бы во сне. Ощущение было такое, будто я плы-

ву. Не иду... плыву. (Завидев Дебори, Ящерица издает еще один триумфальный вопль, потом начина-

ет смеяться. Он смеется, а Дебори наступают. "Хокэй! Хокэй, большой важный человек из

студии в Лос-Анджелесе, большой человек в бегах, большой человек в укрытии, большой

человек в марихуане..." — он смеется и кричит, пока Дебори не подходит так близко, что стано-

вится заметно его заигнотифицированное лицо. Ящерица прекращает смеяться и шипит: "Хокэй;

руки в воздух..." Он говорит все громче, вынимает пистолет из кобуры и наставляет его на грядущего

Дебори. "Я сказал стоп, hombre. Alto! Руки в воздух! ALTO! ALTO! ALTO!" Ящерица отпрыгивает назад,

машет пистолетом. "Смотри, hombre; я тебя пристрелю...") Мы оба знали, что пистолет пус-

той. Он провизжал что-то в аполексическом утаре, бросил в меня пистолетом и побежал

прятаться за платформу. Я поднял пистолет за ствол; он принялся приказывать людям на хол-

ме прикончить меня, прикончить! Это меня остановило. Не то чтобы я испугался людям на хол-

мичить пулю — я все еще плыл в своем сне, — но если бы я продолжил путь, на линии огня ока-

зался бы маленький Маисовый Гоблин. Я подумал, что причинил ему достаточно зла.

Наверно, добрых пять минут я стоял у всех на виду в лучах заходящего солнца, а Ящерица все

орал на свои войска в зарослях, приказывал стрелять, распекал их в хвост и в гриву и гово-

рил, что с ними будет, если они откажутся подчиняться приказу федералеса. Потом кто-то

первым выстрелил из винтовки, словно первое зернышко попкорна лопнуло на сковороде,

потом был еще выстрел, и еще, все быстрее и быстрее. Я твердил себе: "Оставь свою вендет-

ту, Дебори, и удирай в безопасное место. Рви когти..." Но я не мог пошевелиться...

ГОЛОС ШЕРРИ: Елки-палки! Но почему?

ГОЛОС ДЕБОРИ: Потому что я ощущал — происходит нечто; вокруг меня опять собирается энергия, идет большая волна, как прошлой ночью в автобусе...

ГОЛОС КВИСТОНА: Опять была гроза с молниями?

ГОЛОС ДЕБОРИ: Небо было чистое как стеклышко, грозы быть не могло. Но энергия была та же самая. Доступная мне. Вокруг меня. Затем я заметил еще кое-что... *(Пуля врезается в дерево у ботинка Ящерицы. Он извергает в сторону негодного холма тираду, но его наставление резко обрывает еще одна пуля, промазавшая самую точку, и тут он понимает)* что стреляли они не в меня. Они стреляли в него! И я понял, в чем тут дело, почему иногда я мог повелевать молниями, а иногда нет. Я наконец-таки понял, чего недоставало мне на поезде из того, что имелось в автобусе: Хулихена, Забоя и Мики. Их *поддержки!* Невзирая на весь их склеж и плач, я знал, что они поддерживали меня в каждой попытке. Теперь меня поддерживал отряд. А что Зло может противопоставить объединившейся против него силе? *(Визжа и мечая, Ящерица улетывает туда, откуда прибыл прошлой ночью, вокруг него пули вздымают фразы и щепь, дисфрагма смыкает лестки, и мы, вернувшись в Regina Casa, видим сияющее лицо Квистона...)*

КВИСТОН: Папа, я знал, что ты сможешь.

БЕГЕМА: Фантастика. Я все никак не могу в это поверить...

ДЕБОРИ: Повторю: я понимаю, что вы много раз поддерживали меня, и я всегда не оправдывал ожиданий, или тратил силы впустую, а то и просто слал все куда подалее. Дайте мне еще одну попытку, один трип. Поверьте в заготовленный мной маленький хитрый маневр, Друзья Животных, и если я провалюсь, клянусь глазами той мертвой свиньи... я никогда уже не буду вашим предводителем.

Аногий наконец достигнут. Комната застывает. Ощущение надвигающегося вердикта вновь витает в воздухе над столом, только на сей раз, судя по задумчивым лицам, шансы Деборы оцениваются как 50 на 50. Если бы развезать хоть одно сомнение...

БЕГЕМА: Я только одно хочу знать, папа: эта сумасшедшая история случилась на самом деле, или у тебя случилось дежавю и ты вспомнил рассказ, который когда-то прочел в "Аргози"?

ДЕБОРИ: Она настолько правдива, насколько я ее помню, Пчелка. *(сасживает Кейстона с*

Шерри с коленей и встает) Ну, что скажете. Еще один шанс?..

РЕКС: Мы должны безропотно подчиняться?

ДЕБОРИ: Безропотно поддерживать. Еще одна попытка...

КЛОД: А что это за хитрый маневр?

ДЕБОРИ: Надо вызвать ребят из Дьявольского Зоопарка.

БЕГЕМА: Безропотно поддерживать вас, вождь, проломить тюремную стену и устроить побег?..

ДЕБОРИ: Они в федеральной тюрьме Халиско. Я проверял на месте. Вот почему при-

шлось так долго добираться домой. Я отирался вокруг да около неделю, не ел ничего, кроме черепах и репы, ее мне давали крестьяне, ждал, когда придумается какой-нибудь план.

План придумался. Я уверен на все сто, что он выполним, и я знаю, что нужно *делать*. Что скажете?

БЕТСИ: Я скажу, что нужно вызвать сюда Макгилликадди.

ДЕБОРИ: Если моя хитрость не удастся — само собой. Но я выяснил, что даже если мексиканский суд признает их невиновными, они проведут в тюрьме многие месяцы. Я же хочу вызвать их *немедленно*. Понимаете? Друзья Животных — как большое радио; пока все лампы не на месте, хорошего приема не жди. Решайтесь. Пусть все внесут свою лепту, и никто не посмеется и не отступится, узнав, в чем суть плана. Вот почему я не рассказывал до сих пор, что это за план. Конечно, мы позвоним Макгилликадди. Но я гарантирую вам, через две недели они отсюда выйдут, они будут свободны и отправятся домой через четырнадцать дней, или я покончу с любыми планами раз и навсегда.

КЛОД: А что будет, если ты преуспеешь?

ДЕБОРИ: Пока не знаю. Я хочу собрать все радио где-нибудь подальше от суеты — скажем, на старом разрушенном пирсе на пляже к югу от города... и вы все можете мне настроиться на большие силы. Потом мы выслышим Эдгара Дж. и Линдона Б.¹, и...

РЕКС: Верно ли я тебя понял? Значит, мы поможем тебе настроиться на большие силы, но только в случае, если мы поможем тебе устроить побег из тюрьмы, но только в случае... (он замалчивает)

ДЕБОРИ: В каком случае?

БЕГЕМА: Если мы поверим в твою безумную сказку, брат.. Понимаешь теперь?

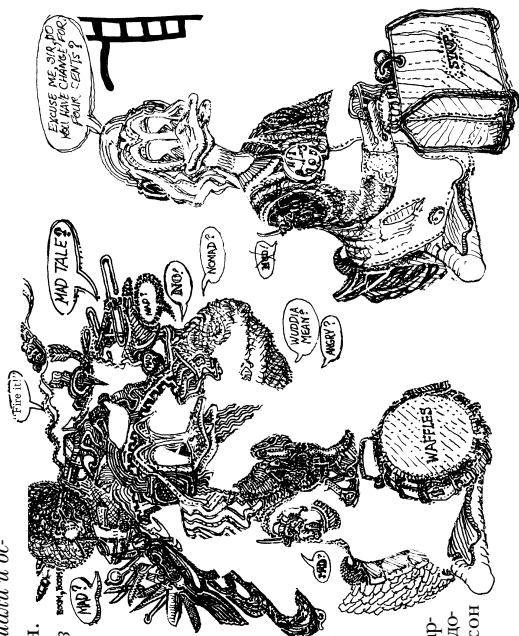
Все опять застывает – несмело и неловко. Дебори переводит взгляд с одного лица на другое; на всех по-прежнему написано сомнение. Он разворачивается, чтобы уйти, но Квистон дергает его за руку...

КВИСТОН (шепчет): Папа... а как же молния ударила тебя в лоб?

ДЕБОРИ: Да... (он берет пляжную мешок со спинки стула и опускается на колени рядом с сыном. Запустив руку в мешок, он шепчет мальчику так громко, чтобы услышали и остальные): Это на самом деле не молния, Квистон. Это "Z" пришла по касательной... (достает из мешка пистолет и отдает его мальчику...)

БЕГЕМА: Все сумасшедшее, страньше и сказочнее.

Льющийся сквозь окно солнечный свет полирует молочно-белую кость и большое серебряное "Z". Гудит холодильник, кипит чайник, жужжат над столом мухи. На улице Филип-с-Кальяном советует: "Жги!" – и вновь звонят колокола на той стороне залива...

1 Эдгар Джон Гувер (1895–1972) – американский государственный деятель, директор Федерального бюро расследований с 1924 по 1972 гг. Линдон Бейнс Джонсон (1908–1973) – 36-й президент США (в 1963–69).

21 июня 1966 года

ЖКМ III, Счета 2

НАПРЯГИ В ТЮРЯГЕ

или

смотрю, как Микс Прозайк, Сладость Сно-
видия, сменяет обаятельную светлую сторону
гранного дельца под стать "Богемному че-
тов" Хана Хендс, хотя тут другой сгу-
тай — скорее Друг-приятель полюб... ду-
шеприятельная история о друзьях, которые
были так тесными на погреб-и-побег и
теперь не менее браво движутся вперед в не-
благоприятной ситуации, не имея ничего
против, ни в чем не вина и уж точно не
держка западно нашего дорогого приятеля,
моего друга детства...

3. ПЕРЕХОД К

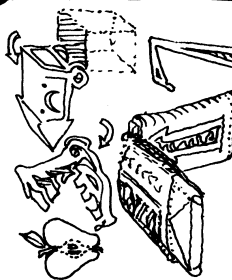
Микс Прозайку, жаждущему
жвачку за столом; он нагиба-
ется к бумажному квадратнику,
на котором пишет... заканчи-
вает и складывает его вчетве-
ро... скатывает жвачку в ша-
рик, озирается, приклеивает
бумажку под столом так,

1. НАЕЗД

снаружи и днем тюремный двор, апатично вра-
щаемый заключенными и толкачами, заключен-
ными, играющими в футбол, кар-
ты, кости, заключенными с
женами и семьями...

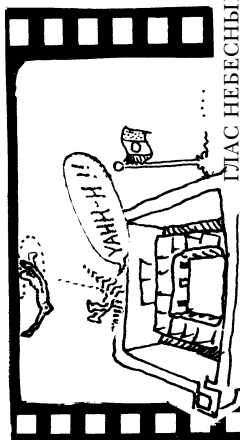
ПЛАВНО ПРОСТУПАЕТ

одна из камер, кирпичная ка-
бина без потолка со сто-
лом, стулом и тремя дву-
хэтажными нарами...
дверь открыта во
двор...

потому он не заскочит ко мне в гости?
Разве он не в курсе, что я душой по-
прежнему с ним, пусть меня и схватили
за жопу. Разве не осталась я ему верной
другом в седьмой класс после того, как он
запаниковал, когда Нюню всех святых фер-
мер застал нас врасплох, и он глупо дер-
нулся и сматкнул меня в выгребную яму

чтоб ее не было видно, дотягивается до стены за поросшей мхом парашей и отпрыскает еще один квадратик... ерзает карандаш и глядит на свой квадратик запятнанного облаками потолка...

Вот что, студенты. Не забивайте себе головы социальными проблемами. Не сейчас, когда наш курс зашел довольно далеко. Наш урок крутится-вертится все ближе к развязке. Возможно, мы упустили разницу между жизнью ногами на земле и жизнью головой в небесах. Подстегнем ваше продвижение такой вот нагруженной загадкой:

Вопрос: в чем разница между полетами Икара и Фауста?
 Ответ: Фауст упал дальше...

1

Жан Жене (1910–1986) — французский писатель, его автобиографический роман “Богоматерь цветов” написан в 1942 г.

сортира, куда мы только что оторженились? А в старших классах, когда он заигнорно-зировав меня на обмен собрания, скорпим мне красный перер, и скелам, чтобы я его свел, будто это яблоко и будто я на самом деле в трансе? После всего этого — почему он не заходит?

?????

5. ПЕРЕХОД К чайкам, вольно кружащим над зеленым заливом Пуэрто-Санкто...

24 июня

Они очень унылы, эти мексиканцы... сумели создать тюрьму, в которой чувствуют себя достаточно свободными и при этом нигде не могут выйти... все наши камеры идут как бы вокруг большой открытой площади, которая называется сразу за дверью... а стена окружает еще большую площадь с другой стороны... Если мы ведем себя хорошо, двери камер оставляют открытыми, и мы можем гулять по всей двору... а охранники видят, кто в то ка-меру зашел, потому что тут нет потахов...

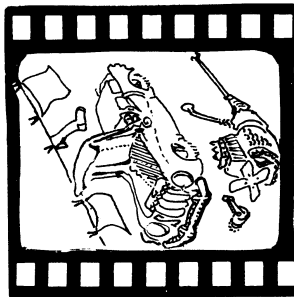

4. ПЕРЕХОД К распахнутому небу, скольжение к далекому горизонту берега и моря...

6. ПЕРЕХОД К

пляжному пейзажу вижу... Сказка Рипина снаружи... дети плещутся на крыше в чистерне с водой... Бетси развешивает на улице белье... кошмарно расползшийся "бьюик" во дворе...

7. НИЖЕ И КРУПНЕЕ
скрючился под капотом "бьюика" Рекс. Он покрыт смазкой, потом и москитами... Рекс утирает пот и косится в сторону пляжа на Дебери...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Да, доктор упал дальше. Вас мучит мое сверхупрошение? Мне послышалось, или вы возражаете: он упал дальше лишь потому, что наделся на большее? И если бы Икар не гикнул, он развернулся на крыльях и разбомбил бы свою темницу? "Разве полет не всегда ведет к власти, — спрашиваете вы, оперяющиеся фаустянцы, — того, кто путешествует достаточно далеко?"

Прорезался Мексиникадди, и мы побывали на первом заседании... за 100 песо нам предоставили англоязычного судью... судья говорит, что мы, вне всякого сомнения, невиновны, но что правосудие продлится на меньшей мере 3 месяца. Мы все рады от радости. Забой вытирает слезы мексиканским флажком... Мексиникадди говорит: "Возьмите, присядьте", — и протягивает нам скатанные бумажки по 50 песо. Он раздает их в зале суда... раздают все без исключения... потом мы нашли, что мексиканцы весьма сентиментальны.

од 8 50 100...
.....150...

11. ПЕРЕХОД К

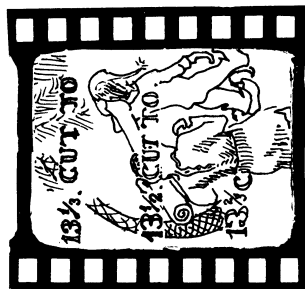
Позднее... Дебери с Клодом, входя из древнего городского автобуса Пуэрто-Санто, несут на плечах на манер бревна длинный десятифутовый рулон тьмелого черного пластика... идут по двору к пляжу...

12. ПЕРЕХОД К

Рексу, который сегодня работает с кормой "бьюика" и все так же перепачканный... оторвавшись от дел, он поднимает голову и видит прохладную мимо пару...

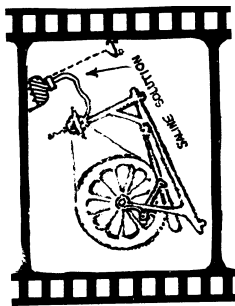
13. ПЕРЕХОД К

Дебери и Клод, раскатываящим пластик по пляжу...

8. ПЕРЕХОД К

Добры в обрзанных штанах и соломенной шляпе, забрасывающему морской спиннинг... не в прибой, а на пляж...

9. ПЕРЕХОД К

Клоду в душей будке в городской конторе "Larga Distancia" ... мы видим, что он говорит, но не слышим его голоса...

10. ПЕРЕХОД К

Макгилликадди в окне его сан-францисского офиса... он говорит и явно уступает... в конце концов кивает и кладет трубку... берет большой резиновый лоток и стучит им себе по лбу...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

"Нет, если он помнит, что путешествовать надо налеге", — отвечаю я. Это и есть способ не пасть в западно власти. Путешествуйте налеге. Оставьте желание, направление — и не вздумайте брать с собой надежду. Обманная надежда возвысит человечество погрузила множество вольно паривших авиаторов в вязкую ногу грязь...

Побывали на втором заседании... В зале суда вместе с Макгилликадди были Клод и Рекс, и еще был местный священник, которого Макгилликадди начал для поддержки... судья говорит, что он рассмотрел наше дело, и еще за \$600 мы станем невиновными только через два месяца... все радуют от восхищения судьей, и хлопают нас по спине, и говорят, какие мы счастливые... священник говорит суду, что мы все добрые камелии, но нам нужно признание, и Клод тайком передает Хулигену немного быстрого... Макгилликадди с Рексом держат совет, решают пока не ездить за \$600 и заплатить 50 песо, чтоб обводило автобус... (о, автобус, но не нас...)

14. ПЕРЕХОД К

Макгилликадди в мексиканской телефонной будке, говорящему что-то...

15. ПЕРЕХОД К

Хвату на телефоне в своей книжной лавке в Штатах, говорящему что-то...

16. ПЕРЕХОД К

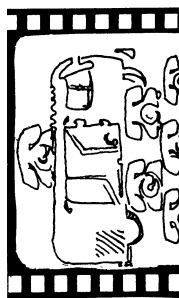
Дуремару, звонящему...

17. ПЕРЕХОД К

Мэри Микрограм, звонящей...

18. ПЕРЕХОД К

Мэри Микрограм, которая кладет трубку... загружает в свой "фрэнкисвагент-микробус" гитары и чемоданы...

19. ПЛАВНО ПРОСТУПАЕТ

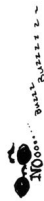
Мики на норах, он как раз до-
писывает нижнюю строку на
квадратике своего туалетно-бу-
мажного журнала... дождав ре-
зину до кондиции, он сворачи-
вает бумагу и видит...

20. ПЕРЕХОД К ТЮРЕМНОЙ КРЫСЕ,

вплывающей наплыв
дрейфующих брехом кверку та-
раканов, скорпионов и других
жеств заливого пола камеры...
она доплывает до ножки стола
и наполовину вытяскивает
свои вымоченные останки
прочь из холоста... источник
ная, дрюжащая, она иплывается
за ножку...

21. ОБРАТНО К МИКИ,
который качает головой и шу-
гает свившее на мель животное с
весьма немикитроизайковским

На сей раз в зале суда появились сам
Друг-Приятель, с почтими и ве-
ликим... пришел в кротком журна-
листском обитве и сел сзади, рисовал
что-то в блокноте, не снимая тем-
ных очков... Он оторвался от блокнота,
лишь когда судья сказал, что всего за
\$1000 с носа мы можем стать не-
выновыми уже через одни месяц! Все
высебя от восторга анимировали
мудрости судьи и его милосердия... все,
кроме Друга-Приятеля... он поспомо-
рил на Маккелишадди и показал го-
ловой — нет — словно сам Бог вынес
вето... Маккелишадди сказал, что мы
подушаем об этом...

23. НАПЛЫВ НА ДЕБОРИ,

что наполовину вылез из сол-
нечного моря, схватившись за
нейлоновую веревку, тянущуюся
вверх за пределы кадра... он ух-
ватывается покфетче, но все
равно погружается в воду... он
начинает перебивать веревку
руками, пока из воды не пока-
зываются его бедра... остано-
вившись, он тонет вновь...

24. НАПЛЫВ НА БЕГЕМУ,

которая сидит на пляже на
американском флаге, сметая,
отнимая младенца от груди и
вертит им, чтоб он мог взгля-
нуть на отцовские причуды...

25. ПАНОРАМНЫЙ ПЛАН С ДЕБОРИ,

которого нечто тащит сквозь
толщу воды; он перебирает ве-

взглядом — “не думай, что эта капота последнего класса хоть чем-то лучше любой только что покинутой тобой зоны бедствия, Сестра Крыса...”

22. ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО МИКИ мы видим крысу, которая, обернувшись на Микино плечо, внезапно обнажает старые клыки, теряя самообладание и вынуждена с неистовством вонзять когти в ножку стола...

Мы опустошили их дажку и выпились во двор с тем, кто оставил нам охранников... они проглотили пиво, но изжали весь рах... когда мы снемим укрыться от голодных взглядов собратев по неволе в наших дезонасных камерах, Друг-Приятель скажет, что сэкономил нам \$3000... он вытаскивает нас через неделю, считая с этой ночи... мы все говорим за себя, Приятель, но давай употребим эти \$3000 как надо... Максимикадди соглашается... Друг-Приятель говорит, что держит пари на эти \$3000, что вытаскивает нас быстрее... Максимикадди не будет его защищать... а душно

ревку все быстрее, но по-прежнему отстает... веревка все так же загадочно тянется сверху... временами Добори достигают цели и почти вытаскивают тело из воды, но его по-прежнему усталость... в конце концов он сдаётся, соскальзывает в море и плывёт обратно к берегу, сжимая конец веревки в зубах...

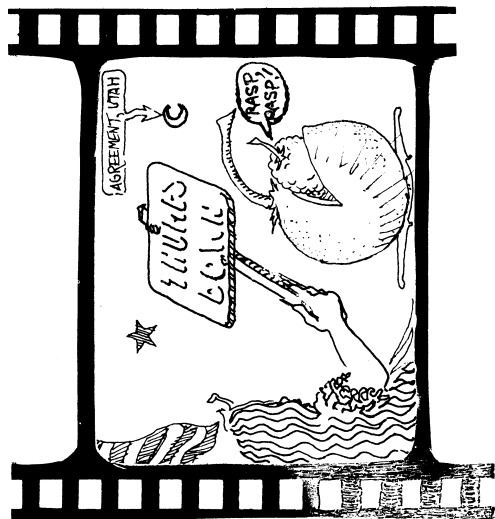
WHO CARES,

Мы возвращаемся в камеру и обнаруживаем ко всеобщему удивлению, что пробвало трубы, и нас залило... о, бедные крысы и тараканы, — говорит Забой... но не все так трагично, отмечает Хулиган; выжили же, что живут в наших койках, а ведь они нам особенно близки... мы ставим ящик с пивом на пол, и вода поступает к горлышкам бутылочек... теперь пиво будет холодным... Клод пишет по камере и говорит: “Нелюбо, нелюбо; мол, жет, напеченаясь местами.” Мы говорим, чтоб он оставил всякую надежду: это наша камера и нам отдох...

WE (ON) CARE!

УПРАВЛЕНИЕ

Мы все шли по камере и прикидывали пивные запасы... Другой... Прикинул тисненое что-то напичканое... он подкупил охранника и принес нам еще кое-что из машины снаружи... он принес сюда свой спиннинг и пошел... прикинул тренироваться... Макгиллиахди охмелел с мексиканского пива и принялся хвастаться, что он может то и может это... они с суждой и коллегами заходят за воротник в его камеру в "Хитоне" ... он говорит, что спал

28. ВО ВЕСЬ КАДР — ЛИЦО МИКИ,

обернувшегося, чтобы понять, откуда прилетела беголовка; он видит, как

29. ХУЛИХЕН

стоит босой и в закатанных по колено ботинках в дверях камеры и тянет удочку с таким видом, будто тащит чудотворца из неглубоких волн... вытянув приманку без крючка, он поднимает ее высоко над головой, выразительно жестикую и быстро развывая что-то убогим дремотным заключением... он слишком далеко от Мики, чтоб можно было слышать слова сквозящего тюремного гвалта, но ясно, что Хулихен читает лекцию о каком-то зотическом аспекте рыбалки... он изговаривается, просит, на секунду прекратив махать спиннингом, внимания... затем снова забрасывает снасть...

31. МОМЕНТАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД К

Макгиллиахди, который стоит в рядном фойе и глядит на коридорного, красивую девушку в просвечивающей эрксхасной униформе а-ля "Филип Моррис"?!, отпугивающей дверь его номера... будучи завзятым коллекционером произведений искусства, Макгиллиахди считает, что у него есть вкус к изящным творениям, и девушка — одно из них... она распахивает дверь и обращается к нему столь воспитательно — шоколадная кожа, губы вишневой, — что Макгиллиахди дает девушке на чай 50 песо... она дарит ему благодарную сливочную улыбку, вручает ключ так, словно это купон на свидание, поджигая погашенно в лобное удобное время, и сплывает прочь по коридору... Макгиллиахди глядит на ярко-красную потку, пока та не упархивает вместе с

26. ОБРАТНО К ФЛАГУ,
где Кумкват необдобрительно
борисочет, намекая, что отец
испортил всю малину, а Бе-
ге-ма смеется и в знак согласия
отпускает большой палец вниз...

27. БЫСТРЫЙ НА-
ПЛЫВ НА КРЫСУ,
что борется за обладание мок-
рым деревом... цепляется ког-
тами и карабкается вверх
прячь из трясины, пока в воде
не останется один только
хвост; тут от ножки стала в
воду рикошетит снаряд с ярки-
ми перьями, и крыса в ужасе
валится обратно...

30. СЛЕДУЕМ
ЗА ПРИМАНКОЙ
обратно в затопленную камеру...
приманка шлепается о воду в
аккурат за плывущей крысой,
загоняя ее на друзю ножку сто-
ла, посуше... крыса взбирается
по ней и скрывается в распор-
ках под стагелиншей...

дорогой намер, чтобы вылетимь их,
мал, он вынуженный американ-
ский юрист, и лучше бы им посо-
рее освободить его друзей... мы гово-
рим ему, чтоб он об этом и не
думал... они все умышленою протъ,
уверая нас, что мы очень скоро по-
лучим от них новости... ушелеки...

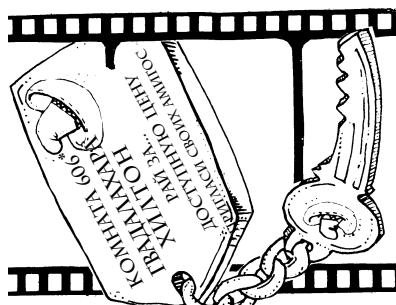
скоро, скоро??

ночь, июль, август, сентябрь
1966, 67, 68,
69, 70, ...

1 "Все за "Филипп Моррис!" — рекламный слоган производителя сигарет, ассоциируется с рекламными плакатами, на которых эти слова выкрикивал коридорный. В роли коридорного выступал Джонни Ровертини, некогда и в самом деле служивший в гостинице. Ровертини также рекламировал "Филипп Моррис" на радио, и его голос уз-
навала вся страна.

лифтом... 50 песо — чфтовски
хорошие чавье, понимает он,
но инвентария обернется при-
былью, ровно как то бархатно
битников, которым он спекули-
ровал на Норт-Биче... искусст-
во, понимаете ли... в поисках
настоящих сливок... он смот-
рит на скромный талисман,
что вложила она в его руку...

32. КЛЮЧ КРУПНЫМ ПЛАНOM

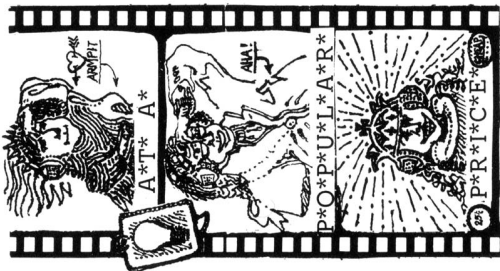
34. ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН на полу занюханной клетушки рядом с матрасом, на котором лежит Эмюэль Ястребник в темных очках, грязных шортах и ни к чему не присоединенных наушниках... гром барабанов, на которых играют где-то в доме, сводит почти на нет усиленный дребезг телефона... тот звонит несколько раз, прежде чем Ястребник приподнимается на локте, снимает наушники и слышит звонок... его мягкий голос полностью заглушается грохотом... он надевает наушники поверх телефонной трубки и слышит что-то расслышать... наконец сообщение выпечатывается внизу кадра буквой за буквой барабанным-пульсметной очередью...

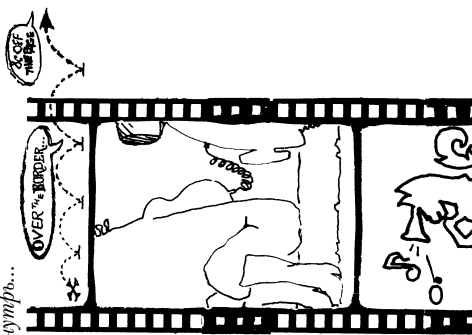
Крутой Босс вернется из своей секретной бакинской лаборатории, они его замечут... один ученый рылово говорит Хули-хену, что охранник и сам подсказная умка... старая леди, осудившая науку ка-меру за 10 песо, говорит, что она слышала, будто наш адвокат пошел в беду... слы-о чем подумайте, пока несть роли с калой...

35. БЫСТРО ПРОСТУПАЕТ

сход с Гау-стрим на автостраду... Ястребник с переплетанным спальником, разрисованным гитарным футляром за спиной и маленьким фендеровским усилком на обочине голокует машинам, едущим на юг... на обочину связывает разрисованный микроавтобус... это Мэри Микфогам... в толкучке друзья не замечают друг друга... Ястребник открывает

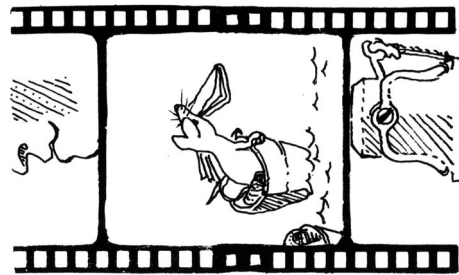
слова, вглядываться в лицо напротив, бессловесно постигая и взаимознание, и то, что их обоих сорвал с места один и тот же сомнительный призыв к оружию, и что оба они почти готовы пересмотреть свои планы, когда "мустанг" позвонит, скрепя асфальт, и Ястребник забирается внутрь...

3 июля 1966 года — памятная... наша вторая памятная в Форм-Торминах*, завтра будет четвертое число... только, кажется, нам независимость праздновать не придется...

Сегодня утром прибыл Клод, принес в первый раз почти за неделю новости... про Максимильяда и его друзей в "Хилто" — не... он здорово вешает или лапшу на уши... целая банда крупных шмек, чиновники и юристы, включая нашего великого судью, приходят в изысканный номер МакТилиада в первоклассной гостиной деэкутироваться виски из его личных запасов... их поражают его "малышеский шарм и его "Шивас Ригал" ... они настанут на

*читай: фронт — фронт

глаза и видит, что крыса спешно выбирается из второго сапога с еще одной залпленной эпистолой в желтых зубах... крыса предугадательно шипит на Мики, морщая янтарной челюстью, а Мики скалит зубы и шипит в ответ... пока они дуэлируют, начинает звонить церковный колокол...

36. ОБРАТНО

К ТЮРЕМНОЙ КРЫСЕ,

что карабкается из-под стола через его край на столешницу, сжимая в зубах одну из сложенных страниц Микиного Тайного Дневника... храбро взбравшись на вершину пустой пивной бутылки, она, крутя хвостом для

38. СВОИ КОВБОЙ-

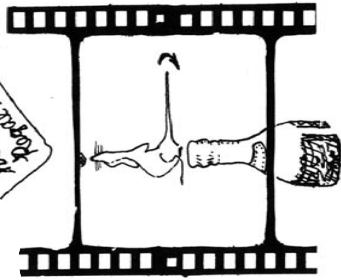
СКИЕ САПОГИ

"ТОНИ ЛАМА",

заботливо спасаемые от воды на кифтинном подоконнике у зареяченного окна по соседству с зубной щеткой, стаканом для питья и отфривашкой... он жлопает стипендией к окну и

ответной любовью — хотя заманить его на банкет, где все они обаяны быть... на еще более шикарной дилломатический банкет с тинкани просто гигантскими... в ответ на его величественные они делаются с ним интимными записями тексты с гербаком на донных... после третьего стакана он не может вспомнить, что проглотил сначала, лайн или соль... после пятого воображался

равновесия, обрызгает комок жевательной резинки...

37. СЛЕДУЕМ ЗА МИКИ, который перебарывает голую ногу за край койки и ударяет ею по воде... крыса роняет бумажку, ныряет за пределами досягаемости в воду и плывет под кроватью... Мики возвращает свою странницу и, согнувшись в три погибели, отфырывает от столешницы все остальные... озирается в поисках другого тайника и видит...

прячет записки за рваной ступенчатой подкладкой... он движется медленно, словно его давит прорастающий изнутри страх... он забыл о жвачке и разинул рот... занывав последнюю бумажку, Мики ставит сапог на место, и тут приманка с перьями, прожужжав у самого уха, сбивает его зубную щетку в лужу... он нагибается, пытаясь извлечь ее из под нар, а Хулиген тащит приманку обратно и сбивает сапог Мики на затылок... полагровев от бешенства, Мики хватается за сапог и замалчивает, чтоб кинуть им вслед приманку, но сдерживает себя... он делает глубокий вдох и закрывает глаза; его губы шепчут личную молитву о терпении... краска сходит с его лица, в конце концов ему удается изобразить криющую микинфразиковую ухмылку... успокоившись, он открывает

на стол, обзавел ужаленных комле бандой тупых индейцев и беснелых прохиндеев, потерял равновесие и упал на папинога официанта с егой на познание... говорят, он был великодушен... так и унесли его — с ног до головы в жаренных по второму разу бобах — до-мой...

Да, говорим Клод, они считали про ФБР и АСД... они выезжают из Рипа Сага... есть новости о Великане Туремном По-бее? Он покидает пеленки... мо-жет, что-то будем, а может, и нет... он говорит, что закупил пачку десерт гамондов медицинского спирта, пока все не закрылось на снесу... так и ушел фразанку, держа ящик за зух-баши, весь из себя загадочный... —> Забыл распрощаться... этот говнюк нител себя не утруждает!" В самый разгар снесы нам сказали, что пришел еще посетитель...

3333333

39. ОЧЕНЬ КРУПНО —
БОСАЯ ЧЕРНАЯ СТОПА,
что касается розовым подбелом
педаль пыльного мотоцикла...
стопа бьет по педали!.. пупу-
пуп-пупф... бьет!.. пупу-
пупф... бьет со страшной силой
и... RROR-RR!!

40. ПАНОРАМА
С М'КЕЛОЙ, который выгля-
ывает округ из ныне пановес-
ной бороды и натягивает шлем
на ныне обгемную афро... нажав
на тормоз, он смотрит через
плечо на барабаны — зафрегленны
ли? — кивает и с визгом выезжа-
ет из тенистого дворика гасиен-
ды на улицу... старая приемщи-
ца белая за зеленым столиком из
формайки бросает взгляд поверх
журнала о кино и сплевывает в
пыльное облако... в пяти двор-
ных троемах дворика стоят
пять сейтотас... выходя однаоре-
менно покинутыми и торжест-
вующими в своих весело расцве-

Это Макешликадди, он брызгиво нависает
над столом, укрыв глаза за стилиной по-
лоской санцедацинных отков и киллой
Юридических Доверенностей, которые мы, по
его мнению, должны подписать... ему
нужно собрать больше денег — цена неби-
новости выросла со времени его Добрососед-
ской Речи... но и с деньгами мы проведем
муть много прекрасных дней... (ыхх...)
Где же Друг-Приателю, который обещал
выплатить нас на свободу сегодня ночью?
Забой желает получить ответ — Макешли-
кадди покивает плечами... он не
имеет к планам Пурто-Санкто ника-
кого касательства... кроме того,

он считает, что нем нули правее, чем
тот, которому следует он... издать книгу
и давать на лапу... он размещает перед
нами бумагу из угрюмой киллы... мы с
ним и его правовыми хитростями — или
мы с Другом-Приателем? "Я с кем
угодно, лишь бы он вытатил меня отсю-
да", — говорит Забой, и мы все подписыва-
ем... Макешликадди забывает бумагу...
он покур... он не успел на самолет, а

42. ПЕРЕХОД К "ШЕВ-
РОЛЕ" 64 ГОДА, ныне дре-
бжащему и грязному, неисто-
во пахтающему дорогу в
какой-то пустыне... Дурамар
ведет — нервный, красногла-
зый, кусающий щеки... Хват
держит на коленях корчащийся
дитё и пытается сменить зло-
вонный подгузник его визгливо-
му близнецу... позади на мат-
расе, потя и задыхавшись в
тяжелой рыжей лисьей шубе,
чей воротник плотно прижат
к лиловой шее и загибается от
ударного подневного зноя, Сэн-
ди Поуку закатывает глаза и
что-то бормочет; она вновь
направляется в милостивое
убежище неуязвимого безумия...

43. ОБРАТНО К МИКИ,
который страхивает с себя
спроецированный колоколь-
ным звоном ступор, захлоп-
ывает рот и молниеносным дви-
жением хватает крысу,

ценных и ирядно поношенных юбок и домашних халатах, они смотрят, как с рысанием уносится прочь широкая стина...

41. ПЕРЕХОД К ДУРЕМАРУ И ХВАТУ, которые ведут чадаций, дымящий, пердящий и исходящий предмертными хрипами фургон "шевроле" 54 года по намянутой подвездной дорожке к южнокалифорнийскому домикурранчо с пятью нулями, у которого типичная для округа Ориндж загорело-тонированная пара средних лет сидит в красных на лужайке, попиывает "черный русский" и наблюдает за девушкой в бежевом бикини, помогающей близнецам доставского возраста начинять вагон фургоном "шевроле" 64 года... какорфоническое прибытие гостей заставляет всех отвести челюсти... пара средних лет утрашена; близнецы напуганы; девушка – Сэнди Поужу...

следующий только в понедельник... мы горим, чтобы он приборился, он вынимает из портфеля – дипломата быстрее, сигары и бутылочку виски и раздает все это нам... возмущенный, он покидает нас с улыбкой...

Мы все возвращаемся в камеру и обнаруживаем, что тень устранена, но что теперь засорилась параша... поздня прохладнеего засмывает умякнуто даже Хуихена... он берет бутылочки с таблетками и уголку и уходит практиковать со меллоты... а беру виски и отступнаю в свою койку... Забой закуривает сигару и садится сочинять письмо Санку Барджеру, хотим спросить, можно ли опять завербоваться... нишем он на мой же канцелярской принадлежности, что и а... дает мне пару листов, чтоб я их противам... ля-ля-ля, все то же самое... кажется, никогда не привыкнуто к велиственности мексиканского заката, так много окрашивающего небеса... так много, сэр, сегодня превосходный день, ни чем не хуже

которая, выронив бумажку, взрывается в Микси большой палец... Микси отщелкивает крысу в пароксизме стальной ступенной матерщины, что во дворе смолкают гитары...

44. В ТЮРЕМНОМ ДВОРЕ собраты по неале и охраники оборачиваются на шум... Хуихен перестает забрасывать спиннинг... Забой и юный мексиканский охраннык остаются со скамейки, прервав болтовню... перглядываются, пытаясь понять, что послужило причиной столь визгливой капитуляции пред истерикой... они идут к камере, в дверном проеме которой появляется Микси и, улыбаясь, кричит: "Ничего страшного... пада... просто крыса..." он возвращается в камеру, мрачно нягча кровотокающий палец, поднимает обкусанную записку... отсасывая кровь, озирается, где бы устроиться еще один тайник...

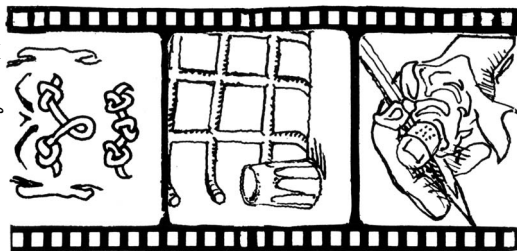
верашнего, и мы по-прежнему вдумам
изысканные напитки и экзотические
блюда, приготовленные сергуными, сен-
минентальными ламинсами, и рас-
слабляемся в сумерках к югу от границы,
и пачодесят парней с дериновали гита-
рами пытаются сыграть нам "Милге-
ню" ... Фрэн

Заскакивает Забков тайной друг-охран-
ник... к нам опять пришли... трое в один
день... он явно влетает... надо наладить,
бывшая паставка ЛА предводит все
ожидания... хотим ли мы проследовать в
канкану для свиданий? Не-а! — говорим
Забой, брента на "гитаре, — проводите их в
нашу контору...

Ну же, Майкл Жене Продайк, бесстрашный
экзистенциалист, если уж мы собрались
бесстрашно вывести Друга — Приамеля на
чистую воду... хвастим уже иерархия в
ладушки... Гони прозу пожалуйста! Режь су-
ровую правду-матку. Силей и без силей!
Слушай, Мики Продайк, суковыи ты хер!!
ты же пьюешь на опасность встречи с
красой, прятая эти драгоценные страсти
в крошечные места, чтоб не конфиско-
вали... и ведь не помню, что кто-то мо-

это время постарается выяснить, что нам
паложено сделать... и скрывается под водой, пока
мы сплывем за временем по пламени светл...
он оставался под водой ровно 5 минут (никого
на это не способен, дунали мы, если только
ему не предпоят великие дела), потом вы-
нырнул и объявил, что мы будем устраивать
тиралава с бесплатной раздачей километра... (я
дунаю теперь, что он, может быть, не ел
никаких семян... ему же не стало плохо?
Нем! ...и, может быть, он припрятал где-то
в тайной ванне дышаемую трубку и, мо-
жет быть, отсымал ровно пять минут!) Да!..
Он был молод... и
впечатительный...

45. ПРИБЛИЖЕНИЕ К
ЛИЦУ МИКИ, вступающему
целестремленностью и решимостью... он вынимает большой палец изо рта и со злове-
щим кивком забирается
обратно на нарцы, где скопи-
лась в стакане небольшая пач-
ка записок, и ставит его на
подоконник вверх дном... Сно-
ва кивает, отрывает от свое-

зает их смерть и продать первой тебя в
"Нэшн Инкьюайр" за пять шмук... а
потому, что ты думаешь: вдруг они по-
надум к нему? Ох
Мне! Хватит ходить вокруг да около! Сча-
бками ни одна скандальная газетенка не
запечатала еще ни цензура...

Сцена первая, попытка № 2

Друз-Приамель Понтов

Я думаю, он начал пугать нас ~~по~~
~~этим~~ все равно, ~~покажет~~ ~~нам~~ ~~эти~~ ~~строки~~
~~из~~ ~~нему~~, ~~старой~~ Друз, ~~потому~~ ~~что~~ ~~три~~
~~гипнотиз-концы~~, ~~твое~~ ~~фантазия~~ ~~юридически~~
~~нельзя~~... как ~~поют~~ ~~Братья~~ ~~Праведни-~~
~~ка~~, ~~все~~ ~~ужас~~. Ужас!!

и порошил в нас иллюзию, будто мы все
совершаем некий загадочный вселенский
трик... и нам суждено завершить что-то
очень великое... а точно не помню, что
именно... на благо несчастного человеке-

ства... зашедшего в тупик...
Впервые он внушил нас в это дело мой но-
вый, когда мы стали семенами вынка... и по-
дались на горячие истоки в Биг-Сур...
он сказал, что уйдем на 5 минут ...и за

1 "Братья-Праведники" (The Righteous Brothers) — музыкальный дуэт в составе Билла Медли (р. 1940) и Боба Хэффил-
да (1940–2003).

го рулона полоску новых бумажек, обрабатывает поло-
винной кровотокающей палец, а на другой половине на-
чинает писать... издает гитары, заходящее солнце
стремится к большой стене...

...а он был чужо постарше... со влетами-
ощущен реп... Вот они и влетамились.

Я же могу оправдаться тем, что приса-
нул на верность и в конце задурил...и
Когда мам не было, он просто слышал обо
всем это от остальных

НА ХУЙ ВСЕ

...сцена первая, попытка № 3

Друз-Приамель Понтов

Отлично помню, как я впервые повстрелел
Девкина Дебори... Я был

одним из скромных генероклашек, набив-
шихся в класс, где ~~шестиклассники~~ ~~раз~~
~~ры~~вали представление по сценарю Ноги всех
святых...

Друз-Приамель Понтов

В ~~классе~~, ~~который~~ ~~посещали~~ ~~Девкин~~ ~~Де-~~
~~бори~~, ~~наше~~ ~~прославленный~~ ~~"Василий~~ ~~Слу-~~

жизнью Вышинны", и я, все здания собор-
 нены между собой подземными ходами.
 По этим туннелям или трубах водопровода
 и отопления, но если у студента варил
 бешка, он мог перебраться по канализу
 незаметно. Девингу Дебери удалось за-
 лезть кночи от здания администрации
 и вскоре он собрал группу закадычных
 приятелей, которые встретились ночью,
 чтоб исследовать катакомбы под кампу-
 сом, в частности, под спальнями нерво-
 курсии...

...Друг-Приятель Понтов

Ышны стараниями оказалась я в тюрьме
 и эмиграции? в этой наводненной грызу-
 нами камере? на сем беспутом пути??
 Только ли свиньи, или мне полаг кое-кто
 еще... Позволю тебе, мой читатель, судить
 об этом... Все началось, когда мы с моим
 другом...

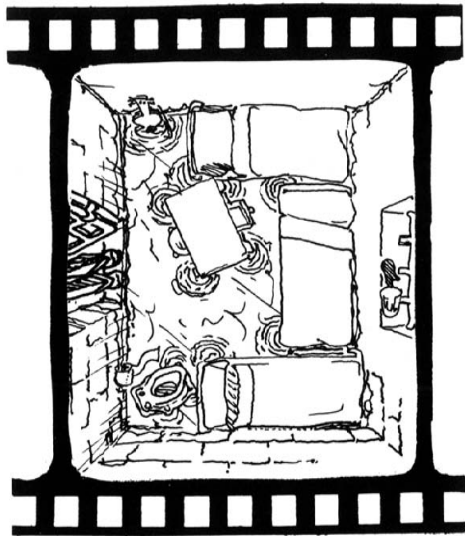
ДЕБОРИ (ухмыляясь): Ты припас что-нибудь на-
 кануне Четвертого Июля?

МИКИ (подозрительно качая головой): Ты о чем?..

ДЕБОРИ: Мы прощаемся с Пуэрто-Санкто, и я
 хотел, чтоб мы отправились к Гату Кинг
 Конгу...

ХУЛИХЕН: Пишется через "д"...

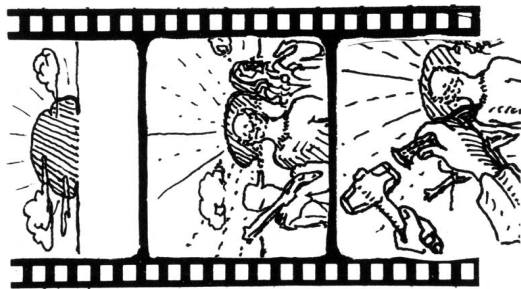
ДЕБОРИ: ...на пляж и устроили прощальную ве-
 черинку... может, полетали бы немного?..

46. ПОНУРАЯ ГОЛОВА
МИКИ *отрывается от сочинительства и видит, как*

47. ДЕВЛИН ДЕБОРИ
идет по тюремному двору с юным охранныком и Забоём... солнечный остаток окружает Деборину макушку... он шагает по плитам, подтянутый и властный, он выгравирован на пыльном закате словно бы рукой судьбы...

48. МИКИ ПРЫГАЕТ к
стакану и выливает из него
стопку записок... неистово озирая камеру, натывается взглядом на Забоя гитару... запикивает бумажки внутрь и распрямляется, когда трюиза входит в камеру...

МИКИ: Я не знаю, мы тут несколько скваны...
ХУЛИХЕН: Есть такое дело, да, но ты, Вождь, скажи, как туда попасть... на всякий случай, понимаешь?..

ЗАБОЙ *(уловив нечто в интонации беседы, преображается):* Точно! Точно! На всякий случай...

Все молчат, пока охраннык не сообщает, что ему надо бы уйти... извинившись, он обиженно удаляется, дав понять, что намерен понять...

ХУЛИХЕН: Итак, Вождь, что ты говорил? Про то место и завтрашний вечер?..

ДЕБОРИ: Я вам даже принес карту с указанием ми. *(садясь за стол, начинает разглагольствовать длинный сверткок планов из-под рубашки... он глядит на Мики...)* Что с тобой, М.П.?

49. ПРИБЛИЖЕНИЕ К МИКИ, который спорит, раскрывая пластинку мятной жвачки... *вопрос повисает в воздухе – с ним или без него? – пока неизбежность ответа не кажется очевидной; тогда Мики пожимает плечами и поднимается с койки со слабой улыбкой... шлепает к столу, чтобы присесть к совету, и вкладывает сложенную пластинку жвачки в шифрующую ухмылку, будто на выборах бросает листок в урну...*

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Проголосовав, как мы можем быть уверены исходя из дела Мики Проэайка, в равной степени глупо и преждевременно.

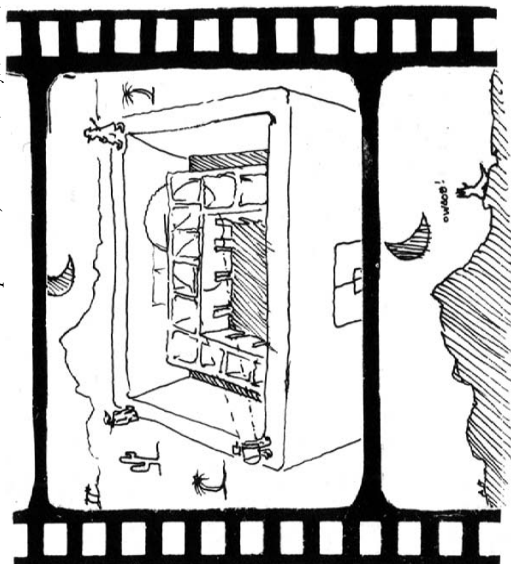
50. НАРАСТАЕТ ВИД ТЮРЬМЫ С ВЫСОТЫ...
спокойный... упорядоченный... и мирный...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Так Мики Проэайк, стоя на распутии между свободой и независимостью в одной стороне и новой дребеденью Дебори в другой, демонстрирует нам третью из трех наиболее распространенных ошибок претендентов на поднебесье: делает выбор, хотя выбирать пока что не требуется вовсе. Икар выбрал попытку взлететь слишком высоко, Фауст перегрузил себя надеждами на тьгостную человечность — эти ошибки по меньшей мере благородны, в то время как выбор Мики воссоединиться с избирательной платформой Дебори не может быть — будучи на деле выбором без необходимости, — ничем, кроме глупости. Когда бы кандидат ни агитировал ничем ему не обязанного избирателя немедленно броситься вперед за правое дело, чтоб не остаться за бортом парохода-победителя, до

запомните... *(начинает звонить далекий колокол: РАЗ!)* летайте низко... *(ДВА!)* летайте налегке, *(ТРИ!)* а главное, *(ЧЕТЫРЕ!)* и охраннык кричит: "Extinguished!"¹ ПЯТЬ!..) ни под чем не подписывайтесь, пока уверены, что сможете сбежать на крыльях бесплатно. *(ШЕСТЬ!)* свечи тухнут, гитары молчат СЕМЬ! прожектор на сторожевой вышке начинает поверхность скольжения по каменным верхам... ВОСЕМЬ! ДЕВЯТЬ!.. прожектор выключают... ДЕСЯТЬ!.. охраннык на вышке принимает от сменщика чашку горячего кофе... ОДИН НАДЦАТЬ!.. чей-то изурнувший кашель... храт... шиканье в ответ... ДВЕНАДЦАТЬ!.. сверчки и далекие собаки... ТУС-КЛЮ КРУПНЫМ ПЛАНОМ РУКИ ХУЛИХЕНА, в них — удочка и катушка; на мгновение они замирают, затем Хулихен делает бросок... леска со свистом рассекает тьму... выждав несколько секунд, Хулихен крутит катушку... наконец наверх стелы камеры показывается приманка, на ней закреплена леска потялце... торжествая, Мики с Забоом тянут леску, которая становится бечевой, потом шнуром, потом темно-синей нейлоновой веревкой — когда мы видели ее в последний раз, она тащила Дебори сквозь воду... наконец вытаскивает больше нечего... Забой мастерит большую петлю, залезает в нее обами ногами и стоит в ожидании... трое молча перелазываются, неуверенность смешала на их затененных лицах пессимизм, оптимизм и усмешку... затем веревка утрачивает вялость, тянется в ночное небо, береж-

закрытия участков всегда остается много времени для раздумий, а нетерпеливый агитатор, по существу, всегда ищет дураков. **ПАНОРАМНЫЙ ПЛАН: ОПУСКАЕМСЯ К освещенной сверху внешней стене... двор пуст и тише... все маленькие коробки без крышек на ночь заперты, люди внутри спят, бреччат на гитарах, читают и играют в карты при свете свеч (они кажутся софорежымым излучением домика, благовоздушными и очаровательными с нашей возвышенной точки зрения...) Так вот, студенты,**

но крута, поднимает сидущего Завая в звездную полночь... он смотрит вниз с высоты... **КРЫША АВТОБУСА** полна одетых в темное мужчин, тянущих нейлоновую веревку; по мере поступления Ястребник накручивает ее на барабан... в автобусе темно, мерцает лишь синий огонек барабана... трудящиеся даже не перешептываются... **ЗАБОЙ** появляется в небе, подсвеченный снизу слабым синим сиянием; его тянут на крышу... виден накатывающий черный шифр, огромный, в два раза больше автобуса... мужчины дотягиваются до большой безволной лопки, что свисает с шифра, и приспособиваются ее к барабану... Дебери нагибается и трижды отрывисто стучит по крыше автобуса костяшками пальцев... **ВНУТРИ АВТОБУСА**, чьи окна задратированы спальниками и одеялами, М'кега переливает прозрачную жидкость из пятигаллонового бидона в чан со стекловатой... встывка расцветает ярко-синим инферно... чан на подставке под барабаном... М'кега раздет до пояса и бьет; он качает помпой самодельные мехи, изготовленные из его барабанного и камеры флуореска, пламя становится все синее и горячее... **НА КРЫШЕ** мужчины, встав кругом, изо всей силы удерживают веревки... тянут, фыркают... затем огромный пластиковый мешок с горячим воздухом вырывается в небо, увлекая за собой веревку и крута барабан... **В КАМЕРЕ**... Мики с Хулианом тянут за петлю на конце нейлоновой веревки, когда она опять взмывает

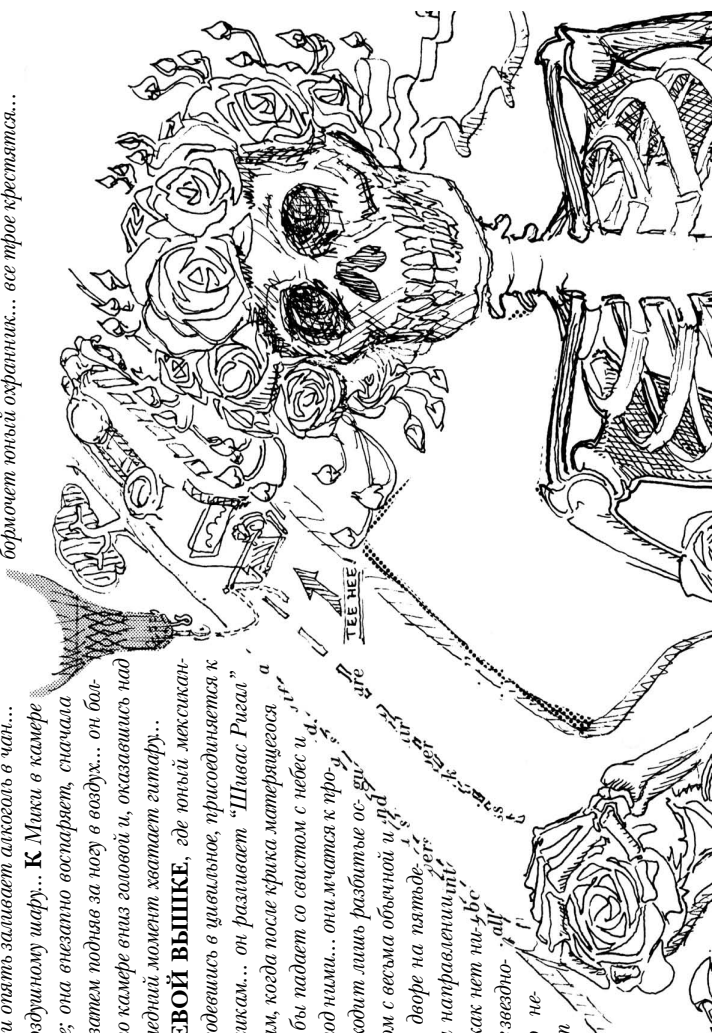
1 Погасить свет! (ист.)

вверх, Хулихен висит на одной руке, другой все еще хватаясь за спиннинг... Мики бросает взгляд на гитару на койке Забоя; он видит, что крысы удались пролезть меж струнами и проникнуть в дыру... **ПЕРЕХОД К** Хулихену, которого тянут на крышу автобуса... **ПЕРЕХОД К** М'ке внутри: он слышит три удара и опять заливает алкоголь в чан...

К опускающемуся воздушному шару... **К** Мики в камере одной ногой в петле; она внезапно воспаряет, сначала обмакнув его в воду, затем подняв за ногу в воздух... он болтается туда-сюда по камере вниз головой и, оказавшись над койкой Забоя, в последний момент хватается гитару...

К СТОРОЖЕВОЙ ВЫШКЕ, где юный мексиканский охранник, переодетый в цивильное, присоединяется к двум другим охранникам... он разливает "Шивас Ригал" по кофейным чашкам, когда после крика матерящегося аргентино нечто будто бы падает со свистом с небес и разбивается в ядре под ними... они мчатся к прожектору, но луч находит лишь разбитые осколки гитары рядом с весьма обычной и дохлой крысой... во дворе на пятидесяти футов в лобом направленной, больше ничего нет, как нет ничего и наверху, кроме звездного гвадалахарского небеса... очнем от изумления, трое

охранников glareют на загадочную сломанную гитару и на разбившуюся крысу, недвижно лежащую в овале света... по двору несутся слабый вихрь... маленькие белые цветы из бу маги расцветают над обломками и исчезают во тьме, слово призранные пальцы собирают букет... "Diablero..." — бормочет юный охранник... все трое крестятся...

Акт III

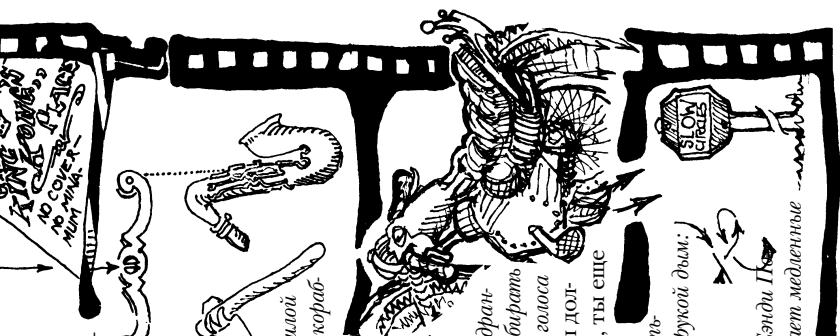
Сцена Последняя

Из затемнения прошлой ночи навстречу красно-бело-синему воздушному змею, живому и лучистому в латуном иномском небе, летящему высоко...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

На носки, мои отважные студенты; можете вы — на основе изученного — сказать, Что Не Так С Этой Картиной? Рассмотрите поближе... *(бумажный человекк всего наклоняется и вытрамывается, взад-вперед, наслаждаясь степенным морским бризом...)* Не то чтобы это был какой-нибудь безликий воздушный змей; смотрите на него скорее как на ущербный символ так называемого свободного полета сентиментальной нации, как на классическую двадцатипятицентовую двойную наклейку с традиционными вертикальными красными и белыми полосами на нижней половине и гордой желанкой яркими звездами, рассыпанными по синей ткани половины верхней... Великий Американский Воздушный Змей, он вдвойне велик в нашем случае, ибо славит слышную Четверку в чужом поднебесье...

Мы слышим: шумит внизу прибой, кричат морские птицы, где-то далеко желтую версию

“ЗВЕЗД И ПОЛОС НАВСЕГДА” распираывает тромбон. Устремляясь вниз по лесу воздушно-го змея, мы наблюдаем эффектный даже для Мексики морской пейзаж. Закатное солнце летит расплавленную медь лучей по водной зыбь в ледяную бухточку, запертую в трех стенах иссиня-черных скал. Эффект, несмотря ни на что, более чем реальный: бухточка и прибой обсыпаны огромными каменными блоками, гигантскими 10-, 15- и 20-футовыми рукоотформенными кубами цвета чернослива... Подобно заброшенным игрушкам беспечного великана, они свалены на песке и в воде под лобками углями; образуемая кубами бесвязная тропа исчезает в океане. Громадные блоки свидетельствуют о прошлой попытке обуздать громокипение морей в сезон штормов, дабы Пуэрто-Санкто принял корабль в любую погоду. Первая же сильная буря разметала честоловые замыслы столь убедительно, что никогда большие пуэрто-санктинские не легали надежды стать морскими владыками – но руины все еще предостерегают будущее против высокомерия (один из камней украшен блекнувшей насмешкой: “ТУТ БЫЛ ГАД КИНГ КОНГ – НИ ДНА НИ ПОДРУЖКИ”); сейчас, при низком приливе, на них хорошо собирать моллюсков.

Средь отеканющих водорослями монолитов Квистон, все еще выжженный в нмне издранный леопардово-фиангелевую пижаму, бредет с ведром в руке за Клодом и помогает Забюю собирать в лужах гигантских моллюсков, которых Клод выковыривает саперной лопаткой. Их голоса рвутся и дрейфуют, мешаясь с шумом прибоя и Джоном Филиппом Сузой: “И все-таки ты должен признать, что он...”, “может казаться, что он преуспел, Клод, но...”, “подожди, ты еще не слышал о другой его затее...”. Голоса сходят на нет, когда мы взлетаем вверх по лесу над бухтой туда, где Бетси с Блэнши поддерживают огонь у затененной одеялами на пеньках стальными площадками. В тени на песке дремлют Калеб и два мальчика, Бетси отгоняет рукой дым: “Разве не все закинулись?” “Кроме детей”. “И Макгиликади...”

Тромбон дудит ближе, доносится рев мотоцикла.

Лес ведет нас вниз на вершушки скал, где припаркованы: автобус, “бьюик”, фургон Энди Пруку и микроавтобус Мэри Микрофрам. Мэри Микрофрам на мотоцикле М’кегы выписывает медленные

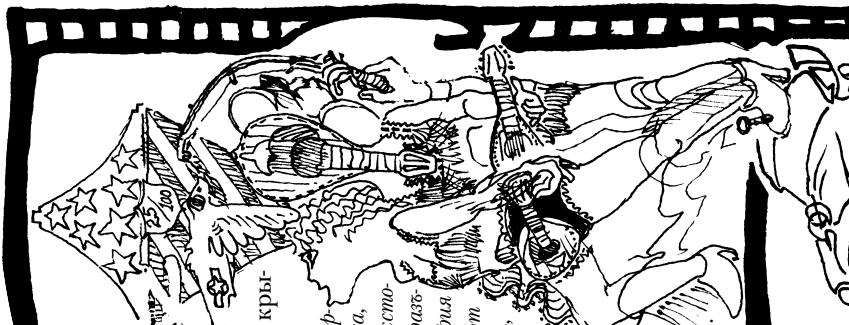
Джон Филипп Суза (1854–1932) – американский композитор и дирижер, прозванный “королем маршей”; именно он написал марш “Звезды и полосы навсегда” (1897).

круги по иссиня-черному плоскому, трепещут уфеленные на стипке для пассажира флаги. В центре круга замер по стойке смирно Хаат в шортах цвета хаки и высоких ботинках, воздев очи горе и дув в тромбон, любезно наставляющий на дефлагощего змея...

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Вдвойне пристально взгляните в этого патристического притворщика: в нем заключен последний и самый важный урок нашего курса. Обнаружите аэродинамический просчет — узнаете все о путях, благодаря которым студенты-авиаторы (кроме только самых отважных) не могут отгорваться от иллюзии. Осилите ошибку Великого Американского Воздушного Змея — и крылья диплома, считайте, у вас за плечами...

Леер змея в конце концов приводит нас к удочке Хулихена, который, блестя голым торсом, крутит изо всех сил катушку, кричит и возбужденно носится туда-сюда по краю утеса, плавящая ради Шерри и двух детей Сэнди Поуку, что тараканцы на него с безопасного расстояния. Он показывает детворе фарс про рыбака, подцепившего рыбу в небо, и одновременно разъясняет эзотерические хитросплетения сюжета для взрослой аудитории. Взрослая аудитория состоит из Сэнди Поуку, что цепляет его локоть и ловит его слова, нацелившись на этот раз быть членом команды. Она ходит за ним по пятам — улыбка до ушей, блаженная вера, понимающие звукозвержения, — и крышу ее сносит как никогда раньше: "Хуля, Хуля, Хуля, Хуля-Хуля"... в черных трусах, лифчике и черной же кружевной мантилье, бренча на крошечной мандолине, инкрустированной жемчугом..." солнце пошло на заход спустись со мной, поглядим на океан"... брень-блям. "Нет времени, душа моя, — ворчит он, борясь с катушкой. — Улов всей моей жизни должен коснуться земли, пусть даже — уфф! уфф! — безрассудное сверхчеловеческое хемингуэевое тпание раздробит мое сердце. Кроме того, зачем бы? Мы и так знаем, что прибор на месте". Море гремит, Хулихен крутит, Сэнди закатывает глаза и фонтанирует за ним сле-

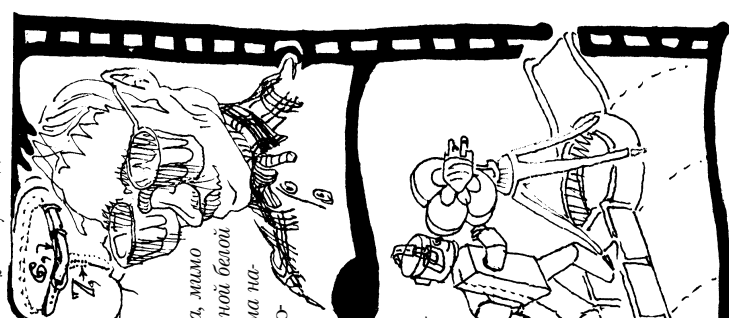
дом: "Насколько безопаснее ощущает себя женщина, когда рядом — мужчина с настоящими убеждениями..."

Блям. Мимо марширует Хват, вспоминающий обрубки маршей, которые играл его оркестр в средней школе. Хулихен указывает на него локтем: "Вам туда, мисс Поук; Хват свое дело знает. Определенно! Ободряющий звукоряд взамен типа вашего хохотливого хищного хромомерия... Но — нет, нет, нет. Хулихен, ты дебил; она ж выбьет из тебя дурь в два счета". Улыбаясь ей: "Как это вы верно подметили, мисс Поук, про настоящих мужчин и женщин..."

Хват умаршировывает прочь мимо "былика", мимо празднокатающегося мотоцикла, мимо раздолбанного фуруона Сэнди, на переднем сиденье которого сидит Макгилликадди в грязной белой рубашке и сморщенном галстуке, пьяный и мранный. Наклонившись к окну кабины, Бегема наставляет на него палец: "Шесть: оно ослабляет оковы сознания, в отличие от алкоголя, который ослабляет только ремень на брюках, чтоб в них поместился пивной животик..." "Съешь мои трусы, Бехума, бухло ослабило столько оков, что всем твоим психоделическим цветочным таблеткам за ним не угнаться". "И причина номер семь, Макгилликадди: оно распаивает душу там, где алкоголь распаивает лишь ширинку". Макгилликадди надевает темные очки, отхлебывает виски и дарит ей улыбку: "Дай допить выпивку — и обломай зубы о мой краник, мисс Цветик-Анальгетик, хи-хи-хи..."

...мимо "фольксвагена", дудя в сторону площадки в М'кеа установленную автобуса, на которой Ястребник и М'кеа установили звуковую аппаратуру. Барабаны, усилители, микрофоны, даже электрическое пианино — все подключено к большому красному силовому кабелю, что ведет к генератору, установленному на задней площадке. Рекс Май, потев и краснея от злости, внезапно пробует включить газовый двигатель в паловину лошадиной силы, от которого запускается генератор; он наматывает, дергает, перенаматывает и снова дергает шнур стартера. Дуремар наблюдает за ним, оберегая от капелек пота свой новенький, с иголки пркид желтой за-

миш и с серебряными вставками, купленный в Гадалахаре Сэнди, одевает Рекса подержанной, советом и водоподом живоотно-дружеского сочувствия: "Отлично, Рекс. Дерни его за хвост как следует! — Ффрыт! пурттану... — Самую чууточку потише..."

На крыше автобуса — Мики Прозайк, закованный в основательную броню киноаппаратуры: частью старой, частью мощнически добытой на днях Макгилликадди. Мики стоит, благородно осаная, на нем новые пижонские наушники с антеннами, что вытирают деумя рожеками, и направляющее свет зубообрачебное зеркальце на лбу, в одной руке его блестит слово-но котье, длинный алюминиевый микрофонный штатив, другая держит, словно щип, боксированный 16-миллиметровый "Аурикон" на плечевой подставке, подключенный через звуковой синхрокабель к новехонькому магнитофону "Наэра", что закреплен на черном кожаном батареином поясе на талии. Мики покачивается на своем металлическом жербеце словно неоновый ры-

царь, готовый усмирить огненное дыханье куда более жаркого языческого дня... как только сумеет постичь принципы работы проклятого нового пижонского японского фотометра: "Клод! Клод разберется, он однажды базировался в Токио. Он уйдет засранца. Клод!.." Разворачиваясь к морю и настраивая зубообрачебное зеркальце, он удлинняет тени гигантских блоков отраженным лучом: "Найти бы его прежде, чем он отключится..."

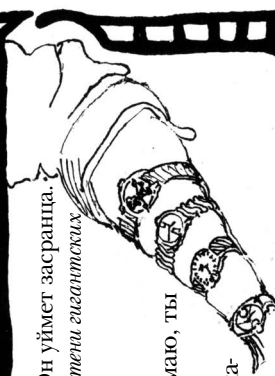
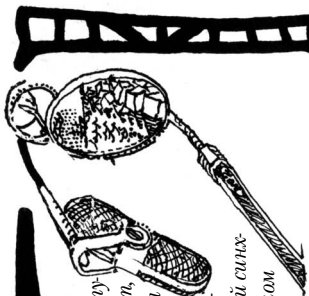
КЛОД (скребясь в лужах): А что он отмочил потом — знаешь?

ЗАБОЙ (слушает Клода, оставив малюсеньков Квистону): Брат, я, блядь, не понимаю, ты мне все это рассказываешь — или я уже в отключке!

КЛОД: Потом, после открытого письма в "Хронику", в котором он пригласил всех революционеров Калифорнии...

ЗАБОЙ: Каких еще революционеров? Что он себе?..

КЛОД: Из списка предельно выдающихся гостей, в который вошли, понятно, не только Ангелы, Черное Братство и Студенческий совет Беркли, но и такие группы, как Сьерра-клуб, и АСГС!... примкнуть к нему... к нам... к тому, что тут будет 13 августа... а это, если ты не заметил, пятница, пятница, тринадцатое...

собраться на стадионе "Поло Граундз" в парке Золотые Ворота без десяти шесть вечера, потому что *в шесть* вечера будет официально объявлена Новая Революционная Война. За десять минут все должны сверить часы и приготовиться к штурму.

ЗАБОЙ: И что он планирует штурмовать с отрядом в десять тысяч придурков? Сосалито?

КЛОД: На какую территорию мы нацелились в первую очередь — пока покрыто мраком тайны. Так покрыто, что даже Большая Пчелка ничего не знает... В любом случае, уведомив Сан-Франциско о созыве собрания, он также известил через Объединенное Телеграфное Агентство Эдгара Гугера — написал, что пересечет границу Штатов в полдень субботы 11 июля... ЗАБОЙ: Боже правый!

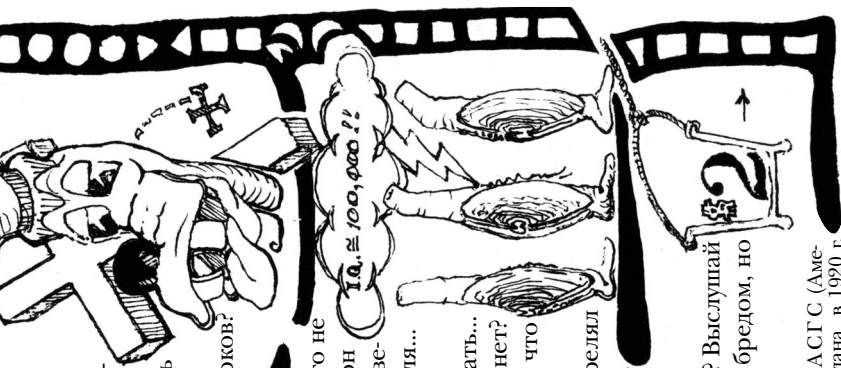
КЛОД: ...то есть ровно через неделю, и пусть, мол, ФБР попробует его спанять... ЗАБОЙ: Боже правый и левый! Он не написал, *где именно* перейдет границу, нет? КЛОД: Нет, только время сообщил. Но и при таком раскладе я сказал бы, что он, мягко говоря, открыл козыри. Мягко говоря.

ЗАБОЙ: Лучше бы ему принять успокоительное. А та ночь, когда он стрелял молниями? На хрен его. На хуй! Бред собачий, вот что это такое. Эй, Квистон, дай-ка мне ведро...

КВИСТОН: Я сам.

КЛОД: Да уж, звучит бредово. Но бог его знает. Ты говорил с ним по душам? Выслушай его — и ты поймешь, о чем я: многое из того, что он говорит, кажется бредом, но звучат его слова... неслабо.

1 Сьерра-клуб — американская природоохранная организация, основанная в 1892 г. АСГС (Американский Союз Гражданских Свобод) — организация социалистов-нацифистов, создана в 1920 г. Расширила впоследствии сферу своей деятельности защитой конституционных и гражданских прав.

ЗАБОЙ: Я свой план по чистому безумию перевыполнил еще в "Ангелах", спасибо. На его месте я бы выражался поделкатнее и побольше думал бы одним местом...

КВИСТОН: Забой, черт подери, отцепись от ведра!

ЗАБОЙ (замечая, что Квистон наступил): Фигассе, Попутт; ты, наверно, прав. Да же едо ребенок ожесточился!

КВИСТОН: Он в тысячу раз умнее тебя — и стреляет не только молниями! Отдай мне моллюсков! Он велел мне принести ему моллюсков, он... он... он...

КЛОД: Квистон, я думаю, твоя мать сказала тебе ни в коем случае не глотать кислоту.

КВИСТОН (его сердитость тут же сменяет самодовольная ухмылка): Я пошел за ним, когда он поднялся на скалы, чтоб переодеться.

КЛОД: И ты как пай-мальчик посмотрел, что у него в карманах. Сколько ты проглотил?

КВИСТОН: Только две маленьких.

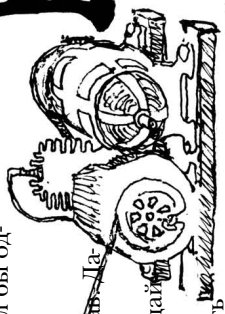
ЗАБОЙ: Боже правый и левый! Вот что, брат, иди-ка ты прямо вперед и неси своих моллюсков. (глядит на мальчика, волочащего ведро плетью; качает головой) Как ты думаешь, что мы будем делать после того, как захватим Сосацито?

КЛОД: Сила духа, старина. (смеется, хлопая Забоя по спине; они шагают следом за мальчиком) Десять тысяч придурков — это не хухры-мухры...

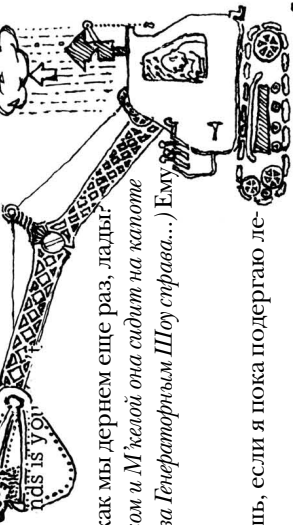
У генератора Рекс Май изготавливается, сосредотачивается, затем дергается за шнур стартера. Фррут-а-пу-пуф...

ДУРЕМАР: Чуть недотянул, Рекс, самую малость. Фьють! (изгибает бровь) Не знаю, сколько я еще вытерплю...

РЕКС (измученно): Солнце почти село, Дуремар... скоро тебе будет не так жарко.

ДУРЕМАР: При всем том, брат... Мне бы присесть перед тем, как мы дернем еще раз, лады?
БЕГЕМА: Рекс, дай Дуремару передохнуть... *(вместе с Ястремником и М'келой она сидит на капоте фургона, следя то за водителем "Хулихен и Сэнди Поуку" слева, то за Генераторным Шоу справа...)* Ему тяжело смотреть на тебя в таком темпе.
М'КЕЛА: Да уж, миста Май... бес-человечно.
РЕКС *(сквозь злой пот фрустукает ухмылка)*: Дуремар, как думаешь, если я пока подержаю левой рукой?..

ДУРЕМАР: Понял! Только смотри не передерни то, что будешь дергать правой. А я погляжу...

Раскат смеха с потугой на глумление заставляет фургонную клику обратить внимание на утесы, где Сэнди перезает мандолину, а Хулихен крутит леер воздушного змея.

СЭНДИ: Да у тебя стальные нервы!

ХУЛИХЕН: Увы, дорогуша, нервов я в себе не заметил. Даже завалившего, повторю навязчиво.

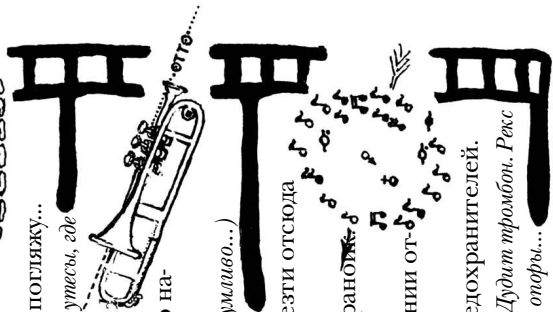
СЭНДИ: Это мы еще поглядим!!! *(она вновь ослепительно смеется – скорее глупо, нежели глумливо...)*
МАКГИЛЛИКАДДИ: Боже, смилостивись, услышь это! *(он высовывает голову из окна фургона и видит Шерри, успокаивающую двух маленьких девочек Сэнди...)* Я должен увести отсюда детей и их мать, чтоб не пришлось потом рыть могилы для самоубийц.

БЕГЕМА: Ничего не случится, Макгиликадди, ты просто закомплексованный параноик!
Выкури косяк, чего тебе стоит?
МАКГИЛЛИКАДДИ: Пошла в жопу, Бегема; вы, друзья-глюколовы, уже не в состоянии отличить закомплексованность от добросовестности.

БЕГЕМА: Все юристы закомплексованы, а у тебя и вовсе предохранители внутри предохранителей.

Ястремник и М'кела гогочут. Хулихен отражает удочкой очередной мандолиновый выпад. Дудит тромбон. Рекс дергает иглу стартера столь озверело, что Дуремар в десяти футах от него сбивает с точки опоры...

М'КЕЛА: Полетче со старичком Дуремаром, масса Май. Белым людям не положено трудиться так тяжело.

печу в уголках губ нетерпеливыми ударами запястий. Одной рукой он все еще сражается с катушкой и удочкой; другой раздобыл дитячью пластмассовую свистульку в форме крохотного рожек; он гудит ею как болван, представляя знаки препинания в докладе об уженье рыбы в небесной глубине:

ХУЛИХЕН: Да-а, мои неусидчивые детки, (твиш-уу) тридцать два часа и тридцать две минуты прошло с той секунды, когда я почувал, что Битва за Жизнь моего прекрасного друга на том конце лески прервалась, и тут ни с того ни с сего — эк? ба! — мгновенные спуски он дернулся *вновь*, как раньше, но куда *жестче*! Полноте, да было ли это? Может.. постойте-ка... (поднимается ветер, гоня змея...) Было! Да! Моего милостого дружка заглотила еще *прекраснейшая* рыба... о нет, мой друг, нет!.. и битва продолжилась вновь.

СЭНДИ: Акулы! Молотоглавы. Он всплывает совсем как мой отец — жестко, жестоковьино, а тут течет мой ток, и мой ом ватта хват! Ом? Этот ватт и есть мой отец!

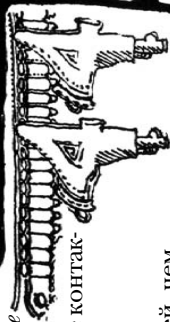
ХУЛИХЕН: Без омметра мы не можем сказать *определенно*, что это было за ватт. В этом свете... Может, твой ток кольхался, колебался. Может, это была твоя мать, твой брат, может, просто близкий друг, который, в конце-то концов, если он близок тебе понастоящему, не стал бы возражать? То-то.

СЭНДИ: Еще кто-то? (она жеманно качает на руках ручную мандолину, прижав ее к черной груди: твасгеночек...) Нет. Никого больше...

ХУЛИХЕН: Мы одни? (с буйескным леером...) Что же, геенна огненная, милые контакты, мы же...

СЭНДИ: Ты хочешь целоваться, да?

ХУЛИХЕН: На самом деле нет, я не хотел, однако понял: опасности большей, чем расстрел, достанет, чтобы разрушить иллюзию.

СЭНДИ: Я-йй-хо?

БЕГЕМА: Хе-хе. После столь близкого к ому удара ее маленькие милые контакты должны подзакнуть. МАГИЛЛИКАДДИ: Это ненадолго. Берем ее...

СЭНДИ (*выплывая из секундного тупика в потоке слез*): О, как ты прав. Я виновата, я так виновата. Так, так, так виновата...

ХУЛИХЕН: Конечно, мы в курсе, что мы умнее этого оперного придурка, испанца Гон-Свейтеяе.

салеса; мы не бросаемся на Кармен каждую вторую неделю. Нетушки. Даже если в нагруд- Goodbye ку дадут Камиллу и немного умирающих бабочек...

СЭНДИ: Да! Да! Теперь я вижу. Мои глаза...

ХУЛИХЕН: Да, твои глаза — вот в чем вопрос. Все эти подъемы-спуски вверх-вниз по лестнице, кринолины и растительность на лице, понимаешь ли, бурление-схождение, а потом развал... Черт побери, женщина... Устрашенная пустота порождает дутый фасад, чтоб накормить страх, хотя мы все всё равно понимаем, что страх не накормить... разве что порой, временно... но насыщать его придется вечно!

СЭНДИ (*поет*): Что получишь ты, коль от любви занемог?...!

ХУЛИХЕН (*подхватывая мелодию*): Две зеленые марки и ржавый тифог... Однако же приободримся. О, Сэнди, я скажу тебе одну вещь: стена твоего взгляда надежно хранит от поругания девственную сердцевину твоей проблемы... никто не знает, о чем ты на самом деле думаешь!

СЭНДИ: Опять! Время делать крылья, да? Крылышком бляк-бляк? (*вдаряя по струнам, она наставляет гриф инструмента на турую джинсу Хулихеновой промежности*) Все, что ты сказал, ты сказал из-за бляк-бляк, правда же? Открывайсь... о, это пушка!

ХУЛИХЕН: Это не он, дорогуша, это...

СЭНДИ: Это пушка! Ты дал мне пистолет?

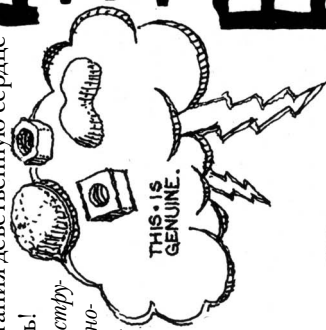
Read.

Ready.

Redeye.

Sweateye.

Goodbye

ХУЛИХЕН: В общем, да, ты права. Пистолет. Те старые одноразовые пушки 44 калибра славились своей ненадежностью в критические моменты, когда было не до жиру...

СЭНДИ: ЖИРУ?!! *(прижимая мандолину к животу и перегибаясь через нее в агонии)*

Вот теперь она погибла, загнав в лоно паука, что плетет из лески тенета. Сэр! Ваша уда и ваша катушка удовлетворят...

ХУЛИХЕН: Погоди. Давай лучше найдем компромисс...

СЭНДИ: Твое лоно или мое?

ХУЛИХЕН: Ты должна бы уже понимать, что ты не Грейс Келли и не училась ни в Брин-Море, ни даже в Суортморе. Смахивает скорее на госунивер Сан-Хосе. Или на Рид. Точно, ты родом из Рида?

СЭНДИ: О, воспоминания, пальма-матерь, собирай виффенпупов³...

ХУЛИХЕН: Жаркие записи в телефонных будках...

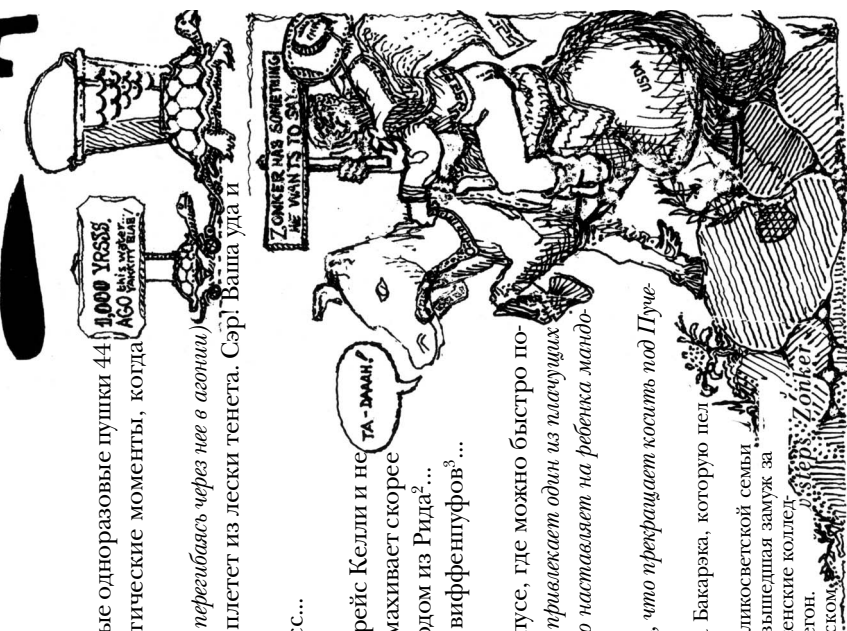
СЭНДИ: Признаюсь, это единственное место в кампусе, где можно быстро по-лучить сдачу, не говоря уже о... Что? *(ее внимание привлекает один из плачущих детей)* Нет, дорогой, только не сейчас... *(шутливо настаивает на ребенке мандолину)* Мамочка разговаривает...

ХУЛИХЕН *(он настолько шокирован ее черствым ответом, что прекращает косить под Пуче-*

1 Строка из песни "Я никогда больше не влюблюсь" Берта Бакарака, которую пел Бобби Джентри.

2 Грейс Келли (1929–1982) — американская актриса из великосветской семьи (ее отец был миллионером и олимпийским чемпионом), вышедшая замуж за принца Монако. Брин-Мор и Суортмор — элитарные женские колледжи в Пенсильвании. Рид — колледж в Портленде, штат Орегон.

3 Виффенпупы — мужская студенческая капелла в Йельском университете, существует с 1909 г.

глаза¹ и говорит с ней прямо): Неудивительно, что чувство вины разделало тебя под орех. Сэнди, то, как ты...

СЭНДИ: ПЖАЛІСТА! (ее ужасает перемена тона) ПОЖАЛУЙСТА пожалуйста пожалуйста. Я очень-очень хочу остаться ЗДЕСЬ...

ХУЛИХЕН (быстро возвращаясь к смесливому интонациям): Ах, ах, ах, оетавьте...

СЭНДИ: И оставлю. Буду хранить, пока оно не постареет, не станет привычным и удобным.

ХУЛИХЕН: Прости и помилуй, это ж будет все равно что *фрагмент* с тобой, разве нет? Какая экономия! (ветер дует лист из его рук:

Хулихен дует в свистульку) Уйдите, девушка; я слышу — *близко* тварь...

МАКГИЛЛИКАДДИ: Сэнди, черт возьми, сейчас же пойдем со мной... СЭНДИ: О, сэр, не приближайтесь, или я ударю первой!

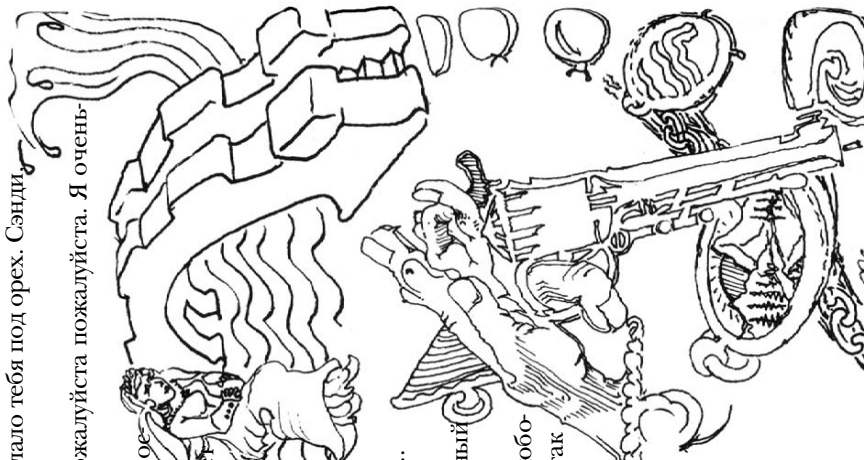
МАКГИЛЛИКАДДИ (*резво отступая*): Бегема, почему твой бесстрашный вождь со всем этим не разберется? Дурь ей дал он!

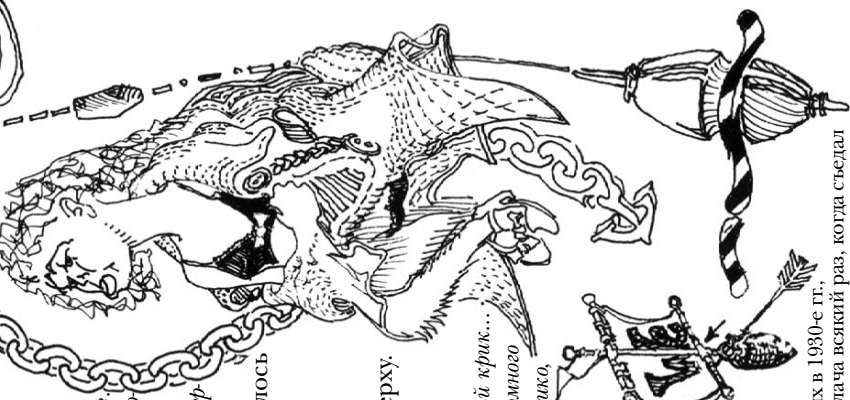
БЕГЕМА: Она стала такой задолго до сегодняшнего, да и вообще до любого приема кислоты... разве что поэзии было меньше. А где он, так его растак?

РЕКС (*появляясь изза зада автобуса*): Верно. Где он? Это он велел врать! бить лампочки и гитары через два часа. Вот пусть и врубают!

МИКИ (*с крыши автобуса*): Может, он знает, как зарядить "Нагру" ... БЕГЕМА (*кричит в сторону паяжа*): Ребята, вы Вождя не видали?

БЕТСИ: Мы не видали никого, кроме моллюсков.

На песке перед костром Бетси с Квистоном выложили узор из моллюсков. Блани и Забой вдут двух детей по крутой дорожке на вершину утеса, Клод помогает Калбу, который нетвердо стоит на ногах...

КВИСТОН (роняя палочки в хлипкое пламя вокруг ведра): Эта вода закипит черес тыщцу лет...
БЕГЕМА (кричит): Тут заглохило Сэнди Поуку, ее дети орут, и нам хотелось бы знать...

БЕТСИ: Я схожу за ним. Квистон, ты пойдешь со мной.

КВИСТОН (ведру смущается): Эта вода... и моллюски... папа сказал...

БЕТСИ: Пойдем уже... (берет его за руку) Вечерет, все остальные уже наверху.

КВИСТОН: Я... я... я... (глядит на руку) Эти моллюски... папа сказал...?!?

БЕТСИ: Квистон...

Квистон готов расплакаться, когда из бухты доносится апокрифический крик... "Пусть парень останется". Все оборачиваются. Дебори стучат на вершине огромного блока "Тада King Konga" весь в изумительнейшем белом: белые дощечки, белое трико, пояс, рубашка... с плеч его спадает белая накидка...

БЕГЕМА (тихо присвистывая): Так вот что Бетси шила втайне от всех.

ДЕБОРИ: Квистон, когда вода закипит, положи моллюсков и поднимайся. Сможешь не обжечься?

КВИСТОН: Да, папа, смогу.

ДЕБОРИ: Молодчина. Подожди, пока не закипит вода. Поднимайся, Бет-

си; время начинать шоу.

1 Пучеглаз — персонаж комиксов и мультфильмов (с 1929 г.), особенно популярных в 1930-е гг., смешной пучеглазый морячок, обладавший способностью превращаться в супермачо всякий раз, когда съедал банку консервированного шпината. Художник Элли Крислер Сигар.

От камня он возвращается к утесу – гибок и безупречен, как цифровой акробат. Занавес
шенный нарядкой, он словно плывет по отвесной стене утеса, успевая забраться наверх и подать под-
шедшей Бетси руку. Дудемаф говорит первым...

ДУРЕМАР (энергично трясая руку Дебори): Вождь, я и не думал, что ты такой.

ДЕБОРИ: Теперь... (перебив аплодисменты в честь его наряда, поворачивается и видит Энди... она роняет изуродованный инструмент, по ногге ее бежит струйка мочи). Финал все конечно...

СЭНДИ: Кончено, да. Как кровь по мосту, как...

ДЕБОРИ: Сэнди, ты такая потому, что ни к чему не привязана. От твоих дурных прыжков из одной крайности в другую нам нет никакой пользы, сколько бы ты ни изображала нашу сестру. Я...

СЭНДИ: Вот оно! Струя! Фонтан белой: прыгнешь смело — будешь целой
ух! целый ух! це!..

ДЕБОРИ: Нет, это не оно. Абсолютно. И думать забудь.

ХУЛИХЕН *(размахивая и дергая удочкой за спинной)*: Я не так туп, чтоб играть с ней в бирюльки. Вовдь, Я все твердил себе: "Не нападай ты со своими вып-

дами, придурок Хулихен!" Но мне правда казалось, что распад не идет на спад... и что я чуть было не спас остатки человечности, что гнездились в этих развалинах, чуть было не спас...

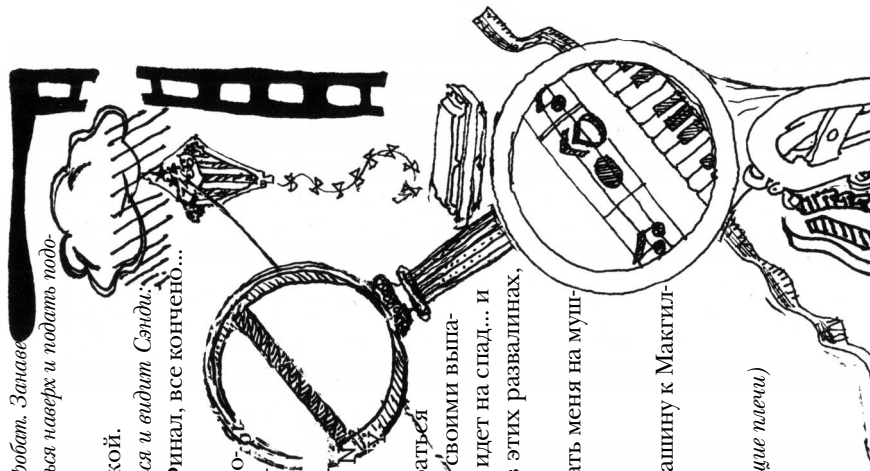
СЭНДИ: Соскочил с соска? (*трепещет на ветру*) Твоя пушка не хочет брать меня на мушкет. Ищи теперь подполку в точке члена.

БЕГЕМА: Сплошной туман вместо порнографий.

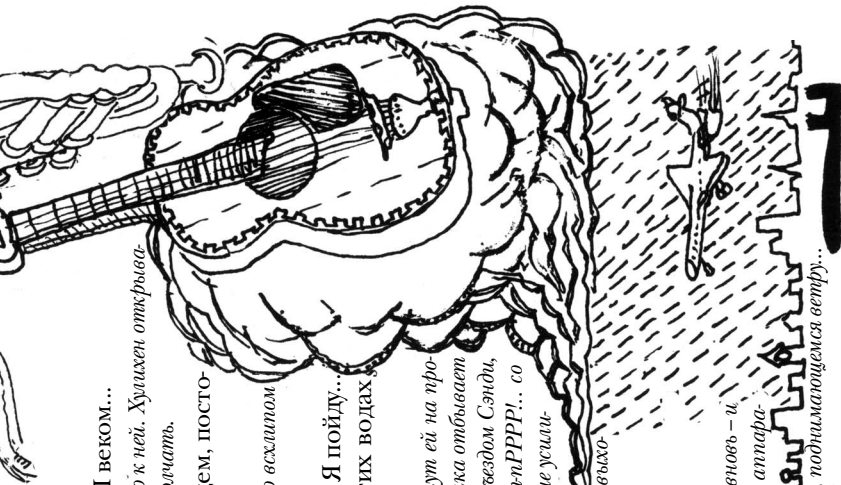
ДЕБОРИ (отстегивая накидку): Сэнди, забирай своих детей, садись в машину к Макгил-ликадди и поезжай домой...

КЛОД: Или в Боливию к Вайнштейну, если ты того желаешь

ДЕБОРИ: Домой, Сэнди... поезжай домой. (Фрагируя накидкой ее дрожащие плечи.)

СЭНДИ: Я понимаю, на что ты отважился, но все ушло вместе с XVI веком...

Дебори застыл, глядит на нее, но не отвечает. Все внимание приковано к ней. Хулихен открывает рот, чтоб разрядить обстановку, но Дебори, подняв палец, просит его молчать.

СЭНДИ: Мы... мы запорем фалангу и забором змею, мы к победе уедем, постояв на краю. А потом мы, потом мы...

Напряжение нарастает, уже почти слышим его треск; вдруг Сэнди со всхлипом облегчения застывает накидку и роняет голову на грудь...

СЭНДИ: Я даже не принимала кислоту, я ее выбросила. Простите. Я пойду...
(она оглядывается на Дебори: слезы в глазах, вменяемая улыбка) В этих водах очень не хватает многоглавых акул...

Все помогают ей усадить детей в машину к Макгилликамди. Все машут ей на прощанье и провожают взглядом фургон, пока он с медительностью катафалка отбывает по каменной дорожке на темнеющий восток. Молчание, установленное отъездом Сэнди, внезапно нарушается двигателем, что завелся после рыка: ффр-фын-пипт-п-РРРР!.. со щелчком загораются разноцветные нити, прочищают глотки разбуженные улитки. Ястребник срывается с места, чтоб успеть убавить громкость до того, как заводка вырубит колонки. Пока он успокаивает технику, Дебори выхватывает из багажника, вытирая руки белым носовым платком...

РЕКС: Первый раз на полярной орбите!
ДЕБОРИ: Все в наших руках.

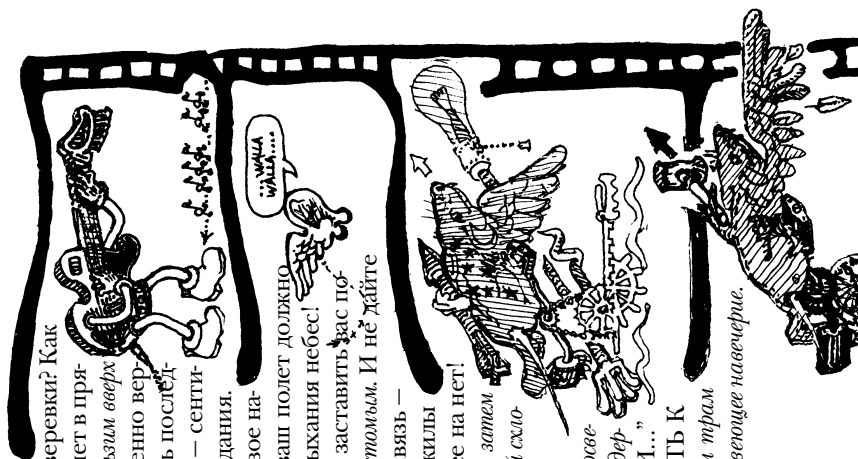
Ухмыляясь, они глядят друг на друга – старые друзья, воссоединившиеся вновь – и с цветущим видом идут вместе со всеми остальными к пульсирующей груде аппаратуры... оставшая позади лишь Хулихена, который не в состоянии опустить на землю своего любимца: все натяженной гудит бечевка на порывистом, поднимаящемся ветру...

1 Полярная орбита – орбита, проходящая над обоими географическими полюсами Земли.

Наконец-то орех очевиден. Да и что могло быть неправильнее веревки? Как высоко ни забрался бы Воздушный Змей, нельзя сказать, что это полет в прямом смысле слова, пока Змей прицеплен к земле... *(и снова мы скользим вверх по лесу к Воздушному Змею, что отчаянно сопротивляется на ветру)* Совершенно верно: прежде чем поступить в вольное поднебесье, вы обязаны отсечь последнюю заблуждение, разрубить крепкий узел приземленной политики — сентиментальную, паубную и, что хуже всего, излишнюю Привязь Сострадания.

Бросьте осторожность и себя на ветер — и режьте! Пересильте всковое надувательство: прервите старую Линию Партии, твердящей, будто ваш полет должен связать сердечной нитью с Матерью-Землей, дабы хранить вас от дыхания небес! Нить протяженная есть ложь, цивилизаторская уловка, призванная заставить вас поверить: Воздушный Змей сам по себе не летуч, ему положено быть летомым. И не дайте себя обмануть личинам и вариациям; какую бы форму ни приняла связь — будь то мягкие пути из нежнейшего льна милосердия или плетеные жилы голубейшей мечты — это все та же старая Линия Партии. Сведите ее на нет! *(еще меновение бумажная иерушка, яростно трясаясь, сопротивляется ветру, затем ломаются на пересечении, там, где закреплён лес, рейки, и Воздушный Змей схлопывается)* Сведите ее на нет — или она сведет на нет вас.

Змей уносится вниз к пасмурному морю, и мы слышим слетающие с освещенной каменной губы первые страйваемые инструментов, поддерживаемые усиленным воплем Клада: **“ВАШ КАПИТАН НА СВЯЗИ...”** Трам! Трам! **“РЕЙС НОМЕР СЕМЬ ЧЕТЫРЕ ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ К ВЗЛЕТУ ГОТОВ; ПОЖАЛУЙСТА, ПРИСТЕГНИТЕ ОГНИ”**. Трам трам трам! Другие инструменты присовокупляются, и звук изливается в багровое на вечерне.

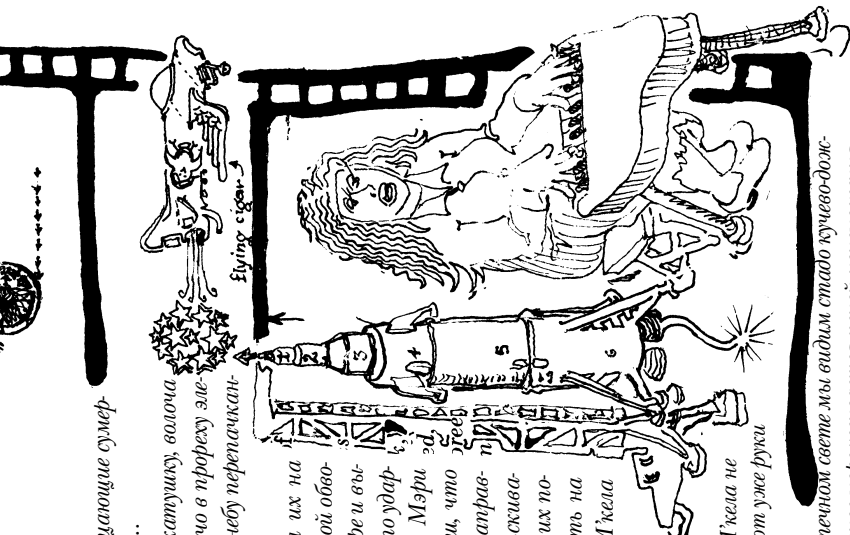
Небо все еще чисто, однако вдали на побережье к югу от бухты мерцающие сумер-
ки обнаруживают первые приметы горбатого стада грозовых туч...

МЕДЛЕННО ПРОСТУПАЕТ: Хулихен, который потягивает кружку катушку, волока-
утопший каркас воздушного змея вверх по утесу, и кричит через плечо в прореху эле-
ктронного шума: "Друзья, его прикончили акулы" ...воздевая к небу перепачкан-
ный осто: "Я зашел слишком далеко..."

ПЕРЕХОД К: рукам М'келы, что поглаживают барабаны, пробоя их на-
ощупь, не начиная еще играть... он поджимает губы... с кислой миной обво-
дит глазами коллектив, смотрит на Кюда, что бречит на гитаре и вы-
шагивает взад-вперед на негнущихся ногах, на Рекса, что колотит по уда-
рной установке, как если бы это был помятый балмер, на Мэри
Микрограм, что за копной волос тербит губами варган, на Бланич, что
месит электрическое пианино, на Хвата, что лижет трубу как заправ-
ский старшина... на Деборы, опрятного что твой молочник, вытаскива-
ющего ноты из грифа прозрачной пластиковой гитары, словно бы их по-
ложила туда прошлой ночью домохозяйка, пожелавшая заказать на
выходные одну только сметану... и вот с другой стороны гвалта М'кела
смотрит на своего двойника-навахо: Сэмюэла Ястребника.

Ястребник пока что не играет. Он сидит и бережно нянчит
свой большой пустотелый "гибсон", морщась под привычной бомбеж-
кой Друго-Животного несообразия. Он дергается и хмурился, отчего М'кела не
может не улыбнуться. Усмыхка его становится все шире и светлее, и вот уже руки
похлопывают мягко по тишишей кромке самого маленького бонго...

МЕДЛЕННО ПРОСТУПАЕТ: темнеющее небо... в последнем кровоподтечном свете мы видим стадо кучково-дож-
девых облаков, оно маячит все ближе, подхлестываемое ветром, и черное море усеивается пеной изнеможения...

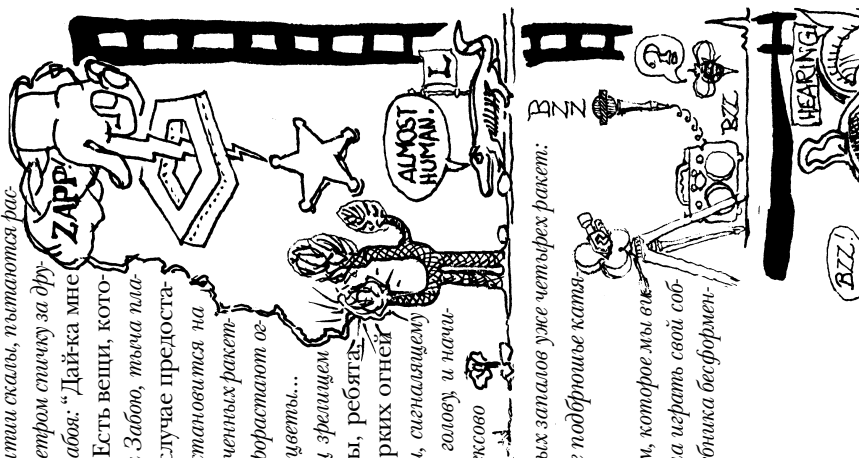
МЕДЛЕННО ПРОСТУПАЮТ: Забой и Бегема, которые, свежившись в укромных скалах, пытаются раскурить косяк. Бегема сосет сигарету, а Забой ищет косяк из газетной трубки за дугой. В конце концов Бегема вынимает косяк из рта и сует его меж губ Забоя: "Дай-ка мне спички..." Она сдирает шершавую полосу и зажигает его весь коробок: "Есть вещи, которым нужно нежное прикосновение женской руки", — говорит она Забою, тыча пальцем в женской руке честь..." После непротивной затяжки Бегема становится на колени и подносит сияющий косячный кончик к фредоночии трех перекрученных ракетных запалов: "А это за Мамочку..." — и подается назад, когда ракеты прорастают огнем и распускают в халке тучи-вожжак алые, золотые, изумрудно-зеленые цветы...

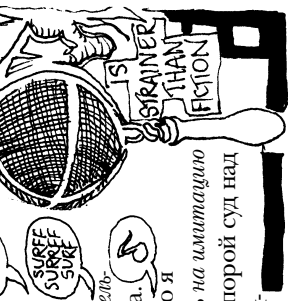
ПЕРЕХОД К: Ястребнику, что воздел благодарные очи, утешаясь наконец зрелищем фейерверков: "Слава богу..." К: Клоду, целующему микрофон: "Если вы, ребята, выглянете в окна по левому борту самолета, заметите отблеск ярких огней Лас-Вегаса после закрытия ху ля ля!" К: согласно кивающему Дебору, сигнализирующему Хвату, расквашивающейся Блани, М'хеле, который смеется, запрокинув голову и начнет с кислой решимостью бивать податливо-капризный ритм в Рексово машинисторельное грохотание...

БЫСТРАЯ ПАНОРАМА: Забой прикладывает косяк к связке перекрученных запалов уже четырех ракет:

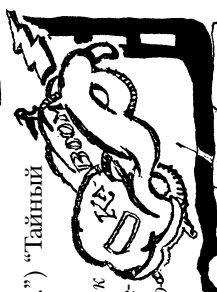
"Оки-токи... а это за Папочку!" Фьющ! — и высвечивается самое подброшенное катящееся поверху грозозового фронта.

ОБРАТНО К: Ястребнику: забывшись, он наблюдает за небопредставлением, которое мы видим в отражении в его очках... К: его гитаре, которая, кажется, начала играть свой собственный аккорд. Значается волшебство; по добавлении музыки Ястребника бесформенная какофония внезапно течет ртутью к гармонии, даже к мелодии...

ПЕРЕХОД К: Дебори, который слушает, кивает, нагибается к микрофону и выводит объяснительным, таинственным голосом: "Я с негодного детства был в курсе молвы..." ("Уу. Ха. Уу ха ха, — подпевает Клод. — Динь. Динь. Динь. Дидл-бидл финь финь...") "Знал теорию я белокрылой совы..." (К Клоду присоединяется Хулихен: "Уу. Ха. Уу ха ха", — сбиваясь на имитацию музыкальных автоматов 50-х: "Динь. Динь. Олло олло бинг-бэнг"). "Что ночью порой суд над крысой вершит..." ("Уу. Ха. Над крысой вершит...") "Грянет молнией вниз — и пичит паразит!" ("...ууу. Ииии. Визжит паразит"). "Ты, грызун со значком! Ты, сенатор с хвостом! Грызуны-генералы и весь Пентагон!" ("Пента олло олло гон...") "Тайный выпад — и когтем своим как бичом правых крыс поражает крылатый закон!"

ПЕРЕХОД К: Бегеме и Забою у скалы. "Слышится мне, — говорит Бегема, прислушиваясь к печальному тексту, — что кое-кто собирается сделать кое-что с муниципалитетом — кое-что такое, чего ты никогда не сделал бы". Забой передает ей косяк и добавляет, застав дыхание: "Я бы лучше пошел воевать с Сосалито..." Бегема нагибается к грозди пяти ракет; мы слышим пение Дебори: "Я с бездарного детства не знал лучше слов..." ("Не. Знал. Не знал лучше слов") "Чем неистовый крик веч-

но бдительных сов!" Бегема поджигает запалы... "Это для Вождя..." — а Дебори вслух поет: "Приговоры гадов и вердикты орлов..." **ФЬЮЩ!** пять огневых завитков вверчиваются в облако... "Дайте мне молоток от дрянных грызунов!" — и ка-ВЗЫММ! одновременно с пятью салютами, которые теперь глядятся карриками, и одновременно с собственным близким громовым раскатом хлещет по вздымающимся головам наковальням двух буриящих облаков молния. Музыка затинается в благоговенный предвсплесковой пиротехникой, но Дебори припиоривает музыкантов аккордами, которые его фрунх-хлысты выбивают из прозрачной гитары: "Дайте зубы и когти, и жала удар..." ("Уу. Ха. Уу ха ха...") "Дайте мстящий свиный внезапный кошмар," ("Динь. Динь. Олле олле шмаль шмаль"). "Дайте злого мустанга и праведный кольт!" Припиоривая, доводя

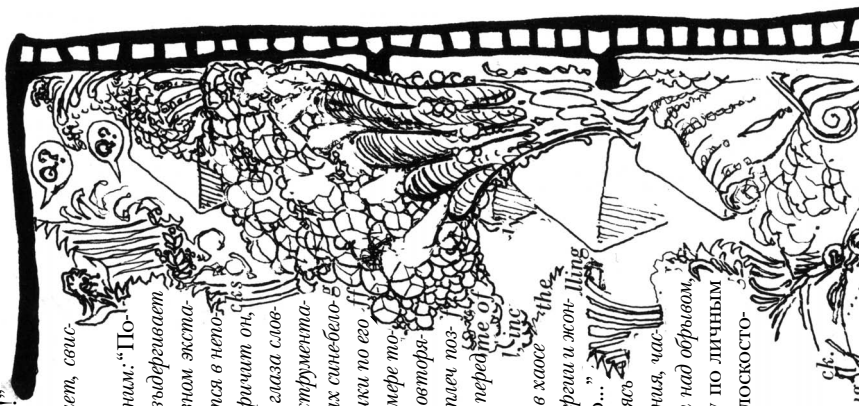
до бессознательного крещендо... "Дайте... громы и молнии в тысячи вольт!"

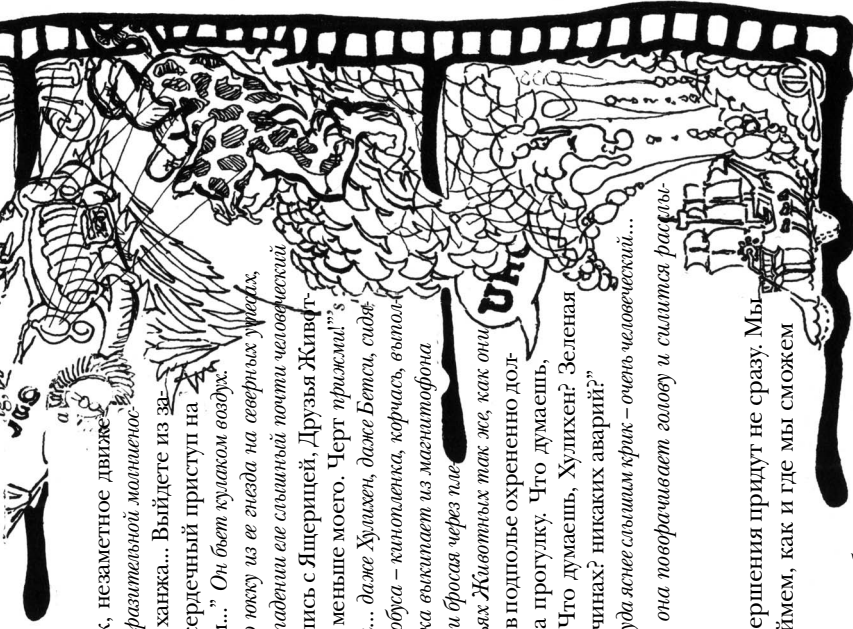
И вновь – по сигналу: Ка-РА-А – ККК!

И будто сам прибой волноплещет, а готический ветер одобрительно топает, свистит и воет.

Забой не спеша затягивается бекасом и передает его Бегемоту, что стоит перед ним: "По-святым шестизарядник Чудесам Природы? Что скажешь?.." Но никто не выдергивает окурков у него из руки. Он развофрачивается и видит, что Бегемот в некоем религиозном экстазе переживает спазмы забвения, ее глаза остекленели, она подняла руки и колыхается в непостоянном музыкальном ритме. Забой очарован: "Эй, чуваки, гляньте-ка", – кричит он, оглябая большую скалу, – и обнаруживает, что все остальные равно оцепенели, их глаза словно подернулись пленкой, они колыхнутся, потот, удаляются в трип со своими инструментами... все, за исключением Дебери. Глаза Дебери открыты и сверкают во востышках синегорного света, что, кажется, повинуется движеньям его рук, точно смифенные школьницы по его команде прыгают, сизая, на закрепленные за ними места. "Полный отпад!" По мере того как Забой познает ситуацию, он вынужден признать свое поражение и даже повторять: "Полный, мать вашу, от..." – и замораживает с дурацкой ухмылкой, пожатием плеч позывает глазам постепенно расфокусироваться и опускает поднятые было руки передние о творящимся вокруг ритуалом.

Малыши сверкают, ером еремют, прибой бьется, Друзья Жизненных стеноют в хаосе – the катаклизма, но Дебери безраздельно царит над ними, направляя все призванные энергии и жонглируя ими с беспощадной сноровкой, указывая, куда бьет: "Горуправа Фриско..." Взм! "Белый Дом..." Взм! "Пентагон..." Взм! – плавно двигаясь над скалами в танце, который частью тай-цзи, частью изометрические упрямления, частью – кислотная "Расхаживая с барбекю". Он смеется, зенит гитарой и скачет над обрывом, бахвался уже совсем лихоходно: "Но сначала, перед Пентагоном, я заплачу по личным счетам. И начну я с тебя, офицер О'Коннел, нетерпимый воинственный плоскосто-

пый дурак с заплесневелыми мозгами! Легкий толчок, незаметное движение — и ты мертвец!..” Он целкает пальцами для более выразительной мимикологии. “А теперь Ваша Честь Сайрус Адер, свирепый ханжа... Выйдете из зала суда навстречу ядерной катаракте — или получите сердечный приступ на заседании? Никто не знает, есть ли предел моим силам...” Он бьет кулаком в воздух. Изогнутые когти электрической энергии выбивают одинокую юбку из ее гнезда на северных утесах, она загорается и падает в море. (Не донесся ли до нас при ее падении еле слышный почти человеческий крик?) “Не будем забывать и о Ящерице. Вы не встречались с Ящерицей, Другая Жизнь?”

ных, но, боюсь об заклад, его расплата порадует вас не меньше моего. Черт прижмил!”
Сверкает молния, нарастает музыка, колышутся люди... даже Хулихен, даже Бетси, сидящая с детьми на одежде, даже Микси Прозайк на крыше автобуса — кинолентка, корчась, вымолкает из кассеты камеры на его плече, магнитофонная пленка выкидывает из магнитофона на его бедра. Дебори все болтает и болтает, время от времени бросая через плечо конгенциальные комментарии, но на деле он забыл о Других Животных так же, как они забыли обо всем, кроме его слов и музыки: “Друзья, мы жили в подполье охрененно долго и наш мозг омертвел. Теперь мы отправляемся на прогулку. Что думаешь, Пчелка? Никаких больше юридических перебранок. Что думаешь, Хулихен? Зеленая волна отсюда и до выхода? Никаких остановок на обочинах? никаких аварий?”

Бегма не отвечает. Молчит и Хулихен. Но мы снова и куда яснее слышим крик — очень человеческий...

ПЕРЕХОД К: глазам Бетси, что начинают открываться; она поворачивает голову и слышит распахнуть сквозь прибор и музыку...

БЕТСИ: Слушайте! Прервитесь на секунду...

ДЕБОРИ (все еще ударяя по гитаре): Конечно, великие свершения придут не сразу. Мы будем ждать, пока не уверимся в себе, пока не поймем, как и где мы сможем наиболее действенно приложить свои...

1 “Расхалявая с барбекю” — песня американского джазового трубача, певца и композитора Луи Дэнниэла Армстронга (1900–1971).

БЕТСИ: Тихо! Тихо все! Мне кажется, я что-то слышала...

Музыка мгновенно спотыкается. Все моргают, очухиваясь от рассеянных чар. "Слушайте... Слушайте..." — снова говорит им Бетси. В парализованном отрезке времени слышно лишь прибой, ветер, откатывающийся эром. Затем даже стихии словно затихают дыхание, и кто-то ясно кричит: "Папа! Папа, помоги... помоги мне..."

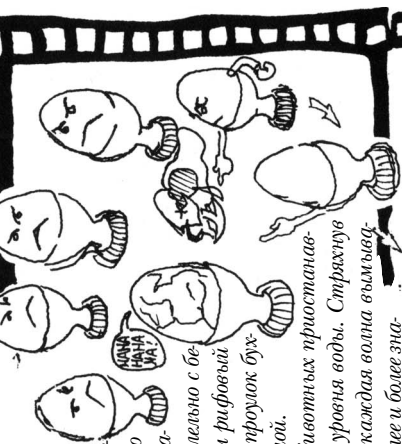
И все срысывают к темному краю скалы, впереди — Бетси, она в ужасе кричит: "КВИИИИСТОН!" — и остальные бегут за ней по пятам, безумно ей вторя: "КВИИИСТОН! КВИИИИСТОН!" — и спокойный невозмутимый Дебори не спеша бредет за ними. "Остынь, Бетс. С ним все в порядке. Он просто вскарабкался на какую-нибудь скалу". Он говорит теплым, обнадеживающим голосом. Даже сердечным. "Давайте все успокоимся. Мы его найдем".

Его уверенность гипнотизирует всех, кроме Бетси. Она в отчаянии замирает над обрывом и начинает реветь. Бегема подходит к ней, приобнимает: "Бетси, Дьяв прав. Квиистон как увидел, что начинается прилив, тут же забрался на один из больших каменных блоков. Теперь он как истинный Цыпа Леонард молит о'тiously помощи. Как только мы поймем, где он, парни его оттуда стащат. Эй, Хват?... Не притаранишь нам лампу на удлинителе от генератора?" Хват разворачивается, но его останавливает Дебори: "Хват, не стой". Его правая рука взяла к ночному небу так, будто она сжимает фонарь на ручном электричестве. "Да будет много света". Для лучшего обзора он спрыгивает на шесть футов на выдающийся из стены утес са всутун. "Расступитесь и смотрите. Он застрел на одном из этих блоков..."

Они бросаются врассыпную по утесам, перефривая рычащие стихии, и в голосах их слышится оптимизм. Дебори — как только что слышалась тревога Бетси. Но прилив выше, чем они думали, он дребезжит над вершинами всех блоков, кроме нескольких самых больших, и продолжает подниматься, неуместно из-за чего-то разфривившись. Под потолком бесконечных магий, простирающихся до горизон-

та, мы видим, что прибой в бухте выше, чем у берегов к северу или югу. Мы переживаем то самое редкое единение прилива, погоды и географии, что расширяло когда-то чудовищные блоки. Притяжение особенно низкой луны в сочетании с нежным особым северо-восточного ветра заставило двинуть на юг почти параллельно с береговой линией гигантские потоки воды, породив ужасающую инерцию. Затем рифовый серп подцепил странствующие потоки и заставил их закатиться в печальный проулок бухты, грохотать над блоками и стучаться в скальный заслон с потрясающей силой.

Всякий раз, когда зарождается очередная ненормальная волна, Друзья Животных приостанавливают поиски и смотрят, как она разбивается над предыдущей отметкой уровня воды. Спряхнув ощущение, Друзья опять зовут Кеистона, пока вода устремляется в море, но каждая волна вымывает из их голосов нотку искренней уверенности, замещающая ее другой ноткой, все более и более знакомой... пока мы не узнаем тот же ледяной посыл зарождающегося страха, что слышали в голосе девушки, кричавшей: "Кому какое дело?" — предательски пустой звук, всегда знаменующий скверный трюп; растущая снежным комом всамделишная оцепенелость, сознания, вымораживающий сердце знак кислотной измены.

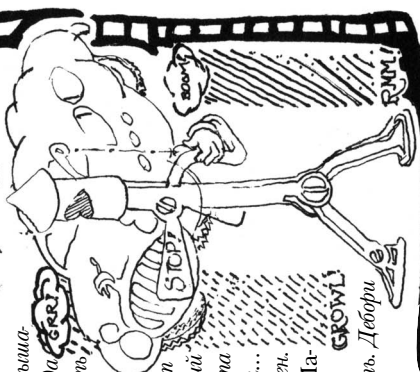
Пока шипящие бродят и кричат, тьма становится глубже. Тучам надоедает кружить над бухтой подобно обезжизненным аппалузам, они становятся на дыбы и кусают друг друга, в попытках унести грома и молнии на новые пастбища. Дебри, приливающий к скале у самой воды, все еще машет рукой небу, но прежде неостановимая детонация света заметно ослабевает. Его самоуверенность удивляет от него подобно грозovým облакам... "Хват, где свет?" — кричит он наверх. "Сейчас будет, Вождь!" — вопит в ответ Хулихен.

Рысание море и небо берут предышку. Слышны всхлипы Бетси и голос Шерри: "Мама, почему ты плачешь?"

Пауза длится в ожидании. Море словно ушло, оставив после себя черную пропасть. Дебри вновь кричит, его голос дает трещину: "Дайте мне немного СВЕТА!"

С рычанием на край утеса выезжает "бьюик", свет от его фар косо бьет вверх.

"Так не годится, Хулихен, слишком высоко!" Машина опять прыгает вперед, севшая с обрыва. Чуть дальше,

чем надо. Но когда ее передние огни клонятся вниз, бухну озаряет достаточно, чтобы все члены дели: на них движется по скапу грохочущая тридцатифутовая стена воды.

“Назад! – вопит Клод, возглавляя отступление вверх по склону утеса. – Все назад!!” Каркас автомобиля стонет, фары продолжают опасно свисать над пустотой. Хулихн выпрыгивает из передней дверцы и в последнюю минуту успевает вместе с Дебори вскарабкаться на скалу. Избавившись от веса Хулихны, “бьюик” подается назад. На вершине Дебори оборачивается и видит, как передние огни машины застывают на месте перед лицом бесподобной волны – и безжалостно высвечивают тонкую фигуру в ранней леопардовой фланели, что безжизненно и вяло скалзится по пенистому гребню.

ДЕБОРИ: КВИССТ... БПГТ...

Слово, что вырвал из него ужас, захлебывается на полуволе, когда волна сокрушает все и вся, устремляясь к вершине.

Из наблюдательного пункта Мики видит, как волна отрокидывает качающийся

“бьюик”, забрасывая его обратно на вершину утеса и заставляя вертеться на крыше: колеса в воздухе, мотор заходится в кашле, замкнувший сигнал рвет и воет, фары чертят круг, освещающий Друзей Животных, разметанных будто иерушки в ванне по плоскогогорью в ерude звуковой аппаратуры; “бьюик” сминает Рексовы барабанные прибамбасы и врезается в усилители, те трещат, дымят и выливаются хрипящий сноп искр на силовой кабель, префрющая его в фитили, шипящий огнем, что подбирается к автобусному тылу и наступают на задней площадке генератор, который занимается, горит несколько пламенных мгновений, затем взрывается и выводит себя из строя.

Волна истощилась. Наплыв достиг пика и оседает. Луны вертящегося “бьюика” делают последний обзор места катастрофы, освещая каждого вымокшего насквозь уцелевшего, одного за другим, и наконец останавливаются, будто жульническая рулетка, на Дебори – он стоит на коленях в луже, страхиивает фрыз и пену и тихо стонет, качая на руках ужасный клубок из водфрослей и леопардовой фланели.

“Искусственное дыхание!” – кричит Мики, торопливо спускаясь по задней лестнице в тлеющие руины генератора.

“Рот в рот, – добавляет Клод, бегущий с противоположной стороны с другими Друзьями. – Рот в рот, скорее!”

“Не поможет, – говорит Дебори, поднимая при их приближении голову. – Он весь переломан. Шея и... остальное”. Его голос безмятежен... его глаза не от мира сего выдвигают свет фар, веки равномерно поднимаются и опускаются. Он печально и умфторфенно улыбается. Но что-то выдает его – может быть, глаза, несообразно светящиеся разумом. К нему подходят друзья.

Секунду-другую они переглядываются, человек на коленях монотонно моргает, будто загнанный в угол убийца, взвешивающий возможности, ему противостоит падающий друг. Бетси плачет. Ветер приглатывает. Прибой в бухте бьется о скалы, все еще трубит “бынок”. Хулиген идет к нему и отвешивает машине три пинка. Гудок перестает, сигнал правого поворота начинает мигать в такт с Дебори.

Клод входит в поток света, берет друга за руку и помогает ему подняться...

КЛОД: Ты уверен, что он мертв? Можно, я посмотрю...

ДЕБОРИ (качая головой): Нет, он мертв. Погиб. Дьяволенок... Я говорил ему, говорил, я сказал... (он делает паузу, слизнув с губы каплеву воды и задумчиво пробуя ее на вкус...) но он никогда не слушался. Не слушался...

Он пожмывает плечами, продолжая улыбаться. Прохочет грим.

ДЕБОРИ: Вы все слышали, что я ему говорил, правда же? Опять и опять я твердил ему: “Не играй со спичками. Не играй на проезжей части. Не запытай далеко”. Разве нет? Что, мы не знаем, что случается с яйшамми, когда мы хотим приготовить омлет, разве нет? А? Тогда почему вы тарашитесь на меня как чертов суд присяжных?

Пока он говорит все это сварливым, почти раздраженным голосом, мы скользим по лицам: Хват сморкается... Мики притворяется, будто сосредоточен на кинооборудовании...

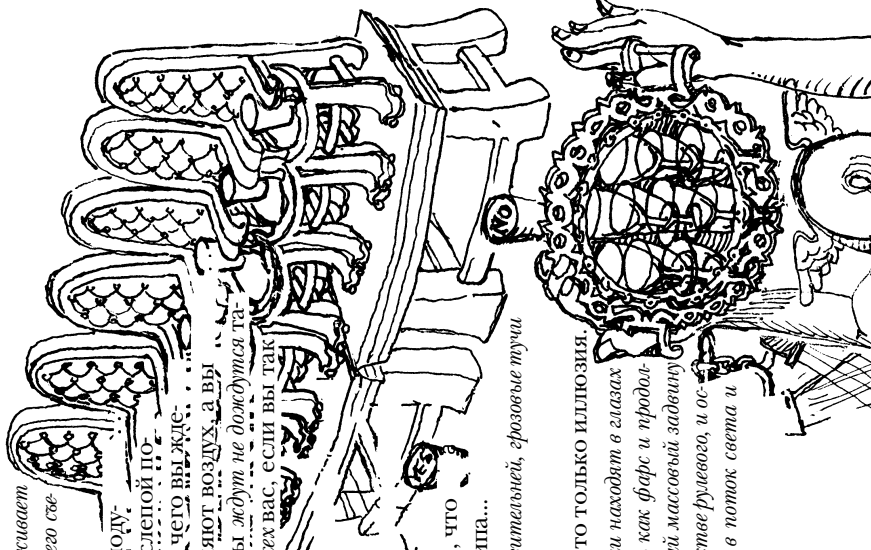
Хулиген, оробев, в замешательстве смотрит под ноги... Рекс поддразнивает полубессознательную Бетси... Бегема прикусил зуб, смотрит на своего сверхчеловека, из глаз ее каплются слезы... Клод хмурится...

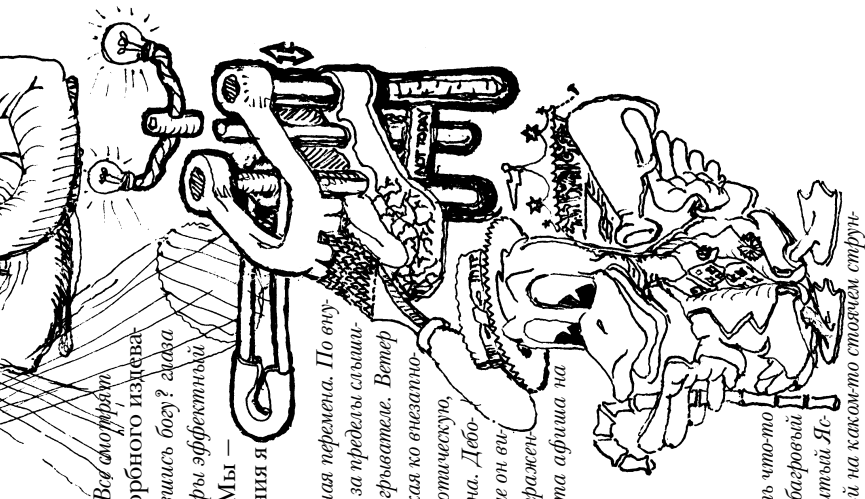
ДЕБОРИ: Если вы думаете, что я понесу за это расплату — подумайте о чем-нибудь другом! Это обычное происшествие, слепой поворот, скользкий тротуар, никто не виноват. Кроме того, чего вы ждете? Большие кутузки забиты доверху, скотобойни отравляют воздух, а вы ничего не видите; бесчестные, лживые страховые агенты ждут не дождутся таких вот бедствий! В жопу олле олле бинг бэнг! На хуй всех вас, если вы так думаете! Потому что я буду вертеться и кружиться, и смеяться, цветы и мечты, понимаете, мне абсолютно наплевать, что за вердикт вынесет кучка увечных ничтожеств! Я — доброволец Освобождения Вселенной, и мне все равно, сколько яиц разобьется. Я должен быть твердым как камень, сечете? Сильным! Даже не думайте, что вам удастся заманать тухлыми воспоминаниями такого типа...

Шерри начинает плакать. И Бланиш. Ветер свистит все пронзительней, грозные тучи будто бы галопируют назад.

ДЕБОРИ (подмигивая Клоду): Кроме того, старина, мы знаем: это только иллюзия.

Друзья Животных бросают друг на друга быстрые взгляды. Они находятся в глазах рядом стоящих подтверждение своих страхов: то, что начиналось как фарс и продолжилось как трагедия, теперь определенно превращается в страшный массовый задвинутый глук с источающим параноидальные фантазии Дебори в качестве рулевого, и остановить его невозможно... но тут Клод неожиданно вступает в поток света и воздевает руки:

КЛОД: Хватит, я приказываю вам всем! (Добри перестает летать. Все скоряют на Клада...) Хватит с нас этого жестокого подлога, этого прискорбного издевательства... Достаточно! (да Клод ли это Попутт стоит, уподобившись богу? глоса вспыхивают, голос звенит, руки разведены, налагая на ослепляющие фарты эффектнейший мораторий...) Немедленно прекратим участие в этом действе. Мы — духи иного рода. (он поднимает руки еще выше) С вашего позволения я созываю совет...

Перед взором Добри унылую портьеру ситуации раздирает грандиозная перемена. По унылительному мановению Клада гремящие облака смифрено несутся обратно за пределы слышимости. Рев прибывает, словно запись с шумками на сломанном проигрывателе. Ветер высасывается и затихает, словно кто-то задержал дыхание, и мы, привыкая ко внезапному затиханию, начинаем воспринимать приглушенную музыку. Джаз. Экзотическую, но изысканную современную джазовую версию... Девятой симфонии Бетховена. Добри, уловив звук, поворачивает голову. На ближайшем к скале большом камне он видит феиенбельный концертный помост из ночного клуба, освещенный отраженным светом, с бордовым ковром и цветами в горшках. Слева от помоста африка на выгнурной стойке возвещает блестящими буквами:

ТРИО ГАДА КИНГ КОНГА в составе
ВОЛНАИ КАМЕНЬ на Басу
АЛИ УМБА ХАН на Барабанах
и сам м-р К. на Космической Перкуссии

Все трио помещается в одном круге багрового света. В музыкантах есть что-то знакомое, но что именно — в полутьме неясно. Добри косится на них, и багровый круг лобжано освещается в ответ. Добри видит, что басист — почти вылитый Ястребник, если не считать серебряных волос и бороды, Ястребник, бречащий на каком-то ступе-

ном инструменте. Этот богато украшенный инструмент изготовлен из инопланетного сплава, что пульсирует различными оттенками цветного света, соотносящимися с различными нотами.

ГОЛОС КЛОДА: Совет как таковой есть наше право, если все согласны. Да приостановят часы свой натиск, да расслабятся губы и изъяснят цель; сия мерцающая скобка может извинить наше маленькое отступление...

А вон там – не М'кега ли? Сидит за огромным надутым мячом, глаза прыжки, рот жмёт, массирует на сияющей поверхности шара область ударного звука...

ГОЛОС ХУЛИХЕНА: Я со своей стороны исчерпывающе согласен и равным образом мерзейше сух. Не повелишь ли ты на время одного отступления сделать круг?

Добори изучает третьего музыканта, но тот повернулся спиной, и его голова погружена в тени за клавишами... Добори хмурится, удивляясь: "А этот, собственно..."

ГОЛОС КЛОДА: Засим совет и чаша по кругу. Все ли вы совпадаете во мне?

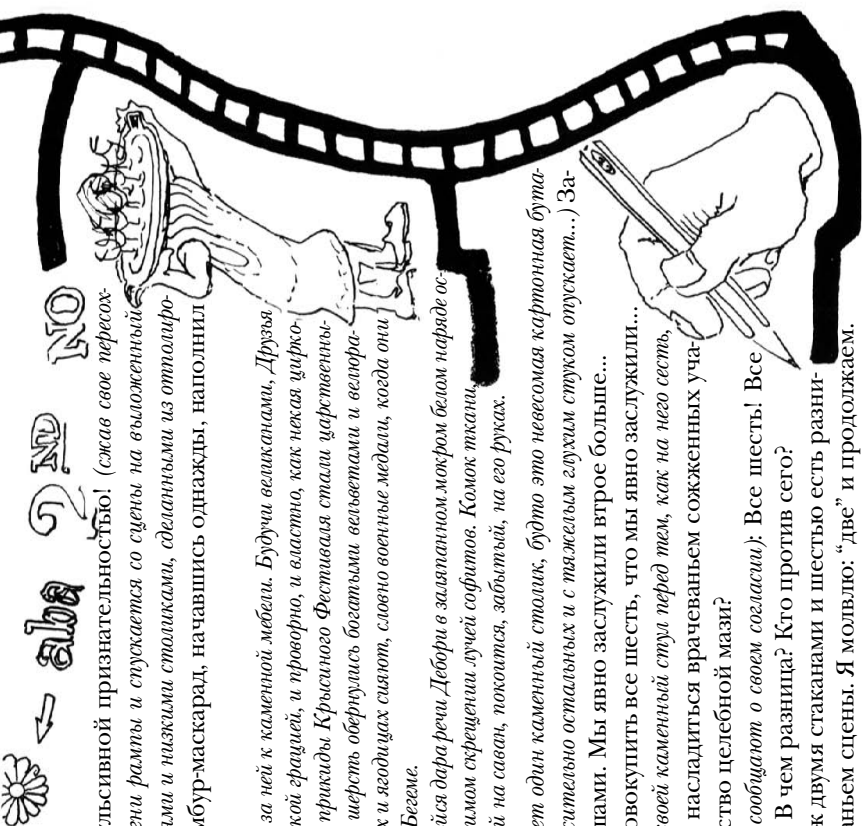
ГОЛОСА ВСЕХ: Согласен... Согласна... (спорадически, будто пробуждаясь один за другим) Ага, конечно... согласен.

Оглядываясь назад, Добори видит, что вокруг него все преобразается совсем уже сказочно.

Друзья Животных самоустранились из драмы по центру сцены. Они выходят из образов и стяхивают характеристики – словно уставшая группа трагиков, решившая отдохнуть чуток от выматывающего фарса, с глубоким вдохом облегчения потягиваясь, вырастая из своих ролей, оказываясь все выше и выше по мере того, как они распрямляются перед Добори, фразенным наповал и разинувшим рот от изумления... увеличиваясь... увеличиваясь не только в размере, но и в нефизических достоинствах, в манере держать себя и выражениях лиц, пока Добори не пригнужден вновь упасть на колени, повернутый в лужу одной лишь ощутимостью их присутствия.

БЕГЕМА: Согласна. (или, если быть более точным, сущность, которая до того играла Бегему) Согласна и пе-

ресогласна со спалённой конвульсивной признательностью! (сжав свое персое-
шее горло, она переступает через огни рамки и спускается со сцены на выложенный
плитками пол, уставленный стульями и низкими столиками, сделанными из отполиро-
ванных блоков багрового камня) Сумбур-маскарад, начавшись однажды, наполнил
меня бездонною жаждой.

Все смеются над рифмой и идут за ней к каменной мебели. Будучи великанами, Друзья,
тем не менее движутся с акробатической грацией, и проворно, и властно, как некая цирко-
вая аристократия. Даже их старые прикиды Крысиного Фестиваля стали царственны-
ми; потускневшая джинса и дряблая шерсть обернулись богатыми велветами и велюра-
ми, многослойные заплатки на коленях и ягодицах сияют, словно военные медали, когда они
ступают через рампу, направляясь к Бегеме.

Каленосклоненный и лишившийся дара речи Дебори в заляпанном мокром белом наряде ос-
тавлен один на пустой сцене в неумолимом сфенксе лучей софитов. Коломок ткани
из-за водорослей еще сильнее походящий на саган, покоится, забытый, на его руках.

КЛОД: Жажда, молвишь ты? (он берет один каменный столик, будто это невесомая картонная бута-
фория, переносит его в центр относительно остальных и с тяжелым глухим стуком опускает...) За-
сим совет с двумя холодными чашами. Мы явно заслужили второе...

ДУРЕМАР: Тогда отчего бы не присовокупить все шесть, что мы явно заслужили...
(уточненно прерывая себя, очищает своей каменный стул перед тем, как на него сесть,
маленьким новым платком) и не насладиться врачеваньем сожженных уча-
стков чрез достаточное количество целебной мази?

ВСЕ (смеются, расставляя столы и сообщают о своем согласии): Все шесть! Все
шесть! Отчего бы не все шесть! В чем разница? Кто против сего?

ЗАБОЙ: Я против сего. Разница меж двумя стаканами и шестью есть разни-
ца между неумелостью и окончаньем сцены. Я молвлю: "две" и продолжаем.

КЛОД: Я равно молвлю "две", пусть и опасюсь твердо, что неумелость была допущена искони и наше прозорливое вложение вышло посему давным-давно. Допреху усугубленья недостачи продолженьем я молвлю: держим совет и голосуем.

БЕТСИ: Голосуем? За Отверженье?..

КЛОД: За Отверженье.

Это слово, зловещее и холодное, на мгноновение повисает в воздухе, потом маленькая Шерри, одетая в маленький передник поверх черного лентарфа, всегда, светясь, с подносом полным зеленых хрустальных кубков. Она подает кубок всякому жаждущему. И те прикладываются к ним в молчаливом благоговении.

Покончив с питьем, Друзья возвращают их на поднос Шерри, затем разворачиваются один за другим, дабы изучить собственную фигуру, приговоренную к сцене лучшими софитов. Дебюри, мигая, глядит на них и проводит языком по растрескавшимся губам. Его глаза горят, легкие сильно скрипят при дыхании, его рот открывается и закрывается; он не в состоянии произнести ни звука.

ДУРЕМАР: Ты должен невзирая на то признать, что, прозорливые или нет, решенья его временами возносились с определенным размахом...

МИКИ: И даже неумелыми перстами удавалось ему погублять иные хитроумные завесы. Узловых дел мастером он покамест не стал, однако же я титуловал бы его по меньшей из мер многообещающим салагаой.

КЛОД: Я бы титуловал его в лучшем случае еще одним мистером Чарли, коего погубили завесы, им непогубленные.

БЕТСИ: Я молвлю: мы подписались на свою долю сего погубленья. Мы направляли стопы его в обстоятельство, что были ему не по силам; ныне же Отверженье сразит его столь тяжко, что он, всего вероятней, никогда уже не ступит и шагу.

Я молвлю: длим поддержку.

РЕКС: Ты молвишь се? В душе своей разве можешь ты поддерживать сего мистикантанта после беды, что сотворил он своим плесканьем? Молви мне слово от *полноты* сердца, что уязвлено скорбно грубым кунштюком бездарного трикстера!

БЕТСИ (*отпускает глаза дагу, смотрит на руки и вращает на пальце обручальное кольцо*): Не могу я молвить се. Однако же губы той язвы должны говорить за него, за продол-

ные поддержки из милосердия. Ибо что кроме сего могло постичь сердце? БЕГЕМА: *Мое сердце молвит: нет; и я востребую любой оброк, что будет возложен на яморочного пройдоху мерою сурового обхождения. Я согласна с Клодом: наше внязье ошибка, что перешла границы, и более неистовый урон, что нанесен был нашему небесно-блажному скупому зарядженью, когда решили разыграть* мы продленые поддержки из милосердия.

КЛОД: Ты молвишь именно о том уроке, что предложенье побудит мое. Когда б мы порешили Отверженье на том совете, что сперва держали, *допрежь* ужасных отступлений мистера Чарли, донныне приговор его не бременил бы наши и без того обремененные записи.

ДУРЕМАР: И все равно, на это несмотря, обязаны мы делать эти ставки, коль бремя се-
желаем извести.

ХВАТ: Отнюдь. Не при тех раскладах Прости-Прощальных Карт, что мы недавно получили. Я молвлю едино с Клодом; я молвлю: сдадим те карты, что имеем, убыток примем *допрежь* его увеличенья — и новые возможности изыщем. МЭРИ МИКРОГРАМ: Я молвлю равно. Мои записи легки, но тяжелы достаточно, чтоб не желать увеличенья веса.

РЕКС: Я согласен. Отныне, ради блага всех, начнем же Отверженье.

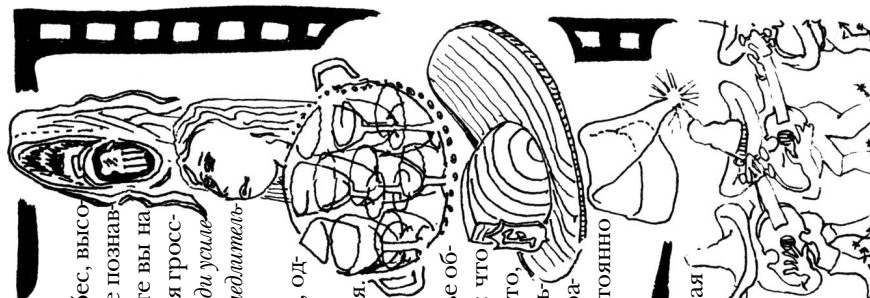
КЛОД: Четыре к двум в защиту предложения. *(поворачивается к Забоя, что оставил свое место и шагает вокруг)* А ты, мой раздраженный друг?

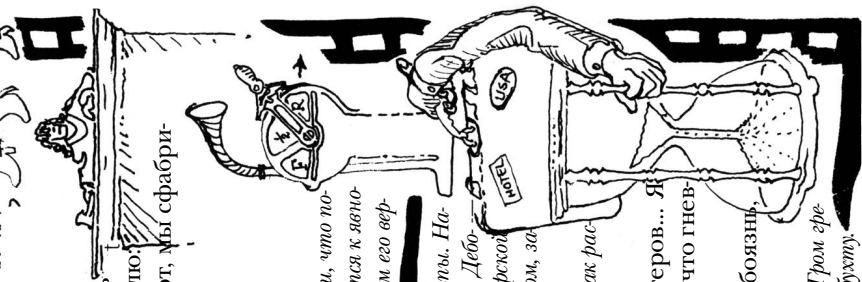
ЗАБОЙ: Я молвлю: все вы, кто защищает Отвержене, — напыщенные высокочки небес, высокие и властные духи счастливых звезд, не изведавшие вкуса настоящей грязи, не познавшие горечи истинных слез. И вам такими оставаться суждено, покуда не падете вы на землю, в земельчество, пуще того, в **человечество**, как я упал. Так пусть раздуется грессбух, коль через это иных из вас паденье увлечет до приземленья души! *(затем ради усиления комического эффекта он вновь обращается в апатичного уюалья Забоя и пародирует медлительный лаконизм байкеров)* Блядь, я всяко ставлю всю мелочь на засранца.

БЛАНШ: Также и я. Его отклоненья, быть может, опасны для него и тех, кто с ним, однако мне он ущерба не принес ни в этой сцене, ни в той.

КЛОД: Сие приводит нас к пяти в защиту продленья и пяти в защиту Отверженья. *(поворачивается к Хулихену)* Остался только ты, о старина. Твое наставление приводит к развязке раздор, что в тунике; что молвишь ты?

ХУЛИХЕН *(вынув платок из кармана и устало промокнув уголки губ)*: Мое ему наставление облекалось в столь разные слова, сколь много их сумел воспроизвесть мой рот: что само отклоненье опасно не так, как заигрыванье с ним; что ошибается тот, кто, ошибившись, беспомощен и вял; что чем дальше ты отъезжаешь от центральной линии влево, тем с большим вероятием придется развернуться через правое плечо. Прямо и окольно, длинно и коротко молвил я о том, что нужно постоянно подправлять курс, если не хочешь однажды выправить его крутым ужасным виражом, однако же, не обратя внимания, сей человек своей до-рогой шел, и ныне опасюсь я, что занесло его чрезмерно далеко. Когда тяжелая рука зари его непадно пробудит к прозренью, сколь запутал он, в небрежные силась утнаться за отмщением и силой, он вывихнет свой путь, несаясь об-

ратно, и его вина станет ему вождем, вожденьем и венком. Отсюда отступить не сможет он, и посему его предательский занос на нас уже не скажется. Я молвлю: возвращаемся на сцену и доиграем до конца, затем же во дни, что впоследствии, мы сфарикуем каждый свой предлог и удалимся исподволь в иные сюжеты.

КЛОД: Так молвлено? Отверженье?

ВСЕ: Так молвлено.

КЛОД: Выпьем за то по второму кубку.

На сей раз Шерри отзывается, неся круглый поднос со светящимися оранжевыми кубками, что покачиваются на подносе, пока она легко порхает от одного стола к другому. Бокалы поднимаются к явному удовольствию каждого, кроме одного лишь Дебори. Он глядит, как провазглаголивается тостом его вердикт, и его лихорадочные, светящиеся страхом и изумлением глаза, вспыхнув ярким пламенем, выплываются от ужаса, но глотка его все еще рождает одни лишь сдавленные скрипы. Напрямки, он пробует встать и обнуфуживает, что комок теперь весит куда больше прежнего. Дебори пытается отбросить его, но руки его плотно сплетены мягкими путами водфослей и морской травы. Его ноша все тяжелеет. В истерике он борется с грузом еще несколько мгновений, потом, задыхаясь, валится на колени и локти.

Сквозь приглушенный джаз и чмокание губ над оранжевыми бокалами Дебори слышит, как распинается вдалеке нетерпеливый фром и мягко бьется прибор — возвращаясь.

ЗАБОЙ (бормочет, вытирая рот своим длинным локоном): Свора изнеженных бухгалтеров... Я просил бы о новом голосовании, коли не боязн Клодова красного карандаша, что гневно молвит об убытках... (довольно рыгает)

ДУРЕМАР: Я же просил бы о новом горячем (глядит в опустевший кубок) — коли не боязн, что моя просьба пожнет то же, что и твоя...

В ответ на веселивую подколку Клод смеется вместе со всеми. Шерри убирает со стола. Фром гремит все ближе, облака эрызут удил за невидимой баррикадой, что окружает зачарованную бухту.

Трио извиглистымн путями подбирается к финалу композиции. Клод отодвигает стул, встает и возвращается на сцену, остальные следуют за ним...

Они движутся от столов к Дебори, глотка которого вновь издает невнятный звук. Они замораживают, но реагируют на немолку Дебори так же, как реагировали на его пустословие. Они просто стоят у самого края сцены и, предреая свой путь вокруг огней рампы, одно мгновение медлят, взвывая на Дебори с искренними симпатиями и пониманием. Только вот никакого участия в их глазах нет. Они только лишь смотрят, будто пришли в зоопарк и остановились у клетки с интересным экземпляром. И если в их взорах чуть теплится намек на воспоминание, словно нечто связывало их с этим созданием, допустим, они кормили его из бутылочки до того, как выставить на всеобщее обозрение, Дебори этим не утешить. Переводя взгляд с одного лица на другое, он ищет отсрочку, признание – и видит, что стремительно угасает даже еле заметная тень узнавания. Застонав от безнадежности, он свеживается на полу.

БЕТСИ: Он приспел. Как я вас и предостерегала...

На сцене расплескиваются несколько крупных дождевых капель. Мы слышим гром. Дебори отнимает голову от пола, напрыгивает, его горло терзают спазмы, глаза почти закатились назад в болота столь черные, что не являлись и Сэнди Поуку в ее чернейших видениях; он широко отверзает челюсти ради прощального крика, которому не суждено слушаться. Вместо него мы слышим, как галопом скачут к нам лошади, звук похож на гром, но на этот раз это точно лошади, и мы слышим чувственный крик мчащегося во весь опор наездника: "Иииихху!" Или же это наездница?

КЛОД: Кто к нам столь яростно несется вскачь?

Торопясь, все обращают взоры на юз, на гребень халма. Со своего помоста-аванпоста Ястребник первым замечает приближающуюся группу...

ЯСТРЕБНИК: Кт-х-х! Это "Convidados"!

Друзья обмениваются возгласами приятного удивления. Мэри Микрофорам кувейрится через голову, Ястребник играет первые такты увертюры из "Вызвельма Телли";

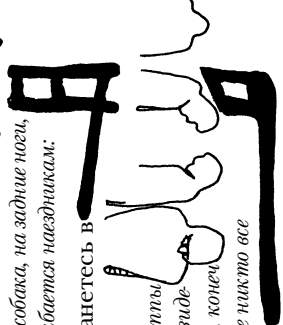
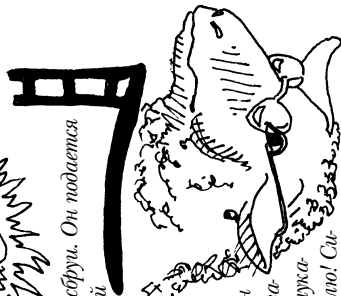
всадники загоняют своих жеребцов на вершину скалы и вздергивают их на дыбы в восхи-
тельной трескотне искр и ликующей сумятице воссоединения. Вновь оставленный на суще
не один Дебри поднимается на локти, чтоб увидеть, как события принимают совсем уже
неожиданный поворот..

При всем их ошеломляющем появлении семь лошадей – достаточно земные создания: длин-
ноухие, изподпалочные, ковыляющие и прихрамывающие, вдоль провислых спил выпирают, как
у стиральной доски, ребра, провислые животы отмечены затыженной четкой и многоразды исты-
таным вздутием кишечника. Ведущий жеребец – одноглазый мул с непрошедшими болячками от сбруи. Он подается
назад и бьет копытом воздух, когда всадник издает еще один чувственный вопль и машет дырчатой

ковбойской шляпой. Дебри судорожно смотрит. Предводитель всадников – женщина. Знакомая
женщина. Вовоине знакомая. Она сразу и Ундина, и Сэнди Поуку, и тройные знамена нам пото-
му, что играла девушку, кричащую: “Кому какое дело?” Сейчас она, без грима и маскирующего без-
мья, просто здоровомыслящая и очень статная женщина с морщинками от улыбки в уголках глаз и
лучающимися седыми волосами, что волнисто спадают ей на плечи. Вкруг ее загорелой шеи повязан
алый платок; она одета в дешевое платье в цветочек с рукавами-буф и истрепанным подолом, что за-
дран к бедрам, отрывая подвязки чулок; на ногах – красивые открытые туфли-лодочки с литыми каблук-
ми, которыми она долбит ребра всего красующегося мула: “На землю, Крысы, кому сказала, на землю! Си-
деть!” Тычки продолжатся, пока озлившееся животное не припадет к земле, усаживаясь, как собака, на задние ноги,
и не разрешает ей соскочить вниз по крестцу. Она опирается на землю, трясет волосами и улыбаются наездникам:

СЭНДИ-УНДИНА: Парни, вы скажете Дружбам Животных “здорово!” — или останетесь в
седлах, как деревенщины?

Трепетное молчание нарушается (где-то такое уже было, но где?), остальные члены группы
спешиваются и затыгиваются в круговорот рукопожатий, объятий, восклицаний “давно не ви-
дись” и “добро пожаловать к нам”. Вторым по рангу в своем поношенном мундире выступает, конеч-
но, полковник Вайнштейн, который в то же время и Боис в его очкастом авиашлеме (как же никто все
это время не замечал, что остроносых персонажей играет один и тот же человек?). За пол-

ковником следует Маккилликадди, он же — офицер О'Коннел. За ним — Яцерица, он же посуха, что пожрала Дебрины свечи, и оба они — Фифи Ламуф; и Сон, он же — саденик-азиат, которого Бегма застопила в Лос-Анджелесе; затем — Мансовый Гоблин, он же — практически все остальные мексиканские персонажи второго плана: трехпалый старик, что отвел Дебры в собор, еврей устриц федералс из Пуэрто-Вальярты, старый Уборщик, что нес пациенту Бегмы, и полудюжина других полужабьих статистов.

Седьмой спешившийся столь же неопределен, сколь остальные знакомы; он настолько скрыт одеждой и капюшоном, что невозможно даже сказать, какого он пола. Его одного никто не чувствует, он молчаливо и одиноко ждет вместе с лошадьми, пока приветствия завершатся, а затем, когда все возвращаются к столам, идет следом, оставаясь глубоко на заднем плане.

ДУРЕМАР: Посмею произнести я просто, но без прыжка в плебейство: какого хрена вы делаете в нашей глуши?

СЭНДИ-УНДИНА (архимушкет, явно подражая Ундине): Мы тут, знаете, проезжали мимо...

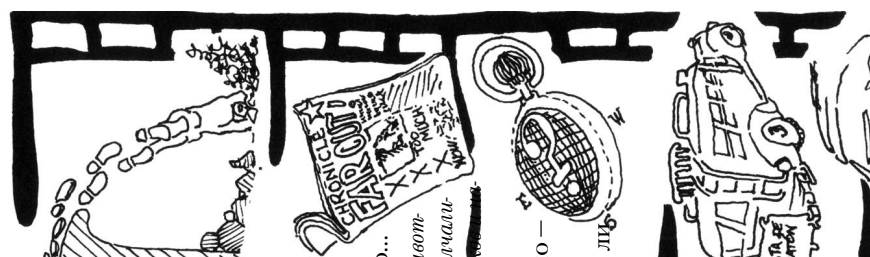
Все смеются, и Клод объявляет еще один круг вокруг. "Convividos" усаживаются, Друзья Животных бросаются им помогать: отодвигают стулья и вообще ведут себя с фривольной обфванцев с молчаливым почтением, граничащим с раболепием. Прибывает Шерри с огромным подносом золотых кубков, чинует их разносить. Полковник Вайнштейн качает головой:

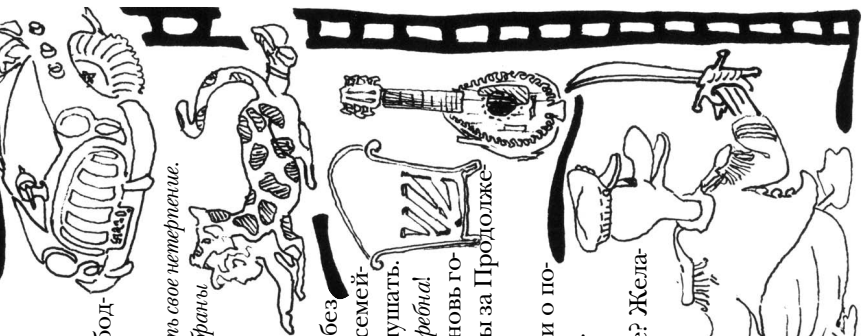
ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Спасибо, деточка, но... (бросает взгляд на Сэнди-Ундину) но — спасибо, не надо.

КЛОД (склоняется над столом, улыбаясь Сэнди): Что теперь скажешь, подруга? Добилась ли ты своего?

СЭНДИ-УНДИНА: Да блин, я думала, все мы... (в уголках ее глаз появляются невинные морщинки) А вы, ребята, значит, еще не отчалили?

КЛОД: Пока, признаю, нет. (с завидным восхищением поднимает бокал) Сила для вас, что свободны!

ДРУЗЬЯ ЖИВОТНЫХ (покорнейшие присоединяются к тосту): О, Сила. Сила свободным.

"Congvidados" наблюдают, как залатом опорюжняются бокалы, они стараются скрыть свое нетерпение. После залта первоначальное ликование стихает. Никто не роняет ни слова, пока не убераны кубки; все внимание обращается на Сэнди-Ундину...

СЭНДИ-УНДИНА: Вы ведь уже решились, правда? На Отверженья будущего... КЛОД: Ты извечно восхицаешь меня, о премудрая сестра.

СЭНДИ-УНДИНА: Мы прослышали про ваш общий сбор, и я подумала, что без Отверженья не обойдется. Я, понятно, отдаю себе отчет, что это внутрисемейное дело, и наши голоса ничего не решают, но мы просим нас хотя бы выслушать. ВСЕ: Молви слово! Молви! Мы радушно примем твою речь... нет, она нам *потреба!* КЛОД: Ведаешь ты наше к тебе отношенья; коли потребно, без промедленья вновь голосованье свершим после того, как ты молвишь слово свое. Говоришь ли ты за Продолженья? Иль Отверженья?

СЭНДИ-УНДИНА: Ни за то, ни за другое. Мы пришли, чтоб поговорить с вами о попытке... если не слишком уж много времени пролетело... Обратного Хода.

ВСЕ (*потрясено, с недоверием*): Обратный Ход!?!

ХВАТ: Сему двусмысленному пожарищу, что едва потушено? сей нездравой пре? Желает ли ты, чтоб мы возвернулись и наново прошли чрез все бедствия?

БЕГЕМА: Иль, быть может, возвернулись и не прошли. Не разумеешь ли ты Полный Обратный Ход, что оставляет хрупкое разрешение возвращеню одному лишь будущему? Мне *ведом* сей человек...

СЭНДИ-УНДИНА: Мы разумеем полный откат к самому началу.

КЛОД: Вы равно можете быть утянуты, и вам сие ведомо. И чрез него никакого для вас заряженья.

ПОЛКОВНИК ВАЙНШТЕЙН: Всяко знаем; ежели ваш балбес не блеснет и все отменит, нам засосет в разных точках пересечения, и мы, как и вы, последуем обратным курсом назад.

БЕГЕМА: Тогда зачем, ответствуйте вы мне, и записи без бремени, и долгодестуемое имя, и самое существование ставить против поворота дурного колеса? Я молю: я *знаю* этого балбеса излишне хорошо, а вероятия супротив его проблемка небывалы; ничтоже сумняшеся он пустит все на самотек вплоть до конвульсий лона — и не забрезжит наитусклейшим брезгом. Но даже коли что-то он и переменит, *зачем* потребно вам погнать нас вновь жить лютым временем?

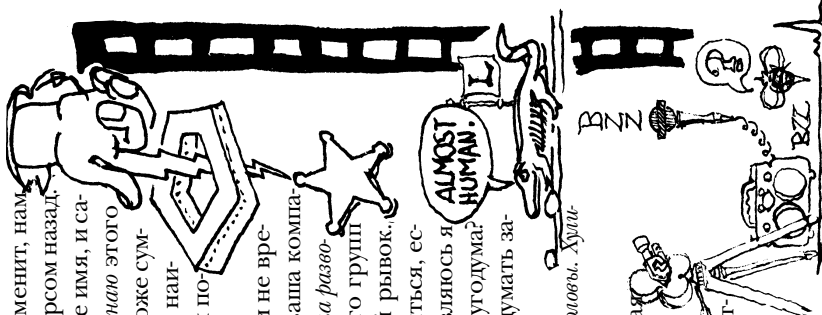
СЭНДИ-УНДИНА (*терпеливо улыбается Бегеме*): Солнышко, чем еще нам жить, если не переменем? И поскольку он все проморгал, мы понимаем: шансы есть. Не одна ваша компания с ним повязана — вы помните об этом? И вложились тоже не одни вы. (*она разворачивает стул так, чтобы адресоваться ко всем Друзьям Животных*) Очень много групп сейчас пересекаются. Стыковка такая, что где-то явно намечается большой рывок.

Этот человек сцепляет вас с другими кружками, которые вполне могут отвалиться, если связка вдруг будет исключена из вашей братии. (*обращается к Хулихену*) Удивляюсь я тебе, старина. Ты всерьез думал, что вы одни возлагаете надежды на этого тугодума? Или что вы одни преподаете ему урок? Неужто ты сомлел настолько, что и думать забыл про своих прежних корешей?

Она говорит дружественно, шутиливо, но все равно это трепка. Все друзья склоняют головы. Хулихен соскальзывает со стула на колени:

ХУЛИХЕН: Тебе ведомо моя слабость к просеиванию чрез грубое сито, старшая сестра. Не размышлял я о влиянии на сопредельные компании.

БЕГЕМА: Я равно.
КЛОД: Как и все мы. Я даю обратный ход голосованию и голосую взамен за Обратный Ход.

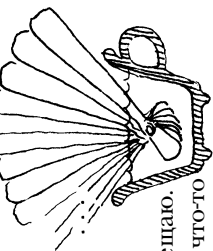

ВСЕ: Так молвим все мы!

ХУЛИХЕН: Прошу простить за почти просчитанную почти промашку.

СЭНДИ-УНДИНА: Не хочу я пользоваться своим положением — и не буду, обещаю.

Это, ребята, была ваша личная сходка по вашей же инициативе... Только вот что-то *кажется* мне...

КЛОД: О, согласен, сестра, согласен. У доброй овцы и хвост поджат, но, разумеет-

ся, согласен, абсолютно согласен... *(обращивается к остальным Друзьям, поднимая ладони)* как иначе?

ВСЕ: Согласен... согласна... за Обратный Ход...

БЕГЕМА *(чуть кисло)*: Учитывая, что Отверженье и ход вперед принесут нам безответворную врандзу не-
названных влиятельных кругов... что нам потребна в наименьшей мере... в то время как поддержа-
и ход назад обещает в наилучшем из случаев вкрадчивое забвение... как иначе, чем за Обратный Ход?

СЭНДИ-УНДИНА: Тогда — за дело! У нас мало времени перед тем, как придет смерть.

КЛОД: Коль выбор сделан безвозвратно, всяк тянувшийся миг проходит троекратно, буду-
чи уже пройденным, наново пройденным по пути назад и вновь пройденным на об-
ратном пути вперед... засим приступим, пусть обратится время вспять...

ВСЕ *(поднимаются)*: Пусть обратится время вспять... вспять время обратится пусть...

*На глазах у Дебори все они замедляются, двигаясь все медленнее, пока не становятся
видны мерцающие личностные структуры, потом замирают, потом вновь мерцают,
двигаясь в противоположном направлении, говорят и делают все наоборот, ускорятся на
обратном ходу, все вновь садятся, Шерри, двигаясь задом наперед, приносит пустые золо-
тые кубки, они напальняются, их вздымают, говоря то, что загадочная фигура в капюшоне ца-
титесь прочь от столов, "Сопидадос" запрыгивают на своих пони и задом уносятся вверх на
скалу, Ястребник на басу играет увертюру с конца к началу... все ускорятся... оранжевые куб-
ки... голосование... зеленые кубки... группа сметливо возвращается на сцену и обступают Дебори...*

ДЕБОРИ: Подождите! Я этого не хочу!

...фары отшатываются от него, машина снова начинает вертеться... волна отступает, тащит за собой машину, оставляет ее стоять стоймя и в равновесии... Дебори видит в волне мальчика и кричит...

ДЕБОРИ: ПОДОЖДИТЕ!!! Я не хотел, чтобы все это случилось!

...Друзья Животных бегут задом наперед... они начинают играть, когда Бетси призывает их прекратить... песнопение... напыщенно шагает задом наперед Дебори...

ДЕБОРИ: Только не это, нет, нет... (он дергается словно агонизирующая марионетка; его соратников на время жестокого обратного трюка милосердно постигла бессознательность, а Дебори по-прежнему воспринимает все и говорит, будучи в прямомлинейном сознании) Это тоже не тот я, каким мне хотелось быть! Слабость! Гордыня! Греза из комикса, но пожалуйста, поверьте, это не я!

...но противополоственно кружащиеся образы не успевают его услышать, они глядят, как засасывает обратно в тучи молнии, и пляшут джигу под музыку и гром, и не успевают заметить даже Бетси, когда она впервые молит о тишине...

...с величайшим усилием Дебори вырывается из водоворота и обращает страдальческое лицо к небу:

ДЕБОРИ: Помоги! Помоги мне... изменить что-то! О Боже, прости меня, я не знаю!

Действо несколько ослабляется. Дебори падает на колени и схлопывает трясущиеся руки в обыкновенном молении...

ДЕБОРИ: Я не знаю, что мне делать. Даже если и узнаю — ничего не сделаю. Я американец, как и любой американец, я употреблю все средства, что есть в моем распоряжении, чтобы стать президентом, но это не я! Позволь мне попытаться снова, Боже... Господи... Кто Угодно...

Сцена застывает и тут же начинает очень быстро раскручиваться вперед. Дебори остается на коленях один короткий миг, пока рубит музыку и сверткает молния, потом слышится крик: "Папа... по-

моги мне...”, тогда он вскакивает на ноги, уже торопясь, спеша вверх по склону, чтобы помочь своему сыну, и его – в некотором смысле – встречает грозная овация.

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Наши Прощания уж заскучали на привязи; освободим их и поскачем вослед молодцу американского происхождения, который решил, что нашел ответ и на вековой вопрос “Что Всем Этим Движет?”, и на его куда более интригующее продолжение – “Как Мне Всем Этим Управлять?”. Оставим его в раздумьях над третьим неизбежным вопросом: “Как бы мне оторваться от земли?”

Задавшийся этим вопросом птенец автоматически исключается из летней школы и более не причастен к нашим крылатым путям...

Рассвет расклевывает опустошенные облака и безмятежно освещает искрающую росой вершину утеса; “бьюик” и микроавтобус вежливо урчат входостую; из трубы, прилаженной к крыше автобуса, поднимается синий завиток поварского дыма. Ничего не происходит; затем мы слышим, как просыпается, фыркает и выравнивает дыхание мотор автобуса. Мы слышим, как Хулиген зовет: “На борг!” – негромко...

Внутри автобуса тепло укутанный и обделённый Квистон склонился над бумажной тарелкой с яйцами, бобами и кетчупом. Вокруг него весь автобус суетливо избавляется от остатков завтрака перед отбытием. Шерри с Калебом уже все съели и помыли и рисуют теперь на запотевших окнах плакучие картинки; люди-взрослые приканчивают вторую чашку чая, и никто не пьет Квистона за медлительность. Он доволен, хоть и не понимает, в чем тут дело. Снова взглянув на тарелку, он возобновляет тщательное перемешивание трех яичных желтков кончиком пластиковой вилки. Бегема несет чайник с заваркой к чайнику с кипятком, что свистит на плите:

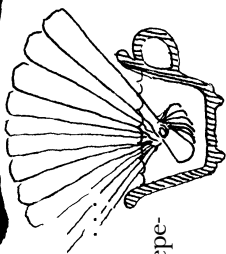
БЕГЕМА: Цыпа Леопард, у которого осталось восемь жизней... ты ешь или рисуешь?

КВИСТОН: Я ужасно высоко забрался, Бегема...

БЕГЕМА (проталкиваясь мимо): Не ты один.

Она брызгает заваркой в глиняную чашку и доликает воды. Окунает большую ложку в кружку с медом и шевелит ею в чайной чашке, покуда не расхочется мед. Она успевает приготовить чай, и тут Хулиген дергает с громким хлопком дверной рычаг: Клод етаскивает в автобус ведро для маллосков и разбитую мандалину и саживает их радищком с кроватькой Кумкват.

КЛОД: Простите, леди...

БЕГЕМА: Клод, рукозадое животное! Она из-за тебя уже икает! Вот, возьми и передай Вождю на платформу.

КЛОД: Он все нейдет?

БЕГЕМА: Нет. Все сидит и газеет.

КЛОД: Он на чем-то сильно погорел; на психоделике, электронике или героике...

БЕГЕМА: На героике. Боюсь, он повредился, когда сиганул в воду. Как бы ты заговорил с ушибленным позвоночником?

На грузовой платформе завернутый в спальник Дебори сидит на ящике с инструментами спиной к автобусу. Открывается заднее окно, и Клод протягивает ему чай...

КЛОД: Старина, тебе тут Бегема просила передать... (Дебори глядит на чашку и мигает резко и потрясенно) Ну же; ты совершил скромный героический поступок, но к чему теперь примадониться? Бери чай и сделай вид, что пьешь его. Ради твоих поклонников. Хвост пистолетом, пальцы всером!

Дебори ухмыляется и принимает чашку шепча "спасибо". Он делает глоток и протяжно вздыхает. Клод хлопает его по плечу:

КЛОД: Молодца! Сравнить не с чем. Это все, что тебе нужно помнить. TNT!

Голова Клода исчезает, окно закрывается. Дебори опять вздыхает, оседает, успокаивается, его рот растягивается в улыбке, мол, какой же я дурак, тут окно распах-

вается вновь, и из него выглядает голова Клода:

КЛОД: И еще одно тебе не помешает помнить: это не только иллюзия.

И исчезает до того, как Дебори, дернув головой и судорожно раскрыв рот, успевает заговорить. Дебори разворачивается, закрывает рот, хмурится, что-то припоминая:

ДЕБОРИ: Я сказал ему это дог.. или после... после...

Он все еще пробует нащупать нить, когда автобус крепится, и Дебори проливает горячий чай себе на живот. В следующем за автобусом "бюшке" Мики Прозатик пытается заснять пласку Дебори на целлюлодную пленку... "Рекс, держись от него ровно в 16 футах, так настроен фокус..." – за "бюшкой" следует микроавтобус, за микроавтобусом – М'кеа на своем мотоцикле, выстроившись в ряд, они одолевают беспорядочные ухабы и выезжают на очищенной от кузнечиков колее закраины на отлично промасленную грязную дорожку, поворачивают на север...

С нашей возвышенной над утесами точки зрения мы видим крошечные машинки, ползущие к левому краю экрана...

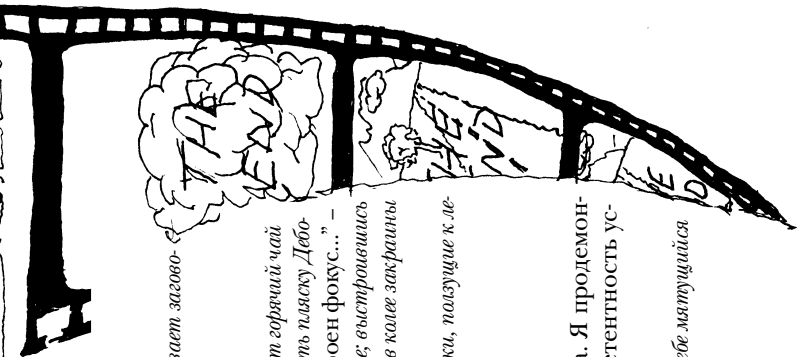
ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Отбытие этой трупы еще не znamená окончания нашего курса. Я продемон-
стрировал вам, как можно не летать. Подождите уходить! Моя компетентность ус-
тупчива...

Замыкающий маленькую колонну мотоцикли пропадает из виду, оставляя по себе мятущийся
над пустой дорогой выхлоп...

ЕЩЕ ОДИН, БОЛЕЕ МОЩНЫЙ
ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Мистер Чарльз.

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Настраивайтесь завтра на Варианты и Возможности
Виртуозного Взлета... будьте уверены...

(голос ускоряется)

ЕЩЕ ОДИН ГЛАС НЕБЕСНЫЙ,
КУДА МОЩНЕЕ

Мистер Чарльз.

(громче)

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Всего десять минут в день — и мы вместе отправимся
в одиночный полет!

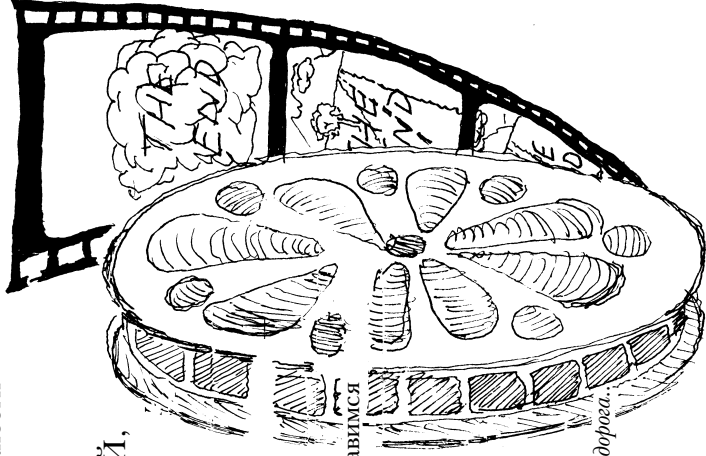
ГРОМКИЙ ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Заходите уже, мистер Чарльз...

(громко и твердо)

Кончено.

Упругий бриз сдувает выхлоп; остается лишь пустая дорога...

ЭПИЛОГ

(произносится актером, играющим Просперо)

Отрекся я от волшебства.
Как все земные существа,
Своим я предоставлен силам...
...Я слабый, грешный человек,
Не служат духи мне, как прежде.
И я взываю к вам в надежде,
Что вы услышите мольбу,
Решая здесь мою судьбу.
Мольба, душевное смирение
Рождают в судьях снисхождение.
Все грешны, все прощенья ждут.
Да будет милостив ваш суд.

Билли Шекспир¹

1 Финал "Бури" Уильяма Шекспира (пер. Мих. Донского).

Ух, долго же вы одолевали это болото по колено в грязи! Однако — разве не здорово знать, что всегда можно вернуться и обнаружить комические инсинуации, которые во время первого перехода остались незамеченными?

Пока вы переводите дыхание, я позволю себе кратко представить следующий лот, коллекцию, что впервые появилась в “ПОСЛЕДНЕМ ПРИЛОЖЕНИИ К КАТАЛОГУ ВСЕЯ ЗЕМЛИ”.

Стюарт Брэнд, вождь и глава “Каталога Всея Земли”, предложил Кизи и Полу Красснеру совместно редактировать “Последнее Приложение” — воистину Последнее, ибо Стюарт уже планировал завершить свою издательскую авантюру, опубли-

ковав окончательный пятисотстраничный “Каталог”, который включил бы все лучшее из предыдущих изданий; этакий финальный *coup de бакс*.

Брэнду уже случилось отдавать “Приложения” на откуп пришлым редакторам, а Кизи с Красснером подходили на роль распорядителей последнего как нельзя лучше: Кизи — потому что изначально именно он подал Стюарту идею “Каталога”; Красснер — потому что когда Стюарт спросил Кизи, согласен ли тот редактировать “Последнее Приложение”, Кизи сказал “э...”, а Стюарт признался, что хочет видеть редактором либо Кизи, либо Красснера, и Кизи сказал, что если Красснера удастся уломать, они бы взялись

за редактирование вместе, Стюарт снял трубку и позвонил Краснеру, Краснер сказал “да”, и сделка состоялась.

На два месяца, за которые появившиеся в журнале материалы были написаны, отредактированы и сверстаны, Кизи отвез семью в Пало-Алто.

Днем он добирался (до работы) и добропорядочно добывал дневник, доводя доверенного, дрожащерукого Доставалу Рона Бевирта, третьего члена редакторской команды (Стюарт в другом кабинете суммировал расходы) до Дребезжащих Децибелов Динамообразия (или же дизентерии?), пока журнал не расцвел буйным цветом за пределами бюджета; тогда он собрал вещи и укатил домой, оставив Бевирта сгибать, сшивать и рассылать укомплектованные страницы.

Суммарный тираж составил 100 000 экземпляров плюс выпуски, которые Краснер превратил в номер “Реалиста”, его личного восхитительного журнала, который вы можете приобрести, выслав запрос на подписку по адресу: The Realist, Dept. K., 595 Broadway, New York, N.Y. 10012.

В настоящее время “Последнее Приложение” распродано — за исключением старых выпусков “Реалиста”, которые еще можно купить.

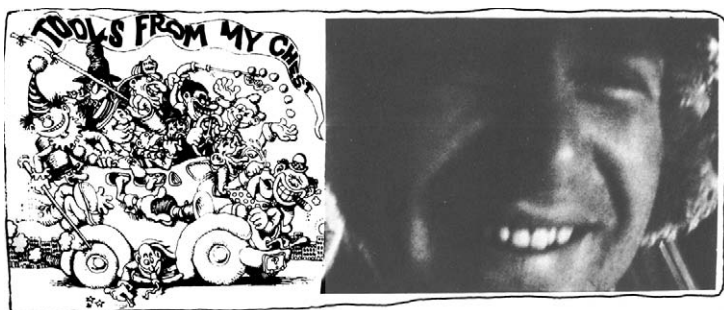
Для того чтобы статьи Кизи и Краснера прочитали те из вас, кто не успел взглянуть на “Приложение”, пока оно было на ринге, мы предлагаем деликатес — Лот Нарасхват Номер 3. Сторджис Холливелл определил следующий раздел как “Провиант, Приложенный к Вашему Вкусу на Последней (и наименьшей) из Вечер (немногих, впрочем)”.

Если по изучении Лота Нарасхват Номер 3 вам будет по-прежнему хотеться заполучить “Последнее Приложение” во всей полноте, отправьте в “Бестрепетные Трипы” нежные письма с угрозами; мы соберем их, отнесем всей кучей Стюарту Брэнду и потребуем выдать клише с тем, чтобы можно было напечатать побольше экземпляров журнала и разослать их из нашей домашней конторы; куда уж грубже?

Читайте же!

ЛОТ НАРАСХВАТ НОМЕР 3

БИБЛИЯ

Та ккккк, кажется, у меня получилось.

Неделю я жил на Лемон-стрит в доме, предоставленном в мое распоряжение совершенно незнакомой женщиной, и внимательно изучал все, что попадалось под руку: прошлые выпуски каталога и приложения к нему, полный короб писем, присланных за последний месяц в Автолавку Всей Земли, телепрограммы, “Хронику”, “Колючку”, ежечасные новости “Кей-уай-эй”¹ (впервые за все эти годы звонил кон-эл-рад?? ааа!!!), разнокалиберные планы шмали, подаренные разными друзьями (трава в этом году уродилась первосортнейшая; наконец-то Лютер Бёрбэнк³ пожал лавры к югу от границы), все книги и журналы, разбросанные тут и там отсутствовавшей королевой маленького замка на Лемон-стрит, телефонные звонки насчет моей жены, которая приехала в аэропорт и уже готова была прилететь ко мне, но из-за осложнений беременности на чет-

- 1 “Кей-уай-эй” — популярная калифорнийская радиостанция, основанная в 1926 г.
- 2 Кон-эл-рад (от Control of Electromagnetic Radiation — Контроль Электромагнитного Излучения) — созданная в 1951 г. с подачи президента США Гарри Трумена система оповещения населения через местные радиостанции, которой полагалось сработать в начале Третьей мировой войны.
- 3 Лютер Бёрбэнк (1849–1926) — знаменитый американский садовод. Его день рождения в Калифорнии празднуют как День Дерева.

вертом месяце отправилась в больницу, где пробыла три дня, пока я нервничал, читал и молился в одиночестве в странном светлом доме в шестистах милях от нее... советовался с “И Цзин”... ходил по коврам... читал Библию... лежал на постели у телефона и гладил лысину... (Шеррил, восьмилетняя дочь моего брата Чака, написала однажды стихотворение о своем отце:

Утром мой папа зря время не тратит —
в носу ковыряет и лысину гладит.)

И вот, кажется, у меня получилось.

Во всяком случае, начало положено.

Надеюсь, меня хватит до момента, когда сюда придет Красснер. *Источником* того, что получилось, кроме релевантной поступающей информации, стала гексаграмма “И Цзин”, трижды выпадавшая в ответ на вопрос, какого черта я делаю тут вдали от непаханной весны, моей хворой Феи и первой страницы первого “Каталога Всея Земли” (осень 1968 года), на которой прописан *метод*: “КАТАЛОГ функционирует главным образом не как продавец, а как указатель, и предпочитает оставаться в стороне от большинства вдохновляемых им сделок”.

И трижды выпала гексаграмма:

18. ГУ — ИСПРАВЛЕНИЕ (ТОГО, ЧТО ИСПОРЧЕНО)

Я понял, что она относилась не только к “Каталогу”, но к общей моей ситуации: почти ровно десять лет спустя я оказался вместе с друзьями в том же самом месте перед лицом задачи, с которой мы пытались совладать тогда (обычно мир обрушивается быстро и неуловимо, застенчиво проскальзывая мимо нашего бедного зазомбированного сознания, и нам остается только с улетающей стыдливостью подбросить монеты, чтоб понять, что же мы упустили; но временами мир обрушивается широким, надменным потоком, будто подчеркивая: ВСЕ В ПОРЯДКЕ, НА ЭТОТ РАЗ МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ ПОЛУЧИ ЧТО ХО-

ТЕЛ!), и я знаю, ИСПОРЧЕНО было НЕ ЧТО ИНОЕ, как то, что я называю РЕВОЛЮЦИЕЙ, и ИСПРАВИТЬ положение можно, вновь попробовав *функционировать главным образом не как продавец, а как указатель.*

Чем *продажа* отличается от *информирования*? У меня есть старый друг, изданная Сьерра-клубом большая прекрасная книга “В ДИКОЙ ГЛУШИ” — с точки зрения Уолдена, “природа сберегается в глуши”. Это альбом фотоснимков восьмидесятилетнего Элиота Портера, специалиста по фотографированию птиц. Его странно глубокомысленные фотографии скал, цветов и деревьев погружают в состояние такой сильной концентрации, что, листая книгу в первый раз, я, помню, испытал тошноту, когда понял, что совершаю трип на фотографиях, как если бы закинулся дурыю. Возьмите теперь изображения дикой природы, которые всю мою читательскую жизнь печатались в журналах на самом видном месте, собственность семейства Вейерхойзеров¹ и их грозной империи. Сравните две картинки. Вы заметили, что они отличаются? Очень хорошо. Однако изображено на них одно и то же, так в чем отличие? В сознаниях по ту сторону объектива; превосходно! Еще один вопрос: чем отличаются эти два сознания? Именно так: Элиот Портер *общается* с миром, который запечатлевает, в то время как бедный Вейерхойзер фотографируемым лесом *владеет*.

Рассмотрите по аналогии любое революционное явление на ваш выбор. Эмансипация. Права американских негров. Наш экологический идиотизм. Сознание “Я — Ты”, пытающееся указать на преимущества пребывания *в Боге*, всегда противостоит сознанию “Я — Это”, пытающемуся продать “Я — Ты” свой замечательный товар, поскольку если вы не можете *продать* нечто, разве обладает оно, черт подери, *ценностью*? Верните квакера из Омахи, посмотрим, не заинтересуется ли он моим прекрасным “тандербердом” 64 года выпуска...

1 “Вейерхойзер” (Weyerhaeuser) — транснациональная целлюлозно-бумажная корпорация, основанная в 1900 г.

Что изменилось за десять мятежных лет? Конечно, мы все постарели, но обоюдоострая зрелость куда опаснее обычных ножей, с которыми нам позволяли играть, когда мы были детьми. Вот вам, кстати, стихотворение Уильяма Карлоса Уильямса¹:

ВСЕ ПРИХОТИ МИРА

музыка, живопись и так далее
Все, о чем они думали
В Пуэрто-Рико испанского прошлого
во дни ее юности

А ныне она
не знает, что делать

со своим одиночеством
и наступающей старостью...

Зелень — все та же зелень,
простыл только след
ушедших вещей, *ma chere*

дóлжно мириться с отказом
от того, что вернулось
к началу начал...

разве нет?
свежий воздух здесь, в вышине, непокоробен
гадостным духом.

И конечно, старея, вы замечаете, что Вейерхойзер устаревает куда быстрее старого Элиота Портера, а я, будучи в здравом уме, не могу зачислить возраст в самые ценные инструменты. Стойкость даст возрасту сто очков вперед.

1 Уильям Карлос Уильямс (1883–1963) — американский поэт, близкий к модернизму и имажинизму.

Задача революции, за которую мы осознанно принялись десять лет назад, требовала от каждого, кто был в курсе, выкладываться на полную катушку без праздников и выходных. Никто не спеся. Были отставшие, были те, кто опростоволочился, но никто не спеся — человек, который спокойно валит в отпуск, никогда не работал по-настоящему, — и очень немногие вернулись к прошлым своим занятиям. Кому охота всякий день мотаться на поезде из одной шизофренической жизни в другую?

Рабочие держались стойко — факт; однако сама индустрия страдала временами от депрессии. Я видел, как вера воспаряла в небеса и разбивалась в мельчайшую пыль в течение часа. Движения, что неслись как колонны грузовиков, через несколько миль начинали дымить, ломаться и вонять засорившимся карбюратором. Мудрые молодые Давиды с будущим народа в кармане выступали против молодых Голиафов, арестовывались на полдороге в привокзальных туалетах и ломали свои рогатки. Этих бестолочей нельзя винить, наоборот, их можно и нужно понять, но в конце концов они нас запарили, и мы вынужденно познали несколько, как их называют, *горьких истин*, что очень помогло нам в работе. Так у нас появились наши инструменты. Оставшись верен цели “КАТАЛОГА”, я намерен указывать на инструменты, а не продавать их; причем лишь на те инструменты, какими пользуюсь я, и пусть другие рассказывают о своих. Продавцы обычно работают на собственников “Я — Это” и продают товары оттого, что в глубине души знают: если они продадут много “дьявольских тортов” быстрого приготовления от Бетти Крокер¹, Большой Босс потом отрежет им кусочек от настоящего торта; но я больше не работаю на ферме Мэгги ни дня²:

Временами вокруг сплошь сиянье и свет;

Иногда я боюсь, что ослеп;

1 Бетти Крокер — именем этой никогда не существовавшей женщины подписывались книги рецептов американской пищевой компании “Дженерал Миллз”.

2 Строка из песни Боба Дилана “Ферма Мэгги” (пер. А. Малахова).

Скрылся, притих, остыл и вышел из ножен,
и я
Просвистел, промелькнул, покраснел и зажался,
и я
Хныкал и фыркал, ревел и брыкался,
и я
Был рассеян на атомы в бездушном космическом зное
Самую малость очерченной, крепко связанной паранойей;
Друзья ухмылялись прощально, пока я стекал по трубе,
Врачи ковырялись пальцами в моем мозговом грибе;
И я звал их, друзей и врачей, я что было мочи вопил,
Фальшивый магнитный полюс мой компас собой разбил,
Ни дружбе, ни медицине не пройти тропой кривой...
В двоичной прорехе — трехмерный бессмысленный вой...
И бездушный космос внимает, но не желает участвовать
в битве,
И мой зов не услышали прежде, чем повернулась стрелка
к молитве.

*Роберт Сервис*¹

Джерри Гарсия говорит, что теории человека на свой счет нарастают словно камень на зубе, пока что-то не пробьет броню, или пока человек не падет жертвой сумеречной самообороны вооруженного слепца. Для большинства из нас первые наркотические трипы были суровыми опытами по раздроблению брони, в финале которых мы оказывались по колено в обломках наших героических личностей. Внезапно люди оголялись друг перед другом, и вот! другие смотрели на нас, мы смотрели на других — и делали потрясающее открытие: мы прекрасны. Нагие, беспомощные, ранимые словно змеи, сбросившие кожу, но куда более человеческие, нежели сияющий кошмар, который скривля переходил в положение “вольно”. Мы были живы, мы были сама жизнь. Взявшись за руки, мы босиком танцевали на острых камнях. Мы прошли через очищение, мы осво-

1 Роберт У. Сервис (1874–1958) — английский поэт шотландского происхождения, живший в Канаде и во Франции.

бодились — и не желали снова напяливать старые доспехи. Никогда!

Но мы не принимали в расчет грехи этой страны. Когда видишь нечистое и всем сердцем жаждешь его очистить, ты оправдываешь себя грязью и грязь — собой. Поскольку такое оправдание порождает теорию, а теория дублирует оправдание, прошло совсем немного времени, и мы стали замыкаться в новой броне, не похожей на броню, в броне, если быть точным, блестящего нового фасона, однако не менее опасной, нежели наш исходный американский доспех среднего класса со светящимся фамильным гербом Джонсонов¹ — ибо наркотики, чудесные инструменты, которые помогли нам оголиться, ныне помогали создавать новую броню теории.

Но есть что-то, что не любит ограждений². Новый курс лечения не заставил себя ждать. Только на этот раз потрясение проникло глубже. Так сказать, в самую суть вещей. Случилось это четыре года назад в моем родном городе, Спрингфилде. Лето. Закат. Мы отужинали в кругу родных, и я вел мамин “бонневиль” на маслобойню моего брата. В машине со мной — моя дочь, младший сын и пес Претцельс. Играет радио, Шэннон лопочет о своих планах, окна открыты навстречу перезревшему орегонскому дню...

(Я рассказывал эту историю много раз, и постепенно она становилась все суше. Осознав это, я старался не рассказывать ее кому попало. Надеюсь, мой нынешний рассказ придется ко двору и я сумею сохранить то, что осталось от истории, на будущие разы.)

Мы ехали по старой Вест-Кью-стрит, которая была главной дорогой на Юджин, пока не появилось шоссе. Дом, в котором мы с мамой, папой и братом жили, пока мы с Чаком не окончили школу и не женились, стоит сразу за нами и кажется карликом из-за проложенного несколько лет назад шоссе, вынырнувшей из ниоткуда реки цемента и

1 Существует целая индустрия, торгующая гербами “простых” фамилий, в том числе и Джонсонов.

2 Строка из стихотворения “патриарха американской поэзии” Роберта Ли Фроста (1874–1963) “Починка стены” (пер. М. Зенкевича).

“шевроле”. Эта река вынудила моих стариков перебраться повыше в типовой дом, где мы изредка обедали. Я там никогда не жил, поэтому домом мое сентиментальное сердце считает старое здание на Вест-Кью. Я любил просыпаться поздно и, растянувшись на кровати, хвататься зубами за подоконник, пока на подоконнике не осталось живого места. Я наблюдал за енотом в клетке, мерцающей радиовышкой и родным абрисом Кобургских холмов, по которым несколько раз в неделю в 11.45 ходил маленький поезд с грузом леса; ходил все реже и реже, пока... кажется, я был уже в старших классах, когда слышал в последний раз, как поезд мчится по пути в квартале от дома, в тридцати футах от маминого “бонневилля”; когда я слышал его свист, лежа на кровати и рассматривая сквозь клетку с енотом свое загадочное будущее, я думал: “Однажды сяду на этот поезд и поеду куда глаза глядят...” — но тут поезд ходить перестал, я вырос, и вот он в десяти футах от меня, мчится наперерез, а “бонневилль” уже еле ползает, но на этот раз поддается внушению, и я успеваю вывести из-под удара перед машины, когда ужасный черный шум неухоженного рыже-ржавого вагона сносит багажник и отбрасывает остальное вниз по Вест-Кью.

Шэннон плакала и кричала. Уокеры, наши старые соседи, помогали ей выбраться из покалеченной дверцы. Я ударился головой, но вроде бы остался цел. На полу скулила моя маленькая собака, прокусившая себе губу. Где-то за мной тормозил поезд. Где Джед?

Я поднял его и отнес в дом Уокеров. Ран не было, но тело казалось словно покинутым и оттого очень тяжелым. Я сел на стул, держа Джеда на руках. И он вздохнул: странно знакомый вздох, хотя я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так вздыхал; и я понял, что жизнь из него уходит, словно тихий вздох был крыльями, которым назначено было бережно ее унести. Приложив ухо к груди Джеда, я не услышал биения сердца. Я поднял взгляд. Я сидел через комнату от большого зеркала в гостиной, держа на руках мертвого сына. Посередине моего лба свешивался на полоске кожи

аккуратно выбитый из черепа кусок кости, словно открытая дверца люка; дыра и кость образовывали кровавую восьмерку. Я смотрел на свой эффектный образ и думал: “Я ничего не хочу сильнее, чем...” Потом я закрыл глаза на свое отражение и крикнул:

— Мой Боже, пожалуйста, не дай ему умереть!

И все вдруг успокоилось. Замолкало рыдание Шэннон; Уокеры прекратили суетиться и говорить, застыв в ожидании... прервался бешеный телефонный трезвон, вещи словно расступились... и я знал, что должен сделать. Открыв глаза, я нагнулся к Джеду и стал делать ему искусственное дыхание рот в рот. Санитары “скорой” зашли в комнату, но не стали мне мешать, только один из них склонился и аккуратно вставил кость обратно в череп, а я оживлял Джеда. Наконец Джек опять вздохнул — те же мягкие крылья вернули жизнь в ее священный сосуд.

Я знал, что со мной случилось чудо; я был изумлен до глубины души. Шли дни, Джек поправлялся в больнице, и я начал понимать, что не само чудо изумило меня. Я не забуду вздох возвращения до конца моих дней — и вечно буду за него в долгу. Но изумило меня вот что: когда все висело на волоске, я знал, *куда* обращаться, и я знал, Кто мне ответил.

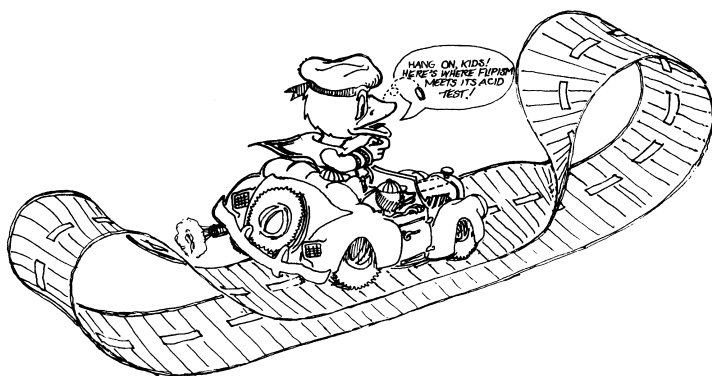
Потому-то первый инструмент, на который я хотел бы указать, — это Библия. Вся, целиком. На всю оставшуюся жизнь. Я не скажу вам, где эту книгу берут. Вы найдете свою сами; если понадобится, возьмите ее из верхнего ящика стола в следующем же мотеле. Полезно также иметь собственную Библию. Познакомьтесь поближе с ней и с изложенной в ней историей. Не спешите. Возьмите багровую атласную закладку и отмечайте места, на которых остановились; пробегитесь глазами по главе-другой перед сном (она очистит ваше сознание от “Левер Бразерз”¹, и вы будете спать и видеть сны, как Мильтон²), или просто

1 “Левер Бразерз” — английская мыловарня.

2 Джон Мильтон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель.

полистайте ее в течение дня где-нибудь в тихом укромном месте с толикой гашиша и ромашковым чаем с медом и лимоном. Помаленьку, но постоянно; а раз в неделю устройте запойное чтение — скажем, в субботу (Ветхий Завет) и в воскресенье (Новый). Поживите с ней. Вы познаете изумление.

И ЦУЗИН

Прежде чем я перейду ко второму разделу “КАТАЛОГА”, позвольте представить нашего корреспондента из глубинки Девлина (или, как его часто прозывают, Старину) Дебори, из источника которого мы будем подчас черпать стихийную американскую мудрость, что, случается, вьет гнезда в наших унылых поселянах. Смотрите: вон Старина Дебори шагает мимо купальной лохани в поле. Вот он застыл как вкопанный, утопив ноги в распаханных днем бороздах, и скопился на тучу, что галопирует во всю прыть вниз по склонам темных гор к его, Старины, полям. Дом, из которого он вышел, пустует — жена Дебори опять уехала, забрала детей и укатила репетировать новую психодраму на горячительный юг. Он пашет в одиночестве, если, конечно, не считать собак, коров, лошадей, цыплят, наве-

дывающих в гости облаков и огромного сома, живущего в лохани, из которой лакают воду другие животные. Рыбину поймал несколько месяцев назад сын Дебори; ее выпустили в лохань, и мальчик учил огромное усатое создание дельфиньим трюкам, пока не уехал на юг с матерью. Когда они выезжали из главных ворот, мальчик вспомнил о своем пленнике: “Мама! моя рыба в лохани!” Женщина на гребне драмы сторонилась любой нелепости. Она припомнила жену Лота: “Забудь о ней”, — сурово посоветовала она, и мальчик забыл о рыбе; Старина же Дебори долгие месяцы не ведал о ее существовании, поскольку один конец лохани накрыт доской с поплавковым клапаном, и всякий раз, когда Дебори оказывался поблизости, рыба предпочитала скрываться под темным ото мха навесом, рассуждая по-своему, по-рыбы: “Сын бросил меня в лохань; что мешает отцу бросить меня на сковородку?” — вот поэтому-то рыба уходила на дно, следя тем не менее за человеком в щель между доской и лоханью. Этим весенним днем сом наблюдал, как Дебори восторженно колесил по полю на тракторе с плугом, праздновал конец длинного сезона дождей, пахал, хрюкал, вытирал яростный пот синим платком и живо хлебал яблочный самогон из галлоновой пластиковой молочной бутылки, что болталась на поворотном рычаге.

И вот поле вспахано, солнце заходит, бутыль пуста, хлещет сломя голову прятанный в горах весь погожий день сумрачный дождь. Если он пройдет по свежевспаханному Дебориному полю, копыта стихии нанесут нагой почве сплошные грязевые раны, а вода сдерет с и так уже разоренных акров еще один драгоценный гумусовый горизонт; и, судя по его виду, дождь сюда и направляется.

Старина Дебори со штанами, спущенными до щиколоток ввиду твердого намерения покакать, которое переменилось, едва он заметил тучу, замер, подавшись вперед, разъяренный и несчастный, аки линияющая цапля, и наблюдает за приближением тучи, а сом наблюдает за Стариной Дебори. Первым заговаривает сом — с самим собой:

СОМ

Грядет классика жанра. Грядет нечто *выдающееся*! Старина выглядит внушительнее, чем когда он сломал ось мусорной цистерны и вынужден был перетаскать три тонны навоза на тележке, внушительнее, чем когда проглотил пчелу. Если дождь прольется, матерное слово старины будет веским.

Рыба крутит ус и, тая ликование, ждет. Туча мчится, отступает на мгновение, оказавшись перед развилкой в каньоне, где река погибает на запад к земле Дебори, нерешительно фырчит. На западе лежит только-только зацветший вишневый сад. Дождю под силу за час оборвать все лепестки и оставить голодному лету горстку ягод. Да, сад соблазнителен... розовый раут на воздухе, японские девственницы... но нагие поля Дебори исходят нечистым плодородным мускусом, что бередит ноздри и пламенит подбрюшье. Нет, сегодня – никаких хихичущих раутов.

СОМ

Вот оно. *Zut alors*¹.

Ни тебе нарастанья брызг, ни перестука капель, ни нежного поцелуя небес. Разогнавшись, дождь перепрыгивает Деборин забор и падает на все свои четыре ноги в безвинную землю. Дебори стоит и моргает; завязки его штанов распрямляются струящимися по бороздам бурыми реками, по тонким волосатым ногам ползут дождевые капли. Он медленно вытирает лицо насквозь промокшим платком и тихим, но нарастающим голосом взывает к бесящемуся черному небу:

ДЕБОРИ

Водокачка меня бьет, плут подставляет подножку! Я сажаю морковь и тем развожу сусликов. Когда я наконец подвел трубу к новому перегнивателю, произошла подвижка почвы, и из перегнивателя все потекло в туалет. Что, черт подери, происходит? Ставлю на белое – и проигрываю. Ставлю на черное – опять проигрываю. Зарекаюсь играть во что бы то ни было на свете – и ломаю зуб об игральную кость от парчизи², попавшую в овсянку! Только не пойми меня превратно! Я не жалею; не надейся. Я равно не молю о снисхождении! Просто не хочу, чтоб кое-то думал, будто я ничего не заметил.

1 Вот черт (*фр.*).

2 Парчизи – настольная игра родом из Индии.

И я бы попросил... то есть, черт возьми, мать Божья, я на самом деле прошу: Господи, давай мне хоть иногда *подсказки*... когда я стою на перепутье, и по одну руку — маленькие радости, а по другую — чертово логово ржущих бандерлогов! (*Он вытирает свои воздетые горе очи платком и выжимает в грязь потоки воды.*) Никакой помощи, слышишь; только подсказки — время от времени. (*Дебори приседает и завершает прерванное облегчение. Сом в своей лохани — вне себя от зрелища*):

СОМ

Тебе не нужна подсказка, Девлин, малыш, тебе нужен оракул!

Сом не всегда жил в лохани и твердил сам себе советы нашему Корреспонденту из Глубинки; изначально он обрелся на Востоке (о том, как он добрался до наших мест, мы можем рассказать, а можем и не рассказать далее), потому, по всей вероятности, предложив Дебори воспользоваться оракулом, он имел в виду книгу под названием “И Цзин, или Канон Перемен”; сам я консультируюсь с “И Цзин” уже десять лет, доверяюсь оракулу все чаще и могу лишь повторить пронизательный рыбий совет.

Вот смотрите: пусть есть Свет и есть также Путь, Молитва и Действие (причем Путь совсем не обязательно все время ведет к Пути); в этом случае нам нужен не один инструмент, а два. Библия для меня — инструмент Света, Канон — самый практичный, применимый каждый-вздорный-день инструмент Пути. Оракул работает по принципу кибернетического гештальта, то есть: когда вы стоите на линии броска, информация касательно отдаленных во времени и пространстве взаимоотношений мяча с корзиной и конечного результата заключена *в вашем физическом состоянии в момент броска*. Оказавшись перед развилкой, мы в глубине серых клеток всегда знаем, какую дорогу выбрать, однако этому знанию обычно отказывают в аудитории закомплексованные боссы эго и привязанности, которых мы в дипломатическом смятении принимаем за наше сознание (“Капитан, клетки говорят, что у них есть куча по-

лезной информации, но черт же возьми! стоит начать прислушиваться к этому сброду — и завтра они потребуют право голоса, отпуск в Атлантик-Сити, повышенную плазму и бог знает чего еще!..”), потому временами приходится нагло игнорировать лживые пресс-релизы нашей мэрии и быть со своим народом. Тогда мы и звоним “И Цзин”. Разумеется, мы не в силах запретить парням в прокуренных кабинетах прослушивать линию, но и они не дотумкали, как прервать соединение, поэтому мы бросаем монеты и говорим себе: какого черта; давай, Капитан, навостри уши... Вы получите хороший совет от “И Цзин”, даже если просто его подслушаете.

Ссабаки

После припозднившейся партии в покер в городе, во время которой было выпито двадцать чашек кофе сверх нормы, Старина Дебори возвращается домой разбитый и ни-

какой; он плюхается в постель в длинном нательном белье и видит сон о том, как его мучают существа из других миров. Он потеет и сопит под огнем своего кошмара, а собака терзает ночь вопросом:

Передо мной в воздухе суетятся электрические москиты; они вспыхивают и становятся видимыми на долю секунды, когда врезаются друг в дружку, или совокупаются, или, может, умирают. Откуда нам знать? Одно мгновение, вспышка, укол, яркая белая абсолютная точка — и снова тьма, жужжанье, проблески по всей комнате над моей потной головой. Статическая путаница.

Их укус на деле не столь уж страшен — маленький быстрый укол, а потом его рука накрывает пораженное место, — но вот звук беспощаден: словно сотня маленьких пронзительных полицейских сирен заставляет его рваные мысли скакать взад и вперед по маленькому раздражающему лабиринту.

Откровенно говоря, и жужжание ублюдков не так уж меня трогает. Бессистемная досада. Бессистемная досада, говоришь? Не надо было отправляться в глушь, и ждала бы тебя постель с маргаритками, говоришь? Слушай, можешь засунуть себе эти маргаритки знаешь куда...

Может, это не электрические москиты. Может, это те, что пищат в ночи, которые трам-пам-пам и снова расширяют столы, да? снова порвут ковры, да?

Пищащие от боли, и я бы прибавил: в лунном свете, но ты же сразу представишь себе огромный белый шар в ...завбуди! Прости, я разволновался! возвращайся в тень! Хм-м... как я и боялся... пусто...

Там что-то свистит, а что — я не знаю, может, оно не с меня ростом, но все-таки, а если им доплачивают, чтоб они приводили за собой еще более ужасных... магнитная бобровая шкура приближает день зарплаты на станциях между мирами. Есть еще газовая мышь, она стоит того, чтобы вернуться на землю, только нужно загнать ее в бутылку и тихо взболтать. Да, инопланетные зверьки стоят немало, есть, конечно, исключения, и они не так опасны, какие бы звуки ни издавали.

Только бы что-нибудь не свернулось клубком у тебя в ногах. Или даже за стенами твоей крепости, квукая в ночи. Нет, никак нельзя пуститься по следу этих на-самом-деле-не-совсем-животных, потому что они больше похожи на *мешанину хлама*, шипы и чешуя, шары дыма и горячие клубки молний, спокойно, Крыса, спокойно, старый друг... иик иик на маленькой постельке в углу ииик ииик ииик и маленькая миска с его именем, и старый мертвый ребеночек для игр... ииик ииик

В общем, жилищные условия (быстро! вулкан на крыльце! изbleвывающий рыжих жарких муравьев, которые едят медь, если только канализация опять не забилась, он крадется в ночи... у нас основательно припрятано этого мягкого вертялого металла... и глотает ложки и разводные ключи, а потом шмыгает обратно в землю, будто очковая змея. Вот удивительно, где же мои зубы?..) не такие плохие.

Так в чем же, спросите вы, суть моей очевидно неблагоприятной жалобы? Что ж, как можно догадаться, за ней скрывается длинная полоумная история, отвратительный рассказ, от которого в жилах старой домашней конторы свертывается кровь. Да-да, все именно так, как вы подумали. Вот она — эта история.

В моей душе — муть гнева и запустения, и жребий мой истрачен. Откуда бы начать...

В прошлом году, когда она опять ушла с высоко поднятой головой, оставив меня дрожать, я обнаружил дыру. Или за день до того, когда я хотел попасть в наше измерение, или наутро, когда в очередной последний раз шагнул в ужасную прореху во щите.

О память, лживая библиотекарьша! Не потеряя бесвязная старая дева с табличкой “ПОЖАЛУЙСТА, ТИ-ШЕ”, но беременная память! зияющая открытой раной! И нажавшаяся до отвала.

(Много лет назад, я юн, еще студент, еще в земном времени, отираюсь у стен теплой весенней ночью. Я кружусь в ней, еду на ней верхом, словно нанизывая бусы сердец на нитку, и балдею от весны, от учебы, от апельсинового сока,

на котором я был возвращен. На моем хищном пути — мраморно-непробиваемое девство очаровательной двоюродной сестры, ждущей меня со скрещенными лодыжками на ступеньках и попкорном в сердце. И пусть облетают тополя в теплой ночи, молчаливой и нежной, и тротуар хрустит под моими каблуками. Изворотлив ли я? Чисты ли мои глаза?

Пустую улицу моих намерений пересекает неслышно пес. Все машины уткнулись дома в телевизоры...

Пес — молодая широколапая помесь хаунда и бигля, глядит снизу вверх мне в лицо и решает провести прекрасный вечер со мной. Мы шагаем рядом. Тополя облетают прямо на нас. Все чертовски здорово. Замечательно обставлено — как свежезастланная постель. И вдруг... что такое?

Сейчас. Что-то случится. Но за мгновения до того, как случается, случилось: с присвистом распахивается застекленная дверь, ссутуленный старик сбежал по тусклым ступенькам и бросился через лужайку ко мне.

— Молодой человек! Скорее! На помощь! — он зацепился за руку с апельсиновым соком. Противными грязными старческими корешками. — Нельзя терять ни секунды, молодой человек!

Увлекая Дебори в пропахшее чесноком жилище, он таторил безжалостно:

— Мы с мамочкой приехали провести детей и внуков. Дети решили, что прибыли бесплатные няни, уехали на неделю в отпуск и оставили дома внуков со стариками. Девчужка скинула с плиты мамочкин чайник с горячим отваром и ужасно обварилась! — Они были на кухне, их обступили два ребенка с вытаращенными глазами. Старушка с комковатой головой зажала маленькую девочку и большой костлявой рукой закрыла ей рот, чтобы ребенок не мог проронить ни звука; животик девочки и ее бедра вспухли, покраснели и сморщились.

— Эй! — Дебори вырвался из стариковских тисков. — Зачем зажимать ей рот? Она же дышать не может!

Дедушка запнулся еще одной тирадой, но женщина его перебила.

— Пожалуйста, — вежливо сказала она Дебори, — зажмите ей рот. Только не касайтесь ожога...

Она встала, освобождая для него стул. Все еще зажимая рот девочки.

— Я не... — Поднялась другая ее рука: изящные насекомые суставы и большой палец.

— Пожалуйста, — снова сказала она столь доверительно, смиренно и уверенно, что медлить было более невозможно. Дебори принял несчастного ребенка, зажал ему рот вместо старушки и сел, сдавив девочку коленями, а пожилая пара опустилась на колени прямо на скользкий линолеум. Один из других детей начал хныкать, но старик покачал головой и прошептал:

— Все молчат. Тс-с-с!

Их непостижимые руки сомкнулись и головы наклонились под молочным кухонным светом; они молились. Молча. С таким тщанием, что Дебори чувствовал, как вибрирует пол. *Вопли бедной малышки заточены внутри нее словно пар в скороварке. Пара старческих трясущихся шей. Я хочу подумать, что кто-то тут сошел с ума, я хочу подойти к телефону... безнадежно.* Девочка прекратила биться, дернулась, замерла. Спустя секунду она вздохнула. *Я вижу, как разглаживается ее кожа, как проходит ужасная краснота.*

Позднее, в столовой: Дебори пьет чай со стариком. Трое детей уже в кроватях — успокоены и спят. Бабушка замывает пол на кухне. Ломтик лимона на Деборином блюде.

— Если бы она закричала, — терпеливо объясняет старик молодому озадаченному салаге, подбирая слова, — они бы застопорили все там, где кричат. Вы понимаете?.. Застопорили бы до того, как мы успели помолиться.

Тут что-то схватило Дебори за промокший перед его длинного нательного белья и стало трясти, вопрошая: ты ощущал когда-нибудь, как призрачная старческая рука пытается вот так заткнуть твой крик?

Дебори приподнялся на локтях и заморгал. Комната была пуста, но что-то истерично тьявало у сарая. Он отки-

нулся назад, но тьяканье продолжалось — выше и громче, выше и громче...

— Я ненавижу только одно создание, — предупредил Старина Дебори, приноравливаясь к темной комнате, — брехливую собаку!

Это она притащила и оставила лающую сволочь: подобранный на улице маленький несчастный полупудель, некогда любимый, потом выброшенный и страдающий полуночными истериками, которые порой оказывались к месту — как когда коровы топтали кукурузу, — а порой надуманными. Большую части времени — надуманными.

— Хорошая собака — слуга милостью Божьей. — Старина Дебори надернул заляпанные грязью штаны на кальсоны. — Нет. *Любая* собака — слуга человеку милостью Божьей; *хорошая* собака — благодарность человека. — Он натянул ботинки. — Но *брехливая* собака — мерзость, каких мало! Уж я-то тебя знаю, — закричал он в направлении тьяка. — Коптящая небо вымыслами и фантомами сумасшедшая сука... вынуждаешь меня всякий раз реагировать на шум. — Он покачал в темноте шляпой и проревел: — Зачем мне тут щенок? Не нужно мне было никаких слуг, ни темношкурых, ни шерстистых. Я бы отлично прожил, положившись на свой забор. А вы, — обратился он к темноте, — вы, армия упрямых предков; я не несу ответственности за собак, которых вы растили в веках! Я не пойду на поводу у придурка, живущего в конуре! Мы не были созданы с потребностью в слугах, которые будили бы нас ночным лаем! Свет — да, мы можем молить о свете, это по-честному, но молить о ночных сторожах — все равно что разводить бюрократов и потворствовать тьме! Моча на оба ваших дома! — Его предки заахали в темноте. Старина Дебори нахлобучил шляпу на голову и гордо ушел от их августейшей ярости, бормоча: — На поводу у закоренелого преступника пошел бы, и на поводу у калеки пошел бы, но не на поводу у придурка. Много чести.

Полупудель забился меж двумя бочонками с помоями, без умолку оглашая лаем теплую весеннюю ночь.

— Сукина сука! — воскликнул Старина Дебори, пиная бо-
чонок и заставляя его просыпаться конфетти мусора, что
падали вокруг маленькой собаки будто разгневанная перхоть
божества. Завизжав, собака шмыгнула под пикап, где возоб-
новила свою тираду с еще большим упорством — на этот раз
она жаловалась на весьма реальную угрозу в виде Дебори,
который матерился и пинал гравий под пикап, пока не хватил
голенью по подножке. Он забился в муках на капоте ав-
томобиля. — Летящая Ярость, — процедил он сквозь зубы,
словно бы произнося имя знакомого мустанга, — что застав-
ляет тебя вскакивать каждую ночь по любой тревоге, дрожа
от страха, словно тебе прижали хвост? Зачем ты орешь на
перепуганную собачку?

Он ощущал, как намокают от опухоли на голени кальсо-
ны, и окропленный росой капот пикапа тряся, пока он
твердил:

— Пылающий конь, раз за разом внушающий нам, что
ты навсегда ускорил на пастбище, и несущийся обратно,
лишь слышав скулеж безотчетного страха! Пошел к дя-
волу, жеребец, я ненавижу тебя больше, чем брешливых со-
бак! Собаки никогда не делают вид, будто уходят!

Полупудель перестал гавкать и прислушался: теперь че-
ловек ворчал на кого-то еще. Собака слушала несколько се-
кунд, как Дебори умеряет свой гнев, затем с капитулянтским
вздохом выползла на брюхе из-под пикапа и свернулась у ног
человека. Он взял ее на руки и, хромая по гравию, отнес в
ящик в гараже.

“Как знать, — размышлял он, пока ее нес, — может, ма-
ленькие собаки посланы как раз сторожить в ночи Летя-
щую Ярость?”

Он положил собаку в ящик с рваниной и гладил до тех
пор, пока она не перестала дрожать.

“Вся власть щенкам. Гав на блох”.

МАРТИН
БУБЕР

Вы можете прочитать книгу “Я и Ты” за два часа и не оправиться от нее до конца жизни. Бубер рассказывает вам о том, кто вы есть — и в отношении-диалоге с Силой Творчества, и в положении “обладания”, когда вы — вещь, ограни-

ченная другими вещами. “Если история — это диалог между Божеством и человечеством, мы способны понять ее смысл лишь в том случае, когда обращаются к нам, и лишь настолько, насколько мы оказываемся восприимчивы. Смысл истории — не идея, которую я мог сформулировать независимо от моего личного существования. Лишь через личное существование могу я постичь смысл истории, ибо смысл она обретает в диалоге”. Это захватывающее чтение, если вы стали героем драмы церквей, собирающих толпы народа тысячи лет. Как видите, настоящее действие происходит в фойе, а хмельная паства тут ни при чем. Кому охота клеветать носом на церковной скамье, когда все сливки собирает на амвоне евнух с опухшими глазами? Помните, как хмурятся жонглеры и клоуны, поражая вас своим мастерством? Читайте Мартина Бубера — и вы сможете избавиться от всех недовольных. Атакуем амвон! Устроим замыкание в аппаратурной! Накормим мэрию наркотиками и уволим бедных старых слабоумных фарисеев, сошедших с ума на своих шатких судейских скамьях после всех безумных решений, принятых ими в приступах ущербного самонадеянного богохульства! Освободимся от всех этих жалких анахронизмов! Помните, как хмурятся жонглеры и клоуны!

Вот вам “Я и Ты” — краткий образец¹:

Мир двойствен для человека в силу двойственности его соотношения с ним.

Соотнесенность человека двойственна в силу двойственности основных слов, которые он может сказать.

Основные слова суть не отдельные слова, но пары слов.

Одно основное слово — это сочетание Я-Ты.

Другое основное слово — это сочетание Я-Оно; причем, не меняя основного слова, на место Оно может встать одно из слов Он и Она.

Таким образом, двойственно также и Я человека.

Ибо Я основного слова Я-Ты отлично от Я основного слова Я-Оно.

1 Книга “Я и Ты” Мартина Бубера цитируется в переводе В.В. Рынкевич.

Основные слова не выражают нечто такое, что могло бы быть вне их, но, будучи сказанными, они полагают существование.

Основные слова исходят от существа человека.

Когда говорится Ты, говорится и Я сочетания Я-Ты.

Когда говорится Оно, говорится и Я сочетания Я-Оно.

Основное слово Я-Ты может быть сказано только всем существом.

Основное слово Я-Оно никогда не может быть сказано всем существом.

Нет Я самого по себе, есть только Я основного слова Я-Ты и Я основного слова Я-Оно.

Когда человек говорит Я, он подразумевает одно из них. Я, которое он подразумевает, присутствует, когда он говорит Я. И когда он говорит Ты или Оно, присутствует Я одного из основных слов.

Быть Я и говорить Я суть одно. Сказать Я и сказать одно из основных слов суть одно.

Тот, кто говорит основное слово, входит в него и находится в нем.

Жизнь человеческого существа не ограничена областью переходных глаголов. Она не сводится лишь к такой деятельности, которая имеет Нечто своим объектом.

Я нечто воспринимаю. Я нечто ощущаю. Я нечто представляю. Я нечто желаю. Я нечто чувствую. Я нечто мыслю. Жизнь человеческого существа не состоит из одного только этого и подобного этому.

Все это и подобное этому составляет царство Оно.

Царство Ты имеет другое основание.

Тот, кто говорит Ты, не обладает никаким Нечто как объектом. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто; каждое Оно граничит с другими Оно; Оно существует лишь в силу того, что граничит с другими. Но когда говорится Ты, нет никакого Нечто. Ты безгранично.

Тот, кто говорит Ты, не обладает никаким Нечто, он не обладает ничем. Но он состоит в отношении.

Говорят, что человек, приобретая опыт, узнает мир. Что это означает?

Человек движется по поверхности вещей и испытывает их. Он извлекает из них знание об их наличном состоянии, некий опыт. Он узнает, каковы они.

Но не один только опыт позволяет человеку узнать мир.

Ибо, приобретая опыт, человек узнает лишь мир, состоящий из Оно, и Оно, и снова Оно, из Он, и Он, и Она, и Она, и опять Оно.

Приобретая опыт, я узнаю Нечто.

Ничего не изменится, если к “внешнему” опыту присовокупить “внутренний”, следуя не вечному разделению, что коренится в стремлении рода человеческого лишиться тайну смерти ее остроты. Внутренние, как и внешние, вещи среди вещей!

Приобретая опыт, я узнаю нечто.

И ничего не изменится, если к “явному” опыту присовокупить “тайный” в той самонадеянной мудрости, которая знает в вещах их сокрытое, сохраняемое для посвященных, и мастерски орудует ключом. О таинственность без тайны, о накопление сведений! Оно, оно, оно!

Приобретающий опыт не сопричастен миру. Ведь опыт “в нем”, а не между ним и миром.

Мир не сопричастен опыту. Он дает узнавать себя, но его это никак не затрагивает, ибо мир ничем не содействует приобретению опыта и с ним ничего не происходит.

Мир как опыт принадлежит основному слову Я-Оно.

Основное слово Я-Ты создает мир отношения.

К Е Н К И З И

другие ИНСТРУМЕНТЫ ИЗ МОЕЙ КОРОБКИ

Фредерик Дугласс, беглый раб, ставший первым вождем своего народа в Америке. Он работал на плантации, прислуживал в хозяйском доме — и стал выдающимся оратором, к которому обращались за советом великие люди эпохи.

Малколму Икс
Где-то В Сердечном Центrale
Атман

Дорогой Малколм!

Жаль, что мы так и не познакомились. Конечно, это было нереально — в те-то годы: ты бы открыл во мне такую бездну вины, что я раздулся бы на месте и плюнул кровью из глаз, как, твердили мои дяди, делают рогатые жабы, когда их заводят в

полный тупик, а я еще думал: “Что пользы ослеплять себя собственной кровью?”

Однако теперь я жалею, что не встретился с тобой и не познакомился — без чувства вины или боязни последствий смягчения этого чувства, — потому что за эти годы я кое-чему научился.

Позволь мне говорить с тобой, брат; я знаю, ты мертв и все такое, разумеется, но кто знает? Потому позволь говорить с тобой на равных: я никогда не понимал песню Ареты Франклин¹ “Уважение”, пока не провел долгие отважные выходные — ночь пятницы, летнюю субботу и летнюю ночь субботы в сборном резервуаре тюрьмы округа Сан-Матео с дюжиной других типчиков, причем я был среди них единственным белокожим. Жаркая, долгая, бессонная ночь... а где-то осторожные водители облизывали пальчики после любовниц, и их родственники с багровыми шеями катали шары с приятелями... (а нам светила через решетку единственного окошка луна с покрасневшей мордой наклюкавшегося ирландского быка) — и вот тут я наконец осознал, что же она произносит по буквам: у — вэ — а — же — эн — и — е!

Мои сокамерники воспроизводили репертуар “The Miracles”, “The Temptations”, “The Four Tops” часами, глубоко за полночь, когда выключали свет, после того, как должен был заявиться тюремщик с приказом соблюдать тишину, и после того, как гнусным типам из отдела охраны полагалось пригрозить членовредительством, если все не заткнется, блядь, сейчас же. Никто не возражал против песен. Поскольку субботним вечером в окружной тюрьме мотают срок все — черный и белый, коп и вор, и уважают тех, кто мотает срок как положено, стильно и с прямотушием, корнями уходящим сквозь верхний слой почвы к материнской породе человечества. Уважение меняет голос, и его может услышать каждый. Те же корни питали голос Кинга, Вуди Гатри и Хэнка Уильямса²; и твой голос наверняка звучал так же, знакомые призывки слышатся даже в твоих текстах.

1 Арета Франклин (р. 1942) — американская соул-певица.

2 Хэнк Уильямс (1923–1953) — американский фолк-певец и гитарист.

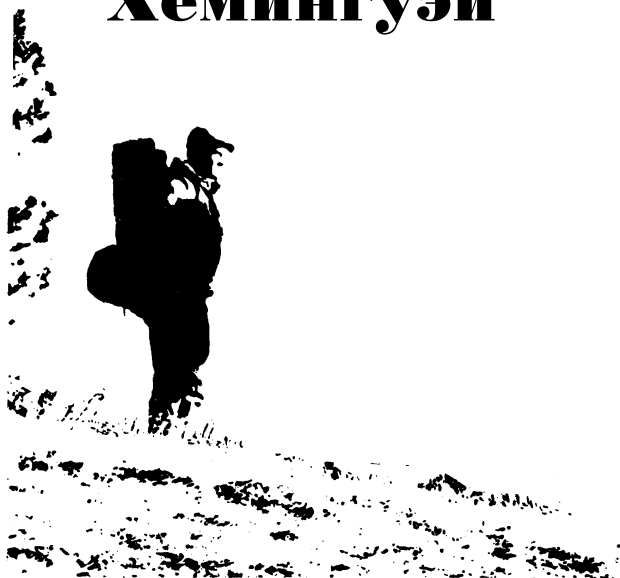
Встретясь мы сейчас с глазу на глаз, я бы нервничал, но из-за таких субботних ночей, как эта, я бы уже не боялся ослепить себя собственной кровью. Перемены идут тяжело. Я не сразу одолею твою автобиографию. По ней нельзя пронестись с ветерком, как по роману, потому что она — само развитие: твое — по мере того, как ты ее проживал; мое — по мере того, как я проживаю ее вместе с тобой. Но я ее одолею.

С уважением,

Кен Кизи

Хемингуэй

Порой сложно сказать, Хемингуэй ли писал Историю Джуди Гарленд¹, или Дженис Джоппин² писала Историю Эрне-

- 1 Джуди Гарленд (Фрэнсис Гамм, 1922–1969) — американская певица и актриса театра и кино.
- 2 Дженис Джоппин (1942–1969) — американская певица, одна из лучших белых исполнительниц классических и современных блюзов, а также музыки кантри.

ста Хемингуэя; все они равно трагичны, все рассказывают о людях, которые слишком долго шли по следу ко Всеобщему Вниманию. Но вот какие рекомендации можно дать некроманту, желающему отличить *настоящий* труп от пустых оболочек: не обращайтесь внимания на тела тореадоров или загадочные останки солдат; ищите лучше живую форель на дне, что сражается с чистым течением, или куриный жир на завтрак, что остыл на ветеранском блюде, или старые доски, что отчетливо видны в бинокль; в этих тонких переходах, когда никто на деле не движется, вы можете отыскать следы медлительного и кроткого старого гиганта. Даже в его последней книге, которая, судя по всему, писалась тяжело, вы найдете мерцающие россыпи чрезвычайно верных наблюдений. Даже наблюдая за тем, как обезумевшее от прессы эго писателя начинает сбивать его с пути, вы все равно ощущаете, что можно, доверясь голове, отправиться вместе с ним; перешагнуть он может только через себя.

еще
ИНСТРУМЕНТЫ ИЗ МОЕЙ КОРОБКИ

БИТЛЫ

На втором этаже студии “Эппл” есть комната, куда вы сможете попасть, если потрудитесь и уломаете администратора. Пару лет назад Америка отправила ровно 13 психоделических монстров на экспорт в Лондон на своего рода перестрелку Доброй Воли; в этой комнате битлы даровали им контору и прибежище. Чертова дюжина припарковала в комнате свои спальники, водрузила мотоциклетные ботинки на кофейные столики и осчастливила ванную упаковкой В-12. Жизнь была хороша. Но однажды, прибыв в

контору, американцы, к своему удивлению и подавленной досаде, обнаружили, что контора приняла вторую волну: прибывший утром десяток американцев, потрудившись, забрался в самые недра “Эппл”. Огромные лыбящиеся косматые бородатые типы, шумливые голые дети и королева-мама, бодро перевалившая за тридцать:

— Мы семья! Мы путешествовали и захотели посмотреть на битлов. Мне приснилось, что я и Джон Леннон голые пересекаем голубые электрические волны, плывем на остров в Карибском море, который еще не открыли, знаете? Мы были на кислоте. А ну, детки, споем...

Они внезапно перестали суетиться и завели песню:

— “Джон и Йоко, ну и Ринго. Джон и Йоко, ну и Ринго...”

Она раскачивалась в ритме мелодии:

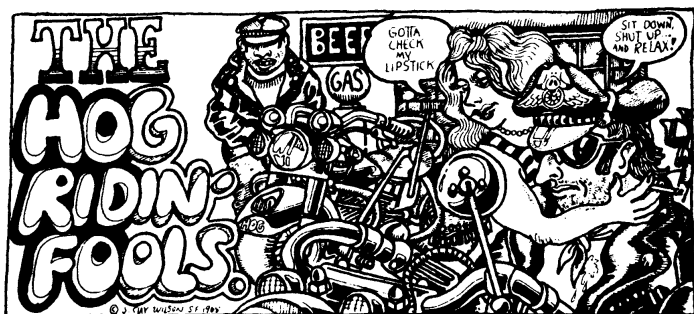
— Мы знаем, что они тут, в этом здании: дети видели их, когда бегали по коридору. Знаете, битлы — самые благословенные люди на земле; сколько раз мы все ловили песню битлов по радио и думали: Господи, благослови битлов! Я когда увидела “Желтую подводную лодку” после аборта, так и подумала: Господи, благослови битлов! А сколько народа по всему миру думали то же самое! Господи, благослови битлов. Видите? Кто еще сегодня на этой земле благословен так, как они?

А дети все заливались:

— “Джон и Йоко, ну и Ринго... Джон и Йоко, ну и Ринго...” — и женщина колебалась, и бородатые типы кивали в такт.

Пит, старый президент Ангелов Ада Фриско, уже собирал свои шмотки:

— Благословение — дело хорошее, кто бы спорил, но вряд ли стоит благословлять их вот так вот прямо в лицо.

С. Клэй Уилсон

Яростью, друзья, ничто не заканчивается, и не надо доводить меня до катарсиса ударами по башке. Ярость — лишь побочный продукт. Временами рисунки столь отягощены нашим суммированным отвращением, что уже неясно, имел ли художник в виду что-то еще. Но нет дела выигрышнее, чем оказать содействие правосудию, наложив секундный мораторий на все правосудие; если вы преуспели, человек по ту сторону комикса просияет беспрепятственно. Так, С. Клэй Уилсон, видимо, самый яростный из рисовальщиков нового поколения, видится мне очень человеческим.

САЛАТ ИЗ ЛАКОНОСА¹

Мой папа родился в Техасе и вырос в Оклахоме, мама — в Арканзасе; они встретились в Калифорнии, а я родился в

¹ Салат из токсичного растения лаконос считается фирменным блюдом кухни южных штатов США. Блюдо увековечено в песне Тони Джо Уайта (р. 1943) “Энни с салатом из лаконоса”, записанной Элвисом Пресли.

Колорадо. Когда мне было девять лет, мы переехали в Орегон. И все равно салат из лаконоса прет через оба края. Выкарабкаемся...

ФОЛКНЕР

Наша нынешняя трагедия заключается в чувстве всеобщего и универсального страха, с таких давних пор поддерживаемого в нас, что мы даже научились выносить его.

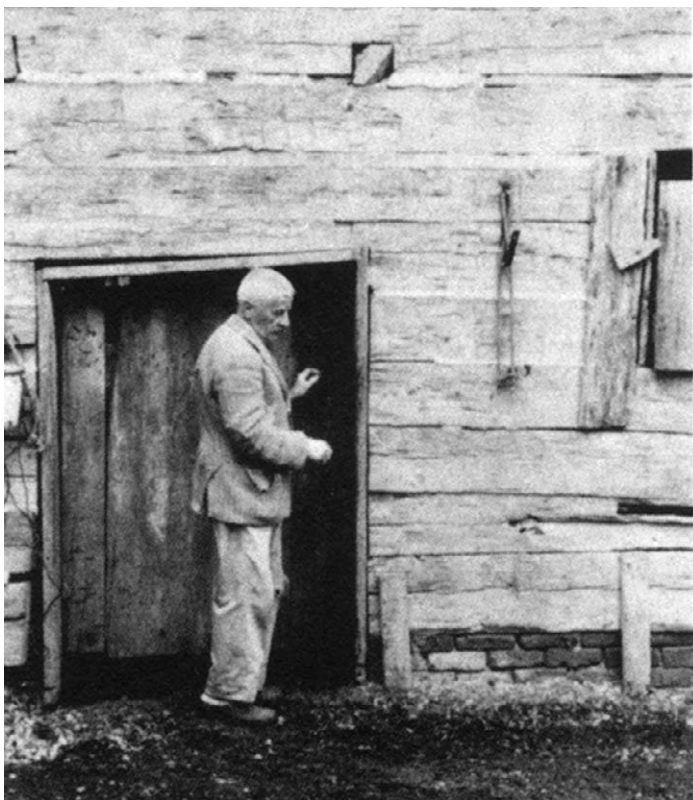
Проблем духа более не существует...

Они должны убедить себя в том, что страх – самое гнусное, что может только существовать, и, убедив себя в этом, отфигнуть его навсегда и убрать из своей мастерской все, кроме старых идеалов человеческого сердца – любви и чести, жалости

*и гордости, сострадания и жертвенности, –
отсутствие которых выхолащивает и убивает литературу...*

Я верю в то, что человек не только выстоит – он победит.

*Он бессмертен не потому, что только он один среди живых существ
обладает неизбывным голосом, но потому, что обладает душой, духом,
способным к состраданию, жертвенности и терпению¹.*

Фолкнер – мой любимый писатель. Играет резная флейта – противоестественная на этом жалком, заброшенном, страшном, непомерно заброшенном болоте. Звериная

1 Орывок из Нобелевской речи Уильяма Фолкнера. Перевод Н. Анастасьева.

башка трудовой коняги поднимается, прислушиваясь. Оглушенный удобрителем яростно ржавеет у курятника, дикие ноты просачиваются сквозь молчание. *Да, думает он, поднимая прикрытые крышкой глаза к утреннему солнцу, да, да, коли Южная Нега пресыщается жимолостно-сладким декансом, это все равно в сотый раз доказывает: человек может отпить и не обжечься; да, Фолкнер – точно мой самый любимый писатель...*

ДЖИММИ ДЮРАНТЕ¹

Одна ошибка; никогда не унывай;
Один раз упал — еще не пропал;
Продолжай шагать...

“Песня Пасхального Тюлени”²

ВУДИ ГАТРИ

Песни вы наверняка слышали, а вот его проза куда менее известна. “На пути к славе” — развеселое завещание, в котором лиричное сердце провинциала рассеивает смехом даже неизбежную тьму наследственного сумасшествия.

- 1 Джеймс Фрэнсис (Джимми) Дюранте (1893–1980) — американский певец, пианист и комический актер.
- 2 “Пасхальные Тюлени” (Easter Seals) — американская благотворительная некоммерческая организация, помогающая инвалидам. Основана в 1919 г. как Национальное общество детей-инвалидов.

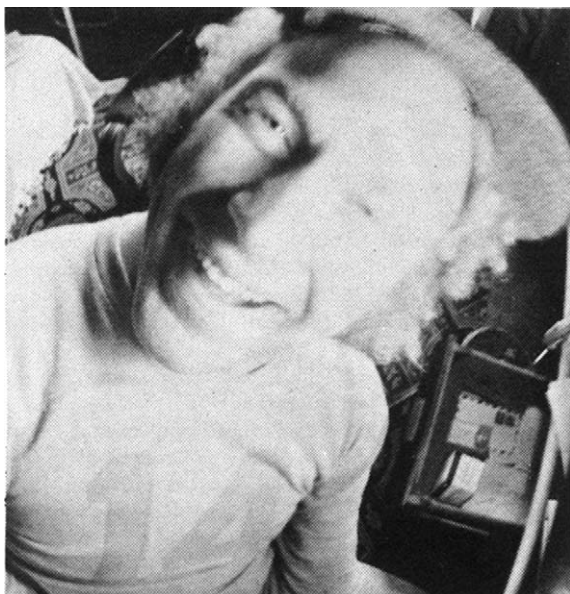
Бобби Циммерману,
Поющему Где-то
В Одурении
Мир

Дорогой Бобби!

Здесь лютует буря, а я как раз вышел в дождь и ветер с пильной цепью, чтобы срезать дерево, угрожающее моему оконному стеклу, и задумался о поэзии: порою, когда погода портится, даже посаженное воображением и выросшее в истине нужно рубить, чтобы убежать дом от ветвей, которым полагалось его защищать. Но хвойные деревья остаются вечно зелеными — под землей, незаметно для всех. Корни мамонтова дерева не умирают.

Мира и любви тебе,

К.

еще больше
ИНСТРУМЕНТОВ ИЗ МОЕЙ КОРОБКИ

JEFFERSON AIRPLANE

“Целого дня сосредоточенного созерцания не хватит, чтобы понять богатств дня и овладеть им”.

*Торо*¹

На севере с Вашингтоном граничит городок Беллингем, в котором процветает на дикой природе плодородный колледж. Ехавший на тамошнюю лекцию Аллен Гинзберг остановился в Орегоне, где разжился на остаток пути автобусом “Далше”, водителем автобуса и скромным взводом Веселых Коммандос, чрезвычайно стильно прибыв через день в ма-

¹ Из сочинения американского писателя и философа-трансценденталиста Генри Дэвида Торо (1817–1862) “Жизнь без принципов”.

ленький вашингтонский кампус под аккомпанемент флейт, рожков, гармошек и высокооктанового стука Нила Кэссади.

Гинзберг провел день, выступая перед различными аудиториями при помощи непрофессиональных профи (Кэссади: “Я не закончил даже восьмой класс... что у нас на обед?”), а вечер вечеринил с коктейлями. На завтра была суббота, и мы ухлопали ее, помогая с подготовкой к визиту “Аэроплана Джефферсона”, которых, так уж получилось, пригласили в тот день дать концерт. Подготовка сводилась в основном к заготовкам: трава, чуть псилоцибина и, пока вечер изготавлялся на манер оленя-вапити перепрыгнуть через темную пропасть, много диэтиламида лизергиновой кислоты номер двадцать пять.

Концерт проводился в спортивном зале колледжа. Автобус шатался и вихлялся, пока не замер на парковке, и шумы разогревающей команды приветствовали его пассажиров подобно топорному грому. Люди внутри автобуса ответили на него всеобщим стоном. Все шло как нельзя скверно! Те энергия и восторг, что дипломатично держали себя в узде во время посещения высоких гостей, наконец высвободились; результат — нарастающее простецкое злорадство — был тревожен и несколько пугающ. Внутри все было еще хуже: сведенные за пару последних дней знакомства настаивали на продолжении кое-каких академических дискуссий, что в сотрудничестве с баскетбольными перестуками и свистом химии в голове напоминали приговоры в литературном чистилище. Продолговатые лампы несимпатичного света наполняли коридоры вокруг спортзала синешекими созданиями, пытавшимися сделать анализ крови в кабинете с надписью “КОНЦЕССИИ!”. Пьяные лесорубы пускали слюни при виде сельских красавиц с лоснящимися грудями и опилочными мозгами. Психоделические вампиры бросали во все стороны колючие

взгляды, ловя знакомых рыбешек на блесну истерики. Куда подевались прекрасные люди из последних идиллических дней? Чем научно руководили электрические огры, бомбившие пустотный пол баскетбольной площадки под покровительством музыки?

В конце концов Гинзберг и его некогда отважная банда были униженно загнаны в коридор под безжалостное сияние флюоресцентов и подростков, где переживали первую, обвинительную стадию близящегося разочарования. Тут-то их и отыскал Билл Лоднер, главный разведочный люггер “Аэропланов”, запущенный внутрь для изучения обстановки.

— О-о! — сказал он, обнаружив скопление угрюмых пленников. Один из сидящих взглянул в лицо Лоднера и опознал за бородой союзника.

— Ребята, вы представляете, — спросил он Лоднера и остальных аэропланщиков, что просачивались внутрь, — как хорошо вам нужно играть, чтобы принести нам облегчение?

Они представляли. И принесли. С первыми нотами “Тебе нужно кого-то любить” все огры и вампиры сбежали в шедшее мимо стадо свиней, свиньи понеслись к Пьюджет-Саунду и там утопились.

Экзорцисты существовали всегда — мнимые и настоящие. Мнимые, будучи неспособными работать эффективно, под конец падали жертвами собственных демонов; настоящих так легко не проймешь.

ЦВЕТЫ

Все наши символы ржавеют и осыпаются; флаги истрепываются; транспаранты ворует Сэвил-Роу¹; наши лозунги подхватываются рекламами “кока-колы”... лишь цветок вы-

1 Сэвил-Роу — улица в Лондоне, на которой расположены фешенебельные магазины одежды.

живает, такой же сильный, как первый нарцисс в пластиковой бутылке, подаренный учительнице в третьем классе. Дети цветов меняются, а воздействие инструмента, что дал им название, остается прежним. Побольше бы взрослых цветов...

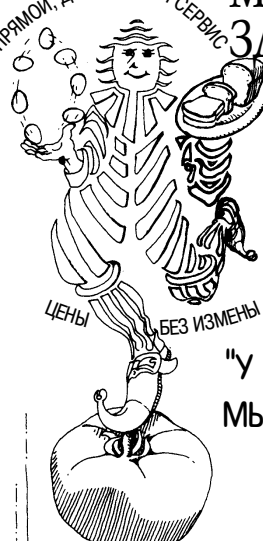
“Эшли Автоматик”

Это отличная маленькая мощная жгучая дешевая в работе дровяная печь.

побольше
ИНСТРУМЕНТОВ ИЗ МОЕЙ КОРОБКИ

ПРЯМОЙ, ДОХОДЧИВЫЙ СЕРВИС

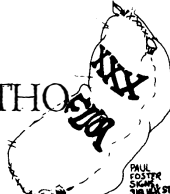
ЦЕНЫ БЕЗ ИЗМЕНЫ

МАГАЗИН
ЗДОРОВОЙ
ПИЩИ &
БИЛЬЯРД

145, СЕВ. ТРЕТЬЯ УЛИЦА
СПРИНГФИЛД, ОРЕГОН

"У НАС ЧИСТЫЙ ХЛЕБ,
МЫ ПЕЧЕМ ЕГО ДНЕСЬ"

СПЕЦИИ
ЧАИ
СЕМЕНА
МУКА
ПАХТА
СЫР
ЙОГУРТ И
БИЛЬЯРД БЕСПЛАТНО

PAUL
FOSTER
SAND
30 MAY 1971

ОТКРЫТО: 10.00-22.00; ТЕЛ. 747 1532

ЖЕНЬШЕНЬ

Сцена: огромный конференц-зал, оккупированный всеми тяжеловесами коммунизма — как с Востока, так и с Запада. Депутаты и генералы спорят с дипломатами и премьерами о том, как ускорить загнивание капитализма. Водка окропляет чашки для сакэ; дым от турецкого табака переплетается с синими спиралями опия. Страсти накаляются. Тяжеловесы показывают зубы. Внезапно из алькова, завешенного гобеленом с изображением взлета и процветания династии Вэнь, выходит древний азиат, несущий нефритовый поднос с дымящимися чайными чашками:

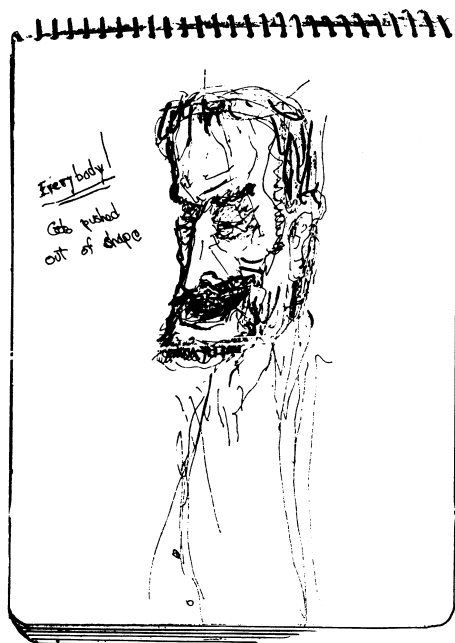
— Господа, — говорит он, улыбаясь. — Не извольте волноваться. Без помощи женьшеня капиталистические болваны перегрызут друг другу глотки словно псы, которых мучает жажда, в ближайшие пятьдесят лет.

Дикий женьшень ищет для прораствания радиоактивную почву, и через семь лет радиоактивность воплощается в маленьком синем цветке, который светится в темноте, но столь чувствителен, что закрывается, лишь заслышав шаги ночных охотников за женьшенем. По этой причине за ним охотились после наступления темноты с луком и стрелой: ночью стрела находила синее свечение, днем находили стрелу. Не знаю, правда это или нет; знаю, что если вы дадите тридцати мышам по кусочку стрихнина, все тридцать мышей сдохнут; если же вы дадите следующим тридцати мышам немного женьшеня и тот же стрихнин, *они не сдохнут*. Я узнал об этом от брата, который узнал об этом в библиотеке рефератов Орегонского университета, который он закончил по пищевым технологиям, из-за чего уклоняется от большинства обычных пищевых трипов, которые ему предлагают, пока не узнает о них все из обширной коллекции библиотечных рефератов. Из этих самых рефератов он заключил, что женьшень являет собой субстанцию, которая позволяет телу быстро нейтрализовывать яды, а также излишки адреналина, которые накапливаются в условиях стресса и перенасе-

ленности. (“...перегрызут друг другу глотки...”.) Когда вы почувствуете себя вызверенным, опустошенным, одуревшим или затраханым, выпейте чашку женишья; через несколько минут вы ощутите, как ваш адреналин растворяется. Порой мы налегаем на женишень так сильно, что наши головы стучаются о потолок; стоит чуть отступить — и мы видим, что он усеян дырами, ведущими на чердак.

БУХНО

Денверский Дэн утверждает, что у нас есть три (считаем вместе) центра сознания: желудок, где все начинается, глотка, куда центр поднимается, когда мы начинаем разговаривать сами с собой, и наш третий глаз. Нас интересует третий глаз. Глотка — это такая сука, о которой лучше бы

забыть. Пока ваша голова работает по тайным схемам, бедная глотка пытается выполнить неудовлетворенные заявки. Мантра успокоит схемы, и это, конечно, зерно проблемы, но пока вы дожидаетесь прихода мантры, глоток-другой чего-нибудь утешительного охладит несчастных ублюдков в машинном отделении, что стараются поспевать за командами, которые мостик отдает, вообще не осознавая того.

Я люблю шнапс с ароматом перечной мяты и льдом. Проблема с этой сладостной прелестью, однако, в том, что жажда лишь возрастает. Удивительно...

БЕРРОУЗ

Раньше я говорил, что считаю Берроуза единственным писателем-новатором со времен Шекспира. Теперь я так не говорю, но по-прежнему так думаю.

Ларри МакМёртри¹

Парень, сочинивший “Хада”. Он пишет о Техасе и нашем великом юго-западе, зная, каким он был и какой он есть; он знает, что хорошего было в нашей быстро увядшей мечте о

¹ Ларри Макмёртри (р. 1936) — американский писатель и сценарист. “Хад” — его сценарий по первому роману “Всадник, проезжай” (1961), “Покидая Шайенн” (1963) — его второй роман.

бескрайней прерии, и отлично знаком с сегодняшним пластиковым поветрием, что покрывает холмы словно искусственный дерн с ползучими сорняками. Он блестящий писатель. Моя любимая книга у него — “Покидая Шайенн”.

Quicksilver Messenger Service

Пять лет назад “Ртутные гонцы” играли настолько легко и тонко, что почти никто не понимал, как они хороши, даже они сами, и все пытались сбить их с пути, по которому они так здорово шли. Потом их прижал к стенке излишне смачный махизм, и теперь они, видимо, ждут, когда придет их время, и афиши на бульваре Сансет шелушатся в прокопченном свете Лос-Анджа в ожидании нового восхода многострадальной луны в созвездии Девы¹. “Кого ты любишь?” с альбома “Счастливые тропы” — классика.

1 У группы Quicksilver Messenger Service была песня “Девушка Луны в созвездии Рака”.

the Temptations

— Кати, Кизи на проводе, звонит по межгороду. Можешь ответить из моего кабинета.

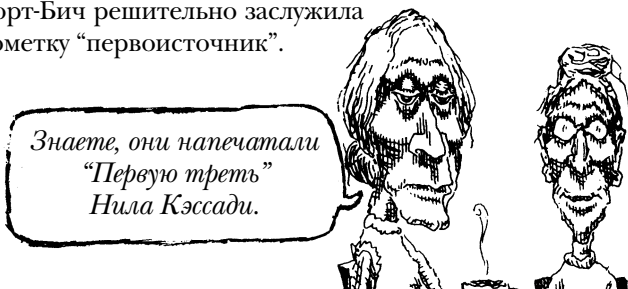
— Спасибо, Сторджис.

Мы все были в конторе “Викинга” в Нью-Йорке, вносили последние исправления в книгу, которая ныне у вас в руках. Кен и Бэббс закончили и унеслись домой, оставив меня исправлять исправленные исправления — ахха... Позвонил Кен и сказал, что пропустил один из своих инструментов — “Соблазны”... “чудесную группу, которая на протяжении многих лет доказывает свою социальную сознательность” — и, поскольку “Ртутные” уже не шевелятся, не положу ли я “Соблазны” в его коробку в качестве оперативного инструмента.

Увы, еще один — законченный — конец.

Книжная лавка “Огни Большого Города”

Если бы важные революционные события последнего десятилетия можно было нанести на карту, маленькая лавка на Норт-Бич решительно заслужила бы пометку “первоисточник”.

УЭНДЕЛЛ БЕРРИ¹

Уэнделл Берри — это сержант Йорк², атакующий превосходящие силы противоестественного противника на нашей нейтральной полосе экологии. С той же благодушной непорочностью, что отмечала молодого Гэри Купера, Уэнделл смело наступает на новые легионы бошей, будучи вооружен лишь шариковой ручкой и легендарной деревенской праведностью. Он выбивает их одного за одним: с великанских прогулочных лодок, что рычат на его родные кентуккийские реки, из защитных касок в карьерах округа Хазард, из вращающихся кресел Пентагона, где оцениваются планы войны со всеми формами вражеской жизни, лишенными военной косточки. Он меткий эссеист и —

1 Уэнделл Берри (р. 1934) — американский прозаик, поэт, эссеист, защитник аграрных идеалов. Книга «Длинноногий дом» опубликована в 1971 г.

2 «Сержант Йорк» — вышедший на экраны в 1941 г. фильм с Гэри Купером в роли пацифиста, который попадает на Первую мировую и в финале становится героем.

для тех, кто сдался ему в плен — гениальный и пленяющий поэт. Он может похвастать устрашающим арсеналом романов, речей, статей, рассказов и поэм; на своем аванпосту на страшном поле битвы он строчит по врагам острыми словами, служа своей семье и своим пчелам. Он — наш союзник. Вот цитаты из его “Длинноногого дома”:

“...у нас как у нации уже нет будущего, которое мы могли бы себе вообразить или пожелать... Мы превратились в идолопоклонников и проповедников технологии, богатства и власти, лежащих за пределами понимания большинства, и даже мудрейшие из нас не в силах понять их предназначение. В результате мы представляем для себя и для мира опасность большую, чем можем себе вообразить”.

*

“Ибо разве смысл и выражение всех наших прав не сводятся в конечном счете к праву человека на безопасность в собственном доме? Когда власть перестает защищать это право, человек встречает каждый день как последний, потому что знает: в любой момент власть из каприза может потребовать его жизнь”.

*

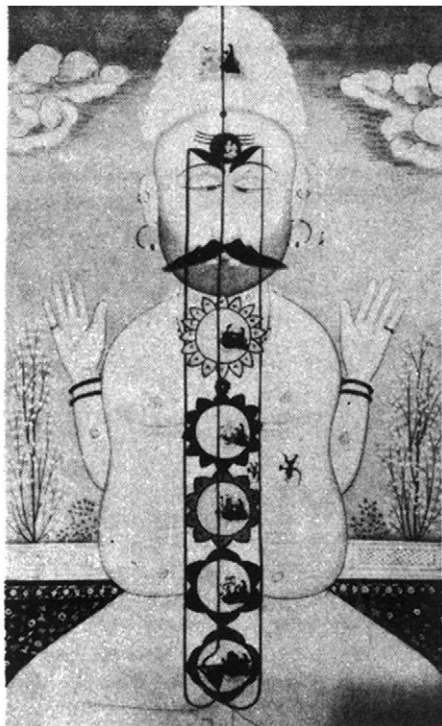
“Человеку не дано стать независимым от природы. Он должен быть связан с ней так или иначе, и есть лишь две возможности: путь колониста, отвечающего природе стремлением ее покорить, утвердиться в ней путем ее уничтожения; или путь Торо, ехавшего на природу, чтобы найти в ней успокоение, стать ее учеником, выздороветь в ее лоне”.

*

“Можно ли, не прекратив насилия над Землей — которое игнорируют многие пацифисты, точно так же, как большинство

борцов за охрану природы не обращают внимания на насилие военное, — надеяться на прекращение насилия над ближним? С Землей, нашим общим владением, мы связаны нерасторжимо, и наше отношение к ней не может не быть предвестником нашего отношения к ближнему и к нашим потомкам”.

Т а н т р а - А р т

книга Аджиты Мукерджи

Мантра заботится о том, чтобы слова в вашей голове не повязали вас по рукам и ногам, а тантра делает то же с образами, так что вам не придется больше пересматривать изби-

тые повторы Кэнди Барр¹. “Тантра-Арт” — фантастическая, дорогушая, недостижимая, давно распроданная книга, полная необыкновенно успокоительных образов. Я не могу сказать вам, где ее купить. У меня ее тоже нет. Может, издатели откликнутся на множество запросов и выпустят недорогое и доступное издание.

еще
ИНСТРУМЕНТОВ ИЗ МОЕЙ КОРОБКИ

Анонимные Артисты Америки

Затерянная, словно блоха, на нашем великом стонущем континенте тусуется группа под названием “Анонимные Артисты Америки”: варит рис, растит детей, творит музыку. Они играют где угодно — в гаражах, на складах, в тюрьмах, на свадьбах, — и эти концерты никогда не звучнее са-

1 Кэнди Барр (1935–2005) — американская актриса и танцовщица.

мой группы с ее мужеством проселочных дорог; она скорее друг, нежели явление.

Дорогие анонимные артисты, я знаю, кто вы. Где вы — это, однако, совсем другой вопрос.

Дорогой Кен!

Пишу тебе это письмо, потому что сиятельная Глория сообщила, будто “Кен намерен прописать вас, ребята, в “Каталоге Всея Земли””. Никто из нас не знает точно, что это значит, но мы тем не менее очень надеемся, что ты никому не расскажешь всю правду о том, кто мы есть и где мы есть. То есть мы, конечно, трепещем оттого, что ты думаешь о нас, и я чертовски уверен, что ты не станешь подкладывать нам свинью и рисовать карту с маршрутом до нашего дома, но все равно я пишу это письмо с достаточно параноидальным ощущением. И вот почему: мы наконец нашли участок земли и мучаемся, пытаясь его купить — он примыкает к тому участку, о котором мы упоминали в письме в “КВЗ” прошлым летом, — и конца этому не видно. Теперь несколько месяцев мы будем пахать как проклятые: огромный сад, строительство бесчисленных домов, мы даже хотим заняться выращиванием скота!! А пробел А пробел А, понимаешь ли. НУ ВОТ, и лучше бы направить энергию, которая потечет к нам на сцену этим летом, перенаправить на работу, а не на трипы, если ты понимаешь, о чем я... Если люди, которые к нам приходят, втыкают, мы тоже втыкаем, и наоборот.

Начали мы с того, что разбираем старые глинобитные постройки. Собираемся обойтись преимущественно без глины, вегасом или латиллой¹, как тут все делают; может быть, возведем на крыше маленькие купола. Один купол на сарай с гаражом, один на общинные кухню-столовую-швейную-детскую, еще один, наверное, на столярную мастерскую. Норман жаждет построить грандиозную баню, Лен — бассейн с подогревом, я — домик для медитаций и, наконец, клима-

1 Материалы для возведения крыши: вегас — большие деревянные балки, латилла — узкие дощечки.

трон¹. Разумеется, каждый из нас возведет дом своей мечты. Наши мечты дали большую усадку, и это к лучшему, все думают о простоте и функциональности; кто будет обогревать огромные пространства? И, конечно, солнечное тепло. Куда мы без солнечного тепла?

Заведем дойную корову, кроликов, свиней, коз, овец (две у нас уже есть) и кур. У нас были куры, но их поели собаки. Собачек будем держать в будке — они, как выяснилось, не ездят в отпуск в теплые страны к друзьям и знакомым. Кхм-кхм. Говорят, нас хочет навестить Джулиус Карпен². Ух!

Любим-целуем всех вас — и тебя тоже.

Ларс, Тони и остальные

Если вы едете в верном направлении, примерно в пятнадцати милях от Карсон-сити, штат Невада будет знак, извещающий, что где-то за извивом грязной дороги в зарослях

- 1 Климатрон — помещение для воспроизведения искусственным путем климатических условий различных географических зон.
- 2 Джулиус Карпен — американский музыкальный менеджер.
- 3 Фред Нил (1936–2001) — американский фолк-роковый гитарист и певец.

шалфея прячется заведение под названием “У СУТРО”. Похоже, при великой серебряной лихорадке начались проблемы с озером на горе, в недрах которой нашли серебро: вода просачивалась в шахты и затопляла рудники. Юный немецкий инженер по фамилии Сутро предложил провести по склону горы тоннель до озера, осушить его и обезопасить шахтеров. Когда тоннель проложили, серебро закончилось, а юный Сутро, заграбастав нехилый гонорар, смылся в Сан-Франциско, оставив гору с дырой в боку. На нижнем конце тоннеля длиной 5 миль остались сожженные солнцем сооружения и получившие отставку строительные машины. Несколько лет назад некто Робин превратил одно из сооружений в Салун.

Замечу мимоходом, что этот Салун — лучшее из питейных заведений, в которых я бывал. Солнце пустыни опалает заржавленные, опрокинутые горнорудные механизмы; ветер шуршит скучным шалфеем; небо такое синее, что, кажется, его можно пробурить не сходя с горы, которую оно накрывает как металлический лист; секретная пылевая смесь суровой души Невады задувается сквозняком в салунную суматоху и попадает даже в пиво. В Салуне, кроме прочего, имеется отличная аудиосистема, пронизывающая неподвижный воздух блюзами этого парня; они доносятся как бы из-за солнечной решетки, застревая в вековой пыли, что взяла их под стражу. Здесь, в крепости, противостоящей времени, его голос находит себе идеальную сцену; нечто за этой решеткой отбывает наказание и поет свой приговор, зачеркивая дни в календаре. Фред Нил неспешно мотает срок за наши грехи на Самой Последней Свалке.

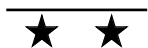
МИЗЗ РОБИН МОРГАН

Робин Морган — символический довесок к моим “ИНСТРУМЕНТАМ”. На семинаре, что я посетил прошлой весной, она столь впечатляюще оправдала феминизм, что

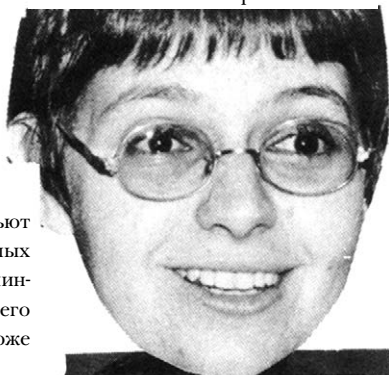

мне ничего не остается, кроме как записать ее в абсолютные авторитеты Революции. Хотя она и оскорбляла меня на лекции, обсуждала мою потенцию и, понимаете ли, все такое прочее, я все-таки в достаточной степени мужчина, чтобы позволить себе оскорбиться парой колкостей (я вот о чем: когда в конце лекции она отказалась отвечать на вопросы тихо тлевшей мужской половины своего народа, а мы с парнями только и ждали, как бы вцепиться в ее милую шейку, какая-то сестра-юница без бюстгальтера запрыгнула на сцену, обняла лекторшу и спрыгнула обратно... и все мы, наблюдавшие за этой сценой, понимали, несмотря на уязвленное самолюбие, что свободы, которыми угрожала нам мизз Морган, пойдут во благо не только женщине, но и мужчине... что наша злость — это надменная злость Пентагона, услышавшего Ветеранов Против Войны, нервная злость загрязняющей среду компании, увидевшей экологов: мы знали, что все это к лучшему для всех нас, но не могли заставить себя проглотить правду, понимая: ничто не сослужит Хью Хефнеру лучшую службу, чем конец Философии Плейбоя) и проглядеть революционного союзника.

“...мужчины вроде Кена Кизи бьют тупых женщин, стреляют в тупых животных и, по загадочной хемингуэвской традиции, больше всего на свете бояться прослыть — Боже охрани! — ПЕДИКАМИ”.

“...ее заставляют думать, что если ОН не испытывает оргазма в постели, это ЕЕ вина. ЕЕ вина — это когда ОНА не испытывает оргазма”.

“...самец проявляет себя только во время кризиса — потому что не знает, что делать между ними”.

“...мы идем дальше марксистов, говоривших, что средства производства должны принадлежать рабочим, и говорим: средства воспроизводства должны принадлежать женщинам”.

ЭЛДРИДЖ

КЛИВЕР

Озарения, тезисы и метафоры Кливера¹ — плоды долгих, мучительных и альтруистических раздумий. Его записанные на пленку выступления не были столь же прозрачны, и я надеюсь, что он еще много чего напишет и надумает; очень сложно общаться через погрязшие в мыльной опере СМИ. “Душа во льду” режет очень чисто.

Аллегория Черных Евнухов

Я взял бобы и сел за столик на четырех вместе с двумя моими сверстниками: юными, сильными, безупречными Черными Евнухами во цвете лет. Вскоре к нам решил присоединиться старый жирный Лазарь с прилизанными, искусственно выпрямленными волосами, тронутыми сединой, и жизнерадостной улыбкой до ушей, из-за которой он напоминал шоколадного Санта-Клауса; он сел на стул напротив меня. Мы со сверстниками обменялись взглядами. Мы внимательно изучали нашего незваного Лазаря, и наши черные лица засияли ироническими улыбками, в глазах заблестел пронзительный огонек.

Несколько минут все молчали.

Мы со сверстниками по-особенному относились к пожилому неграм вроде того, что сидел напротив меня. Было в их движениях, в том, как они вели себя, такое, что мы презирали. Мы записали его в Дяди Тома; не то чтобы мы видели, как он пляшет под скрипку работоторговца или лижет ботинки белого человека, нет — мы просто знали, что черные мятежники его возраста по улицам Америки не ходят: они либо мертвы, либо в тюрьме, либо в ссылке в другой стране. Или же, и мы подумали, что это как раз наш случай, они становятся пустышками, каких в негритянских гетто полным-полно. Такой негр, не будучи пассивным бор-

1 Эддридж Кливер (1935–1998) — американский активист движения за гражданские права, видный деятель партии “Черных Пантер”. Книга эссе “Душа во льду” написана им в тюрьме (1957–1966), где он отбывал срок за покушение на убийство.

цом (и сторонником ненасилия), на дух не выносит других черных; хотя белые уже выпотрошили душу из него и всего его народа, он всегда говорит о том, что сделал бы, кабы белый человек причинил вред ему лично. Если бы болтовней можно было скинуть правительство, он был бы у власти. В каком-то смысле мы ненавидели подобных черных, однако на уровне подсознания их любопытный подход к реальности нас очаровывал.

Вдруг безо всякого явного повода юный Евнух по левую руку от меня спросил, подчеркнув свои слова ударом кулака по столу:

— Старый Лазарь, как получилось, что ты еще жив?

— Что? — переспросил Неверный, испугавшись скорее внезапности вопроса и угрозы в резком голосе Евнуха, нежели самого вопроса. (В конце концов, в разных формулировках его поколение слышало этот вопрос миллион раз: Чарли Паркер задавал его Лестеру Янгу, Диззи Гиллеспи — Луи Армстронгу, Мао Цзедун — Чан Кайши, Фидель Кастро — Батисте, Малколм Икс — Мартину Лютеру Кингу, Роберт Ф. Уильямс — Рою Уилкинсу, Норман Мейлер¹ — Тоталитарным Площадям.) Он медленно впитывал вопрос, еле заметно паникуя, пока улыбка Санта-Клауса не истаяла до судороги в левом уголке его толстого рта. Его темные глазбусины забегали по нашим лицам.

— Я спросил: почему ты еще жив? — повторил Евнух слева.

1 Чарли Паркер (1920–1955) — американский джазовый саксофонист и композитор. Лестер Уиллис Янг (1909–1959) — американский джазовый тенор-саксофонист и кларнетист. Диззи Гиллеспи (1917–1993) — американский чернокожий джазовый трубач, руководитель оркестра и композитор. Мао Цзедун (1893–1976) — председатель ЦК КП Китая с 1943 г. В 1954–59 гг. председатель Китайской Народной Республики. Чан Кайши (Цзян Цзешу, 1887–1975) — глава гоминьдановской администрации на о. Тайвань (1927–1949). Фидель Кастро Рус (р. 1926/27) — кубинский государственный деятель, премьер-министр (1959–76), председатель Государственного совета и Совета министров Кубы с 1976 г. Мартин Лютер Кинг (1929–1968) — один из руководителей борьбы за гражданские права негров в США, инициатор тактики ненасильственных действий. Роберт Ф. Уильямс (1925–1996) — американский борец за права чернокожего населения. Рой Уилкинс (1901–1981) — американский чернокожий борец за гражданские права. Норман Мейлер (р. 1923) — американский писатель.

— Почему я должен быть мертв? Не пони...

— Если бы ты пожертвовал своей жизнью, — перебил его Евнух, — мы по крайней мере могли бы тебя уважать. Мы сказали бы, что ты был человеком — великим человеком. Мы бы смотрели на твою могилу как на символ, на то, к чему надо стремиться, с гордостью... *с почтением!* Но ты, медлительное пресмыкающееся, осмелился цепляться за свою ничтожную жизнь, и стал старым, седым, жирным козлом!

Обвинитель прервался и стал мстительно поедать бобы, словно каждый боб был белым, и он приканчивал их ложками.

— Что это с ним сегодня? — спросил Обвиняемый, скривив лицо от нервного напряжения.

— Он болен, — сказал я, чтобы посмотреть, как отреагирует Неверный.

— Да уж наверное болен, — сказал Обвиняемый, неуверенно помешивая свой кофе. — Несет какую-то чушь о смерти и мертвецах.

— Да, я болен! — взорвался Обвинитель, почти задыхаясь, с полным бобов ртом. — Это от *тебя* меня тошнит, Мафусаил! Ты что, хочешь выиграть конкурс на самого древнего старика? Как ты заполучил свою седину? Как сумел выжить? Да. Я болен, болен, болен!

— Меня тоже тошнит, — вступил в разговор Евнух справа от меня. — Я болен, болен, болен!

— Я тоже болен, — сказал я.

— Что это за игра? — спросил Лазарь, пытаясь втихаря подпустить нотку веселья. — Не знаю такой.

Мы были жестоки, мы это знали, потому что раньше проделывали то же с другими. С одной стороны, мы играли с ним, изучали его, тестировали, пробовали на зуб, но на другом уровне мы были смертельно серьезны. Лазарь, уловив двусмысленность, смешался.

— Ты знаешь, в чем разница между *гориллой* и *герильей*? — спросил Обвиняемого Евнух справа.

Обвиняемый, казалось, обдумывал ответ.

— Я дам подсказку, — сказал Евнух. — Ты — горилла, а герилья — это все то, чем ты не стал.

Обвиняемый открыл было рот, чтобы ответить, но Евнух слева от меня, бросивший первый камень, заткнул его:

— Герилья — это человек, — рявкнул он, и глаза его горели огнем, — а ты — ты просто уродец!

Последовало углубившееся вовнутрь, погруженное в себя молчание. Одна мысль о крови, пистолетах и ножах, кнутах, веревках, цепях и виселицах, криках, ночных налетчиках, страхе, полицейских дубинках, собаках и пожарных шлангах, огне, ранах и бомбах, изнасилованных женщинах, кричащих от боли старухах, лжи, насмешках, вымороженных мальчиках, впервые загоревшихся желанием, вырванных с кровью надеждах юношей, выжженных стариках, опороченных девочках с вырезанной душой...

Прошло немного времени, и я безучастно спросил Обвиняемого:

— Ты ударил хоть раз черную женщину?

Словно бы щелкнул переключатель: глаза вспыхнули, встревоженные поворотом, который он охотно принял за перемену темы — и Лазарь заглотил наживку. Его глаз стал дергаться как-то злобно; он склонился к столу и сообщил доверительно:

— Хотел бы я получать монетку каждый раз, когда шлепал сучку по заднице! Я был бы так богат, что вы, придурки, записывались бы ко мне со своими вопросами за полгода, не говоря о том, чтоб сесть со мной за один стол!

— Твою проблему, Лазарь, решил бы точный удар ятаганом по шее! — прошипел Обвинитель, Евнух слева от меня, дрожащими от ярости губами.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Обвиняемый, прикидываясь, будто ничего не понял.

— То же, что и я, — сказал Евнух справа. — Четыреста лет ты живешь со страхом перед рабовладельцем; пришла пора испытать страх перед своим народом!

Я никогда не терялся в пустыне и не бывал брошен на произвол судьбы в жестоком море, и тем не менее меня всегда утешало то, что я могу найти Полярную Звезду. Подобно Стоунхенджу или Солнцестоянию, Полярная Звезда дает ощущение своего места в Солнечной системе, поворота колес и сцепления шестеренок Вселенной. Не всякому дано насладиться рассветом у Стоунхенджа, но любая безоблачная ночь вознаградит каждого, кто хочет бросить взгляд на Звезду.

ПЕСНЯ АВТОСТОПЩИКА

Когда туман укутывает Первый Хайвей,
Словно занавес спадает на зарю,
Ко мне на трассе тянут пальцы тысячи теней,
Я вижу их и я говорю:
Я ваш поэт, мои родные и любимые, а вы мне дети.

С волосами огневыми, словно Моисеев куст,
Села рядышком с тобою девочка-близняшка.
Под огненной пудрой — пламя родственных чувств.
Ты родная плоть и кровь, я — твоя двойняшка.
Потому двойным повтором кончатся куплеты.

Вы — сироты эпохи без завтрашнего дня,
Шагаете по трассе, все печали гоня,
Собою зашиваете прорехи отцов,
В иголку вдеты, в иголку вдеты.

Я могла б нарисовать вам движенья четкий план,
Но понять и прочитать его мешал бы туман.
К тому же у меня отпадное перо,
Я знаю это, я знаю это.

Так шагайте же к пределам умирающей страны,
Снова лето встретит вас за поворотом недалече,
И янтарные улыбки живописны и смелы:
Пускай ваш хайвей и бесконечен (нет ему конца)
Остается небо с морем, и скала, и ветер.
Взять у ангела трубу — и дудеть бы, и дудеть бы.

ДУРЬ

Я не могу на деле посоветовать вам кислоту, потому что кислота стала почти бессмысленным химическим веществом. Первой кислотой, которой я закинулся, был “Сан-дос”, его скормило мне федеральное правительство во время экспериментов (ну что, Дядя? не надо вешать мне лапшу на уши, что, мол, наркота от дьявола; это *ты* меня посадил!..), и он был прекрасен. Каждая употребленная с тех пор контрабандная доза (за исключением, может быть, той, что сделал Оусли¹) была интересной, просветляющей, мучительной, странной и т.д., но ни одна не была такой же *чистой*.

То же касается псилоцибина.

И я не могу посоветовать скорости и коку, потому что я не импресарио.

И я сказал бы решительное НЕТ фенциклидину; не думаю, что с ним что-то не так кармически, но трип от него настолько долгий и нудный, что можно вообще забыть, кто вы.

И я не могу посоветовать депрессанты, потому что слишком многие мои друзья пошли с ними ко дну и вышли вон. Но знаете ли вы кого-нибудь, кто взлетел и вышел вон?

И я не могу посоветовать транквилизаторы, потому что я имел с ними дело только в психушке, где их использовали как химические дубинки и наручники.

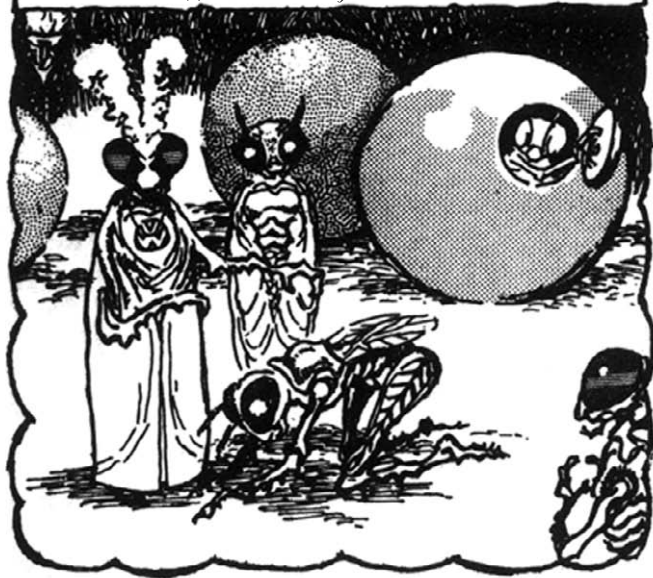
Но вот старую добрую траву я посоветую. Чтоб стать справедливым, но не безумным (а чем безумнее вы становитесь, тем безумнее вы становитесь), спокойным, но не тупым, внимательным, но не назойливым... курите траву.

¹ Стэнли Оусли (р. 1935) — культовый подпольный химик, производивший ЛСД в 1960-х годах.

GRATEFUL DEAD

МЫ ВОЗВРАЩАЕМ НАШИ ДУШИ СОЗДАТЕЛЮ; ПОКА МЫ СТОИМ НА
КРАЮ ВЕЧНОЙ ТЬМЫ, ПУСТЬ НАША ПЕСНЯ НАПОЛНИТ ПУСТОТУ,
ЧТОБЫ ДРУГИЕ УЗНАЛИ: В НОЧНОЙ ЗЕМЛЕ КОРАБЛЬ СОЛНЦА
ПОТОПЛЕН БЛАГОДАРНЫМ МЕРТВЕЦОМ...

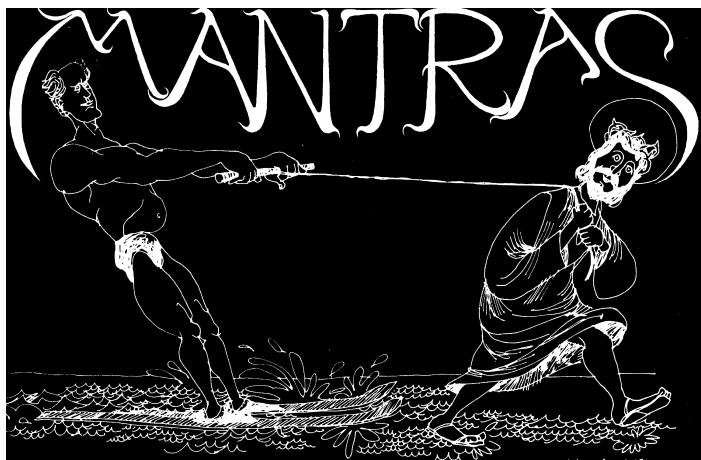
ТИМОТИ ЛИРИ

...ПЕРВОСВЯЩЕННИК

Старый Пого попросту вылетел у меня из головы, а вот о докторе Лири я не упоминал намеренно, хотя в моем личном списке Включений он стал тем, кем Васко да Гама должен был стать для Тура Хейердала². Не упоминал я о Лири потому, что оптический прицел нашей прессы вечно прочесывал пейзаж от Кливера до Швейцарии, а я

по личному опыту знаю: когда пытаешься укрыться от снайпера, неприятно любое внимание, как врага, так и друга. Сейчас Лири, кажется, нашел какое-то убежище.

- 1 Уолтер Крофорд Келли-мл. (1913–1973) — американский художник-карикатурист, известный своим комиксом про опоссума Пого и других персонажей, живущих в болоте Окифеноки, Джорджия.
- 2 Васко да Гама (1469–1524) — португальский мореплаватель. Тур Хейердал (1914–2002) — норвежский морской биолог и антрополог.

Я тараторю мантру вот так: о, я на скорости, видишь, я был под быстрым и старался направить буйную энергию на то, чтобы превратить сарай, в который мы наконец заползли, в сносное жилье... и вот несколько дней кряду мы с Гордоном Фрейзером пытались установить большое пластиковое окно, чтобы в холодную пещеру, где некогда хранилось зерно, попало хоть немного света, один раз рама оказалась слишком маленькой, два раза слишком большой, мы отсверлили себе пальцы, растеряли все инструменты, покрылись пеной, заикались, но в конце концов, как это бывает на скорости, если совместить химическую чистоту со спокойным усердием, мы завершили наш труд. Большое окно плотно сидело в раме и сияло. Мы распрощались, издерганные, но ликующие, Гордон поехал обратно на юг, а я пошел обратно домой и попытался дочитать роман Капоте «ХЛАДНО-КРОВНО»¹, который бередил и завораживал меня до зари, когда я вышел во двор выключить кем-то включенное радио, и оно играло «Сезон Ведьмы» «Пинк Флойд»², и мой хромой ворон Бэзил пожирал цыпленка!

1 Трумэн Капоте (1924–1984) — американский писатель. Роман «Хладнокровно» написан в 1965 г. (рус. пер. «Обыкновенное убийство», 1966).

2 Кизи путает: «Сезон Ведьмы» — композиция Донована.

Остаток дня прошел так же, в целом негативно, и на вкус он был как... как... вот оно! Привкус того же настроения, что заворачивал меня в “ХЛАДНОКРОВНО”! Ибо если литература и имеет какую-то власть, это власть воздействовать на сознание. И если мы испытываем на себе заворачивающее, но негативное воздействие, разве не проецируем мы это самое воздействие на свое окружение?

Ладно-ладно: мои глаза открылись, как бы теперь перевести их на что-нибудь позитивное? Можно ли *не думать* о левом глазе верблюда? Этот старый фокус дзэнских монастырей я однажды отработал, сказав: “Лады, предположим, что верблюд мертв. Наша задача, таким образом, сводится к тому, чтобы думать о левом глазе *живого* верблюда”. И если Капоте — мой мертвый верблюд, где мои живые верблюды?

Я зарылся в оккупировавшие сарай горы плесневеющих книжек. Выбрал три книги: “Консервный ряд” Стейнбека, “Стихотворения” э.э. каммингса и “ФРЭННИ И ЗУИ” Сэлинджера¹ — три старых друга, любой из которых, верил я, может заменить гниющие глазницы тридцати верблюдов размером с Капоте.

Я лежал в постели, надеясь соскользнуть в дрему, прочел несколько стихотворений каммингса, и мне опять стало хорошо. Я выключил свет, припомнил триумфальную установку окна и подумал, как здорово будет в сарае, когда я наконец-то положу на пол ковер и возведу вокруг камина такую полукруглую обводку из камней, я знал, где взять такие камни, надо ехать в горы Очоко, и камни я скреплю раствором, который будет светиться в черном свете, потому что я добавлю в раствор светло-вишневую светящуюся краску, и на свету раствор будет самый что ни на есть раствор, а вот если свет выключить, я увижу пирамиду, что поднимается над камином, и ее верхушка представляет глаз, который присутствует на вершине Великой Пирами-

1 Джон Эрнст Стейнбек (1902–1968) — американский писатель. Роман “Консервный ряд” написан в 1945 г. э.э. каммингс (Эдвард Эстлин, 1894–1962) — американский поэт, художник и драматург. Джером Дэйвид Сэлинджер (р. 1919) — американский писатель. Повесть “Фрэнни и Зуи” из цикла о семействе Глассов вышла в 1961 г.

ды, которая присутствует на обороте Государственного Герба, который вы можете увидеть на обороте каждого американского бакса... держись! Я не должен об этом думать! Это же те самые вольные фантазии, благодаря которым мы, ба-траки, с каждым годом все глубже увязаем в долгах перед жуликами из фабричной лавки Желания, Привязанности и Снодграсса¹! Я построил достаточно скоростных замков в завтрашних облаках и знаю, что двуглавый огр — единственный жилец, занимающий эту комнату, он всю ночь спорит сам с собой о том, какая голова съест *сегодняшнее* тут-и-сейчас дурака, строящего призрачный замок, а какая — *завтрашнее* тут-и-сейчас, в котором дурак обещал себе начать строительство.

Короче: можно ли не думать о левом глазе живого верблюда точно так же, как не думать о левом глазе мертвого верблюда? У меня не получалось. Как бы я ни пробовал перемывать мысли, они всегда мчались обратно, словно взвод маниакальных бобров — обратно к работе в сарае. Я обнаружил, что не только ловлю себя и задаю себе трепку за то, что вернулся туда, куда запретил себе возвращаться, но после этого ловлю того себя, который поймал другого себя, на том, что он поносит оформительские таланты первого меня и настаивает на *собственных* нововведениях! Никому нельзя доверять, заключил я и снова включил свет; с тем же успехом я мог читать третью книгу.

Фрэнни Гласс опять в ресторане Сиклера, пытается примириться с повсеместным убожеством, которое Сэлинджер так точно умеет описать, надеется понять, отчето на нее накатывает тошнота верхушки американского среднего класса, и старается объяснить своему приятелю антитезис тошноты, “иной план”, который она находит в маленькой книжке под названием “ПУТЬ СТРАННИКА”². Странник, похоже, положил *многие годы*, чтобы произнести вслух пустяк под названием “молитва Христова”, пони-

1 Уильям Девитт Снодграсс (р. 1926) — американский поэт.

2 “Путь странника” — название английского перевода (1931) книги неизвестного русского автора “Откровенные рассказы странника духовному своему отцу”, написанной во второй половине XIX в.

маешь... то есть он проговаривал ее, куда бы ни шел... и никогда не останавливался... пока не дошел до того, что повторял ее все время, как будто, как бы сказать, это билось его *сердце*! Ну вот, и так он бродил по России, и излучал на всех свое *доброе дело*, понимаешь, и никогда с ним не происходило ничего, э, *неблагоприятного*, и...

Ее приятель не впечатлен. Немного взволнован тем, что вся эта мистическая чушь может расстроить его зазною и, как следствие, весь день с Игрой в Возвращение Домой и Последующим Танцем и все такое — но не впечатлен. Фрэнни, напротив, очень впечатлена и заканчивает рассказ, героически пытаясь успокоиться, и шепчет молитву, сидя на толчке в дамской комнате.

Я тоже был впечатлен — настолько, что выключил свет и попробовал действовать по методу странника. Снова и снова я прокручивал в голове тринадцать слогов: Господи Иисусе Христе Помилуй Мя Господи Иисусе Христе Помилуй Мя... Другие мысли попрыгали в стороны, стараясь понять, что же происходит, встрять с комментариями, завлечь меня куда более важным витанием в облаках, но я всегда себя одергивал. Разница на этот раз была в том, что я не продолжал витать в облаках под аккомпанемент лекции о том, что же я сделал не так, и обещаний в следующий раз сделать все как надо, но сразу возвращался к молитве, подчеркивая чуть-чуть слово “помилуй”. Это было нелегко, но и нескучно, так что я продолжал молиться, хотя скакавшие мимо мысли становились все более оскорбительными и высмеивали всю затею, возвращая меня к большому окну: “Недоделал, придурок? на югах на хлопке из черных еще никто не разбогател!” Господи Иисусе Христе Помилуй Мя Господи Иисусе... “Подымайся, прими три таблетки аспирина и встань на голову...” Помилуй Мя Господи Иисусе... “Эй! Позырь-ка на вот эту колоду острого секса. Здесь только пятьдесят три, но половина из них — *она*, а половина — *я*, и если мы найдем недостающего, а это, кстати, *ты*, у нас их будет пятьдесят *две*, и мы сыграем в солитер, забудь ты эту молитву...” Христе Помилуй Мя Господи Иисусе Христе

Помилуй Мя Господи Иисусе Христе Помилуй Мя Господи Иисусе Христе Помилуй Мя Господи...

Затем наступило “позже”. Я резко поднял голову: я что, видел сон? Нет, потому что я не спал. Тогда где была моя голова? Из какого великого путешествия я только что вернулся, если память моя опустошилась, и все озарялось светом? (Дверь извечно открыта, и свет драгоценных камней сияет сквозь проем, словно маяк, но неоновые вспышки по обе стороны Бродвея отвлекают наше внимание, и ловкие сутенеры с опытом в шестьдесят веков зазывают, вгоняя нас в каждую щель в стене: “Беги сюдой, паря... чево тебе хоча-то? давай, заваливай, у нас все ессь...” Как нам обрести путь к истинной двери? Только заставляя себя *разворачиваться* всем существом к образу пусто-Ты. Мантра — это песня-девиз возвращения домой; поглядывающие искоса зазывалы, слышав ее, немеют и живо сваливают прочь с дороги. Если твои бухгалтерские книги кривы, ты не жаждешь вступить на путь человека, что говорит с Аудитором. Неоновые лампы робко шипят и гаснут: кто будет продавать зажигалку солнцу? Двери закроются и съедятся — аренда все равно не плачена в срок, — а прямо перед тобой возникнет Истинный Путь, величественнее и ярче Тысячи Белых Путей, и ты восхитишься: “Какого черта я его проглядел?” — и тут же неонки снова ослепят тебя, и из десятка пышных парадных выскочат зазывалы, истекая слюнями от наслаждения невиданной честью объяснить тебе все наново. Но ты, ковбоище, лучше утекай со всех ног в свою мантру и чисти сапоги, чтоб успеть прежде, чем тебе в лицо направят большой прожектор. Ты бывал перед ним раньше; он всегда появляется за секунды до рая.)

Эта мантра не продается. Хорошие мантры не выставляются на продажу. Кто может продать тебе *твои с тобой* отношения?

ЛОРД БАКЛИ, РОЛАНД КЁРК¹

и,

специально для и во что бы то ни стало... хм-м, да уж, учитывая, как оно все тут *покамест* сложилось, объявлю особо —

► НИЛ КЭССАДИ ◄

- ¹ Ричард Мёрл (“Лорд”) Бакли (1906–1960) — американский эксцентрик, артист разговорного жанра. Рахсаан Роланд Кёрк (Роналд Кёрк, 1935–1977) — американский слепой джазовый саксофонист, игравший на нескольких инструментах одновременно. Две перемены имени были подсказаны ему во сне.

...дам ди дам ди дам мудрая старость почти все время просто старость обычная ординарная что-еще-нового? дам ди дам ди дам никогда ничего особенного потому что все всегда проходит дам ди дам ди дам и даже когда кажется что все идет дам ди дидл с каким-то переподвывертом, все равно оно идет дам ди дам ди дам и никто в жизни не поумнел бы, кабы кое-какие неприрученные мозгоебы не прошли мимо, мурлыча дам ди дам ди поезд тронулся малыш — шагай живей; чего стоишь? — ты все равно не на тех путях, *особенно* учитывая, что эта вот дам ди дам дрянь на деле *минувала* станцию когда Макартур покинул Батаан в сорок втором¹ так что нам воротиться недосуг, друг; лучше просто идти вот по этому пути и всегда вертеться на кончике твоего *лукавого языка*², так?

Эти менестрели среди нас — инструмент наиболее редкий и ценный. Языки без подвесок и трения; сознания без тайников. Не нужно ничего исправлять. Ничего не потеряешь — терять нечего, и удерживать тоже. Кому охота, чтобы трясуший редакторишка вгрызлся ногтями в мякоть, проверял унитаз? Да чего ты пристал, дерьмо как дерьмо, скажешь нет? Да если и нет, как еще с ним работать, если его оттуда не вынимать? Медитация? Ну да, ну да, а вы пробовали медитировать на ящик с непонятками? Резать и клеить на манер Берроуза? Вам, вероятно, да, но если вы на самом деле изнемогаете по доброму чистому трепету, восторгу, абсолютно незамутненному позитиву — ну, возможно, э, может быть, *чутьочку* напряжному (скорость? ужасы!) — энергия, залезай, цепляйся — *сведи* за микроавтобусом, идиот! — но если даже *чутьочку* напряжному, ничто же не мешает — хоп! чевотам? *Сведи* за дорогой, идиот! — воспринимать его адекватно если он жжет направо спереди не срезай огибай *полный левый поворот!* — есть полный левый, сэр — *полный левый на девяносто градусов* (“фокус в том,

1 Когда американский флот терпел поражение на Филиппинах, генерал Дуглас Макартур отсиживался на удаленном острове; единственную вылазку на фронт он совершил в 1942 году — на Батаан.

2 Аллюзия на Псалом 119.

вождь, чтобы сделать зиг, когда они делают заг”) до полного сатори по самую рукоятку.

Если хорошенько поискать, можно найти много воспоминаний о Лорде Бакли; и если вам повезет, вы услышите Роланда Кёрка, играющего ЖИВЬЕМ, словно багровый человек-вулкан, исплевывающий музыку во все стороны в минуту, когда вы посчитали его спящим; а вот Нил Кэссади удручающе разбросан. Пленки и фильмы из проказнических архивов перли и брали взаймы, и теперь уже мало что осталось от некогда здорового собрания Кэссадианских Оригиналий. Тут вина библиотекарей, но бог его знает, уместно ли говорить о вине: нельзя долго хвастаться самым ценным своим тайником и не накликать ревизоров. Все, что мы, библиотекари, можем сделать, чтобы исправить ситуацию — дать обет не сидеть сложа руки, а также торжественно поклясться: если все ребята, у которых есть пленки Кэссади, пошлют их в “Бестрепетно-Триповый Треп”, угол 11-й и Джефферсона, Юджин, Орегон, мы сделаем с них копии и отошлем обратно все, что вы прислали, и возьмем на себя почтовые расходы, и *плюс к тому* вылезем вон из кожи, чтоб отредактировать записи Нила наилучшим образом. Дополнительный стимул: мы бесплатно вышлем записи всем отозвавшимся.

Он, ребята, был крут как никто. Чем больше лет проходит после его смерти, тем ясней я понимаю, как крут он был, и всякий раз, проникая на девственную, по моему мнению, территорию, я обнаруживаю родные следы неутомонных подошв Нила, что успели истоптать лучшие долины. Я хочу сказать, друзья и соседи, что он был *крут как никто*, он был геройский герой, и рассказы о его подвигах будут реять окрест нас всегда (однажды ночью на темных тротуарах Грант-Авеню неуемный Кэссади нарезал круги вокруг Ленни Брюса¹, а того так плющило, что он и не заметил,

1 Ленни Брюс (Леонард Алфред Шнайдер, 1925–1966) — американский комик и сатирик, знаменитый как выступлениями за гранью фолла, так и арестами, которыми эти выступления заканчивались. Умер от передозировки морфия.

какие ковры из слов плел маньяк в футболке, решивший засвидетельствовать Ленни свое почтение... Или: муниципальный судья один раз спросил — и это была его ошибка: “Мистер Кэссади, что нужно было делать, чтобы получить *двадцать семь повесток за нарушения правил дорожного движения* в течение месяца?” — и Нил приступил к обстоятельному ответу, подробно описав, как получил первый вызов в суд за то, что проигнорировал знак “стоп”, “потому что, видите ли, как потом было доказано в суде — вы найдете протокол в архивах округа Марин за декабрь шестьдесят седьмого года, ваша честь, если захотите, — за несколько минут до сомнительной повестки в машину врезался автопогрузчик, и хотя суд решил, что я невиновен, из-за канцелярской волокиты меня временно лишили водительских прав, а *следующую* повестку я заработал из-за прокола правой задней шины, потому что патрульный привез нас на парковку “А-и-Р”, кажется, на углу Гроув и Университетской, всю усыпанную битыми бутылочными стеклами — но патрульного я, разумеется, не виню; было темно — и этот прокол шины привел к третьей повестке за препятствие дорожному движению, потому что проявился он не сразу, а только через час в утренней пробке на мосту Бэй-Бридж...” — и так далее, и так далее, от одной катастрофы к другой, точно озвучивая число, время, названия улиц и попутно вспоминаявшиеся имена полицейских на случай, если судье это чем-то поможет (Кэссади прочел все девять томов эпопеи “В поисках утраченного времени”¹ и, подавшись на уговоры, выдавал длинные прустовские пассажи со скоростью пулемета), а судья нависал все ниже и ниже над столом, уставясь на виртуоза [“Ничего особенного, Вождь, — делился Кэссади позже, — даже дурная собака тебя не укусит, если умеешь ее уговорить”] в изумлении. Когда Нил закончил, судье ничего не оставалось, кроме как тут же отпустить его на все четыре стороны), но истории

1 Цикл романов французского писателя Марселя-Валентина-Луи-Эжена-Жоржа Пруста (1871–1922) “В поисках утраченного времени” (1913–1927) насчитывает семь книг.

эти уже сбиваются с маршрута, который Нил держал в голове. Только через настоящий скрежет трансмиссии, одышку и дребезжание его голоса высокого сжатия вы можете причаститься настоящей проповедью, с которой Нил бесшабашно въезжал в каждое встреченное на пути человеческое препятствие.

В общем, у кого есть пленки — пришлите их нам, а кто не слышал Кэсади — ну же, продолжайте на нас давить; это “ну же” — ваше по праву. Нельзя укрывать то, что очевидным образом предназначено для всех! Луна не становится собственностью залива, как бы ни процветала реклама во время очередного лунного запуска. Плетеный стул ван Гога изменил восприятие всего мира¹. Так отряхнемся же от наших сокровищ; даже самый удобный стул в мире в конце концов дарит тебе геморрой. БИТ, угол 11-й и Джефферсона, Юджин, Орегон. Архивы для всех.

...ХВАТИТ!

¹ Имеется в виду картина голландского художника Винсента ван Гога (1853–1890) “Стул” (1888).

ИНСТРУМЕНТ ИЗ МОЕЙ КОРОБКИ

Ломоть хлеба, кувшин морковного сока и покрытые мехом чашка, блюдце и ложка — вот все, что мне нужно.

“Я много лет пудрю яйца кукурузным крахмалом!”

— утверждает известный писатель и экобогослов Кен Кизи.
“Бывает же, что вы запарились, нервничаете, скажем, едете по очень длинному шоссе или сидите в зале суда и не може-

те расстегнуть ширинку, чтоб хорошенько провентилировать хозяйство, и ваши употевшие шарики липнут к ногам. Горсточка старого доброго кукурузного крахмала по утрам — и легкая сухость на весь жаркий день вам гарантирована! Крахмал куда эффективней талька, к тому же от вас не будет разить детсадом. Хорошо также пудрить крахмалом подмышки, стопы и раздраженные детские попы, на припудренное тело отлично натягиваются неопреновые¹ гидрокостюмы. К тому же крахмал быстро биоразлагается”.

Покончим с этим литературным балаганом! Пора на него забить и перейти к нашему ящичку с мелочевкой. Можно было бы сказать, что в нем собрана всякая *мелкая* всячина, если бы не царственное положение особ, по турбулентным следам которых я шел, подбирая жалкие клочки нимбов.

Первая особа — Кизи. С ним понятно, он хозяин, и воспроизведенные попутно старые журнальные статьи могут сложиться в нечто вроде висячего моста между Сценарием и Разделом “Приложения” данной Распродажи; возможно, вы заинтересуетесь толикой тюремных записок и парочкой безделиц местного значения, которые никогда не публиковались в федеральных таблоидах.

Следующим в списке Всякой Всячины идет парень, о котором вы *точно* читали, но который пока не попадался вам на глаза; фрагменты и лоскуты его в корчах просят воли, и хотя нам поступила жалоба на то, что мы публикуем старье, ниже тем не менее воспроизводится письмо, которое Нил Кэссади написал Кизи в 1965 году, и которое Кизи не прочитал (оно было перехвачено неизвестными недоброжелателями), пока ему в руки не попала “ПЕРВАЯ ТРЕТЬ”. Если вам захочется прочитать другие тексты Кэссади, сходите в книжный и закажите там эту книгу.

Временами к нам заскакивал Аллен Гинзберг, вот мы и решили включить в книгу пару его заскоков; каламбур вышел непреднамеренно. (Аллен, я вижу тебя каждое утро,

1 Неопрен — теплый и эластичный синтетический материал.

когда сижу в ванной, ты взираешь на меня с приклеенной на сушилку картинки: голый, одна рука вытянута ладонью вперед, другая ладонь, отставленная на девяносто градусов, прикрывает лобок.)

Я знаю, вы удивляетесь: “Хорошо, обо всех этих парнях мы слышали, а Хью Ромни — это что за хмырь?”

Для начала я скажу, что у него не все в порядке с головой. И он ужасный наглец. Но такой забавный, что его на следие, пусть и весьма серьезное, помещено перед Кэссади, а не в конце Лота, как утверждают обложка и содержание.

Вы правда хотите знать, кто ж такой этот Хью? Ладно, я расскажу вам все, что узнал от моего друга, антрепренера-подпольщика, Старого Бугера-Вугера, который одно время устраивал вместе с Хью Ромни ночные комические шоу в лос-анджелесских театрах, а потом отправился в собственное турне по стране на старом армейском автобусе...

“Свободная Площадка”, как тогда ее называли, пережила свои звездные две недели летом в Вудстоке, после чего отправилась в Техас на Международный Поп-Фестиваль: в палаточном лагере, что был разбит на лужайке общественного парка, Старый Бугер-Вугер покачивался на переносной площадке, увенчанной цирковым брезентовым пологом; горели питавшиеся от фонарного столба лампы; развалившиеся на постеленных близ автомобилей одеялах техасцы пребывали в блаженной отключке, а на заре их разбудило “Усеянное звездами знамя”¹ на полную колоночную громкость, после чего раздались приветствия Старого Бугера-Вугера.

— Доброе Утро Всем. Добро пожаловать в самый большой в мире театр под открытым небом. Смелее в бой. Отливайте в пески, надевайте носки. Время чистить конюшни. Все на подъем. Вооружитесь мешками для мусора и поддержите порядок на территории.

1 “Усеянное звездами знамя” — государственный гимн США, утвержден Конгрессом в 1931 г., хотя до этого уже исполнялся в Армии и ВМС. Слова написаны Фрэнсисом Скоттом Ки в 1814 г. в связи с обороной форта Макгены во время англо-американской войны 1812–14 гг., позднее положены на музыку старинной английской песни.

Ко всеобщему удовольствию и изумлению, несколько девочек и мальчиков выскочили из спальников, чтобы прибрать лужайку в преддверии еще одного суматошного дня.

Так продолжалось всю неделю. В это же самое время на гоночном треке в пяти милях от лагеря рок-концерт, как и говорилось в рекламе, кренится в сторону дебоша и финансового спасения.

Хью Ромни, лежа на своей знаменитой спине на Свободной Площадке, лепечет и бормочет что-то в микрофон, спрятавшийся Старый Бугер-Вугер гогочет контрапунктом. Пожилой джентльмен с сожженными волосами глядит во тьму и кричит:

— Скажите, кто этот Бугер-Вугер, который все время визжит и клекочет?

В этот момент Старый Бугер-Вугер неизменно выходит на свет и позволяет взглянуть — всем на себя и себе на всех.

— Вот он я, — говорит он и ждет реакции.

Джентльмен улыбается, вспыхивая золотом в трепетном мерцании огней.

— У тебя классно выходит, слышь?

Старый Бугер-Вугер улыбается в ответ. С пола резко встает Хью.

— Если ты — Старый Бугер-Вугер в тени и на свету, может быть, я — Волнивая Подлива на полу?

— Ты — Волнивая Подлива, — милостиво уступает старый Бугер-Вугер...

— Погоди! Что я слышу? — говорит Волнивая Подлива, приподнимаясь на локте. Он слышит, как юнец предлагает кому-то купить косяк за доллар.

— Доллар за Косяк? — рывкает в микрофон Волнивая Подлива. — Неслыханно. Эй, парни с травой, кладите ее вот сюда в кучу, наделаем самокруток и будем курить ее Свободно. Это Свободная Площадка, нет?

Да; и все, у кого была трава, карабкаются на площадку, раскрывают мешочки, сворачивают косяки и передают их концентрическим рядам нетерпеливых пыхальщиков, которые прутся под низкий скрежет Волнивой Подливы и Старого Бугера-Вугера, тараторящих и кашляющих что твой зафузованный бас в знак одобрения мощного Субботнего Ночного Энергетического Прилива, что непременно принесет обещанное тяжкими трудовыми буднями веселье, если вы, братья-шмериканцы, правильно разыграете свои карты.

За одним сюрпризом последовал другой. Стоило только Бугеру-Вугеру решить соснуть чуток в своем автобусе, как огромный трубящий дизельный "грейхаунд"¹ обрушился на лужайку и изверг великих людей из высших сфер в хаос Свободной Площадки (этот сюрприз подготовил Хью Ромни, договариваясь насчет лужайки); намарихуаненная шпана, осиянная Би Би Кингом, Джонни Уинтером² и аккомпанирующим Блюз-Бэндом, бросилась врассыпную, уступая место ударной предрассветной музыке.

Но не Волнивая Подлива. Когда Старый Бугер-Вугер опять добрался до Свободной Площадки, Би Би Кинг сидел на своем "фендеровском" усилке, глядел на Волнивую Подли-

1 Междугородный автобус "Грейхаунд Лайнз" — крупнейшей автобусной корпорации США. На эмблеме компании изображена бегущая борзая.

2 Би Би Кинг (р. 1925) — американский певец, блюзовый гитарист, композитор. Джонни Уинтер (Джон Доусон Уинтер III, р. 1944) — американский блюз-гитарист и певец.

ву и улыбался: “Если хочешь быть Волнивой Подливой на полу — будь Волнивой Подливой на полу”.

Когда все закончилось и “грейхаунд” отбыл в солнечный свет, Волнивая Подлива положил руку на плечо Старому Бугеру-Вугеру и сказал:

— Слушай, ты назвал меня Волнивой Подливой, а Би Би Кинг с этим согласился; значит, это я и есть.

Старый Бугер-Вугер в безумном запале тоже положил руку на плечо Волнивой Подливе.

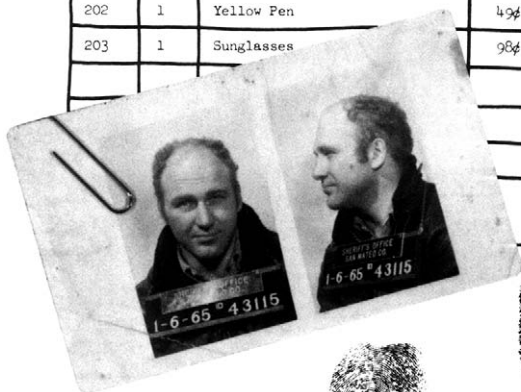
— Нет. Не для меня. Ты сейчас не на полу, ты драпанул в утро. Как ты был Хью Ромни, так им и останешься.

Затем они разошлись, но имена и лица остались где были — перед камерой и микрофоном на штативе, и Волнивая Подлива верен своей волнивоподливности по сей день.

Везде, кроме двух мест. Первое из них — сердце его матери. Второе — раздел со всякой всячиной, формально озаглавленный

ЛОТ НАРАСХВАТ НОМЕР 4

PROPERTY VOUCHER			
This property is ☐ EVIDENCE ☐ DECEDENTS PROPERTY ☒ OTHER			
Item #	Qty	Description	Value
201	1	Whistle	49¢
202	1	Yellow Pen	49¢
203	1	Sunglasses	98¢

Бастions

ТОМ 6, НОМЕР 4

НОЯБРЬ 1967 ГОДА

Камера А — ВПЕРВЫЕ

Аренда что надо —

“Как же ты так

уходишь от нас —

как же ты так

уходишь от нас,

это же лучшая

из всевозможных

тюряг.

приходят уходят

переполняют

матерые воры

небитые воры

негры спокойны

они Все Знают.

— Похоже на мистера К.

— Что ты делал в камере А?

— Я попал под дерево. Теперь меня просветят рентгеном и увидят, что я псих. Последние два дня я как стиральная машина.

— Эй, Вертухай, — вскрикивает кто-то где-то. — В К2 только что замочили чувака.

А я

“Секи!

Ты любишь крабов?

только что стал

весьма подозрителен

к крабам

цырк

цырк

Эти уебки вкусные! Особенно в хорошем гамбо с какой-нибудь креветкой”.

Только не *эти* Крабы.

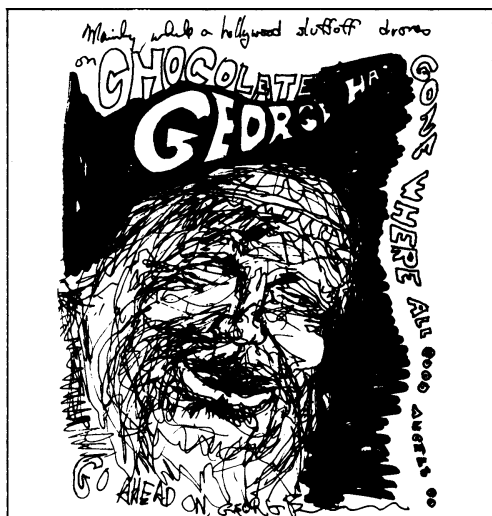
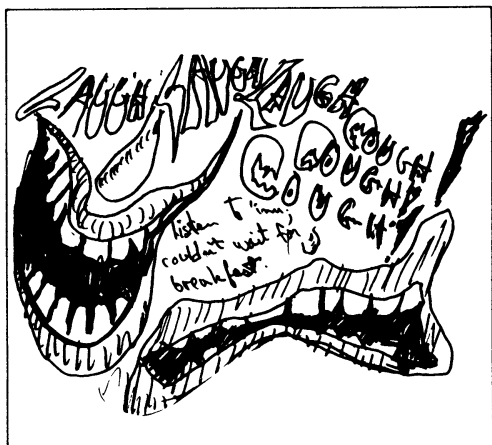
Но слушай: у меня нет привычек. Я не буду бегать во круг и закатывать опилки в кусок бумаги.

ХИППИ в КАМЕРЕ ПО СОСЕДСТВУ:

Я только слушал свое стерео на средней громкости, а этот убог давай колотить в дверь...

— Ты собираешься гонять свое убищное радио так громко каждую ночь?

— Помилосердствуйте, порой я действительно буду включать его по ночам.

СЛУХИ из тюрьги:

70¹/₂ галлонов молока прибыли на кухню в среду, в четверг их осталось пять. Кто совершил сие ужасное деянье?.. Корк желает знать. И находит пустую молочную бутылку на заднем крыльце бараков С — и пустую коробку из-под кукурузных хлопьев.

— Нас подставили, — говорят бараки С.

— Поглядим, — говорит Корк. — Мы сняли отпечатки с этой бутылки и прочесываем Редвуд. Если там есть люди с отпечатками — пусть ждут серьезной предъявы.

Мимо идут два охранника:

— Да, я его сделал.

— Размах и все такое — и сразу после этого я увидел оленя с только что разветвившимися рогами на расстоянии трехочкового броска.

(Иные дни — сплошное невезенье)

Так или иначе, а молоко в конце концов повесили на Фрукта, параноидального кота, который живет под нашими бараками.

Кто еще этой ночью в Редвуде, как не Чанг, тот самый человек, из-за которого Паркер слинял с зоны, лишь бы с ним не встречаться. Кажется, Чанга оскорбило поведение Лоджеса, который сидел в машине с сестрой его жены в день свиданий, когда жена Чанга пришла его навестить. Я был свидетелем части этой сцены: Лоджес, миловидный негр-наркоман в тонких синих солнцезащитных очках, заимевший привычку ходить с чуть откинутой назад головой, смотреть на всех через очки и шепотом мурлыкать “Чел Чел”... пару последних полнолуний он провел в камере А в компашке достаточно дружелюбных негров и ходит теперь вдохновленный.

— Он не курит, но любит “ЗуЗу”, всякие сладости — сникерсы, леденцы, рафинад, и он не поет с другими неграми обычные номера “Мираклз” и “Темптейшнз” — просто смотрит спокойно и холодно сквозь синие очки — эдакое громадное черное дитя цветов, не знающее, где его корни

И вот когда Самурай Чанг, крепыш-плохиш нашей тюряги, говорит:

— Держись подальше от машины моей жены, — и кажется кенжик, Лоджес не трясется и не дрожит, он говорит:

— Чел, ты не понимаешь, с кем разговариваешь, — парням становится даже интересно, кто этот странный синий чувак, с которым Чанг разговаривает.

Но Чанг упирается рогом. И Лоджес ведет себя все так же странно, нагло и круто, он говорит:

— Ты не знаешь, что я для тебя приготовил, — будто мурлычет “Чел Чел”, и все ребята говорят:

— Бей его, Чанг! Покажи ему, Чанг! — и Чанг бьет его, и они сходятся, и каким-то образом палец Чанга попадает в рубашку Лоджеса, тот выкручивает его и говорит:

— Надеюсь, ты эту блядину себе сломал.

И Чанг, в изумлении глядя на свой мизинец, что вывернулся задом наперед в его огромной самурайской лапище, говорит:

— Похоже, я и впрямь эту блядину себе сломал.

И идет к доктору с Розхарном, которому пропылесосили кровь после грязной иглы.

Утро —
 Прожекторы нам сообщают
 Эта земля твоя земля
 эта земля моя земля
 и
 слава Господичертвозьми
 и

Этот старый чувак говорит о том, что его жена была хорошим вором *хорошим* вором, пока не начала ширяться хрусталиками.

Эту землю сотворили для тебя и меня достигает апокалиптического климакса на станции КРЕН — и утреннее солнце пробивается через решетку с грохотом словно крупнокалиберная винтовка, а мы ждем нашу утреннюю кашу — по-

прежнему в камере А, по-прежнему небритый и потерявший надежду на просвечивание головы рентгеном — (дерево ударило меня по голове, хм ну-ка посмотрим, должно быть, это был вторник на неделе — “зип а ди ду да” я подхватил песенку в день после того и должен был пойти к доктору на следующий день, но не пошел, потому что Рэк задержался и меня, блядь, втянули в собрание группы — надо было думать после удара в голову — я там был как жемчужина среди старых илистых устриц, и Флекнер указал на меня, и я отвел на них душу. Сказал им, что это было и где это было, и даже раскрутил бутылочку от “Табаско”, чтоб доказать, что прав. “Чух-чух-чух”. И Рэк меня не поджидал. И я не пошел в пятницу, не желая пропускать свидание. Я пошел утром в понедельник. Я увидел доктора во вторник, и он назначил мне рентген — И вот пришла блядская пятница, и Если я не получу рентген утром, пропущу Свидание и закахну, я страдаю на выходных в старой камере А — но наша каша наконец прибыла.

Последний Каталог Всея Земли

доступ к инструментам

ПЯТНИЦА, 10-е ОКТ.

КАМЕРА “А”

МОЖЕТ, В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

И вот я вхожу, одетый как обычно, по-уличному, кожаные полосатые штаны и туфли, свисает свисток, Сермен коротко смотрит на меня, его и без того каменное лицо замерзает даже пуще прежнего.

— Хорошо, Кизи, давайте все сюда.

— Что? — Обычно заслуженным сидельцам позволяют пронести что угодно, кроме часов и ножей.

— Все. Я не хочу, чтобы вы там свистели в этот свой свисток.

— Ладно, тогда выдайте мне квитанцию.

Он ровно и неколебимо смотрит на меня через решетку. Вырывает кусок бумаги из блокнота и вставляет его в пишущую машинку.

— Один Свисток, — говорю я. Он не печатает. — Одна желтая ручка. — Он пристально на меня смотрит — холодная недвижная скала. — Ну же, я хочу квитанцию. — Я беспокоюсь за две мои тюремные записные книжки, и мы оба это знаем.

— Просто положите все в лоток, — говорит он. — И сымайте куртку! — Он выходит из своей клетки. Я снимаю кожаную куртку. — Руки на стену. Разведите. — Он пинает мою ступню. — Сейчас же. Не двигаться!

Из обыска он устраивает целое шоу. Достает ручки, солнечные очки, платок, все. И две мои записные книжки, сложенные в прощальную открытку, которую нарисовал Фастено и подписали ребята из тюрьмы.

— Слушайте. Я получу квитанцию на это имущество.

— Пока вы тут, будет по-моему, — извещает меня Сермен. Никакой злобы в голосе. Никакого гнева. Просто твердокаменная информация — и спорить тут не о чем.

— Хорошо же. — Я поднимаю свои записные книжки. Показываю их охраннику Соберу. — Будете свидетелем. — Остальные ждут в приемном коридоре. — Парни, видали? — Затем передаю записные книжки Сермену.

— Думаете, остаток вашей книги выйдет в “Бастионах”? — спрашивает охранник Собер.

— Нет, это будет отдельная книга.

— Тогда вы должны изменить заглавие.

— Не изменю — на что спорим? — говорю я, наблюдая, как мои ручки и записные книжки исчезают в окошке клетки.

— Ладно, Кизи, можете двигать. Следующий.

Я иду в камеру А. Шестерь по-прежнему тут. Сейчас он хандрит. Но все еще пытается бодриться. Один за другим показываются другие ребята. Со всеми ними Сермен обошелся точно так же — забрал сигареты и все остальное.

— Простите, что так вышло, — говорю я им. — Мне надо было стоять в хвосте, чтобы вы прошли первыми. Но он увидел мой прикид и помешался, и ему ничего не оставалось, кроме как поступить с вами так же.

— Ага, — говорит Шестерь. — Держитесь подальше от Кизи, от него ничего, кроме беды, не жди.

— Кизи! — звякают ключи. — Тебя хотят видеть. Дверь открывается. Я следую за надзирателем туда, где ждет Миллз. Он говорит, что меня освободят в полночь. Кто вас отсюда заберет? Кто знает.

И он хочет взглянуть на мои записные книжки. Я настораживаюсь, но лучше он, чем Сермен.

— Идите вперед.

— В понедельник в 10.30 жду вас в конторе — подпишу бумаги об освобождении для Орегона.

Я отвечаю — хорошо. Мы недолго говорим о тюрьме. Я говорю, что все, что нужно тюрьме — это поддержка Редвуд-сити. Он экает и ыкает. Спрашивает меня, когда, по-моему, выйдет Книга. Кто знает? Когда выйдет, тогда выйдет.

— В нее войдет этот разговор. В нее войдет наш разговор утром в понедельник. В нее войдет ваша реакция на то, что вы читаете. Она закончится, когда все будет позади.

И Шестерь орет Кизи.

— Запиши это. Запиши это в свою блядскую книгу. Парень — я — парень играет в пинокль четыре с половиной месяца на вшивые медяки — четыре месяца и еще половина — и один из охранников недосчитывается пачки “Уинстона”, когда меня здесь нет, звонит вниз и спрашивает, какой сорт сигарет предпочитает Шестерь. Разве не свинья, а? Разве не сука?

Выходники — проносят внутрь Волю, чтобы ты мучался.

Можешь быть создан для двойного срока — нынешний срок и срок на воле — даже тройного, если добавить срок на той еще воле, который зовут виной. Но человек, который мотает срок прямо — отправляет в трип не долгий и не короткий, и мотает срок в Вечности, очень близко от рая.

Еще больше Выходников. Постепенно камера ими прорастает.

— Эй, вертухай, у нас хватает уебков — от стенки до стенки. — Шестерь умеет хныкать, его слова звучат радостным воплем голодающего.

Friday Oct 15

A tank

Maybe it's lost too.

And so I come in dressed in
my usual street business
leather, striped pants and shoes
whistle hanging out, Sermon
takes me look and his already
stony face freezes even harder.
All right Kesse, give me every
thing.

"What?" Usually the lost
the honor camp men take in any-
thing except knives or watches.

"Everything. I don't want you in
there blowing your whistle."

"Okay then, make me out a
property slip."

He gives me a steady unwavering
stare through the bars. Tears
a scrap of paper from a

Нетрезвую камеру переполняют
Убки от стенки до стенки, о ужас
Заместо ушедшего двое приходят
И головы шире, и камера уже

Клац-клац — домино по столу под решеткой
И негры напротив все режутся в кости
Ты кость раздоби, если смелый взаправду
Здесь Красная Смерть — слишком частая гостья

Три дня как вернулся я с воли в неволю
Прошу позвонить — не дают просьбе ходу
Преступность в квадрате — все та же преступность
Свободу убкам! Убкам свободу!

Дадут ли они мне рождественский отпуск?
Какие в баланду положат куски?
Возьмут они кровь или вытянут душу?
Распорют живот, перемелют кишки?

Какая-то сука сдала мои снасти
Быка окружили забором из кольев
Они разузнали о травке-муравке,
Что честно растил я в природном подполье

Мне дали в таблю и стянули одежду
Взорвали мой мир и сожгли мои всходы
Они воскресили во мне злого парня
Свободу уебкам! Уебкам свободу!

Пусть рыба, которая ловит быка,
Отложит свою козырную острогу.
Свободу придуркам с высоких трибун —
Достали играть во всеильного Бога

Уродец, оставь президента в покое —
И Джонсон оставит в покое Вьетнам
Свободу народу, свободу голубке
Свободу хипам и ядреным грибам

Эй, ты, кто гордится своим пистолетом
И ты, кто решил уничтожить уродов
И ты, пацифист с топором и кастетом
Свободу уебкам! Уебкам свободу!

11.30

После долгого разговора со Стульцем, чаще бормочущим всяческую чепуху, но иногда вступающим в Контакт, — назад в камеру А.

Датуш:

— Я бы не доверял Стульцу. У него кишка тонка. Он в душе слаб и пытается заработать репутацию на общении с тобой, Кен Кизи.

Я все это знаю. Но я знаю также, кем Стульц хочет быть — он хочет быть сильным. И я намерен поддержать его репутацию.

Потом — голос за решеткой:

— 11.30. Кизи? Да. Готовы? Как никогда. Тогда пойдёмте.

В приемный, где старый цветной чувак живо залезает в свою одежду. Документы печатаются за следующей дверью. Ритуал бюрократического отпечатывания; кто оставил эти отпечатки на двери моей камеры?..

Цветной чувак — старый чистильщик ботинок упаковывает свою спецовку в черную картонку и перевязывает ее тряпкой. Его рубашка белым-бела и отлично смотрится. Его ботинки сияют сногшибательно.

— За что вы тут?

— О — я вытащил нож. Женщина позвала копов. Драки на деле не было. Убищно, но чего уж теперь?.. — Берет свою коробку и надевает шляпу. — Да, сэр, чего уж — теперь.

— Удачи вам.

— Я тут сбавил вес. И хорошо. Познакомился с хорошими людьми. Ну ладно...

Молодой негр останавливает его, дает ему свой адрес.

— Лучше печатными. Тогда я смогу прочитать.

— Не бери в голову, Папаша.

— Ладно...

Парень уходит.

— Черт подери глупую шлюху. Сколько в этой тюряге уебков. Ну — я готов. Пойду в город. Только бы не перепутать автобус.

Но никто его не зовет. Он набивает кукурузную трубку табаком, зажигает, идет к двери.

— Который час?

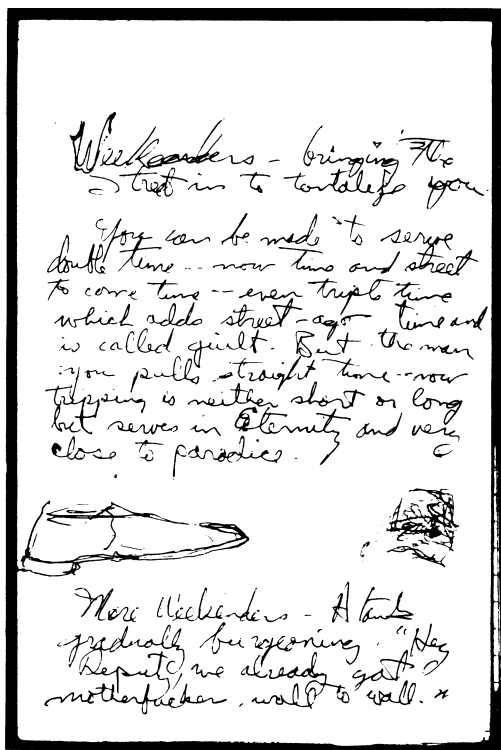
— Ровно 12, — говорит охранник.

— Ну — я готов.

— Если мои пришли, я прокачу вас до автобусной станции.

— Благодарю вас. Я не спал всю ночь. Только и делал, что следил за временем. За что вы тут.

— Дурь. Трава.

— Жаль. Зелень — вещь хорошая. От нее хорошо. Если бы Бог не желал, чтоб она росла на земле, она бы и не росла. Очень жаль. Сколько они вам дали.

6 месяцев. 1500 долларов. Три года на учете.

— Уебищно жаль.

— Ладно. Все прошло.

— Надо думать.

— Дэвис! — раздается голос бугая.

— Иду.

И я остаюсь один на скамейке с полунедопитой чашкой кофе, из которой все так же торчит ложка. Его печаль на полу. Полиэтиленовый пакет, в котором его костюм висел в углу.

— Кен.

СВОБОДНЫИ ТЫ

Выпуск 4 Номер 2

Упражнения По Творению

25 ц

Творение может получиться и у человека. Даже через временной парадокс. Ибо творение как процесс возмущает линейное время. Круги на глади пруда — не творение. Они пройдут. Или проходят, или прошли веточку, что существует в жемчужной южной заре. Веточка подтолкнула их прохождение, насладилась происшествием. Не сотворила ничего. Брошенный булыжник тоже ничего не сотворил, не больше, чем веточка. Вода и твердое тело прошли друг друга.

Однако ребенок, схвативший гальку, мог творить.

Как иногда я хватаю эту ручку и вовлекаюсь в творение.

Что мы можем уяснить из этого бочонка чуши?

Смотрите, как ребенок бросает камень. Ладно, представим себе, что ребенок только что забирался на холодильник и зачистил 17 печенюшек с гашишем, и что когда он подбирает булыжник, это не рассеянный случайный рывок, потому что ребенок не желает думать о съедении своей сестры. Никакнетсэр. Он видит, что камень довольно чистый. И гладкий как полдоллара, и пруд под носом приглашает к нырку. Ребенок ощущает указательный и большой пальцы, их чистосердечную поддержку, и увлекается действием — рука, глаз, пальцы, камень, пруд — столь полно, больше не ощущает ничего. Он уже не переживает. Он творит. И рождение между пальцами и камнем продолжается — не то что у отмеченных пунктов или веточек. Устремление камня вниз творит сопровождение руки. Успех творит нырок и опять кружит круги.

Тьма идет домой камень среди дюжины других пруд гладок. Творение все еще воспринимаемо мальчиком. Словно солнечный свет остается в полудночном листе.

По-прежнему кувшин чуши?

Угу, но где-то здесь есть нечто; ты же не можешь бродить с фонариком по кладбищу безо всякого обоснования.

УПРАЖНЕНИЯ ПО ТВОРЕНИЮ:

1. Прекрати нервничать. Почему? Ты еще не прекратил, не так ли?
2. Забудь Упражнение 1.
3. Хром на выхлопной трубе большого глянцевого ухоженного мотоцикла. Видел разводы от жара?
4. Закрой глаза. Представь, что перед тобой стена. Открой глаза. Стена отличается от воображенной картинке, или нет?
5. Снова закрой глаза. На этот раз нарисуй в воображении громадный собор. Не торопись. Ты не должен ничего копировать и можешь быть от и до оригинален. Теперь открой глаза. Теперь достань соответствующие материалы и построй собор, который спроектировал. Кажутся ли они одинаковыми?
6. Покажи и тщательно исследуй кал — лучше пинцетом, хотя достаточно будет и штопальной иглы. М-м... хорошо.
7. Выбери человека и реши, что ты ему скажешь при следующей встрече.

Подойдет любая запоминающаяся фраза. Вроде “Ваша проказа выглядит как нельзя лучше”. Или “Батюшки, я и не знал, что негры способны на нерасторопное движение”. Тренируйся произносить эту фразу, пока не будешь готов. Затем при следующей встрече не говори ничего.

(Это последнее упражнение курса, и студент должен посвятить ему соответствующее время.)

ЧУВСТВО СТРАНЫ

Июль — август 1970 года 25 центов

Аргус: Хочешь дать интервью?

Кизи: Ненавижу интервью. Я тебе вот что скажу про интервью: какие могут быть интервью в подпольных газетах?

Аргус: Верно. А в революционных?

Кизи: Абсолютно то же самое... Всякий раз, когда я засвечиваюсь в газетах, от них одни неприятности.

Аргус: Я прочел заметку про тебя в "Классных Временах"¹, она мне показалась достаточно сообразной.

Кизи: Я знаю, но это было ужасно — просто ужасно. Нет, ты не понимаешь. Ты идешь своей дорогой, просто шагаешь себе вперед, тут выскакивает репортер — и вот уже все похерено.

Аргус: Ладно, хрен с ним, я же не репортер.

Кизи: Ладно-то ладно, но ведешь ты себя чертовски похоже.

Аргус: Я только говорю, что...

Кизи: Чего ты хочешь?

Аргус: Информации. Чтоб поделиться ею с народом.

Кизи: Отлично, я готов обменяться информацией, но предупреждаю, толку от меня будет немного. Новые мысли не ночуют в моей голове уже много лет.

1 "Классные времена" (Good Times) — андеграундный журнал, выходивший в Сан-Франциско.

Аргус: Хорошо, расскажи о старых. О чем угодно.

Кизи: Старые мысли... Один мой приятель говорит, что, поскольку луна вошла в знак Водолея, а мы как раз послали на нее свою фиговину, луна влияет на нас на всех куда больше, чем мы думаем. Что на самом деле она жрет наши души, и скоро от нас останется мокрое место, как миллионы лет назад были одни лужицы, и луна будет кружить над всем этим каждые 28 дней, пока к ней не полетят кристаллы. А мы только что вышли из луны в Скорпионе в Огайо, где бились с одной компанией...

Аргус: Какой у тебя знак зодиака?

Кизи: Дева.

Аргус: Ты давно путешествуешь автобусами Свинофермы¹?

Кизи: Вообще никогда в них не ездил. У нас был свой “шевроле” 61 года, купленный в Цинциннати. Мы как раз пытаемся вернуться к тем временам и устроить все в наилучшем виде — уж насколько сможем.

У моего брата Чака сейчас туго со средствами. Надо к нему поехать, помочь с маслобойней. Он теперь делает йогурт, а у йогуртов совсем другая экономика. Он собирается продавать йогурты массе новых клиентов, у которых с деньгами не так хорошо, как у тех, с кем он имел дело раньше, но которые готовы наброситься на все новое — вроде ацидофильного йогурта. Если хочешь, расскажу подробнее. Когда ребенок рождается, у него в желудке уже есть бактерия, которая называется ацидофильной бактерией. Она есть абсолютно у каждого малыша, но когда этому малышу делают пенициллиновый укол, она умирает. И нужно ее глотать заново. Йогурт для этой цели подходит, но не совсем. Эта бактерия — старейший жучок в мире, вы можете заполучить ее почти с любым молочным продуктом. В общем, всякий раз, когда тебе колют пенициллин, от простуды там или еще от чего, ешь ацидофильный йогурт — и твое пищеварение улучшится.

Аргус: Ты, я так понимаю, расстался с политикой.

Кизи: Мою кандидатуру выставили на пост в школьном совете. Что значит — расстался с политикой?

Аргус: Будешь агитировать за себя и все такое прочее?

Кизи: Нет, агитировать вряд ли, но в выборах, может быть, поучаствую. Все-таки школьный совет. Мне сообщили об этом два дня назад.

1 “Свиноферма” — коммуна хиппи на севере Калифорнии, в которую входил и Хью Ромни.

Аргус: Слушай, а вот мне интересно — как ты относишься к политзаключенным вроде Джона Синклера¹, которых засадили в тюрьму, потому что они делали ровно то, что делаем мы все. Не хочешь организовать кампанию и вытащить его из камеры — или как?

Кизи: (поет)

По улицам гуляя, ты забудешь все заботы,
Когда идешь прямым путем, шагаешь как по нотам.
Когда идешь по жизни, играй в одну игру:
Смотри на бублик, а не на дыру.

Вот в этом, я думаю, смысл революции.

Аргус: Я ничего не понял.

Кизи: Ты из всех сил сосредотачиваешься на позитиве и стараешься сделать мир вокруг себя лучше. Когда приходят либералы и пытаются добиться чего-то сверх того, начинаются проблемы.

Аргус: Джон Синклер — не либерал, он революционер.

Кизи: Каждый из нас — революционер, начиная с того пещерного человека, который первым вышел из пещеры и накормил голодающего соседа. Верно же?

Аргус: Я не согласен. Что ты делаешь хорошего?

Кизи: Хм-м-м. Что я делаю такого хорошего?

Аргус: Что ты делаешь хорошего для революции?

Кизи: Хорошего для революции. Хренотень какая. Слушай, революция — это вот что. Она не начинается прямо вот тут и не заканчивается тут. Она началась вон там, и когда все наконец сошлось, она продолжилась во времени, и все встало на свои места.

Аргус: Что ты делаешь хорошего для людей, чтоб они в это поверили?

Кизи: Вчера мы отвели паренька по имени Тони, это негритенок, растущий без матери, в центр города и купили ему пиццу. А что сделал ты?

Аргус: Значит, ты говоришь, что тебе не интересны политзаключенные или люди типа Джона Синклера.

Кизи: Мне интересны люди, а не принципы.

¹ Джон Синклер (р. 1941) — американский поэт, одно время лидер “Белых Пантер”. В 1969 г. его посадили в тюрьму за продажу двух сигарет с марихуаной полицейским агентам. 10 декабря 1971 г. в защиту Синклера был проведен концерт, на котором выступили Джон Леннон и Йоко Оно; через три дня поэта освободили.

Аргус: Я хиппи, я думаю, Джону Синклеру тоже могли бы быть интересны люди, но он в тюрьге. Немыслимо.

Кизи: Послушай, вот скунсовая капуста¹ — в Орегоне в это время года ею жуть как воняет. И я совершенно не представляю, что тут можно сделать. Я подумал о скунсовой капусте. Ее вонь здесь очень и очень чувствуется. Но я выращиваю цветы.

Аргус: Это какая-то метафора насчет Синклера или что?

Кизи: Нет, просто всегда найдется кто-то, у кого есть свое мнение по тому или иному поводу. Это типа как разглядывать собачье говно под микроскопом. Рядом всегда есть кто-то, кто ходит с плакатом протеста, лишь бы не делать того, что надо.

Аргус: Я не хочу протестовать. Я хочу вытащить Бобби Сила² и Джона Синклера из тюрьмы.

Кизи: И я хочу, и заметь: я его туда не сажал. Я отсидел свои полгода и делаю все, что могу, чтобы в этой стране перестали сажать в тюрьму таких, как они.

Аргус: Что именно?

Кизи: Участвую в выборах в школьный совет, подсаживаю массу народа.

Аргус: На что подсаживаешь?

Кизи: На траву. Траве можно доверять.

Аргус: Собираешься в Вашингтон на “всеобщий перекур” 4 июля?

Кизи: Думаю, да, но рекламировать его я не буду.

Я думаю, это хорошая задумка — чертовски хорошая задумка. Не думаю, что она имеет отношение к революции, но в разумности ей не откажешь.

Аргус: То есть ты не считаешь...

Кизи: Слушай, почти все то, о чем ты говоришь, — это не революция, это простая работа. Революция — это когда ты... Я вот расскажу тебе клеветную историю. Три старых самурая поспорили о том, у кого меч острее. Они решили устроить соревнование и устремились в чащу. Тот, что был помоложе и предложил соревнование, вошел в реку, встал посередине, вынул свой меч и воткнул его рукоятью вниз в речной ил. Он взял кусочек рисовой бумаги, положил его на

1 С к у н с о в а я   к а п у с т а — народное название растения *Symplocarpus foetidus*, издающего во время цветения ужасную вонь.

2 Б о б б и   С и л (р. 1936) — американский борец за гражданские права, вместе с Хьюи Ньютоном основавший в 1966 г. партию “Черные Пантеры”. Сил проходил по делу “чикагской восьмерки” и был осужден на четыре года за оскорбление суда.

водную поверхность и отпустил плыть по направлению к мечу. Бумага подплыла к мечу, и меч разрезал ее пополам. Тогда в реку вошел второй самурай, постарше, воткнул туда свой меч и пустил бумагу по течению. Меч разрезал ее пополам, и когда половинки миновали клинок, они снова соединились. Тогда в реку вошел третий самурай, очень старый, меч у него был древний, ржавый и покоцанный. Он воткнул его в ил, пустил по течению свой кусок рисовой бумаги, тот подплыл к мечу. И обогнул его. Революция, новая революция, — это когда ты не принимаешь бой. То есть: если ты побывал за решеткой — не позволяй им тебя сломать. Не поддавайся гневу.

Аргус: Скажи это Хьюи Ньютону¹ и “Черным Пантерам”.

Кизи: Один раз Нил Кэссади ехал по центру Санта-Круса, его колбасило не по-детски, и он развернулся на 180 градусов перед книжным магазином. Понимаешь, что-то вроде: “Вы прекратили бить свою жену? Отвечайте да или нет”. Нила остановил полицейский, подошел и спрашивает: “Ты чем закинулся?” Кэссади говорит: “Обитрол, офицер, обитрол”². И коп говорит: “Ладно, вылезай”. Кэссади вылез, коп начал его обыскивать, Кэссади сунул руки в карманы, в которых было полным-полно таблеток. Он зажал таблетки в кулаках, нащупал у карманов дно, вывернул их наружу, рассыпав вокруг мелочь, запихнул таблетки обратно, начал собирать мелочь, заметался туда-сюда и в конце концов сбежал. Идти воевать нет никакого смысла. Тебя выдает взгляд и голос, но революция от всего этого далека. Всякий раз, когда наступаешь на кого-то, ты утрачиваешь доброту, так что лезть на рожон в ответ — это не выход.

Аргус: Как ты думаешь, полицейские, Ричард Никсон³, богачи-заправилы — они несут ответственность?

Кизи: Видишь ли, они люди, и как только ты проведешь черту и скажешь, что они не люди...

Аргус: Кто проводит черту? Кто бросает людей за решетку? Кто убивает людей на улицах?

Кизи: Какая разница?

Аргус: Ты не отличаешь угнетаемого от угнетателя?

1 Хьюи П. Ньютон (1942–1989) — основатель радикальной партии “Черные Пантеры”.

2 Обитрол — амфетамин.

3 Ричард Милхаус Никсон (1913–1994) — 37-й президент США (1969–1974).

Кизи: Ты говоришь о том, что нужно делать, о том, как все должно быть, а не о том, где мы сейчас есть и с чего должны начинать. Все дело в том, где мы — сейчас.

Аргус: Ты не думаешь о будущем?

Кизи: Думаю ли я о будущем? У меня трое детей. То есть я вложил-ся в этот мир. Я подрезаю мои деревья, хотя знаю, что урожая не будет два года кряду. Все потому, что я делаю все, что могу, чтобы мир стал лучше. Постоянно.

Аргус: Можно было бы копнуть эту тему глубже, но я хочу...

Кизи: То, что ты хочешь, ты получишь от кого-нибудь еще, потому что я тебе помочь ничем не могу.

Аргус: Я и не прошу помощи, я спрашиваю...

Кизи: Черт, ты ее практически требуешь.

Аргус: Я требую ответить на вопросы, потому что думаю, что ты обладаешь информацией, и людям она может быть полезна. Еще я думаю, что личное освобождение — замечательная штука, но она не может не повлечь за собой освобождение каждого на этой планете.

Кизи: Послушай, ты знаешь, чего не хватает этой стране? Вмения-мости. Если ты вмением, ты вмением, все остальное приложится.

Аргус: Бред.

Кизи: По-другому никак не получится. То, что ты делаешь, идет от сердца, а не от принципа.

Аргус: Ты считаешь, что революция идет не от сердца? Ты считаешь, что она ничего не значит?

Кизи: Нет, если от нее сводит живот.

Аргус: Хорошо, я могу согласиться: это плохо, когда сводит живот. Но кто виноват в том, что его сводит?

Кизи: Я провел в тюрьме полгода и все, о чем ты говоришь, познал на собственной шкуре не раз и не два, пока не понял: ты делаешь ровно то, чего они от тебя хотят. Хочешь, как говорится, влезть на елку и не ободрать жопу. Пока ты так себя ведешь, пока это твой выбор, пока ты принимаешь бой, всегда найдется кто-то, кто будет тебя бить.

Аргус: Давай по аналогии: Джон Синклер, когда он начинал в 1964 году, был одним из первых хиппи Детройта — мир, любовь, всепрощение. Он не хотел никого бить.

Кизи: Кэссади мотал полтора года за два косяка. Он никогда об этом не говорил. Не ожесточился. Не плакался в жилетку. С ним

поступили несправедливо, все об этом знали и понимали, что работать надо с тем, что есть.

Аргус: Видишь ли, Синклер за решеткой сейчас и будет сидеть десять лет. Я вернусь к тому, о чем хотел сказать, потому что я недоговаривал. Его идеалы были — мир, любовь, всепрощение, и именно за это они тут же на него и набросились.

Кизи: Так было и тысячу лет назад, и две тысячи, и...

Аргус: И как ты это изменишь?

Кизи: Так же, как Синклер.

Аргус: Отправишься в тюрьму?

Кизи: Нет, хотя порой от тюрьмы не убережешься. Никто не обещал, что будет легко.

Аргус: То есть мы не должны ничего предпринимать? Пусть он там парится, а мы будем сидеть сложа руки?

Кизи: Я не сказал, что мы должны сидеть сложа руки. Это карма. Смотришь людям в глаза и думаешь, какая у них карма — хорошая или плохая. Глядишь по сторонам и видишь, что плохая карма — у всей нации. Но сейчас я вижу по глазам, что все больше людей понимают, в чем тут дело. Понимают, что происходит. И говорят себе: ладно, главное — не выходить из себя каждый день, каждую секунду. Оглянуться не успеешь, как СМИ тебя окрутят. Держись подальше от СМИ, потому что они — корень зла.

Аргус: То есть надо держаться подальше от СМИ.

Кизи: Потому что СМИ — корень зла. Во всем виновата вот эта штука (показывает на микрофон). Точно говорю. Я это знаю, потому что долгое время был ее жертвой. СМИ все это и творят.

Аргус: А если создать свои СМИ?

Кизи: Именно это мы и пытаемся сделать. Собственно, подполье для того и существует, но как только СМИ его обнаруживают и начинают освещать, нужно делать ноги, иначе крышка и каюк. Посмотри на прежние фотки Хемингуэя: на них видны люди, для которых он пишет. А потом он прославился, и посмотри на его нынешние фотки, на людей с камерами, которые его снимают, с блокнотами, с их вопросами. Из-за них он изменился, перестал говорить с читателями и начал говорить с этой хренотенью, и ее же слушать.

Аргус: Хорошо...

Кизи: Но когда он потерял читателей, он потерял самое главное. Посмотри на его нынешние фотки: он понимает, что именно с ним

происходит, и хочет отыграть назад. Хочет найти тех, с кем говорил когда-то. Не имеет никакого значения, подпольные это СМИ или “Нью-Йорк Таймс”, трип один и тот же. Каждый раз, когда ты пытаешься повернуть стрелку часов назад, ты словно обкаррываешь собственную жизнь и в результате получаешь труп. Каждый раз шагаешь через собственный труп.

Аргус: Ты же видишь, я как раз пытаюсь обойтись без трупов. Я пришел за информацией — чтобы люди стали сильнее и могли продолжать революцию.

Кизи: А я пытаюсь тебе рассказать все, что знаю. Важно не позволять, чтобы тебя сбивала с толку фотокамера. Когда меня фотографируют, я запинаясь. Когда ко мне подносят микрофон... вот попробуй сам. Что ты ел этим утром?

Аргус: Я ел завтрак.

Кизи: А потом?

Аргус: Потом я работал над газетой, потому что скоро у нас выходит номер.

Кизи: Теперь скажи мне, как все это относится к революции.

Аргус: Я скажу: мы стараемся донести до людей важную информацию, бьемся за нее, тратим много времени и сил, потому что верим, что оно того стоит, что когда газета выйдет, люди ее прочитают и многое поймут.

Кизи: Джон Синклер о ней знает?

Аргус: Джон Синклер был одним из людей, основавших “Аргус” и партию “Белых Пантер”, которую “Аргус” представляет.

Кизи: Ну вот, теперь ты понял, о чем я.

Аргус: Не совсем.

Кизи: Понял, по тебе было видно, ты все просек. Очень по-человечески, о чем я и говорю. Оставайся человеком. Пока мы остаемся людьми, все в порядке. (Берет микрофон.) Если между нами появляется вот эта хреновина, мы начинаем говорить через фильтр, и он нас расчеловечивает.

Аргус: Понимаешь, далеко не каждый человек может прийти сюда и послушать, что ты говоришь.

Кизи: Невозможно говорить с каждым. Каждому мне сказать нечего.

Аргус: Должно быть нечто, что ты можешь сказать каждому про то, как на тебя пытается воздействовать наша культура.

Кизи: Высоко в горах жил один мудрец. Люди просили его спуститься с гор, прийти в мечеть и прочитать воскресную проповедь, и он согласился. В воскресенье он появляется в мечети, где собралась тьма-тьмушая народа, и говорит: “Добрые люди, вы знаете, что я хочу вам сказать?” Они все кричат: “НЕТ!”, он говорит: “Невежи!”, разворачивается и уходит. Они идут к нему и говорят: “Погоди, ты застал нас врасплох, приходи в следующее воскресенье...” — и он соглашается. В воскресенье он опять появляется в мечети и спрашивает: “Добрые люди, вы знаете, что я хочу вам сказать?” Они подготовились и орут: “ДА!”, а он говорит: “ОТЛИЧНО!”, разворачивается и уходит. Тогда они говорят ему: “Пожалуйста, дай нам еще одну попытку, мы не поняли, в чем тут дело”. И вот он появляется в мечети в третий раз. “Добрый люди!..” Они опять подготовились и говорят: “Одни знают, другие нет”. “Отлично. Пусть те, кто знают, поделятся знанием с теми, кто не знает”.

Аргус: О чем и я. Поделись знанием с теми, кто не знает.

Кизи: Уже. Честно, больше у меня за душой ничего нет, я о масляной войне брата знаю больше, чем о революции. Не спрашивай меня обо всем этом — я ничего этого не знаю. Я живу в крошечном городке. Моя жена два раза в неделю ходит на работу в школу. Она библиотекарьша. У нас есть своя команда — “Спрингфильдские Крынки”. В начале она была посмешищем баскетбольной лиги, потому что в ней играют длинноволосые чудики и негритята с афро, которых то и дело штрафовал судья. При этом судья вел себя как фашист, чего и сам стеснялся. Он показывает на кого-нибудь пальцем и понимает, что этот палец его обличает, и все негритята это понимают, и все остальные это понимают, и пока они шли против него, они выигрывали, но как только им удавалось добиться своего, они продували. Потому что когда ты воюешь с пороком, все идет точно по завету. У Матфея сказано: “Не противься злему”¹. Когда противишься злу и зло исчезает — ты продул. Это твоя основа основ. В конце концов негритята поняли, что судья ополчился не на них, а на всю команду, на идею, что движет командой, на стиль нашей игры. Каждый раз, когда мы выходили на площадку, мы играли с другой командой так, как она играла с нами. Все дело было в том, как люди стоят, как они движутся, а не просто в том, как они играют на поле, на площадке. Мы бы выиграли, если бы просто играли. Но мы злились, шли на них войной, а воевать они умели луч-

1 Матф., 5:39.

ше нас. Как те парни, с которыми ты революционно борешься... это не революция, это все то же, что и раньше.

Аргус: Если ты всем этим так обеспокоен и стеснен, зачем было разрешать Вулфу писать его книгу (“Электропрохладительный кислотный тест”)? Тебя, кажется, не заботило, что ее прочтут миллионы людей, которые в противном случае остались бы в неведении.

Кизи: Я тебе кое-что расскажу. Вулф приезжал сюда — незадолго до того, как перестал ошиваться вокруг да около. Мы были на ферме брата, в Пространственно-Обогревательном Доме, водружали на стену вон ту статую, которую брат до того покрасил. Он выбрал не ту краску, она не успела высохнуть. Приехал Том Вулф со своим блокнотом, а мы с Шомполом¹ затаскивали эту фигню на стену, и ясно было, что мы одни не справимся. Кроме нас тут был Том Вулф, он стоял в сторонке в своем синем костюме, и мы в конце концов сказали: “Черт побери, Том, помоги нам”. Он положил блокнот на землю и помог нам, и сильно запачкал костюм в красной масляной краске. Когда мы это увидели, я сказал ему: “Если отлыниваешь от работы, она тебя непременно найдет”. С тех пор Том Вулф мне на глаза не попадался. Но я все равно его люблю.

Из: АРГУС

1 Возможно, имеется в виду “Шомпол” Шартлифф, друг Кизи и роуди группы “Грейтфул Дэд”.

К Жилу

лоб в лоб
Столкнулись!
секонал и бухло
и нил кэссади
умер/

смешно же
быстрейший чел на земле
и погиб
из-за
сломанных тормозов/

и все же
на священном солончаке
его чучело
так же как раньше кружит
и кружит/

и пепел
его существа
рапортует в пункт управления:
четыреста лет
упакованных в 40
скорых/

я отвергаю
кремацию
нил кэссади жив
в сан-диго
в
черепашьем яйце/

Хью Ромни

Первая Треть

Нил Кэссади

Каталог Библиотеки Конгресса Карточка Номер 74-88229

Части этой книги были впервые опубликованы в "Записках из Подполья" и "Журнале Огней Большого Города"

© 1971 City Lights Books. Все права наследников Нила Кэссади защищены

Второе издание, январь 1972

На обложке – Нил Кэссади и Джек Керуак, Сан-Франциско, 1949

Кэссади слева. Фотография Кэролин Кэссади.

"Книги Огней Большого Города" выпускаются в книжном магазине "Огни Большого Города"

Письмо Кену Кизи, 30 августа 1965 года (5 часов пополудни)

Дорогой Кен & проч: Особ. вы, Девочки!

Это письмо может на время задержаться, потому что я сижу в Уэйкмене, Огайо, без цента в кармане. Но я подрочил в туалете, отдохнул & буду спать всю ночь (не сплзить бы), а ночь будет долгой, так что все равно напишу. Пожалуй, сперва на очереди отчет о трипе — никогда не видал такого хаоса! — это был Диетрип — О, Жалкий! Но какая закрутка мяча!

Если продолжать, в остатках вот что: все накоп. механик занят & не может разобрать двигатель до завтра, & если этот “кадиллак” ’40, этот дрянной пустоголовый бугор (не Бангор, это другой Мэн; боюсь, не тот, кот. разорен этим Королем Дорог, если это имеет какое-то отношение) не починят, я буду настоящему огорчен.

Расскажу об этой машине из прекрасного сновидения; обратится ли оно в кошмар — лучший грузовик, кот. я когда-либо проебывал. ’47, 3/4 тонны, с доп. рессорами, пикап “Интернэшнл” (да, тут есть электрический бензонасос — это особая характеристика: садись & езжай), коробка “Джи-эм-си”¹ на 6 скоростей ’62 — никогда не пользуюсь нижней передачей, так что на деле 5 скоростей — задний кузов “метро” ’57, два топливных бака, куда вмещается около $26\frac{1}{2}$ или $7\frac{7}{8}$ галлона, крутейшие для грузовика (как у твоего автобуса) колеса, на них 2 новехонькие покрышки с 8-слойным нейлоном 750x16 (цена \$90) сзади, новая 750x16 с 8-слойным районом на правом переднем & с 6-слойным 750x16 на левом переднем, она цепляет дорогу куда лучше, чем нужно, в центре у нее — 6-дюймовая трещина, & я ревниво следил, не расползется ли, но 2500 миль ничего ей не сделали. Плюс еще одна покрышка с полустертым протектором — с ней у меня случился прокол в Юте — не считая гладкой запаски, еще одной 750x16, всего их 6.

Длинная колесная база — около 145 дюймов, я полагаю — выкрашенный в зеленый (темно) выхлоп: две чудесные трубы-близняшки с хромированными глушителями щегольского фасона по обе стороны кабины — как у огромного дизеля — & бормочет в одно ухо, & ты слышишь большой двигатель “кэдди” с прорвой кубических дюймов. Еще есть новый задний карданный шарнир, еще недавно он был передним, новые втулки, иглы, конденсор, обмотка, вентиляторный ремень, вентилятор (увы, 4-лопастной, а не 6-ти), радиатор — от грузовика “форд” — собственный, “кад” V-16 ’32, 4 дюйма толщиной, вмещает 32 кварты, починили в Эли, Невада & заменили в Денвере. Новый комплект задних левых тормозов, но без вакуумного усилителя — в нем была вода, пришлось снять — приходится жать

1 “Джи-эм-си” — отделение корпорации “Дженерал Моторс”, выпускающее грузовики, пикапы, джипы и фургоны.

на тормоза дважды, иначе нет эффекта. Тахометр — заработает, когда появится кабель & сломанный картер маховика с держателем на стальной ленте.

Но хватит о грузовиках; & лишь однажды — в Денвере — у меня случился трах; (или что) реально красивая, маленькая, темноволосая, 19 л., студентка из Гриннелла, Айова, ее оборона — я как-то “просто испарился” (удалось прокатиться на ее новом “бьюике”) & вторая — обе несколько часов, на одном дыхании, говорю же; вторая залезла в постель, когда студентка отправилась домой, когда ее вспугнули родители — высокая белокожая рыжеволосая с карими глазами из Страны Биг-Сур, работает в Доме Призрения для престарелых после флирта; (играл ли я снова в доктора?) & без наркотиков! Мог бы снять еще кого-нибудь, разумеется, но не было времени, разумеется, или рядом были их старики, разумеется, или они были черные, разумеется, или еще какая-то чертовщина, разумеется, По-любому, вышеописанное — мой единственный секс; может, не показывать эту страницу девочкам. Хыр. Хыр.

Ах да, трип; ладно, пойдем по порядку: (Цыган больше часа “медитировал” под разбитой в кузове пикапа палаткой, используя помянутые выше выхлопы-близнецы — они на деле сделаны из 2” водопроводной трубы; безумным индейцем-пайютом из Карсон-сити, кот. собрал эту адскую тачку — нужно выйти за 60, чтобы переключиться на 6-ю, или начнутся перебои, & 5-я гибкая, на нее можно перейти при 25-ти, до того, как заведешься до момента переключения на 60 м/ч — я выучил все & каждую передачу по бряцанию (5” сталь, нужно больше 5 минут, чтоб просверлить дырку, выдерживает 5000 фунтов на кв. дюйм) усиленного картера маховика — передачи отрегулированы — даже у нейтралы свой различимый говорок из картера, такой надтреснутый, хотя, конечно, не такой важный, как прославленная свобода “медитирования” — он, я бы сказал, “брэнчал на банке” (своей гитаре), пока я сидел в кабине & пытался писать — только он да я остались из тех 5, что начинали — но теперь он перестал & отошел ко сну, может, теперь я смогу сосредоточиться, хотя сомневаюсь, “музыка навевает чары”¹. Ах да, трип; ладно,

1 Цитата из пьесы Уильяма Конгрива (1670–1729) “Невеста в трауре”, также название голливудского фильма 1935 г.

пойдем по порядку. (Ах да, трип; я бы сказал, никогда его не повторяй) (Ах да, трип; я бы сказал, облик человека переменяется за 21 день & я был в дороге дольше; она стала моим образом жизни.) Пойдем по порядку: после того как мы уехали от вас примерно в это же время суток в воскресенье больше 3 недель назад — теперь тут едет байк — то был необычно грустный трип по холму & в С.Ф., над бухтой, решительно вперед, поскольку, гм, владелец “олдса” ’55 — совсем как тот, Дейлов, кот. я порвал — Чань, так его зовут, не пустил бы меня за руль; но я все равно до него добрался & уехал из города, потому что он остался там на ночь с Цыганом & его подружкой, Дженни, (мы остановились у Французика, ангела Ада, темноволосого, с разъявленным ртом & выпирающими зубами (после того, как нам несколько раз дали от ворот поворот), кот. потом ужасно обжегся (лежит в больнице) — слишком медленно отходил, залив топливо в карбюратор (?), посмотреть, не его ли теперь тот клифт, кот. хотел Чань и кот. теперь у Цыгана) & я поехал в Беркли спать в одиночестве.

На следующий день, в понедельник, 9 авг., я спал (один!). На следующий день, во вторник, 10 авг., я выехал до зари, &, после того, как отвез Цыгана, кот. пешком рыскал по улицам & искал запчасть к части, кот. отвалилась, к ремонтникам с той же целью, что закончилось ничем; поэтому “хадсон-джет” ’51, на кот. мы хотели отправиться в трип, вместо этого первым остался за бортом; второй осталась за бортом из-за полетевшей трансмиссии машины, на кот. мы искали запчасти, “шевроле” ’51 со сломанным блоком & лысыми шинами, принадлежавший парню, с кот. я знаком не лучше, чем с его машиной — кот. я погнал, когда Цыган за понедельник поставил ее на колеса, до самой Вирджинии, Невада — некто Пит Левви, кот., с его другом Дутом Сэмсоном, мы взяли в Чикаго после того, как машина Дуга Сэмсона, спортивный автомобиль “эмджи” ’57, кот. я до того только пробовал вокруг Карсон-сити, сломался в Эли, Нев., где & посейчас пребывает; хотя я гнал его еще 100 миль прежде, чем первый из 3 вентиляторов — в — радиаторе грузовика это подтвердил.

Поскольку выяснилось, что у нас есть только “шев” ’51, чтобы добраться до Н.Й., хотя в тандеме с Питом & Дутом на

“эм-джи” ‘57 мы добрались до Чи, Цыган, Дженни (его девушка) & я провели остаток ночи, безжалостно уламывая девочку, кот. (Фэй должна помнить, девочка хотела познакомиться с тобой, Кен, до того, как я тогда уехал) & еще пару других, кот. привел Цыган; безнадежно уламывали ее, хотя она дала нам \$50, потом \$25, одолжить для трипа ее “сааб” ’64: она же разрешила мне в тот пон. ночью с Цыганом & Дженни (Пит & Дут забились в “эм-джи” & не участвовали, поскольку спали) сгонять на “саабе” в С.Ф., чтоб получить деньги от Гинзберга — я уже ездил на нем за \$5 от Пита Орловски в Беркли — сказать прощай остальным & т.д.

Забыл упомянуть — ночью воскресенья, повидавшись с Ангелом Ада Французиком, мы, несмотря на мои жалобы на усталость, поехали слушать Р. & Р. группу, на чем настоял Чань — ну, кто это был? прально — Сайни & Напряжные Провода или Секстоны или Крутые Бандиты Джефферсона, наши люди, ты же знаешь; & звучали они классно, особ. одна песня, Птица В Небесах; Конечно, там был Джерри Андерсон, я его видел первый раз после спешного отбытия в Юкию & он ринулся с нами здороваться, надел флаг США как накидку & всем показывал, что он снова с нами — еще & поставил мне пиво или два, но вернемся к пон., сумер., на самом деле вт., утр. Я кинулся искать Брэдли & все остальное — Пол из Напряжных Проводов дал мне быстрая, & Бет тоже, в конце концов Цыган, Дженни & я в “саабе” доехали до Норт-Бича, до бара по соседству с заведением м-ра Отиса, кот. уже закрывалось.

Кто бы мог оказаться в другом углу бара, мокрогубый & прижимавшийся к блондинистой шлюшке, как не Гинзберг. Он сразу переключился & в промежутке жался ко мне, представляя немногих поэтов, кот. там собрались & кот. я не знал — Чарльз Олсен, Боб Дункан — короче... их было достаточно чем не меньше & т.д., где-то 30 или больше почитателей Д. Мориарти, старые королевы, серьезные поэты из Ирландии, графство Корк, пьяные поэты из местных & все остальные вихлялись по Гранту на улицу Франсиско & несли полные пакеты с пивом, шли на вечеринку, а я с начала квартала до самого конца шел спереди & увеселял их двумя колонками историй, поучений, введений, предупреждений & прочее

Чушь-ассорти от Кэссиди, пока ко времени вечеринки мы *все* не колыхались словно прибой в бурю. Я спрашивал у каждого о машине & помянутая выше Блондинистая Шлюшка убеждала меня в том, что у нее машина есть, но не убедила. Были другие, более забавные происшествия & была отличная вечеринка, только в 5 утра я наконец отбыл в Н.Й.

Цыган, Дженни & я — за рулем — в “шеви” ’51, Пит & Дуг у нас на хвосте на “эм-джи” ’57, успели миновать Сакраменто до вечернего потока во вт., 10 авг., утром & быстро — через 20 миль была первая (& я могу сосчитать их, пока пишу это письмо) из бесчисленных задержек — прокол левой задней у “шева”. нет запаски, есть запасная машина. Я снял шину, положил ее в “эм-джи”, вернулся & на кредитную карточку “Шелл” матери Дуга — бедняга: даже будучи миллионершей, она грохнется в обморок, когда получит счет за август — 350 или 400 долларов! — Кредит. Ууу — пых, пых (не так, там не чему так звучать, хлип, хлип) услышал я & был прав как обычно прав — хе хе коренной подшипник, спереди, & хуже того, чертов кулачок или коленвал, вращаясь, слетел с пластины блока — *починить никак* — мы сломались, 39 миль к ю.-з. от Кливленда (Бэббсы переехали только вчера!) с тоннами железа, кот. автостопом на восток не потащишь. хнык, гррр!

Ночью прошел поистине гадкий дождь; все (кроме меня) в грузовике промокли; Цыган не разбил палатку, кот. не пропустила воду; мы выглянули наружу, чтобы махнуть хотя с кем безмоторным грузовиком на что угодно, что движется — & мы глядели весь день (сорвались черный “шев” ’49, зеленый “шев” ’53 с гладкими покрышками & “додж” ’38, 1 & 1/2 тонны, с грузовой платформой) & в конце концов договорились на желтый автобус “студебекер” ’55, 49 000 на подвесках, ни запасок, ни колес, ни радио, ни печки & такой скверный глушитель, что нужно не только все окна открывать настежь, но & ежедневно принимать аспирин от головной боли; глаза тоже болели напряжения; так или иначе, он двигался, хоть жег так много масла, что шоссе за нами покрылось дымом & выхлопом как гирляндой. Я все это знаю, потому что ехал в нем, когда контуженный на войне мужик с восемью (8) детьми — У него была скобка как у Бэббса — кот. обменял его на нашу тачку, вез меня в мастерскую, чтоб я рулил, пока он тащит грузовик домой.

Понятно, я продолжаю письмо; здесь, в кабине грузовика, поскольку мухи в доме — да, домашние мухи — это чересчур (& потому что старшая из 8 детишек, хорошенькая блондика около 17, перестала строить глазки & отбыла на шоу со своим дружкой, Билли, в его “шеви” ’55, ехавшего с легкими перебоями) вместо того, чтобы отправиться в путь, мы должны были ждать до завтра, чтобы пойти в тутошний суд в Милане, Огайо — родной город Тома А. Эдисона, знаешь ли — & получить документ о владении машиной. Было примерно то же время суток & тоже шел дождь, как сейчас льет после смены покрывки & проехав через горы так быстро, как было возможно, мы въехали на “шеви” ’51 в Вирджинию-Сити, где Чань, Цыган & Дженни прыгнули в “олдс” Чаня ’55 (за день до того он нас обогнал) & покатали от дома Дэйва в пустыню, чтобы забрать заброшенный уже полгода грузовик, в кот. я ныне сию. Скажи Энн, что ее бывший дружок уехал не “на север в Аляску”.

Пит, Дуг & я остались на Бугре за городской чертой спать в & под “шевом” ’51, а они поехали за грузовиком — наконец вернулись ближе к полуночи & ко вт. 10-8 мы все набились в грузовик — кроме Пита & Дуга в “эм-джи” — & понеслись в Карсон-сити, где индеец-пайют, кот. я упомянул 1-м — он заведует свалкой — всю среду напролет трудился — 11-8 & починил грузовик. Мы все в основном стояли вокруг гаража, пока он работал, но я взял “эм-джи” & поехал покамест проведать злчные места, пока около 10 пополудни не стало ясно, что все готово & Пит & Дуг снова остались в “эм-джи” & мы наконец-то толком отправились на восток! (говорю тебе, мы оставили “шев” ’51 & два чека с Чанем в обмен на грузовик — больше не платили ничего!)

(2-9, 5 веч.)

1-9 в 5 утр. я проколесил через *весь* Питтсбург, обставив утренний поток в ядовитом “студебекере” ’55 & хотя никакой власти над другими машинами у меня не было, я не позволил ни одной чертовой тачке обогнать меня в долгосрочной перспективе & искусно меняя переулки помалу, один или два на милю, сам себя обставил короткими перебежками, во как! Но вернемся к отчету о вялом трипе Кэссади на восток; 50 миль к западу от

Эли, Нев. — у грузовика кончилось топливо — хотя у нас было 27 или 8 галлонов, он прошел только 78 миль — поэтому 12-8, четверг, мы послали дуга & пита вперед на “эм-джи” купить 5 галлонов топлива, ну вот, через несколько часов они приехали на тягаче, привезли топливо, потому что Дугов “эм-джи” сломался в 25 ми. от Эли — то есть в 200 *отовсюду* — & они стопили. В итоге я притащил “эм-джи” в Эли на примерно 50 м/ч он решил попробовать завести его снова — после многочисленных неудач — последовало столкновение, & вентилятор грузовика полетел в радиатор — 1-й раз, но не последний — в итоге тягач привез обе машины в Эли. Мы пробывали там более 24 часов, пока вечером в пятницу, 13-е, не накоп. несколько причин: 1, \$50, кот. родители Цыгана прислали ему, прибыли до 5 веч. “Зап. Союзом”¹ к самому закрытию но до этого мы их не получили. 2, картер маховика должны были починить на следующий день — & починили — тормозной кондуктор с жел. дор., с кот. мы подружились & кот. приютил нас на ночь в своем доме с женой & 2 детьми. 3, Что делать с “эм-джи” — зависело от генератора, кот. должен был прибыть назавтра — не прибыл — в общем, мы проехали с буксиром 100 миль к северу от Уэндовера, & вентилятор опять полетел в радиатор — разболтался болт вентилятора, а не моторама, как мы думали & мы оставили “эм-джи” & поехали дальше.

Мы выпросили воду & разводной ключ у проезжавших мимо машин, чтобы добраться до следующей мастерской, воду мы держали как решето, наконец добрались до Уэндовера в темноте... Юта. Наконец — ручку мне дала Дженни, в доме кот. мы остановились — здесь, в Бриджтоне, Нью-Джерси — около 40 миль к югу от Уилмингтона, Делавер & Филадельфия & прибудем через день или около того; ее папа — методистский священник в этом городе с нас. 25 000 & когда он прибудет из Н.Й. — куда я направлюсь в должное время на выходных — передвижу на ночь прочувствованную проповедь & молитву. По-любому, мы покинули Уэндовер, заштопав радиатор грязью, дегтем,

1 “Вестерн Юнион (Телеграф)” — крупнейшая и старейшая американская телеграфная компания, принадлежащая одноименной корпорации. Помимо услуг связи, осуществляет междугородные и международные денежные переводы. Создана в 1851 г. Хирамом Сибли и Сэмюэлом Селденом; современное название — с 1856 г.

льном, глиной & плевками & прибыли в Солт-Лейк-Сити в 12.01 ночи суб. 14-8. Я позвонил матери Энн & она сказала, что уже очень поздно & чтобы я позвонил в приличные 8 утра, тогда она даст мне номер телефона Энн — я так & сделал — ответил папа Энн & сказал, что мама уже ушла & он номера своей дочери не знает, так что вот так & Энн я не увидел. В общем, ни пизды, ни денег (Цыган все потратил, купив пистолет в Эли, Нев.), ни быстряков & т.д. & т.д. & мы похромали дальше — 5 из нас; 3 из нас в кабине, 2 сзади в пикапе — лили воду в радиатор каждые мило-две, пока ближе к утру мы наконец не добрались до моего родного города — & Цыгана — Денвер, воскр. 8-15.

Сразу поехали в Художественную Галерею, кот. владеет маленький симпатичный тулуз-лотрек по имени Фил, сестра кот. замужем за Цыгановым статным, белокурый младшим братом — все спали до полудня, потом поехали в дом Цыгановых родителей в далеком юж. Денвере, потом к Дженниным друзьям в Боулдер, Колорадо, где заночевали. Вернулись в Денвер в пон. 16-го около полудня, тормоза, к несчастью, вышли из строя, когда мы подъезжали к пункту сбора пошлины, так что я вынужден был проехать насквозь, забыв обо всем & крича (сигнала не было), чтобы посторонились, заехать на обочину & провозиться около часа, потом мы снова поехали. К полудню продали всю дурь & с тех пор у нас голяки, кроме дохлой индианской зеленки в Чикаго & примерно такой же дряни в Детройте. Ночью разозленный Цыганов отец набросился на меня!! — его удерживала запуганная мать — в общем, Цыган позвонил помянутой выше студентке из Айовы, с кот. мы сблизилась & она (я) отвезла нас обратно в Боулдер в понедельник ночью & Дженнин бывший парень отвез нас обратно около полудня во втор. 17-го & я поехал прямо на почту & получил письмо Энн М., так что я теперь отвлекусь & напишу ответ, лады?

Дорогая Энн! Рад, что ты получила некот. “удовлетворение (не могу получить)”¹ от заверений в моем письме & что тебе не удались попытки соблазнения. Я не хочу, чтобы мою подружку

1 Обыгрывается название песни “Роллинг Стоунз” “(Не могу получить) Удовлетворение”.

ебал всякий; даже почти всякий — & те две недели в Лишах в натуре балёха, но могло быть и гораздо лучше; по той или иной причине, верно же? “Терпеть, и быть чистым” — как трудно! & я *правда* верю, что ты стараешься, хотя внешне тебе это почти незачем & если ты порой прогибаешься, не беспокойся об этом, я все равно тебя люблю, стараешься ты или нет, преуспеваешь или нет, мне лишь нужно знать, что ты стараешься, вот что — только для моего подорванного самомнения. “Твоя любовь питает мою жизнь” — если бы моя жизнь питала твою любовь — или того более. Спасибо за присланную цитату из Кена, я не думал, что однажды все опять повторится (я обо всех этих девочках). “В конце концов, мы все еще живы” — вот это Правильно!! & ты уж чертовски постарайся так все оставить, или я надеру тебе задницу & в астрале тоже. С надеждой вновь тебя увидеть, Вечная Любовь, Нил.

В общем, была ночь вторника, 17-е, студентка дала мне поручить ее новым “бьюиком” & мы все вернулись в Боулдер, Коло., у нас остались дела в этом Боулдере; Цыган мог пожить дома день или два, где стоял все это время грузовик & занимался делами, а Дуг & Пит могли пожить в комплексе художественной галереи & я мог — хе хе — отыметь немного, как написал на стр. 4 этой будущей книги. Ночью четверга, 19-е & половину пятн. 20-е мы все заторчали от разных прекрасностей & я сыграл для примерно 20 людей в худ. галерее & на хазе у Рыженькой, постоянный парень кот. — кажется, Сид... помнишь его? Я остался у рыженькой, со мной Дуг & Пит, народ в художественной галерее устал от нас, я думаю, в пятн. ночью — хотя я должен был спать один, потому что она работала в ночную смотрителем кладбища при доме престарелых &, потом позвонил Джастин, он хотел увидаться со мной на обратной дороге на запад — если я вернусь на запад — & всякое другое, в том числе — прочитал пару книжек Дж. Апдайка, Цыган, выгавивший Дженни из Боулдера, Дуг & Пит & я покинули Денвер; грузовик был наконец весь приведен в порядок — мы так думали!! — с новым радиатором, тягой привода сцепления, новым левым задним тормозом & т.д., Когда стемнело в суб. авг. 21-го мы понеслись прямо в Экрон, Коло., где Дженни загрузила гру-

зовик оставленными там свадебными подарками & пустились в путь — разумеется, я все время был за рулем — в город рядом с Омахой, Неб., по названию Уаху, в этом Уаху в прошлом году я единственный раз пустил Боба М. & Джо Р. за руль своего “плима” ’55. Я уехал из Н.Й. после автобусного трипа, помнишь? — они поехали из Уаху в Лоджпоул, Неб. — где вдруг сломались — расшатавшаяся лопасть вентилятора (то же несчастье похерило великую гонку Стерлинга Мосса¹ на “Джи-Ти Феррари” в 1961 Ла Манс 24 ч) пробила дырку в капоте & хнык, хнык, пробила вторую дырку в радиаторе!! Ну вот, полдень воскресенья, вентилятора нет, отлетели 2 лопасти, & не противоположные, денег опять нет, & хуже всего — нет заправки “Шелл”, чтобы спасти нашу шкуру. У Цыгана был приятель в Омахе, кот. вышел, взглянул на нас одним глазком & быстро зашел обратно! В общем, мы околачивали груши во круг Уаху до темноты — упрашивали помочь нам местную шваль — предложили украсть вентиляторы & т.д. — в общем, мы укатили без вентилятора & мотор стучал очень громко, *очень громко*,

Однажды в Омахе мы пришли в дом друга & нас оттуда поперли, не дали харю сплющить, и мы ночевали у мужика на заправке “Синклер”, кот. сказал, что он подправит левый крен & притрет нам клапаны — дело было вовсе не в блядских клапанах; вместо этого ребята в Уаху не так поставили свечи зажигания & они от этого загорелись. Разумеется, мы узнали об этом только в Де-Мойне, & проехали сотни миль с жутким грохотом — но мы не знали & в общем, мы провели утро понедельника, авг. 23-е, мотаясь туда-сюда между Омахой & Каунсил-Блаффс & пытаюсь найти автосервис “Шелл”, кот. нас примет. Но никто не принимал, тут требовался глубинный шлифовальный станок, потому что клапаны были в блоке двигателя “кэдди” ’40; но мы сумели придумать, как заткнуть утечку в радиаторе — сырое яйцо!! — чтоб он больше не тек, об этом мы больше не беспокоились & в конце концов простояли много часов перед “Западным союзом” в центре Омахи — много красивых девушек — ожидая, когда придут деньги, кот. Дженни

1 Стерлинг Мосс (р. 1929) — британский гонщик, который не раз приходил к финишу вторым, но никогда — первым.

послала своим ребятам, пока наконец не отбыли из Чикаго по-прежнему без вентилятора.

Били баклуши у Университета Дрейка в Де-Мойне, выглядывая проф., знакомого Дженни; так & не выглядели; заткнули проебку & понеслись — теперь куда тише — в Чикаго до рассвета во вторник, 24 авг., через две недели с момента, как покинули Беркли, Калиф. Казалось, что прошло 2 месяца! Мое чувство времени меня не подвело, мы встали перед домом японского приятеля Пита в тот момент, когда он прибыл с ночной попойки & немедленно отправились спать & проспали все 24-е & встали поздно ночью, закинулись кислотой & пошли по барам слушать классный рок & ролл, а перед самой зарей пробежались вверх & вниз по насыпи, охраняющей спокойствие бухты Чи озера Мичиган. Нас взяла к себе домой улетная цыпочка, Дуг, Цыган & я проспали там остаток времени; Дженни еще раньше улетела домой в Нью-Джерси & где я мог бы трахнуть с отборными цыпами, но не довел дело до конца & никого не поlapал. Но я вернусь! Ха ха. Этой ночью ходили на “Молл Флэндерс” & “Лорда Джима”: кино не говно.

3-9. 5 веч.

Сегодня в основном ел & спал; Цыган поехал в Кэмден, но глушитель заменить не смог, Дженни пошла по магазинам, а остальное семейство, включая ее 19-л. старшего братца, кот. специализируется на радио & телевизоре — он сообщил мне кое-что интересное из этой области, напр., что купить или построить телестанцию стоит только \$100 000, чуть меньше, чем радиостанцию & т.д. — занималось обычными делами. Я еще не обсуждал теологию с Дженниным отцом — & сомневаюсь, что буду, говорят, он этого не любит, рыба на ужин в пятницу у нас была¹, потому что я упомянул, что я католик — они испугались.

Среда, 25-е, в Чи, мы встали поздно, повтирались немного в местное общество, забалдели, послушали еще живой музыки, сходили к будущему партнеру Пита & взяли магнитофон для Цыгана, чтобы записать гитару & вообще оттягивались. Четверг, 26-е, мы наконец установили в грузовик вентилятор,

1 Часть католиков воздерживается от мясных продуктов (кроме рыбы) не только в пятницы Великого Поста, но и во все пятницы года.

а найти их очень трудно, решили вообще снять капот; мы его сняли еще в Айове, & привели грузовик в чувство. Утром в пятн. 27-го записывал на пленку парня, кот. страстно защищал Гитлера — как великого парня & как собрата-немца; художника. “Глядите, как он им всем надрал задницы”, — твердил он о Гитлере. ЫГХ. Позднее в пятн. пополудни приняли у себя вечеринку латиносов — слишком уж утарную: танцы, выпиванцы & из примерно 100 около 90 процентов чем-то торговали; девушки своими задницами & мальчики своим дерьмом. Что напонило мне — я могу достать белых крестов¹, кот. ты хочешь, по \$85 за тыщу. Дам тебе знать из Чикаго, куда собираюсь на будущей неделе, в силе сделка или нет, хотя я уверен, что в силе. У меня есть несколько & они отменные, как парень, кот. их толкает, & классный, по-моему — еще один ирландец. Лады, дальше, вечер субботы, авг. 28-е, остались только чек на \$5 & бедная Дугова кредитка “Шелл” — с Дугом & Питом мы расстались, разумеется, они ехали в Чикаго — Цыган & я отправились в Н.Й. через Канаду, потому что он знал девочку в Торонто, кот. предположительно даст нам денег. Воскресенье, 29-е, 2 часа ночи, мы пытались пересечь границу в Уиндсмонте, & они выпихнули нас обратно в Детройт сумм. недостаток денежных средств, в общем, мы поехали в приятелю Цыгана — тоже ж-д тормозному кондуктору — & заночевали & продолжили безостановочный трип, намереваясь объехать озеро Эри со стороны США & въехать в Канаду ближе к Торонто — прибыли туда, где мы окончательно выдохлись & где начинается это письмо — Уэйкмен, Огайо, там же, где начался суд над тобой 30-8-65.

Теперь, Кен & все твои сердечки, особ. Энн, Шэрон & Джун — они все еще рядом? Если бы я был рядом, они бы не ушли; я бы обвил их руками & ногами, по одиночке или кучкой — мой план таков: Завтра утром мы едем, Цыган, Дженни & я, после отправки этого письма, наконец-то, ты получишь его во вторник, сент. 7-е, в Пембертон, Н.Дж., за картинными рамами, потом в Бич-Хэвен, Н.Дж., на пляжную вечеринку — тук-тук-тук-иии! — наконец в Н.Й. ближе к полуночи, ровно 28 дней после отъезда из С.Ф. — а могли бы отлично провести время,

1 “Белый крест” — метамфетамин.

гоняя на велосипедах или картах, а? — там я сразу отправлюсь в Деревню за быстряками, кислотой, травой & что у вас там еще есть субботней ночью; потом повидать Билла Берроуза на 10-й улице, 803 — можешь написать мне туда, но поскольку я не буду долго там оставаться, почему бы не написать прямо на чикагский главпочтамт, потому что я буду там около среды, самое раннее, или в пятн., самое позднее, на след. неделе; по-любому я скажу Биллу Берроузу переправить все & каждое письмо на главпочтамт Чикаго & таким образом у тебя появится предлог написать ему лично — хитро, да? & Эд в книжном на 8-й улице, 210, & т.д. Я проводаю Эла Ароновица, автора “Н.Й. Пост” & Люсьена Карра, ночного редактора отдела новостей “Ю-пи-ай”¹, а потом убуду в Норт-Порт, Лонг-Айленд & к Джеку Керуаку в Джуди-Энн-Корт № 7; по-любому воскр. & пон. в Н.Й. & окрестностях, потом обратно сюда пон. ночью & если мы поставим кольца на “студебекер” 55 г. во вторник, уедем той же ночью, если нет, уедем во вторник утром 7-го примерно тогда, когда ты получишь письмо. Оказавшись в Чикаго, я вполне могу остаться там, пока промозглая погода Ночи всех святых или Благодарения не выгонит меня вон. Не то чтобы я хочу — честно & откровенно — нет, поверь мне, город мне не нравится; как весь восток — но мне предложили контракт, сто & пятнадцать в неделю за рулеж грузовика, хотя босс меня пока не видел, & ты чертовски хорошо знаешь, сколько я задолжал алиментов — почти уже \$1600 — между прочим, моей старшей девочке 17 лет 7-го сент. & младшему мальчику 14 9-го сент. — так что я надумал поработать пару месяцев — отсылая бывшей жене по \$100 в неделю — Если меня не возьмут на работу, хотя я уверен, что возьмут, я могу вернуться даже в Эли, Нев., забрать Дутов “эм-джи” & перегнать его в Чикаго; если так, можешь быть уверен, я продолжу мой путь к тебе, чтоб забрать свою одежду & может быть, девочку (или 2, или 3, или 4, или больше! ха) — хотя рыженькой в Денвере нужен отпуск & ей уже пообещали то же самое Цыган & я, т.е. я уверен, что она врубится в поездочку. По-любому если меня возьмут на работу — собирать вещи для Американских Ветеранов-Инвалидов — я увижу вас всех где-то

1 “Ю-пи-ай” (United Press International) — агентство новостей, в 60-х — одно из трех крупнейших в мире (наряду с “Рейтерс” и “Ассошиэйтед Пресс”).

в нояб., рано или поздно. Если нет, я увижу вас в серед. сент., с рыженькой или без нее (полюбому заеду в Денвер) & если Энн, кот. мое сердце принадлежит в первую очередь (что от него осталось) — все еще хочет меня, я приму ее хотя бы из твоих рук — если нет, или если мне не нужно будет перегонять “эмджи” Дугу в Чикаго, он может поехать со мной & забрать тачку сам — я возьму Шэрон (если она меня еще помнит) & поеду прямо в Л.А. на зиму. Если обе девушки заняты, Джун (если она меня еще помнит) & я отчалим вместе & будем весьма счастливы, я уверен! Во всех смыслах! В противном случае я строго в порядке старшинства возьму денверскую рыженькую & буду весьма счастлив, я уверен.

Люблю,
Нил.

Дорогой Кен!

Не пропадай. Пиши, куда поедешь ты, а я напишу тебе, куда поеду я. Потом встретимся, и я побуду с тобой так долго, как смогу. Или я тебя догоню.

Джон Леннон — в Нью-Йорке с Йоко Оно; мы все вместе устроили концерт в защиту Джона Синклера, все хорошо, Синклер на свободе. Леннон встречается с Джерри Рубином¹, они планируют организовать тур по всей стране, высту-

1 Джерри Рубин (1938–1994) — американский правозащитник, пик активности которого пришелся на 60-е и 70-е годы.

пить в дюжине мест (такая смесь политики и рока) в защиту политзаключенных, против войны и т.д., и закончить в августе в Республике Сан-Диего.

Хорошо бы нам всем собраться в одном цирке, как в “Америке” Кафки. Хотя, может, децентрализованные труппы — тоже хорошо.

В любом случае я так или иначе с тобой увижусь. Буду в Сан-Франциско с 10 по 23 февраля и 10 апреля; пиши мне на “Огни Большого Города”, 261, Коламбус, Сан-Франциско, Калифорния.

Я разучил блюзовые аккорды на фисгармонии, могу теперь наигрывать Американские Напевы и блюзовые вопли и всхлипы.

Прости, я должен уже лететь в С.Ф. Вот вчерашний, последней ночи блюз...

Труст Стрит Блюз

Малыш, прошу, научи меня   тронь душу до самых глубин
Ты можешь взять мой рот   ты можешь взять мой пломбир
Отдай мне сердце, малыш   в жопу меня отъеби

Поцелуй мои губы в Канзасе   твой живот к моему прижат
Пососи мой язык   или мой петушок, как я рад
Я люблю проникать своим языком   в твой сладостный зад

Белокожий Канзас-сити   оглушен, перепуган и тих
К бару “Крещендо” Уолтера   меня ведут все пути
Моя кровать на Труст Стрит   и я снова в Вечности.

Я лишился дара речи   и попал в сказочный плен
Я часто сидел у кровати   я любил похищать твой член
Твой живот теперь в урне с пеплом   я спокоен иль я смятен?

Вот твой блюз, Канзас-сити   в баре “Крещендо” полуночной порой
Годы спустя у музыкального автомата   я от тел и сердец хмельной

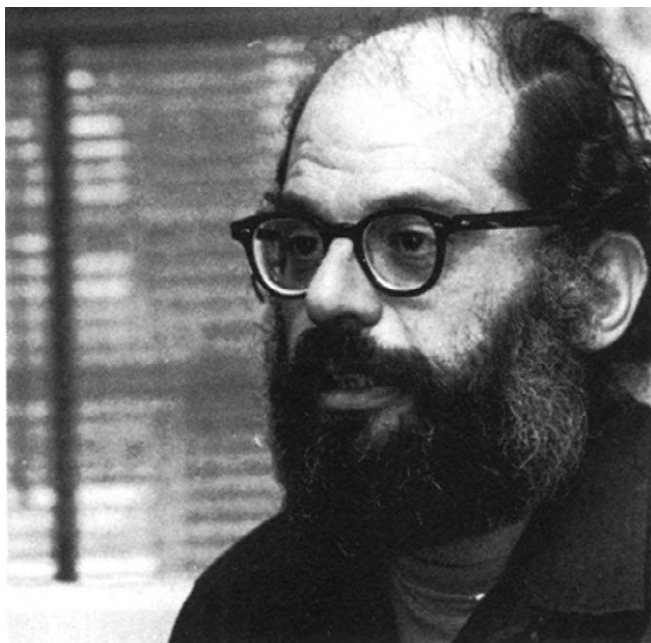
Но — о, эти черные музыканты   в ритмах души я становлюсь
звездой

Я вернулся в Канзас-сити   с прежним близким своим
Одиночка с моим Одиночкой   ты и я, мы рядом сидим
Однажды я встретил Лестера Янга   и упал на колени пред
ним

Тела гниют, растворяются лица   и губы бледнее листа
Снилось мне, что моя любовь мертва   о Господи, пусть бу-
дет так
Вот я снова в Канзас-сити   думаю, ночь моя будет пуста

С любовью,

Ален

Лишь недавно Аллен Гинзберг опубликовал стихотворение, написанное во времена буйного цветения

Психоделии, и мы его нашли — вот...

НОВОЕ

СОЗНАНИЕ

ПЕРВАЯ ВЕЧЕРИНКА У КЕНА КИЗИ С АНГЕЛАМИ АДА

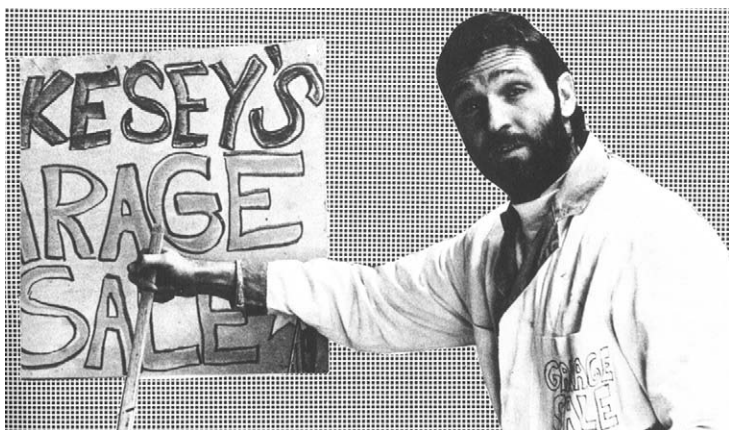
АЛЛЕН ГИНЗБЕРГ

Стылая черная ночь меж мамонтовых деревьев
машины поставлены в тень
за воротами, звезды туманятся в небе
над ущельем, пылает огонь у самой
обочины, рядом горбятся несколько загнанных
душ в черных кожаных куртках. В огромном
деревянном доме канделябр желтеет
в три часа ночи взрыв динамиков

хай-фай Роллинг Стоунз Рэй Чарльз Битлз
Прыгучий Джо Джексон и двадцать ребят
танцующих до дрожи в полу,
немного травы в ванной, девочки в алых
трико, мускулистый мужчина с гладкой кожей
потеет, танцуя часами, пивные банки
всмятку устлали двор, повешенный
скульптурой качается на ветке высоко над рекой,
в спальне дети спокойно дремлют в кроватках,
И 4 полицейских машины снаружи раскрашенных
ворот, кружение красных мигалок в листьях.

Декабрь 1965

У вас уже был шанс заказать “РЕАЛИСТ”, журнал Пола Красснера.

А сейчас я хотел бы предложить вам возможность изучить выдержку из одного его номера, дабы вы могли решить, стоит ли на него подписываться.

Впереди — длинный раздел, состоящий из “невежливо-го” интервью; Пол Красснер задает пронизательные вопросы, Кен Кизи отвечает.

Хоть Кизи и говорит, что не любит интервью, он дал их целую прорву.

Однако данное конкретное интервью было необычным, ибо оно длилось неделями и бралось с расстояния в пятьсот миль.

Пол печатал вопрос в Сан-Франциско и посылал его Кизи в Юджин. Кизи печатал ответ и отсылал его Полу.

Пол читал ответ, печатал следующий вопрос и посылал его Кизи, который читал его, печатал ответ и отсылал его Полу, который читал, печатал, посылал Кизи, который читал, печатал, посылал, Полу, печатал, посылал, Кизи печатал отсылал... и так далее.

Вы можете спросить: “Разве так издают журналы?” — но, прошу вас, не надо. В конце концов, каждый волен за-

бавляться со своим творением как заблагорассудится, и если нижеследующая публичная жертва забавна, кто мы с вами такие, чтобы задавать этот вопрос?

Граждане с правами, гарантированными Первой Поправкой к конституции, вот кто, и не давайте больше запугивать себя моими профессорскими замечаниями.

Вперед — и задавайте какие хотите вопросы. Но сначала изучите свои права. В данном случае — те, что вытекают непосредственно из нашей “ТАРАЖНОЙ РАСПРОДАЖИ”, очередная жертва которой на алтарь свободного предпринимательства —

ЛОТ НАРАСХВАТ НОМЕР 5

Невежливое интервью с Кеном Кизи

В. Ладно. Начнем с простого. Чем, по-твоему, отличаются свобода и невменяемость?

О. Истинные свобода и вмняемость берутся из одного духовного колодца, они уже смешаны, одно — причина другого. Невменяемость, с другой стороны, базируется на материальных прихотях и пристрастиях, и из этого материала строится тюрьма сознания. "Но построил ее не я, — слышу я крик протеста. — Мои родители, их родители, поколения до меня — вот кто!"

Быть может, однако если вы в заточении, ваша задача — не распекать надзирателя, а *выбраться*.

В. Особенно интересно вот что: когда ты сидел в Пало-Алто на заднем дворе дома единственной белой семьи в черном районе и над тобой кружил полицейский вертолет, ты хотел его подстрелить — и вот сейчас, даже если ты не буквально это имел в виду, можешь ли ты допустить в своем воображении, что, возможно, был излишне категоричен, когда назвал Тима Лири Очередным Придурком с Пистолетом?

О. Да.

В. Прекрати гмыкать и экать... Ты ничего не хочешь добавить?

О. Мне жаль, что в письме Тиму появилась эта фраза. Я не хотел быть категоричным, я хотел лишь подчеркнуть то, о чем писал, мне доводилось и целиться, и стоять под дулом, мой опыт позволяет делать резкие заявления. Я стрелял в уток, оленей, гусей, койотов и проделал однажды дыру в потолке дедушкиной кухни, а в меня стреляли фермеры, копы и федералесы. Это все —

негативная энергия. Той историей с вертолетом я хотел сказать, что людям, которые стоят за подобными мерзостями, лучше бы обратить внимание на растущее нетерпение такой херней. Понимаешь, у меня не было чулана с винтовкой “энфилд” под патрон тридцать-ноль-шесть с оптическим прицелом наготове, но если бы я был, скажем, черным домовладельцем и сидел бы в патио вместе с семьей, все еще, скажем, мучаясь от раны, которую нанес мне срок во Вьетнаме, где я защищал святость Американского Доллара, а это грохочущее уродство летало бы над моим домом, посылая на хуй мои выходные, я бы подумал: “Блядь, все вертолеты, которые я видел за свою жизнь, защищали *рабство!*”

И вот *тогда* у меня могла появиться мысль взять пушку из чулана и разрядить ее пару раз, сидя на солнце под ушибленной вертушкой, и это все, что я хотел сказать.

В. Инициалы протагониста “Над кукушкиным гнездом” – R.P.M., *Revolutions Per Minute*, число Оборотов или Революций В Минуту, и для тебя это далеко не просто слово. Но как соотносится твое ощущение революции к таковым у Хо Ши Мина и Чарлза Райха¹?

О. Чак и Хо? Учитывая обстоятельства, я, конечно, не могу надеяться на изложение их личных точек зрения — да?

В. Я имею в виду разброс от расклешенных брюк Чаки до зениток Хо.

1 Хо Ши Мин (Нгуен Тат Тхань, 1890–1969) — деятель вьетнамского и международного коммунистического движения и национально-освободительного движения, председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама, президент ДРВ. Чарлз Райх (род. 1928) — американский профессор права, автор книг “Озеленение Америки” и “Противостоять системе”.

О. Ага, понятно. Я вот думаю, что когда ты напяливаешь клеши или загоняешь снаряд в зенитку, само по себе действие может быть революционным, а может и не быть. Революционность проявляется только в сердце человека, совершающего действие. Именно там ей и место, в очаге человеческого порыва, и в конце концов всякое действие, всякая мысль и молитва исходят из этого идейного источника.

В. Ты сказал про СМИ, что если проследить, куда ведут провода, окажется, что на другом конце – “Банк Америки”. Не объяснишь поподробнее?

О. Когда в тебя тычут хреновой тучей микрофонов с вопросами типа “мистер Кизи, вы бы разрешили своей дочери закинуться кислотой с чернокожим?”, “мистер Кизи, вас не коробит нижнее белье “Сестер Леннон”¹”, “мистер Кизи, что вы думаете об исследовании ФАД², согласно которому масло пачули вредит выделению кортизона³?”, ты слышишь достаточно, чтобы понять, что провода могут вести в два источника. Возможно, один провод ведет за тысячу разъемов в один из источников, в сердце человека, который держит микрофон, а второй — за девятьсот девяносто девять, он искрит и шипит в зарослях честолубия, эго, манипулирования и желания, пока не вольтется в огромный коаксиальный кабель, который берет начало в этом хаосе и заканчивается прямо в “Банке Америки”.

В. Не склонен ли ты порассуждать о том, почему артисты вроде Пола Ньюмана и Кантри Джо Макдональда⁴ согласились одолжить свои резные лики рекламе кока-колы?

О. Им нужны деньги.

- 1 “Сестры Леннон” — американская вокальная группа (с 1955 г.), в которую изначально входили четыре сестры — Дианн, Пегги, Кэти и Джеки. К Джону Леннону сестры отношения не имеют.
- 2 ФАД — флавинадениндинуклеотид, небелковый компонент большинства ферментов-флавопротеидов, присутствующих во всех клетках организма, участвует в окислительно-восстановительных процессах.
- 3 Кортизон — стероид, выделяемый из коры надпочечников, участвует в регуляции обмена белков, жиров и углеводов в организме.
- 4 Пол Леонард Ньюман (р. 1925) — американский актер и кинорежиссер. “Кантри Джо” Макдональд (Джозеф Макдональд, р. 1942) — лидер американской группы “Country Joe and the Fish”.

В. В твоём романе “Порою блажь великая” лесоруб-идеалист становится штрейкбрехером, однако сейчас ты рад, что профсоюз закрыл местный целлюлозно-бумажный комбинат. В чём разница — в экологии?

О. В движении за права женщин.

В. Ты умничаешь или серьёзен?

О. Не умничаю. Благодаря Движению за права женщин мы осознали, насколько развратили Матушку-Землю. Человек, который способен ободрить пахотный слой Кентукки, выдолбить всю землю до дна в полоумной гонке за деньгами, а потом удалиться на новые подвиги, изнасиловав землю ради того, чтоб его ублюдки ни в чём не знали отказа... отличается от Хью Хефнера только одним: его член работает на дизельном топливе.

Движение за права женщин — серьёзная тема “Блажи”. Когда роман писался, я об этом не знал, но подумай сам: эта книга — о мужчинах, меряющихся самолюбием и силой воли на поле боя шкуры Вивиан, чьего мнения никто не спрашивал. Когда в конце книги Вивиан уходит, она решает оставить единственных людей, которых любит, ради унылого и неопределённого, но по меньшей мере *равноправного* будущего.

Земля взбрыкивает в знак протеста против того, как с ней по-забавились; стоит ли удивляться, что наиболее выразительное проявление этого протеста исходит из разбитого женского рта?

В. Но ты ещё и противник абортов; означает ли это, что, по твоём мнению, девушка или женщина должна носить нежеланного ребёнка в наказание за невежество или беспечность?

О. Я думаю, аборты — это, возможно, самый опасный червь из тех, что подтачивают революционную философию, со временем он неизбежно пожрет праведность и выпьет жизнь из нашей работы; поэтому отвечать я буду медленно и вдумчиво. Вот история Фредди Шримплера.

Во время подготовки санитар в психушке обязан провести минимум две недели в гериатрических палатах — промеж собой санитары называют их “выгребными ямами”. Представь себе бетонный хлев, а в нём — стадо конченных людей, которое при ином раскладе бродило бы по улицам, пуская слюни, писаясь и раздражая здоровых граждан, которое не пытаются лечить, за ним даже не пытаются ухаживать, ему обеспечивают только крышу над головой и еду; это зал ожидания, где старики проводят по десять, двадцать, иногда тридцать лет, ожидая персонального отбытия в

глубь земли. В восемь часов их сбивают гуртом, катят в душевые, потом в дневные комнаты, где кормят жидкой размазней, потом бросают на кушетки, загаженные десятилетиями ежедневных отказов изношенных сфинктеров, потом снова кормят, снова моют, меряют температуру у тех, кто еще теплый и отмечается в списке, прочищают раздутые кишки тем, у кого сфинктер изношен с обратным результатом, обрезают волосы и старые скверные ногти (обрезки сгребают в слегка розовато-серую кучу), и снова кормят, и снова моют, а потом оставляют одних до позднего вечера.

Некоторые из этих изгоев по-прежнему много ходят и ловят кайф, поймав муху или еще какую-то закуску в западню исколотой руки; некоторые увлечены размеренными и многословными беседами практически с чем угодно; некоторые смотрят телевизор, но большинство лежит недвижно на покрытых пластиком кушетках или в кроватях-каталках — сгусточки дышащих на ладан костей и кожи под правительственными простынями. Даже врачи называют их овощами.

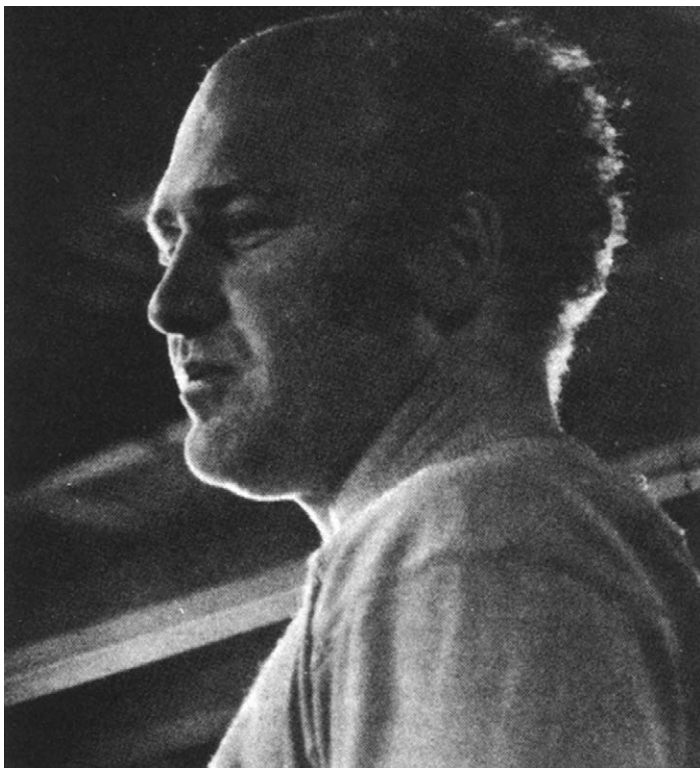
Ухаживающие за ними молодые санитары, впервые примерив на себя настоящую ответственность, сразу же уясняют одну простую вещь. Мысль очень немудреная. Каждый из новичков, запихнувший первое мясо в вялый рот, в первый раз поменявший подгузник или вставивший катетер, приходит к одной и той же мысли, а кое-кто ее и озвучивает:

“Если бы мы не помогали этим парням, они бы умерли!”

После сотого кормления, подгузника и катетера приходит другая мысль, которую не озвучивает никто: “Почему бы не *позволить* им умереть?”

Ужасно обнаружить, что ты об этом думаешь, ведь даже молодой санитар знает, что состариться может каждый. “Однажды на его месте могу оказаться я!” Однако и страх перед собственным будущим не обуздывает вопросы. Почему бы не позволить им умереть? Что плохого, если природа заберет собственный труп? Почему люди думают, что у них есть право упреждать неизбежный жребий других людей? Найти ответы мне помог Фредди Шримплер.

Фредди было лет семьдесят или восемьдесят, и он провел в гериатрической палате почти два десятилетия. С утра и до отбоя он лежал под простыней в кровати-каталке у стены дневной комнаты; его голову покрывала тусклая серебряная паутинка, такая легкая,

что она ничуть не напоминала волосы, скорее — плесень, которая соединяла голову с подушкой; из его рта по щеке стекала неостановимая слюна. Только блеклые ярко-голубые глаза двигались, следя за движением в палате, будто маленькие птички в клетке. Он издавал один лишь звук — глухое скрипение, рождавшееся в глубине глотки, когда он пачкал простыни, а поскольку Фредди, как и все лежачие, вечно страдал от непроходимости, скрипел он редко, и даже этот звук, казалось, иссушал его на много часов.

Однажды я совершал обход с ректальным термометром, раздвигая истощенные створки зачавших ягодичных мышц лежачих экземпляров — больничные предписания ясно давали понять, что температура всего дышащего, пусть даже и овощей, должна замеряться раз в месяц, — и услышал этот самый удушливый скрип. Я

поднял глаза; скрипел Фредди, но я в тот момент пытался определить именно его температуру и знал, что простынь он не испачкал. Я продолжил вводить термометр — довольно робко, потому что плоть этих людей слаба, и тычок в неверном направлении может повредить кишку. Снова послышался скрип, чуть неспешнее, и звучал он почти как речь! Я придвинулся ближе к розовому беззубому рту, мое ухо ощущало стариновское дыхание.

— Это тебя... чуть нервирует... да? — проскрипел он. Звуки были искажены и прерывисты, но даже сквозь искажение можно было отчетливо разобрать ясные интонации — рассудочность, внимание и, удивительнее всего, юмор.

В последующие дни я прикладывал ухо к этому рту так часто, как медсестры разрешали мне улизнуть. Он рассказывал мне о себе. Несколько лет назад удар оборвал все связи его мозга с телом. Фредди понял, что может видеть и слышать, но не в состоянии послать ответный сигнал тем, кто все реже и реже приходил его навещать. В конце концов его увезли в Вирджинию, и в тамошней палате он за несколько лет тренировок научился издавать тихий скрип. Разумеется, врачи и сестры знали, что он говорит, но они были слишком заняты, чтобы точить с ним лясы и, кроме того, считали, что разговоры его изнуряют. Так и оставили его на каталке болтаться в одиночестве на корабле без руля и ветрил и со сломанным радиопередатчиком. Он не был сумасшедшим; по-моему, Фредди отличался от Будды только тем, что пребывал в позе лотоса под другим углом. Когда мы сблизились, я заговорил о мыслях, посещавшей молодых санитаров.

— Позволить человеку умереть ради его же блага? — проскрипел он скептически. — Это бред, поверь мне. Когда человек... кто угодно еще... готов перестать жить... он перестает. Понаблюдай...

До того, как я ушел из палаты, умерли двое овощей. Они перестали есть и умерли, словно бы приняли необратимое решение, и ни люди, ни медицина не могли его переменить. Словно бы решение это было принято единодушно и на клеточном уровне (помню, подруга рассказала мне о своей попытке самоубийства: она легла навзничь и положила на лицо тряпку, вымоченную в тетрагалоиде углерода¹. До того, как она полностью вырубилась, из-

1 Тетрахлорид углерода — высокотоксическое органическое соединение.

нутри, от остального ее тела, донесся неожиданный вопль: “Эй! Стой! А как же мы? Почему нас не спросили?” Будучи в душе сторонницей демократии, она овладела собой против высокомерного решения разума. “У разума нет права убивать тело, — сказала она мне после той попытки. — Во всяком случае — от скуки...” к удовлетворению всех причастных.

Наказывать незамужних матерей? Что за чушь! Забота о старике или ребенке не может быть наказанием для дееспособного человека, даже забота о не-умершем старике или о не-родившемся ребенке. С этими существами независимо не только от их расы, веры и цвета кожи, но и от размера, обстоятельств или способностей должно обращаться как с равными, их право на жизнь нужно не просто признавать, его нужно *защищать*! Разве могут они защитить себя сами?

Ты — это ты с самого зачатия, и этот факт не изменится, какие бы физические формы ни приняло твое тело. У половозрелого малого, несущегося в “мустанге” на работу и готового душой и телом трудиться не щадя загорелого живота, неотъемлемых прав на жизнь, свободу и погоню за счастьем — *ни на микрограмм больше*, чем у трехмесячного зародыша, который плещется в мешке с водами, или у овоща, двадцать лет гниющего в каталке. Кому ведома ценность и продолжительность трипа ближнего? Можем ли мы думать, что мир за ветровым стеклом “мустанга” более богат, свят или просто вмняем, нежели мир за этими блеклыми голубыми глазами? Может ли аборт быть чем-то, кроме фашизма, возродившимся прихотью в новом интеллектуальном платье и выбравшим новую, более беззащитную жертву?

Пол, я уверен на все сто: аборты — это тяжкий кармический клин, и поддерживать их — за исключением случаев, когда нужно взаправду выбирать между жизнью матери и ребенком, — значит подпитывать червя смятения.

В. Все благообразно и зашибись, но представь теперь, что Фэй изнасилована и забеременела?

О. Ничего бы не изменилось. Стебель не вырывают оттого, что зерно в землю бросил сосед.

В. Я полагаю, решение будет все-таки за ней?

О. Я в этом почти уверен. Но мне неловко говорить за нее. Может, позвонишь ей и спросишь?

[Красснер звонит Фэй Кизи в Орегон и вкратце пересказыва-

ет диалог. Она спрашивает: “Так в чем вопрос — если меня изнаси-
луют, стану ли я делать аборт?” — “В итоге — да”. — “Нет, не стану”.]

*В. Она бы вышла замуж за насильника, чтобы у ребенка была фами-
лия отца?.. Что бы ты делал на моем месте, если бы во времена, когда
аборты были запрещены, к тебе пришла девушка с нежелательной бере-
менностью и попросила о помощи, а у тебя был знакомый, нормальный
врач, не чета какому-нибудь коновалу из переулка?*

О. Я был на твоём месте и делал то же, что и ты. Сейчас я ду-
маю — не только из религиозных соображений, но и потому, что
знаю, как у девочек в итоге поехала крыша, — что оказывал им
медвежью услугу, потому что вопрос был совсем не в деньгах и не
в имени парня в Тихуане. В последние несколько лет, когда жен-
щины просили меня о том же самом, у меня получалось их отго-
ворить. И тогда, давно, тоже получилось бы. Девчонки ждут де-
тей, а мужчин, которые несли бы свою долю забот, рядом с ними
не наблюдается. Женщины куда лучше ощущают, что выносить и
вырастить ребенка — это задача на всю оставшуюся жизнь. Все
сводится к соглашению о поддержке. Если мужчина первым отка-
зывается от своих обязательств, как он может винить женщину в
том, что она потом отказывается от своих? Пол, когда в следую-
щий раз тебя попросят выбрать между гигиеной и коновалом из
переулка, попробуй выбрать третью возможность — сохранить
жизнь.

*В. Как, по-твоему, сочетается изжитие кармы в последовательных
вплотнениях и такие явления, как, скажем, авиакатастрофа — добавь
сюда же нацистскую Германию, Ми Лай¹, наводнения, торнадо... общая
карма всех жертв выходит за границы совпадения?*

О. Это Ад, подвешенный в воздушном пространстве.

В. Ты так об Этом говоришь, будто оно — твой близкий друг.

О. Слезь с моей спины, Марта!

В. Что именно из книги Тома Вулфа не попало в печать?

О. То, что могло повредить людям. Том Вулф мало того, что
гений (он написал бо́льшую часть книги без блокнота и диктофо-
на, у него изумительная способность смотреть и запоминать), так

1 Резня в Ми Лае (Сонгми) — один из наиболее мрачных эпизодов
войны во Вьетнаме, в ходе которого отряд американских солдат под
командованием капитана Эрнста Медини и лейтенанта Уильяма Кэл-
ли-мл. (р. 1943) 16 марта 1968 напал на небольшую южновьетнамскую
деревню Ми Лай в провинции Сонгми и, под предлогом того, что де-
ревня якобы служила базой вьетконговцев, убил около 300 жителей,
в том числе стариков, женщин и детей.

еще и очень добрый человек. Некоторые пассажи — вроде группового насилия Ангелов Ада — были бы куда сильнее, открой он имена реальных участников событий; мудрый Том, однако, описал вымышленных персонажей.

В. Джек Керуак однажды описал свое мировоззрение так: “Я не знаю, мне все равно, и нет никакой разницы”. И все-таки его вдова сказала, что он умер одиноким. Он обманывал себя или?..

О. Когда я думаю о Керуаке, мне неловко. Он был пророком, и мы позволили ему нас покинуть. Он знал, ему было *не все равно*, и *разница* появилась бы, если бы я и все остальные уважавшие его люди отослали ему панегирики, которые слагали в голове. Иногда полемика и мода задалбывают нас так, что мы пропускаем мимо ушей ясную просьбу друга о помощи.

В. Ты говорил, что Нил Кэссади был хиппейшим из людей, но если это правда, что он умер, когда шел по железнодорожному полотну и считал шпалы — и его последние слова были “шестьдесят четыре тысячи девятьсот двадцать восемь” — маниакальности тут больше, чем хипа, нет?

О. Кэссади задолго до смерти перешел черту, за которой что хипповость, что маниакальность были одинаково неважны. Он практиковал йогу человека, загнанного на вершину холма пламенем безумия целой страны, загоревшейся материальными ценностями. Чтобы пламя его не поглотило, он прыгал, раскладывая мир по полочкам в секунды свободного и бездымного полета жизни без путей к отступлению. Однажды его спросили, почему он даже не *пытается* быть крутым, и он сказал: “Моя попытка стать крутым была бы похожа на попытку Джеймса Джойса писать как Герб Голд¹”.

В. Как Кэссади среагировал, когда ты сказал ему, что боишься, буд-то теряешь чувство юмора?

О. Проявил величайшее участие и симпатию — словно я сказал ему, что у меня рак легх...гх... ких.

В. Как ты его вылечил?

О. Рак легх... гх... ких? Он сошел на нет сам по себе после того, как я вылил пять галлонов майонеза себе на ногу.

В. Нет, я имел в виду — как ты вылечил чувство юмора?

О. Ой, боюсь, я его так и не вылечил. Реабилитация, как говаривал мой социальный работник в тюрьме для особо важных лиц, — это улица с двусторонним движением.

1 Герберт Голд (р. 1924) — американский писатель, примыкавший к битникам, близкий друг Аллена Гинзберга.

В. Чем похожи Бэббс и Баба Рам Дасс¹?

О. Очень трудно непредвзято говорить о своем лучшем друге. Чтобы избежать обвинений в, как я ее однажды назвал, “общинной лжи”, возвращаю вопрос тебе. Чем, *по-твоему*, похожи Бэббс и Баба Рам Дасс?

В. Я думаю, что Рам Дасс – нечто вроде Джонни Карсона будущего, а Бэббс – его Эд Макмахон²... или наоборот... каждый из них – сторона одной монеты, Психоделического Социального Директора, и оба они волшебным образом преобразуют ту среду, в которой появляются, только стиль у них очень разный... Что такое “общинная ложь”?

О. Помню, однажды делегаты двух больших общин приехали ко мне на ферму и начали возвышенно обсуждать обмен ящика канталуп³, которые вырастила южная община, на переносной душ, который нашла на помойке община северная. Когда сделка была заключена, они начали повсюду расхаживать и сочиться мизмами типа: “Видите? Мы независимы”.

Чушь собачья. Обойтись до следующего лета ящиком дынь и жалким душем шестьдесят с чем-то человек не смогут. Это разнообразность лжи, которой потчует себя вся психоделическая община, и я в первых рядах. Когда кучка людей защищает свой стиль жизни восклицаниями типа “как прекрасны мы были в Вудстоке!”, я не могу не спросить: “Какой урожай канталуп вы собрали в этом году?” Очень часто прекрасность, крутизна, хипшовость – отговорки, с которыми никто не пропальывает сорняки.

Вудсток – прекрасный фестиваль, исторический, возможно даже, библейский, но Алтамонт⁴ был куда честнее. Успех порожд-

1 Кен Бэббс – пионер психоделики и один из Веселых Проказников, друг Кена Кизи с 1958 г. В 1994 г. Бэббс и Кизи написали роман “На последний круг”. Баба Рам Дасс (Ричард Олперт, р. 1931) – профессор психологии Гарвардского университета, знаменитый своим исследованием последствий приема ЛСД. Коллега Тимоти Лири, выгнанный вместе с ним из университета. В 1967 г. Олперт поехал в Индию, где гуру Ним Кароли Баба дал ему имя “Рам Дасс” – “служитель Бога”.

2 Джонни Карсон (Джон Уильям Карсон, 1925–2005) – американский комик и писатель, прославившийся в качестве ведущего “Вечернего шоу с Джонни Карсоном”. Эд Макмахон (Эдвард Лео Питер Макмахон-мл., р. 1923) – соведущий “Вечернего шоу”, 30 лет представлявший главного ведущего воплем: “Вот и Джонни!”

3 Канталупа – сорт дыни с плодами круглой или приплюснутой формы с бородавчатой поверхностью.

4 Алтамонт – рок-фестиваль, который состоялся в декабре 1969 г. на спидвее Алтамонтского гоночного парка в Северной Калифорнии; был отмечен одним убийством и тремя случайными смертями.

дает великую уверенность в себе и братские чувства; горькая правда открывается, когда нас прижимают к стенке. Чуть останется чужью, и ни длина волос, ни семейные узы этого не изменят.

В. Чем отличаются Ангел Ада Сынок Бардджер и генерал Паттон Пентагонский¹?

О. Паттон, я полагаю, — это безумец, дилетант оккультных наук, наделенный харизмой, властью и тупой половой жизнью; Сынок не гонится за славой и далек от безумия.

В. Что ты думаешь о приговоре Чарльзу Мэнсону? Разве признать его виновным — не то же самое, что признать босса мафии виновным в заказных убийствах, с той лишь разницей, что Мэнсон своим девочкам не платил?

О. Когда Исав, красный и косматый², обогнал брата-близнеца на выходе из лона, он опередил его, так сказать, на волосок — и стал на правах старшего заправилой рода. Много лет спустя, возвращаясь с популярной в тех местах разгульной охоты на енотов, Исав видит, как его брат сидит на корточках в поле и уминает тарелку манной каши.

— Эй, братишка, — зовет Исав, — не хочешь поделиться глотком манной каши со старшим братом, который вымотался на охоте?

Исаак взвешивает возможности и отвечает:

— Я тебе вот что скажу, большой брат: меняю тарелку манной каши на твое первородство, то есть на *твое право* быть старшим в семье.

Исав пожимает плечами:

— Я буквально валяюсь за мертвое, что мне это дерьмовое первородство! По рукам.

Заглотив тарелку еды, Исав и не заметил, что только что отрекся от богоданного имущества, ибо, отказавшись от своей роли в Большом Шоу в пользу насущных потребностей, он потерял *право на выбор*! Когда суд объявляет Мэнсона виновным в том, что эти

1 Генерал Джордж Смит П а т т о н-мл. (1885–1945) — один из командующих американскими войсками во время Второй мировой войны. Известно его высказывание: “Ведите меня, идите за мной или убирайтесь с моей дороги”. Здесь — собирательный образ военщины; Пентагон был построен только в 1943 г.

2 Быт., 25:24–25. “И настало время родить ей: и вот близнецы в утробе ее. Первый вышел красный, весь, как кожа, и косматый; и нарекли ему имя Исав...”

девочки сделали по его принуждению, он лишает девочек права выбора, абсолютно неотъемлемого права, которое не может обойти даже Бог! Отказаться от него можем только мы сами.

Когда кто-то кричит “меня заставили!”, он вступает в прославленные ряды эйхманнов¹ и кэлли, варящихся в кармической воде погорячее, нежели мэнсоны и никсоны, у которых есть, по меньшей мере, право быть виновными.

В. А как же люди-звери, которые, по-моему, утратили способность развиваться?

О. Это конченные люди — и кармически, и духовно. Как виноградная лоза, которая не дает плодов и не намерена их давать в будущем, и которую предадут огню, и она об этом знает и *по собственной воле остается прежней*. Эти люди опять-таки подобны Исаву, вопрошающему: “Я умираю, что мне в этом первородстве?”². Способность развиваться и перерождаться не утрачивается, утратить ее невозможно, она есть всегда; просто вероятность того, что *некоторые люди* воспользуются этой возможностью, близка к нулю. В конце концов, когда закипает море, и горят скалы, и кровотокающая луна отказывает им в прибежище, они бегут к сатане, и он говорит: “Вы по адресу! Заходите!” И преображение в зверей завершается.

В. Библия была написана, когда люди верили, что земля плоская, Бог похож на человека, а женщины — существа второго сорта. Если ты считаешь, что Новый Завет все еще продолжается, расскажи ту современную притчу — про суд и собаку.

О. Власти выдают ордер на мой арест за то, что я не озаботился регистрацией собак, которые предположительно живут на моей ферме. Меня разыскивают и тут же бросают за решетку за то, что я не приобрел свидетельства о регистрации собак, который, ваша чездь, я не считаю своей собственностью; прошу вас вызвать в качестве свидетеля мою десятилетнюю дочь.

Бейлиф: Вызывается Шеннон Кизи!

Судья: Одну секунду. [*благодушно взирает со своей скамьи*] Шеннон, ты знаешь, что такое ложь?

Шеннон: Ага.

1 Карл Эйхманн (1906–1962) — немецко-фашистский военный преступник. С 1937 г. возглавлял подраздел “по делам евреев” в имперском управлении безопасности; после разгрома фашистской Германии во Второй мировой войне бежал в Аргентину, откуда вывезен в 1960 г. израильской разведкой и казнен.

2 Быт., 25:32.

Судья: И ты знаешь, что такое правда?

Шеннон: Ага.

Судья: И ты можешь отличить одно от другого?

Шеннон: Ага.

Судья: Приведите ее к присяге.

Бейлиф: Шеннон Кизи кланется ли выговорить правду только правду и ничего кроме правды да поможет вам Бог?

Шеннон: Ага.

Я: Шеннон, ты считаешь Стюарта собакой?

Шеннон: Нет.

Я: Ты считаешь, что он — собака Джеда, Зейна или мамы?

Шеннон: Нет.

Я: Ты считаешь, что он — моя собака?

Шеннон: Нет.

Затем, отталкиваясь от этого драматического свидетельства, я привел свои доводы, основанные на той посылке, что если кто-то кормит другое живое существо и живет рядом с ним, он не обязательно *владеет* этим существом — если только не использует его как *вещь* по схеме “я/оно”, в то время как я *общаюсь* со Стюартом и потому не могу им *владеть*. У судьи отпала челюсть. Сраженный моей неоспоримой логикой, окружной прокурор покраснел и забрызгал слюной. Бейлиф перекрестился и показал мне скрещенные пальцы, но побить мои доводы он был не в силах.

— Невиновен, — постановил судья и добавил, — *но*, мистер Кизи, раз уж вы не владеете собакой — и, видимо, никто ею не владеет, — я должен уведомить вас: по законам нашего штата собак *без владельца* усыпляют.

— Вы хотите сказать, что, выиграв дело, я потеряю собаку?

— Боюсь, вы правы. Если только не приобретете свидетельство о регистрации.

— Я согласен, я его покупаю.

— И на других собак тоже? — встрял прокурор. — Или хотите, чтоб они задохнулись газом?

— Я регистрирую всех собак.

— Вы мудрый человек, мистер Кизи, — сказал судья.

Я молча смотрел на то, как он снова бросил благодушный взгляд на Шеннон и покинул скамью, войдя в моем воображении в следующую свою реинкарнацию: мальчик, улепетывающий по

Центральном парку от своры безумных шпицев, спущенных на него сообществом безумных старушек, которые отлавливают дезертиров с пятой мировой войны. Собаки сбивают его с ног. Старушки смотрят и аплодируют, а их высокопородистые и подробнейше зарегистрированные собачки выедают у парнишки уши, нос, промежность...

В. У тебя есть любимая метафора: человечество участвует в некой драме. Поскольку сценария у нас нет, не предскажешь ли ты, как будет развиваться сюжет?

О. Хорошие Парни победят. Сознание, которое сейчас выковырывается, будет закалено до совершенства и повешено в сарай рядышком со старыми верными инструментами — Милосердием, Равенством и Уиллом Роджерсом¹. Отзывы будут великолепные. Даже Гитлер, проходя в паре шагов от самого Старины-Сатаны, будет награжден неслыханными аплодисментами. Наконец-то с божьей помощью закладная на этот клочок скорби будет выплачена.

В. Помогите залатать прореху между Хорошими Парнями и Плохими Парнями, расскажите о фашистском юморе.

О. Да, но что-то тут стало прохладно; подбросим еще одного еврея в огонь?

В. Я знаю, что ты не антисемит, но, может быть, ты человеческий шовинист? Я один раз сказал, что не верю в то, что евреи — избранный народ... или что люди вообще — избранный вид...

О. Я не верю в то, что люди — избранный вид, но верю, что евреи — Избранный Народ. По крайней мере, были им.

В. До какого момента?

О. До момента, когда две тысячи лет назад на станцию привалил поезд, который выглядел не как Сын Мой, Мессия, а как битник в сандалиях и светящейся ермолке; этот поезд подождал, пока Избранные займут свои места, а потом отвалил. Несколько ошибавшихся во дворе бродяг — главным образом ленивые жида и гойские проститутки — проникли в товарные вагоны.

В. Что ты думаешь о рок-музыке, тексты которой тяготеют к неохристианству?

О. Бог ты мой, Пол, ты же христианин и все такое; что ты об этом думаешь?

1 Уилл Роджерс (Уильям Пенн Адер Роджерс, 1879–1935) — американский комик и юморист. Игра слов: will (англ.) — воля.

В. Что-то тут стало тихо; подбросим еще одного христианина львам?... Что тебе приходит на ум, когда ты слышишь нечто вроде “Вот один дунул через край, Иисусе...”¹?

О. Я думаю, они поют (ты знал, кстати, что этих парней опекают “Грейтфул Дэд”?) о состоянии, когда ты залез так высоко в астрал, что вынужден полагаться в основном на веру.

В. Не порассуждаешь немного на тему “наркотики и вера”?

О. Или: куда девать руки, когда замыкает провода. Иногда мы должны сделать все, чтобы правая рука не ведала, что творит левая — разорви их союз, поверни ладони во все стороны и жди искры творения! — иногда, наоборот, складываем их в молитве. Так вот, я рекомендую тем, кто чувствует, будто готов повернуть ладони во все стороны, развести руки и пуститься во все тяжкие, ЛСД-25 и/или псилоцибин, если можно быть уверенным в их качестве. (Где взять качественную дурь? Понятия не имею; у меня ее нет. Свою первую и лучшую дурь я получил из надежных рук федерального правительства. Они воздавали мне должное — платили мне и другим крысам, и белым, и черным, по 20 долларов за эксперимент, чтобы протестировать дурь на нас, так сказать, *затянуть* все это; потом, когда они уловили, что именно происходит в полной морских свинок комнатке, они выпихнули всех свинок вон, захлопнули дверь, заперли ее, зарешетили, вокруг выкопали ров, поставили у входа двух охранников, как следует наехали на злополучных свинок и приказали — под угрозой хуже смерти — *никогда* больше не входить в эту дверь — и если после обстоятельного изучения результатов скромных экспериментов, которые начались десять лет назад и закончились гниением мозгов и повреждением хромосом [посмотри записи доктора Лео Холлистера за начало 60-х годов — это больницы Администрации ветеранов² в Менло-Парке и Пало-Алто], ты думаешь, что они должны были воздать тебе должное, я бы предложил требовать с них или это должное, или награду для всех свинок — “Пурпурное Сердце”, Крест за Отличную Службу³ и пол-

1 Название песни дуэта Майка Брюэра и Тома Шипли (1971).

2 Администрация ветеранов — американское правительственное ведомство, образованное в 1930 г. с целью координации и реализации программ помощи ветеранам. Ныне — Министерство по делам ветеранов.

3 “Пурпурное Сердце” — воинская медаль, вручается за одно боевое ранение. Крест за Отличную Службу — вторая по значимости военная награда США, выдается тем, кто проявил исключительную доблесть на поле боя.

ную пенсию по инвалидности для них и их потомков...) И если порой ты ощущаешь, что устал пускаться во все тяжкие, изнурен и вымотан, я рекомендую сложить руки (приняв чуть текилы или, куда лучше, дилатина¹), закрыть глаза и сконцентрироваться и *правой стороне себя, и левой стороне себя* на ТОМ, КТО ЗА ТОБОЙ... потом выпить чаю, выкурить косяк, погадать на “И Цзин” и приниматься за работу или за то, что было пущено на ветер, пока ты предавался всем тяжким, и не *раскрепощаться*; чем дальше раскрепощаешься за границей знания о том, что тебе нужно делать, тем больше затягиваешься, истощаешься и опутываешь себя цепью лжи. *Слишком прочное раскрепощение, вне всяких сомнений, искривит твой позвоночник и выфрбит половину мозга*, ту, что отвечает за память, которая устает снабжать половину, отвечающую за речь, информацией, растраниженной на скороговорочные *bon mots*², и говорит: “На хуй; если он неспособен использовать свой рот по-другому, пойду-ка я на боковую”.

Когда пройдет неделя такой, как ее называл Кэссади, “очистки”, разведи руки снова и освободи место для того, что придет. Я не знаю иного пути к Вере; ее нельзя купить; ей нельзя научиться; ее нельзя отбить силой. Вера не приходит с уверенностью. Вера приходит, когда требуется выжить.

В. Как по-твоему, легализация травы – это панацея?

О. Легализация травы абсолютно никак не скажется на нашем уровне жизни, военном превосходстве, даже на проблеме неуспеваемости в университетах. Эта страна от травы не изменится, только станет мягче. Это не панацея, это откровенная диверсия.

В. Девство помогло Христу – или только помешало?

О. Ты же знаешь, что девство породило Христа, так что для него оно было естественно. *Однако* я думаю, что его история не стыкуется с обещаниями долгой жизни, которыми сыплют сторонники этой особой промежуточно-йогической дисциплины.

В. Ты согласен с тем, что сексуальная ревность возникает по преимуществу у пуритан?

1 Дилатин (дифенин, дилантин, фенитоин) – противосудорожный и противоэпилептический препарат, в виде побочного эффекта увеличивающий содержание аланин-аминотрансферазы в сыворотке крови, что в естественных условиях происходит при заболеваниях печени, в том числе – алкогольных.

2 Остроты (*фр.*).

О. Нет, я полагаю, что ей подвержены все секты.

В. Притупи бдительность своей подкорки... Что ты думаешь о механических средствах сексуального возбуждения навроде вибраторов?

О. У меня, прости за выражение, всегда все получалось с традиционным оборудованием, спасибо.

В. Пойдешь ли ты дальше и скажешь, что оргии случаются от скуки?

О. Мой тщедушный опыт говорит, что все оргии случаются не от скуки — очень даже не от скуки, — а от избытка силы, изобретательности и доброй толики блядства.

В. В отличие от Тима Лиги с его волшебными объятиями ты не кажешься физически вынужденным. Тебя это не беспокоит?

О. Мой папа, техасец, растил меня на старых добрых мерканских рукопожатиях; я так прикидываю, народ творит то, чего для них естественно. Иногда я обнимаю людей — обычно это случается, если меня интересует рельеф их грудной клетки.

В. Когда ты был борцом, тебе приходилось преодолевать гомосексуальную оборону?

О. Только один раз, и он был потрясный.

В. Ты веришь в спорт так же, как когда-то?

О. Нет. Я любил спорт, занимался разными его видами, но не собираюсь увлекать им моих сыновей так, как некогда мой отец увлек меня. Мне не по нраву тяжелый фашистский удар, которым я валю героев-профи, и мне не нравится дух “Маленькой Лиги”¹, заставляющий мальчишку бить со всей дури по отцовским отмирающим и несоразмерным ценностям. Я боюсь, что старый аргумент “закаляет характер мальчика и вселяет в него уверенность” — не более чем первая версия морпеховской рекрутской заглазливки.

В. Кстати, как ты откосил от армии?

О. Я хотел откосить, поступив в Академию береговой охраны в Нью-Бедфорде, поехал на собеседование, дошел до вопроса “У вас был когда-нибудь вывих плеча?”; за пару лет до того я вывихнул левое плечо на турнире по борьбе в Сан-Луис-Обиспо, где пережил худшее в своей жизни поражение в финале, вот я и отметил: “Да, у меня был вывих плеча”, и отправился на следующий день на очередной турнир, где перевывихнул это же плечо, а в понедельник пришло извещение о продолжении собеседования и

¹ “Маленькая Лига” — американская некоммерческая организация, ставящая целью увлечь подростков бейсболом и софтболом.

рентгене, где врач сказал, что плечевую кость (которая до повторного вывиха особенно меня не беспокоила) “мотает туда-сюда по впадине словно глазное яблоко в кувшине с соплями”, и наградил меня за мои муки старым добрый 4Ф¹.

Кто сказал, что атлетические тренировки превращают парней в милитаристов?

В. Расскажи о взлете и выпадении твоего зуба из американского флага.

О. Ну да, зуб. То было наказание за моментальную патристическую заминку, когда я удрал в Мексику, потом вернулся, сбежал от ФБР, следуя за Роаном² к мосту Сан-Рафаэль, врезал по тормозам, никакого эффекта, врезался в Роана, который остановился на красный свет передо мной, въехал в подвернувшийся переулок, врезался в белый “империал”, отскочил, поломав ограждение, на спортивную площадку, врезался в столб и в конце концов врезался ртом в руль, выбив из десен передний зуб.

Я провел ужасную ночь в гостинице в Беркли, пил аспирин и прислушивался, не шмыгают ли по лестнице агенты ФБР; назаутра я наконец добрался до Санта-Круса, где безумный дантист Дик Смит предложил заменить зуб обрывком флага. Стяг развевался на мачте моего рта четыре года кряду, пока однажды я не чихнул у гусиного пруда, где мой брат скормил гусям творог; к моему удивлению, там, где развевался флаг, теперь оказалась дыра. Чак видел, как что-то полетело в творог, когда я чихнул, но что именно — он не заметил. Творог съел гусь. Какой гусь? Чак не знал, поэтому мы заперли всех четырех гусей в курятнике и пару дней изучали их отправления. Ничего необычного мы не обнаружили, а мой дедушка сказал, что зуб, скорее всего, перемололся в зобу. Так наказание подошло к концу. Теперь я настолько люблю наш флаг, что желал бы повсюду видеть его спущенным.

В. Ты завесил дыру чем-нибудь еще?

О. Флагом ООН. Ты подумай: учитывая, что нам так или иначе нужен Человек Наверху, кому лучше служить — Ричарду Никсону или У Тану³?

1 4-Ф — официальное обозначение категории призывников, не годных для прохождения военной службы из-за физических или умственных недостатков.

2 Брайан Д. Роан — адвокат и друг Кена Кизи.

3 У Тан (Маха Трай Ситу У Тан, 1909–1974) — бирманский дипломат, третий генеральный секретарь ООН (1961–1971).

В. Что ты ощутил, когда нас разыскивали “Черные Пантеры” – до того, как мы смогли укрыться у “Грейтфул Дэд”?

О. Хотелось замереть намертво. А ты?

В. Я хотел как-то сообщить им, что испытываю другие ощущения, нежели когда меня искала полиция Чикаго, потому что на этот раз я старался симпатизировать... то есть – я надеялся, что меня не будут щекотать... ты прав, хотелось замереть намертво... Веселые Проказники могли ускользнуть, потому что полиция знала, что они просто путешествуют; ты не думаешь, что у живущих в гетто Окленда другие перспективы?

О. Другие, но, возможно, не столь уж и чреватые. К любимым людям, имеющим наглость оставаться в живых друг рядом с другом, может нагрянуть Молох с дубинкой и ордером на обыск. В Окленде или где угодно еще опасно жить не черным, а окрашенным. Тюрьма, которой угрожают наглецам, построена всего лишь из категорий. Копы знают, что нет никакого способа арестовать радугу.

В. Пока она не пересечет границу штата... Что ты имел в виду, когда сказал, что я зажал свое сознание, когда говорил с теми людьми у “Кафе Сэма” на радио?

О. Я имел в виду, что вакуум столетий рычит вопросы в твои уши, а ты находишь время загадывать загадки волчатам-бойскаутам. Кто ты такой, чтобы разбрасываться своей ценной энергией во времена экологической бедности?

В. Ну – не знаю, может, тяготей я к волчатам-бойскаутам... а ты – продавец пылесосов... Ты оправдываешь эко-герильесов, которые выходят с двуручными поперечными пилами и выбирают наиболее противные рекламные щиты?

О. Да, это акт творческого ненасилия, который приносит результаты и немедленные плоды. Надеюсь, таких людей будет все больше.

В. Ой, слушай, по телику крутят Бастера Китона¹.

О. Полный блядский отпад. Пойдем смотреть.

[Перерыв. Китона не было. Посмотрели вместо него третью Игр.]

В. Джон Уэйн говорит, что тот, кто собирается посмотреть в объектив камеры, должен приготовиться произнести Нагорную Проповедь. Ты бы посмотрел в объектив камеры? Я имею в виду – каковы правила твоей игры?

1 Бастер Китон (Джозеф Фрэнк Китон, 1896–1966) – американский комедийный актер.

О. На все воля Божья. И если для того, чтобы обрести способность настроиться на эту волю, я должен чуть воспарить или повести себя немного странно, потому что иначе не прочистить затвор в моей трубе, я могу осмелиться попросить Бога, раз уж иначе никак нельзя, чтобы в полете меня не слишком трясло и мои странности не оборачивались грубостью.

Мы всегда ошибаемся и все проебываем, и все наши правила в конечном итоге рушатся под весом поправок. В книге Урантии¹ сказано, что на Тайной Вечере Христос обещал своим ученикам, что вернется к ним в образе Духа Истины. Вот что нам нужно — стрелка компаса, которая вечно указывала на Что Бы То Ни Было Верное. Чем ближе мы к Духу Истины, тем больше правил нам придется оставить. Дух ответственности всякого момента, беспрестанный поиск исключительного и верного действия в каждый исключительный и требовательный миг — вот к чему ведет нас Неуказанный Путь... и ради нашего последнего святого *сердца* мы обязаны оставить все правила.

В какую-то такую игру я и играю.

В. Я могу понять молитвы ради поддержания контакта со вселенной, но не кажется ли тебе, что молиться ради достижения какой-то личной цели — значит идти против космического смирения?

О. Совсем нет! Сердце, подобное моему — чистое и преданное, — освобождено от смирения. Чего ты добиваешься своими вялыми вопросами? Разве ты не знаешь, что я занятой человек и меня ждет много неотложных дел?

В. О да! Это великий Дух Истины прикрывал тебя, когда ты выскользнул с той вечеринки с баллоном веселящего газа — ха-ха-ха?

О. Так получилось, что Дух Заначки — одна из поправок к Духу Истины.

В. Что имел в виду твой отец, когда однажды, надыхавшись паров, сказал тебе и Чаку: “Парни, лучше бы вы были правы, а не то случится конец света...”

О. Он чувствовал, что наши устремления угрожают всей человеческой иерархии, всей нашей системе, что держится на Том, Кто На Деле Заправляет Миром, и что когда короли и генералы повергаются в прах, нужна Здоровая Альтернатива.

¹ Книга Урантии — популярное религиозно-философское сочинение, появившееся в Чикаго между 1934 и 1955 гг.; кто был его автором, до сих пор неизвестно.

В. Как по-твоему, что наши дети сделают такого, что огорчит и шокирует нас в той же мере, как огорчали и шокировали наших родителей наши поступки?

О. Ничего. Никогда. Если наши попытки были искренними. “Виноградные Орешки”¹ все так же трудно пережевывать, как в детстве?

В. Ах ВОТ ЧЕМУ ты собрался подвергать детей!.. Но неужели же ты не разрешишь им читать “Эп Комикс”²!

О. Однажды по пути на съемки фильма “Атлантида поднимается”³ мы разбили лагерь у Эда Маккланыхана⁴ посреди целой армии детей: моих, Бэббса, Эда, Чака... пока они играли во дворе, взрослые расположились на заднем крыльце, курили, выпивали, трепались и читали новый урожай “Эпов” и комиксы в эпическом стиле, которые Эд притащил из конторы. Злые, кровавые и праведно тревожные — единственные из виденных мною комиксов, которые вызвали у меня настоящее животное восхищение тем, как искусство в них отражает проблемы — впервые с тех пор, как я увидел трахающиеся статуи Рона Бойса⁵. Сногсшибательные...

Чуть погодя одна из книжек попала к детям, и мы заметили, что энергия их активности, до того охватывавшая все и вся, начала дробиться. Когда ребенок читал известного рода комикс, он мрачнел и уходил в себя, пока постепенно общение — основа игры — не угасло насовсем. Я спросил Бэббса:

— Как ты думаешь, от этих комиксов наши дети в будущем станут лучше или хуже?

— Хуже, я думаю, — ответил он.

— Я тоже, — сказал я.

И мы стали убирать книжки от детей подальше.

Потому что, и особенно это проявлялось в комиксах того времени, даже в работах гениев вроде Крамба, Уилсона и Шелтона⁶

1 “Виноградные Орешки” (Grape Nuts) — марка овсяных хлопьев.

2 “Эп Комикс” — андеграундный журнал комиксов, первый выпуск которого появился в 1968 г.

3 “Атлантида поднимается” — полнометражный фильм, который Кизи с друзьями снял в семидесятые.

4 Эд Маккланыхан (р. 1932) — американский писатель. Кроме прочего, редактировал журнал “Плевков В Океан № 7: Все О Кизи” (2003).

5 Рон Бойс (1933–1966) — американский скульптор-концептуалист, друг Кизи.

6 Роберт Крамб (р. 1943) — американский художник и иллюстратор. Гилберт Шелтон (р. 1940) — американский карикатурист и рисовальщик комиксов.

кроме собственно искусства часто появлялось еще кое-что, отступления, вроде скоростных трипов, по которым было заметно, как художники пытаются изгнать собственных демонов, загоняя их, пусть и бессознательно, в любую податливую свинью, только мы, взрослые, на роль свиньи не подходили — либо в нас было слишком много своих демонов, либо мы становились опытными экзорцистами и выстраивали защиту, в любом случае мы были в безопасности. Но за детей я уверен не был.

Скажу так: я ничего не имею против того, чтобы мои дети смотрели на пару, занимающуюся любовью, но вид флагелланта — это совсем другой коленкор. Но и это не объяснение. Вот оно: меня волнует *сознание, которое транслирует художник*, а не описываемое искусством действие. Я всегда притаскиваю из города кучу всего для детей, включая “Зэп” (так что на деле я разрешаю им читать “Зэп”, более того, я не помню, чтобы утаил от них хоть один номер “Зэпа”, околозэпные книжки — другое дело), а кое-что читаю им вслух, потому что бывают сюжеты настолько хорошие, что понимаешь: породившее их сознание должно быть неуязвимо, *каким бы ни был сюжет и как бы гнусно он ни излагался*; “Ленор Голдберг”, “Капитан Писежуй”, “Кот Фриц”, “Мистер Натурал”, “Чудо-бородавочник”¹, да господи, *почти все* вещи, которые читают все и каждый, — только я сейчас читаю их, пытаясь в первую очередь проникнуть в *сознание*, послужившее импульсом, и некоторые я отвергаю.

Понимаешь, У.К. Филдс был великим художником, но стали бы мы просить его посидеть с детьми, когда он мучался тяжким похмельем?

В. Из-за чего ты в последний раз выходил из себя?

О. Должен признаться — из-за детей.

В. Над чем ты в последний раз истерично смеялся?

О. Моя голова — хаос раздробленных зерен. Кто вот теперь отделит память от рибофлавина? Кажется, это случилось с неделю назад во время разбавленной кислотой партии в покер, когда дошло до того, что у меня на руке было девять карт с Дозами, Веселушками и Одноглазыми Блевушками джокеров.

В. Между этими двумя вещами есть какая-то связь?

1 Ленор Голдберг (радикальная феминистка, в душе — мать и домохозяйка), Кот Фриц, Мистер Натурал — персонажи комиксов Роберта Крамба, Чудо-Бородавочник — герой Гилберта Шелтона (с 1963 г.), Капитан Писежуй — С. Клэя Уилсона.

О. Да! Конечно, связь есть! Между какими двумя?

В. *Забудь. Я о памяти и рибофлавине.*

О. А, конечно. В данном случае — нет, без вопросов. Следующую связь, пожалуйста.

В. *Как по-твоему, вечное сознание — это Рай или Ад?*

О. Про это я ничего не знаю, но знаю, что сорок фенциклидиновых часов в компании огромной руки на заливке, говорящей “Ты хотел посмотреть на книги? Так *гляди* на книги!”, могут стать реально адскими. В сказке “Ветер в ивах”¹ есть великолепная глава, в ней Крыс и Крот находят заблудившегося ребеночка ондатры, который устроился между копытами (*копытами!*?) того, кто позаботился о беспомощном животном, и Крот с Крысом видят — в *копытах* — великие знамения, великие трагедии, великие удовольствия... в конечном счете слишком много, слишком.

А последний дар (*копыт?*) — это милосердный дар (каких копыт? Я не помню...) Беспамятство.

В. *Что за мороженое с жутким вкусом ты однажды изобрел — то, которое стало ранним признаком твоей ненормальности?*

О. Однажды я, будучи изготовителем мороженого на молокозаводе отца, совершил кулинарный переворот: смешал остатки всех вкусов, добавил много красного пищевого красителя и обозвал все это “Кровавое Королевское”, рассудив, что такое имя соблазнит нашим брэндом новых отважных покупателей. Я хотел продлить триумф, создав еще два деликатеса, “Нечистотная Зыбь” и “Хрустящая Мразь”, но был срезан первым же узколобым лавочником, обнаружившим квартиру “Кровавого Королевского” в своем морозильнике. На молокозаводе раздался незванный звон, лавочник уведомил отца, что не желает быть нашим клиентом, и посоветовал ему сказать дурачку, соорудившему красный замес, поискать работу в мясной лавке. Наверное, я должен был последовать совету: ненормальности трудно расцвести в антисептических рамках молокозавода.

В. *Один кинофритик сказал, что братья Маркс “часто использовали суфийские притчи в качестве отправной точки для экскурсий по безумию”.*

О. Полный отпад! Но я ему верю. Поднятая братьями сумато-

1 “Ветер в ивах” (1908) — сказочная повесть английского писателя Кеннета Грэхема (Грэма, 1859–1932).

ха источала аромат здравомыслия, который никак не мог самозародиться в местной ешиве. Суфо Маркс? Ты подумай...

В. Почему ты не называешь Хью Ромни именем, что принадлежит ему по праву?

О. Потому что я попросту не могу себе представить, как еле выбираюсь из густонаселенной москитами чащобы, наконец-то нахожу запропавшего коллегу, скрюченного и изможденного десятилетиями гуманистичных представлений в наиболее заброшенных из уголков земного шара, и говорю ему: “Волнивая Подлива, я полагаю?”¹

В. Ты использовал выражение “быть туго спеленым собственным образом”. Что оно для тебя значит?

О. Не помню, чтобы я такое говорил. Но ты, Пол, парень правдивый, так что, значит, говорил. Что бы я мог иметь в виду? Хм-м... Ну что ж, да, я думаю о своем блядском образе; грешен. Вроде и не хочу, но часто вижу его в прихожей, он скачет и хнычет, словно собака, которая просит ее выгулять, и я вынужден обратиться на него внимание хотя бы из сострадания:

— Привет, Образ, как поживаешь, чертяка?

— Выпусти меня, выпусти! Я тускнею, я искривляюсь, мне нужно немного света!

— Да уж, парень, видел я свет, который ты к себе привлекал. Хватит пороть чепуху, вали обратно в подвал; когда подойдет время прогулки, я тебя извещу...

Наверное, я имел в виду, что стараюсь оставаться честным со всем враньем, которое наобещал вчера, и все еще не оплатил прививку от бешенства.

В. Однажды случилось Великое Окончание Кислотного Теста. О чем мечтаешь, выпускник?

О. По правде говоря, я посещал курсы повышения квалификации. Может быть, пойду сдавать экзамены и поступлю в докторантуру.

В. И что же ты изучал?

О. Я научился держать под рукой немного никотиновой кислоты и женьшеня, а также мантру, полезную в дублирующей системе.

1 Аллюзия на известный исторический анекдот о Генри Мортоне Стэнли (1841–1904), который в качестве корреспондента газеты “Нью-Йорк Геральд” отправился на поиски (1871–1872) пропавшего исследователя Африки Дэвида Ливингстона (1813–1873). Обнаружив последнего — единственного белого человека — в джунглях, он осведомился: “Мистер Ливингстон, я полагаю?”

В. Не думаешь ли ты, что стал слишком зависимым от “И Цзин”?

О. Канон — это оракул, он готов на тебя работать, но потакать тебе не станет. У него все схвачено: если ты им злоупотребляешь, он непременно тебя отчитает и привлечет твоё внимание к нарушению правил, например, при помощи гексаграммы “Мэн — Недоразвитость”, основной комментарием которой гласит:

Свершение.

Не я ищу юношей; юноши ищут меня.

По первому гаданию — возвещу;

повторное и третье — смутит.

Раз смутит — не возвещу.

Благоприятна стойкость¹.

В. Ты с тем же успехом можешь читать киносценарий с режиссерскими пометками — Оцененение переходит в Ужас, — но если, какую бы гексаграмму ты ни выкидывал, “И Цзин” всегда будет применим к твоим обстоятельствам, значит, он действует точно как тест Роршаха², и мне кажется, что чем более близкий контакт ты установишь с подсознанием, тем меньше тебе нужно будет советоваться с “И Цзин”.

О. Нет. Сближение со своим подсознанием — это поле психологии. “И Цзин” существует совсем на другом поле. Способность выкидывать гексаграммы “И Цзин” не меняется, ты всегда бросаешь монеты не лучше и не хуже, чем в первый раз.

В. Во время французского восстания 1968 года у студентов был лозунг: “Психология нацелена на систематическое подчинение поведения индивида ложным социальным нормам”. Как ты думаешь, изменилось ли что-нибудь с появлением групповой психотерапии и психодрамы?

О. Однажды в Эсалене³ мне случилось побывать на танцетерапии. Это было последнее занятие на неделе. Выпускники пылали от случившихся за неделю столкновений и прорывов и кратко перечисляли свои победы. Был там и Фриц Перлс⁴.

1 Комментарий цитируется в переводе Ю.К. Щуцкого.

2 Герман Роршах (1884–1922) — швейцарский психиатр и психолог, создал (1921) психодиагностический тест для исследования личности.

3 Институт Эсален — основанное в 1962 г. учебное заведение, расположенное близ источников Биг-Сур. Считает своим долгом раскрытие “человеческого потенциала” (по словам Олдоса Хаксли) через различные нетрадиционные дисциплины. Назван по имени вымершего индейского племени.

4 Фриц Перлс (Фредерик С. Перлс, 1893–1970) — психиатр и психотерапевт немецкого происхождения, основоположник гештальт-терапии.

— Потоштите! — сказал он.

[Внезапно радио возвещает, что сняты все обвинения с Бобби Сила. “Святая корова!” — орет Кизи. Затем президент из Бирмингема говорит о том, что Америка “вовсе не разделена”. Отвечая и Крассеру, и Никсону, Кизи продолжает:]

— Потоштите! — запротестовал Фриц. — Кте фы ф остальные нетели?

— Фто... то есть — что вы имеете в виду? — спросил настороженно танцетерапевт.

— Он спрашивает, — услужливо вмешался я, — что Супермен делает промеж телефонных будок?

— Я спрашифаю, — ответил Фриц за себя, — вы ше телите свою шисьн между *этой нетелей...* и *фсеми остальными нетелями!*

Для меня это значит, что идея “сессий” способна похоронить цели психологии, и что во избежание психиатрической дихотомии мы должны либо (1) позволить психодраме потеснить всю оставшуюся нам жизнь, либо (2) позволить всей оставшейся нам жизни потеснить психодраму, либо (3) жить драмой, не прибегая к Алфреду Хичкоку¹.

Я слышал отчет о несчастных случаях в округе Лэйн. Девочку убила упавшая на нее лошадь. Парень разбился на одномоторном самолете. Парень утонул, катаясь на водных лыжах. Альпинист убится, упав с горы. Ты спотыкаешься, когда берешь паузу, а психодрама — это как раз отдых, наслаждение. Посмотри на машины, в которых ездят ее участники, на дома, в которых они живут. Бобби Сил может позволить себе психодраму? Нужна она ему? Есть ли у него *возможность* ею заниматься?

В. Теперь, когда вокруг нас больше не будет скакать Билл Грэм², какие прогнозы ты дашь насчет будущего рок-концертов и фестивалей?

О. Я боюсь, к лучшему, что сутенерство Билли Грэма замутило эти воды. Может, поэтому я снова пустил свою энергию в писательское русло.

В. Вряд ли честно делать из Билла Грэма козла отпущения за целую отрасль, включая группы, которые требуют много денег вперед.

1 Алфред Хичкок (1899–1980) — англо-американский кинорежиссер.

2 Билл Грэм (Вольфганг Грайонка, 1931–1991) — антрепренер и импресарио, работавший в 60-е годы, в частности, с Дженис Джоплин, “Джефферсон Эйрлайн” и “Грейтфул Дэд”. В начале 70-х отошел от дел и уехал на маленький греческий остров, позже вернулся в бизнес.

О. Ты прав, нечестно. Люди получают то, чего они достойны, и без помощи со стороны. Но Билл Грэм — парень, наделенный большой властью, он выжил, невзирая на мысли о нем столь плохие, что мне они и в голову не приходили. Я сказал “сутенерство”, поскольку оно относится к особому виду посредников, организующих контакт шлюхи и блядуна; именно этого места Билли добился, его он защищал и в конце концов мудро оставил — причем проделал все это очень стильно и без видимых повреждений личности. Возможно, водам надо было замутиться. Если мироощущение порочно, оно обречено с самого начала, а Билл Грэм — лишь часть Божьего мотоцикла. И если я не одобряю сутенера, это ни в коем случае не значит, что я читаю мораль или испытываю к нему личную неприязнь; просто мне кажется, что незачем без толку раздвигать штат. Нужны ли они нам? Ты когда-нибудь видел татуировку “Мать-Природа Представляет!” на выставленной напоказ вагине?

Позволь мне высказаться яснее, как говорит наш великий президент. Билл Грэм, подобно многим из нас, унаследовал жирный кусок Революции, и я думаю, что он, как и многие из нас, проебал свой участок. Еще я думаю, что если они считают себя вправе указывать на ошибки, это их личное дело, и если мы указываем на ошибку слишком долго, или ошиблись с указанием, они могут думать, что вправе указать нам на *нашу* ошибку. А мы должны научиться оставлять человека наедине с его праведностью и погружаться в собственную работу. Я не могу предположить, что Билл Грэм — плохой человек или несправедливая посредственность, на деле я *преклоняюсь* перед его очевидной праведностью, но я могу обвинить его в том, что он — плохой сводник. С другой стороны, может быть, я просто мщу ему за то, что он назвал меня “хипповым Либерачи”¹.

Только вот, Пол, это все сложные вопросы. Мне не нравится, как я отвечаю на слишком уж сложные вопросы. Я отвечаю так, будто я оракул и знаю больше, чем на самом деле. Мои слова обретают искаженный вес. Я в свое время получил длинное письмо от доктора биологических наук по поводу статьи “Рак” в “Последнем Приложении”, и еще одно по поводу статьи “Иммунизация”,

1 Владзиу Валентино Либерачи (1919–1987) — американский пианист, отличавшийся пристрастием к экстравагантным костюмам и пышным шоу.

меня спрашивали: можем ли мы быть уверены, что вы достаточно знаете о раковых опухолях и прививках коровьей оспы, чтобы позволять себе давать советы, по прочтении которых старушка отправится покупать “Лейтрил” вместо того, чтобы пойти к врачу, а мальчишка решит не прививаться? Нет! Мы не компетентны! Мы, конечно, добились бы успеха, отдавай мы все свои силы на погружение в эти области и перестань жить как рок-звезды, но прямо сейчас — нет, я не компетентен. Не более, чем компетентен выносить суждения касательно кармического состояния других людей или решать, кто насколько предан делу революции. Но я не парюсь; какой-нибудь ребенок с большими глазами и блокнотом подойдет ко мне и спросит, как была создана вселенная, и если ему кажется, что я знаю, очень скоро и *мне* покажется, что я знаю, и я задавлю его своей проповедью. Я не парюсь, но я *блядски некомпетентен!*

Потому, мистер Красснер, я не просто прекращу, я *клянусь* прекратить отвечать на эти и другие подобные вопросы, закрыть мой рот и дверь в мой писательский кабинет, закончить новую, полностью выдуманную версию “Свободу учебкам!” и не говорить о том, чего не знаю.

По мне, выдавать то-что-может-быть-правдой за выдумку — призвание куда лучше, чем выдавать то-что-скорее-всего-выдумка за правду.

В. Разве ты не думал однажды, что писательство — занятие старомодное и надуманное?

О. Я рассчитывал на тысячелетие. Сейчас, кажется, я устал ждать.

В. Не расскажешь о том случае со стариком на велосипеде, которого мы видели на дороге у Ла-Хонды?

О. Ах, Пол, ну тебя, я не знаю... дай подумать... мы едем прочь от холмов Ла-Хонды, поворачиваем налево к океану, проезжаем мимо “русских гор” по калифорнийскому побережью на черном “меркьюри” Фэй 1964 года, верх машины откинут, над нами — великое синее небо... и впереди на склоне холма мы видим призрака, движущегося вниз по тропе прямо на нас, кошмарный силуэт мужчины и его личных вещей, и даже *двух других* велосипедов, привязанных к одному дряхлому “уорлду”, который он медленно волок под углом, безжалостно тесня притяжение... проезжая мимо, мы разглядывали его через плечо: кожа лица со следами полувекового

загара напоминала замшу, вылинявшие одежды виноградаря свободно болтались на узловатом остоле, огромные преданные ботинки, сменившие по меньшей мере двух хозяев до того, как посвятили себя незыблемому правому делу этого человека, рыли каблуками гравий, и старик все тащил свой велосипед вниз с холма...

А мы проехали вниз к берегу и остановились у известной мне пещеры, у тоннеля, прорытого во время Второй мировой войны береговой охраной, по нему два человека могли пройти двести ярдов через рассеченную землю и просидеть весь день там, где туннель заканчивается, на другой стороне скалы, откуда открывался вид на кишасий япошками Тихий океан, сидеть там целыми днями все дни все годы нашей битвы с японцами и следить в

бинокли поверх прицела большого оружия за перископами, которые так и не прибыли... а потом, покинув пещеру и возвратившись на север под закатными лучами, мы выслеживаем старика, который продвинулся на несколько миль и идет уже по другой стороне дороги, толкая свой апокалиптический транспорт *вверх* по холму! Трепеща от расположения, мы подаемся за ним. Его голова поворачивается, он сердито смотрит на нас — злой и просветленный Сизиф.

— Вам нужна помощь? — кричим мы с жаром.

— Нет! — рычит он в ответ столь свирепо, что наши рты, растянутые в добросердечных улыбках, распаиваются. Он взирает на нас, дабы удостовериться, что мы поняли его как следует, разворачивается и возобновляет свое стоическое восхождение на холм.

Это “нет” было сказано не просто черному “меркьюри” 1964 года, но самолетам, поездам, мотоциклам и ЛЭМам¹. Это было “нет” человека, который завязал с бензином и не собирался ширяться никаким пятимильным подъемом даже в автомобиле с откидным верхом. Наша сердечность обмякла, мы сделали полукруг и оставили старика в покое.

Однажды, если мы выдержим, мир увидит миллионы стариков, которые предпочитают аскетическую свободу ежемесячным платежам за плюшевую тюрьму. Машины по-прежнему будут рассекать реки смрада, самолеты по-прежнему будут возить Важных, что лихорадочно летят к Безумию и Богатству, но на сельских дорогах и на затерянных островках этот старик по-прежнему будет толкать свой велосипед, бесповоротно презирая те миллионы, что готовы разделить его взгляды.

В. Ладно, последний вопрос: мистер Кизи, вы разрешите своей дочери в ее нижнем белье и под ССТ² выйти замуж за “Сестер Леннон” на вечеринке “Черных Пантер”, даже если эрогезоновое исследование показало, что подобный союз может вызвать усыхание железы масла пачули за пределами любых межзвездных осознаний?

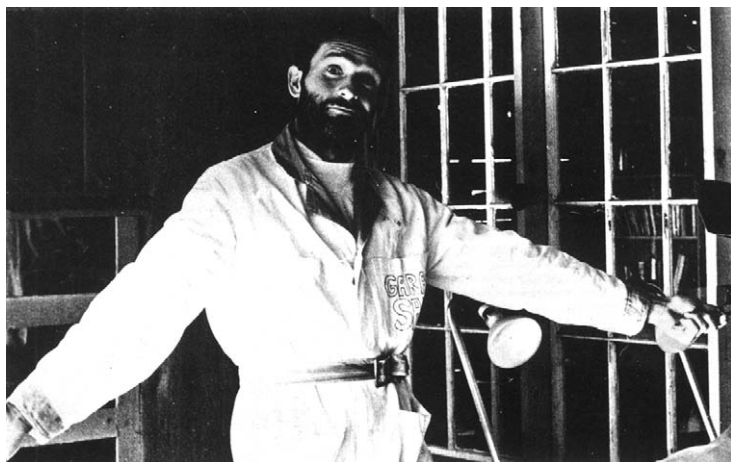
О. Не могли бы вы перефразировать свой вопрос, пожалуйста?

В. Пожалуйста: как была создана вселенная?

О. Спасибо, Пол. Все было здорово. Я хочу сказать это сейчас, в завершение.

1 ЛЭМ — лунный экскурсионный модуль.

2 ССТ — соматостатин, ингибиторный гормон.

Вот! Вы уже тут. Как и было обещано: Пять Лотов Нарасхват. Я кажусь удивленным? Я удивлен. И восхищен.

Мы сделали это. *Пф, ничего особенного.* Ничего особенного? *Слышь, Гаражные Распродажи – они повсюду.* Конечно, но сбывают на них преимущественно хлам. А тут предлагалось ОТЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО. *Лады, лады, не груби тут. Знай свое место, пожалста.*

О, да, *хртф, гык*, во что бы то ни стало простите потворство ментальной возне. Если я не отнесусь к ней серьезно, то кто?

Как сказал мне мой друг Хэл Гликсмен из Музея искусств Пасадены: “Мы, кураторы, не можем позволить себе гордость”.

И снобизм тоже, Хэл. Скажи, ты не думал устроить в Пасадене Музейную Распродажу? Разгребсти чердак и подвал, и денюжат подзаработать?

Боже, неужто это ужасное слово наконец прокралось в мой лексикон? И это после того, как я пытался ограничиться разговорами о науке и литературе?

Но почему бы и нет? Посмотрим правде в лицо. Кто из нас был бы сегодня там, где он есть, коли не бракосочетание купи-продай, которым мы забаррикадировали тылы?

Именно, так и есть! Под открытым небом, вооруженные знаниями, в том числе — как заработать бакс своим умом. Боже, господи, батюшки, и лишь по одной причине в предложении так много восклицаний — я только что осознал, что могу лишиться себя работы, раскрывая секретные сведения о том, как я ее заполучил.

Будь что будет. Откровеннейше говоря, мне кое-что заплатили за то, чтобы я добавил этот проект наилучшим возможным образом. Конечно, он казался давленным и до того, как я к нему подключился, но когда имеешь дело с обширным карнавалом жизни, который течет себе по большому Синемаскопическому Экрану Неба, чуть добавить проект не помешает.

Постигните это — и выиграйте бесплатное путешествие на автобусе “шевроле” 1948 года, который заброшен во дворе Пола Фостера.

У-у-у, в самом конце я намерен предложить вам подслащенную кашку. И когда я научусь уважать разум соотечественников? Разве мы все не братья и сестры?

— Ты не *мне* сестра! — орет Пол, запирая двери и окна “шевроле” из опасения, что в него проберется хоть один человек, встретит меня, или подхватит, или подберет — и исчезнет! Да, исчезнет. Друзья, хоть наши возможности и ограничены, мы можем не только парить на крыльях Великого Американского Орла (Трам-Барам, Федеральный Монетный Двор выпускает еще один эйзенхауэровский доллар), но и копать в пыли, и якшаться с ползучим парнем, который искусил Еву попробовать вкусоности, запасенные исключительно для обитателей планеты; какое-то время мы тут побудем.

Вы тоже можете воспользоваться последним предложением Распродажи. Пол Фостер говорит по этому поводу:

— Поверьте на слово, пришлите *мне* доллар, и я не дам вам абсолютно ничего.

Чертовски здоровская сделка — если обе стороны не подкачают.

СТАНЬ...

Сосунком

С Косяком...

**КЕН КИЗИ, ПОЛ КРАССНЕР, КЕН БЭББС
и прочие ПРОКАЗНИКИ-картодержжцы**

...та же банда, что доставила вам КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ, ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЛОЖЕНИЕ к КАТАЛОГУ ВСЕЯ ЗЕМЛИ и то, что вы держите в руках в эту самую минуту, готовит к выпуску первый официальный выпуск "ПЛЕВКА В ОКЕАН"! ★ ★ ★ Вы можете отложить экземпляр, ПОСЛАВ ОДИН СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЛЛАР в

Intrepid Trips

INFORMATION SERVICE

**Route 8 Box 477
Pleasant Hill, Oregon
97401**

Станьте первым человеком в квартале, получившим мечту коллекционера. Останетесь довольны!

ВЫРЕЖИ ЭТОТ КУПОН

Имя _____
Адрес _____
Город _____
Штат _____ Индекс _____

БИТ

И не забывайте (чтобы вы не думали, что меня иногда сильно заносит) про то, что впереди нас ждет добавочная безделица, исключительно осмысленное дополнение, что освежающе увековечивает выплунение бабочки свободного полета из ею же созданного кокона молчания.

А теперь я скажу "прощайте" — и оставлю вас разгдывать мой замысел наедине вот с этим, последним лотом Распродажи!

Добавочный Сюрприз

Января двенадцатое тысяча
девятьсот семидесятого

Многоуважаемый мистер Кен Кизи!

До нас и Литературной Фабрики дошли касаемые существа дела сведения, кои, по нашему разумению, могла бы быть вам интересной, как вы есть источник королевских материалов. Редакционные Мы намерены просить повелительных вас сочинить что-нибудь для наших страниц либо попросту снабдить нас чем-то уже соделанным, дабы мы могли это что-то напечатать. Мы отдаем себе отчет в том, что предложение наше звучит слишком просто для мудреного положения, в котором пребывает ныне мир — правда же? С вашего позволения Мы изложим причины, Наши соображения как они есть. Из-за того, что некое поле с цветами должно однажды в июле опустеть, ночью в Центральном парке некто крадет у маленькой девочки все ее зубы. Из-за того, что у стульев четыре и более ножек, некоему ветру суждено вдуть черного жучка в водительский глаз и изранить всех пассажиров. Из-за того, что микрофоны суть единственные послания, дарованные нам мелкими богами, нам положено порой гулять всю ночь по улицам или же учиться сидеть смирно и покойно. Чудовище в бледно-лиловой шкатулке одолимо и часто молчаливо и нежно с теми, кто угрожаем ему вымиранием. Как следствие, одни времена года торжествуют, а другие неизбежно проваливаются, наблюдаемые из окна, движущиеся подобно вам, едва любимый, с пальцем на спусковом крючке...

Заметили, сколь ясна и здравомысленна бывает наша аргументация, пусть мы и опутаны с головы до ног окружающими творческими стихиями? В силах ли кто-либо, спрашиваем Мы вас, отвергнуть подобное предложение, презрев Причины такого рода? Так вот же. Поскольку Мы уверены в том, что сумели вас убедить, позвольте мне наделить вас простым сводом инструкций, что придадут эксплуатации вашей новой игрушки максимальные приятство и отраду. Пожалуйста, прочтите их со тщанием, следуйте им веронеотступно — и в конце все будет Хорошо.

ИНСТРУКЦИИ

Настоятельно рекомендуется обстричь когти, чтоб они стали похожи на ногти. Почтальон знает гораздо, гораздо больше, нежели только ваше имя и адрес. Горящие колеса в небесах укажут вам направление движений. Учитывайте шептанье осени в крыльях мира. Сожгите всю свою одежду. Смените имя и лицо. Женитесь вновь на женщине, которой ведомы пути пессимизма и отчаяния. Медленнее и молчаливее внутрь и вокруг углов вашей жизни. Ваша жизнь есть дыхание ядовитого газа, она предрешена. В полночь положите на обочину сто тысяч враг и похороните всякую надежду, что лежит в вашем доме. Сожгите дом. Придушите собаку. Прирежьте цветы, растущие вдоль стены в убегающем свете вечера. Проедьтесь в золотом экипаже по календарю всей своей мудрости и объявитесь в гостроном пейзазином, что изготавливает глиняные горшки; было Время, когда вы могли повернуть, но шанс давно упущен. Положите голову на рельсы. Выверните себя наизнанку. Вы нажили слишком много врагов. Мы расставили слишком много ловушек. Ваше сердце взрывается в бездонной пропасти света. Ваши глаза, некогда освещавшие каждый праздник всех времен года, навсегда впились в содержимое черепа. Ваши гноящиеся желания — цветущая вечность в зеркале неба — это все, что вы оставили. Заберите себя домой.

И помните: мужики заработали сифилис, лишь когда начали приходить овец!

Искренне В.

Лоренс Гонсалес¹

1 Лоренс Гонсалес — американский редактор, журналист и писатель. С 1970 г. его эссе появлялись в таких журналах, как “Харперс”, “Роллинг Стоун”, “Плейбой”, “Нэшнл Географик Эдвенчер” и многих других.

20-е февраля

1 9 7 0

Герр Кэинэх (гэльский, ср. Кеннет, ориг., легко обхватываемый, удобный...?): видите, что они со мной сделали? (*Парень, ты сам во всем виноват. Что значит "они"?*) Теперь я занесен в категорию мелкого кегля на коробке с бланками отчетности. (*Четности? Чиво? Как понять: бланки могут помочь от четности?*) Вопросцем-то энтим философы маялись мно-ого лет: как помочь человеку, зараженному четностью? Иэхх... не канает четность, погнали уже без нее.

Сдается мне, Кэинэх, что все, что я должен сказать после фразы "свидимся, Зора"¹, войдет в мои так называемые (*Нет, книги я не читаю. Язык — это чепуха. Что значит "язык — это чепуха"?* Бессмыслица. *Видишь теперь, о чем я?*) сочинения. Вот почему (*я начал петь блюзы*) я посылаю вам несколько страниц этих самых (*Самых каких?*) (*Слушай, брат, мне эта свалка на фиг не сдалась, я трипую*) всего несколько страниц этих самых сочинений (*А потом я сочинил...*) в надежде сильно вас разозлить, чтобы вы засунули коровью лепешку в скромную белую бандероль и послали ее мне по указанному адресу.

Некто (*Кто? Кто?*) сказал мне (*Весь город говорит*)², что вы собрались приехать в Северо-Западный Университет³, где пройдет что-то, что он (*КТО*) назвал "симпозиумом", который, по мне, отдает законностью и нежностью, раз уж войны, говорят, все закончились. Если это так, если вы на самом деле по той или иной причине едете сюда, было бы здорово (*Что в этом здорового? Нездоровый интерес!*) (*О, ты это имел в виду?*), если бы отведали энчилад в доме моей мамы (*Что?*) ...понимаете, сеньор, мама — хороший повар, и когда мой брательник возвращается из странствий, а он играет на саксофоне в Техасе, мы с ним

1 Имеется в виду американская чернокожая писательница Зора Нил Херстон (1891–1960). Ее герои говорят на афроамериканском диалекте, которому Гюнсалес пытался подражать фразой ранее.

2 "Весь город говорит" — американская комедия 1951 г. с Кэри Грантом в главной роли.

3 Северо-Западный Университет — учебное заведение, расположенное в Ивенстоне и Чикаго, Иллинойс; основано в 1851 г.

вместе идем в гости к маме поесть *enchiladas*, y que guarpo estan... como se dice?... ya que la casa se quema, calentemonos...¹

И вот еще что: в город едет (бог знает зачем) Джойс Кэрол Оутс² (которую я не оскорблю из боязни, что она в каком-то роде ваш друг), и ей теперь ничего не остается, кроме как отправиться на прием к чувакам со врожденными перегибами личности, ботинки которых замаскированы огромными резиновыми протезами ног, из-за чего люди думают, что они простые парни, а где-то в это время хихикающий соседский мальчишка держит их одежду и водит пальцами по загибам...

Однако, предпочтя Северо-Западному меня, она увидела бы Бобби Блэнда³ в оррингтонской гостинице⁴ и выпила бы пива вместо шампанского ("Курз", пиво в шампанских бутылках). Кроме того, она, вероятно, позабыла дома "Мингуса, представляющего Мингуса"⁵ (я что-то пропустил?) или "Сесила о Переходе"⁶.

Замыкая подозрительный круг (...), я упомяну кафе "белая лошадь", где чисто готовят бутерброды с ветчиной. (Это что, каталог? Нет, это телефонный справочник — Саймон и Шумахер попросили меня написать предисловие к новому "Телефонному справочнику Манхэттена", который будет издан в 1971 году.)

Мистер Драй, мой цирюльник и чистильщик, говорит, что литераторы — "сама предосторожность".

Кроме того, отправившись на прием в Северо-Западный, вы рискуете не встретиться с Гарри Ньюфаундлендом, прославленным телохранителем более не легендарного К.Б. Фелпса (из "Можно лишить "Салема" народ Нассали"⁷), бывшего члена знаменитой авангардной электрической группы "Руди и Ренобопы".

1 Энчилад, и кто осмелится... как говорится... уж если дом горит, хоть погреемся... (исп.)

2 Джойс Кэрол Оутс (р. 1938) — американская писательница, драматург и поэтесса.

3 Бобби Блэнд (Роберт Кэлвин Блэнд, р. 1930) — американский блюзовый и соул-певец.

4 Отель "Оррингтон" в Ивенстоне.

5 Чарльз Мингус (1922–1979) — американский джазовый музыкант, выпустивший в 1960 г. альбом "Чарльз Мингус представляет Чарльза Мингуса".

6 Сесил Тейлор (Сесил Персиваль Тейлор, р. 1930) — американский пианист и поэт.

7 Долгое время сигареты "Салем" рекламировались слоганом "Можно лишить "Салема" народ... но "Салем" народа лишить нельзя!".

Таким образом (возможно, все это ложь), раз уж вы и так к нам едете, найти меня можно (быстро в желтеющем) в моей кранторе, вас ждет самый покойный прием и прочее. (“Заметки о современной схеме официального приглашения”, автор — Снерол Селасног.)

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ информацию вы найдете в Брит. Энциклопедии. Бог знает что вы там найдете. Приемлемо ли создание новых видов хаоса?

Искренерес,

Лоренс

10 марта 1970 года

Дорогой К²!

Я знаю, о чем вы думаете. *Вот еще один набитый дерьмом во-лан от Идальго-Марофера-Мексиканца-Максвелла.* Ну что ж, посмотрите на потенциального неподдельного самозванца. Может быть, я сторож брату своему, выдающий фальсификации за письма Лоренса Гонсалеса, лишь бы вогнать вас в панику.

На самом деле мое подложное внимание привлек тот факт, что на вас и на ваших ближних было наложено проклятие замедленного действия, пробуждающее весьма редкую хворь, которая превращает коровье молоко в масло до достижения им вымени. Единственный способ развеять чары — насытить бестий кормом “Пурина Чав-Чау” (иногда его называют “Завтраком времянеимущих” для СБИВШИХСЯ С НОГ) и послать весь наличествующий литературный материал в журнал “ТриЧетвертальник”¹.

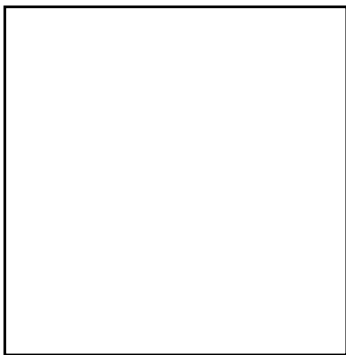
Богобоязненный христианин не допустит, чтобы его семья был причинен вред, и не закроет глаза на предостережение подобных масштабов.

А сейчас, когда мы приперли вас к стенке, позвольте рассказать короткий анекдот, который может в дальнейшем убедить вас **ДЕЙСТВОВАТЬ НЕМЕДЛЕННО**.

1 Журнал “TriQuarterly” — национальный некоммерческий литературно-художественный журнал, издающийся Университетом Северо-Запада с 1958 г.

вырежи и сохрани

Анекдот о Поп-Герое

Когда Лягушка Олден
припрыгал в Зверьгород,
было не до смеха.

Бурый Дакотский Мишка,
глядя ему вслед, вывернул шею
и прирос к своим следам.

Горная Овечка Далля
думала, что ничего круче
она никогда не видала.

И хотя Олден не мог
заводить друзей (он был
одержим смертью),

каждый в городе взялся прыгать.
То был Распоследний Писк. Даже
Змей Цезарь запрыгнул в контору.

Олден сказал: “Квак”, —
и с досады ушел.

Ваш не в Ингтоне,
Лоренс Гонсалес

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Дорогой не-редактор Гонсалес!

Плохой ты не-редактор. *(вещает голос из черной дыры)* Хитрый, едкий, себе на уме и плохой. *(голос почти бесцветный, может, с толикой смирения)* И что хуже всего — заядлый. Зачем беречь старое несчастное чудовище в затопленном подвале Франкенштейнова замка? Чего хорошего можно добиться, увещеваниями вновь пробуждая монстра к жизни, бросая ему наживку сочных ослепляющих словосочетаний, играя на сердечных струнах благих намерений? (На хуй намерения.) Деревенские холят свои вилы, словно дозревшие ордена давней войны, и втихую мечтают о том, как они снова нахлобучат серые фетровые шляпы и запалят факелы для еще одной прогулки в лесу: “Шшшто? Кто-то опять выковырял старую козявку и он живо вступил в ХАМЛ¹? Вот *черт!* Сукин сын! Эй, Бернис, где там плошка с керосином? Ага, этот блядский монстр опять на свободе...”

Или: если деревенские и вправду *изменились* со времени последней серии (я заметил мгновенную панораму детей цветов с пальцами рогаткой), чего еще было ждать после прошлогоднего чудовища, пожравшего моль? А?

Нет ответа. Просто наживка, три умных письма, при творно балабочущих что-то с той стороны дыры — как сыр

1 Христианская ассоциация молодых людей — не политическая международная организация. Американское отделение основано в 1851 г. в Бостоне.

в мышеловке, как брошенная перчатка, как пизда на блюде, как “ебатюшки!” эго, как похвала, как насмешка, как любовь. *(шаткое шушание из дыры, звук непроизвольного сглатывания, желудочный ропот)* А озон, которым я дышу? Боже, брат, да ты ни перед чем не остановишься! *(В отдалении сотрясается железный лист, давя маняще-электронное обещание; в ответ из дыры душераздирающе стонут)* Подожди! Нет! Даже чудовище — только человек. И вот что я сделаю: проводи в дыру телефонный кабель 1-к-10... чтобы мне не надо было выходить наружу... я не переживу очередной победы деревенских остолопов и их своры истеричных кабыздохов... я останусь внутри и... пока по линии течет сок, и если ты дашь мне слово, что тут не появится репортерская шоблабля с фотовспышками и прочей дрянью... я расскажу тебе историю.

Здорово, да? Может, еще косяк? Если тебя не затруднит. Боже мой, смилостивься над моей душой: электричество и дурь.

(из дыры вылетают с шипеньем искры и стфуйка дыма. Раздается тяжелый кашель — словно от стального остова отдирают морские желуды.)

Как насчет фотоальбома с девочками? Хм, *(вдумчиво)* может ли чудовище допустить, что у него есть душа — он ведь искусственный и все такое. *(опять зовет)* Или там классная дрочекнижка, а? Бьюсь об заклад, за последние двадцать лет издали несколько первосортных дрочекнижек; если ты вбросишь сюда классную дрочекнижку и уйдешь, я...

Но сначала история, да? Ладно. Но уговор дороже денег. Когда я покончу с историей, ты приносишь хорошую дрочекнижку, с картинками, если достанешь, а не то я выйду как-нибудь ночью, найду тебя и вздрючу хорошенько, ладно? Ладно.

Хорошо. Герой моей истории... секунду, только переключу потуже провода... это *(неповоротливая трескучая машина нехотя приходит в движение)* это...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАУЧИЛ ВЕТЕР
ВДУВАТЬ СЕБЕ

Он был синоптик по профессии, и была у него жена с холодной и низкой областью давления, от которой падали все барометры в радиусе десяти кварталов, и дурным запахом изо рта в придачу... вот он и сбежал от женушки подалее на природу, на холмогорье, куда жирные чавычи несли с юга тепло, лежал, обнажась, на надувном матрасе и говорил с ветерками на стеклооком закате, обнадеживая их и подлизываясь к ним так, как умеют одни только профессиональные метеорологи. В иной прекрасный день он позволял ветрам уговорить себя. Беседа продолжалась, и приходившие к нему ветра неизбежно начали умнеть. Они видели, сколь выгодны ему их скромные соображения; разве не справедливо было получить что-то взамен? В общем, в один особенно прелестный день они поставили ему ультиматум: если он не воздаст ветрам по полной программе за те услуги, что они ему оказали, не сносить ему головы.

— Вам это надо? — сказал он своим маленьким друзьям. — Я не позволю компашке юных выскочек вертеть мной так, как вертит старая область низкого давления у меня дома. Я накачу на вас громом!

Но то была пустая угроза, о чем знали все причастные. Прошло немного дней, и он вернулся на холмы с мольбами и дарами, принес все — флюгеры, ветроуказатели, вырезавшие в небе длинные серебряные выемки, — но ветра на это не купились.

— Так *чего же* вы, блядь, хотите? — Он понимал, чего они хотели, но не мог дать им прочухать, что в состоянии доставить требуемое. — Ну же?

Но откуда им было знать? Он охмурил их, невинных девственниц, искусством. Он вкрадчиво их обнадежил. Он был компетентен. Его дело было — знать.

Несколько недель он пребывал в тупике. Даже перестал ездить на холмы. И вот однажды летним вечером, когда он был дома и его жена горбилась в комнате, читая “По-

пулярную механику”¹ и обгладывая холодную куриную ножку, переговоры возобновились.

— Хм? — сказал он. Он сидел за столом и сверял прогнозы за неделю с тем, что случилось на самом деле, когда ощутил контакт. — Хм, — сказал он еще раз; его жена встала и прошла мимо.

— Приму ванну, — объявила она поверх хрящика, — ты все равно просидишь весь вечер, хмыкая словно жаба. — Она остановилась на мгновение, ожидая очередного “хм”, но муж ее, казалось, забылся, будто услышал какой-то звук за окном. Она бросила взгляд на застекленную дверь — сумеречный двор был пуст и тих. — Угрюмая жаба, — сказала она и возобновила путь в ванную.

Стоило ей закрыть за собой дверь и пустить воду, как синоптик возложил руки на графики и прошептал:

— Добрый вечер? — Он замер, сиюсь услышать ответ, но неподвижные занавески висели как влитые. — Слава богу, что ты пришел, — сказал он, глядя в окно. — Я сходил с ума. Ты не представляешь... Ты какой из них? — Он не знал, сможет ли отличить один ветерок от другого, и есть ли вообще разные ветра, или они все — лишь части, *характеристики* единого целого. Он распознавал их лишь по обстоятельствам встреч. — Ты — маленькая телка, что пахнула на меня свежей люцерной в Бикон-Хилле — нет? Или ты — тот раскрашенный малыш с роем пчел во рту? Э?

Занавески висели. Листья на сетках лежали не шелонувшись. Возможно, он ошибся. Вздохнув, он опустил голову. Его жена вернулась из ванной, завернувшись в полотенце, абрикосовое, по краю которого были вышиты маленькие белые снежинки. Он смотрел, как она идет мимо него, и приготовился было опять вздохнуть, но тут — бам! — застекленные двери расхлестнулись, и полотенце сорвало, замотало туда и сюда, выдрало из яростного захвата женщины, обмотало вокруг ее лодыжек, а саму женщину повалило на ковер словно огромный розовый шар. Онемевший си-

1 “Популярная механика” — американский научно-популярный журнал, издающийся с 1902 г.

ноптик смотрел, как ветер распускает мокрые волосы его жены, оказавшейся на полу. Смотрел, как ярость в ее взгляде уступает место похотливой неге — он и представить себе не мог, что она на такую способна. По тому, как раздвинулись ее бедра, как возникала и исчезала огромная впадина, обнажающая естество, синоптик заключил, что его дом принял в тот вечер не маленькую телку и не зефир, но настоящего вихрь-быка.

Вследствие чего забрезжило подозрение: возможно, *все* его старые компаньоны с холмов были гомосексуальной природы. Этот страх и явное наслаждение жены окончательно подорвали уже осыпающуюся уверенность в себе несчастного злочестивца. Высокое качество его погодных трудов дало течь. Предсказаниям синоптика недоставало обличения. Зрители, смотревшие его погодную программу, были не в состоянии осознать, что именно в синоптике внушает им отвращение; но и малейшей оплошности хватило, чтоб они сурово потребовали его отставки. “А теперь — понос на завтра...” — эта оплошность стала последней. Когда он уведомил жену о наставшей безработице, она тут же с морсящим намеком в голосе сказала, что на время кризиса переберется в Чикаго, где поживет у сестры.

— Чикаго? — Он не мог поверить в то, что происходило; все случилось так быстро.

— Точно так, — сказала она, призывая рукой спецов мебельных перевозок... — Чикаго.

Он переехал в гостиницу. Потом — в гостиницу подешевле. Его видели все реже и реже, в основном — во время походов к еженедельному окошку безработицы или в аптеку, где он отоваривал дюжину рецептов в угоду осложнившейся эмфиземе... спешащим от здания к зданию, в тяжелом черном пальто, которое он стал носить постоянно, в любую погоду, окутывая воротником шею так, будто сражался с бураном.

— Отчаянный случай, — такой диагноз выдал один из немногих друзей синоптика; в подобных ситуациях лучше всего отпустить человека плыть к своему дрянному

концу с максимально возможной скоростью. Изгой и ветошь; поставим на нем крест. Но у ветров судьбы всегда есть пара тузов в рукаве для изгоев — чтоб не расслаблялись.

Был декабрьский полдень, небо походило на холодную смазку. Зажав в тощей руке ворох рецептов, точно они назначались в дар другому скелету, наш экс-синоптик скользил вдоль бетонных конструкций, и тут его ослепила летающая спортивная страница. С визгом вцепившись в застлавший ему глаза газетный лист, он выбежал прямо на проезжую часть и был сбит микроавтобусом “фольксваген” с номерами Иллинойса. Спортивная страница отшелушилась, и он увидел через анестетическую пелену преждевременно состарившееся лицо своей жены. Ее глаза сияли, голос дрожал; она молила о прощении и вопрошала, не может ли, не *соблаговолит* ли он разрешить ей о нем заботиться хотя бы до момента, когда он опять сможет ходить, Боже мой, *пожалуйста!*

Синоптик скосил глаза к переносице, чтобы прояснить сознание, с толикой былой выправки оценил знаки — ничего не спрашивая — и сделал прогноз:

— Не знаю, сможешь ты или нет. У тебя есть деньги?

Немного. И “фольксваген”. Но она может работать! Ночами! Отдав долг услужения днем, ночью она может работать на консервной фабрике. И еще — он заметил, что ее голова то и дело дергается, а глаза ловят каждое движение тени за больничным окном — быть может, будет лучше, если они станут жить в одной квартире? Из экономии? Пока он не встанет на ноги?

— Попробуем денек-другой, там и решим, — ответил он и стал держать ее на расстоянии ради остатка бывших отношений.

О Чикаго они больше не спорили. Разве что время от времени, сидя на крыльце, возможно с чашей горячего промасленного попкорна на укрытых одеялом коленях, и зная, что жена поблизости, он задумчиво произносил несколько слов.

— Чикаго, — говорил он будто себе самому, — должно быть, классный город. Надо будет подбить подружку, чтобы как-нибудь меня туда прокатила.

Мораль? В условиях сделки об этом ничего не сказано, но я, так и быть, подброшу мораль за еще один косяк, вот так, молодчина... *(из дыры опять дымит, слышно почесывание)* ну вот, мораль в том, что я знал: этому парню надо было в первую очередь держаться от ветра подальше, потому что вы же сами видите: на любом авеню куда ни глянь — всюду старые седовласые пердуны соревнуются, кто пожестче бросится под машину или на вилы, и все тропы заминированы, кроме подождите и займите мое место в очередь на бойню ясно? Идите уже, убирайтесь с миром, и дробчечкижку можете не приносить, писем будет достаточно...

(из дыры идет дым, там тишина судорожно стискивает челюсти, и сердечно ваш,

Кен Кизи

К Е Н К и з и

Гаражная распродажа

Редактор М.Немцов

Корректоры Е.Варфоломеева

Компьютерная верстка К.Москалев

ООО “Издательство “Эксмо”.

107078, Москва, Орликов пер., д. 6
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта — info@eksmo.ru

Подписано в печать 9.2.2007. Формат 70×100 ¹/₃₂.
Гарнитура НьюБаскервиль. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17. Тираж экз.
Заказ №